

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А.С. ПУШКИНА

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКСИОЛОГИЯ И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Материалы
III Международной научной конференции
«Современная российская аксиосфера:
семантика и прагматика идентичности»

14–15 ноября 2024 года

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А.С. ПУШКИНА

АКСИОЛОГИЯ И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Материалы
III Международной научной конференции
«Современная российская аксиосфера:
семантика и прагматика идентичности»
14–15 ноября 2024 года

Москва
2024

УДК 130.2 + 81.11

ББК 87.53 + 81

А 41

*Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.
Протокол № 8 от 3 марта 2023 года.*

Рецензенты:

Кустова Г. И., доктор филологических наук, главный научный сотрудник
отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского
языка им. В. В. Виноградова РАН

Огольцева Е. В., доктор филологических наук, профессор кафедры русского
языка Московского педагогического государственного университета

А 41 Аксиология и когнитивная лингвистика. Материалы III Международной
научной конференции «Современная российская аксиосфера: семантика
и прагматика идентичности» 14–15 ноября 2024 года [Электронный ресурс] /
М. С. Милованова (отв. ред.); В. И. Карасик, Т. Б. Радбиль, Г. Г. Слышкин,
П. А. Катышев, Э. А. Китанина, Н. А. Боженкова, С. В. Ионова, Л. М. Гончарова,
Р. Е. Тельпов, Ю. В. Роговнева. – Москва : Государственный институт русского
языка им. А. С. Пушкина, 2024. – 458 с.

ISBN 978-5-98269-343

В сборник вошли материалы III Международной научной конференции
«Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности»,
состоявшейся 14–15 ноября 2024 года в Государственном институте русского
языка им. А. С. Пушкина.

ISBN 978-5-98269-343

Статьи печатаются в авторской редакции.

УДК 130.2 + 81.11

ББК 87.53 + 81

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2024

**АКСИОЛОГИЯ
И
КОГНИТИВНАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	10
------------------	----

РАЗДЕЛ 1. АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ТИПОВ ДИСКУРСОВ

Акимова Э. Н., Цзян Юе

Основные аксиологические характеристики научно-технического дискурса.....	12
---	----

Буров А. А., Китанина Э. А.

Языковые способы выражения ценностей в системе интернет-трейдинга QUIK банка ВТБ.....	16
---	----

Гапутина В. А., Коновалова А. М.

Комплимент и антикомплимент как тактики управления дистанцией в портретном интервью.....	21
--	----

Гвоздарева И. С.

Символизация Парижа в произведении Эмиля Золя.....	26
--	----

Гершанова А. Ф.

Дискурсивно-оценочный потенциал широкозначных глаголов (на примере глагола «сделать»).....	30
--	----

Гончарова Л. М.

Акцентуация аксиологических смыслов в рекламных текстах сферы туризма.....	35
--	----

Грак К. А.

Язык публицистики: интертекстуальный аспект.....	40
--	----

Еэрбаота Нуэрпулати

Аксиологический аспект прецедентных высказываний русского языка (на примере речи китайских студентов Института А. С. Пушкина).....	44
--	----

Жаркынбекова Ш. К., Долдинова С. А.

Аксиологические аспекты политического дискурса в Казахстане (на материале публичных выступлений казахстанских политиков).....	50
---	----

Кириллова Е. А.

Заемствования в рекламе для женщин как средство фатической модальности.....	56
---	----

Киуру К. В., Линьков С. В.

Художественное пространство сериала как репрезентант смещенных ценностей героя.....	60
---	----

Конотопова А. Л.

Информативный объем предложений в тифлокомментировании.....	64
---	----

Кузнецов И. А.

Ценностные установки в национально обусловленных моделях фатической вопросно-ответной диалогической коммуникации на русском языке.....	69
--	----

<i>Ле Ван Ань, Мамонтов А. С.</i> Ценностно ориентированный подход как основа формирования кросс-культурной компетенции при обучении языку как средству межкультурной коммуникации.....	75
<i>Морозова Н. В.</i> Диэремы на стыках однозначных слов в современном русском языке.....	80
<i>Радбиль Т. Б.</i> Корпусно-дискурсивный анализ «языка ценностей» в современной отечественной медиаречи Интернета: прилагательное «знаковый».....	84
<i>Саакян Л. Н.</i> Аксиология фатического общения: структура, интенции, оценка.....	91
<i>Северская О. И.</i> Корпусная аксиология слов-идеологем: «Ценности», «Общность», «Скрепцы».....	96
<i>Скнарев Д. С.</i> Образ автомобиля и языковые средства его создания в текстах маркетинговых коммуникаций (на материале онлайн-журналов).....	105
<i>Соловьева Ю. О.</i> Аксиологические характеристики презентационного популярно-юридического дискурса.....	110
<i>Ступина Е. С.</i> Риторический код панегирического описания в политическом дискурсе как отражение аксиологического фона общества.....	115
<i>Су Хэцин</i> Тенденции развития неологизмов в интернет-коммуникации (на примере способов выражения смеха в соцсетевом дискурсе).....	120
<i>Тань Цзе</i> Аксиологическое содержание образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе.....	126
<i>Тельнов Р. Е., Мазила Г. Д. С.</i> Пословицы с названиями животных в русской и конголезской лингвокультурах.....	131
<i>Фу Хуэйюй</i> Лингвоаксиологические особенности рекламного дискурса (на материале китайского языка).....	136
<i>Чэнь Сюцин</i> Зооморфный образ Китая в российском медийном дискурсе в лингвокультурном аспекте.....	143

РАЗДЕЛ 2.
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ
АКТУАЛЬНОЙ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Ватина А. Е. Частнооценочные значения фразеологических оборотов о мужчинах и женщинах в бисубстантивных предложениях.....	149
Вострикова О. В. Коммеморативность современных названий российских университетов, содержащих антропонимы.....	155
Дубровская Е. М., Грищенко Е. И. Аксиологические доминанты русских антипословиц с компонентом-этнолингвомаркером.....	164
Журавлев С. А. Аксиологема «Отец» в патерналистском дискурсе.....	170
Мочалова Т. И., Ян Кэ Аксиологическая характеристика фразеологизмов с компонентом-зоонимом в русском и китайском языках.....	175
Нестерова Т. В. Отражение ценностей современных студентов-филологов в их отзывах о книге «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов».....	180
Панчехина М. Н. Лингвокультурная идентичность дончанина в аксиологическом аспекте.....	192
Паршина О. Д. Аксиологические особенности прецедентного феномена «прирастать Сибирью».....	197
Семенова Ю. В. Лингвокогнитивные характеристики образа женщины в дискурсе современного телемагазина.....	203
Тельнов Р. Е., Кумба С. Б. Татьяна Фразеологизмы, содержащие названия продуктов питания, в русской лингвокультуре и лингвокультуре Республики Конго.....	209
Теркулов В. И. Языковая, социокультурная и политическая идентификации личности как конструкторы ее этнического профиля.....	214
Юрченко Н. И. Особенности лингвистического самовосприятия у молодых людей различных групп.....	221

**РАЗДЕЛ 3.
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ:
СЛОВО И КОНЦЕПТ**

<i>Абакумова О. Б.</i>	
Пословичный концепт «Счастье»: онтологический, аксиологический и модальный аспекты.....	225
<i>Богуславская В. В., Ратникова А. Г.</i>	
Образ «семья — малая церковь» в современном российском медиапространстве.....	233
<i>Боженкова Н. А., Апалькова Т. В.</i>	
«Зрелый возраст» в российском новостном криминальном дискурсе.....	237
<i>Бударagina Е. И.</i>	
Развитие коннотативных значений у гастронимов.....	243
<i>Ван Цяньцян</i>	
Концепт «Семья» и его метафорическая логика в творчестве Юй Хуа.....	249
<i>Воркачев С. Г.</i>	
Символизация абстракций и геометрия символа в языковом воплощении.....	253
<i>Карасик В. И.</i>	
Символизация стекла в русской лингвокультуре.....	257
<i>Коренева Ю. В.</i>	
Религиозные смыслы русского слова в лингвокультурном и аксиологическом контексте: <i>милосердие</i> и <i>справедливость</i>	266
<i>Маркелова Т. В.</i>	
Триада аксиологических знаков – функция, прагмема, коннотация – как семиосфера оценочной лексики.....	272
<i>Огородняя О. В.</i>	
«Москва златоглавая» как метафорический концепт в сознании россиянина.....	278
<i>Тан Бэйбэй</i>	
Аксиологические характеристики концепта «Вдохновение» в русской лингвокультуре (на материале Национального корпуса русского языка).....	285
<i>Тельнов Р. Е.</i>	
Регионализмы и лингвистические лакуны.....	290
<i>Цао Ли</i>	
Аксиологическое содержание концепта «Жалость» в русской паремиологии.....	297
<i>Чжао Сюэмэй</i>	
Особенности глаголов в городских слоганах в России с позиции их семантической классификации.....	301

Швецова О. А.

К вопросу о функционировании лексемы «Семья» в русском языке....305

РАЗДЕЛ 4.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВЫХ КАТЕГОРИЙ И ЕДИНИЦ: ДИАХРОНИЯ, СИНХРОНИЯ, МИКРОДИАХРОНИЯ

Ван Пейдун

Семантическая трансформация слова «деликатный».....311

Красоцкая М. Д.

Аксиогенный потенциал ситуации эпидемии и ее отражение
в идиомах видеоигры «Помни...».....315

Марьянчик В. А.

В лабиринте оценочных помет319

Милованова М. С.

Предикативно-падежные формы существительного в аспекте
лингвоаксиологии.....326

Ондонго О., Тельпов Р. Е.

Иерархия названий внутригородских объектов Бразавиля
и Москвы в сопоставительном аспекте.....333

Сирота Е. В.

Концепт «Стыд» как репрезентант национальной ценностной
картины мира.....340

Циммерлинг А. В.

От божьей правды к уступке.....346

Хэ Юань

Лексема «Фэншуйно» и ее функционально-семантический
потенциал в сетевой коммуникации.....353

Чернышева М. П.

Семантическое поле «веселый дружеский отдых» в развитии.....357

Чжан Тунюэ

Аксиологический потенциал лексемы «Игра» в современном
русском языке.....363

РАЗДЕЛ 5.

ЦЕННОСТИ И ЦЕННОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Арязмова О. В., Долгова В. В.

Реконструкция языковой личности литературного персонажа:
аксиологические характеристики образа Дафны (на материале
цикла Д. А. Емца «Мефодий Буслаев»).....368

Борзенкова А. Ю. Ценность пунктуационного знака (на материале поэтических текстов И. Бродского).....	374
Дацко Д. А. Креолизованный поэтический интернет-текст в аксиологическом аспекте.....	380
Зарецкая С. А. Аксиология русского поэтического текста: основные аспекты на примере поэзии Бориса Рыжего.....	386
Ионова С. В. Новые ценностные парадигмы и их отражение в текстах современной патриотической поэзии.....	390
Литвиненко А. Е. Специфические функции тире в романе Н. Ю. Абгарян «С неба упали три яблока».....	399
Молодцова В. А., Вертинская О. М. Семейные ценности и культурная память в романе Наринэ Абгарян «Люди, которые всегда со мной».....	403
Правда Е. А. К вопросу об аксиологическом потенциале сравнений в художественном тексте (на материале поэзии М. Ю. Лермонтова).....	409
Насибуллова Г. Р. Ценностные ориентиры и их языковая репрезентация в художественном дискурсе С. Павловой и Х. Филдинг.....	415
Редькин С. В. О сценической, узуальной и дискурсивной метонимии (на материале пьес М. Булгакова).....	419
Хомук Н. В., Су Тэнфэй Художественный мир повести А. И. Куприна «Олеся» и его рецепция в переводе Лань Инняня.....	426
Уржа А. В. О прагматическом аспекте классификации слов, вводящих прямую речь в русских текстах.....	432
Федорова Е. Л. Речевые стратегии как способ актуализации ценностных ориентиров в тексте романа «Господа Головлевы».....	437
Щербакова-Калинина А. А. «После нас»: попытка интерпретации текста через его синтаксическое устройство.....	445
Сведения об авторах.....	451

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Именно русский язык несет в себе культурный код
и духовность нашего государства.*

В. Г. Костомаров

В сборник вошли материалы *III Международной научной конференции «Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности»*, состоявшейся 14–15 ноября 2024 года в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина.

Ракурс рассмотрения – *лингвоаксиология* – предполагает разнообразие подходов в изучении оценок и ценностей, отраженных в языке, и определенный люфт для автора-исследователя в выборе конкретного направления в осмыслении этой темы.

Эпиграф программирует основной вектор конференции – в сборнике находят отражение проблемы взаимосвязи языка и мышления, языка как носителя культурного кода: предмет изучения каждой статьи – это взгляд на определенный факт, попавший в поле зрения автора и фиксирующий ценностную картину мира с позиций языка и культуры.

Если представить структуру лингвоаксиологии как многоуровневую, с выделением уровня *аксиологической семантики лексических единиц*, уровня *аксиологической семантики синтаксических единиц*, *аксиологической семантики форм* и уровня *аксиологической семантики текста-дискурса*¹, то именно текст-дискурс аккумулирует возможности предыдущих уровней. Раздел «*Аксиологические характеристики современных типов дискурсов*» представлен в сборнике наибольшим количеством статей. В частности, серия статей посвящена языковым тенденциям в медийном дискурсе, в целом – в интернет-коммуникации, являющейся той средой, в которой формируются и тиражируются актуальные ценностно-оценочные ориентиры.

¹ Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М. С. Милованова (отв. ред.). М.–Ярославль: Рос. акад. наук, Ин-т языкознания: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2022. 390 с.

Предисловие

На конференции было представлено направление *«Ценности и ценность художественного текста: лингвистический аспект»*: художественный текст как особый вариант отражения и осмысления действительности. Новый ракурс – в *лингвоаксиологическом освещении* – позволяет взглянуть на художественный текст

1) с позиций отражения онтологических и сиюминутных ценностей;

2) с позиций авторских предпочтений в выборе языковых средств, лексических и грамматических: синтаксическая организация текста становится маркером оригинального авторского почерка.

Разделы *«Аксиологические параметры актуальной русской языковой картины мира»*, *«Аксиологические аспекты семантики: слово и концепт»*, *«Аксиологический потенциал языковых категорий и единиц: диахрония, синхрония, микродиахрония»* – ставшие традиционными для сборников предшествующих конференций (2021, 2023)². Мир изучается в его движении и развитии через призму языка/речи/дискурса, с преодолением сложившегося в лингвистике противопоставления между синхронией и диахронией. В современной ценностной картине мира традиционные ценности и новые вступают в сложный диалог, поэтому оказываются столь важными наблюдения на уровне *микродиахронии* – в рамках небольшого промежутка времени, равного ситуации «текущего момента» или ей предшествующих (условно) 5–10–20–25 лет.

Думается, что наш форум, собирающийся раз в два года (*биеннале*, по остроумному замечанию одного из участников конференции), способствует оформлению современной научной парадигмы – *лингвоаксиологии* как перспективного направления в развитии когнитивной лингвистики.

² Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. Сборник материалов Международной научной конференции (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 30–31 октября 2020 г.). М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2021; Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. Сборник материалов II Международной научной конференции (27–28 октября 2022 г.). М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2023.

РАЗДЕЛ 1.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ТИПОВ ДИСКУРСОВ

ОСНОВНЫЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Акимова Э. Н. (Москва, Россия)

Цзян Юе (Москва, Россия)

Аннотация. *Статья посвящена анализу научно-технического дискурса с точки зрения ценностных ориентиров. Автор разделяет и объединяет два понятия – научно-технический дискурс и дискурс, берет за основу концепцию дискурса и рассуждает о будущих тенденциях применения научно-технического дискурса через определение научно-технического дискурса, характеристики научно-технического дискурса и источники аксиологии научно-технического дискурса.*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of scientific and technical discourse from the point of view of value orientations. The author separates and combines two concepts – science and technology, scientific and technical discourse, takes the concept of discourse as a basis and discusses future trends in the application of scientific and technical discourse through the definition of scientific and technical discourse, characteristics of scientific and technical discourse and sources of axiology of scientific and technical discourse.*

Ключевые слова: *аксиологическая характеристика, дискурс, научно-технический дискурс.*

Keywords: *axiological characteristic, discourse, scientific and technical discourse.*

Дискурс, понимаемый как текст, погруженный в ситуацию общения, допускает множество измерений и типов. Поэтому можно понимать и анализировать дискурс с разных точек зрения. Карасик В. И. считает, что с позиций прагмалингвистики дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного

содержания [Карасик, 2000]. Разные типы дискурса применимы к разным коммуникативным ситуациям.

В современной лингвистике все более утверждается представление о речемыслительной деятельности человека как способе переживания/освоения/оценивания опыта в определенных ситуациях жизненного мира и его материализации через дискурсивные/текстовые образования в их воздействующем качестве социальных практик через процессы формулирования значимых смыслов [Серебренникова, 2011]. Причина анализа дискурса с точки зрения его сочетания с теорией стоимости заключается в том, что язык как феномен культуры фиксирует и отражает некоторым опосредованным образом как систему ценностей, настроения, оценки, существующие на данный момент в данном социуме, так и ценности, являющиеся вечными для данной культуры. Более того, язык, непрерывно взаимодействуя с культурой и мышлением, формирует носителя языка как личность, принадлежащую к данному социокультурному сообществу, навязывая и развивая систему ценностей, мораль, поведение, отношение к людям [Тер-Минасова, 2000].

Научно-технический дискурс – это важный тип дискурса с характерными особенностями. Научно-технический дискурс представляет собой совокупность вербальных и невербальных средств, используемых специалистом для обмена специфической информацией в научно-технической профессионально-ориентированной сфере общения. Данная сфера включает большое разнообразие предметных областей научно-технического характера [Терпак, 2017]. С развитием науки и техники роль научно-технического дискурса в современном обществе возросла, так что их влияние на процессы конструирования ценностной матрицы и, как следствие, общественной и индивидуальной картин мира является бесспорной.

Развитие коммуникационных технологий привело к тому, что аудитория в области науки и техники расширилась от практиков до широкой общественности на современном этапе развития общества, когда бесконечно расширив информационные границы, информация, передаваемая аудитории в области науки и техники, также является носителем, отражающим объективное познание и ценностные ориентации. В то же время научно-технический дискурс как наука неразрывно связан с лингвистикой, культурологией и другими гуманитарными и общественными научными дисциплинами. Поэтому изучение аксиологических характеристик научно-технического дискурса должно охватывать интеграцию дисциплин, социальное развитие, язык и культуру.

Аксиологические источники научно-технического дискурса можно разделить на три основные группы: (1) Материальные и духовные блага научно-технического прогресса. Научно-технический прогресс не только приносит экономическую выгоду государству и обществу, но и способствует более глубокому изучению человека и устойчивому развитию науки и техники.

(2) Наука и техника способствуют социальному развитию и развитию человеческой цивилизации. Наука и техника изменили способ производства и жизни людей, повысили производительность общества и в то же время способствовали развитию и продолжению человеческой цивилизации.

(3) Влияние научно-технического развития на человеческие ценности и образ мышления. Ряд этических и моральных проблем, возникших в результате развития науки и технологий, привел к новому осмыслению отношений между наукой и технологиями и человеком. В качестве примера можно привести влияние развития искусственного интеллекта на человека.

В настоящее время в отечественной аксиологии ценность определяется как «значение объекта для субъекта». Это значение может быть как положительным, так и отрицательным [Гибагова, 2014]. Поэтому, когда речь заходит о характеристиках научно-технологического дискурса с точки зрения теории ценностей, его следует анализировать на нескольких уровнях.

К основным характеристикам научно-технического дискурса относятся, информативность, логичность, точность и объективность, ясность и понятность, аргументированность изложения [Александрова, 2011]. Выше перечислены в основном текстуальные особенности технологического дискурса, а его особенности с точки зрения аксиологии имеют как сходства, так и различия с вышеперечисленными особенностями. В характеристиках научно-технического дискурса с точки зрения теории аксиологии большее внимание уделяется единству и балансу.

Первая аксиологическая характеристика научно-технического дискурса – единство объективности и субъективности. Научно-технический дискурс должен основываться на объективных фактах и научных доказательствах, но при этом учитывать привычки мышления и манеру речи пользователей языка. Научно-технический дискурс включает в себя не только письменную, но и устную речь, поэтому необходимо учитывать его универсальность, обеспечивая точность и строгость.

Вторая аксиологическая характеристика научно-технического дискурса – единство универсального и партикулярного. Научно-технический дискурс должен не только следовать универсальным научным законам, но и учитывать различия в разных культурных и социальных средах. С научно-техническим прогрессом и развитием средств массовой коммуникации аудитория научно-технического дискурса постепенно расширяется, что предъявляет повышенные требования к понятности научно-технических текстов. Углубление обменов и сотрудничества между странами также требует интеграции и совершенствования научно-технического дискурса.

Третья аксиологическая характеристика научно-технического дискурса – единство динамизма и стабильности. Научно-технический дискурс развивается вместе с научно-техническим развитием и социальными изменениями,

но при этом он должен сохранять определенную степень стабильности для обеспечения научной рациональности и социального порядка.

Языковая деятельность индивида немыслима вне социума как естественной среды существования людей и, соответственно, вне сложившейся идеологической системы общественной морали, науки, искусства и религии. В свою очередь, язык-речь, объективирующий общественно значимые смыслы, обладает безусловной социальной властью [Слышкин, 2001]. Средства коммуникации состоят в основном из вербальных и невербальных средств. Дискурс играет очень важную роль в вербальной коммуникации. Аксиологическое пространство научного текста конструируется многочисленными лексико-грамматическими единицами, образующими специализированный класс оценочных средств научной речи, а также отдельными текстовыми фрагментами, которые выражают оценочные смыслы в широком диапазоне контекстуального окружения [Баженова, 2019].

В зависимости от характеристик самого технологического дискурса и его характеристик с точки зрения аксиологии он может применяться в различных областях и сценариях. Например, в научно-технической политике: научно-технический дискурс играет важную роль в выработке стратегий научно-технического развития и трансформации научно-технических достижений, а его объективные и строгие текстовые характеристики могут отражать как официальный характер национальной политики, так и точность конкретного содержания различных научно-технических достижений. Что касается распространения науки и технологий, то популяризация научно-технических знаний и продвижение научно-технических достижений осуществляются в основном посредством научно-технического дискурса. Стабильность и динамичность научно-технического дискурса способствует развитию науки и техники, а также делает достижения науки и техники доступными в более широком диапазоне областей.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно сделать краткие выводы. Как особый вид социального дискурса научно-технический дискурс играет все более важную роль в современном обществе. Человеческое общение достигло новых высот, а слияние языка и технологий постепенно разрушает традиционные барьеры и границы, позволяя нам соединяться, понимать и общаться друг с другом беспрецедентными способами. Аксиологическая характеристика научно-технического дискурса является ключом к пониманию и оценке научно-технического дискурса, который воплощает в себе сложную и глубокую связь между наукой, технологиями и обществом.

Литература

1. Баженова Е. А. Аксиологическое пространство научного текста / Е. А. Баженова // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов Международной научной конференции

(УрФУ, 15–17 октября 2019 г.). Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. С. 13–14.

2. Гибатова Г. Ф. Аксиология в языке // Вестник ОГУ. 2011. № 2 (121). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologiya-v-yazyke> (дата обращения: 18.10.2024).

3. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

4. Серебrenникова Е. Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа / Е. Ф. Серебrenникова // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография / отв. ред. Л. Г. Викулова. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. С. 7–27.

5. Слышкин Г. Г. Аксиология языковой личности и сфера активной лингвистики // Социальная власть языка: сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С. 53–64.

6. Терпак М. А. Компаративный подход к изучению научно-технического дискурса (на основе организации научно-технической статьи на русском и английском языках) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komparativnyy-podhod-k-izucheniyu-nauchno-tehnicheskogo-diskursa-na-osnove-organizatsii-nauchno-tehnicheskoy-stati-na-russkom-i> (дата обращения: 17.10.2024).

7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ В СИСТЕМЕ ИНТЕРНЕТ-ТРЕЙДИНГА QUIK БАНКА ВТБ

Буров А. А. (Москва, Россия)

Китанина Э. А. (Москва, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются ценностные ориентиры и языковые способы их выражения в современном сетевом банковском дискурсе на примере текстов системы интернет-трейдинга Quik банка ВТБ. Исходными предпосылками работы являются положения аксиологии и бизнес-коммуникации. Задачи исследования решаются методами наблюдения и прагматического анализа текста.

Abstract. The article examines value guidelines and linguistic ways of expressing them in modern online banking discourse based on the texts of the Quik Internet trading system of VTB Bank. The initial preferences of rabmiates are axiology and business communications. The research objectives are solved by methods of observation and pragmatic text analysis.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентиры, сетевой банковский дискурс, интернет-трейдинг.

Keywords: values, value orientations, network banking discourse, Internet trading.

Политические процессы и процессы социокультурной трансформации в мире отмечены повышенным интересом к ценностям как созидательным ориентирам различных социальных групп. Проблема ценностных ориентиров актуальна и широко обсуждается на страницах российских научных публикаций, в том числе и связи с новыми вызовами российской экономической политики. Как отмечает П. Е. Матвеев, «возникла общественная и индивидуальная потребность в новом видении мира, в новых формах сознания, и они были созданы творчеством человека. Теория ценностей возникает как средство самозащиты общества и личности на новом этапе их бытия» [Матвеев, 2017, с. 17]. Нельзя не заметить, что *стабильность* как ценность выступает сегодня на передний план: *стабильность* как постоянство, непоколебимость, твердость ассоциируется с известным выражением *твердо стоять на ногах*. Человеку свойственно искать опору, материальную стабильность, и лингвомаркетинг банковской сферы предлагает такую стабильность в виде множества предложений, вступая в коммуникацию с потребителями. «Коммуникации представляют собой составную часть маркетингового комплекса, являющиеся связующим звеном элементов производственно-хозяйственной системы, которые осуществляют передачу информации потребителям, для повышения привлекательности продуктов и услуг организации для целевой аудитории» [Константинова, 2016, с. 1106]. В России последнего десятилетия наблюдается усиление банковской конкуренции. Этот процесс, как следствие развития свободного рынка банковских продуктов, усиливается, становится более динамичным и гибким. Известно, что банки начали интенсивную борьбу за своего клиента, предлагая различные сферы деятельности для вложений населения. Ср.: *Кредиты ВТБ. Проще, чем вы думали. Кредиты по малому бизнесу. Большое преимущество для больших идей*.

Анализируя лингвомаркетинговые особенности банковского дискурса, исследователи отмечают, что «в сфере экономических отношений банк является кредитно-финансовым учреждением, реализующим функции мобилизации денежных доходов и сбережений и превращение их в капитал, предоставления кредитов, осуществления денежных расчетов, выпуска ценных бумаг ... банк выступает в роли финансового оператора, кредитора, посредника в платежах. Языковая экспликация данных статусно-ролевых характеристик банка реализуется на лексическом уровне» [Махортова, 2012, с. 155].

В сложившейся сегодня ситуации потребность в активизации системы продвижения усиливается низкой дифференциацией банковских продуктов. Все новые продукты (портфели) в банковском секторе быстро копируются

конкурентами. В таких условиях важным становится способность банка выделиться на фоне других финансово-кредитных организаций, показать потенциальным клиентам уникальность своих продуктов в соответствии с ценностными ориентирами граждан. Способом дифференциации банка в конкурентной среде является активное использование инструментов продвижения своих продуктов. «Рост конкурентных банковских стратегий привел субъектов рынка к выбору оптимальных сообщений и соответствующих задачам каналов коммуникаций, способных обеспечить наибольшую отдачу от инвестиций, как с точки зрения финансовых результатов, так и с точки зрения наращивания лояльной клиентской базы. Эффективное продвижение продуктов и услуг в финансовой сфере и формирование контента антикризисной коммуникации становятся актуальной проблемой» [Музыкант, Музыкант, 2016, с. 118].

Следует отметить, что, осуществляя многоаспектные задачи по продвижению банковских продуктов и услуг, создавая, дополняя продвигающие/продающие тексты в цифровой среде, копирайтеры от банка – а это копирайтеры, редакторы, менеджеры по работе с клиентами, специалисты по стратегическому планированию рекламы, SMM-менеджеры, геомаркетологи, affiliate-менеджеры и мн. др. специалисты – не имеют должной лингвистической базы в виде актуальных словарей, справочников, пособий, регламентов и пр. Например, по нашим наблюдениям, при анализе содержания экономических, юридических, энциклопедических и других словарей дефиниции терминов банковской сферы не успевают за объяснением новых терминов, уже «запущенных» в широкий обиход через банковские цифровые каналы коммуникации. Например, слово *трейдер* есть далеко не во всех словарях, а понятие *трейдинга* (с лексическим значением, образовавшимся на русской почве) вовсе нет. Простой перевод слова *трейдинг* с английского мы исключаем. Семантическая же трансформация англицизмов экономической тематики известна всем. Достаточно вспомнить лексическое значение слова *менеджер* в современном русском языке. Итак, *trader* – биржевой маклер; трейдер: а) физическое лицо, участник биржевых операций, осуществляющий биржевые сделки за собственный счет или по поручению клиентов, не является биржевым работником, не находится в штате биржи, не организует биржевые торги; работник брокерской участвующий в биржевой торговле. Syn: broker-dealer, local trader, broker-trader [Русина, 2015, с. 81]. Ученые отмечают, что «в российском терминоведении пока не осуществлялась когнитивная классификация и полисистемное описание банковских понятий и специальной лексики, не изучались особенности деривации специальной лексики и терминов, функционирующих в различных по жанру текстах, связанных с банковской деятельностью в России и за рубежом» [Плаксин, 2010, с. 3]. В реальности лексика, используемая, например, на официальном сайте ПАО ВТБ, представляет собою в основном

ассимилированные или неассимилированные группы англицизмов банковской сферы. Нами был проанализирован интернет-трейдинг «Quik» банка ВТБ как крайне интересный и познавательный комплекс текстов, продвигающих такую деятельность как трейдинг. Ср.: **QUIK — это торговый терминал для профессионалов.** С его помощью можно мгновенно совершать сделки, использовать сложные инструменты для инвестиций, строить графики, изучать новости и многое другое. **QUIK — наиболее распространенная система интернет-трейдинга для работы на российском фондовом рынке** (<https://www.vtb.ru/personal/investicii/quik/?ysclid=m2lvy20k1g674732986##cards>, 23 октября 2024). В Словаре экономических терминов (2015) *трейдинг* означает продажу и последующую покупку тех же самых акций в расчете на получение прибыли за счет изменения их курсовой стоимости.

Интересно, что банк приравнивает любого по своим возможностям клиента к профессионалу, брокеру. Если клиент не уверен в своих навыках, то банк организует обучение. Ср.: Как вам поможет курс по инвестициям. **Всего 10 уроков продолжительностью не более 20 минут.** После каждого урока – *тесты.* Минимальная база знаний для того, чтобы сделать первый шаг.

Разберетесь, как можно зарабатывать на инвестициях

Поймете, как собрать портфель ценных бумаг

Узнаете, как управлять портфелем в разных ситуациях

Отсутствие знаков пунктуации помогает сфокусироваться на основном смысле текста. В данном тексте также нет труднопонимаемых терминов-англицизмов. Они употребляются в фокусе прагматики престижа: каждый сможет стать профессиональным *инвестором, брокером.* Ср.: **Стать инвестором может каждый. Это полный спектр брокерских операций, доступных на российском рынке: торговля ценными бумагами, иностранными валютами, драгоценными металлами и производными финансовыми инструментами. А также опции, которые позволяют адаптировать работу на рынке.**

Здесь мы наблюдаем, что «иноязычным словам из терминосфер свойственно такое качество, как постепенная, но стабильная детерминологизация – то есть утрата терминологической замкнутости» [Китанина, 2005, с. 260]. Одновременно заимствования в сетевом банковском дискурсе «видятся», воспринимаются не как чужие понятия, а как свои, уже принятые сознанием адресата. «Смешение «своего» и «чужого» в современном тексте, как правило, не механистично, а осознанно и целенаправленно. «Чужое» представлено в языке собственно заимствованиями (иногда настолько прочно усвоенными, что грань между «своим» и «чужим» стирается) [Буров, Китанина, 2005, с. 158]. Банковский сетевой дискурс изобилует *экзотизмами, макаронизмами, просторечными лексемами,* нарочито перемежаемыми с нейтральной лексикой, выполняя таким образом манипулирование сознанием адресата на грани доступной семантики и прагматики текста. Ср.:

- удобное мобильное приложение ВТБ Мои **Инвестиции**, – неоднократно признанное лучшим на рынке;
- **инвестиционное консультирование**, это услуги **Advisory** и **Advisory Pro**;
- **робот-советник**, позволяющий инвестировать в том числе с помощью **искусственного интеллекта**;
- **Индекс ВТБ**, определяющий настроения клиентов на рынке и позволяющий следить за тем, как **инвестируют** другие;
- «**Счет в плюсе**», позволяющий **копить** и **инвестировать** одновременно благодаря регулярным автоматическим платежам;
- раздел «**Школа инвестора**», в котором клиенты найдут обучающие курсы **по инвестициям**.

Открытость, доверие – те самые качества, характеризующие отношение банка к своим клиентам. Ср.: **Доверительное** управление. *Ваши финансы под контролем экспертов. Профессиональная команда управляющих, аналитиков, риск-менеджмента, юристов разработают оптимальную для вас стратегию инвестирования в любые классы активов.*

Подводя итоги, отметим, что ценности как смыслообразующие векторы бытия человека мотивационно обусловлены в системе интернет-трейдинга «Quik» банка ВТБ. С помощью специально скомпонованных языковых средств в текстах, адресованных каждому пользователю (посетителю, потребителю контента), становится понятно, что в приоритете банка находятся такие ценностные ориентиры, как *стабильность, уверенность в будущем, надежность.*

Литература

1. Буров А. А., Китанина Э. А. Рекламный текст ВТБ: вербальные способы обозначения целевой аудитории. Гуманитарные технологии в современном мире // Сборник статей IX Международной научно-практической конференции. Памяти доктора педагогических наук, главного редактора научного журнала «Современная коммуникативистика», профессора Оскара Яковлевича Гойхмана. Составители Л. М. Гончарова, Т. В. Нестерова, Э. А. Китанина. Калининград, Полиграфычъ, 2021. С. 48–52.
2. Китанина Э. А. Прагматика иноязычного слова в русском языке: Монография/ РГЭУ «РИНХ». Ростов – н/Д, 2005. 416 с.
3. Константинова Ю. Н. Анализ коммуникационной политики при продвижении банковских услуг. Электронный журнал «Экономика и социум». №6 (25) 2016. www.iupr.ru. С. 1106–1110.
4. Матвеев П. Е. Аксиология: учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 1. История аксиологии / П. Е. Матвеев; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2017. 176 с.
5. Махортова Т. Ю. Статусно-ролевые характеристики участников банковского дискурса. Альманах современной науки и образования Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 154–157.

6. Музыкант В. Л., Музыкант П. В. Особенности современных текстов банковского дискурса. Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 28(249). Выпуск 32. С. 116–123.
7. Плаксин В. А. Предметно-терминологическая сфера «банковская деятельность»: деривационно-прагматические и социокультурные аспекты. Автореф. дис. канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 24 с.
8. Русина Ю. Н. Краткий англо-русский словарь экономических терминов с пояснениями Пинск: ПолесГУ, 2015. 85 с.
9. <https://www.vtb.ru/>

КОМПЛИМЕНТ И АНТИКОМПЛИМЕНТ КАК ТАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ДИСТАНЦИЕЙ В ПОРТРЕТНОМ ИНТЕРВЬЮ

Гапутина В. А. (Москва, Россия)
Коновалова А. М. (Москва, Россия)

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению подтипов актов мелиоративной и пейоративной оценки – комплиментов и антикомплиментов. Материалом исследования послужили портретные интервью, размещенные на каналах «Алена, блин», «Осторожно: Собчак» и «Ида Галич» за период с 2019 по 2024 гг. Авторы статьи выделяют лексико-семантические типы комплиментов и антикомплиментов журналистов в адрес интервьюируемых («внешность», «продукт», «характер», «интеллект», «имущество»), выявляют и описывают средства их репрезентации (восклицательные местоимения, оценочные наречия и прилагательные, усилительные частицы, тропы и фигуры, прецедентные феномены), анализируют схожие и различные функции комплиментов и антикомплиментов как разнонаправленных тактик «сближения» и «отдаления».*

***Abstract.** The article is devoted to the consideration of subtypes of acts of ameliorative and pejorative evaluation – compliments and anti-compliments. The material for the study was portrait interviews posted on the channels “Alena, damn it,” “Caution: Sobchak” and “Ida Galich” for the period from 2019 to 2024. The authors of the article identify lexical and semantic types of compliments and anti-compliments of journalists addressed to interviewees (“appearance”, “product”, “character”, “intelligence”, “property”), identify and describe the means of their representation (exclamation pronouns, evaluative adverbs and adjectives, amplifying particles, tropes and figures, precedent phenomena), analyze the similar and different functions of compliments and anti-compliments as multidirectional tactics of “rapprochement” and “distance”.*

***Ключевые слова:** медиадискурс, интервью, комплимент, антикомплимент, стратегия, тактика.*

***Keywords:** media discourse, interview, compliment, anti-compliment, tactics, strategy.*

Интервью как жанр журналистики представляет собой процесс коммуникации между двумя и более людьми, к которому прибегают для получения данных и разъяснения определенных вопросов. Уже несколько десятилетий не утихает интерес аудитории к портретному интервью – специальному типу интервью, который направлен на раскрытие личности известного человека, проявившего себя в какой-либо области общественной жизни, будь то политика, культура, спорт, наука, бизнес и т.д. По мнению известной телеведущей Ксении Собчак, портретное интервью является крайне сложным жанром, «поэтому журналисту нужно сделать так, чтобы по какой-то причине аудитория предпочла эту беседу симпатично смонтированным сюжетам, бойким новостям и захватывающим историям» [Сноб, 2016]. Трансформация журналистских стратегий и тактик ведения интервью, работающая на привлечение и удержание внимания зрителя, обуславливает повышенное внимание современных исследователей к этому типу медиатекста [Васильченко, 2019; Кравчук, 2021; Торбик, 2022].

Чаще всего гостями портретных интервью становятся «звезды» или инфлюенсеры, к мнению которых прислушивается большое число людей. Аудитории интересно «знакомиться» с лидерами мнений, поскольку они являются яркими, неординарными, выдающимися личностями, а пикантные подробности жизни знаменитостей во все времена привлекали внимание общественности. Образ героя интервью в глазах зрителей в значительной мере формируется с подачи журналиста. Восприятие образа знаменитости напрямую зависит от того, как интервьюер представил его, какими тактиками речевого воздействия пользовался, какие вопросы задавал и какие темы затрагивал в интервью.

Тип общения во время интервью можно определить как неравноправный диалог, в котором речевая инициатива принадлежит одному из участников. Самым «влиятельным» участником интервью, как правило, оказывается интервьюер, роль которого заключается в создании стимулов для развернутых реакций и помощи в раскрытии образа гостя его программы для зрителей.

Раскрепощенность, откровенность, искренность «звезды» и, как следствие, качество интервью зависит от того, насколько успешно интервьюер управляет межличностной дистанцией, то есть использует эмоционально настраивающие тактики «сближения» и «отдаления». К числу тактик, реализующих речевую стратегию «управление дистанцией», относятся комплименты и антикомплименты. Рассмотрим сначала понятие «комплимент».

В общественном сознании тактика «комплимент» оценивается положительно. Об этом свидетельствуют фразы, ставшие крылатыми, например, «давайте говорить друг другу комплименты» или «доброе слово и кошке приятно».

С точки зрения аксиологической лингвистики, комплимент является одним из подтипов актов мелиоративной оценки. Основная функция комплимента,

по мнению О. С. Иссерс, заключается в установлении контакта и поддержании добрых отношений. «Стратегическая задача говорящего – вызвать симпатию, расположить к себе собеседника» [Иссерс, 2008, с. 178]. Именно поэтому к комплиментам чаще всего прибегают в начале интервью, во время ритуала приветствия, основная функция которого заключается в том, чтобы задать тон всему разговору и настроить гостя программы на продуктивное взаимодействие.

1. Самая распространенная тема комплиментов в портретных интервью – внешняя привлекательность адресата:

– *Ты выглядишь фантастически!*

– *Я уверена, будучи сотни комментариев о том, как же приятно смотреть на Таню, какая она естественная девушка, красота которой не испорчена новомодными средствами.*

2. Часто встречаются комплименты продукту, который создала «звезда»:

– *Сегодня у меня в гостях Татьяна Куртукова – певица, чей хит «Матушка-земля» возглавляет сейчас все топ-чарты, хит-парады и даже я его слушала как-то раз, помню, 20 раз подряд.*

3. Характер:

– *Я полюбила Вас, как и миллионы пользователей социальных сетей, за вашу открытость, за ваш интерес ко всему новому, за вашу жажду жизни.*

4. Интеллект:

– *Вы очень адекватно и трезво смотрите на многие вещи, которые происходят вокруг нас.*

5. Имущество:

– *У тебя стильно все-таки (про квартиру). Стильный человек стильный во всем.*

Актуализаторами комплиментов являются такие языковые средства, как восклицательные местоимения (*какая, как*), общеоценочные (*очень*) и частнооценочные наречия (*адекватно, трезво*), частнооценочные прилагательные (*стильный*) и усилительные частицы (*даже*). Часто встречаются художественные приемы: гипербола (*сотни комментариев, миллионы пользователей, слушала 20 раз подряд*), повтор (*ваша открытость, ваш интерес, ваша жажда жизни*), эпитеты (*выглядишь фантастически*). В ситуации комплимента могут использоваться трансформированные прецедентные тексты (*«стильный человек стильный во всем»*).

Если комплимент относится к тактике «сближения», то антикомплимент, содержащий приставку «анти-» (выражение противоположности или враждебности) как подтип акта пейоративной оценки относится к тактике «отдаления». Антикомплименты отличаются от комплиментов тем, что содержат скрытую или явную похвалу либо антипохвалу какому-либо недостатку. В отличие от комплимента, целью его «злого двойника» является обидеть или высмеять адресата [Рыжова, Дьякова, 2015, с. 45]. В портретных интервью антикомплименты выполняют функции подрыва авторитета «звезды» в глазах аудитории и самоутверждения за ее счет.

Тематическое разделение антикомплиментов ничем не отличается от такового для комплиментов.

1. Внешность, как и в случае с комплиментами, оказывается самой распространенной темой антикомплиментов:

– *Настя когда-то в молодости была нереально хороша собой.*

2. Продукт:

– *Мне кажется, что ты была родоначальницей обсерного жанра, потому что после тебя появилось очень много людей, которые, как мне кажется, тебе подражают.*

3. Характер:

– *У тебя очень хабальная, скажем так, реакция для человека, который занимается просвещением.*

4. Интеллект:

– *Он вообще не глупый, по сравнению с ним ты будешь чувствовать себя как Шариков рядом с Эйнштейном.*

5. Имущество:

– *Ты же еще вполне себе 0-го-го, но это (про одежду) какая-то рыночная цыганка.*

Интересно, что для антикомплиментов, как правило, характерны те же языковые актуализаторы, что и для комплиментов: оценочные наречия и прилагательные (*очень, хороша*), усилительные частицы (*же*), междометия (*0-го-го*). Отличительной чертой антикомплиментов является вербализация экспрессивно окрашенных оценочных единиц, часто – стилистически сниженной жаргонной окраски (*нереально, обсерный жанр, хабальная*). В антикомплиментах встречаются и художественные приемы: сравнение, основанное на обыгрывании прецедентных феноменов (*как Шариков рядом с Эйнштейном*), метафора (*это рыночная цыганка*).

Разница между комплиментом и антикомплиментом заключается в семантике: в комплименте при общей положительной семантике недопустимо проявление отрицательных эмоций, в то время как антикомплимент предполагает включение в форму комплимента прямой или «завуалированной» критики. Главным, что отличает комплимент и антикомплимент, является оценка: область значения комплимента составляет мелиоративная оценка (*фантастически, стильно, естественная, приятно, полюбила*), а область значения антикомплимента есть оценка пейоративная (*обсерного, хабальная, Шариков, рыночная*).

Несмотря на разнонаправленность тактик, комплимент и антикомплимент сознательно или бессознательно могут наделяться интервьюером одинаковыми функциями. К примеру, им обоим может быть присуща функция установления контакта. Данная функция реализуется в ситуации настройки собеседника на общение, когда интервьюер открывает диалог, завязывает беседу.

Комплимент:

— *Айза, ты такая красивая! Скажи, пожалуйста, откуда ты приехала?*

— *Так я наряжаюсь, только когда езжу в МФЦ.*

Антикомплимент:

— *Мы обе стильные женщины сегодня, и разговор у нас будет об актуальных темах.*

Комплимент первого интервьюера поспособствовал снятию возможного напряжения и привел к сближению собеседников. То, что тактика оказалась успешной, становится ясно из ответа гостя интервью. Проявление чувства юмора говорит о том, что «звезде» комфортно и она настроена положительно.

Фраза второго интервьюера при внешней безобидности относится к антикомплименту, поскольку имеет подтекст «сегодня мы стильные женщины, а в другие дни не очень». Однако это не значит, что цель журналиста установить контакт не была достигнута: местоименный показатель включенности (инклюзивное личное местоимение множественного числа), характерный для тактики «сближения», нивелировал негативный подтекст.

Второй пример показывает, что, стоит чуть-чуть нарушить основные требования к комплименту, невнимательно отнестись к построению фразы, и он начинает восприниматься как антикомплимент. Можно сделать вывод, что основное требование к комплименту – отсутствие двусмысленности.

Особый интерес представляют фразы, которые являются комплиментом и антикомплиментом одновременно. Комплимент в таких фразах следует перед неудобным, задевающим, ранящим, наконец, опровергающим комплимент вопросом. Можно сказать, что ему присуща функция «смягчения удара».

— *Ты же красавица и была красавицей всегда. Может быть, это было обидно для Лены, но всегда говорили, что в т.А.Т.и. одна красивая, а вторая рыжая. Что тебе не нравилось в себе, что ты решила так себя изменить: сделать грудь, изменить лицо. Зачем это все?*

В представленной фразе вопрос как бы отменяет только что сказанный комплимент. Вопрос «Зачем это все?» выражает скептицизм, недоумение адресанта, сомнения относительно цели действий знаменитости. Интервьюер подчеркивает нелепость сделанных пластических операций, а значит невозможно утверждать искренность предваряющего вопрос комплимента.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что портретные интервью богаты не только на комплименты, но и на антикомплименты. Несмотря на разнонаправленность тактик, комплименты и антикомплименты имеют много общего, в частности, они разделяются на одинаковые тематические группы и могут выполнять одинаковые функции. Встречаются даже ситуации, в которых трудно однозначно определить, что перед нами: плохо исполненный хвалебный комментарий или завуалированное приятными словами осуждение. Стоит отметить, что при кажущейся простоте комплименты являются непростыми в исполнении тактиками, так что умение их делать можно считать показателем высокого уровня коммуникативной компетенции человека.

Литература

1. Васильченко К. Е. Жанр портретного интервью: возможности дифференциального подхода // Медиасреда. 2019. № 2. С. 15–19.
2. «Глупые вопросы – самые сложные». Правила интервью от Ксении Собчак // Сноб: [сайт]. URL: <https://snob.ru/selected/entry/107635/> (дата обращения: 15.10.2024).
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
4. Кравчук Е. Р. Специфика формирования лингвистического имиджа телеведущей в речевых жанрах интервью-беседа и портретное интервью // СибСкрипт. 2021. Т. 23. № 4 (88). С. 1032–1040.
5. Рыжова Н. В., Дьякова К. Ю. Антикомплимент в современном русском разговорном языке // Русистика. 2015. С. 45–49.
6. Торбик Е. М. Формирование эмоционального настроения адресата в субжанре американского олимпийского дискурса» портретное интервью-очерк» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2022. № 1. С. 86–97.

СИМВОЛИЗАЦИЯ ПАРИЖА В ПРОИЗВЕДЕНИИ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ
«ЧРЕВО ПАРИЖА»

Гвоздарева И. С. (Москва, Россия)

***Аннотация.** Статья посвящена символизации Парижа в языковой картине мира главного героя произведения Эмиля Золя «Чрево Парижа». В качестве материала исследования взят текст романа. В ходе исследования был проанализирован текст книги и определены основные символические значения лексемы «город» в языковом сознании главного героя произведения – Флорана. Изучение городского пейзажа в тексте произведения дает возможность выделить особые символические значения лексемы «город». В теоретической части приведены определения лингвистических терминов «концепт», «художественный концепт».*

***Abstract.** The article is devoted to the symbolization of Paris in the linguistic picture of the world of the main character of the book “The Belly of Paris” by Emile Zola. The text of the work is taken as the research material. During the research, the text of the work was analyzed and the main symbolic meanings of the lexeme “city” in the linguistic consciousness of the main character of the book, Florent, were determined. The study of the urban landscape in the text makes it possible to highlight the special symbolic meanings of the lexeme “city” in the book. The theoretical part contains definitions of the linguistic terms “concept” and “artistic concept”.*

Ключевые слова: *концепт, художественный концепт, Эмиль Золя, город, метафора, символизация, Париж, языковая картина мира, языковое сознание.*

Keywords: *concept, artistic concept, Emile Zola, city, metaphor, symbolization, Paris, linguistic worldview, linguistic consciousness.*

Целью данной работы является характеристика индивидуально-авторской символизации города в художественном тексте. Понятийная сфера «город» привлекала внимание исследователей [Белова, 2012; Малыгина, 2016; Сертакова, 2014; Щукин, 2013]. В качестве материала рассматривается роман Эмиля Золя «Чрево Парижа».

В разных текстах понятийная сфера «город» имеет различные метафорические модели. Город представляется и как место перемен, символ движения, активной жизни. Как пишет Н. А. Белова, «Город в самых разных культурах воспринимается как точка пересечения дорог, торговых путей, как некий центр, объединяющий окружающее его пространство не только в географическом, но и в метафизическом смысле. Город является отражением модели мира, воссозданием Града Небесного» [Белова, 2012, с. 87].

Проведя анализ дискурса личности, выделив значимые элементы языка, средства выразительности, которые он использует в своей речи, вычленив символические значения и коннотации, свойственные конкретному человеку, можно составить не только его картину мировосприятия, но и судить о целой эпохе, в которой он жил, выделить модели, свойственные представителям той или иной общественной или социальной группе.

Картина мира отражает особое представление человека о мире через ценности, символические образы, метафоры, которые закрепились в его сознании. «Картина мира представляет собой сложную систему образов, отражающих действительность в коллективном сознании» [Карасик, 2002, с. 74].

Исследованию могут подвергаться разные тексты. Изучение биографии определенной значимой для культуры личности позволяет выявить определенные концепты, свойственные для культуры того времени. Рассмотрение картины мира лирического героя произведения дает возможность более глубокого анализа личности персонажа, открывают новые смыслы и образы.

Концепты и символы, которые могут характеризовать миропонимание человека, характеризуют его языковое сознание. Согласно подходу И. А. Стернина, языковое сознание – компонент когнитивного сознания, «заведующий» механизмами речевой деятельности человека, это один из видов когнитивного сознания, обеспечивающий такой вид деятельности как оперирование речью. Оно формируется у человека в процессе усвоения языка и совершенствуется всю жизнь, по мере пополнения им знаний о правилах и нормах языка, новых словах, значениях, по мере совершенствования навыков

коммуникации в различных сферах, по мере усвоения новых языков [Стернин, 2002, с. 45].

Лингвокультурные символы оказывают большое влияние на языковую картину мира человека. Как образы, обладающие высокой ценностью, они объединяют различные концепции, нормы поведения и жизненные установки, которые разделяют все носители определенной культуры.

В сознании языковой личности символы могут быть закреплены вербально и невербально. При этом именно словесная форма играет ключевую роль в формировании восприятия мира и его отражения в сознании представителей определенной культуры.

Осмысление явлений, событий и качеств в когнитивном плане выражается как концептуализация объективной и субъективной реальности, т. е. закрепление в индивидуальном и коллективном сознании фрагментов переживаемого опыта. Такое закрепление может быть охарактеризовано в понятийном, образном и ценностном измерениях, оно специфично для разных коммуникативных ситуаций и может рассматриваться как индикатор определенных типов личностей [Карасик, 2021, с. 221].

Люди, которых связывают одни и те же жизненные обстоятельства, установки и ценности, имеют в своем сознании схожие символические значения, метафорические модели и коннотации определенных лексем. Из-за этого и происходит разделение не только по культурному признаку и родному языку говорящего, но и по социальному статусу личности, отношению к той или иной конфессии, происхождению.

Исследование описания города в художественном тексте, создание городско-го пейзажа в произведениях русских и зарубежных писателей невозможно без понимания сущности концепта «город». Разработка теории концептов в лингвистике ведется активно, развиваясь в важнейших направлениях – лингвокогнитивном и лингвокультурологическом. В современной когнитивной лингвистике понятие «концепт» может рассматриваться по-разному.

Отдельно выделяются литературные концепты, которые также были широко изучены. В работе «Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения» Н. В. Володина ввела отдельное определение для литературных концептов: «концепт – это смысловая структура, воплощенная в устойчивых образах, повторяющихся в границах определенного литературного ряда (в произведении, творчестве писателя, литературном направлении, периоде, национальной литературе), обладающая культурно значимым содержанием, семиотичностью и ментальной природой» [Володина, 2010, с. 19].

В произведении Эмиля Золя «Чрево Парижа» образ города главного героя противопоставляется иному представлению о Париже, сложившемуся в сознании людей, которых он встречает на своем пути.

В языковом сознании главного героя произведения сложились определенные символы Парижа, города, который был так ему дорог и в который он желал вернуться во что бы то не стало. Он идеализирует Париж, видит прекрасное во всем, что остальным кажется обыденным и нелицеприятным: *«Клод смеялся, уверял, что Париж великолепен. Он отстаивал в нем все, вплоть до сточных канав».*

Для Флорана совершенно непонятен тот образ Парижа, который сложился у людей, повстречавшихся на его пути. Они считают Париж скучным и отвратительным городом, который портит жизни мечтателей своей недоступностью и не понимают почему он является таким притягательным для большинства людей, которые покидают свои маленькие города в надежде обрести счастье в Париже.

«Когда 2-жа Франсуа говорила о Париже, в каждом слове ее звучали ирония и пренебрежение, она рассуждала о Париже, как о каком-то далеком, совершенно нелепом и достойном презрения городе, где она соглашалась бывать только ночью».

В Париже можно проследить **символ старого верного друга**. Город, который готов принять Флорана любым, что бы он не сделал, поддержать в любой ситуации. Главный герой произведения ищет в Париже знакомые чувства теплоты и уюта, о которых напоминает ему каждый уголок города. Он боится встречи, не понимает как отнесется к нему Париж после долгой разлуки, но в то же время жаждет воссоединения: *«тело сводила судорога, его охватывал внезапный страх, желудок сжимался, в глазах мутилось, а ноги сами шагали вперед помимо его воли, словно влекомые туда, где маячил за далью, за далекой далью, за чертой горизонта, образ Парижа, который звал, который ждал его».*

Париж полностью овладевает человеком, с ним не хочется расставаться. Но город вызывает у Флорана противоречивые чувства, после долгой разлуки он кажется ему не таким как раньше: *«Им снова завладел Париж, Париж, который страшил его теперь, после стольких слез, пролитых о нем в Кайенне».*

Париж также становится символом **процветания, достатка, искушения**: *«И вот он вновь видит Париж – откормленный, великолепный, заваленный пищей в предрассветном мраке; он въехал в этот город на ложе из овощей; он метался здесь среди неизведанных дебрей жратвы, которая кишела вокруг, которая искушала его».*

В произведении Париж представлен как символ **контрастов и неравенства**. *«Ослепленный, утопающий со звоном в ушах, подавленный всем этим зрелищем, предвидя еще новые и нескончаемые бездны наступающей на него пицци, он взмолился о пощаде; его охватила безмерная тоска при мысли, что он обречен на голодную смерть здесь, в сытом по горло Париже, в этом искрометном пробуждении рынка. И горячие крупные слезы брызнули из глаз Флорана».* Роскошь Парижа доступна не всем его жителям. Пока одни

ведут праздную жизнь, наслаждаясь дорогой едой и развлечениями, другие вынуждены выживать, обеспечивая продовольствием богатый и сытый Париж.

В произведении «Чрево Парижа» Эмиль Золя с помощью символических и метафоричных образов передал особые эмоции, которые испытывал главный герой повествования от пребывания в Париже. Париж в произведении представлен как город контрастов, место где одни получают все, что только могут пожелать, пока другие выживают на улицах, стараясь ухватить свой лакомый кусочек на этом празднике жизни. Флоран долго мечтал о возвращении в Париж, он никогда не забывал этот город, хранящий в себе огромное количество тайн.

Литература

1. Белова Н. А. Концепт «Город» в современном литературоведении // Вестник Югорского гос. ун-та. 2012. № 1 (24). С. 87–91.
2. Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. – М.: ФЛИНТА, 2010. 248 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
4. Карасик В. И. Ветер как лингвокультурный символ в русском и английском языковом сознании // Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 219–235.
5. Малыгина Ю. В. Образ города в языке русской классической литературы // Челябинский гуманитарий. 2016. № 1 (34). С. 30–32.
6. Сертакова Е.А. Концепт «город» в русской культуре // Человек и культура. 2014. № 2. С. 97–126.
7. Стернин И. А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку: Сб. науч. тр.: Посвящ. Елене Самойловне Кубряковой / В. А. Виноградов (отв. ред.). М.: Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. С. 44–51.
8. Шукин В. Г. Поэтика города. Морфология поэтосферы // Эйдос. 2013. № 7. С. 299–336.

ДИСКУРСИВНО-ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ШИРОКОЗНАЧНЫХ ГЛАГОЛОВ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛА «СДЕЛАТЬ»)

Гершанова А. Ф. (Москва, Россия)

Аннотация. Исследование посвящено процессу расширения семантики и появлению новых значений широкозначного глагола СДЕЛАТЬ в публичном дискурсе. Широкозначные глаголы представляют наиболее стабильный класс слов и редко подвергаются семантической трансформации. Появление оценочных значений — это один из активных процессов в русском языке. Формирование дискурсивно-оценочных смыслов у глагола СДЕЛАТЬ

расширяет его семантическое поле, а также позволяет говорить о способах репрезентации оценочных смыслов. Результаты исследований отражают тенденции в развитии современного русского языка. Они имеют практическую значимость и могут быть отражены в лексикографических источниках.

***Abstract.** The study is devoted to the process of semantic expansion and the emergence of new meanings of the wide-meaning verb TO MAKE in public discourse. Wide-meaning verbs represent the most stable class of words and rarely undergo semantic transformation. The emergence of evaluative meanings is one of the active processes in the Russian language. The formation of discourse-evaluative meanings in the verb TO MAKE expands its semantic field and also allows us to talk about the ways of representation of evaluative meanings. The results of the research reflect the trends in the development of the modern Russian language. They have practical significance and can be reflected in lexicographic sources.*

Ключевые слова: дискурсивно-оценочное значение, глагол, семантика, речевая ситуация, контекст.

Keywords: discursive-evaluative meaning, verb, semantics, speech situation, context.

Многочисленные изменения в истории и культуре, во всех сферах общественной и личной жизни, свидетелями и участниками которых мы являемся в XXI языке, находят свое отражение в языке, что требует от лингвиста-исследователя пристального внимания и изучения. Изменения в языке ярче всего проявляются на лексическом уровне, поскольку лексика всегда реагирует на происходящее в окружающем мире. Явления лексико-семантического, лексико-прагматического, лексико-стилистического характера находят отражение в современном дискурсе. Чаще всего это связано с изменениями в семантическом поле лексем (сужение и расширение), трансформацией смыслов, появлением или утратой оценочных значений, изменениями в сфере функционирования языковых единиц и пр. [Валгина, 2001, с. 1].

Процессы подобного рода, происходящие в глаголах с расширенной семантикой, нашли широкое обоснование в исследованиях Маслова Ю. С. [Маслов, 2004], Падучевой Е. В. [Падучева, 2009], Кустовой Г. И. [Кустова, 2004], Бабенко Л. Г. [Бабенко, 1999], Плотниковой А. М. [Плотникова, 2009], Евтеевой М. Ю. [Евтеева, 2014] и др.

К числу базовых широкозначных глаголов, которые входят в денотативную сферу ДЕЙСТВИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, относится видовая пара глагола ДЕЛАТЬ – СДЕЛАТЬ, у которой в современном дискурсе появляются новые значения [Гершанова, 2024], не представленные в лексикографических описаниях.

Глаголы ДЕЛАТЬ/СДЕЛАТЬ отражают самые различные представления о процессах, связанных с действием и деятельностью, в русской языковой

картине мира, что находит отражение в широкой семантике. Это актантные глаголы, в значениях которых находит отражение множество факторов: кто или что выступает в качестве субъекта, природа действия (физическая, эмоциональная, интеллектуальная и пр.), что является объектом, какова степень воздействия на него и результат преобразований и пр. При этом все значения в той или иной степени соотносены с некоей ситуацией, которая происходит в пространстве. По мнению Г. И. Кустовой, глаголы СВ, будучи производными словообразовательно и семантически от глаголов НСВ, отражают информацию о результате воздействия на объект, которая пусть и частично уже содержалась в глаголе НСВ, а вот в содержании СВ акцент смещается на результат [Кустова, 2004, с. 97]. Таким образом, формирование значений предиката СДЕЛАТЬ обусловлено прототипически, причем, информацию об источниках формирования новых значений могут дать наблюдения за импликациями исходных значений.

Дискурсивный анализ текстов бытового и бытийного дискурсов позволил выявить новые смыслы данных глаголов и предположить, что основу семантической деривации составляют оценочные значения, выводимые из конкретной речевой ситуации, для которой необходимы следующие условия 1) участники ситуации, связанные определенными отношениями, один из которых оценивает 2) результат действия (своего/чужого), сопряженного/ несопряженного с преодолением трудностей и изменением состояния собеседника/окружающего мира.

Исследования проводились на материале контекстов из НКРЯ [6], основного, газетного корпусов, а также корпуса социальных сетей, к которым были применены когнитивно-дискурсивный и компонентный анализ.

Анализ дискурсивного материала позволил нам выявить оценочные значения, которые фиксируются только у глагола совершенного вида СДЕЛАТЬ:

1) 'положительная оценка заверченного действия, результат которого сопряжен с преодолением трудностей' – репрезентировано в форме устойчивой синтаксической конструкции *И мы сделали это!* с логическим ударением на предикате (см. контексты ниже).

2) 'победа, высокая оценка действия' – *Мы сделали их в этом матче!*
Я сделаю его в следующем раунде! Сделайте их в этом бою!

3) 'положительная оценка действия, изменившего состояния субъекта' – в идиоматических выражениях *Ты сделал мой день!* *Эта встреча сделала мой день!* *Эта песня сделала мой день!*

4) 'отрицательная оценка действия' репрезентируется глаголом СДЕЛАТЬ в конструкции (антифразисе) с особой интонацией скепсиса, иронии, разочарования, недовольства: *Ну ты сделал! И это – сделал?..*

Все указанные значения глагола дискурсивно обусловлены, т.е. для реализации оценочных значений необходимы такие условия, при которых именно глагол СДЕЛАТЬ позволяет определить истинное отношение

говорящих к действию. При этом, характер оценки (положительный или отрицательный) определяется контекстом.

1. Глагол СДЕЛАТЬ в 1 оценочном значении функционирует в социально-политическом или спортивном дискурсе (45 % от общего числа примеров). Используется как устойчивое выражение – *Мы сделали это*. Варианты: *И мы сделали это, Но мы сделали это. Мы это сделали*. Речь идет не о конкретном действии, а именно о завершенности сложного трудного процесса, несмотря на сложность условий, причем, результат оценивается говорящим очень высоко. Это декларатив, в котором положительная оценка имплицитно реализуется в предикате СДЕЛАТЬ:

1. Тогда мы сделали с американской фирмой IMAX Corporation первый полуторачасовой фильм «Титаника», очень успешный. Мы спустились на «Мире» на дно Атлантического океана к затонувшему «Титанику». Их огромная кинокамера стояла внутри нашей мини-субмарины. Съёмки велись через центральный иллюминатор, а пилот управлял, глядя в боковой. Было непросто, но мы это сделали [И. Смазневич, А. М. Сагалевиц. Вглубь смотрящий // «Кот Шредингера», 2017].

2. Норвежский разработчик Доминик Салонен (Dominik Salonen) проанализировал статистику Google Trends за последние пять лет и выяснил, что мемы обогнали Иисуса Христа по популярности в поисковых запросах. 25 октября Салонен опубликовал статистику на своей странице в Twitter. «Мы это сделали, люди! Мы, черт побери, это сделали!» — прокомментировали картинку разработчик [Мемы обогнали Иисуса Христа по популярности в интернете // lenta.ru, 27.10.2016].

2. Значение ‘победить’, т.е. выполнить действие лучше, чем другие, обнаруживается в военном, спортивном или игровом дискурсе:

3. Я проиграла! Он сделал меня! У него все вышло так легко, это выводит меня из себя! Прекрасный, великолепный, сильный, самый сильный! Ах, могучий и непобедимый Синдзи... Теперь наша работа станет намного легче! Так ведь? Но мы должны приложить все усилия, чтобы не отстать от него! [https://vk.com/wall-178733379_6301?ysclid=lupekz3ggy254542591].

4. К тому же, если сосчитать сколько раз Веня получал суток по пятнадцать, — в общей сложности мог получиться неплохой срок. Но помолчали-таки все... Разлили, чокнулись последней. — Мы их сделали один раз и сделаем еще! — сказал Саша, и пафоса в его словах не было вовсе, Рогов кивнул, Веня засмеялся, лица Негатива Саша не разглядел [Захар Прилепин. Санька (2006)].

Реализация оценочного значения ‘победить’ так же, как и для первого, возможна только при наличии состязательного контекста.

3. Оценочное значение №3 ‘изменение состояния субъекта к лучшему’ (25 %) реализуется в идиоматическом выражении *Ты сделал мой день!*

(возможны варианты *Ты сделал мой вечер/утро*). Это калька с английской фразы *You've made my day* чаще всего используется в устной речи либо в социальных сетях.

5. *Еду на работу, полубольная, полуставшая, 8 утра, холодно... И тут вижу, как по трамвайным рельсам, балансируя, идет парень, улыбается и сам себе смеется.) Спасибо, чувак, ты сделал мое утро. И песню дня заодно))* [vk (27.09.2013)].

6. *Я не знаю, как ты это делаешь Но ты всегда точно знаешь, когда позвонить* [id48026713|Марат], *мой дорогой друг, ты сделал мой вечер. Самые теплые приветы из далекой Казани Звони чаще, давай смеяться и пусть все видят твоего жирафа на лбу* [vk (03.02.2016)].

7. *Еду сейчас по серой ветке и наблюдаю картину маслом: Сидит передо мной вот этот усатый чудо-мужик, пьет пиво, закатывая глаза от удовольствия, и, не поверите, ЗАКУСЫВАЕТ САЛОМ! Вот прям так, в метро, причмокивая и облизываясь! Мужик, ты сделал мой день:) 0* [vk (26.12.2014)].

4. Оценочное значение 'результат действия с отрицательной оценкой' характерно для устного дискурса, поскольку сопровождается интонацией, выражающей недовольство, разочарование, иронию: *Ну ты сделал! Сделал! Как же! Сделал называется...*

Как показывают представленные результаты, расширение семантического пространства широкозначного глагола СДЕЛАТЬ, видовой пары глагола ДЕЛАТЬ, формируется в современном публичном и бытовом дискурсе за счет оценочных значений. Это один из активных языковых процессов, наблюдения за которыми раскрывают условия для семантической деривации данного класса глаголов, позволяют судить о способах репрезентации оценочных смыслов в речи, а также говорить об устойчивости и воспроизводимости оценочных конструкций с данным глаголом, что, безусловно, важно учитывать в лексикографическом описании, а также в двуязычной практике преподавания и при обучении русскому языку как иностранному.

Литература

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. М.: Логос, 2001. 304 с.
2. Гершанова А. Ф. Динамические процессы в семантике широкозначных глаголов в публичном дискурсе (на примере глагола СДЕЛАТЬ) // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2024. Т. 13. № 4. С. 7–14.
3. Евтеева М. Ю. Моделирование семантической структуры глаголов широкой семантики с общим значением делать в естественном языке: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19. М., 2014. 35 с.
4. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.

5. Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / Сост. и ред. А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плунгян; Вступит. ст. А. В. Бондарко, Н. А. Козинцевой, Т. А. Майсака, В. А. Плунгяна. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.

6. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <http://www.ruscorpora.ru>

7. Падучева Е. В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову – Вендлеру / Е.В. Падучева // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 3–20.

8. Плотникова А. М. Широкозначные глаголы в современном русском языке / (Известия Уральского государственного университета. № 1/2 (63). Екатеринбург, 2009. С. 24–31.

9. Бабенко Л. Г. Русская глагольная семантика: денотативное пространство: Монография / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, Изд-во Урал. Ун-та, 1999. 460 с.

АКЦЕНТУАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ СФЕРЫ ТУРИЗМА

Гончарова Л. М. (Москва, Россия)

***Аннотация.** В статье рассматриваются аксиологические составляющие рекламно-туристического дискурса. Выделяются ценности, транслирующиеся в рекламных текстах сферы туризма, анализируются языковые средства, акцентирующие в них аксиологические смыслы.*

***Abstract.** The article deals with axiological components of advertising and tourism discourse. The values broadcast in advertising texts of tourism sphere are singled out, the linguistic means accentuating axiological meanings in them are analysed.*

***Ключевые слова:** реклама сферы туризма, аксиологические смыслы, ценности, аксиологемы, языковые средства.*

***Keywords:** tourism advertising, axiological meanings, values, axiologems, linguistic means.*

Причины, по которым люди отправляются в путешествие, связываются с целым рядом ценностей, существующих в человеческом сознании. В качестве ценностей, связанных со сферой туризма, человеком осознаются физические духовные, утилитарные, социумные установки. Среди них можно назвать:

- потребности в отдыхе и поддержании здоровья;
- необходимость в обучении и познании;
- увлечения и досуг, возможность провести время с семьей и друзьям;

- повышение культурного уровня и получение нового духовного опыта;
- стремление соответствовать социальному статусу той среды, где путешествия и связанные с ними возможности расцениваются как обязательный элемент жизни.

Помимо предметно-тематической составляющей¹, связанной с видами туризма, в данной сфере существует комплекс услуг, соотносимых человеком с ценностями, потребностями и благами цивилизации – удобство, комфорт, безопасность и пр. Обращаясь к рекламным текстам сферы туризма, можно проследить комплекс ценностей, формирующих аксиологическое пространство, соотносимое с пониманием отдыха, путешествий и связанных с ними эмоциональных переживаний и материальных благ.

В каждой конкретной стране существуют ценности, соответствующие ее культуре, истории, традициям и законам данного общества. О. В. Солопов рассматривает туризм как «культурно-аксиологическую практику – ценностно-значимую и одну из наиболее актуальных сфер культурного развития современной России, как практическое средство культурных коммуникаций и ценностного обмена». Автор рассматривает систему ценностей, опираясь на философские идеи М. Шелера: 1) ценности приятного и неприятного (ценности, основанные на чувственном восприятии удовольствия и страдания); 2) витальные ценности (ценности чувства жизни, хорошее и дурное, благополучие и неблагополучие, здоровье и болезнь, слабость и сила, материальные ценности); 3) духовные ценности (прекрасное и безобразное, справедливое и несправедливое, познание истины, культурные ценности); 4) высшие ценности божественности и святости (чувство любви, чистые личностные типы героя, святого, гения и чистые типы видов сообществ, такие как правовое сообщество, жизненное сообщество, культурное сообщество, сообщество любви) [Приводится по: Солопов, 2015, с. 51].

В рекламе сферы туризма наблюдается множество языковых репрезентаций, позволяющих акцентировать ценностные смыслы, они могут проявляться в качестве слов, словосочетаний, имен, прецедентных текстов, паремий, а также аксиологические смыслы могут проявляться в контексте. Кроме того, единицами выражения в языке аксиологических категорий являются аксиологемы. Аксиологемы активно изучаются в разных контекстах и институциональных дискурсах (В. И. Карасик, Т. В. Романова, Н. В. Курилова, М. Н. Ляшева и др.).

¹ Ориентируясь на потребительские запросы, индустрия туризма предлагает самые разные виды туристического обслуживания: лечебно-оздоровительный, рекреационный, образовательный, деловой туризм, познавательные, паломнические, экологические, приключенческие, спортивные и культурно-развлекательные туры. Сегодня этот список расширился вплоть до событийного, научного и космического видов туризма, востребованных довольно узким и специфическим кругом потребителей, но тем не менее также привлекающих внимание аудитории и влияющих на итоговое мнение о возможностях отрасли [Гончарова, 2023].

Оценивая туризм и рекламу туризма как прагматическую область деятельности человека и основываясь на анализе рекламных текстов, можем определить ценности сферы туризма, разделив их на 3 группы.

1. Ценности духовного порядка, проявление которых можно наблюдать в разных контекстах: преданность отечеству, семье, роду, религии, уважение власти; патриотизм, знание собственной истории и культуры; верность данному слову, самоотверженность, благородство духа; почтительность по отношению к старшим и почитание предков и т.д. Это незыблемое правило представителей разных культур, осознающих себя в общечеловеческом и гражданском смыслах: «В поликультурном мире, благоприятное развитие которого немыслимо без баланса интересов и ценностей, перед каждым культурным или этническим сообществом и, следовательно, перед каждым человеком, встает проблема идентификации, которая сущностно связана с самопознанием в социальном, культурном, психологическом, а в итоге – субъектно-личностном плане. Понимание своей идентичности как историчности является основой воспитания гражданственности и патриотизма» [Перминова, 2024].

Предлагаемые туры апеллируют к интеллектуальному, духовно-нравственному, творческому развитию личности, в том числе в целях просвещения и воспитания патриотических чувств. Тон задается наименованиями экскурсионно-туристических маршрутов. Аксиологемы, использующиеся в названиях туров, хорошо отражают эти аспекты, акцентируя темы Родины, уважения к павшим воинам, православные традиции русского народа: используются прецедентные тексты, лексика, обозначающая историко-культурные реалии: «*А превратились в белых журавлей... (Мемориал Советскому солдату во Ржеве — главный храм Вооруженных сил в Кубинке)*» [Гончарова, 2022]; «*Сокровенные храмы царского богомолья*» — *десять сокровенных храмов Троицкого пути*; «*К святыням земли Русской*» — *посещение Троицкого монастыря в Муроме, посещение Серафимо-Дивеевского женского монастыря в Дивеево*; «*Гой ты, Русь, моя родная!*» – *экскурсия на родину Есенина в привольное Константиново и резная тихая Рязань (в названии использована строчка из стихотворения С. А. Есенина «Гой ты, Русь, моя родная...»)* и пр.

2. Витальные ценности – группа, отражающая в нашем сознании чувство жизни: благополучие и неблагополучие, здоровье и болезнь, материально-утилитарные ценности, отвечающие за качество жизни. В рекламных текстах (далее – РТ) сферы туризма данная аксиологическая группа транслируется в предложениях лечебно-оздоровительных услуг и содержится в прагматическом компоненте РТ, касающегося безопасности, удобства, исключительности маршрута, возможности повышения уровня комфорта, стабильности компании, хорошей цены и пр. Ниже приведен текст, где выделены слова, формирующие контекст доверия к компании и высокого качества предлагаемых услуг:

Экскурсионные туры по Золотому Кольцу из Москвы

Путешествие по Золотому кольцу из Москвы – это возможность увидеть сразу несколько древних городов. Для удобства лучше всего выбрать поездку на автобусе – так обеспечивается мобильность, и туристы успевают много посмотреть.

Сколько исторических городов входит в список Золотого Кольца? Сейчас их 9: Кострома, Ярославль, Ростов Великий, Суздаль, Владимир, Плес, Иваново, Переславль-Залесский и Углич.

Стоимость путевок при покупке в нашем турагентстве – доступная, турпоездка на один день стоит от 1480 рублей, на 2 дня – от 5840 рублей.

Такая привлекательная цена позволяет отправляться в туры выходного дня неоднократно и открывать для себя новые и новые грани исторического Золотого кольца https://magput.ru/tours/ekskursionnye-tury-po-zolotomu-kolcu-iz-moskvy?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=zolotoekoltso&utm_content=16484005985&utm_term (дата обращения: 20.10.2024).

Следующий текст предлагает оздоровительный маршрут, где ценностями выступают возможность улучшения здоровья, освоение скандинавской ходьбы с инструктором, сохранение молодости и красоты:

Спортивно-оздоровительный тур в Адыгею. Осень

Активный тур в Адыгею с пешими прогулками и релаксом в источниках.

Скандинавскую ходьбу с палками можно назвать и вариантом уличного фитнеса, и лечебной физкультурой, и видом спорта, и отличной альтернативой активного отдыха. Наши опытные инструкторы помогут освоить технику этой ходьбы. Вы отправитесь на термальные источники — это истинный дар природы, в котором человек может обрести здоровье и красоту <https://klubgidov.ru/rossiya/adygeya/sportivnoozdorovitelnyj-tur-v-adygeyu-osen-18635> (дата обращения: 20.10.2024).

3. Эстетико-гедонистические ценности – ценности приятного и неприятного, основанные на чувственном восприятии удовольствия / страдания (последнее в рекламе не фигурирует), наслаждении отдыхом и окружающей действительностью.

В таких РТ преобладают эстетические смыслы, обеспечивающие положительные эмоции и ассоциации, связанные с получением удовольствия от красоты объектов посещения и позитивных впечатлений от предстоящего путешествия. Языковыми приемами выступают книжная лексика, тропеические обороты, прецедентные тексты, которые подчеркивают отвлечение от быта, радость поездки, вызывая некие образы в сознании потребителя. Формируемый контекст глубоко позитивен: *«Московский Версаль для гуляний» (парк Петровского Путевого дворца); «Волшебство зимних гор» (с посещением геотермальных источников, 8 дней + ж/д или авиа, зима); «Восхитительная Карелия»; «Жемчужины в короне Алтайского края»; «Романтика двух столиц»; «Величественные замки Мир и Несвиж».*

Таким образом, акцентуация аксиологических смыслов осуществляется в рекламных текстах сферы туризма несколькими способами:

– лексико-семантический способ – через аксиологемы, которые являются единицами выражения в языке аксиологических категорий, в качестве аксиологем выступают слова, словосочетания, имена, прецедентные тексты, паремии;

– контекстуальный способ – аксиологические смыслы проявляются исходя из общего смысла конкретного рекламного текста.

Несмотря на общий прагматизм рекламы, в сфере туризма она строится на ценностных смыслах и установках.

Литература

1. Гончарова Л. М. Реклама туризма как фактор влияния на формирование аксиологического пространства современного социума // Русский язык за рубежом. 2023. № 2(297). С. 67–72.

2. Гончарова Л. М. Рекламные тексты в контексте ценностных ориентиров национальных культур (На материале сферы туризма) / Л. М. Гончарова // Общая и русская лингвоаксиология / Российская Академия наук. Институт языкознания; Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. – Ярославль: Канцлер, 2022. С. 253–290.

3. Гусенова Д. А. Аксиология туризма в структуре ценностей современного общества / Д. А. Гусенова // Kant. 2018. № 4(29). С. 132–135.

4. Ляшева М. Н. Аксиологические смыслы в развлекательном интернет-дискурсе / М.Н. Ляшева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. № 3(222). С. 65–69.

5. Перминова Л. М. Аксиологические смыслы самопознания в подготовке педагога / Л. М. Перминова // Наука. Управление. Образование. РФ. 2024. № 2(14). С. 18–24.

6. Солопов О. В. Культурно-аксиологические практики в контексте туристского процесса // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2015. № 4(16). С. 50–61.

7. Урянская О. Ф. Осознание смыслов исторических событий – способ формирования аксиологического сознания молодежи // Учитель создает нацию (А.-Х.А. Кадыров): Сборник материалов IV международной научно-практической конференции, Грозный, 21 ноября 2019 года. Грозный: ООО НПКП «МАВР», 2019. С. 205–209.

8. Федотова Е. И. Способы представленности аксиологических смыслов в коммуникации // Иностранные языки в контексте культуры: Сб. ст. по материалам VII международной научно-практической конференции «Иностранные языки и литературы в контексте культуры», посвященной 115-летию со дня рождения В.В. Вейдле (Пермь, Пермский университет, 23 апреля 2010 г.) / Пермский государственный университет. Т. 1. Пермь: Пермский государственный университет, 2010. С. 90–95.

ЯЗЫК ПУБЛИЦИСТИКИ: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Грак К. А. (Минск, Белоруссия)

Аннотация. В статье рассматривается диалогическая природа публицистических текстов, которые предполагают «сотворчество» автора и читателя, а также призваны воздействовать на аудиторию, формировать общественное мнение и акцентировать внимание на различных проблемах. Анализируется интертекстуальность как средство регулятивности, которое расширяет семантику текстов, обладает прагматическим эффектом и влияет на ассоциативный читательский потенциал.

Abstract. The article examines the dialogical nature of journalistic texts, which assume the “co-creation” of the author and the reader, as well as influence the audience, form public opinion and focus on various problems. Intertextuality is analyzed as a means of regularity, which expands the semantics of texts, has a pragmatic effect and affects the associative reading potential.

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма, коммуникативно-деятельностный подход, публицистика, регулятивные структуры, интертекстуальность.

Keywords: anthropocentric paradigm, communicative-activity approach, journalism, regulatory structures, intertextuality.

В конце XX – начале XXI в. антропоцентрическая парадигма стала основной научной парадигмой и определила особый интерес лингвистики к исследованиям в рамках коммуникативно-деятельностного подхода, который связан со структурой текстов, личностью автора и интерпретационной деятельностью читателей, которая предполагает «диалог». На сегодняшний день лингвисты сходятся во мнении, что для понимания языка важно обратиться к его носителю, поскольку язык непосредственно связан с жизнедеятельностью, мышлением и мировосприятием человека.

Изучение диалогической природы публицистического текста представляет интерес, поскольку, если рассматривать публицистический текст с позиций коммуникативной стилистики, данный жанр предполагает поиск индивидуально-авторских смыслов и анализ средств регулятивности текста, т.к. призван воздействовать на аудиторию, формировать общественное мнение и акцентировать внимание на различных проблемах. Н.С. Болотнова рассматривает регулятивные средства с учетом их дифференциации и подчеркивает, что «выбор регулятивных средств и структур определяется авторским замыслом» [Болотнова, 2011, с. 34]. Особенность регулятивной стратегии заключается в том, что она отражает постепенное регулирование познавательной деятельности адресата средствами текста в целях эффективного общения с читателем.

Сегодня в публицистических текстах можно заметить не только диалог автора и читателя, но и диалог эпох, то есть «сотворчество» с писателями-предшественниками. Явление заимствования из других источников, которое служит материалом для нового текста и обладает определенным прагматическим эффектом, называется интертекстуальностью. Таким образом, тексты СМИ используют интертексты как способ эмоционального воздействия на читателей.

Цель данной статьи – проанализировать средства репрезентации интертекстуальности, с помощью которых авторы, основываясь на общекультурные ценности, традиции, образы, обращаются к читателям в публицистических изданиях.

– Цитирование как интересный случай межтекстового взаимодействия.

1. *Великий драматург Антон Павлович Чехов, признанный за такового даже на Западе, вывел важнейший закон драматургии. <...> «Нельзя ставить на сцене заряженное ружье, если никто не имеет в виду выстрелить из него. Нельзя обещать»* [Елфимов, 2024]. В данном случае автор статьи подчеркивает важность закона драматургии, который открыл великий русский писатель, ведь каждая деталь должна иметь смысл и определенным образом служить раскрытию художественного образа.

2. *Борис Пастернак утверждал: если в женщине есть доброта – значит, женщина состоялась. Ольга Мычко всю свою жизнь посвятила служению людям: поднялась по служебной лестнице от участкового терапевта до главврача поликлиники, возглавляла первую в стране больницу паллиативного ухода, а теперь является генеральным секретарем Белорусского Общества Красного Креста (к слову, на общественных началах) и депутатом Парламента* [Конопелько, 2024]. Автор статьи ссылается на Б. Пастернака, однако эти слова являются основной мыслью в стихотворении «Красота и доброта» Е. Евтушенко, где поэт ведет рассуждение о ценности женской личности и настоящих проявлениях красоты. В примере мы наблюдаем не просто заимствование чужого слова, а привнесение дополнительного смысла в высказывание – служение людям как особенное проявление доброты.

3. *Объехал 70 стран мира и каждый раз считал деньки до возвращения сначала в Москву, потом в Будиловку. Это как в стихах у Есенина: «Если крикнет рать святая: «Кинь ты Русь, живи в раю!» Я скажу: «Не надо рая, дайте родину мою»* [Сазонов, 2024]. Публицист показывает глубокую привязанность к родине и сравнивает ее с опытом С. Есенина, который он выразил в стихотворениях о Руси, а выражение *считал деньки до возвращения* вносит дополнительный модальный оттенок нетерпения.

4. *Об этом пишем сегодня много, а надо выработать методы контраттаки, с одной стороны, а писателям просто писать хорошие книги, с другой. Как говорил Хемингуэй, «...если писатель хочет что-то сказать, он должен не говорить, а писать!»* [Фоменкова, 2024]. В данном случае

используется цитата известного писателя для аргументации позиции автора (эксплицированной формами инфинитива) по отношению к творчеству.

5. *Почему бы не попробовать внести свой вклад в искусство? «С первым осенним холодком жизнь начнется сначала», – писал Фрэнсис Скотт Фицджеральд. И кто с этим поспорит?* [Кузьмич, 2024]. Авторские риторические вопросы используются для привлечения внимания читателей и усиления эмоциональной реакции, что способствует более глубокому анализу, таким образом, мы видим, что заимствование служит указателем, обозначает «специальное «русло», особого рода «канал», по которому развиваемая в дискурсе языковой личности мысль как бы вливается в широкий «ментальный контекст» духовного арсенала произведения, читателя, эпохи» [Караулов, 2010, с. 230].

6. *Раздражают и “мотивашки” в женских сообществах. Даже в том случае, когда они подлинные. Буквально пару дней назад подруга прислала ссылку на цитату Марины Цветаевой: “Не жди, что станет легче, проще, лучше. Не станет. Трудности будут всегда. Учись быть счастливым прямо сейчас. Иначе не успеешь”. Так и хочется добавить: сказала – и оптимистично повесилась. Как должны воспринимать подобный “вброс” люди, хотя бы мало-мальски сведущие в биографии известных политиков, писателей, поэтов, актеров?* Автор высказывания апеллирует к М. Цветаевой, многоголосие мнений создает эффект обманутого ожидания (*быть счастливым прямо сейчас / сказала – и оптимистично повесилась*) [Золоторева, 2024].

7. *Когда Геннадий Степанович Овсянников выходит на сцену – оторвать глаз от него невозможно. Тот случай, про который говорил Борис Пастернак: «...и дышат почва и судьба»* [Пепеляев, 2024]. Не только цитата, но и выражение *оторвать глаз от него невозможно* участвуют в формировании эмоционального воздействия на читателя, тем самым помогает публицисту создать определенный образ и вызвать у читателей эмоции, которые отвечают творческому замыслу.

– Аллюзии как ссылки, предусматривающие фоновые знания реципиента и вызывающие определенные ассоциации.

8. *Криком горю не поможешь, особенно если горе – от ума* [Муковозчик, 2024]. Эксплицитно вводится голос А. С. Грибоедова, однако можем отметить и авторское словотворчество – *криком горю не поможешь*. Данная структура вводится как заголовок статьи и служит стимулом для читательской проспекции.

9. *Любви все возрасты покорны. А если от всей души любишь хоккей и веришь в чудеса (под Новый год они случаются особенно часто), то будешь играть, пока не сотрутся коньки или коленки* [Канашиц, 2024]. Важной чертой заимствования следует считать привнесение дополнительных коннотаций, например, авторской иронии.

10. *Коль уж упомянул щуку, то предлагаю читателю вспомнить любимое многими произведение Эрнеста Хемингуэя «Старик и море». Вот и я пытаюсь*

порой уподобиться главному герою и поймать наконец свою самую крупную рыбу. Что-то получается пока не очень... [Лемешенок, 2024]. Автор проводит параллель с героем повести, однако дает своим усилиям отрицательную оценку, так, интертекстуальность в публицистике способствует развитию эмоционального интеллекта у читателя.

11. *Рассуждаете вы, Виктория, как типичная принцесса на горошине, несколько отставшая от жизни* [Рудь, 2024]. В данном случае аллюзия, помимо очевидной экспрессивной функции, несет и функцию характеристики, сравнивая героиню статьи с принцессой из сказки Г. Х. Андерсена.

Таким образом, в ходе анализа мы пришли к следующим выводам:

1. Публицистика, объединяя информационную и художественное начало, является инструментом коммуникации и воздействия. Она дает возможность услышать максимальное количество голосов в высказывании, поскольку язык непосредственно связан с жизнедеятельностью, мышлением и мировосприятием.

2. Интертекстуальность, отражающая диалог автора не только с читателями, но и с поэтами-предшественниками и современными писателю мастерами художественного слова, расширяет семантику текстов и определяет их смысловое развертывание в сознании воспринимающего текст адресата.

3. В СМИ регулятивные структуры широко представлены в виде цитат и аллюзий, которые имеют следующие функции: подача эстетической информации, эффект обманутых ожиданий, эмоциональное воздействие на читателей, ассоциативное приращение смысла, развитие мыслительных способностей.

Литература

1. Болотнова Н. С. О типологии регулятивных структур в тексте как форме коммуникации. Вестник ГГПУ. 2011. Выпуск 3 (105). С. 34–40.

2. Елфимов В. Суперружье американских выборов [Электронный ресурс] // Беларусь Сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/superruzhe-amerikanskikh-vyborov.html> (дата обращения: 06.06.2024).

3. Золоторева Ю. Кто авторы цитат в сети? [Электронный ресурс] // Беларусь Сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/nu-kto-by-govoril.html> (дата обращения: 06.06.2024).

4. Канашиц С. Шайба в паспорта не заглядывает [Электронный ресурс] // Беларусь Сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/shayba-v-pasporta-ne-zaglyadyvaet.html> (дата обращения: 06.06.2024).

5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: URSS, 2010. 264 с.

6. Конопелько Л. Почему милосердия не бывает без любви [Электронный ресурс] // Беларусь Сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/cheloveku-nuzhen-chelovek.html> (дата обращения: 06.06.2024).

7. Кузьмич М. Как победить осеннюю хандру и депрессию: рецепты читателей [Электронный ресурс] // Беларусь Сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/uzh-rezhe-solnyshko-blistalo.html> (дата обращения: 06.06.2024).
8. Лемешенок А. Гуси возвращаются домой [Электронный ресурс] // Беларусь Сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/gusi-vozvrashchayutsya-domoy.html> (дата обращения: 06.06.2024).
9. Муковозчик А. Криком горю не поможешь, особенно если горе – от ума [Электронный ресурс] // Беларусь Сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/ne-vse-poteryano.html> (дата обращения: 06.06.2024).
10. Пепеляев В. Наша версия наполнена нашими актерскими индивидуальностями [Электронный ресурс] // Беларусь Сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/artist-vladimir-rogovtsov-ne-boitsya-teni-velikikh-mkhatovtsev.html> (дата обращения: 06.06.2024).
11. Рудь Р. Город или деревня: проблема выбора [Электронный ресурс] // Беларусь Сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/gde-zhit-khorosho33.html> (дата обращения: 06.06.2024).
12. Сазонов А. Патриотизм заключается в поступках [Электронный ресурс] // Беларусь Сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/patriotizm-zaklyuchaetsya-v-postupkakh.html> (дата обращения: 06.06.2024).
13. Фоменкова И. Литбел на randevu [Электронный ресурс] // Беларусь Сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/litbel-na-randevu.html> (дата обращения: 06.06.2024).

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ
ВЫСКАЗЫВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ
КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ИНСТИТУТА А. С. ПУШКИНА)**

Еэртаота Нуэрнулати (Москва, Россия)

Аннотация. Данная работа посвящена аксиологическому аспекту использования прецедентных высказываний русского языка в речи китайских студентов. Исследование акцентирует внимание на том, как культурные и философские различия влияют на восприятие и употребление прецедентных выражений, которые являются неотъемлемой частью русской культурной традиции. В условиях глобализации и активных культурных обменов важность понимания прецедентных высказываний возрастает, поскольку они содержат глубокий исторический и культурный контекст. В работе анализируются причины использования таких высказываний китайскими студентами, включая различия в аксиологических системах, литературном контексте и уровне знакомства с русской культурой. Результаты исследования подчеркивают необходимость интеграции культурных и аксиологических элементов в процесс обучения.

Abstract. *This paper is devoted to the axiological aspect of the use of precedent statements of the Russian language in the speech of Chinese students. The study focuses on how cultural and philosophical differences affect the perception and use of precedent expressions, which are an integral part of the Russian cultural tradition. In the conditions of globalisation and active cultural exchanges, the importance of understanding precedent expressions increases as they contain deep historical and cultural context. The paper analyses the reasons for the use of such statements by Chinese students, including differences in axiological systems, literary context and level of familiarity with Russian culture. The results of the study highlight the need to integrate cultural and axiological elements into the teaching process.*

Ключевые слова: лингвистика, прецедентность, прецедентные высказывания, аксиологический аспект, дискурс, китайский студент.

Keywords: linguistics, precedence, precedent statements, axiological aspect, discourse, Chinese student.

Ценности представляют собой наиболее фундаментальные ориентиры для человеческого поведения, определяют смысл существования и заключают в себе сущность культуры. Они проявляются во множестве форм в языке. Специализированное междисциплинарное исследование ценностей является объектом изучения аксиологии. Лингвистический аспект такого подхода к пониманию реальности составляет область исследования, известную как лингвоаксиология, или аксиологическая лингвистика [Россия лингвистическая, 2012, с. 161–185]. Аксиологическая лингвистика и лингвокультурология (культурологическая лингвистика) пересекаются по объектам исследования, образуя эквиполентные отношения. При этом подразумевается, что объектом изучения лингвокультурологии является не только ценности, но и понятийные и образные характеристики действительности. Аксиологическая лингвистика, напротив, детально характеризует типы ценностей и коммуникативные способы их выражения [Карасик, 2023, с. 49].

Прецедентные высказывания (ПВ) являются важнейшим объектом исследования в лингвокультурологии, поскольку они указывают на интеллектуальные, эмоционально-оценочные и ценностные особенности мировидения народа, предоставляя модели, структурирующие поведение представителей лингвокультурного сообщества. В лингвокогнитивной и лингвокультурологической парадигмах лингвистических исследований прецедентность изучается как способность хранить в свернутом виде и актуализировать культурно значимые тексты. Ю.Н. Караулов определяет прецедентные тексты как «интеллектуально-эмоциональные блоки-стереотипы, образцы, мерки для сопоставления», которые «облегчают осуществляемое личностью переключение из фактологического контекста мысли в ментальный и обратно [Караулов, 2004, с. 217]. В исследованиях Д.Б. Гудкова также

акцентируются такие свойства прецедентных феноменов, как образцовость и эталонность [Гудков, 2003]. Таким образом, можно говорить о том, что корпус прецедентных текстов отражает аккумулированные культурные смыслы, являющиеся основой аксиосферы общества. Когнитивисты делают акцент на значимости прецедентных феноменов в построении концептосферы, утверждая, что они являются ядерными компонентами лингвокультурных концептов. Концепт в свою очередь формируется вокруг ценностной доминанты и являет собой комплекс ассоциативно-культурных смыслов [Слышкин, 2000, с. 13]. Изучением прецедентного феномена как единицы концептосферы занимались многие исследователи.

По мнению С.К. Павликовой, прецедентные высказывания как продукт речевой деятельности «хранятся» в сознании, частотно воспроизводятся в дискурсе и указывают на ценностно-смысловые центры культуры, а также на способ трансляции этнокультурных ценностей [Павликова, 2005, с. 3]. Отметим, что фразеологизмы, крылатые выражения, пословицы и поговорки являются прецедентными высказываниями, которые известны всем носителям русского языка и регулярно используются ими в речи. Русские фразеологизмы отражают картину «русской культуры» [Россия лингвистическая, 2012, с. 111, 145]. Быт, традиции, обычаи, нравы русского народа, природные явления, родственные отношения, религиозные представления, история – таковы основные рубрики этой картины [Баландина, 2014]. Фразеологизмы русского языка включают в себя целый набор ключевых концептов, которые определяют национальную специфику языка и отражают культурно-исторический опыт народа. Таким образом, можно говорить о том, что корпус прецедентных высказываний отражает аккумулированные культурные смыслы, являющиеся основой аксиосферы общества.

Прецедентные высказывания – благодатная почва для изучения русского языка и культуры иностранными студентами, поскольку картина ценностей данной возрастной группы наиболее подвижна и отражает тренды современности.

Для того чтобы проанализировать использование прецедентных высказываний в речи китайских студентов и отразить культурные установки и моральные ориентиры студентов, нами было проведено анкетирование, целью которого стало выявление особенностей предпочтений иностранцев в использовании прецедентных высказываний. Наиболее частые единицы фразеологизмов, паремий и крылатых выражений (10 единиц каждой из групп) были включены в экспериментальное исследование с китайскими студентами. В анкетировании мы учитывали пол и возраст респондентов, их ответы на вопрос.

Опрос среди 100 респондентов китайских студентов от 18 до 30 лет выявил наиболее активные прецедентные высказывания, употребляемые в их речи: *ломать голову – 70 %; в гостях хорошо, а дома лучше – 66 %; лучше один*

раз увидеть, чем сто раз услышать – 66 %; *без труда не вынешь рыбку из пруда* – 54 %; *без году неделя* – 54 %.

С точки зрения аксиологического содержания, эти выражения затрагивают основные культурные и ценностные установки говорящих – носителей как русского, так и китайского языка. Аксиологический аспект подразумевает восприятие и усвоение выражений, отражающих универсальные ценности, которые создают эмоциональную связь между коммуникантами и усиливают запоминание. *Ломать голову* – выражение, которое связано с ценностью интеллектуальных усилий и решением проблем [Телия, 2006]. В обеих культурах важным считается умение преодолевать трудности и искать решение проблем. Установка на настойчивость и напряженную мыслительную работу – общая ценность как для русских, так и для китайцев, что помогло студентам легко запомнить данное выражение. *В гостях хорошо, а дома лучше* – выражение, которое отражает ценность семейных связей [Федоров, 2008], что также является значимой аксиологической установкой в русской и китайской культурах. В Китае, как и в России, семья считается основой стабильности и покоя. Данный вид культурной близости и универсальная ценность, связанная с понятием дома, создают эмоциональный отклик и способствуют легкому запоминанию выражения. *Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать* – фраза, которая выражает опыт и практические знания [Мокиенко, Никитина, 2007], что актуально для представителей разных культур. В Китае существует аналогичное выражение *百闻不如一见* (*Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать*), что позволяет студентам легко перенести аксиологическое содержание известного выражения на русский язык. Данный принцип, отражающий приоритет личного опыта перед словами, находит отклик в китайском менталитете и способствует быстрому освоению русского прецедентного высказывания. *Без труда не вынешь рыбку из пруда* – выражение, символизирующее ценность усердного труда и настойчивости для достижения успеха [Жуков, 2000]. В китайской культуре труд также является важной аксиологической категорией, заложенной в конфуцианской этике, где трудолюбие и постоянные усилия считаются путем к достижению цели [Лю, 1988]. Аналогичные идеи выражены в китайских пословицах, таких как *不劳无获* (*без труда нет награды*), *好事多磨* (*хорошее не дается без труда*), *不劳则无获* (*Без труда нет результатов*). Благодаря этому культурному и аксиологическому сходству китайские студенты легко воспринимают и запоминают русское выражение *без труда не вынешь рыбку из пруда* как отражающее понятную и важную жизненную идею. *Без году неделя* – выражение, передающее идею короткого периода времени, в течение которого человек не успел приобрести опыт или необходимые знания [Жуков, 2000]. Данное выражение связано с ценностью компетентности, основанной на опыте и времени. В китайской культуре уважение к опыту и времени также играет ключевую роль, и недостаток опыта часто воспринимается как недостаток

зрелости. Это сходство в восприятии опыта и времени как необходимых составляющих успеха делает выражение легко запоминающимся. Для китайских студентов данное выражение символизирует уважение к навыкам, которые приходят только с временем и усилиями, что находит отклик в их системе ценностей.

Таким образом, данные выражения, закрепленные в русском языке, резонируют с аксиологическими ценностями китайских студентов, облегчая их запоминание и использование в их речи с учетом лингвокультурной специфики [Ионова, 2006]. Результативность в толковании прецедентов русской культуры у респондентов – китайских студентов – оказалась значительно ниже в тех случаях, когда им предложили следующие крылатые выражения: *А счастье было так возможно – 14 %; Кто будет делать, Пушкин? – 12 %; Я был рожден для жизни мирной, для деревенской тишины – 8 %*. Можно предположить, что падение числа правильных ответов при толковании первого примера связано с различиями в содержании концепта «счастье» в китайской и русских культурах.

Конфуцианские ценности подчеркивают гармонию и коллективизм, а не индивидуальные переживания для китайских студентов, к отсутствию большой значимости индивидуального счастья для человека [Чэн, 1997]. В связи с этим китайцы с трудом присваивают высказывания, их смысл для них достаточно приблизителен, студенты не могут его переносить в иные ситуации общения, что определяет отсутствие в их речи данного высказывания как прецедентного.

Второе и третье выражения связаны с произведениями русских писателей и первичными контекстами употребления указанных фраз. Китайские студенты могут быть незнакомы с русской литературой и историей, что снижает их способность воспринимать или применять подобные фразы в речи, для них эти выражения не являются прецедентными, поскольку степень приблизительности аксиологического содержания высказываний в русской и китайской культурах слишком высока [Ионова, 2006].

В процессе анализа нами были сделаны следующие выводы. Аксиологическое содержание прецедентных высказываний является одним из ключевых элементов закрепления высказывания в культуре и регулярного использования его в речи носителей языка и тех, кто приобщается к русской культуре. Можно говорить о том, что, регулярно воспроизводя высказываний в речи в различных ситуациях, говорящие соглашаются в ценностным содержанием этих единиц. При этом использование прецедентных высказываний русского языка в речи китайских студентов иллюстрирует процесс того, как культурные и ценностные различия влияют на восприятие и применение языковых конструкций.

Прецедентные высказывания, содержащие утверждения, логически или эмпирически близкие представителям двух культур, имеют больше

шансов стать прецедентными выражениями в речи китайских студентов на русском языке. Противоречия или непоследовательность в понимании аксиологического содержания высказываний чужой культуры не позволяет иностранным обучающимся в полной мере осознать содержание высказываний, что составляет трудности в их освоении и применении в речи.

Таким образом, в ходе изучения фонда русских прецедентных единиц значительно расширяется языковая компетенция китайских студентов, в то же время они осваивают русской культуры, ее философскую, этическую, культурную, аксиологическую специфику, важную для осуществления межкультурной коммуникации.

Литература

1. Бриченкова Е. С. Прецедентное высказывание как объект лингвокультурологического комментария на уроках РКИ // Русский язык за рубежом. 2007, № 3. с. 72–75.
2. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
3. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2000. с. 544.
4. Ионова С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Волгогр. гос. пед. ун-т. - Волгоград, 2006. с. 38.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2004. с. 264.
6. Карасик В. И. Лингвокультурные сюжеты как объект аксиологической лингвистики. М.: сборник материалов II Международной научной конференции 27–28 октября 2022 г. [Электронное издание] / Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2023. 236 с.
7. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с.
8. Павликова С. К. русские и английские прецедентные высказывания (сравнительный анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 24 с.
9. Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда: монография / редкол.: В. И. Шаховский, С. В. Ионова, А. А. Дьякова. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2012. 388 с.
10. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурный концепт прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Академия, 2000.
11. Телия В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс Книга, 2006.
12. 程增宏. 二十一世纪的开创与儒家伦理 // 社会与人文. 外国文学杂志社. 1997 № 3. [Чэн Цзэнхунь. Создание марали XXI века и конфуцианская этика //

Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Реф. журн. 1997. № 3].

13. 刘再复, 林岗. 传统与中国人. 北京. 1988 [Лю Цзайфу. Лин Ган. Традиция и китайцы. Пекин, 1988].

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
В КАЗАХСТАНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНЫХ
ВЫСТУПЛЕНИЙ КАЗАХСТАНСКИХ ПОЛИТИКОВ)**

Жаркынбекова Ш. К. (Астана, Казахстан)

Долдинова С. А. (Астана, Казахстан)

***Аннотация.** Политический дискурс в Казахстане формирует ряд ключевых политических инициатив, реализуемых в самом государстве и за его пределами. Политические лидеры Республики Казахстан все больше обращают внимание аудитории на ряд аксиологических аспектов, среди которых рассматривают ценностные установки (страты общества).*

Цель исследования – выявить и проанализировать основные аргументативные стратегии, применяемые казахстанскими политиками, и оценить их влияние на общественное мнение. В этой связи были поставлены следующие задачи: 1) рассмотреть понятие аргументативного политического дискурса; 2) проанализировать аспекты применения аргументативного политического дискурса в речах политических деятелей Казахстана.

Для достижения этой цели были использованы методы дискурса-анализа и контент-анализа.

На основе анализа официальных выступлений политических лидеров Казахстана рассматриваются используемые аргументативные стратегии и их влияние на общественное мнение.

***Abstract.** Political discourse in Kazakhstan shapes a number of key political initiatives implemented in the state itself and beyond. Political leaders of the Republic of Kazakhstan pay more and more attention to the row of axiological aspects (social strata).*

The aim of the research is to identify and analyze the main argumentative strategies used by Kazakhstani politicians and assess their impact on public opinion. In this regard, the following tasks were set: 1) to consider the concept of argumentative political discourse; 2) to analyze the aspects of applying the argumentative political discourse in the speeches of political figures of Kazakhstan.

To achieve the goal, the methods of discourse analysis and content analysis were used.

The article includes the analysis of the argumentative political discourse features in Kazakhstan. Based on the analysis of official speeches of political leaders of Kazakhstan, the argumentative strategies used and their influence on public opinion are considered.

Ключевые слова: аксиология дискурса, политическая риторика, логическая структура, аксиологические стратегии, стилистические приемы.

Keywords: axiology of discourse, political rhetorics, logical structure, axiological strategies, stylistic devices.

Введение

Актуальность исследования аргументативного политического дискурса в Казахстане обусловлена важностью понимания механизмов формирования общественного мнения и влияния на политическое сознание граждан. В условиях политической трансформации и социально-экономических изменений аргументативные стратегии казахстанских политиков играют ключевую роль в достижении политических целей и поддержании стабильности в обществе.

Научная значимость исследования заключается в выявлении и анализе аргументативных приемов, используемых в политическом дискурсе Казахстана, что позволит лучше понять особенности политической коммуникации в стране. Результаты исследования могут быть полезны для практикующих политиков, стремящихся повысить эффективность своей коммуникации с аудиторией.

Для понимания важности этого исследования следует учитывать уникальный политический контекст Казахстана, характеризующийся сочетанием авторитарных и демократических элементов. Аргументативные стратегии политических лидеров становятся критически важными для обеспечения легитимности власти и формирования консенсуса среди граждан.

Кроме того, аксиология аргументативного дискурса в Казахстане представляет собой интересный объект исследования с точки зрения культурных и этнических аспектов. В РК необходимо учитывать разнообразие культурных и этнических групп при формировании политических заявлений, что накладывает новые требования на политиков в плане выбора аргументации, с учетом интересов различных групп и способствовала укреплению национального единства.

Исследование аксиологии аргументативного дискурса в Казахстане также важно в свете глобальных тенденций, связанных с ростом влияния социальных медиа и цифровых технологий на политическую коммуникацию. При глобальной информационной конкуренции способность донести свою точку зрения до широкой аудитории становится ключевым фактором успеха.

Материалы и методы

Для анализа аксиологии аргументативного дискурса использовались следующие методы:

1. *Дискурс-анализ:* исследование структуры и содержания речей политиков, выявление аргументативных стратегий и риторических приемов, что позволяет глубже понять то, как политики строят свои речи и как они адаптируют свои заявления в зависимости от контекста. Логическая структура

аргументов, анализ риторических стратегий и стилистических приемов создают мощное и убедительное сообщение.

2. *Контент-анализ*: количественный и качественный анализ текстов выступлений для выявления частоты использования определенных аргументативных приемов. Он предоставляет количественные данные о частоте использования различных аксиологических стратегий аргументации. Этот метод позволяет выявить тенденции и паттерны в политическом дискурсе.

Основными источниками данных стали официальные речи и выступления Президента РК, членов правительства и других ключевых политических фигур, а также документы и стенограммы парламентских заседаний, дающие более полное представление о политическом дискурсе в стране.

Теоретическая основа исследования

В рамках теории аргументации выделяются ключевые компоненты, такие как логическая структура, риторические стратегии и стилистические приемы [1]. В политическом дискурсе стран с транзитной демократией аргументация часто переплетается с элементами национальной идентичности и культурных особенностей.

Арутюнова четко определяет ценностную шкалу, формирующую восприятие тезисов и основных посылов при построении дискурсивных формаций [Арутюнова, 1998, с. 198–200]. Надо отметить, что в политическом дискурсе манипулирование понятиями «хорошо» и «плохо» в результате может сформировать у аудитории необходимое оратору впечатление.

Исследования показали, что в условиях глобальной нестабильности и социально-экономических изменений, аксиологические стратегии аргументации политиков существенно влияют на общественное мнение и формировать политическую культуру.

В частности, в политическом дискурсе Казахстана наблюдается частое использование логически выстроенных аргументов, подкрепленных культурными и национальными символами. Такие стратегии особенно эффективны в условиях политической и социальной трансформации, когда важно поддерживать стабильность в обществе.

Кроме того, в контексте казахстанского политического дискурса важную роль играют риторические стратегии, направленные на создание позитивного образа лидера и его инициатив (эмоционально насыщенная лексика, апелляция к патриотическим чувствам и коллективной ответственности), способствующие положительному восприятию политических решений и доверия к власти.

Особое внимание следует уделить стилистическим приемам, которые делают политические выступления более убедительными и запоминающимися. Например, с использованием метафор, аллюзий и других риторических фигур политические лидеры создают яркие и выразительные заявления, легко воспринимающиеся аудиторией. В казахстанском политическом дискурсе такие приемы часто используются для подчеркивания важности реформ

и изменений, а также для создания образа динамичного и прогрессивного руководства.

Обсуждение

В рамках проводимого исследования рассмотрены несколько примеров формирования аксиологических стратегий аргументации политического дискурса в текстах речей политических деятелей Казахстана за последние 5 лет.

Пример 1. Выступление главы государства Касым-Жомарта Токаева на церемонии открытия V Всемирных игр кочевников в Астане (2024): «У кочевников общие культура, духовное богатство, ценности, но самое главное, что объединяет все кочевые народы, – это дух свободы. Для кочевников жизнь – это постоянное движение, каждый их шаг – шаг навстречу новому миру...» [Токаев, 2024а].

Президент обращается к исторически сложившимся ценностным ориентирам кочевых народов, пришедших и сохранившихся сквозь многие годы. Токаев использует обращение к международным концептам «дух свободы» и коллективному «мы», что способствует созданию ощущения единства и общей цели собрания.

Пример 2. Выступление премьер-министра Аскара Мамина на заседании правительства: «Мы должны сосредоточиться на поддержке МСБ, привлечении инвестиций и создании новых рабочих мест. Особое внимание следует уделить развитию инфраструктуры и модернизации производственных мощностей. Только так мы сможем обеспечить долгосрочный экономический рост...» [Мамин, 2020].

А. Мамин выделяет основные направления экономической политики: поддержка бизнеса, привлечение инвестиций, и так далее. Политик использует стратегию апелляции к профессионализму и коллективной ответственности, обращаясь к «уважаемым коллегам».

Пример 3. Приветственная речь президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева на заседании Шанхайской организации сотрудничества в Астане: «Уважаемые главы государств! Уважаемый генеральный секретарь! Коллеги! Дорогие друзья! С большим удовольствием приветствую Вас на казахской земле, в столице Казахстана, городе Астане для участия в очередном заседании Совета глав государств-членов ШОС. За почти четверть века наша организация стала важным механизмом системы международных отношений и вносит существенный вклад в обеспечение устойчивого роста и всеобщего прогресса. Плодотворное взаимодействие в сфере политики и безопасности, экономики и культуры, наши страны задают вектор развития всего евразийского континента» [Токаев, 2024б].

Токаев использует логически выстроенную структуру, в которой четко выделены основные элементы выступления (приветствие, подчеркивание значимости собрания). Использование повторов («шанхайский дух»,

«шанхайские принципы») и параллельных конструкций («международные отношения», «всеобщий прогресс») делает речь более запоминающейся и ритмичной, что усиливает эмоциональное воздействие на аудиторию.

Аксиологические стратегии аргументации, используемые казахстанскими политиками, оказывают значительное влияние на общественное мнение и восприятие политических решений. Таким образом, убедительная аргументация способствует увеличению доверия к политическим лидерам и поддержке их инициатив [Демьянков, 2002].

Логически обоснованные аргументы укрепляют доверие к политическим решениям и уменьшают уровень неопределенности [Шейгал, 2000, с. 84].

В таблице 1 отражены результаты количественного анализа использования аксиологических стратегий в речах казахстанских политических деятелей.

<i>Аксиологические стратегии</i>	<i>Кол-во</i>	<i>Пример</i>
Апелляция к национальным ценностям	35	«наша экономика», «наши граждане»
Апелляция к коллективной ответственности	28	«уважаемые коллеги», «совместные усилия»
Концептуальное применение термина «геополитика» и связанные с ними понятия	18	«глобальная экономика», «геополитика»
Использование метафор	15	«период больших перемен»
Использование эмоционально окрашенных выражений	22	«процветание», «единство и труд»

Таблица 1. Частота использования аксиологических стратегий в речах казахстанских политиков

Аксиологические стратегии, направленные на национальные и культурные ценности, способствуют укреплению чувства единства и коллективной идентичности среди граждан. В многонациональном Казахстане принято учитывать интересы и культурные особенности различных этнических групп. Это помогает создать позитивный образ политического лидера и его инициатив, способствуя укреплению социальной сплоченности [Fairclough, Wodak, 1997, с. 265].

Кроме того, важно отметить, что успешное использование аргументации в политическом дискурсе способствует не только укреплению доверия к текущим лидерам и их инициативам, но и формированию долгосрочной политической культуры [Fairclough, Wodak, 1997, с. 268].

Аргументативные стратегии могут варьироваться в зависимости от контекста и аудитории. Например, в официальных выступлениях на международных форумах казахстанские политики могут использовать более формальные и дипломатические аргументы, подчеркивая приверженность Казахстана международным нормам и стандартам. В то же время, в выступлениях перед внутренней аудиторией обращение к национальным и культурным ценностям помогает укрепить связь с народом.

Заключение

Аргументативный политический дискурс в Казахстане характеризуется использованием логических аргументов, риторических стратегий и стилистических приемов, направленных на убеждение аудитории и формирование положительного имиджа политических лидеров.

В рамках проведенного научного исследования были выявлены следующие **результаты**: 1) логические аргументы позволяют политическим лидерам Казахстана создавать обоснованные и последовательные заявления, которые легко понимаются аудиторией. Это особенно значимо, когда граждане ожидают от своих лидеров рациональных и прозрачных решений. 2) аксиологические стратегии апелляции к национальным и культурным ценностям укрепляют национальное единство и социальную сплоченность и создают положительный образ политических лидеров; 3) стилистические приемы (метафоры, аллюзии и другие риторические фигуры) делают политические выступления более выразительными и запоминающимися.

В политическом дискурсе наблюдается неоднородная стратегия обращения к ценностным ориентирам. Политические деятели приводят свои аргументы в поддержку национального единства и по другим аспектам в совокупности со многими другими факторами. Так поддерживается комбинаторика аргументов, которая, в конечном счете, все равно приводит к желаемому коммуникативному результату [Нестерова, 2020, с. 248].

Аргументативный политический дискурс в Казахстане представляет собой многогранный процесс с использованием различных риторических и стилистических приемов. Исследование этих стратегий помогает лучше понять механизмы политической коммуникации и их влияние на публику.

Статья подготовлена в рамках проекта по грантовому финансированию МНВО РК на 2024–2026 гг. (ИРН АР23488481).

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 896 с.
2. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Полит.наука. 2002. №3. <https://clck.ru/3E3tJM>
3. Карасик В. И. Языковые мосты понимания: монография. М.: Дискурс, 2019. 524 с.
4. Нестерова Т. В. Аксиологические характеристики аргументации в повседневном общении // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник статей. М.: Гос. институт русского языка им. А. С. Пушкина. 2020. С. 242–250.
5. Мамин А. (2020). Выступление на заседании Правительства от 21.04.2020 URL: <https://primeminister.kz/ru/sessions/zasedanie-pravitelstva-21042020-2135844>

6. Новиков В. П. Оценочная лексика в языке английской газеты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 22 с.
7. Токаев К.-Ж. К. Выступление Главы государства К.-Ж. Токаева на церемонии открытия V Всемирных игр кочевников в Астане // 2024a. <https://surl.li/qhthcv>
8. Токаев К.-Ж. К. Лидеры государств выступили на заседаниях ШОС и «ШОС плюс» в Астане 2024б. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NE5kVpiGmeg>
9. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса // дис. ... док. фил. наук: 10.02.01, 10.02.19. Волгоград, 2000. 440 с.
10. Fairclough, N., & Wodak, R. Critical Discourse Analysis. In T. van Dijk (Ed.), *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction – Vol. 2*. London: Sage. Foucault, M. – 1997. – Археология знания; Киев: Ника-Центр. P. 258–284.

ЗАИМСТВОВАНИЯ В РЕКЛАМЕ ДЛЯ ЖЕНЩИН КАК СРЕДСТВО ФАТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Кириллова Е. А. (Чехов, Россия)

Аннотация. В статье анализируется использование заимствованных языковых элементов в рекламе, ориентированной на женскую аудиторию, выявляется фатическая функция данных языковых единиц и их значение в структуре медиатекста.

Abstract. The article analyzes the use of borrowed language elements in advertising aimed at a female audience, reveals the phatic function of these language units and their significance in the structure of the media text.

Ключевые слова: заимствования, фатическая модальность, женская реклама.

Keywords: borrowings, phatic modality, women's advertising.

Категория модальности по функционально-семантической направленности выражает отношение говорящего к предмету речи. К изучению модальных операторов обращались многие лингвисты, среди которых важное место занимают Ш. Балли, В. В. Виноградов, Г. А. Золотова, П. А. Лекант. Ученые отмечают, что категория модальности неоднородна и тесно связана с категориями эмоциональности и экспрессивности.

В рамках данной статьи мы опираемся на типологию модальных значений, которые были предложены в работах Е. Н. Ореховой [Орехова, 2011]. Основное внимание уделено фатической модальности и средствам ее выражения в текстах рекламы для женщин.

В данной исследовательской работе под фатической модальностью мы будем понимать контактоустанавливающую модальность, которая подразумевает

привлечение внимания аудитории разными средствами (вербальными и невербальными).

В настоящее время мир рекламы насыщен разнообразными форматами и стратегиями, нацеленными на привлечение внимания и воздействие на целевую аудиторию. Одним из таких стратегических подходов, который в последнее время привлек особое внимание исследователей, является употребление заимствованных языковых элементов в рекламных текстах, ориентированных на женскую аудиторию.

Цель данной работы – проанализировать использование иностранных слов в текстах рекламы для женщин как один из способов создания фатической модальности. Указанная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) охарактеризовать воздействующий характер заимствований в тексте рекламы для женщин;
- 2) установить частотность употребления рассматриваемых языковых единиц;
- 3) обосновать связь между использованием заимствований и коммуникативной целью рекламы для женщин.

В условиях глобализации, когда информация распространяется с большой скоростью, в составлении медиатекста очень важно выделять ключевые компоненты. В рекламном дискурсе креолизованный текст является одной из наиболее востребованных форм подачи информации потенциальному потребителю. Копирайтеру важно сделать так, чтобы реклама была запоминающейся и побуждала в адресате желание приобрести тот или иной продукт.

Как справедливо отмечает Селеменова О. А., «... в креолизованных текстах слово уходит на второй план и акцент делается на невербальных средствах выражения значений и формирования картины мира адресата» [Селеменова, 2020, с. 176]. В качестве невербальных компонентов рекламы могут выступать заимствованные слова.

Исследователь указывает на то, что при языковом смешении «в кириллическом тексте наблюдается экспансия слов и высказываний из английского языка» [Селеменова, 2020, с. 176]. Так как английский язык стал символом современности и активного процесса глобализации, многие бренды активно употребляли англицизмы в рекламе своих товаров и услуг.

Например, использование заимствованных элементов наблюдается в рекламе Faberlic.

«WOW», «Magic» – иноязычные слова-вкрапления служат средством фатической модальности. Они употреблены в рекламе косметики с целью выделиться среди русскоязычного текста. Графически выделенные заимствования помогают различить и индивидуализировать товар.

Слова-вкрапления в кириллическом креолизованном тексте рекламы могут быть использованы не только в качестве невербальных компонентов,

но и употребляться в самом тексте. Примеры можно найти в брошюре Торгового комплекса «Садовод».

*«Кожа давно не сходит с модных подмоштов, но в этом сезоне самым верным решением будет делать с ней **total look** – с ног до головы в коже».*

Или еще пример: *«Широкие плечи».*

*Еще один затянувшийся тренд, который никак не хочет уходить с подмоштов. Мужские пиджаки нарочито больших размеров – то, что сделает из вас настоящую **it-girl!** Имейте в виду, самые топовые вещи с широкими плечами – пальто и жакеты».*

Иноязычные вкрапления не несут какой-либо существенной информации и выступают средством «декорирования» кириллического текста с целью повышения статуса рекламируемого объекта. Можно заметить, что частота использованных заимствованных языковых единиц невелика. Причина этого заключается в том, что копирайтер не хочет затруднять восприятие и интерпретацию всего текста представителями русской лингвокультуры.

Селеменова О.А. отмечает, что позиция иноязычных вкраплений в структуре рекламного текста может быть различной. Так, например, «если высказывания на английском языке представляют собой слоганы рекламных кампаний, они могут выполнять эмоционально-экспрессивную функцию, апеллируя к чувствам адресата, и участвовать в создании особой притягательной атмосферы всего рекламного текста» [Селеменова, 2020, с. 175].

В анализируемом выше примере слоган рекламы компании Faberlic добавляет всему тексту экспрессивности: *«Be your best»* (рус. *Будь лучшим*).

По результатам нашего исследования, в последнее время заимствованные языковые единицы все реже встречаются в текстах рекламы для женщин. Это может быть связано с несколькими факторами:

1) Изменение в языковой политике на государственном уровне.

В Федеральном законе от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ „О государственном языке РФ“» в 6 части были внесены коррективы. А именно: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке и перечень которых содержится в нормативных словарях, предусмотренных частью 3 настоящей статьи» [Федеральный закон от 28.02.2023 № 52].

Можно предположить, что этот закон повлиял на переход некоторых зарубежных косметических брендов на русифицированные названия. Среди них можно выделить следующие бренды: Gliss Kur, Schauma, Fa, Taft.

2) Откат заимствований.

В русском языке периодически появляются заимствованные слова, которые входят в активный словарный запас благодаря межгосударственным связям.

Об этом упоминают Т.И. Черемисина и А.В.Бондаренко: «Исторически сложившиеся многовекторные культурные и языковые контакты между странами получили закрепление в национальных языках, а заимствование слов из одного языка в другой является одним из наиболее древних процессов лингвокультурологического взаимодействия» [Черемисина, Бондаренко, 2020, с. 193].

С началом Специальной военной операции осложнились взаимоотношения между Россией и странами Запада, что оказало влияние и на языковую картину мира. В контексте глобальных политических изменений Россией выбран курс на сохранение индивидуальности русского самосознания. В современных реалиях заимствованные слова могут вызывать у адресата негативные ассоциации, что сильно скажется на продажах товара.

3) Мода.

Рынок рекламы стал более конкурентным, и бренды вынуждены искать новые способы привлечения внимания аудитории. В этом контексте использование заимствований из английского языка может «снизить» товар в глазах потенциального потребителя.

Сегодня большинство женщин предпочитают рекламу, которая обращается к ним на родном языке и учитывает их национальные и культурные ценности.

Таким образом, заимствования в рекламе для женщин могут быть рассмотрены как средство фатической модальности, которая направлена на установление контакта с аудиторией и создание запоминающегося образа.

Использование заимствований из английского языка в рекламе для женщин может быть рассмотрена как попытка показать ориентацию продавца на актуальность, современность и глобальность рекламируемого продукта.

Рекламодателям важно понимать, что цель рекламы – не только продать продукт, но и создать положительный образ товара и установить контакт с аудиторией, которая впоследствии захотела бы приобрести продукт снова.

Литература

1. Орехова Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: автореферат дис. ... доктора филолог. наук: 10.02.01. М., 2011.
2. Селеменова О.А. Языковое смешение в креолизованных текстах рекламы гляцевых журналов // Научный диалог. 2020. № 3. С. 168–184.
3. Черемисина Т. И., Бондаренко А. В. Иноязычная лексика в рекламе как средство маркетинговой коммуникации (на примере европейских языков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 6 (835).

Нормативно-правовые акты

1. Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ “О государственном языке РФ”»

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕРИАЛА
КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ СМЕЩЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ГЕРОЯ

*Киуру К. В. (Челябинск, Россия)
Линьков С. В. (Челябинск, Россия)*

Аннотация. В статье анализируется художественное пространство сериала как репрезентант смещенных ценностей героя в нарративе сериала. На примере сериала «Рипли» выявляются такие смещенные, то есть сознательно замененные героем, ценности, как желание обладать и необходимость мимикрировать ради этого обладания. Репрезентацию этих ценностей авторы анализируют через обращение режиссера к произведениям искусства, включение в художественное пространство деталей и аллюзий, черно-белую гамму визуального ряда и эффекты.

Abstract. The article analyzes the artistic space of the series as a representative of the displaced values of the hero in the narrative of the series. The example of the series “Ripley” reveals such displaced, that is, consciously replaced by the hero, values as the desire to possess and the need to mimic for the sake of this possession. The authors analyze the representation of these values through the director’s appeal to works of art, the inclusion of details and allusions into the artistic space, the black-and-white scale of the visual series and effects.

Ключевые слова: нарратив, кинематограф, ценности, символическая репрезентация.

Keywords: narrative, cinematography, values, symbolic representation.

Сериальное производство, как и кинематограф, – искусство визуальное, поэтому нарратив сериала, как и нарратив кино, позволяет через визуальные символы транслировать различные смыслы, включая важные для характеристики героя ценности. Мы в исследовании опираемся на идею В. И. Карасика о «нарративном измерении ценностей» [Карасик, 2020, с. 160] и ставим целью показать, что художественное пространство сериала позволяет через свои элементы транслировать ценности героя.

В данном исследовании мы продолжим развивать идею о ценностях героя как драматургическом элементе произведений экранных искусств [Киуру, Линьков, 2023].

Художественное пространство сериала мы, вслед за Ю. М. Лотманом [Лотман, 2024, с. 97–98], понимаем как особый мир со своими законами и своей внутренней жизнью.

Художественный мир экранного произведения в условиях визуального поворота, пришедшего в XX веке на смену лингвистическому, требует нового типа героя – экранного. Новый тип героя является результатом рефлексии

того, как художник (в нашем случае – режиссер или сценарист) видит, чувствует и понимает современного человека. По мнению А. П. Петровой, нужно выявлять сущностные характеристики экранного героя и методы его коммуникации с реципиентом [Петрова, 2021]. Экранный герой – это сложный набор культурных кодов, соединяющий в себе мифологический канон и новые художественно-выразительные средства экрана.

В качестве материала исследования мы обратимся к сериалу Стивена Зеллиана «Рипли», снятого по роману Патрисии Хайсмит «Талантливый мистер Рипли». Главный герой сериала Том Рипли убивает своего друга Дикки Гринлифа, после чего присваивает себе его имя, его историю, деньги, жизнь и ценности. Его цель – обладать жизнью друга, а для этого он должен мимикрировать под него.

Художественное пространство сериала «Рипли» представляет собой черно-белый сеттинг Италии 1950-х годов, оно наполнено предметами искусства, многочисленными деталями, аллюзиями и эффектами.

Рассмотрим художественное пространство сериала как репрезентант смещенных ценностей Тома Рипли.

Искусство. Как мы уже говорили, действие сериала происходит в Италии — стране, генетический код которой на 100 % состоит из изобразительного искусства.

Визуальный язык сериала «Рипли» повторяет язык картин итальянских художников, которые так часто упоминаются в сюжете.

Особое внимание в сюжете режиссер уделяет необычной одержимости Тома Рипли судьбой великого итальянского художника Караваджо. Осенью 1591 года против Караваджо были выдвинуты обвинения в убийстве, художнику пришлось бежать и скрываться. Эта сюжетная параллель явно прослеживается в сериале — Том Рипли вынужден скрываться после убийства Дикки Гринлифа.

В сцене убийства Фредди Майлза, разоблачившего Тома Рипли, камера наезжает крупным планом на картину Караваджо «Давид с головой Голиафа». Известно, что Караваджо изобразил на картине самого себя, как в образе палача, так и жертвы. В то время как голова Давида похожа на портрет самого Караваджо в молодости, голова Голиафа является его же портретом, но в более преклонном возрасте. Поэтому на картине Давид не выглядит грозным победителем — он изображен в образе задумчивого юноши. Можно сказать, что в этой картине есть некая нить, соединяющая две противоборствующие силы. Хотя Давид и символизирует добродетель, а Голиаф — порок, отсутствие грозного вида самого Давида свидетельствует о том, что он смотрит на свою жертву с состраданием.

В последней серии мы видим образ самого Караваджо, сидящего за столом в задумчивости; он скрывается от преследования после убийства своего друга. Таким образом, режиссер проводит параллели между двумя персонажами.

Очень хорошо эта параллель видна в сцене подготовки Тома Рипли к допросу. В процессе размышления над тем, как ему скрыть свое внешнее несходство с Дикки Гринлифом, герою на глаза попадаете альбом с репродукциями картин Караваджо. «Призвание Святого Матфея» с его лучом света, скрывающим в теи лицо Христа, наталкивает Рипли использовать люминизм для маскировки своего лица. Он опускает портьеры, расставляет лампы так, чтобы одна половина его лица находилась во время досмотра в тени.

Как и картины Караваджо, наполненные светом и тенью, так и персонаж Рипли, находясь во власти этих стихий, является метафорой борьбы между тьмой и светом. Именно поэтому, несмотря на все свои преступления, Том Рипли не несет наказания, он вечен и непобедим, как вечно и непобедимо само Зло.

Черно-белый фильм. Использование только двух цветов позволяет зрителю лучше почувствовать то состояние задумчивости, в котором пребывает герой, обдумывая очередной план злодейства. Это фильм о вечности и красоте Зла. Наблюдая за героем, прогуливающимся под дождем, зритель наслаждается его мрачным стройным силуэтом, отражающимся в витринах и лужах маленьких итальянских городов. Это образ одинокого человека, ведущего постоянный диалог с самим собой.

Сериал снят в жанре нуар, в подчеркнута монохромной палитре, сам режиссер объясняет выбор такого цветового (точнее, лишнего всякого цвета) решения еще и тем, что не хотел открыточных видов Италии.

Такое цветовое решение сериала выполнено в почти нарочитой противоположности солнечным, сексуальным, гедонистичным картинам Энтони Мингеллы («Талантливый мистер Рипли») и Рене Клемана («На ярком солнце»).

Эффекты. За восемь часов хронометража «Рипли» не предлагает зрителям ни одной лишней сцены, каждый отдельный кадр представляет собой абсолютное торжество и композиции, и симметрии.

Вопреки избранному жанру детектива, саспенса в нем невероятно мало, более того, у сериала удивительно последовательный монтаж, изредка прерывающийся джамп-катами, который делает повествование местами избыточно прямолинейным. Режиссер жертвует интригой во имя красоты.

С. Зеллиан возвращает на экраны знакомый сюжет, осознанно избегая свободных для интерпретации моментов в отношении личности и сексуальной ориентации Тома Рипли, которые, например, были в фильме Мингеллы, напротив — он во всем опирается на конкретику, создавая удивительно четкий, но лишенный всякой чувствительности портрет идеального убийцы.

Эндрю Скотту пришлось создавать образ с нуля, без оглядки на интерпретации Мэтта Дэймона («Талантливый мистер Рипли», Джона Малковича («Игра Рипли») или Алена Делона («На ярком солнце»). Его Рипли — удивительно отрешенный убийца без внутренней боли и мотивации человек с тысячьо лицами, чья истинная природа остается для зрителей загадкой.

Детали и аллюзии. Первый кадр — темный силуэт в шляпе тянет по лестнице вниз бездыханное тело, бьющееся головой о каждую ступеньку. Мы видим зловеще протянувшиеся тени, голландский угол лестницы — все это аллюзии к Хичкоку, нуар-фильмам 1950-х годов, фильмам ужасов немецкого экспрессионизма.

Отовсюду на героев взирают то античные лики, то сфинксы, то амуры, то фигуры с картин Караваджо, с которым немедленно отождествляет себя Рипли. Еще один безмолвный наблюдатель преступления – кот Лючио, что является аллюзией к произведениям Эдгара Аллана По и фильмам Дэвида Финчера.

Самая сложная аллюзия встречается в конце последней серии: Рипли встречает другого афериста, пожилого, которого играет не кто иной, как Джон Малкович (исполнившим роль Рипли в фильме «Игра Рипли» Лилианы Кавани).

Ценности. Парадокс Тома Рипли заключался в его странной уязвимости, способности быть жертвой и агрессором в одном лице, которая раскрывает в нем подобие человеческой личности, пусть и с весьма аморальной основой.

Таким образом, ценностями Тома Рипли являются желание обладать и необходимость мимикрировать, чтобы достичь желаемого.

В интерпретации режиссера Том Рипли мечтает обладать, но обладать не способен. Он может только мимикрировать, присваивая чужую судьбу, чужие интересы, увлечения и мысли.

Режиссер отказывает Тому Рипли еще в одной важной ценности, вынесенной Патрицией Хайсмит в название романа, — таланте. Если делоновский Том был влюблен в себя, а деймоновский — в Дикки, то персонаж Эндрю Скотта не любит никого. В нем нет никакой легкости — орудия, которым Рипли должен сражать наповал. Это необаятельный, замкнутый, асексуальный и неловкий тип с неприятной ухмылкой.

Итак, художественно пространство сериала как особый мир, в котором живут герой и зритель, способно через визуальный ряд представлять ценности героя.

Литература

1. Карасик В. И. Языковые картины бытия: Монография. — М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020. — 477 с.
2. Киуру К. В. Ценности героя как драматургический элемент кинофильма и их репрезентация через модный бренд / К. В. Киуру, С. В. Линьков // Русский язык за рубежом. — 2023. — № 2(297). — С. 73–80. — DOI 10.37632/PI.2023.297.2.013.
3. Лотман Ю. М. Строение фильма / Ю. М. Лотман, Ю. Г. Цивьян, К. Э. Разлогов. — М.: Культура, 2024. — 615 с.
4. Петрова А. П. Культурный герой и экранный герой: сущностные характеристики образа // Художественная культура. — 2021. — № 1(36). — С. 244–265. — DOI 10.51678/2226-0072-2021-1-244-265.

**ИНФОРМАТИВНЫЙ ОБЪЕМ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В ТИФЛОКОММЕНТИРОВАНИИ***Конотопова А. Л. (Москва, Россия)*

Аннотация. В статье исследуется информативный объем предложений в тифлокомментировании с учетом важности синтаксической компрессии для экономии времени при озвучивании. Анализ тифлокомментария к фильму «Москва слезам не верит» выявил основные средства выражения предикативности в тексте.

Abstract. The article explores the informative volume of sentences in typhocommunication, paying attention to the need for syntactic compression to save time when voicing. An analysis of the typhoid commentary to the film «Moscow does not believe in tears» revealed the main means of expressing predicativity in the text.

Ключевые слова: информативный объем предложения, полипредикативность, предикат, тифлокомментирование.

Keywords: informative sentence volume, polypredicativity, predicate, typhocommunication.

Одна из основных трудностей, с которой сталкиваются тифлокомментаторы при работе – недостаток времени. Тифлокомментирование может осуществляться только в паузы между диалогами и какими-либо значимыми звуками [Тифлокомментирование и тифлокомментарий. Термины и определения. ГОСТ РФ 57891, 2017]. Поэтому профессионалы прибегают к использованию компрессии для экономии времени. При этом важно не опустить важные детали, показанные на экране, и передать неискаженную информацию незрячей аудитории.

Особенно востребована в текстах тифлокомментария синтаксическая компрессия. «Когда утверждают, что «синтаксическая компрессия – это увеличение количества информации на одну единицу плана содержания», только привычное морфологизированное восприятие мешает увидеть, что у единицы плана содержания должен быть и план выражения. Средствами плана выражения здесь выступают и категориально-грамматическая структура признаковых компонента, и видо-временные характеристики глагольных форм» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998, с. 220]. Информативный объем предложения характеризуется количеством предикативных единиц в его составе. «Предикативной считаем синтаксическую конструкцию, соотносящую имя признака (в широком смысле) с именем его носителя в категориях времени, модальности и лица» [Золотова, 1995]. Рассмотрим средства выражения предикативности, которые используются в тифлокомментарии. В статье будут рассмотрены тифлокомментарии, сделанные к фильму «Москва слезам не верит», 1979 г., киностудия «Мосфильм». Расшифровка озвученных текстов тифлокомментария в письменную форму была произведена нами вручную.

В тифлокомментировании востребованы полипредикативные конструкции, характерно насыщение информативной емкости предложения путем взаимодействия в его структуре двух или нескольких предикативных единиц. Заметим, что «монопредикативность уже, чем простое предложение, а полипредикативность – шире, чем сложное предложение, ибо полипредикативным может быть и простое предложение» [Роговнева, 2024]. На уровне простого предложения используются конструкции с дополнительными предикациями. С помощью предикативных распространителей увеличивается информативная плотность текста, что крайне выгодно, когда время, предоставленное на передачу информации, ограничено рамками кадра. «Как носители предикативности выступают в предложениях причастные и деепричастные формы и обороты, инфинитив, отвлеченные имена со значением действия, состояния, качества, ряд предложно-падежных форм имени со значением признака, состояния, сравнительные обороты, приложения, обособленные определения» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998, с. 209].

Использование деепричастия позволяет сократить количество слов в тифлокомментарии и передать информацию о действии более компактно, не утрачивая при этом смысла: *Улыбаясь, Катя входит в комнату; Спит девушка, уронив голову на руки; взяв под мышку папку, выходит из зала; встав в центр комнаты, вопросительно оглядывается; Блондинка переодевается, оставшись в ночной рубашке; Схватив платье, прячется за дверь; Будто выйдя из оцепенения, поднимается; Орудуя метровым ключом, что-то показывает Кате.*

Дополнительную предикацию дают действительные и страдательные причастия в атрибутивной функции, которые относятся к компоненту модели или к ее распространителям в глагольных предложениях: *Люда берет стоящий на тумбочке будильник; Люда садится на место вставшего первого мужчины в пиджаке песочного цвета; Люда кричит в щель между закрывшимися дверьми лифта; Также попадают уже завершённые строения; Женищина с приоткрытым ртом переглядывается с мужчиной.* В субстантивных предложениях: *Строящееся здание; Поле со строящимися на разных этапах дачами.*

Причем атрибутивное причастие, употребляемое при существительных нарицательных, является рестриктивным определением [Онипенко, Никитина, 2024]. Поэтому говорящий использует их не только для того, чтобы сообщить о наблюдаемом действии, но и для того, чтобы выделить объект из класса подобных, например: *Спускавшийся за ней молодой человек входит следом; Спускавшийся за Людой молодой человек садится напротив.* Здесь говорящий с помощью причастия акцентирует внимание на конкретном описываемом объекте.

Дополнительную предикацию дают неизосемические существительные со значением действия: *Встав в эффектную позу, с голливудской улыбкой смотрит на мужчину и женщину.*

При этом в одном простом предложении могут употребляться несколько дополнительных предикаций, выраженных разными средствами. Так, информативный объем предложения *Встав в эффектную позу, с голливудской улыбкой смотрит на мужчину и женщину* получает выражение в трех предикативных единицах, которые формируются с помощью деепричастия (*встав*), девербатива (*с улыбкой*) и личной формой глагола (*смотрит*).

В процессе распространения и осложнения модели реализуются три разных типа связи и три фактора [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998, с. 207]. Второй фактор действует на уровне предложения, и синтаксические отношения, определенные этим фактором, могут быть как предикативными, так и непредикативными. Потенциальную предикативность могут сохранять распространители, которые относятся к субъекту или к предикату, но не вступают в присловные связи. Например, в предложениях *Девушки в белых халатах и рукавицах раскладывают их по поддонам; Около Люды мужчина в халате* компоненты *в белых халатах и рукавицах, в халате* могут сохранять потенциальную предикативность (ср. *Девушки – в белых халатах и рукавицах; Мужчина – в халате*). В предложении *Люда садится на место вставшего первого мужчины в пиджаке песочного цвета* информативный объем получает выражение в трех предикативных единицах, которые, в свою очередь, относятся к двум субъектам. Здесь, кроме основного предиката *садится*, есть еще два таксисных компонента: 1) *вставшего*, 2) *в пиджаке песочного цвета*. По линии лица – *Люда* – носитель одного признака, у двух остальных признаков другой субъект – *мужчина*.

Стоит обратить внимание на употребление усложненных предикатов в простом предложении. На те случаи, когда введенный компонент не дает дополнительной предикации. Так, в конструкции *У входа в здание девушка замедляет шаг* предикатом выступает сочетание фазисного глагола *замедляет* и девербатива *шаг*. Неполнозначенный глагол здесь обозначает признак предиката, фазу его процессуального развития и входит как вспомогательный элемент в состав предиката. В усложненном, полипредикативном предложении *Будто выйдя из оцепенения, поднимается* фазисный модификатор в сочетании с именным предикатом выступает в форме деепричастия (*выйдя из оцепенения*).

Полипредикативные конструкции располагают обширными возможностями синонимических преобразований, то есть возможна замена предикативизирующих средств другими как в пределах простого предложения, так и с выходом в структуру сложного предложения. Так, например, причастный оборот в некоторых случаях может быть заменен придаточным определительным при сохранении общности грамматических значений. В таких ситуациях предпочтительна модель с причастным оборотом как более лаконичная. Однако возможен выход тифлокомментария на уровень сложного предложения: *Люда входит в помещение, в котором курит несколько мужчин и одна девушка*. В этой конструкции три субъекта (1) *Люда*; 2) *помещение*; 3) *несколько мужчин и одна*

девушка) и три, относящихся к ним предиката. Любые попытки употребить конструкцию с причастным оборотом вместо придаточной части приведут к необходимому внедрению неизосемического глагола, а в следствии этого дополнительному усложнению модели (например, *Люда входит в помещение, заполненное курящими несколькими мужчинами и одной девушкой*). Хотя встречаются сложные предложения, придаточная часть которых может быть заменена причастным оборотом при сохранении общности грамматических значений: *Дружинники обращаются к парню, который положил руку девушке на плечо* (ср. *Дружинники обращаются к парню, положившему руку девушке на плечо*). Наблюдаются и такие сложные предложения, придаточная часть которых может быть заменена девербативом при сохранении общности грамматических значений: *Прежде чем ответить, Вахтерша смотрит в тетрадь* (ср. *Перед ответом Вахтерша смотрит в тетрадь*).

Для примера рассмотрим тифлокомментарии к одной сцене из фильма (таймкоды: 9:23–10:34). Приведем расшифровку тифлокомментария к этому фрагменту:

Заводской цех. Катя в белом платке и белом комбинезоне работает за гидравлическим прессом. Достав отштампованную деталь, осматривает ее, качает головой. Вкладывает очередную заготовку. Двумя руками нажимает разнесенные друг от друга кнопки. В цехе еще несколько десятков стоящих в ряд станков, выполняющих разнообразные функции. За ними работают девушки, одетые также как Катя. У пресса с номером 32 возьмется двое мужчин лет пятидесяти. Осматривая получившуюся на выходе деталь, что-то обсуждают. Катя обходит свой пресс, поворачивает одну из рукояток. Ползун перемещается в нижнее положение. Повернув две большие гайки, Катя затягивает их гаечным ключом метровой длины. Один из мужчин надевает очки, с внимательным прищуром наблюдает за действиями Кати. Та продолжает выполнять штамповку.

Получается, что за 1 минуту 11 секунд предикативные распространители, выраженные деепричастиями, встречаются 3 раза (*достав, осматривая, повернув*). Предикативные распространители, выраженные причастиями, встречаются 6 раз (*отштампованную, разнесенные, стоящих, выполняющих, одетые, получившуюся*). А в примерах *Достав отштампованную деталь; разнесенные друг от друга кнопки; Осматривая получившуюся на выходе деталь* причастия помимо того, что дают дополнительную предикацию, еще выделяют объект из класса подобных.

Увеличивают информативную плотность в приведенном фрагменте и девербативы. Например, информативный объем предложения *Один из мужчин надевает очки, с внимательным прищуром наблюдает за действиями Кати* получает выражение в четырех предикативных единицах:

- 1) один из мужчин надевает;

- 2) с прищуром (об одном из мужчин);
- 3) наблюдает (об одном из мужчин);
- 4) за действиями (о Кате).

2/4 предикатов выражены девербативами. 1, 2 и 3 предикаты относятся к одному субъекту (*один из мужчин*), 4-й предикат относится к другому субъекту (*Катя*). 1 и 3 предикативные признаки темпорально характеризуются последовательностью. 2, 3 и 4 – одновременностью. Модально все признаки реальные.

Потенциальная предикативность может содержаться в именных распространителях предложения *Катя в белом платке и белом комбинезоне работает за гидравлическим прессом* (ср. *Катя – в белом платке и белом комбинезоне*).

Один раз в анализируемом отрывке встречается усложненный предикат: *Та продолжает выполнять иштамповку*. Здесь предикат составляют фазисный глагол-модификатор (*продолжает*), глагол-компенсатор (*выполнять*) и девербатив (*иштамповку*).

И так, в этом фрагменте, состоящем из 14 предложений, находим 27 предикативных единиц. Информативный коэффициент его можно выразить как $27/14 = 1,9$.

Наше исследование подтверждает, что для тифлокомментария характерна высокая информативная плотность предложений. Преобладают простые предложения, в числе которых встречаются в т. ч. полипредикативные. Однако возможен выход тифлокомментария и на уровень сложного предложения. Тем не менее востребованы конструкции, содержащие предикатные актаны, сворачивающие предикативную единицу до компонента другой (основной) предикативной единицы. Это позволяет компенсировать нехватку времени, сохраняя при этом необходимый уровень информативности.

Литература

1. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Издательство Московского университета, 1998. 524 с.
2. Золотова Г. А. Монопредикативность и полипредикативность в русском синтаксисе // Вопросы языкознания. – 1995. – № 2. – С. 99–109.
3. Онипенко Н. К., Никитина Е. Н. Языковая небрежность или коммуникативный прием? // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова – 2024. – № 3. – С. 258–268.
4. Роговнева Ю.В. Полипредикативные единицы и их соотношение с простым и сложным предложением // Русский язык за рубежом. – 2024. № 2 (303). – С. 74–78.
5. Тифлокомментирование и тифлокомментарий. Термины и определения. ГОСТ Р 57891–2017. М.: Стандартинформ, 2017.

**ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ В НАЦИОНАЛЬНО
ОБУСЛОВЛЕННЫХ МОДЕЛЯХ ФАТИЧЕСКОЙ
ВОПРОСНО-ОТВЕТНОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Кузнецов И. А. (Москва, Россия)

***Аннотация.** В работе обсуждаются новые результаты нашего исследовательского проекта по изучению национально обусловленных моделей фатической коммуникации в отечественных речевых практиках. Материалом исследования являются вопросно-ответные диалогические единства, представленные в Национальном корпусе русского языка. Анализируется отражение в диалогах на русском языке таких «коммуникативных ценностей русской культуры», как установка на эмпатию, чрезмерная гиперболизация в языковой концептуализации обычной ситуации, гипертрофия общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий, острая реакция на ложные ценности или претензии, соотношенность самых простых вещей, свойств, процессов или явлений с духовным идеалом, ироническое «остранение» карнавального типа, неконтролируемость и неагентивность, иррациональность и ощущение неподвластности человеку хода событий.*

***Abstract.** The paper discusses new results of our research project on studying nationally determined models of phatic communication in domestic speech practices. The material of the study is question-answer adjacency pairs presented in the Russian National Corpus. The reflection of such “communicative values of Russian culture” in dialogues in Russian is analyzed, as an attitude towards empathy, excessive hyperbolization in the language conceptualization of an ordinary situation, hypertrophy of the general, moral or aesthetic evaluativeness when nominating persons, objects and events, a sharp reaction to false values or claims, the correlation of the simplest things, properties, processes or phenomena with a spiritual ideal, ironic “estrangement” of a carnival type, uncontrollability and non-agentivity, irrationality and a feeling of the course of events being beyond the control of a person.*

***Ключевые слова:** ценностные установки в диалоге, национальная и культурная обусловленность, фатическая коммуникация, вопросно-ответные единства, русская речь.*

***Keywords:** value attitudes in dialogue, national and cultural conditioning, phatic communication, question-answer adjacency pairs, Russian speech.*

В работе представлены очередные результаты предпринятого нами исследовательского проекта по изучению национально-обусловленных моделей фатической коммуникации в отечественных речевых практиках.

Методологической основой исследования выступают идеи прагматически ориентированного изучения «коммуникативных ценностей русской культуры» [Дементьев, 2013] и принципы комплексного описания концептов национальной культуры в языковой картине мира этноса [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005; Радбиль, 2019]. Использована методика когнитивно-дискурсивного анализа применительно к моделям речевого взаимодействия [Матвеева, 2014; Радбиль, Помазов, 2019]. В центре непосредственного исследовательского внимания в настоящей работе находятся такие минимальные единицы речевого взаимодействия, как диалогические единства, базовым, прототипическим видом которых признаются вопросно-ответные единства. Материалом исследования являются вопросно-ответные диалогические единства, представленные в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ).

Как пишет Т. В. Матвеева: «Непринужденные диалоги в их совокупности создают ту или иную атмосферу, тот воздух общения, который характеризует нацию в целом» [Матвеева, 2014, с. 123]. Это позволяет нам поставить вопрос о реальности национально и культурно обусловленных моделях речевого взаимодействия в русской речи. По словам В. В. Дементьева, в русском мире «обращает на себя внимание очень большая ценность коммуникации в целом, общения — больше, чем во многих других культурах, высокая коммуникативность очень многих (если не всех) ключевых концептов русской культуры — *душа, правда, справедливость, искренность*» [Дементьев, 2013, с. 7]. Во многом это связано с принадлежностью русской культуры к числу **высококонтекстных культур**, наряду с многими «коллективистским» культурами Востока и в противовес низкоконтекстным, так называемым «индивидуалистическим» культурам Запада [Красных, 2002]. Именно в высококонтекстных культурах акцент в общении делается не на его информативную сторону, а на то, с кем, в какой ситуации и как общаются.

В лингвистическом диалоговедении принято разграничивать две базовые разновидности речевого взаимодействия — **информатику**, имеющую своей задачей обмен содержательной информацией между участниками диалога, и **фатику**, ориентированную прежде всего на установление межличностных отношений между собеседниками [Винокур, 1993]. Для высококонтекстных культур, к которым, как было сказано выше, относится и русская, как раз характерной является повышенная роль именно фатического речевого взаимодействия, акцентирующего, если можно так выразиться, сам факт общения, само его осуществление.

Примечательна в этой связи и сама постановка вопроса о «коммуникативных ценностях русской культуры» в работах В. В. Дементьева, которые являются неотъемлемой частью дискурсивных практик этноса. Коммуникативные ценности русской культуры реализуются на всех планах диалогической интеракции: это и выражение позиции говорящего, это и адресованность, эти

и всевозможные импликатуры дискурса, пресуппозиции и инференции как способы выражения невербальной стороны коммуникативной ситуации и пр. Как пишет В. В. Дементьев: «Специфику русской коммуникации обуславливает связь многих собственно коммуникативных моментов с нравственными категориями, оценками, оценочной деятельностью» [Дементьев, 2013, с. 8]. В этой связи становится очевидным, почему изучение национально-обусловленных моделей диалогической коммуникации в фатических вопросно-ответных единствах представляет немалый интерес для лингвистической аксиологии.

В наших работах, на основе обобщения идей других ученых, был выделен ряд лингвокультурологических параметров, по которым предлагается судить о национальной обусловленности того или иного явления в русском языке и речи: установка на эмпатию, чрезмерная гиперболизация в языковой концептуализации обычной ситуации, гипертрофия общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий («моральная страстность», по А. Вежицкой [Вежицкая, 1997]), острая реакция на ложные, с точки зрения носителя языка, ценности или претензии (на «пошлость» [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005]), соотношенность самых простых вещей, свойств, процессов или явлений с духовным идеалом («практический идеализм», по А. Вежицкой), ироническое «остранение» карнавального типа [Новые тенденции, 2016; Русский язык, 2021], неконтролируемость и неагентивность, иррациональность и ощущение неподвластности человеку хода событий («идея непознаваемости мира») [Вежицкая, 1997; Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005] и др. Далее мы проиллюстрируем каждую из этих позиций конкретными примерами.

(1) Установка на эмпатию, на личностную вовлеченность в характеризующую ситуацию в целом или по отношению к отдельным ее аспектам (участникам, теме, контексту и пр.): — *Я совершенно потеряла покой, сна лишилась, — продолжала Ирина Павловна. — Когда это все кончится? // — Я тебя понимаю, — кивнул Казакевич. — Такая неприятность* [Андрей Троицкий. Удар из прошлого (2000)]. — Здесь в речевой зоне отвечающего реализована установка на взаимопонимание; — *Я и то думаю, — вздохнул человек, — может, политического убежища спросить? Только кому я нужен без диплома?! // — Я вам искренне сочувствую* [Сергей Довлатов. Иная жизнь (1984)] — Здесь в речевой зоне отвечающего реализована установка на эмпатию, сочувствие.

(2) Чрезмерная гиперболизация в языковой концептуализации обычной ситуации: — *На диету села? // — Нет, — смущенно пробормотала Даша, почему-то отводя глаза в сторону. // — Тогда почему так плохо ешь? Я тебе тысячу раз говорила, чтобы ты не смела худеть, пока кормишь грудью* [Александра Маринина. Не мешайте палачу (1996)]. — Здесь в речевой зоне инициатора диалога посредством фигуры гиперболы, чрезмерно преувеличенно выражена реакция говорящего на действия собеседника.

(3) Гипертрофия общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий («моральная страстность», по А. Вежбицкой [Вежбицкая 1997]): — *Кто дал в газету эту гнусность? — закричал он с такой яростью, что у него побелели даже глаза. — Какой негодяй?! // — Крупник, — растерянно ответил я* [К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Время больших ожиданий (1958)]. — Здесь реализуется негативная обобщенная оценка лица и его действий с использованием инвективной лексики, что в целом не соответствует нейтральной рабочей обстановке.

(4) Острая реакция на ложные, с точки зрения носителя языка, ценности или претензии: — *Сейчас еще и удивитесь! Как раз живопись художницы-любителя Суворовой-Алферовой на сегодняшний день является официальный триумф «Формулы цвета Чудина». // — Неужели и это слушать?* [В. В. Лопатин. Диалоги о цвете в живописи // «Волга», 2015]. — Здесь в речевой зоне отвечающего в формате косвенного речевого акта — эксплицитного нежелания воспринимать инициальную реплику — выражается возмущение по поводу описываемой ситуации — признания заслуг недостойного художника, возможно, воплощающего в глазах отвечающего как раз пошлость.

(5) Соотнесенность самых простых вещей, свойств, процессов или явлений с духовным идеалом: *НАТАША. — Ты представляешь! Сережка купил ей электрический чайник на свои собственные деньги! Как ты думаешь, это любовь? // ЛЯЛЯ. — Я думаю, это чувство ответственности* [Елена Исаева. Убей меня, любимая! (2002)] — Здесь в речевой зоне спрашивающего посредством употребления «высокого» слова *любовь* маркируется вполне обычная ситуация покупки электрического чайника.

(6) Ироническое «остранение» карнавального типа и пр. Фатические коммуникативные модели этого типа часто реализуются посредством рассмотренных в наших работах вопросно-ответных единств так называемого «псевдо-тавтологического типа». Это такие единства, в которых ответная реплика на внешнем, языковом уровне либо повторяет (полностью или частично) какой-либо словесный фрагмент предыдущей реплики, либо отражает какой-либо иной вид языковой избыточности, но при этом на уровне имплицатур дискурса выводится нетривиальная информация [Кузнецов, 2020, с. 79–80]: — *Ты ведь не сбежишь от меня через пять лет? // — Глупости какие. Почему я должен от тебя сбежать?* [Андрей Клепаков. Опекун // «Волга», 2016]. — Здесь в формате повтора инициальной вопросительной реплики ответ вопросом на вопрос вместо предоставления требуемой информации переводит разговор на обсуждение причин обсуждаемой ситуации; — *Что скажешь? — обратился ко мне Иван. // — Да что тут скажешь... — промямлил я* [Наталья Емельянова. Путешественник // «Дальний Восток», 2019]. — Здесь повтор инициальной вопросительной реплики маскирует стратегию ухода от ответа на неуместный в данной ситуации, по мнению отвечающего, вопрос.

(7) Неконтролируемость и неагентивность. Часто подобные интенции снятия с себя ответственности за обсуждаемые обстоятельства выражаются в зоне отвечающего посредством клишированных речевых формул, как правило, имеющих национальную или культурную специфику, например:

— *Спросил его, где он нынче пирует? Ответил, что будет дома. Один. // Вера Сергеевна проговорила, не глядя на мужа: // — **Что тут поделаешь?** Он — одинокий человек. // Геннадий ничего не ответил [Леонид Зорин. Глас народа (2007-2008) // «Знамя», 2008];*

— *Откуда? Мы с Ванечкой целый день дома просидели. // — Ну вот я тебе сообщаю: его убили, расследование поручено мне, я должен идти. // — На ночь-то глядя? // — **Ничего не напишешь.** Служба, — произнес Иван Дмитриевич волшебное слово, чья магия в последнее время на жену как-то перестала действовать [Леонид Юзефович. Костюм Арлекина (2001)]. — В последнем примере клишированная формула снятия с себя ответственности за происходящее имеет разговорный характер.*

(8) Иррациональность и ощущение неподвластности человеку хода событий: — *Юрий Васильевич, есть ли у союза связи с военными структурами? // — **Что можно ответить на этот вопрос? И да, и нет** [А. Беликов. Союз жив — Союз будет жить // «Военный вестник Юга России» (Ростов-на-Дону), 2003.10.03]. — Здесь отвечающий в формате логически противоречивого высказывания реализует коммуникативную установку на уклонение от однозначного ответа в силу невозможности его дать; подобное уклонение может рассматриваться как и как нарушение принципа кооперации.*

В подобных национально-обусловленных моделях фатической вопросно-ответной коммуникации в зоне отвечающего также могут использоваться клишированные речевые формулы, отсылающие за ответом к неизвестному или неопределенному источнику, к Богу и под., например: — *Сашка все равно учиться не будет. Странный он какой-то. // — **Кто знает, может, и будет?** [Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011)]; — *И что он им напел? // Пантов снова передернул плечами, выпятил нижнюю губу: — **Одному богу известно.** Могу только сказать, что он ярый противник забастовки [Сергей Романов. Парламент (2000)]. — В этом же ряду следует рассматривать и многочисленные обценные речевые формулы отсылки к неизвестному или неопределенному источнику знаний.**

Таким образом, анализ большого массива корпусного материала позволяет обнаружить стабильно воспроизводимые в дискурсе доминанты, которые проявляются на разных планах речевого взаимодействия — в выражении позиции говорящего, в характере адресованности, в особых импликатурах дискурса, пресуппозициях и инференциях как способах выражения невербальной стороны коммуникативной ситуации и пр., т.е. в той области, которую В.В. Дементьев именует «коммуникативными ценностями русской культуры» [Дементьев, 2013]. Прежде всего речь идет как раз об акценте

преимущественно на фатическую сторону коммуникации в ущерб информативной, что характерно для высококонтекстной культуры. При этом установки коммуникантов могут тяготеть к полярным типам речевого взаимодействия. С одной стороны, очевидно преобладание тенденции к «задушевному общению», к неформальному «разговору по душам», ориентированной на поддержание «эмоционального градуса» общения. А с другой стороны, не менее часто в речевом взаимодействии наблюдается порождение моделей конфликтной фатической коммуникации, направленных на «переход на личности», на выяснение отношений — так сказать, обратная сторона неформальности и задушевности.

И кооперативные, и конфликтные модели фатики равно демонстрируют отсутствие в мире «коммуникативных ценностей русской культуры» уважения к частной сфере, к личному пространству коммуникантов, неприятие того, что в низкоконтекстных западных культурах именуется «privacy» — границы личного мира индивидуума.

Литература

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
2. Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева; Российская акад. наук, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1993. С. 5–29.
3. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
4. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
5. Кузнецов И. А. Псевдотаавтологические вопросно-ответные единства в русской диалогической речи: к проблеме национальной обусловленности моделей фатической коммуникации / И. А. Кузнецов // Научный диалог. 2020. № 5. С. 78–96. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-78-96.
6. Матвеева Т. В. Ведение диалога как сфера лингвоэкологии // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 121–131.
7. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: коллективная монография / под ред. Л.В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА; Наука, 2016. 304 с.
8. Радбиль Т. Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2019. С. 23–35.
9. Радбиль Т. Б., Помазов А. И. Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте интернета // Вестник

Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Том 19. № 1. С. 140–153. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.1.12

10. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: Коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021. 328 с.

11. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. 336 с.

ЦЕННОСТНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКУ КАК СРЕДСТВУ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ле Ван Ань (Москва, Россия)

Мамонтов А. С. (Москва, Россия)

Аннотация. В рамках настоящей статьи речь идет об аксиологическом подходе при составлении национально ориентированных лингвострановедческих словарей, которые, в свою очередь, призваны помочь изучающим иностранные языки, в том числе русский как иностранный, сформировать кросс-культурную компетенцию, необходимую для осуществления успешной коммуникации с носителями языка. В статье дается анализ семантического содержания ценности «родина». Результаты проведенного эксперимента позволяют зафиксировать как совпадение, так и расхождение в содержании анализируемого понятия у представителей двух лингвокультур – русской и вьетнамской.

Abstract. This article discusses the axiological approach to compiling nationally-oriented linguistic and cultural dictionaries, which, in turn, are designed to help those studying foreign languages, including Russian as a foreign language, to develop cross-cultural competence necessary for successful communication with native speakers. The article provides an analysis of the semantic content of the value “homeland”. The results of the experiment allow us to record both the coincidence and the divergence in the content of the analysed concept among representatives of two linguacultures – Russian and Vietnamese.

Ключевые слова: ценностно ориентированный подход, кросс-культурная компетенция, национально ориентированная лексикография, ценность понятия «родина», межкультурная коммуникация.

Keywords: value-oriented approach, cross-cultural competence, national-oriented lexicography, value “homeland”, intercultural communication.

В современных научных работах феномен «ценность» привлекает к себе особое внимание исследователей самых разных научных дисциплин, таких

как философия, социология, культурология, психология, лингвистика. Именно ценности составляют основу любого культурного кода [Матвеев, 2006], они как высшие ориентиры поведения определяют содержание и специфику культуры в целом [Карасик, 2021] и определяют поведение человека, в том числе коммуникативное [Ларина, 2013].

В связи с этим получило широкое развитие относительно новое направление в языкознании – аксиологическая лингвистика, предметом которой является воплощение ценностей в языковом сознании и коммуникативном поведении реципиентов. «Доминанты сознания и поведения в концентрированном виде выражаются как ценности культуры, систематическое осмысление которых в языке дает основание выделить аксиологическую лингвистику – новую область интегративного гуманитарного сознания» [Карасик, 2002]. Проблема иерархичности ценностей, эксплицированной в содержании сознания носителей разных языков и культур, представляет большой интерес для преподавателей иностранного языка, так как лингвоаксиология тесно связана с теорией и практикой преподавания языка как средства межкультурного общения. Поскольку при обучении иностранному языку, в том числе русскому как иностранному, знакомство с его структурой недостаточно для того, чтобы учащийся мог свободно и успешно осуществлять коммуникацию на иностранном языке. Ему также необходимо овладеть умениями и навыками общения с разными людьми в различных ситуациях в соответствии с общепринятыми нормами и традициями культуры страны изучаемого языка, то есть «адекватно понимать и интерпретировать лингвокультурные факты, основываясь на сформированных ценностных ориентирах и оценках своей и чужой культуры» [Азимов, Щукин, 2009]. Следовательно, овладение любым иностранным языком как средством межкультурной коммуникации сопряжено с овладением системой ценностей, которая является неотъемлемой частью изучаемой культуры.

В связи с чем нам представляется целесообразным включать в образовательный процесс знакомство с системой ценностей изучаемой лингвокультуры. Помощь в этом может оказать национально-ориентированная лингвострановедческая учебная лексикография, призванная обеспечить создание словаря нового типа, основанного на аксиологическом подходе, учитывающего национальную специфику родной культуры адресата, его систему ценностей. В основу концепции подобного типа словаря лежит идея о том, что в процессе обучения русскому как средству межкультурной коммуникации не существует «иностранца» вообще, а есть конкретный контингент инофонов. Поэтому учёт родной культуры адресата при создании такого средства обучения как лингвострановедческий словарь должен стать обязательным и приоритетным.

В нашей статье мы постарались проанализировать ценностный ряд носителей русского и вьетнамского языков с целью выявления национальных

особенностей, сходств и различий для дальнейшего использования материалов нашего исследования при составлении национально ориентированного лингвострановедческого словаря для вьетнамской аудитории и использования в практике преподавания.

Обзор теоретических работ показывает, что в аксиологии приняты различные варианты классификации ценностей [Карасик, 2015]. Но во всех классификациях присутствуют как материальные, так и нематериальные (духовные) ценности. В нашей работе мы решили обратиться к анализу такой базовой нематериальной ценности, как «родина». В нашем исследовании мы опираемся на данные «Русского регионального ассоциативного словаря-тезауруса» [Черкасова, Уфимцева 2014] и результаты ассоциативного эксперимента, проведенного нами среди вьетнамских студентов нефилологического профиля в количестве 100 человек, в возрасте от 18 до 35 лет, мужского и женского пола в период с января 2023 по сентябрь 2023 года.

Ассоциативный словарь отражает языковые способности человека, показывает, как сочетаются слова живой речи носителей русского языка. В подобных словарях раскрываются черты национального характера и национальной картины мира. Словарь, выбранный нами для нашего исследования, отражает ассоциативно-вербальную модель языкового сознания представителей русской лингвокультуры, так называемого «среднего русского». Для проведения эксперимента нами было выбрано ассоциативное поле (далее АП) «родина». В статье рассматриваются слова-ассоциаты, которые респонденты назвали не менее двух раз.

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова приведены следующие определения слова «родина»:

- 1) страна, в которой человек родился и гражданином которой является;
- 2) место происхождения кого-, чего-л., возникновения чего-л.

В «Словаре вьетнамского языка» Хоанг Фе слово «*Tổ quốc* (родина)» зафиксировано в следующем значении:

Đất nước, được bao đời trước xây dựng và để lại, trong quan hệ với người dân có tình cảm gắn bó với nó (Страна, построенная и завещанная прошлыми поколениями, по отношению к людям, которые эмоционально привязаны к ней).

Проанализировав определения, данные в русском и вьетнамском толковых словарях, можно отметить некоторые различия: если русское понятие «родина» связано со страной, местом, где человек родился, то во вьетнамском понимании «*tổ quốc* (родина)» мы наблюдаем более экспрессивное определение («эмоционально привязаны к ней»), ориентацию на прошлое («построенная и завещанная прошлыми поколениями»). И действительно, традиционно вьетнамцы более уважительно относятся к старшим, почитают предков. Этим же объясняется обязательное наличие алтаря для предков в каждом доме, даже не на территории Вьетнама.

Рассмотрим ценность «родина» в русской лингвокультуре согласно русскому региональному ассоциативному словарю-тезаурусу 2014 года издания:

РОДИНА: мать 162; Россия 97; моя 47; дом 25; страна 24; отчизна 10; земля 9; город 8; отечество, патриотизм 6; зовет, край, патриот 5; матушка, мать зовет, наша 4; долг, от, малая, мама 3; война, гордость, двор, жизнь, кино, любимая, море, Москва, одна, Отечество, радость, родная, родное, России, Русь, РФ, святое, СССР, Сталин 2.

Проанализируем ценность «*tổ quốc* (родина)» во вьетнамской лингвокультуре.

TỔ QUỐC: Вьетнам 9; страна 8; защищать, любовь к стране, флаг 7; независимая, верность, родина 4; дорогая 3, благородная 3; мир, вносить вклад, священная, жертвенность, гордость, замечательная, важная 2.

Согласно данным русского регионального ассоциативного словаря понятие «родина» в первую очередь ассоциируется со словом «мать», который зафиксирован только в русском ассоциативном ряду. Можно предположить, что это связано с определенным влиянием на языковое сознание представителей русской лингвокультуры популярного во время Великой Отечественной войны образа Родины-матери, зовущей своих детей на бой с врагом.

Интересно отметить, что понятие «война» также присутствует только в русском ассоциативном ряду. Наличие такого ассоциата в русском сознании, возможно, вызвано тем, что Великая Отечественная война оставила глубокий след в каждой русской семье.

Кроме того, во вьетнамском ассоциативном ряду отсутствует ассоциат «малая». Данное понятие выступает в тесной связи с устойчивым выражением «малая родина», которое обозначает место, где человек родился, провел свое детство, юность. У многих эти родные места вызывают приятные воспоминания. В силу большого размера территории страны и высоким уровнем внутренней миграции, значительная часть россиян не остается жить на своей «малой родине» и испытывают сильную тоску по ней. «Малая родина» занимает важное место в жизни каждого русского человека. Выдающийся ученый-лингвист Дмитрий Лихачев отмечал: «Любовь к Отчизне начинается с любви к своей малой Родине – месту, где человек родился. Постепенно расширяясь, эта любовь переходит в любовь к своему государству, его истории, прошлому и настоящему, ко всему человечеству».

Данные ассоциативного опроса позволяют нам зафиксировать во вьетнамском лингвопространстве значительное количество реакций с положительной коннотацией (*защищать, любовь к стране, дорогая, благородная, священная, замечательная*), что в свою очередь, на наш взгляд, связано с историческими особенностями Вьетнама. Долгие годы вьетнамский народ боролся с внешней агрессией. На протяжении почти тысячи лет над Вьетнамом господствовали китайские феодальные династии. Затем «страна Юга», так вьетнамцы называют свою родину, попала в колониальную

зависимость от Франции. В годы первой мировой войны Вьетнам оккупировала Япония. Кроме того, последняя война закончилась относительно недавно в 1979 году. Постоянная борьба с внешними силами еще больше сплотила вьетнамцев и привила им сильные патриотические чувства, понимание того, что родину надо защищать, и она должна быть независимой. Вьетнамцы по сей день следуют завету первого президента Вьетнама Хо Ши Мина, который говорил, что «нет ничего дороже независимости и свободы». Необходимо подчеркнуть, что в русском языковом сознании также присутствуют подобные вьетнамскому языку ассоциаты – *отечество, патриотизм, мать зовет, любовь, гордость*. Однако Россия не находилась под иностранным игом на протяжении такого продолжительного времени, как Вьетнам. В связи с этим у вьетнамского народа на первый план выдвигаются понятия «защищать» и «независимая».

Таким образом, только на одном примере можно увидеть разницу в восприятии общечеловеческих нематериальных ценностей. Именно эту разницу, выявленную в ходе исследований в русле аксиологической лингвистики, мы считаем необходимым использовать при создании национально ориентированных лингвострановедческих словарей, которые призваны помочь в формировании у обучающихся кросс-культурной компетенции. Овладение ею позволит избежать трудностей в межкультурной коммуникации, успешно осуществлять общение на любом уровне.

Литература

1. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
2. Карасик В. И. Щедрость как ценность русской лингвокультуры // *Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М.С. Милованова (отв. ред). М.; Ярославль: Канцлер, 2022.*
3. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Монография. Волгоград: Парадигма, 2015. 432 с.
4. Ларина Т. В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. – М.: Языки славянских культур, 2013. 360 с., ил.
5. Мамонтов А. С., Богуславская В. В., Ратникова А. Г., Голубь А. Р., Будник Е. А. Этническое сознание, культура, коммуникация в аспекте национально ориентированного обучения русскому языку как иностранному // *Актуальные проблемы аккультурации в контексте преподавания русского языка как иностранного. к юбилею со дня рождения профессора Г. Г. Городиловой: сборник материалов международной научно-практической конференции. М., 2022. С. 62–73.*
6. Мамонтов А. С., Богуславская В. В., Ратникова А. Г., Голубь А. Р., Будник Е. А., Чинь Тхи Ким Нгок. Аксиологическая лингвистика и национально ориентированная лексикография: опыт взаимодействия (на материале русско-вьетнамских сопоставлений) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. Т. 20. №1. 2021. С. 101–113.*

7. Мамонтов А. С., Э. Цэдэндоржийн, Богуславская В. В. Система ценностей в аспекте национально-ориентированной лексикографии (на примере русско-монгольских сопоставлений) // Вестник РУДН. Серия: ЛИНГВИСТИКА. № 1.2019. С. 200–222.

8. Матвеев П. Е., 2006. Этика. Основы общей теории морали. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та. 81 с.

Словари

9. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). — М.: Издательство ИКАР, 2009. — С. 389.

10. Кузнецов С. А. Новый большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

11. РАС – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: АСТ: Астрель, 2002. 2 т.

12. Hoàng Phê – Hoàng Phê. Từ điển Tiếng Việt. Viện Ngôn ngữ học: NXB Đà Nẵng, 2003. 1222 tr.

13. Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. М. 2014.

ДИЭРЕМЫ НА СТЫКАХ ПОЛНОЗНАЧНЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Морозова Н. В. (Москва, Россия)

***Аннотация.** В статье анализируется поведение фонем, находящихся на стыках полнозначных слов. Отмечается, что на границе значимых единиц могут оказываться сочетания звуков, противоречащие произносительным законам русского языка, за счет присутствия пограничных сигналов – диэрем.*

***Abstract.** The article contains a description of phonemes behavior located at the junctions of full-meaning words. It is noted that at the border of significant units there may be sound combinations that contradict pronunciation laws of the Russian language due to the presence of boundary signals – dierems.*

***Ключевые слова:** фонетика современного русского языка, младшая орфоэпическая норма, звучащая речь, реализация фонем, пограничные сигналы, диэрема.*

***Keywords:** phonetics of modern Russian language, junior orthoepic norm, sounding speech, phoneme realization, signals of juncture, dierema.*

Фонетические единицы линейны: сначала звуки объединяются в слоги; затем из слогов формируются фонетические слова – из них строятся синтагмы, которые в свою очередь организуются говорящим во фразы – интонационно оформленные законченные мысли.

В фонетике существуют произносительные законы, согласно которым определяется возможность появления тех или иных сочетаний звуков. Если известна фонема и ее произносительные условия (позиция), можно установить, каким звуком она будет реализована в речи. Однако не во всех позициях идентичные фонемы реализуются одинаково: примечательна позиция стыка значимых единиц, в которой могут работать свои правила – в таких случаях мы говорим о присутствии особого фонологического средства – диэремы.

Первой вехой в истории понятия может считаться научный вклад Н. С. Трубецкого: он обозначил проблему существования в языке средств фонетической дифференциации значимых единиц, которые называл пограничными сигналами, и впервые системно подошел к их анализу, описав это в труде «Основы фонологии» (1939) [Трубецкой, 2000, с. 285–308]. Идеи Н. С. Трубецкого впоследствии поддержал, развил и дополнил М.В. Панов, который ввел для пограничного сигнала термин диэрема (подробнее о понятии см. в [Панов, 2004, с. 297–319]).

Согласно теории М. В. Панова, существуют различные типы диэрем: межсловная; между полнозначным словом и служебным; разграничивающая морфемы. Ранее мы исследовали диэремы и реализацию фонем на стыках морфем, а также на стыках компонентов фонетических слов (подробнее см., например, в [Морозова, 2023]). В настоящей статье начнем рассматривать и анализировать присутствие диэрем на стыках двух полнозначных слов, тем самым выходя с внутрисловного уровня на уровень межсловный.

Предшествующие нам работы по фонетике производились, как правило, либо на материале речи дикторов теле- и радиопередач, либо – записанной речи информантов, читавших заранее подготовленный текст. Для нас представляется принципиально важным переместить фокус научного внимания с речи подготовленной на речь, которую можно назвать реальной, живой, поскольку такой подход позволяет достовернее проследить тенденции в реализации языковых единиц за счет отсутствия у информантов тщательного контроля над произношением. Материалом наших исследований служат записи звучащей речи носителей младшей орфоэпической нормы, конкретно: прямые эфиры блогеров с ответами на вопросы в реальном времени; видео из личных блогов о повседневной жизни информантов; интервью; видео о моде, стиле, кулинарии, психологии и проч. – все эти тексты можно назвать нефикциональными (термин взят из работ Ю. В. Роговневой, например: [Роговнева, 2023]), противопоставив их тем текстам, что были придуманы заранее и лишь озвучивались информантами в искусственных условиях.

Описывая особенности межсловных диэрем, М.В. Панов определяет одной из ее черт возможность устранения ограничений в сочетаемости твердых-мягких согласных с другими звуками [Панов, 1979, с. 169–170]. Рассмотрим на примере:

У нас, с многими моими героями, заходит тема дружбы. [у_на́с/с_мно́г'ьм'ь май́м'ь г'иро́йм'ь / захо́д'ьт'г'э́мь дру́жба //]. Здесь примечателен стык слов *заходит* и *тема* – [захо́д'ьт'г'э́мь] (в фонетической транскрипции диэремы принято обозначать символом #) – звуки, стоящие рядом, не ассимилируются по твердости-мягкости, каждый сохраняет свой признак. По законам фонетики русского языка подобные сочетания звуков (твердый + мягкий) невозможны [Панов, 1979, с. 168], однако они встречаются в позиции стыка значимых единиц, в том числе полнозначных слов: *в адре[с#с']ебя, все[м#м']иrom, помогае[т#т']ебе, хотя[т#т']епла, фана[т#т']елевидения, чере[с#с']ебя, моро[с#с']ильный* и т.п. Даже при быстрой речи ассимиляции в таких случаях не происходит, что обеспечивает правильность перцептивного восприятия.

Другой чертой диэремы является нарушение закона, управляющего сочетанием зубных звуков. Обратимся к примеру:

Могут близкие тебя не принять и тебе нужно очень много перебороть себя, чтобы начать делать, чтобы проявляться, чтобы позволить себе это делать. [мо́гът бл'йск'ьйз т'иб'а́ н'ь_пр'ин'ат' / и_т'иб'э́ ну́жнь о́ч'ьн мно́гъ п'ьр'ьбаро́т'#с'иб'а́ / што́бъ нач'ат'#д'э́лт' / што́бъ пр'ьйвл'а́ць / што́бъ пазво́л'ьт'#с'иб'э́ э́тъ д'э́лт' //]. В словосочетаниях *перебороть себя* [п'ьр'ьбаро́т'#с'иб'а́] и *позволить себе* [пазво́л'ьт'#с'иб'э́] оба стыка слов характеризуются присутствием сочетания зубных звуков [т' + с'], сигнализирующего о наличии границы значимых единиц. Похожие примеры встречаются регулярно, приведем некоторые из них: *доказа[т'#с']ебе; стои[т#с']илы, не хватае[т#с']ейчас, теряе[т#с']естру; буде[т#с']ложно.* Во внутриморфемной позиции, точнее – в позиции не-стыка значимых единиц такие сочетания встретиться не могут, они препятствуют произносительным законам русского языка. В том же примере наблюдаем еще одно сочетание зубных, между которыми проходит диэрема: *начать делать* [нач'а́т'#д'э́лт'] – слова не отделяются паузой, следуют друг за другом в пределах одной синтагмы, при этом соседние звуки не ассимилируются, сигнализируя о границе слов. Также в приведенном примере интересно обратить внимание на словоформу *проявляться* [п'рьйвл'а́ць], а именно на способ реализации такого же фонемного сочетания <т'> + <с'>, как в примерах, описанных выше: примечательно, что здесь диэрема уже не появляется и звуки ассимилируются несмотря на то, что находятся в позиции стыка значимых единиц (суффиксов). Сочетание одних и тех же фонем может реализоваться по-разному в зависимости от того, на стыках каких значимых единиц они находятся – в позиции стыка полнозначных слов (а также в позиции стыка приставки и корня, ср. *подтема* [па́т#т'э́мь], *подделать* [па́д#д'э́лт'] и т.п.) диэремы могут встречаться, в позиции перед постфиксом – нет, фонемы <т'> / <т'> + <с'> реализуются одним звуком [ц]. Отсутствие диэрем в данном случае может быть объяснено тем, что «чем

ближе к концу слова, тем сильнее ассимилятивное воздействие общего ослабления энергии в этой позиции» [Зубкова, 1990, с. 118]. Наблюдение о том, что диэремы присутствуют не на всех границах значимых единиц даже в пределах одной фразы, а лишь в некоторых позициях, подтверждает тезис Н. С. Трубецкого: «языковые средства разграничения встречаются обычно не всюду, где они в принципе возможны, а лишь кое-где» [Трубецкой, 2000, с. 286]. Это же неоднократно подчеркивал М. В. Панов, описывая диэрему как «парадоксальную, многоликую, противоречивую фонологическую сущность» [Панов, 2004, с. 319].

Еще одним признаком диэремы является замена звонких шумных на глухие: «*сне[к] идет, моро[с] усилился, здесь боро[т] не стригут*» [Панов, 1979, с. 169]. В звучащей речи носителей современного русского языка также встречаем соответствующие примеры:

Если вы хотите найти выход, обязательно что-нибудь да найдется. [jэсл'ь вь хат'йт'ь нйт'и вьхът / аб'изат'ыл'нъ штон'ьбът'#дъ_найд'оць //]. Здесь интересна граница между словами *выход* и *обязательно*: они находятся на стыке синтагм – помимо нейтрализации по звонкости-глухости, происходящей перед гласным (ср. *выхо[т#а]бязательно*), образуется факультативная пауза, что также считается чертой диэремы в теории М. В. Панова. Такой же процесс встречаем и в других примерах: *выбор комфортных ба[с] отдыха, трен[т] ушел (тренд ушел); знакомст[ф] не будет, других варианто[ф] маникюра; обра[с] важнее* и т.п. Несмотря на то, что фонемы находятся в сильной позиции: за ними следует гласный, сонорный или <в>/<в'>, закон оглушения на конце слова не нарушается, звонкие шумные заменяются глухими – происходит нейтрализация.

Вышесказанное позволяет заключить, что позиция стыка полнзначных слов (шире – стыка значимых языковых единиц вообще) требует не только внимания, но и описания тех особенностей реализации фонем, которые могут появиться вследствие присутствия диэрем. При этом заметим, что «запрещенные» сочетания звуков, образующиеся за счет диэрем – «это не отступление от правила, а действие другого правила – существующего для стыков значимых единиц. Это – сочетание, разрешенное диэремой (и диэрему демонстрирующее, выявляющее)» [Панов, 1979, с. 171].

Понятие диэремы не применяется в современных исследованиях по фонетике, хотя наблюдения за звучащей речью носителей младшей орфоэпической нормы подтверждают необходимость использования и учета этого фонологического средства наравне с ударением и интонацией, поскольку все они служат одной цели – организации речевого потока для осуществления правильного перцептивного восприятия.

Хотя произносительные нормы языка подвижны и стремительно меняются, диэремы – исследованные и системно описанные М. В. Пановым еще в 1960–1970-е годы – регулярно встречаются в речи носителей современного

русского языка, что свидетельствует о неизменной актуальности этого понятия для описания фонетической системы вообще. Представляется важным и перспективным анализировать поведение диэрем уже на новом материале: это не только позволит охарактеризовать нынешнее состояние русской фонетики (синхронический аспект), но и дополнит историю понятия диэремы (диахронический аспект).

Литература

1. Зубкова Л. Г. Фонологическая типология слова. М.: УДН, 1990. 258 с.
2. Морозова Н. В. Реализация сочетания [с+ч'] в младшей орфоэпической норме // III Костомаровский форум. Язык и культура: взгляд молодых: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 24 мая 2023 года / Гл. редактор В. И. Карасик. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2023. С. 332–335.
3. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 256 с.
4. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. / Под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. М.: Языки славянской культуры, 2004. 568 с.
5. Роговнева Ю. В. Союзные и несоюзные конструкции в нефикциональных описательных фрагментах // Актуальные проблемы русистики и поэтики текста: Сборник научных статей. М.: Московский педагогический государственный университет, 2023. С. 146–151.

КОРПУСНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ «ЯЗЫКА ЦЕННОСТЕЙ» В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИАРЕЧИ ИНТЕРНЕТА: ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ «ЗНАКОВЫЙ»

Радбиль Т. Б. (Нижний Новгород, Россия)

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

Acknowledgements: The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number № 23-28-00368, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00368/>

Аннотация. В работе на примере прилагательного «знаковый» представлены очередные результаты исследовательского проекта по корпусно-дискурсивному анализу имплицитной оценочности в современном отечественном медиадискурсе Интернета. Материалом исследования являются контексты, извлеченные из газетных корпусов в составе Национального корпуса русского языка и выбранные в результате собственного интернет-мониторинга автора. Показано, что в речевой реализации

анализируемое прилагательное «знаковый» демонстрирует значительный позитивно-оценочный и негативно-оценочный потенциал, не отраженный в системно-языковом представлении данного прилагательного. Делаются выводы о валидности предложенной исследовательской процедуры для выявления и интерпретации неявных дискурсивных механизмов воплощения «языка ценностей» в речевой практике современных носителей русского языка.

Abstract. *The paper presents the latest results of a research project on corpus-discursive analysis of implicit evaluativeness in modern domestic Internet media discourse using the adjective “znakovyi” as an example. The research material is contexts extracted from newspaper corpuses in the Russian National Corpus and selected as a result of the author’s own Internet monitoring. It is shown that in speech implementation, the analyzed adjective “znakovyi” demonstrates significant positive-evaluative and negative-evaluative potential, which is not reflected in the systemic-linguistic representation of this adjective. Conclusions are made about the validity of the proposed research procedure for identifying and interpreting implicit discursive mechanisms for the embodiment of the “language of values” in the speech practice of modern native speakers of the Russian language.*

Ключевые слова: *прилагательное «знаковый», имплицитная оценочность, медиадискурс Интернета, корпусно-дискурсивный анализ, лингвистическая аксиология, русская речь.*

Keywords: *adjective “znakovyi”, implicit evaluativeness, internet media discourse, corpus-discursive analysis, linguistic axiology, Russian speech.*

В работе представлены новые результаты продолжающегося исследовательского проекта по корпусно-дискурсивному анализу неявных, скрытых механизмов языкового выражения ценностей в современных отечественных дискурсивных практиках.

Источником языкового материала является медийный дискурс в его интернет-разновидности, который выступает как активно и динамично развивающаяся коммуникативная среда для формирования и транслирования самых разнообразных ценностных приоритетов, стереотипов и реакций в социокультурном пространстве. Таким образом, непосредственным материалом для исследования выступают контексты, извлеченные из газетных корпусов в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и выбранные в результате собственного интернет-мониторинга автора (ИМ).

Методологической основой данного исследования является концепция «семантической ауры» («семантической просодии»), которая предложена в контекстуально-просодической теории Б. Лоу [Louw, 1993] и которая представляет собой смысловое приращение коннотативно-оценочного характера, выявляемое при анализе непосредственного контекстного

окружения слова – на большом массиве корпусных данных. Непосредственная исследовательская процедура основывается на идеях комплексного описания концептов культуры [Радби́ль, 2019], на принципах изучения активных процессов в современном русском языке [Новые тенденции, 2016; Русский язык, 2021] и на концепции когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных [Радби́ль, Помазов, 2019].

Многие слова и выражения естественного языка, которые не имеют явной, эксплицитной оценки в своем системно-языковом представлении, могут приобретать рефлексы позитивной или негативной оценочности в своей речевой реализации. Мы говорим в таких случаях об оценочности «наведенной», т.е. имплицуруемой ближайшими «соседями» слова в контексте или контекстом фрагмента в целом. Особенно значимы явления подобного рода для функционирования некоторых русских относительных прилагательных типа *амбициозный, элитный, элитарный, модный, престижный* и пр. которые проявляют, особенно используясь в медиаречи, значительный ценностный потенциал, выражая как позитивную, так и негативную имплицитную оценочность.

В центре непосредственного исследовательского внимания в данной работе находится прилагательное *знаковый* в его сравнительно новом, недавно разившемся употреблении для обозначения каких-либо значимых явлений в современной жизни, т.е. в значении, синонимичном прилагательному *значимый*: 'Общественно значимый, являющийся символом чего-либо'. Примечательно, что большинство словарей не отмечают этого значения, указывая указывают лишь на соответствие значения этого прилагательного семантике исходного существительного *знак*: 'относящийся к знаку, соотносящийся со знаком, связанный с ним', которое, в свою очередь, толкуется как 'изображение с известным условным значением' [БАС, т. IV, 1955, с. 644; МАС, т. I, 1985, с. 615; БТСРЯ, 2000, с. 367, Ефремова, т. I, 2000, с. 864]. Только в Викисловаре встречаем интересующее нас толкование: 'показательный, символический'. Описательно трактуется это новое значение для прилагательного *знаковый* в словаре под ред. Д.В. Дмитриева: «*прил., употр. сравн. часто*. Если какие-либо события, явления и т.д. вы называете знаковыми, вы имеете в виду, что они отражают нечто типичное, характерное для определенного периода времени. *Перемены в общественном мнении имеют знаковый характер: они показывают рост консервативных настроений*» [ТСРЯ, 2003, с. 368].

Таким образом, если в своем первоначальном значения это относительное прилагательное очевидным образом является нейтральным, внеоценочным (*знаковая теория, знаковая маркировка товара* и под.), то в своем новом значении это прилагательное переходит в качественное, о чем свидетельствуют контексты его употребления в краткой форме, в сравнительной и превосходной степени, в сочетании с наречиями степени качества: *Давно намеченная процедура слишком знакова, чтобы ее отменять* [НКРЯ — РИА Новости,

18.09.2008]; *«Слово года» еще более знаково, чем «Человек года», оно позволяет подвести кратчайший вербальный и концептуальный итог минувшему и запечатлеть его в памяти потомков* [НКРЯ — Новая газета, 18.12.2015]; *Одно из самых знаковых мест мемориала — стена скорби с именами погибших узников* [НКРЯ — Новая газета, 2021.04.12]; *Сегодня очень знаковое событие. Мы открываем аллею боевой славы «Три войны» защитникам Отечества* [НКРЯ — РИА Новости, 20.06.2020].

Именно в этой функции качественного прилагательного слово *знаковый* приобретает значительный положительно-оценочный потенциал за счет представления об общественной значимости, содержащегося в толковании.

Словосочетания с прилагательным *знаковый* обычно имеют референцию к лицам, названным существительными ролевой семантики или в значении рода деятельности, занятия, профессии и под., например: *Причины отсутствия знаковых гостей в Давосе — лишь частный случай проявления сложных процессов, требующих всестороннего и глубокого осмысления* [НКРЯ — Ведомости, 2019.01.27]; *Как минимум прогнозирую, что многие известные и знаковые общественные деятели, политические лидеры других партий, даже парламентских, могут примкнуть к нам, как только увидят серьезность наших намерений...* [НКРЯ — Парламентская газета, 2021.01.21].

Также часто возможна референция к вещам, явлениям, ситуациям, спортивным событиям, социальным движениям, промежуткам времени, пространственным локациям, социальным, научным и культурным проектам, изобретениям и открытиям, произведениям искусства и арт-объектам, идеям и воззрениям и пр., например: *Форма, обмундирование — это знаковые вещи с точки зрения восприятия работников органов прокуратуры* [НКРЯ — Парламентская газета, 2020.09.02]; *Сейчас существуют различные площадки и порой даже очень интересные для такого знакового события* [НКРЯ — Парламентская газета, 2021.12.30]; *Более 10 лет назад Сара Сарасвати опубликовала знаковое исследование о том, как на самом деле добиваются результатов новаторы и предприниматели* [НКРЯ — Ведомости, 2021.03.24].

Необходимо отметить, что само по себе представление о значимости, маркированности чего-либо, отмеченности, выделенности в сознании по какому-либо признаку с концептуальной точки зрения автоматически не означает наличия именно положительной оценочности. Представление о значимости — это, так сказать, лишь концептуальная основа для формирования положительной ценности. И именно анализ больших массивов корпусных данных позволяет выявить контекстуальные условия актуализации указанного позитивно-оценочного потенциала, факторы усиления, интенсификации имплицитной положительной оценочности.

Прежде всего это сочетания с самим словом *ценность*, которые представляют собой, по сути, переосмысляемую в режиме непрямого, идиоматичного речевого употребления аномалию-тавтологию (в норме ведь ценности не могут быть незнаковыми): *Теперь, когда мы так много говорим*

о вступлении России в большой европейский дом, вино может особенно прийти к двору, поскольку приобщает к **знаковым ценностям** мировой культуры... [НКРЯ — Аргументы и факты, 2002.11.14].

Также это контексты сочетаемости прилагательного *знаковый* с другими определяемыми существительными, имеющими эксплицитную позитивную оценку либо позитивно-оценочную коннотированность в импликационале своей семантики: **Знаковыми веками** того времени остались такие события, как **единовременный вывод в апреле 1989 года из состава ЦК 89 членов и кандидатов в члены ЦК** [НКРЯ — Парламентская газета, 2021.08.20]; **В Год педагога и наставника не может быть большей и знаковой радости, чем признание одного из наших педагогов лучшим учителем Москвы!** [ИМ — <https://m.ok.ru/group/>]; **Знаковый успех!** «Краснодар» к красивой игре добавляет чемпионский характер [ИМ — <https://c-pravda.ru/news/2023-10-10/>]; **День медицинского работника — один из самых знаковых праздников в нашей стране...** [НКРЯ — Парламентская газета, 2020.06.21].

Это контексты сочетаемости с одушевленными существительными с позитивно-оценочной коннотацией: **Александра Пахмутова, Микаэл Таривердиев, Андрей Петров были знаковыми героями оттепельного поколения** [НКРЯ — Lenta.ru, 04.03.2018]; **В Питер приехали и «знаковые» мастера (то есть «учителя») — Гинкас, Фоменко, Някрошус, и представители поколения «восходящих»** [НКРЯ — Известия, 08.10.2001].

Это контексты атрибуции прилагательным *знаковый* коллокаций с употреблением прилагательного *позитивный*, например: **В этом году вообще было немало знаковых позитивных событий** [НКРЯ — Парламентская газета, 2020.12.24]; **Есть знаковые позитивные сдвиги в экосистемах, сформировавшихся вокруг институтов развития (фонд «Сколково», РВК, «Роснано»)...** [НКРЯ — РБК, 21.09.2015]; **Если в последние годы происходило неуклонное сокращение оттока капитала из страны, а в первой половине 2003-го впервые за послеперестроечный период он вообще перестал уезжать из России — и это был знаковый, позитивный симптом, — то затем положение изменилось** [Труд-7, 26.08.2004].

Другая разновидность контекстов интенсификации имплицитной положительной оценочности связана с употреблением прилагательного *знаковый* в сочинительном ряду однородных членов — прилагательных с эксплицитной позитивной оценкой или ощущаемой позитивно-оценочной коннотацией: **Типичные объяснения менеджмента, почему к этой сделке не применимы стандартные правила, звучат примерно одинаково: проект особый, флагманский, знаковый, ключевой для компании** [НКРЯ — Ведомости, 2020.02.11]; **«Чистые пруды» — это, пожалуй, главное открытие. Место знаковое, одухотворенное, литературное** [НКРЯ — Vesti.ru, 21.02.2016]; **Он подчеркнул, что Т-34 является одним из «наиболее известных, знаковых и ярких символов победы в Великой Отечественной войне»** [НКРЯ — Известия, 18.03.2020].

Однако в целях нашего исследования наиболее показательными являются обнаруженные в корпусном материале контексты, в которых для слова *знаковый* имплицитруется оценочность отрицательная. Возможность наведения в контексте негативной оценки связана с представлением о том, что знаковыми, т.е. широко известными, популярными, заметными, у всех на слуху не обязательно могут быть лица, вещи, явления, события и пр. положительно оцениваемые, в хорошем смысле.

Это особенно заметно в контексте сочетания прилагательного *знаковый* с неодушевленными существительными, которые содержат эксплицитную негативную оценочность или негативно-оценочную коннотацию внеязыкового характера: *Почему за каждым крупным событием — будь то **знаковое преступление**, изменение экономической конъюнктуры или массовые политические протесты — нам видятся глобальный заговор и столкновение чьих-то многомиллиардных интересов?* [НКРЯ — Ведомости, 2013.03.13]; *Первым **знаковым** провалом была история с Ибрагимом Руговой* [НКРЯ — Независимая газета (приложение «Независимое военное обозрение»), 19.05.2000]; *По мнению экспертов, активность городских властей была связана с обеспокоенностью города судьбой стройки, которая из-за десятилетних проволочек получила статус **знакового долгостроя*** [НКРЯ — РБК Daily, 26.03.2009].

Максимально увеличивается степень имплицитной негативной оценочности в сочетании с субстантивными пейоративами — инвективными, бранными номинациями, например: *Из чуть **менее знаковых мерзостей** стоит упомянуть скандал с Артемом Агафоновым* [ИМ — <https://www.gazeta-slovo.ru/publikatsii/>]; *Насчет приезжих... Соглашусь. У меня совпало. **Самые знаковые гадости**, которые я получила в последние годы — от них, родимых* [ИМ — <https://vk.com/>].

То же, кстати, характерно и для контекстов сочетания прилагательного *знаковый* с одушевленными существительными — негативно-оценочными номинациями лиц, в том числе — бранными, инвективными, например: *Менеджеры, ответственные за внутреннюю политику, вероятно, восприняли акцию в ХХС как удобный предлог для расправы над **знаковыми преступниками*** [НКРЯ — Ведомости, 2012.08.20]; *В этом плане оно — подельник Мавроди и других «**знаковых**» проходимцев* [НКРЯ — Труд-7, 26.07.2001]; *А еще по новой традиции он встретится не с одним или двумя злодеями, а почти со всеми **знаковыми негодьями**, которых только знал в прошлых сериях* [ИМ — <https://vk.com/>].

Все проанализированные явления контекстуального наведения негативной оценочности основываются на прагмалингвистическом механизме инференции — информации, которая не выражена прямо, но которую адресат, в соответствии с замыслом говорящего, должен самостоятельно вывести из того, что сказано, опираясь на экстралингвистические знания, культурный фон и пр. [Кубрякова, 1996]. В наших случаях наводится следующая

инференция: **‘X является знаковым → не входит в состав истинных ценностей / является ложной ценностью’.**

В нашей концепции возможность неоднозначной ценностной рецепции в языковом сознании говорящих по-русски и, соответственно, в медиаречи, такого признака, как *знаковый* (и ему подобные — *модный, престижный, успешный, элитный* и пр.), свидетельствует о принадлежности данного свойства к области **псевдоценностей** — явлений специфической ценностной природы, которые занимают на условной шкале ценностей промежуточное положение между ЦЕННОСТЬЮ «наверху» и АНТИ-ЦЕННОСТЬЮ «внизу». Псевдоценность в нашей концепции — это ложная ценность, т.е. ценность не безусловная, не самоочевидная, которая нуждается в каком-то обосновании и воспринимается как-то то положительное только при наличии некоторых дополнительных условий. Иными словами, это изначально что-то плохое (или просто внеоценочное), которое лишь в определенных обстоятельствах может расцениваться как нечто хорошее.

В целом мы можем заключить, что предлагаемая в работе исследовательская процедура фронтального корпусно-дискурсивного анализа предоставляет нам репрезентативный языковой материал для объективации и верификации подобных неоднозначных имплицитных ценностных феноменов посредством именно лингвистического анализа. Аналитические модели подобного типа могут придать новые импульсы становящейся на наших глазах научной парадигме лингвистической аксиологии.

Литература

1. БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. IV. 1955. 692 с.
2. БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2-х т. М.: Русский язык, 2000. Т. I. 1168 с.
4. Кубрякова Е. С. Инференции // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 33–35.
5. МАС — Словарь русского языка: в 4-х т. / Академия наук СССР, Институт русского языка им. В. В. Виноградова; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. I. А–s Ё. 1985. 696 с.
6. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА; Наука, 2016. 304 с.
7. Радбиль Т. Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2019. С. 23–35.

8. Радбиль Т. Б., Помазов А. И. Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте интернета // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Том 19. № 1. С. 140–153. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.1.12.

9. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: Коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. М: Флинта, 2021. 328 с.

10. ТСРЯ — Толковый словарь русского языка: Около 700 слов. ст.: Свыше 6000 значений / Ахапкин Д. Н. и др.; Под ред. Д. В. Дмитриева. М.: Астрель, 2003. 782 с.

11. Louw W. Irony in the text or insincerity in the writer? The diagnostic potential of semantic prosodies // M. Baker, G. Francis and E. Tognini-Bonelli (eds.). Text and Technology: In Honour of John Sinclair. Amsterdam: John Benjamins, 1993. Pp. 152–176.

АКСИОЛОГИЯ ФАТИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ: СТРУКТУРА, ИНТЕНЦИИ, ОЦЕНКА

Саакян Л. Н. (Москва, Россия)

***Аннотация.** Статья посвящена структуре, интенциям и оценке фатической коммуникации. Фатическое общение, направленное на поддержание контакта, включает бытовой диалог, речевой этикет и застольную беседу. В современном медиапространстве фатика используется для привлечения и удержания внимания аудитории. Эмоциональная адгерентная оценка и ирония играют важную роль в создании оценочности в медиатекстах. В заключении подчеркивается важность фатической коммуникации в человеческой жизни и ее адаптация к современным условиям.*

***Abstract.** The article explores the structure, intentions, and assessment of phatic communication. Phatic communication, aimed at maintaining contact, includes everyday dialogue, speech etiquette, and dinner conversations. In the modern media space, phatic elements are used to attract and retain audience attention. Emotional adherent assessment and irony play a crucial role in creating evaluativity in media texts. In conclusion, the importance of phatic communication in human life and its adaptation to modern conditions is emphasized.*

***Ключевые слова:** фатическая коммуникация, медиапространство, эмоциональная адгерентная оценка, ирония, коммуникативное намерение.*

***Keywords:** phatic communication, media space, emotional adherent assessment, irony, communication intent.*

Фатическое общение (от лат. fatuus — глупый) — бессодержательное общение, использующее коммуникативные средства исключительно с целью

поддержания самого процесса общения, – относительно хорошо исследовано за последний век с момента появления в фокусе научного интереса самого явления. Термин в научный оборот был введен английским антропологом польского происхождения Брониславом Малиновским еще в 1923 году. В своей работе он ввел понятие *phatic communion*, придумав неологизм *communion*, что означает, скорее, сходство в общении, общность, соучастие, сопричастие, а не *communication* как передачу информации в процессе общения. Другими словами, общение, нацеленное на установление и поддержание исключительно самого контакта. Таким образом, фатическая коммуникация, согласно Б. Малиновскому, является выражением глубинной человеческой природы, а именно стремления к социальности. Она реализует исконную потребность человека – потребность в общении, что в антропогенезе присутствует повсеместно у представителей разных общественных страт и в разных культурах, а в онтогенезе проявляется уже на ранней стадии развития ребенка – в еще бессвязном лепете.

В русле такого понимания фатическая речь включает главным образом сферу бытового диалогического общения, «пустую болтовню», праздноречевые жанры, а также речевой этикет; характеризуется десемантизацией лексики, тривиальностью тем, большим количеством речевых наполнителей, наличием строго регламентированных и постоянно воспроизводящихся клише и формул. На первый план выходит сама речь как семиотическая ценность, а значение слова выполняет лишь символическую роль социального «груминга». Значительную нагрузку в фатическом общении несут как невербальное знаковое, так и некодифицированное и нерелевантное общение. Именно такой нам видится структура фатической коммуникации в классическом понимании *phatic communion*.

Соответственно, целью участников коммуникативного акта признается предупреждение конфликтных ситуаций и гармонизация интенциональных установок, т.е. «нашупывание» общих, а не различных позиций. Как высшую степень реализации такой душевной близости можно представить себе общение двух любящих сердец без необязательных слов – значимое молчание. Но молчание не укладывается в концепцию Малиновского, и хотя у молчания тоже есть своя аксиология, здесь мы этой теме касаться не будем.

Между тем, на практике «чистая» фатика встречается в современной коммуникативной среде все реже, и тому есть ряд причин: время общения сжимается, сферы и способы общения все чаще регулируются интернет-жанрами, роли заранее распределены, и участники, с одной стороны, не горят желанием подстраиваться под собеседника, а с другой – избегают психологически травмирующего и «токсичного» контакта.

В реальной жизни даже такой жанр как застольная беседа (в гостях) русским языковым сознанием представляется не только как поддержание общения, но предполагает информативную беседу, порой доходящую

до столкновения взглядов и весьма глубоких аргументов, т.е. реализуется потребность устроить «пир души», а не только желудка. И как прекрасно было показано Т.Г. Винокур на примере фрагмента из «Героя нашего времени» Лермонтова, интеллектуальное пиршество может являть собой сложный клубок интерферирующих коммуникативных значений и типов их мимикрии [Винокур: 138]. Это существенно раздвигает рамки фатики, нарушая психологический эквивалент прагматического постулата сотрудничества Г. П. Грайса, так хорошо укладывающегося в означенные рамки.

В наше время «дисплейных текстов», по выражению В. Г. Костомарова, происходит проникновение фатических средств, использовавшихся ранее только в сфере личной коммуникации, в другие сферы: размывается граница между личной и публичной коммуникацией.

На факт смещения фокуса исследовательского внимания фатической речи в зону массмедийной коммуникации обращали внимание многие исследователи (Дускаева, Корнилова, Рацибурская, Куликова и др.). Именно здесь сегодня происходит становление смыслов и проходит парад прямой и косвенной оценочности. Разберем некоторые из них.

Ряд литературных жанров, как считает [Арутюнова, 1988, с. 311], сложился непосредственно на основе фатической коммуникации (повесть, рассказ, сказка). В них темой становятся явления необычные, выходящие в той или иной степени за пределы нормы. Нетрудно заметить, что фатическое начало присутствует и в жанрах СМИ: темой фатической коммуникации в твит-репортажах становится, как правило, также нетривиальное, достойное внимания, другими словами – необычное. В жанрах СМИ прямо или завуалировано присутствует и обращение к адресату с целью захватить и удержать внимание последнего. Это достигается разными способами: неологизацией заголовков (*Понтам.net*, *Тип-топ-менеджер*), иронией (*Незабываемое впечатление*), языковой игрой, а также с помощью одного из мощных коммуникативных побудителей – эмоциональной адгерентной оценки, когда лексема, изначально не имеющая оценочного компонента в своей структуре, приобретает его во взаимодействии с другими единицами текста. Например:

Незабываемое впечатление. Можно ли еще верить в сборную России по футболу? «Верите ли вы в то, что команда экзамен сдаст?» – «АиФ» адресовал этот вопрос знаменитым болельщикам. Результат: пессимизм победил над оптимизмом со счетом 3:1 (Аргументы и факты, 21.06.2017). Здесь адгерентную оценочность неологизма «незабываемое» формирует журналистская ирония (пример из [Куликова, 2020, с. 174]).

Адгерентная эмоциональная оценка – это, как пишет Лукьянова, «не закрепленные в значении слова эмоциональная реакция и мнение (оценка) говорящего по отношению к некоторому референту, актуализирующиеся данной словоформой лишь в определенном речевом акте, на фоне конкретного контекста. Эмоциональная окраска, в таком случае, рассматривается как

те конкретные эмоциональные наслоения, оттенки, которые приобретает данная словоформа в конкретном контексте, как бы «вбирая, впитывая в себя» эмоциональный тон высказывания» [Лукьянова, 1986, с. 52].

При исследовании прагматического аспекта фатического общения сталкиваемся с разнообразными коммуникативными ситуациями, в которых актуализируются опосредованные функции фатической речи: отвлечение внимания, перевод разговора на другую тему, косвенная угроза или запугивание, различные персуазивные способы воздействия и др. Особенно актуальными нам кажутся сегодня ситуации виртуального мошенничества или вишинга — разновидности социальной инженерии, которую используют телефонные мошенники. Именно здесь мастерство установления контакта с аудиторией и ее подготовка к восприятию информации в нужном автору направлении играют решающую роль. Обычно такая переписка в соцсети Телеграм. Пишут от лица руководства, соблюдая все формальные нормы правильной вежливой деловой переписки, с обращением и приветствием, в том числе и фатической ее составляющей: интересуются, не занят ли адресат в данный момент, можно ли его отвлечь «важной» информацией. Однако стоит послать мошенника лесом, как адресант срывается на брань и заканчивает общение бандеровским лозунгом с визуальным подтверждением своей идентичности — желто-голубым флагом. Это так называемая «новая фатика».

Принцип воздействия превалирует и в таких фатических жанрах, как комплимент, пожелание поздравление, извинение и благодарность, поскольку здесь затрагивается эмоциональная сфера собеседника.

Нельзя обойти вниманием безличные предложения, поскольку они играют особую роль в русской фатической коммуникации и могут выполнять разнообразные функции: децентрализации субъекта речи, создают эффект паритетности, «объективируют» точку зрения «со стороны» в тех случаях, когда адресату этически неудобно фиксировать внимание на своем «я»; оправдывают императивное воздействие на адресата посредством этических и эстетических форм, смягченно требующих от реципиента соответствующих действий путем ссылки на объективную необходимость в этих действиях (со словами «надо», «необходимо»); часто используются в манипулятивных репликах, когда необходимо скрыть свою способность (или желание) управлять собеседником [Былкова 2009, с. 15].

Фатическое общение невозможно без разнообразных побудительных и одновременно митигативных конструкций с некатегоричностью семантики, так как фатическая функция предполагает наличие воздействия на партнера по общению. Побудительные вопросительные по форме предложения этикетизируют общение, определяют дальнейший контакт с собеседником; то же касается безличных конструкций со словами *надо, следует, необходимо, +inf.*

Выводы

Фатическая коммуникация — это общение, нацеленное на установление и поддержание контакта. Оно включает в себя бытовой диалог, праздноречевые жанры и речевой этикет. Характеризуется десемантизацией лексики, тривиальностью тем и наличием клише.

Цель участников фатического общения – предупредить конфликтные ситуации и гармонизировать интенциональные установки, найти общие позиции. Высшей степенью реализации душевной близости можно считать значимое молчание.

В наше время происходит проникновение фатических средств в другие сферы: размывается граница между личной и публичной коммуникацией. Это связано с развитием массмедийной коммуникации. Примеры: *Твит-репортажи*. Как правило, темой становится необычное, выходящее за пределы нормы.

В фатическом общении могут актуализироваться опосредованные функции: отвлечение внимания, перевод разговора на другую тему, косвенная угроза, запугивание, персуазивные способы воздействия. Примеры: *Вишинг* — разновидность социальной инженерии, телефонные мошенники используют мастерство установления контакта с аудиторией. Безличные предложения часто используются в манипулятивных репликах, могут выполнять разнообразные функции.

Таким образом, в зависимости от установок автора и адресата общения аксиология фатической коммуникации может быть амбивалентной: может способствовать устанавливанию и поддержанию контактов, но может использоваться и в манипулятивных целях.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Былкова С. В. Русские синтаксические конструкции как средство фатического общения // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ростов-на-Дону, 2005. 20 с.
3. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Вступ. ст. Л. П. Крысина. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 176 с.
4. Дускаева Л. Р. Фатика как речевая форма реализации развлекательной функции в медиатексте // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 4. С. 67–71.
5. Горбачева Е. Ю. Реализация фатической функции в деловых переговорах // Молодой ученый. 2015. № 22 (102). С. 927–932. URL: <https://moluch.ru/archive/102/23364/> (дата обращения: 04.11.2024).

6. Загидуллина М. В. О границах фатического в коммуникации (медиаэстетический аспект) // Медиасреда, 2020. DOI: 10.24411/2070-0717-2020-10229.
7. Корнилова Н. А. Средства выражения фатической речи в СМИ // Медиалингвистика. 2014. № 2 (5). С. 58–66. URL: <https://medialing.ru/sredstva-vyrazheniya-faticheskoy-rechi-v-massmedia/> (дата обращения: 30.10.2024).
8. Куликова В. А. Словообразовательные средства выражения негативной оценки (на материале новообразований в заголовках электронных СМИ XXI в.). Дис. канд. филол. Н. Нижний Новгород, 2020. 230 с.
9. Лукьянова Н. А., Федоров А. И. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Наука: Сибирское отд-ние, 1986. 227 с.
10. Малиновский Б. Проблема значения в примитивных языках // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 5. № 3. С. 199–233.

**КОРПУСНАЯ АКСИОЛОГИЯ СЛОВ-ИДЕОЛОГЕМ:
«ЦЕННОСТИ», «ОБЩНОСТЬ», «СКРЕПЫ»**

Северская О. И. (Москва, Россия)

***Аннотация.** В статье с позиций аксиологии рассматриваются ключевые идеологемы дискурса единения – «ценности», «общность» и «скрепы» – в их конкретных воплощениях в языке массмедиа. Приводятся результаты корпусного исследования, позволившего выделить аксиологический компонент в контекстных значениях слов-идеологем, определить шкалу оценок, выявить их роль в медиакартине мира и потенциал воздействия на общественное мнение. Автор приходит к выводу, что актуальный медиадискурс формирует вектор перехода от ценностей к скрепам как инструменту формирования общности.*

***Abstract.** The article examines from the standpoint of axiology the key ideologemes of the discourse of unity (“Values”, “Community” and “Bonds”) in their specific embodiments in the language of the mass media. The article presents the results of a corpus study that made it possible to identify the axiological component in the contextual meanings of ideological words, determine the scale of assessments, reveal their role in the media picture of the world and the potential for influencing public opinion. The author concludes that the current media discourse forms the vector of transition from values to bonds as a tool for forming community.*

***Ключевые слова:** аксиология, медиадискурс, корпусное исследование, идеологемы, аксиологемы, дискурс единения.*

***Keywords:** axiology, media discourse, corpus study, ideologemes, axiologemes, discourse of unity.*

Сегодня, когда «хорошее» и «плохое» выделяются и определяются либо интуитивно, либо директивно, актуальным становится подход к изучению ценностного содержания лексики, основанный на анализе больших корпусов текстов и направленный на выявление и анализ аксиологических компонентов, связанных с определенными словами-идеологемами, и определение их роли в формировании ценностных ориентаций в обществе. При этом особенно важным представляется исследование медиатекстов, формирующих общественное мнение и особый взгляд на мир.

Основываясь на материале газетных корпусов и публицистического подкорпуса основной базы Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и применяя к анализируемому материалу методы полевого, контекстного, структурно-семантического и контент-анализа, покажем формирование аксиологических медиатрендов в отношении идеологем «ценности», «общность» и «скрепы», составляющих основу актуального дискурса единения.

1. **Ценности.** *Ценностями* в русском языке принято называть и то, что имеет известную стоимость в денежном эквиваленте, и то, что ценно в переносном смысле, т.е. *значимо*: предметы и явления культуры, морали, нравственности и т.п.

Контент-анализ зарегистрированных в НКРЯ выражений с опорным элементом *ценность* [Северская, 2014] позволяет выявить центры притяжения внимания современных журналистов.

На первом месте оказывается *система ценностей* (256 словоупотреблений). Чаще всего контекстными синонимами этой коллокации оказываются *мораль, нравственность, культура, психология, мировоззрение*, а также «*правила оценок*» и *образцы для подражания*.

Система ценностей может быть: а) исторической и национальной: «Надо отстаивать базовые *исторические национальные ценности*, на основе которых можно объединить Россию» (РИА Новости, 2008.03.25), но при этом рассматриваться в интернациональном контексте; б) общественной: «Общество деградировало, *система ценностей* разрушена» (РИА Новости, 2007.05.22); классовой: «На данный момент в обществе еще не сложилась определенная *система ценностей* и *классовость*» (РБК Daily, 2005.07.29); партийной – в корпусе есть упоминания о *системах ценностей* отдельных партий, например, «Единой России», ЛДПР, КПРФ; различаются и *системы ценностей* общественно-политических течений, например, *консервативная* и *либеральная*. Рассматриваются также ценностные ориентиры отдельных общественных слоев, например, *иммигрантов / узбекских и киргизских парней, бизнесменов / предпринимателей*, или же поколенческие: *молодого поколения / молодежной культуры*.

Единой, усредненной (например, *среднероссийской* или *общевропейской*) *системе ценностей* сопоставляется *самобытная; навязанной обществом* –

выработанная самостоятельно, внутренняя. А собственной – чужая: «А как же можно чужую систему ценностей на себя напяливать?» (Труд-7, 2000.06.20). Ценностная «индивидуальность» при этом имеет в значении ярко выраженный позитивный оценочный компонент.

Подчеркивается и историческая изменчивость *системы ценностей*: СМИ 2000-х прослеживают переход от *советской* – к *постсоветской* и *перестроечной*, от *социалистической* – к *капиталистической*, одновременно указывая на смену морально-нравственных ее основ – не к лучшему: *«система ценностей давно смещена от понятий “труд” и “работа” к легкому поиску денег и красивой жизни за чужой счет»* (Труд-7, 2007.10.03). Интересно, что этой сменой понятий мотивируется и оценка *системы ценностей* как *складывающейся, выстраивающейся, нарабатывающейся* (в прежние времена, оцениваемые позитивно) и *разрушающейся, катастрофически изменяющейся, девальвирующейся* (в наши дни, оцениваемые негативно).

Критерием оценки той или иной *системы целостности* становится ее *противоречивость/целостность*. При всей расплывчатости понятия *системы ценностей* учитывается социальный запрос на *четкость* его определения и наполнение конкретным содержанием: «Люди ищут *четкую систему ценностей...*» (РБК Daily, 2008.21.01); «Удивительно, но сборники рассказов для октября и пионеров навевают не только ностальгию, но и мысли о том, что человеку с раннего детства надо целенаправленно давать *четкую систему ценностей*, желательно не имеющую отношения к японскому аниме или роботам-трансформерам» (РБК Daily, 2008.29.02). В соответствии с этим запросом некоторые СМИ делают попытку классифицировать *системы ценностей*, выделяя среди них *религиозные, мировоззренческие, культурные*.

Что касается *культурных ценностей*, то они появляются в СМИ 2000-х преимущественно как «предметы, имеющие известную стоимость и являющиеся национальным культурным достоянием» – *конфискованные, возвращенные* и т.п. Но встречаются и упоминания о них как о «нравственных и эстетических идеалах». *Ценностью* наделяется и *культура* (область искусства и просвещения) как таковая.

Религиозные ценности подразделяется на *христианские*, в частности, *православные, исламские/мусульманские, буддистские*.

Духовные ценности упоминаются гораздо чаще *религиозных* и, как правило, в «светском» понимании, противопоставляющем *духовное – материальному*: «Скорее всего, общество потребления будет властвовать над умами до тех пор, пока на Земле достаточно еды, питья, тепла, энергии. Как только этих благ перестанет хватать, обществу предстоит вернуться к *духовным ценностям*» (КП, 2011.03.16); но не без имплицитно присутствующей оглядки на библейские заповеди: «*духовные ценности* как бы цементируют нашу личность, не давая ей погрязнуть в болоте неурядиц» (Труд-7, 2000.11.09).

Интереснее дело обстоит с такими *ценностями*, как *мораль* и *нравственность*.

Определение *морально-нравственные* по отношению к *ценностям* употребляется довольно часто в «размытом», неопределенном значении. Отдельные контексты позволяют придать *морально-нравственным ценностям* звучание *общественное* и *национальное*, приписав им статус *социальных стандартов*. Например, контекстными синонимами этого устойчивого выражения становятся *защита социально-экономических интересов населения, снижение уровня бедности семьи, обеспечение общечеловеческих прав, соблюдение и укрепление общественного порядка*; антонимами – *содержание в тюрьме без суда и следствия, смертная казнь*.

Социальное (*мораль*) в ценностной сфере не превалирует над личностным (*нравственностью*), а немного ему уступает (*моральные ценности* упоминаются в современных СМИ 119 раз, тогда как *нравственные* – 183 раза). Вместе с тем, и *моральное* начало оценивается иногда как *индивидуальное* в *социальном*: «У всех людей есть *собственные моральные ценности*» (РБК Daily, 2007.12.21).

Что касается конкретного смыслового наполнения понятия, то *моральные ценности* лишь изредка ассоциируются с *культурой, религиозностью (православной верой) и духовностью*. Гораздо больше контекстов, в которых им так или иначе сопоставляются внешняя и внутренняя политика: *внешнеполитический курс, национальные интересы, национальная самобытность, патриотизм, последовательная гуманистическая демократия, права человека, цивилизованное общество, свобода* и экономика: *экономическая сила, экономический успех*. В некоторых случаях *моральные ценности* ставятся в зависимость от *эмоций и психологии*, т.е. связываются с личностными человеческими началами.

Обилие соотносимых с идеологемой отрицательно-оценочных слов говорит об обеспокоенности СМИ состоянием *моральных ценностей*: чаще всего упоминается об их *кризисе, деградации, распаде, крахе, чехарде, утрате*, они оказываются *вывернуты наизнанку, выброшены на свалку истории*; говорится и о необходимости их *восстановления, возрождения*. Однако встречается и резкое отрицание *замшелых бабушкиных моральных ценностей, моральных ценностей праотцев* (при общей тенденции к положительной оценке преемственности), которые предлагается заменить однозначно «хорошими» *новыми, современными*.

Нравственные ценности также могут определяться как социальные стандарты поведения: «За последние годы в нашей стране многое изменилось, но главные *нравственные ценности, которыми всегда была сильна русская земля*, остались неизменными» (КП, 2011.02.22); «*продвижение гражданских, нравственных ценностей* – все это необходимо нашей многонациональной и многоконфессиональной стране, чтобы воспитывать взаимное уважение и терпимость» (КП, 2011.02.01). Но все же это категория, скорее, личностная и *семейная*. А индивидуальное и социальное оказываются диалектически

связанными, что иллюстрирует следующая цитата: «*жизнь отдельного человека <...> это же – главная социально-нравственная ценность*, на основе которой только и могут сохраняться базовые опоры государства и общества» (Труд-7, 2001.07.10).

Случаи отождествления *нравственного* и *социального* достаточно редки, тем не менее в газетном подкорпусе НКРЯ встречается отождествление *нравственных ценностей* с *властью* и *оппозицией*, *гражданским обществом*, *правами человека*, *гуманистическими идеалами* и даже *патриотизмом*. Но больше всего ассоциаций с такими сферами, как *культура*, *образование* (*просвещение*), *религия*. *Нравственные ценности* относятся журналистами к *этике*, а их основой называется *ментальность*.

Интересно, что гораздо чаще, чем об *искажении*, *деградации* и *разрушении нравственных ценностей*, журналисты говорят об их *формировании*, *утверждении*, *укреплении*, *отстаивании*, *охране*, *защите* и даже используют такие «трогательные» формы, как *волнение* (*о нравственных ценностях*). В этих контекстах знаком «плюс» отмечается *незыблемость* этих ценностей, они положительно характеризуются как *вечные*, *непреходящие*, а их основой называются высоко ценимые *традиция*, *опыт* (предыдущих поколений), *корни* (семейная история).

Статический сервис НКРЯ представляет и распределение словоупотреблений по годам. Так, график, построенный на основе материала всего НКРЯ, говорит о том, что сами устойчивые словосочетания, отражающие понятия *духовных*, *нравственных* и *моральных ценностей*, вошли в речевой оборот лишь в 1900 г. Пики обращения к *духовным ценностям* приходится на 1930-е, 1980-е и 2000-е годы. Начиная с 2000 г. кривая частотности упоминания в СМИ *духовных* и *нравственных ценностей* идет вниз, в то же время кривая *моральных ценностей* резко устремляется вверх, к пиковому значению относительной частотности, соответствующему вновь устанавливаемому к 2010 г. приоритету общественного над личным.

2. **Общность.** Анализ словосочетаний с опорным компонентом *общность* показывает, что хотя «общность» по-прежнему чаще всего определяется как *этническая*, довольно высокий рейтинг среди определений слова имеет и прилагательное *наднациональная*, и чаще всего «наднациональность» приписывается «советскому народу»; реже – другим сообществам, например, «широким *наднациональным общностям* – европейцам, гражданам мира и т.п.» [Т. Г. Стефаненко. Этнопсихология (1999)]. Что касается российского общества и государства, то чаще всего их *общности* сопоставляются *соборность* (свободное духовное единение людей как в церковной жизни, так и в мирской общности, общение в братстве и любви) и *коллективизм* (социальная установка, делающая упор на важность и ценность коллектива в сравнении с личностью).

Выше других, судя по частоте использования определений, позиционируются *общность языковая, социокультурная и этнокультурная*. Иными словами, *язык и культура* главенствуют в языковом представлении об «общности» над *территорией и государством*. Интересно и возникающее в 2000-х представление о классифицирующем потенциале *событийной общности*, например: «Принцип развития — динамическое преобразование систем связей и отношений в *событийной общности* в процессах социализации (отождествления человека с другими) и индивидуализации (обособления человека в общности)» [А. В. Шувалов. Гуманитарно-антропологические основы теории психологического здоровья // «Вопросы психологии», 14.12.2004], начинающей понемногу конкурировать с *исторической*.

Разворот в сторону человека отражают и такие устойчивые словосочетания, как *психологическая общность*, при этом роль *психологии* в формировании *общности* осознается и аудиторией массмедиа, о чем говорят записи в соцсетях, ср.: «На *психологическом* уровне *общность* проблем и интересов способствует возникновению доверия» [vk (29.10.2014)]; и *аффективная* (т.е. связанная с областью чувств, настроений, переживаний) *общность*: «формируются контуры *аффективной общности* нового типа; если такая общность и узнает себя в прошлом, то только его отрицая» [Е. В. Петровская. Безымянные сообщества (2010)].

На эмоциональность, чувственность современного восприятия общности обращают внимание социологи [Ганопольский, Селиванов, 2008, с. 11], которые ассоциируют с ней «теплое, уютное и удобное место... потерянный рай, который все еще надеемся найти» [Bauman, 2001, p. 2–3]. Наш материал также подтверждает наличие вектора эмоционального переживания единения, который больше всего заметен в так называемой «гражданской журналистике», которая делает ставку на «естественные сообщества людей, основанные на кровном родстве, общей земле или *общности чувств*» [Канчуков С. Livejournal. (2013)]; и в соцсетях, где авторы обращают внимание на «дефицит культуры, дефицит сильных, красивых *чувств, общности, согласия, сформировавшийся в условиях дефицита человечности и правды*» [vk, 17.01.2014], представляют переживание хода истории как «процесс <...>, который вызывает всегда очень сильные эмоции, *чувство общности*» [vk, 27.10.2015]; декларируют как ценность «*чувство общности с человечеством в целом*» [vk, 19.03.2014]. В приведенных примерах налицо в одних случаях – контекстуальная синонимия *чувства* и *общности*, в других – оживление внутренней формы устойчивого словосочетания *чувство общности*.

Сервис НКРЯ «Похожие слова» дает возможность определить наиболее частотные контекстуальные синонимы слова *общность* – это *одинаковость* (встречаются и синонимы *идентичность, тождество*) и *неразрывность, родство и солидарность*. Связующим звеном, судя по частоте употреблений соответствующих словосочетаний, сегодня оказывается *общность*

мировоззрения – прежде всего, культурная, психологическая, этическая и идеологическая, а также общность языка, религии, убеждений (идей, позиций), стремлений, идеалов, традиций и судьбы. Высок рейтинг смысловой общности. Общности в публицистике также часто сопоставляются сущность и корень – как ее главные «смыслы» и основания определяющих феномен общности «отношений», «связи» и «коммуникации».

Общность при этом *влечет, роднит, сближает, объединяет, соединяет, спаивает* субъектов возникающих отношений. Важно, на наш взгляд, и то, что общность в медиадискурсе чаще *возникает* (зарождается самостоятельно), а не *устанавливается и создается* (официально определяется и утверждается); иными словами, она позиционируется как внутренняя потребность человека в его объединении с себе подобными.

3. **Скрепсы.** Одними из наиболее частотных в актуальном дискурсе единения стали существительное *скрепа* (как правило, в форме множественного числа) и его производные *скрепный, скрепно* и *скрепность* (в совокупности в НКРЯ зарегистрировано около 1000 примеров их употребления). Вспомним, что «скрепы» определяются в философии как «сверхценности, константные (неизменные и неизменяемые) начала, скрепляющие социальный механизм и служащие национальной самоидентификации», своего рода «набор ключевых истин, которых придерживается социум» [Володихин, 2006, с. 7].

«Портрет» слова *скрепа*, сгенерированный нейросетью НКРЯ, показывает его контекстные синонимы: *скрепление, спайка; каркас, стержень; узы* ‘тесные связи’, *устои*, имеющие положительные коннотации, а также *подпорка; узы* ‘оковы, цепи’, *путы*, транслирующие негатив (что вполне соответствует остроте дискуссии о «скрепности» в современном российском обществе). Представлены в НКРЯ и «черты» словесного портрета *скреп*: они чаще всего в языковой картине мира предстают как *идеологические, духовные* и *социальные*, характеризуются как *железные* (т. е. сильные, крепкие, твердые) и *надежные*; позиционируются как *внешние*. Обращает на себя внимание и сочетаемость с конкретными глаголами-сказуемыми: чаще всего речь сегодня идет о *скрепах*, которые *разорваны* или *распадаются*, что говорит об озабоченности общества и государства и актуальности пересоздания «общности» на новой основе.

Обеспокоенность четко видна через призму использования глаголов, выступающих в основном сказуемыми вместе с подлежащим *скрепы*, реже подчиняющимися *скрепы* в функции дополнений. Передают «удручающую силу» *разрушения скреп* словоформы: *разбалтываются, расшатываются, подтачиваются, разрушаются, ликвидируются* (все эти глаголы предполагают наличие некоторого актора, чьи действия наносят урон), *ослабляются, истираются, лопаются, размыкаются, распадаются, расходятся, рвутся, отсутствуют*, встречаются даже эмоционально-оценочные употребления: *трещат, надрывно визжат* и т.п.

Рассуждая о важности *сохранения скреп*, журналисты и авторы публицистических произведений используют глаголы, передающие представление о созидании и укреплении: *восстанавливаются, возрождаются, внедряются, поддерживаются*.

Материал для размышлений дает и анализ конкретного словоупотребления. Так, общим для всех контекстных реализаций опорного слова *скрепа* является смысловой компонент значения ‘нечто что-либо скрепляющее’, порождающий ассоциации с консолидацией и прочностью. В качестве доминантных можно выделить смысловые оттенки ‘сдерживающий от распада природный механизм’, ‘инструмент, позволяющий соблюдать принятые в обществе правила и нормы’, ‘жизненные принципы и нравственные законы’.

Синонимами *скреп* в проанализированных контекстах в основном стали: *национальная идея, общее согласие, разделяемые большинством принципы, основы жизни, нравственные ориентиры, ценности, устои и традиции, религия, христианское понимание жизни, православная вера, эмоциональная связь* и многие другие (на полюсе положительной оценки), а также *идеологическая конструкция, патриотическое заклинание, консервативные ценности* (на полюсе отрицательной оценки).

В качестве контекстуальных антонимов *скреп* используются как имеющие негативную окраску *разобщенность, противостояние, противоречие, конфликт, саморазрушение, распад, слом системы, глумление над святым, покушение на устои* и проч., так и положительно оцениваемые *перемены, модернизация, инновации* и некоторые другие маркеры «революционности». Впрочем, перемены не отрицают *скрепности*, которая ассоциируется со здоровым консерватизмом национальных «устоев»: «*Это сочетание “скреп” с развитой, передовой экономикой и инфраструктурой*» [«Коммерсантъ», 08.04.2020].

Заметно, что в публицистике больше положительно окрашенных словоупотреблений, а в газетных публикациях – отрицательных, что, однако не определяет идеологию массмедиа, а лишь отражает плюрализм мнений в дискуссии о «скрепах» и общую установку журналистики на полемическую заостренность.

Векторы полемики отражают и устойчивые словосочетания. *Идеологическим скрепам* сопоставляются *духовные* (изредка упоминаются и *душевно-духовные*, и просто *душевные*. *Административным, государственным, социальным скрепам* противостоят *общественные*, которые не насаждаются «сверху» (*назначаются, производятся, штампуются, выковываются* и т.д.), а создаются «снизу». Значимую оппозицию образуют и *железные (стальные)* (внешние) и *надежные* (внутренние) *скрепы*. Скрепам *сплачивающим, единящим, поддерживающим, воспитывающим личность* человека противопоставляются *скрепы расчеловечивания, скрепы в виде вбрасываемых идеалов, официальной повестки, продвигаемой пропагандой, имперской*

ностальгии, средневековой повышенной благодати. Более того, на этом уровне наблюдается даже подмена одного понятия другим: *скрепы вместо совести.*

Нетрудно заметить: как и в случае с *ценностями* и *общностью*, «скрепы» приветствуются как внутренняя потребность и отвергаются как регламентация извне. Во втором случае слово *скрепа* приобретает в контексте ярко выраженную ироническую окраску, маркером которой зачастую становятся привычки или определения «*правильные/неправильные*». Производное прилагательное *скрепный* употребляется в значении 'относящийся к духовным скрепам или характеризующийся их наличием' иронично. Существительное *скрепность* эту ироничность наследует (например, в контекстах «*скрепность* зашкаливает» [vk, 24.12.2013] и «*бесплатная проверка на скрепность*» [Telegram, Rozetked Discuss, 25.08.2021]). Встречаются и контексты, в которых слово имеет ярко выраженную отрицательную оценочность (*скрепность*, например, может определяться в ЖЖ как *способ управления народом сверху легче и эффективнее* или *искусственное лабораторное создание людям ничем практически и даже нравственно не оправданных неудобств*). Но в последнее время все чаще *скрепность* появляется и в ряду таких однородных членов, как *высокодуховность, нравственность, преемственность, верность, патриотизм*, согласуясь с ними в положительной оценке.

Показательны примеры дискуссии о «скрепах» в корпусе Социальные сети: положительно оцениваются «скрепные» *вера, нравственность, право*, кроме того, «скрепами» называются (при этом без иронии), например, *чай* или *русский народный рэп* – вещи неожиданные в парадигме дискурса единения, но соответствующие вектору осмысления «общности» с опорой на связь индивидуальностей и эмоциональную «комфортность» для человека.

Выводы. От «декларации ценностей» массмедиа в наши дни переходят к «нащупыванию скреп» [Северская, Туркина, 2024]. Перемещение фокуса с *общности* на *скрепы* позволяют проследить генерируемые НКРЯ графики распределения употребления слов-идеологем по годам: если понятие «общность» становится обсуждаемым уже в начале перестройки и повышает свою значимость в 2010 году, во многом рубежным для исторического развития России, то с 2012 года, после обращения Президента России В. В. Путина к Федеральному собранию, в котором он заявил, что «*российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп*», в центре внимания оказываются уже «скрепы» – как стержень национальной доктрины. Пика дискуссия о «скрепах» в массмедиа достигает в 2016 году, а в 2020-м перемещается, не затухая и сегодня, в социальные сети и блоги, становясь и маркером эксплицитных и имплицитных процессов, происходящих в массовом сознании, процессов своеобразной переоценки ценностей.

Литература

1. Володихин Д. М. и др. Традиция и русская цивилизация. М.: АСТ, 2006. 282 с.

2. Ганопольский М. Г., Селиванов Ф. А. Понятие общности: основные трансформации и адекватные дефиниции // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2008. № 2. С. 11–13.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.10.2024).
4. Северская О. И. Система ценностей в зеркале русской прессы 2000-х. // Журналистский ежегодник. 2014. № 3. С. 24–26.
5. Северская О. И., Туркина Е. В. «Общность» и «скрепы» в актуальном медиадискурсе единения // Диалог. Политика. Право. Экономика. 2024. № 2. С. 60–68.
6. Bauman Z. Community: Seeking Safety in an Insecure World. Cambridge: Polity Press, 2001. 168 p.

ОБРАЗ АВТОМОБИЛЯ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕГО СОЗДАНИЯ В ТЕКСТАХ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ОНЛАЙН-ЖУРНАЛОВ)¹

Скнарев Д. С. (Москва, Россия)

***Аннотация.** В статье рассматривается специфика создания образа автомобиля в текстах маркетинговых коммуникаций (на материале онлайн-журналов). Автор обращает внимание на языковые средства создания анализируемого образа, выделяя самые распространенные из них. Было выяснено, что особые требования предъявляются к лексике, отличающейся выразительностью, экспрессивностью, эмоциональной окрашенностью. В связи с этим в автомобильной рекламе для создания рекламного образа активно используются эпитеты, метафоры, фразеологизмы.*

***Abstract.** The paper examines the specifics of building a car image in marketing communications texts (based on online magazines). Attention has been drawn by the author to the linguistic means of building the analyzed image. He also highlighted the most common of them. It was found that special requirements are imposed on vocabulary that is expressive, emphatic, and emotionally charged. Epithets, metaphors, and phraseological units hence are actively used in automobile advertising to build an advertising image.*

***Ключевые слова:** рекламный образ, языковые средства, маркетинговая лингвокультурология, лингвомаркетинг.*

***Keywords:** advertising image, Linguistic means, marketing linguoculturology, lingua-marketing.*

¹ Исследование выполнено в рамках проекта №202802-2-000 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Автомобиль – весьма популярная маркетинговая тема, имеющая свои особенности: структурные, лексические, синтаксические, лингвокультурологические, лингвомаркетинговые и т.д. Обращение к автомобильному дискурсу в современной лингвистике особенно значимо, однако работ в этом направлении, по нашим наблюдениям, недостаточно. Так, в рамках лингвомаркетинга (собственно рекламы) хочется выделить статьи и диссертационные исследования кандидатской направленности, посвященные языку автомобильной рекламы [1–13].

Следовательно, проблема автомобильного дискурса в лингвистике, и прежде всего языковая специфика рекламы автомобилей нуждается в тщательном, обстоятельном изучении. С этим фактом связываем актуальность нашего исследования.

В лингвомаркетинге образ автомобиля тесно связан с его предназначением и заключается прежде всего в том, чтобы быть средством передвижения. Во многом это аксессуар, который подчеркивает вкус, стиль, уровень достатка, положение в обществе, статус и позиционирование его владельца.

Материалом исследования стали 250 рекламных текстов автомобильной тематики, размещенные в онлайн-журналах («За рулем», «Авто.ру», «Движок», «5 Колесо», «Авторевю», «4X4 Club», «Pitstop», «Рейс», «Автомир») в период с 2022 по 2024 гг.

На наш взгляд, рекламу автомобильной тематики в онлайн-журналах можно классифицировать следующим образом: 1) *собственно реклама автомобилей*; 2) *реклама автосалонов, дилерских центров*; 3) *реклама средств для ухода за автомобилем, автомобильных аксессуаров*; 4) *реклама деталей автомобиля, автозапчастей, автокомпонентов*; 5) *реклама автосервисов и их услуг*; 6) *реклама автомобильных шин*.

Встречается также реклама на радио и различных выставочных мероприятиях, но мы не стали выделять ее в отдельные группы из-за небольшой представленности данных текстов.

Редькина Ю. К. выделила ряд ценностей, представленных в автомобильной рекламе. К ним относятся: «современные технические характеристики»; эстетические; прагматические и эмоциональные ценности [Редькина, 2013].

По наблюдению В. А. Буряковской, автомобильный рекламный дискурс строится на двух базовых понятиях: свободы и власти, – к которым создатели рекламы апеллируют. Так, с покупкой автомобиля подразумевается получение свободы («свобода передвижения»), а с обладанием автомобилем – получение контроля / власти («контроль над дорогой»), скорости, драйва [Буряковская, 2013].

Создавая образ автомобиля, копирайтеры используют различные языковые средства и приемы.

На первый план часто выходит имя бренда (бренд-нейм). Например, Naval – от английского словосочетания I have all – «У меня есть все». Действительно,

даже в базовом исполнении автомобили данного бренда имеют богатое наполнение, обеспечивающее высокий уровень комфорта и безопасности, объединяя в себе все самое важное для пользователей, что отражено и в актуальном на сей день слогане «Важен каждый день».

Changan – сбалансированное сочетание надежности, безопасности и производительности с привлекательными ценами. В переводе название марки буквально означает «надежность, проверенная временем». Позиционируется как безопасный и надежный автомобиль для российских дорог.

Во-вторых, весьма востребованы в тексте маркетинговых коммуникаций термины-слова и термины-словосочетания, которые становятся значимым языковым средством создания рекламного образа. Термины («Bluetooth-ключ», «инновационная конструкция кузова», «адаптивный круиз-контроль», «видеорегистратор», «сенсорная панель», «комплектация», «мультифункциональные фары», «мощность двигателя», «автопроводчики стекол дверей», «автоматический климат-контроль», «иммобилайзер» и др.) формируют текстовую модальность реальности, достоверности рекламного образа. Употребляемые единицы не затрудняют чтение, поскольку используются адаптивно в достаточном окружении общеупотребительных слов.

В-третьих, частотны различные тропы, среди которых наиболее употребительны эпитеты: *стремительный и стильный кроссовер с ярким характером* (Dongfeng DFSK ix5), *сильный, брутальный, энергичный* (HAVAL H3), *Jetta VS5 – это современный, стильный и надежный кроссовер для повседневных и дальних поездок; Стремительный и комфортный. Динамичный и отзывчивый* (LIVAN S6PRO), *надежный и комфортный автомобиль* (Dongfeng 580), *Стильный. Задающий тренды. Ошеломительный* (GAC GS3), *Яркий, динамичный, современный* (Belgee X70), *стильный, маневренный, очень просторный и эргономичный автомобиль гольф-класса* (Skoda Rapid), *оригинальный и харизматичный кроссовер* (Geely Coolray) и др. Подобных языковых средств достаточное количество, чтобы сделать обстоятельный вывод об их частотности.

Также весьма востребованы и продуктивны, как видно из примеров, в автомобильной рекламе метафоры, выступающие ярким экспрессивным средством создания образа автомобиля: *торжество стиля и элегантности* (FAW BESTUNE T55), *воплощение уверенности* (Changan ALSVIN), *единство формы и содержания* (Changan EADOpus), *символ элегантности* (Changan Lamore), *воплощение современной автомобильной эстетики* (Geely Emgrand), *пульс города* (Changan CS35PLUS NEW), *симфония технологий* (Changan CS55PLUS), *стиль жизни* (Changan CS85COUPE), *новые горизонты* (Changan CS95), *искусство самовыражения* (Changan UNI-T), *эстетика*

в динамике (Changan UNI-V), свобода приключений (Changan HUNTERplus), притяжение индивидуальности (Changan UNI-K iDD), воплощение нового уровня комфорта и технологических возможностей (Chery TIGGO 9), ощущение энергии и неустойчивой жизненной силы (Chery ARRIZO 8), гостеприимная роскошь (GAC M8), симфония современных технологий (Changan), прогресс от лучшего к превосходному (Mazda) и др.

В рекламных метафорах особенно частотны эмоциональные мотивы (статус, престиж, имидж, преимущество, успешность, качество, значимость). Они определяют аксиологическую значимость автомобиля (духовную или материальную), подчеркивают его индивидуальность, уникальность и эксклюзивность.

В-четвертых, частотны фразеологизмы и нефразеологизмы: *эксклюзивный дизайн, притягивающий взгляды (GAC GS3), выделить автомобиль из толпы (GAC GS3), EXEED LX создан для людей, которые ценят яркие моменты и готовы к новым впечатлениям, кто ведет активный и здоровый образ жизни, кто хочет получать максимум от жизни и всегда быть в центре событий; преодолевая ограничения и ломая стереотипы (LIVAN X3PRO), вместительный кроссовер на все случаи жизни (Jetour X90Plus), добро пожаловать на новую высоту (Infiniti QX 56), повод проявить характер (HAVAL DARGO); Строгий, стильный интерьер Emgrand располагает к себе с первого взгляда. Двухцветная отделка, кресла со вставками из перфорированной экокожи, большие экраны мультимедиа и приборной панели... Почувствуйте себя как дома или в доме своей мечты (Geely Emgrand), Проявляет характер на бездорожье — полный привод 4x4 (Sollers ST6); Стильный и элегантный, он не затеряется в транспортном потоке большого города и везде будет к месту. JAECOO J8 в своей стихии на асфальте, на грунтовых или заснеженных дорогах и даже на бездорожье (JAECOO J8), новый Chevrolet Aveo для легкой жизни; классические решения, проверенные временем (Geely Emgrand), премиальный уровень комфорта, продуманный до мелочей (Changan) и др. Примеров данных языковых средств достаточно, чтобы говорить об их распространенности в условиях рекламного контекста.*

В-пятых, реклама автомобилей выступает активным источником неологии: *премиум-кроссовер (Infiniti JX), беундран (специальная серия Volvo), драйвить безопасно (HAVAL JOLION), блондомобиль и др.*

Таким образом, в текстах маркетинговых коммуникаций автомобиль представлен как некий идеальный символ соответствующего имиджа, успешности, статусности, богатства, престижности. Формирование данного рекламного образа становится возможным благодаря повышенной эмоциональности и оценочности, которые выражаются с помощью эпитетов, метафор, фразеологизмов и других языковых средств.

Литература

1. Барбун В. Структурно-семантические и жанрово-стилистические характеристики современного русского автомобильного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 2021. 25 с.
2. Булатникова Е. Н. Концепты «лошадь» и «автомобиль» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. н. Екатеринбург, 2006. 23 с.
3. Бунчук О. М. Лингвэйдетический анализ англоязычной рекламы автомобиля: автореф. дис. ... канд. филол. н. Белгород, 2011. 22 с.
4. Буряковская В. А. Языковая репрезентация автомобиля в современной массовой культуре (на материале русско и англоязычного рекламного дискурса) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. №1. С. 174–177.
5. Вань Н. Слоган русской автомобильной рекламы в структурно-содержательном аспекте: на фоне китайской аудитории: автореф. дис. ... канд. филол. н. Пермь, 2015. 23 с.
6. Вара Н. Г. Динамика лингвоаксиологических характеристик английской рекламы автомобиля: автореф. дис. ... канд. филол. н. Волгоград, 2015. 21 с.
7. Миндияхметова Р. М. Лингвокультурная специфика рекламного профиля компании: на материале американской авторекламы: автореф. дис. ... канд. филол. н. Уфа, 2018. 24 с.
8. Ревина Ю. Н. Автомобильная терминология в немецком и русском языках: структурно-семантический и функциональный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. н. Екатеринбург, 2011. 22 с.
9. Редькина Ю. К. Специфика автомобильной рекламы в интернете // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 11-2. С. 113.
10. Рогалева О. С. Дискурс автомобильного журнала: коммуникативно-прагматические и стилистические особенности (на примере журнала «За рулем») // Омский научный вестник. №5 (101). 2011. С. 151–154.
11. Румеус Н. А. Языковое своеобразие интернет-форумов автомобилистов: семантико-структурный и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. н. Омск, 2021. 21 с.
12. Фатхуллоев И. Б. Структурно-семантический словообразовательный анализ автомобильной терминологии в разноструктурных языках (на материале таджикского, русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. н. Душанбе, 2017. 24 с.
13. Шаломова Э. В. Автомобильная лексика в современном русском языке (состав, функционирование, тенденции развития): автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 2018. 21 с.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ПРЕЗЕНТАЦИОННОГО ПОПУЛЯРНО-ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Соловьева Ю. О. (Москва, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются тексты современного российского популярно-юридического дискурса презентационного типа с позиций аксиолингвистики и лингвокультурологии. Автором показывается, как объективация национальных культурных ценностей при конструировании положительного образа российского адвоката служит замещению существующих в обществе отрицательных профессиональных стереотипов.

Abstract. *Axiological and linguacultural analysis of the texts of contemporary Russian popular legal discourse of the presentation type is carried out in the article. The author argues that the objectification of national cultural values in constructing a positive image of a Russian lawyer is an effective means of replacing negative professional stereotypes.*

Ключевые слова: популярно-юридический дискурс, презентационный дискурс, ценности, лингвокультурный типаж.

Keywords: *popular legal discourse, presentation discourse, values, linguacultural type.*

Как показывают многочисленные исследования [Алефиренко, 2010; Гончарова, 2020; Карасик, 2002, 2014, 2023; Китанина, 2020; Слышкин, 2020], аксиологические приоритеты лингвокультурного социума находят свое непосредственное отражение в дискурсе. Цель данной статьи – рассмотреть языковые средства объективации ценностей в текстах популярно-юридического дискурса презентационного типа, служащих моделированию положительного образа современного российского адвоката. Под *популярно-юридическим дискурсом* нами понимается подвид юридического дискурса, используемый профессиональными юристами для коммуникации с неспециалистами в разных целях, в том числе, для популяризации деятельности агентов института права.

Согласно выводам И. В. Палашевской, одной из функций юридического дискурса является презентационная, состоящая в создании привлекательного для общества имиджа института и его агентов [Палашевская, 2010, с. 536]. По мнению А. В. Олянич, каждый вид дискурса может быть презентационным в определенной коммуникативной ситуации. В рамках данного дискурса говорящий транслирует важную для него информацию в персональную или институционализированную среду [Олянич, 2015, с. 148]. Мы, в свою очередь, считаем возможным выделить презентационный тип популярно-юридического дискурса, направленный на создание положительного образа представителей юридической профессии и замещение устойчивых отрицательных представлений о них в сознании российских граждан. В качестве материала

данного исследования послужили публикации журнала «Российский адвокат» за 2023 год жанров «интервью» и «биографический очерк». Несмотря на то, что «Российский адвокат» является корпоративным изданием, он позиционирует себя как научно-популярный журнал и доступен по подписке широкому кругу адресатов, интересующихся вопросами права и деятельностью отечественной адвокатуры.

Прежде всего необходимо отметить, что важным прагматическим параметром презентационного дискурса А. В. Олянич считает концептосферу, вовлекаемую в коммуникацию в том числе посредством конструируемых образов [Олянич, 2015, с. 148]. Таким образом, имиджмейкинг, как одна из основных стратегий презентационного дискурса понимается как «смысловое изменение коммуникативного пространства, влекущее за собой изменение структуры коммуникационной среды» [Олянич, 2015, с. 150].

Одним из ключевых образов, конструируемых посредством презентационного популярно-юридического дискурса, мы считаем образ российского адвоката, который можно отнести к лингвокультурным типажам. По определению В. И. Карасика и О. А. Дмитриевой, лингвокультурный типаж – это «узнаваемый образ представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик, Дмитриева, 2005, с. 8]. Как абстрактное ментальное образование лингвокультурный типаж признается исследователями разновидностью концепта, содержанием которого является типизируемая личность. Лингвокультурный типаж может быть как положительным, так и отрицательным. Как показывает анализ публицистических и художественных текстов, а также наши собственные наблюдения, образ адвоката в сознании российских граждан стереотипизирован и вызывает устойчивые отрицательные ассоциации, связанные, прежде всего, с личностными качествами представителей профессии, которых принято считать корыстолюбивыми, нечестными и недобросовестными [Соловьева, 2024, с. 75].

Бытующие в обществе анекдоты о юристах/адвокатах (большинство граждан нашей страны отождествляет данные понятия) подтверждают существующие отрицательные представления. По мнению В. И. Карасика, важным для лингвокультурного моделирования реальности представляется наличие так называемых аксиогенных (ценностнопорождающих) ситуаций, объективируемых в семантике слов, определенных сюжетах и жанрах речи, в том числе, анекдотах [Карасик, 2014, с. 65]. Приведем примеры юридических анекдотов, в которых акцентируются приоритеты представителей юридической профессии.

➤ *Известный адвокат после свидания с человеком, обвиняемым в убийстве, отказывается его защищать.*

– *Почему же? – спросил его помощник.*

– *Видите ли, ответил адвокат, – я пришел к выводу, что по своему*

финансовому положению он не имел никакого права совершать подобное преступление [Баранов, 2023, с. 41].

➤ *В чем разница между хорошим и плохим юристом? Плохой юрист может **волокутить** дело несколько лет, хороший юрист может делать это гораздо дольше* [Баранов, 2023, с. 62].

➤ *Двум юристам поручили провести переговоры. Один юрист говорит другому:*

*– Давайте **будем честны друг с другом!***

– Хорошо, вы первый, – ответил другой. На этом разговор был закончен [Баранов, 2023, с. 65].

Образ юриста/адвоката в приведенных примерах очевидно диссонирует с ценностями русской национальной культуры, такими как сострадание, честность, порядочность и др. Для устранения данного диссонанса корпоративные СМИ, такие как журнал «Российский адвокат» в интервью с известными адвокатами и описаниях их жизненного и профессионального пути подчеркивают положительные характеристики представителей юридической профессии, которые адресанты хотят спроецировать на адресата. Эффективность выбранной стратегии в данном случае может привести к корректировке или частичному замещению негативных стереотипов. Ключевой тактикой в рамках данной стратегии выступает акцентуация личных и профессиональных качеств адвокатов, коррелирующих с ценностями русской культуры.

Н.Ф. Алефиренко выделяет следующие типы ценностей: 1) витальные (жизнь, здоровье, и др.); 2) социальные (социальное положение, статус, трудолюбие, профессия, семья и др.); 3) политические (свобода слова; гражданская свобода, законность и др.); 4) моральные (добро, долг, честь, порядочность и др.); 5) религиозные (Бог, вера и др.); 6) эстетические (красота, гармония и др.) [Алефиренко, 2010, с. 7]. Рассмотрим ряд высказываний известных российских адвокатов, содержащих апелляции к упомянутым типам ценностей.

В своем интервью корреспонденту журнала председатель Комиссии АП Санкт-Петербурга по защите профессиональных прав адвокатов Сергей Краузе описывает следующий случай из своей практики:

СЕРГЕЙ КРАУЗЕ: *Помню, ко мне обратилась одна пожилая женщина, пенсионерка, которая никак не могла добиться возбуждения гражданского дела – судья откровенно придиралась к ее исковому заявлению <...> Оплатить помощь по подготовке процессуальных документов доверитель не смогла бы. В итоге решил помочь **безвозмездно**, подготовил необходимые документы, сделал копии, объяснил, что и как нужно подать. Она поблагодарила и заплакала* [Сидоренко, 2023, с. 50].

В качестве средства объективации ценности «милосердие» служит лексема с мелиоративной коннотацией «безвозмездно», что соответствует

аксиологическим параметрам русской культуры, в которой всегда ценились доброта и бескорыстие. Из предложения «*Оплатить помощь по подготовке процессуальных документов доверитель не смогла бы*» читателем выводится инференция о том, что адвокат – сострадательный человек, готовый прийти на помощь даже клиенту, не имеющему финансовой возможности воспользоваться юридической помощью. При этом детализированное описание самой помощи («*подготовил необходимые документы, сделал копии, объяснил, что и как нужно подать*») содержит импликацию о том, что работа адвоката по каждому делу – это многочасовой кропотливый труд, что соотносится с ценностью социального типа «трудолюбие».

Приводимый фрагмент призван разрушить стереотип читателей о том, что все адвокаты – корыстные и меркантильные люди, движимые исключительно собственной выгодой. В качестве аксиологически значимой импликации используется дихотомия «судья – адвокат», создаваемая посредством оценки действий судьи («*судья откровенно придиралась к ее исковому заявлению*»). Интересно, что в текстах популярно-юридического дискурса, по нашим наблюдениям, данная дихотомия является лабильной. Так, из рассказа адвоката в данном случае адресатом выводится инференция о том, что адвокат – это «свой», а судья – «чужой», несмотря на то что они оба являются представителями юридической профессии.

Рассмотренные публикации отличает большое количество текстовых фрагментов, в которых объективируются ценности «трудолюбие» и «добросовестность», что иллюстрируют высказывания адвокатов ниже:

➤ *Могу проделать большую работу, сидеть над томами днями и ночами...* [Сидоренко, 2023, с. 29].

➤ *Я убеждена, что стать успешным в истинном понимании этого слова можно только долгим, упорным и добросовестным трудом* [Сидоренко, 2023, с. 24].

➤ *Трудолюбие и добросовестность, стремление все выполнять до конца – эти качества у меня от отца* [Румянцева-Томашевич, 2023, с. 16].

➤ *Для меня главное в адвокатской деятельности – добросовестное отношение к делу* [Румянцева-Томашевич, 2023, с. 23].

Воздействие на эмоциональную сферу адресата в приведенных примерах осуществляется посредством повторов однокоренных лексем «добросовестно», «добросовестность», «добросовестный», а также лексем одного семантического поля «работа», «труд», «дело» в сочетании с атрибутами-интенсификаторами («большая работа», «долгий, упорный труд» и др.). В результате в сознании адресата формируется образ трудолюбивого человека, который много времени и сил отдает работе над каждым делом, посвящая долгие часы подготовке материалов и выступлений в суде.

Социальная ценность «профессия» в рассмотренных текстах объективируется в высказываниях адвокатов, свидетельствующих о любви к своей работе и подлинной увлеченности ею.

➤ Если твоя работа – не просто способ заработка или существования, а образ жизни [Сидоренко, 2023, с. 25].

➤ Мне было интересно мое занятие, я получал от него удовлетворение даже в тех случаях, когда результат был не таким, как я хотел. Это удовлетворение основывалось на том, что я не допустил ошибки, действовал профессионально и добросовестно [Румянцева-Томашевич, 2023, с. 23].

➤ И только порядочный подход к работе способен сделать адвоката успешным – даже не в глазах общественности, а в своих собственных, что, наверное, важнее. И этот порядочный подход возможен, если ты любишь то, что делаешь [Сидоренко, 2023, с. 24].

В приведенных примерах используется повтор значимых с точки зрения конструирования положительного образа лексем («профессионально и добросовестно», «порядочный подход к работе», «порядочный подход» и др.). При этом ценности социального типа тесно переплетены с моральными ценностями (профессионализм в сочетании с добросовестностью и порядочностью). Внутренняя рефлексия представителей юридической профессии, эксплицируемая в данных высказываниях («Мне было интересно мое занятие, я получал от него удовлетворение даже в тех случаях, когда результат был не таким, как я хотел»; «И только порядочный подход к работе способен сделать адвоката успешным – даже не в глазах общественности, а в своих собственных, что, наверное, важнее»), позволяет сократить коммуникативную дистанцию с адресатом и усилить суггестивное воздействие на него.

Подводя итоги проведенного исследования необходимо отметить, что анализ российского популярно-юридического дискурса презентационного типа с точки зрения аксиологического подхода позволяет выявить наибольшую представленность в нем социальных и моральных ценностей, объективируемых с помощью соответствующих лексем и предложений. Помимо эксплицитных средств адресантами активно задействуется имплицитная информация, позволяющая адресату выводить инференции, способствующие конструированию положительного образа представителя юридической профессии.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. Москва: Флинта, Наука, 2010. 224 с.
2. Баранов В. М. Антология юридического анекдота. М.: Блок-Принт. 2024. 864 с.
3. Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.

4. Карасик В. И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 65–75.
5. Олянич А. В. Презентационный дискурс. Дискурс-Пи. Т. 12. № 3–4. 2015. С. 148–150.
6. Палашевская И. В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12. № 5 (2). 2010. С. 535–540.
7. Соловьева Ю. О. Семантико-прагматический аспект моделирования имиджа современного адвоката (на материале журнала «Российский адвокат») // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 3. С. 75–84.
8. Румянцева-Томашевич Ю. Романтик адвокатуры // Российский адвокат. 2023. № 1. С. 15–24.
9. Сидоренко Е. Адвокат, преподаватель, яхтсмен // Российский адвокат. 2023. № 1. С. 45–53.
10. Сидоренко Е. Спортсменка, комсомолка... и так далее // Российский адвокат. 2023. № 1. С. 45–29.
11. Слышкин Г. Г. Аксиологический анализ дискурса и реинтеграция предметной области филологии (на примере концепта «радиация») // Русский язык за рубежом. № 4 (281). 2020. С. 27–35.

РИТОРИЧЕСКИЙ КОД ПАНЕГИРИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ФОНА ОБЩЕСТВА

Ступина Е. С. (Нижегород)

***Аннотация.** Риторический код представляется как система знаков, воздействующих на чувственное восприятие речи, отраженной в текстах, которые имеют жанровую и дискурсивную специфику. Риторический код панегирического описания в политическом дискурсе формируется в хвалебной речи описательного характера и демонстрирует основные ценностные ориентиры общества. Знаками кода становятся лексические единицы, имеющие эмоционально-оценочную коннотацию, экспрессивные синтаксические структуры, грамматические категории, отличающиеся нетипичной выраженностью. В речи политиков данный риторический код часто оказывается вписанным в манипулятивную стратегию.*

***Abstract.** Rhetorical code is presented as a system of signs that affect the sensory perception of speech, reflected in texts that have genre and discursive specificity. The rhetorical code of panegyric description in political discourse is formed in laudatory speech of a descriptive nature and reflects the main value guidelines of society. Lexical units with an emotional-evaluative connotation, expressive syntactic*

structures, grammatical categories that are distinguished by atypical expressiveness become signs of the code. In the speech of politicians, this rhetorical code is often inscribed in a manipulative strategy.

Ключевые слова: *риторический код, панегирик, национальные ценности, анафора, параллелизм.*

Keywords: *rhetorical code, the eulogy, national values, anaphora, parallelism.*

Современный политический дискурс сегодня является зеркалом общественного сознания. В политической среде формируются основные установки, которые транслируются социумом. Управленческое маневрирование также часто реализуется с помощью манипуляций в рамках тех приоритетов, которые были актуализированы электоратом. Политик, стремящийся к успеху, учитывает ценностный и мировоззренческий идеал людей, которыми хочет руководить. Естественное внедрение определенных идей осуществляется в результате коммуникации посредством публичных выступлений, бесед с избирателями, ибо язык – это феномен культуры и универсальная знаковая система, объективирующая «область идеального – нематериальные ценности, моральные нормы и принципы, он позволяет осознать коллективные верования и индивидуальные представления» [Калиткина 2018, с. 167]. Продуманные речевые стратегии, базирующиеся на принципах веры в справедливость, в величие исторического пути, идеи соборности нации, реализуются, как правило, посредством риторического кода панегирического описания. И. А. Стернин считает, что «ценности – это то, что как бы априори оценивается этническим коллективом как нечто такое, что «хорошо» и «правильно», является образцом для подражания и воспитания» [Стернин 1996, с. 108]. Аксиологические потенции народа продуктивно реализовать в выступлении, имеющем специфику панегирика.

Цель настоящего исследования – попытка понять, как дешифрация риторического кода панегирического описания, реализованного в речи политических деятелей, помогает ориентироваться в аксиологических позициях современного российского общества. Панегирик как «позитивно-оценочный речевой жанр, похвала, хвалебная речь с дополнительным смыслом неумеренности похвал» всегда был распространен в русской риторической традиции [КР]. Генетическая связь с церковной проповедью в произнесении панегириков в современном политическом дискурсе прослеживается в дидактических мотивах, обнаруживаемых зачастую в выступлениях на тему патриотического воспитания. Например, выступая на 81-м заседании Зиновьевского клуба в 2024 году, Сергей Миронов описывает исторический путь Александра Зиновьева для того, чтобы подчеркнуть, что героические личности особенно нужны сегодня России: *...наследие Александра Александровича еще нами полностью не осознано. И человек, который, будучи*

великим философом, будучи великим мыслителем, всегда исповедовал правду, какая бы она не была жесткая, какая бы она не была горькая, всегда говорил правду. Именно поэтому в свое время он вынужден был уехать из Советского Союза, покинуть свою Родину [1]. Политик проводит параллель между событиями и прошлым и действиями настоящего, демонстрируя необходимость существования государственной идеологии. Знаками кода выступают повторы, оценочные прилагательные, синонимы (*философ – мыслитель*), книжная лексика (*покинуть, исповедовать*), расчлененное сказуемое (*вынужден был уехать*). Концентрация выразительных элементов предполагает участие «в организации смысловой взаимосвязи текстовых фрагментов и объединении их в более крупный композиционный компонент текста» [Ян Цин, 2017, с. 249]. Повторяющееся слово *великий* реализует усилительную функцию. Говорящий мотивированно использует дважды это определение не только для выражения восхищения, но и для оправдания отъезда Зиновьева из СССР. Как отмечает А. А. Потехня, **«усугубление в речи одного и того же слова дает новое значение, объективное или субъективное»** [Потехня 1899, с. 552]. Таким образом, превозносится значимость Александра Александровича как ученого, благодаря чему нивелируется возможная негативная реакция в отношении того факта, что он покинул страну. Дублированная устаревшая форма дееспричастия *будучи* аккумулирует патетический мотив выступления. Подчеркнем также близость семантики слов *мыслитель* и *философ*, что создает иллюзию расширенного описания, хотя фактически фразы полностью идентичны. Повторы анафорического типа совместно с параллелизмом в данном сегменте речи выступают как автоатрибутивные речевые компоненты. Они отличаются повышенной экспрессией, ибо **«...увеличение повторов приводит к увеличению семантического разнообразия, а не однообразия текста»** [Лотман, 2000, с. 135]. Актер имплицитно определяет свою коммуникативную задачу как современного политика, ориентирующегося в сложной общественной ситуации. Последующие повторы существительного *правда* и местоимения *какой* позволяют плавно менять риторiku восхищения на риторiku оправдания. Чтобы актуализировать мысль о вынужденном поступке Зиновьева, используется клишированная фраза *покинуть свою Родину*, благодаря чему возникает мотив пафосно-патриотической интенции. Отъезд в таком случае расценивается не просто как действие, связанное с желанием человека жить в комфортных и свободных условиях, а как невольное следствие опасной политической обстановки, Контаминация рассмотренных знаков риторического кода в устной публичной речи оказывает сильное воздействие манипулятивного характера.

Панегирик как жанр рисует идеализированную реальность. Об этом пишет Н. Ю. Алексева, анализируя традиции русской оды [Алексева, 2005, с. 194]. Следовательно, черты панегирика развивались не только в рамках религиозной тематики, они нашли активное выражение в эпоху классицизма. Риторический

код панегирического описания формируется благодаря эмоционально оценочной лексике. Например, на церемонии инаугурации губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко, рассказывая о городе, подчеркивая его сложный путь к настоящему процветанию, использует устойчивые выражения, коннотативно-окрашенные слова: *Мы имеем право сегодня сказать: город поверил в свои силы. Депрессивное настроение, провинциальные комплексы, унижительный ярлык «криминальной столицы» — все это кануло в лету. Духовный перелом наступил. Изменилось самоощущение петербуржцев* [2]. Духовное начало, преобладающее над материальным, является основополагающей ценностью, постулированной в данном отрывке. Стоит обратить внимание, что употребление стилистически неоднородных сочетаний (*поверить в свои силы – криминальная столица*) обеспечивает экспрессивное «напряжение». Что привлекает внимание слушателей к представленной теме.

Расширенное описание какого-либо общественного события, подчеркивание его значимости является неотъемлемой частью выступлений государственных деятелей. Например, в речи Сергея Нарышкина на пленарном заседании Государственной Думы в 2015 году о референдуме в Крыму подчеркнуто реализована основная ценность, транслирующаяся во многих выступлениях, – идея единения народа: *А факты говорят о том, что, по сути, в 1991 году Крым был отторгнут от России против желания народа и в нарушение закона. А возвращение домой состоялось как раз в соответствии с волей крымчан и в полном соответствии с нормами национального и международного права, такова и фактическая, и юридическая сторона дела, и она вовсе не противоречит другой, такой нравственной и эмоциональной* [3]. Справедлива мысль о том, что «ценности формируют ценностную картину мира, которая обусловлена особенностями культуры и связана с реконструкцией определенной ценностной подсистемы знаний человека», следовательно, продуктивным в идентификации этих ценностей в речи становятся такие элементы, которые отражают сложный исторический путь страны [Иванова, 2010, с. 183]. Интерпретация риторического кода происходит при оценке знаковых комбинаций. В данной иллюстрации знаками кода выступают имена собственные (*Крым, Россия*), употребленные контактно, что подчеркивает неразрывную связь между государством и полуостровом, существующую не одно столетие. Реализованная с помощью метафоры (*возвращение домой*) персонификация процесса присоединения Крыма отражает естественность случившегося. Сочетание риторического приема и оборотов, характерных для официально-делового стиля (*оттогнут от, в соответствии с, юридическая сторона дела*), создает особую экспрессию, призванную смоделировать эмоциональную реакцию. Возникает эффект доверия к знающему человеку, уверенно оперирующему канцелярской лексикой.

Осмысление важности семейных ценностей посредством созидания женской преобразующей силы, развития института детства манифестируется

в высказываниях политиков регулярно. Дешифрация риторического кода успешно реализуется благодаря очевидной комбинации знаков: употребление существительных *семья, родители, дети*, простые структуры предложений в форме сентенций, безличные конструкции, глаголы в форме прошедшего времени, выражающие вневременное действие, происходящее безотносительно к моменту речи: *В нашей стране семья – это главная ценность. И очень важно сделать все, чтобы рождалось как можно больше детей, а родители получали максимальную поддержку и помощь* (Михаил Мишустин, «Комсомольская правда», 11.01.2024 [4]). В Год семьи политические деятели подчеркнуто часто обращались к соответствующей тематике с целью ангажирования необходимых для развития государства настроений в общественном сознании. Справедливо считать, что «ценности познаются человеком, а не приписываются предметам произвольно, но их нельзя постичь опытом или логическим рассуждением», по этой причине риторические коды организованы знаками, отличающимися повышенным эмоциональным потенциалом, провоцирующим при дешифрации кода эмоциональный отклик [Дробницкий, 1967, 305]. Клишированные фразы воспринимаются с точки зрения незыблемости утверждаемого: *семья – главная ценность, максимальная поддержка и помощь*. Уровень критичности в оценке содержания будет низким, поскольку говорящий обращается к значимой теме сохранения и воспроизводства нации.

Обобщая наши наблюдения, можно сделать вывод о том, что национальные, культурные ценности тесно переплетаются с языком и коммуникацией, находя глубокое выражение в выступлениях политических деятелей. Хвалебно-дидактическая традиция, реализованная в риторическом коде панегирического описания, позволяет судить о неизменности тех исторических скреп, которые сформированы в общественном сознании, вопреки сменяющимся режимам, политическим интересам, технологическим процессам.

Литература

1. Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XXVII–XVIII веках / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. – СПб.: Наука, 2005. – 369 с.
2. Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. М.: Политиздат, 1967. 350 с.
3. Иванова Г. Ф. Ценности в культуре и языке // Система ценностей современного общества. 2010. №10-1. С. 182–186.
4. Калиткина Г. В., Гальцова Н. П., Слугин А. П. Язык и трансляция ценностей в современном социокультурном пространстве // Информация и образование: границы коммуникаций INFO. 2018. № 10(18). С. 166–168
5. КР: Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. – 840 с.

6. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
7. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: в 2-х т. X.: Изд-во М. В. Потебни, 1899. Т. 2.
8. Стернин И. А. Коммуникативное поведение в составе национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 97–112.
9. Цин Я. О функциях стилистических фигур в газетном тексте (анафора и синтаксический параллелизм) // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 1 (160). С. 244–252.

Источники

1. <https://spravedlivo.ru/14589710?ysclid=m27do7tzgx703667996>
2. <https://regnum.ru/news/759931?ysclid=m27dpkcb6m775302073>
3. <http://duma.gov.ru/news/10509>
4. <https://www.hab.kp.ru/daily/27552/4876948/?ysclid=m27ds4bzq8939947736>

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НЕОЛОГИЗМОВ
В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ СМЕХА
В СОЦСЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ)**

Су Хэцин (Сиань, Китай / Москва, Россия)

***Аннотация.** Данная работа посвящена анализу неологизмов (новых слов, в том числе заимствованных, невербальных элементов и т.д.), выражающих смех в соцсетевом дискурсе. Смех рассматривается как многообразное проявление эмоций-оценок и форма реакции на факт действительности или реплику собеседника, имеющую собственную логику развития. Анализируются особенности употребления неологизмов, отражающие ценностные предпочтения носителей языков в сетевом дискурсе различных культурных контекстов.*

***Abstract.** This study focuses on the analysis of neologisms (including new expressions, borrowings, symbols, etc.) expressing laughter in social network discourse. Including laughter as a diverse manifestation of emotion-values and the associated linguistic developing logic. Furthermore, we analyze the specific features concerning the neologisms' usage, reflecting native speakers' value preferences in online discourse from different cultural contexts.*

***Ключевые слова:** неологизм, выражение смеха, сетевой дискурс, ценность, аксиологические характеристики.*

***Keywords:** neologism, expression of laughter, network discourse, value, axiological characteristics.*

Как наиболее крупный доступный ресурс, специфическая форма коммуникации и самая быстрая итеративная языковая среда, интернет вводит в жизнь и популяризирует неологизмы. Для того чтобы более целенаправленно изучить данный феномен, используем в работе одну из самых распространенных форм выражения чувств/эмоций и оценок: смех.

Согласно толковому словарю русского языка В.И. Даля, смех «есть среднее выражение между улыбкой и хохотом», которое используется для выражения «чувства веселости, потехи, взрыв веселого расположения духа», но может выражать и другие чувства, такие, как «смех осмеяния, смех презрения, злобы и пр.» [Даль, 2006, с. 127]. Смех как распространенное средство эмоционально-оценочного выражения преобладает в сетевом дискурсе и является основным способом оценки и взаимодействия коммуникантов, при этом формы проявления смеха варьируются в зависимости от культурных контекстов. Для изучения неологического развития вербальных и невербальных форм выражения смеха в статье используются русские, английские, китайские, японские материалы, а также соответствующие выражения в соцсетевом дискурсе на других языках.

Одним из фундаментальных факторов, повлиявших на развитие интернет-сленга, является диахронность последовательности сетевой среды, в которой он зародился. Активное использование неологизмов, которые соответствуют среде/платформам соцсетевого дискурса разных групп пользователей, оказывают глубокое влияние на его сущность. Основная схема развития такова: первыми распространяются сленговые неологизмы, рожденные приоритетно развивающейся сетевой средой, они поглощаются пользователями – носителями разных культур и языков и внедряются в их родные сетевые сообщества; выражения изменяются в соответствии с особенностями конкретных лингвокультур, и данные единицы адаптируются к условиям среды для создания новых «аборигенных» выражений; затем появляются другие варианты развития, такие как смешение, омонимия, диалектизация и другие вариации использования в практике.

Зарождение и развитие интернета и соцсетей происходило в англоязычной среде. В результате интернет-выражения «для смеха» стали самыми распространенными. Например, со времен Шекспира ономапоея «haha» [Tagliamonte, 2011] превратилась в вариант «hahaha», а затем в «Lol (Lul// Laughing out loud)», «ROFL (rolling on the floor laughing)», «Lmao (laughing my ass off)» и т.д. Они доказывают градацию уровня смеха или его интенсивности, а их подбор различает степень выражения чувств-эмоций. Один из наиболее типичных неологизмов – «Lol» получил широкое распространение и повлиял на других участников интернет-коммуникации, не являющихся носителями английского языка, которые ввели его в употребление на собственных языках благодаря знакомству с англоязычными источниками. В этом случае логикой развития неологизма являются сокращения (т.е. аббревиатуры или акронимы) и другие элементы заимствования. Встречаются сочетания букв или знаков

препинания, выраженные в виде смайликов. Определить степень использования английских неологизмов в качестве источника или даже непосредственно выражения смеха можно, изучив сетевую дискуссию носителей разных языков и сделав вывод о том, в какой степени на их речь повлиял англоязычный сетевой дискурс. Рассматривая проявления смеха в русскоязычных социальных сетях, можно заметить, что в процессе становления и локализации русского сетевого дискурса появились и такие англо-русские выражения, как «лол», «хд». И конечно, в русском языке есть и такие собственные интернет-неологизмы, как использование глагола «орать» в сленговом значении ‘не могу сдерживать смех’ для выражения хохота, а также «Ржунимагу (с выражением *валяцца пацталом / валяться под столом от смеха*)», который в середине 2000-х активно использовался и может считаться русским аналогом английского выражения «lol» в падонковском жаргоне [Кронгауз, 2018, с. 110].

Наряду с общим заимствованием и неологизмами существует и такое явление, как «циркуляция» неологизмов в более специфическом плане – если указанная нами коммуникация русско-английских языковых выражений предполагает, что пользователь должен быть пользователем социальной платформы как на английском, так и на русском языках, образуя таким образом связь и среду взаимодействия. Исходя из этого, следующие примеры добавляют больше условий для понимания к распространению и использованию интернет-сленгов как части личности пользователей с большей квалификацией. В последнее десятилетие в среде азиатской культуры появился тип видеохостингов, на которых есть всплывающие комментарии прямо в окне проигрываемого видео. Впервые такая видеоплатформа появилась в Японии в 2006 г. под названием *NicoNico*. Впоследствии в Китае были созданы *AcFun*, *Bilibili* и другие сайты с всплывающими комментариями, основным содержанием этих сайтов является аниме. В результате их пользователи имеют определенное представление о японском культурном фоне и использовании японского языка. В связи с этим ряд сетевых выражений и неологизмов был привнесён пользователями – носителями китайского языка в специальные «комьюнити» и широко используется на этих видеоплатформах. К ним относится и японское выражение, обозначающее смех: «w» (начальная буква звука у слова «笑い (смех)» *warai*), которое породило следующие неологизмы: «www», 草 (кандзи/иероглиф «草» используется для выражения ряда «w», поскольку вместе многие w выглядят как трава), «草生» («草が生えた» в сокращённом виде, опускает японские элементы слоговой азбуки и оставляет только иероглифы) буквально означая «трава выросла», «大草原» (прерия), «芝» (означающий траву на газоне) и др. Когда данный иероглиф применяется в китайских соцсетях, поскольку иероглиф «草» был широко распространён как обозначения ненормативной лексики (омофон нецензурных слов), пользователи обычно добавляют к нему примечания, например: «草 (日本語) –草 (японский язык); «草 (中日双语)» –草 (китайско-японский язык); «草 (一种植物) –草

(вид растения) для того, чтобы выразить смех-хохот. Результатом соединения китайского и японского языков стало распространение их сетевых сленгов, в данном случае иероглифов, которые используются в обоих языках. Таким образом, для восприятия выражений нужны дополнительные условия. Эти семантические неологизмы-заимствования меньше распространены, чем другие китайские интернет-сленги, используемые для выражения смеха. Использование таких выражений является отражением языковой личности. В любом случае, в связи с глобализацией среды сетевого дискурса и быстрым взаимодействием языков, недавно созданные выражения, имеющие большую базу пользователей, быстро распространяются.

С помощью сопоставительных исследований можно выявить разнообразие выражений и меняющиеся тенденции развития неологизмов. Для выражения смеха и реакции на реплику собеседника в русскоязычной коммуникации используются, например, такие звукоподражания, как «ахаха», «ахахах» «бугага», «баге лол», «ыыы», — а также смайлики «xD» или «xD», которые могут сопровождать междометие, служат для выражения смеха как реакции на что-либо смешное, глупое, неприличное, неприятное [Кронгауз, 2018, с. 17].

В китайской интернет-коммуникации существует более контекстуальный способ выражения смеха: число «233» возникло из 233-го стикера на платформе «Маопуван», на котором изображен человек, ударившийся о землю и смеющийся. Впоследствии это число получило широкое распространение на различных соцсетях в Китае и стало обозначением смеха как реакции на высказывание. Стоит отметить, что хотя числа и их произношение здесь непрямо связаны со смехом, но в процессе их использования и распространения прослеживается сходство с русскими и английскими «ахахах» и «hhh», слогги или буквы которых можно удлинять бесконечно, чтобы выразить степень смехотворности, и в случае «233», повторяется число «3» для того же эффекта: «2333333».

Подводя итог наблюдению за этими явлениями в различных языковых сетевых средах, можем сделать следующие выводы: чтобы усилить интенсивность выражений, стратегии развития неологизмов соцсетевого дискурса стремятся придать выражениям образность, применить преувеличения выбор слов, чтобы постепенно увеличить интенсивность выражаемых чувств-эмоций – данный вывод подтверждается английскими словами LOL-ROFL-LMAO (постепенное нарастание интенсивности); другими словами, увеличение интенсивности происходит путем постепенной эскалации – от абстрактных, общих выражений к добавлению действий, ситуаций и, кроме того, добавлению наречий степени или количества повторений элементов. Способ дифференциация интенсивности выражения с фонологической и грамматической точки зрения путем повторения и добавления компонентов и изменения формы буквы (от строчных к заглавным): *ахаха* – *ахахаха*, *ахаха* – *АХАХА*, *lol* – *LOL*, *hh* – *hhhhhhh* и т.п. Такой способ интенсификации похож на способ словообразования

«редупликация»: количество повторений слогов (в некоторых случаях и букв) может быть разным, что соответствует интенсивности смеха. Например, междометия «ахаха/ахахах» может заканчиваться и на букву «а», и на букву «х».

В условиях быстрого изменения и активного обновления интернет-сленгов при сопоставлении их форм, имеющих схожие значения, семантика отдельных новообразованных единиц, получая распространение, также претерпевает изменения в восприятии реципиентов. В данном случае речь идет о явлении, которое часто встречается в сетевом дискурсе, – «семантическое ослабление». Например, в китайских соцсетях наблюдается ускоренная итерация выражения смеха: от начального «呵呵 (хе-хе)», более поздних «嘻嘻 (хи-хи)» и «哈哈 (ха-ха)» до вариантов, содержащих повторяющиеся слоги: «哈哈哈哈哈», и упомянутые «2333» и «hhhhhhh» (чем больше знаков – букв/чисел/иероглифов, тем выше степень забавности и сильнее смех). На данный момент, если кто-то посылает сообщение «呵呵», первой реакцией получателя будет не радость, а скорее мысль о том, что собеседник язвит, насмехается, и здесь более подразумевается намерение с низкой оценкой. Кроме того, в китайской среде соцсетевого дискурса появились еще более гиперболические выражения: «笑死我了/笑死 (Помираю со смеху)» и их аналоги «xswl/xs» (с использованием первой буквы пиньинь для сокращения). Добавляются и другие варианты выражений, например, «笑不活了» (и его омонимическая форма «笑补货了»), сюда входят и выражения, не содержащие слова «смех», например, семантический неологизм «救命 (Спаси)» и его варианты «救», «㊗️» и т.д. Здесь у слов, связанных со смертью и опасностью, наоборот, имеется позитивный оттенок. Ср.: русское выражение *до смерти смешно*.

Из этого явления можно сделать два вывода: 1) языковая инфляция. Китайский лингвист Ли Цзайань в 1945 году ввел финансовый термин «инфляция» в лингвистику. Он сказал, что подобно инфляции, вызванной несоответствием между чеканкой монеты и стоящим за ней богатством, несоответствие между языком и стоящими за ним мыслями и чувствами — это «инфляция языка». Сравнивая такие новые слова со сходными значениями, можно заметить, что языковые единицы постепенно теряют свою изначальную выразительную силу, а требующие понимания контексты и условия выходят за рамки собственных потребностей и становятся избыточными. Языки компенсируют недостаток смысла, вызванный семантическим ослаблением знака в результате частого употребления и повышением «номинальной ценности» выражений. Это также связано 2) с изменением популярных тенденций в интернет-коммуникациях. Стремительная смена ценностных ориентаций в среде сетевого дискурса отражается в виде многочисленных вариантов этих неологизмов и фразеологизмов. Отметим «быстрое прохождение» этих фраз среди активных пользователей, особенно молодых. Не прошло много времени, как фраза «笑死 (умирать от смеха)» стала широко использоваться, превратилась

в обычную повседневную фразу для общения в соцсети, а отправитель стал использовать ее в качестве повседневной коронной фразы, т.е. «небрежно относиться к диалогу». Если «笑死» выражает как двусторонние коннотации (как +, так и –), то «呵呵» уже используется в соцсетях с преимущественно отрицательной оценкой. Пользователи, которые охотно используют новые слова в Интернете, стремятся к разнообразию и свежести, используют жаргонизмы или мемы, которые соответствуют текущим событиям, показывают их личное состояние души и выражают оценки, декларируя собственные ценности, – все это способствует быстрому появлению интернет-сленгов. Неправильное использование интернет-слов и неверное понимание значения в результате их повсеместного применения – это общая закономерность, наблюдаемая многими исследователями, изучающими дискурс сетевых платформ с высокой свободой общения, заключается в том, что индивидуально-авторские неологизмы претерпевают изменения в значении в результате частого употребления, поскольку они «подвергаются влиянию коммуникативных ситуаций и субъективно-образных представлений участников о предмете общения» [Шумилина, 2022, с.392]. В дополнение к необходимости базовых знаний, например, для понимания таких интернет-сленговых единиц, как «лол», «хд», пользователю также необходимо иметь некоторый опыт знания не только английского языка, но и знания современной коммуникативной ситуации в англоязычном сетевом дискурсе. Наблюдая за тем, понимает ли пользователь такие сленги, как «www», «2333», можно с большей вероятностью отразить конкретные характеристики пользователя платформы, а также понять его интересы и социальный круг общения (профилирование пользователей). Часто распространение схожих фраз также зависит от размера пользовательской базы языковой платформы и вероятности того, что эти пользователи будут активны на нескольких платформах. Например, в современном китайском соцсетевом дискурсе большинство популярных выражений и мемов исходит от платформ трансляции игр, которые имеют чрезвычайно широкую аудиторию и поэтому способны быстро распространять новые языковые тренды в сетевом дискурсе. Несмотря на то, что различные платформы имеют свои уникальные языковые особенности, слова с большей глубиной и широтой применения с большей вероятностью будут использоваться СМИ и дойдут до массовой аудитории. Тогда знание этих выражений становится базой понимания информации. При этом снижаются барьеры восприятия и использования неологизмов из среды соцсетевого дискурса, изменяются аксиологические характеристики и оценочные тенденции, представленные в употреблении слов, и даже значения самих языковых единиц.

Таким образом, мы проследили разнообразие моделей развития явлений, вызванных интеграцией и взаимодействием культур в среде соцсетевого дискурса, выявить норму динамичного обновления семантики в ответ на изменение доминирующих ценностей и сделать вывод об общей тенденции

к семантическому ослаблению и языковой инфляции при использовании и распространении новых слов. Способы выражения – языковые и внеязыковые, будут развиваться до тех пор, пока пользователи соцсетей не найдут те формы, которые действительно отражают их внутренние ценности.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах / Даль В. И. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 4. Р-Я. 672 с.
2. Коцюбинская Л. В., Кузина О. А. К вопросу об аксиологии в лингвистике // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. №1. С. 59–66.
3. Кронгауз М. А. Словарь языка интернета.ru // М. А. Кронгауз, Е. А. Литвин, В. Н. Мерзлякова и др. / Под редакцией М. А. Кронгауза. М.: Издательство «Словари XXI века», 2018. 288 с.
4. Шумилина С. А. Неологизмы в блогосфере публицистического дискурса Рунета // МНКО. 2022. №1 (92). С. 390–392.
5. Tagliamonte S.A. Variationist sociolinguistics: Change, observation, interpretation. John Wiley & Sons, 2011. 423 с.
6. 李宅安 (Li Zhai-an) 论语言的通货膨胀 // 《文化先锋》第5卷第15期, 1946年12月. (Ли Ч. К вопросу об инфляции языка // Культурный пионер. Т. 5. № 15. 1946.)

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗНЫХ ЕДИНИЦ В МЕДИАТИЗИРОВАННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Тань Цзе (Шэньян, Китай)

Аннотация. Язык выполняет не только функцию передачи информации, но и несет аксиологические смыслы, выражая ценностные ориентиры говорящего. В данной статье акцент сделан на анализе образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе: образных метафор и сравнений, фразеологизмов, пословиц и других образных выражений, которые выявляют аксиологическую составляющую политического дискурса. Исследование направлено на изучение того, как эти языковые средства отражают ценности и антиценности авторов, формируют идеологические установки и воздействуют на восприятие и оценку политических событий аудиторией.

Abstract. Language not only serves the function of transmitting information but also conveys axiological meanings, expressing the speaker's value orientations. This article focuses on the analysis of figurative units in mediated political discourse: figurative metaphors and comparisons, phraseological expressions, proverbs, and other figurative expressions that reveal the axiological component of political discourse. The study aims to examine how these linguistic tools reflect the values and anti-values of the authors, shape ideological attitudes, and influence the audience's perception and evaluation of political events.

Ключевые слова: аксиологический смысл, образные единицы, интернет-блог, медиатизированный политический дискурс.

Keywords: axiological meaning, figurative units, Internet-blog, mediated political discourse.

В условиях стремительного развития Интернета и постоянных инноваций в области сетевых технологий медиатизация все глубже проникает в политическое пространство. Дискурсивные практики постоянно адаптируются к изменяющимся социальным контекстам и развивающимся коммуникационным средствам [Ионова, 2006, с. 6]. В этом контексте фигуративность становится центральной характеристикой медиатизированного политического дискурса, направленного на создание и усиление определенных образов и смыслов. Интернет-блоги политиков, как тип медиатизированного политического дискурса, являясь частью этого процесса, становятся важной платформой для реализации аксиологически нагруженных дискурсивных стратегий, способных формировать общественное мнение и влиять на политические предпочтения аудитории.

Политика основывается на отношениях между людьми и группами, а политический дискурс представляет собой символическое выражение этих отношений. Политический дискурс формируется через главенствующие в обществе абстрактные представления и систему ценностей и организуется вокруг ключевых языковых символов, таких как патриотизм, демократия, справедливость. Эти символы не только отражают ценностные ориентации и историческую идентичность конкретных социальных групп, но и составляют важную часть культурной памяти. Медиатизация политики, т.е. ее «сращивание со средствами массовой информации», приводит к возникновению медиатизированного политического дискурса [Шейгал, 2012, с. 121]. В этой форме дискурса аксиологическое значение образных единиц становится особенно значимым. Медиатизированный политический дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, включающее в себя многообразие субъектов и каналов коммуникации, но его конечная цель – это достижение определенных идеологических целей посредством информационного воздействия. Использование образных единиц придает политическому дискурсу выраженную ценностную направленность, усиливая его убедительность и влияние в массовых медиа.

Аксиологический смысл образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе раскрывается через исследование ценностей, выражаемых и передаваемых посредством языка. Ценности – высшие ориентиры поведения, определяющие смысл бытия, являются концентрированным выражением культуры и находят множественное и вариативное выражение в языке [Карасик, 2023, с. 49]. Изучение ценностей в лингвокультурном аспекте составляет предмет аксиологической лингвистики и предполагает решение

следующих задач: 1) определение понятия «ценность», 2) установление характеристик лингвокультурного подхода к изучению ценностей, 3) построение классификации ценностей, 4) выявление способов фиксации ценностей в языковом сознании и коммуникативной практике [Карасик, 2018, с. 3]. В медиатизированном политическом дискурсе это выражается через выбор образных единиц, которые наиболее эффективно отражают ценностные приоритеты аудитории.

Примером такого подхода является использование Хуа Чуньин, бывшим официальным представителем МИД Китая, прецедентной ситуации для привлечения внимания к важности защиты окружающей среды и безопасности человеческой жизни. В своем блоге она написала: *像切尔诺贝利灾难一样，福岛核事故也是世界历史上最严重的核事故之 (Подобно черновыльской катастрофе, авария на АЭС Фукусима является одной из самых серьезных ядерных катастроф в мировой истории¹)* [Хуа Чуньин, 13.04.2021]. Это высказывание, сделанное в контексте критики решения японского правительства сбросить радиоактивную воду с АЭС «Фукусима» в океан, использует образ Чернобыля как прецедент, пробуждающий ассоциации с одной из самых разрушительных ядерных аварий в истории и являющийся носителем совершенно определенного ценностного содержания. В данном контексте использование прецедентного образа вызывает у аудитории яркий эмоциональный отклик, который обусловлен влиянием эмоциональной темы текста [Ионова, Штеба, 2019] и целым кластером дополнительных коннотаций слова *Чернобыль* [Сегал, Мищенко, Ворошилова, 2022]. Такое использование образной единицы позволяет Хуа Чуньин не только подчеркнуть возможные негативные последствия принятого решения, но и обратить внимание на более широкие ценностные приоритеты – защиту природы и самой человеческой жизни.

Этот пример демонстрирует, как через образность можно эффективно передавать ценностные ориентиры, формируя у аудитории соответствующую оценку политических событий. Метафорический образ катастрофы отражает степень ответственности за решения, которые могут угрожать экологической безопасности, подчеркивая необходимость стремления к глобальной экологической устойчивости и безопасности будущих поколений. Таким образом, выбор образных средств в медиатизированном политическом дискурсе не просто усиливает эмоциональный отклик аудитории, но и, опираясь на содержание главной ценностной диады *жизнь – смерть* имплицитно указывать на опасность и бесчеловечность принимаемого решения, формировать идеологические установки и ценностные приоритеты у медийной аудитории.

¹ Здесь и далее перевод наш. – Т.Ц.

В отличие от ценностей, антиценности – противоположности ценностей. К ним относятся такие концепты, как смерть, болезнь, доминирование, месть, садизм, идеология, жесткость, исключительность [Шакирова, 2022, с. 167]. В медиатизированном политическом дискурсе использование образных средств для выражения антиценностей часто имеет отрицательный эффект и может вызывать критику и споры. Примером может служить выступление Ж. Борреля на открытии Европейской дипломатической академии в Брюгге 13 октября 2022 года, в котором он заявил: *Europe is a garden ... Most of the rest of the world is a jungle, and the jungle could invade the garden*². Эта развернутая метафора, сравнивающая Европу с садом, а остальной мир с джунглями, вызвала значительные споры и критику, так как была воспринята как обладающая ярко выраженными негативными коннотациями, апеллирующими к расистской и колониальной истории и идеологии Запада.

Образные единицы	Передается смысл
Образные метафоры и сравнения	а) Европейский садовник находится в вегетативном состоянии б) 好像欧洲是“天堂”、除了欧洲都是“荒蛮之地” (Будто Европа является «раем», а все кроме нее – «дикой землей») в) The garden is actually an animal farm (Сад на самом деле является фермой животных)
Пословица	睁眼说瞎话 (Брешет, как сивый мерин)
Прецедентные феномены	а) 内部竞争与“丛林法则”愈演愈烈 (Внутренняя конкуренция с «законом джунглей» растет) б) 如果是花园, 为啥两次世界大战的策源地都是欧洲 (Если это сад, почему местом начала обеих мировых войн стала Европа?) в) The Garden of Earthly Delights (Сад земных наслаждений)
Фразеологизмы	а) 颠倒黑白 (Выдавать черное за белое; подтасовка фактов) б) 信口开河 (Слова рекою льются с уст; говорить наобум) в) 朽木不可雕也 (из гнилого дерева хорошей вещи не вырежешь (обр. в знач.: от дурного человека не жди ничего хорошего))

Таблица 1. Критика использования образных единиц для выражения антиценностей (на примере реакции на образные метафоры «сад» и «джунгли» в интернет-блогах)

² <https://audiovisual.ec.europa.eu/en/video/I-231375>

Из приведенной таблицы видно, что образные единицы в медиатизированном политическом дискурсе не только отражают ценностные представления и ориентацию народа, но и ярко выражают критику высказываний политика журналистами разных стран. Известно, что в ответ на данную критику позже Ж. Боррель в своем блоге пояснил, что термин «джунгли» символизирует мир, в котором не соблюдаются принципы верховенства закона и наблюдается беспорядочное развитие. Он пояснил, что при этом не имел в виду расистские, культурные или географические аспекты, что его высказывания должны были мотивировать будущих дипломатов исследовать и лучше понимать другие регионы мира. Тем не менее, данное объяснение не было принято пользователями сети, поскольку образное содержание использованных метафор вступает в противоречие с его объяснением и вызывает недоверие к его словам.

Образные единицы в медиатизированном политическом дискурсе являются сильным воздействующим средством. Они выполняют аксиологическую функцию не прямо, а косвенно, исподволь воздействуя на ценностную систему читателей и общественного сознания. Образные единицы служат мощным инструментом для выражения как одобряемых большинством ценностей, так и критикуемых антиценностей. Они является обоюдоострым мечом: могут эффективно передавать оценку, формируя устойчивую системы социально одобряемых качеств, но в случае выражения антиценностей они могут провоцировать резкое отторжение идей и породить массу речевых образов для выражения несогласия с автором негативных высказываний.

Таким образом, образные единицы в медиapolитическом дискурсе – это не только средство эстетически осложненной речи, но и инструмент изменения общественного мнения и влияния на восприятие политических событий.

Литература

1. Ионова С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград: ВГСПУ, 2006. 38 с.
2. Ионова С. В., Штеба А. А. Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации и метаязыке описания // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 63–81.
3. Карасик В. И. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике: материалы Международной научной конференции (Тяньцзинь, Тяньцзиньский университет иностранных языков, 16 ноября 2018 г.). Тяньцзинь, 2018. С. 3–10.
4. Карасик В. И. Лингвокультурные сюжеты как объект аксиологической лингвистики // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник материалов II Международной научной конференции 27–28 октября 2022 г. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2023. С. 49–58.

5. Сегал Н. А., Мищенко А. Н., Ворошилова М. Б. Ассоциативный потенциал прецедентного онома Чернобыль в русской языковой картине мира // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2022. Т. 21, № 3. С. 132–142
6. Сидоров В. А. Аксиология журналистики: учебное пособие. СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2016. 204 с.
7. Шакирова Е. С. Антиценности современного российского общества // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 165–170.
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.

ПОСЛОВИЦЫ С НАЗВАНИЯМИ ЖИВОТНЫХ В РУССКОЙ И КОНГОЛЕЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Тельнов Р. Е. (Москва, Россия)

Мазила Г. Д. С. (Браззавиль, Конго / Москва, Россия)

Аннотация. Наша работа посвящена изучению устойчивых выражений, содержащих зоонимы и отражающих ценностные особенности двух различных народов — русского и конголезского. Сравниваются две группы пословиц — пословицы, содержащие названия домашних животных (собака / *mbwa*; корова / *ngombé*), и пословицы, содержащие названия диких животных (леопард / *nzoke*; крокодил / *ngando*). На основании произведенного сравнения был сделан вывод о том, что ценностные и символические значения, связанные с названиями домашних животных, в русской и конголезской лингвокультурах имеют много сходных черт, а соответствующие значения, связанные с названиями диких животных, отличаются. Наиболее ярким отличием, на наш взгляд, является отражение темы власти, представленное в африканских устойчивых выражениях в использовании зооморфных образов.

Abstract. Our work is devoted to the study of stable expressions containing zoonyms and reflecting the value characteristics of two different peoples – Russian and Congolese. Two groups of proverbs are compared – proverbs containing the names of domestic animals (dog / *mbwa*; cow / *ngombé*), and proverbs containing the names of wild animals (leopard / *nzoke*; crocodile / *ngando*). Based on the comparison, it was concluded that the value and symbolic meanings associated with the names of domestic animals in Russian and Congolese linguistic cultures have many similar features, and the corresponding meanings associated with the names of wild animals differ. The most striking difference, in our opinion, is the reflection of the theme of power, represented in African stable expressions in the use of zoomorphic images.

Ключевые слова: поговорки, русская лингвокультура, конголезская лингвокультура, символика животных, метафора, социокультурная лингвистика, аксиология.

Keywords: proverbs, Russian linguoculture, Congolese linguoculture, symbolism of animals, metaphor, sociocultural linguistics, axiology.

Выявление у зоонимов переносных значений с отражением их в словаре является давно сложившейся лексикографической практикой (см. [Тельпов, 2018]), что придает словам данной группы значительную лингвокультурологическую ценность, позволяет их рассматривать в аксиологической парадигме. Пословицы, поговорки и другие виды устойчивых сочетаний, сложившиеся в лингвокультуре того или иного народа и содержащие зоонимы, также вызывают интерес исследователей уже давно. Связано это и с практической значимостью данной темы, поскольку знание порождаемых зоонимами ассоциаций «способствует межкультурному взаимодействию и более эффективному считыванию заложенной во фразеологизме фоновой информации» [Тельпов, Хэ, 2019]. Африканские устойчивые выражения не раз становились предметом отдельных исследований как в аспекте отражения отдельных зоонимов в языках нескольких народов Африки (например, исследование зоонимов с компонентом «СНАТ» (фр. кот)), распространенных на территории Западной Африки (Сенегал, Котд'Ивуар, Мали, Камерун, Демократическая Республика Конго) – см. подробнее [Глебова, 2023]), так и в аспекте комплексного исследования пословиц, содержащих компоненты-зоонимы, бытующие в отдельно взятых африканских государствах (например, исследования устойчивых выражений с компонентом-зоонимом, представленных в языке бамбара, – см. подробнее [Сиссоко, 2020; Сиссоко, Крылова, 2020]).

Тем не менее лингвокультура Африканского континента, богатая и многообразная, продолжает оставаться недостаточно изученной, в том числе и в аспекте отражения отдельных тематических групп устойчивых выражений, связанных с конкретными языками и народами. В нашей работе мы будем рассматривать фразеологизмы, содержащие названия животных, бытующие на языке лингала и являющиеся отражением конголезской лингвокультуры. Материалом для исследования послужили устойчивые выражения на языке лингала, заимствованные с сайтов African Proverbs [Proverbs, 2024] и Lingala Proverbs [Proverbs, 2024]. Целью нашего исследования является рассмотрение пословиц на языке лингала в аспекте их соотносимости с соответствующими зоонимами в устойчивых выражениях русского языка.

С точки зрения наличия сходных ассоциаций в русском языке можно провести определенное разграничение между устойчивыми выражениями, связанными с домашними животными, и устойчивыми выражениями, связанными с дикими животными.

В качестве устойчивых оборотов первой группы мы рассмотрим устойчивые выражения, включающими слова *собака / mbwa* и *корова / ngɔmbɛ*. Рассмотрим пословицы, содержащие слово *собака / mbwa*: *Mbwa oyo ezali koganga eswa te* ‘Собаки, которые лают, не кусаются’. Выражение указывает на то, что те, кто много говорит, часто не представляют реальной угрозы. В русском языке данный смысл передается выражениями *Собака лает, ветер носит* или *Собака лает-лает, да не кусает*. Нехарактерным для русской лингвокультуры стереотипом, связанным с образом собаки, является представление об упрямстве и неизменности позиции данного животного, что находит отражение в следующей пословице – *Bwa azalaka na makolo mineyi, kasi alandaka nzela se moko* ‘У собаки четыре ноги, но она идет по одному пути’, основанной на наблюдении за поведением собак, которые часто следуют за своими хозяевами и не отступают от привычных маршрутов. Это можно интерпретировать как метафору для людей, которые, имея множество возможностей и ресурсов, все равно могут следовать одному и тому же пути из-за привычек или отсутствия смелости изменить свою жизнь.

Корова / ngɔmbɛ в конголезской культуре часто рассматривается как источник дохода и благосостояния. Она символизирует упорный труд и поддержание семейного хозяйства. В пословице *Lemela ya ngombe ezali na molai ya mabele* ‘Молоко коровы – дар земли’ подчеркивается важность земли и животных для поддержания жизни, а также то, как молоко, полученное от коровы, приносит доход и обеспечивает людей. В народных сказках Конго коровы часто играют роль символа стабильно обеспеченной жизни. В ряде народных нарративов коровы могут служить важным ресурсом, приносящим доход или являющимся источником силы для героя – в них рассказывается о том, как забота о корове и сельском хозяйстве приносит благополучие. В русской лингвокультуре сходное, на наш взгляд, значение передается выражением *Дойная корова* ‘о ком-л. или чем-л. как источнике доходов, прибыли и т.п.’ (здесь и далее точные толкования фразеологизма приводятся по [Курилова, 2009]), которое реализует то же значение, но в более ироническом ключе.

В некоторых случаях, сходные смыслы могут передаваться через использование разных зоонимов в русской и конголезской лингвокультурах. В качестве примера можно привести выражение *Kaka bangɔmbɛ oyo ezali na ferme moko nde etambolaka moko na mosusu* ‘Только коровы на одной ферме наступают друг на друга’, в которой подчеркивается, что конфликты часто возникают среди тех, кто находится в тесном кругу или сообществе. Коровы здесь символизируют зависть и борьбу, возникающие из-за нехватки ресурсов. В русской лингвокультуре, на наш взгляд, то же значение передается выражением *Пауки в банке*.

Рассмотрим далее устойчивые обороты, в которых фигурируют зоонимы, отсутствующие в русской лингвокультуре и называющие диких животных. Один из ярчайших зоонимов такого типа является зооним *leopard (nzokɛ)*.

Леопард в конголезской лингвокультуре часто символизирует грозную силу и опасность, за образом леопарда часто скрываются фигуры вождей, следовательно, он ассоциируется с властью, могуществом и влиянием. Вместе с тем в конголезском фольклоре это образ не только положительный, но и отрицательный, для которого характерны жестокость и зазнайство, за что он может быть посрамлен, обманут другими животными – обезьяной (как в сказке «Леопард и обезьяна») или черепахой (как в сказке «Леопард и черепаха»).

В образе леопарда, не имеющем эквивалента в русской лингвокультуре, может быть воплощено представление о вожде как, например, в пословице: *Nzoke ebimisaka kaka bobangi na zamba ata soki ebungisi mino* ‘Леопард всегда внушает страх в лесу, даже если потерял зубы’. Эта пословица говорит о том, что сила, репутация и уважение сохраняются даже тогда, когда человек или иное сильное существо теряет свои ключевые способности или физическую мощь. Подобные пословицы характеризуют конголезское общество как общество, обладающее более строгой и жестко выраженной иерархичной структурой. В русской лингвокультуре аналогом данной пословицы выступает, скорее, пословица, связанная с опытом и умением, которые сохраняются несмотря на старость – *Старый конь борозды не портит* ‘Старый опытный человек не испортит того, за что берется’. Можно сказать, что сходный смысл в русской лингвокультуре передается через обращение к зоониму, обозначающему домашнее животное.

Приведем другую конголезскую пословицу, включающую образ леопарда: *Nzoke na kati ya mabele, nyonso ebengani ye* ‘Когда леопард в центре земли, все его боятся’. Эта пословица акцентирует внимание на всепоглощающем страхе, который вызывает леопард в своем естественном окружении. Он всегда остается страшным и уважаемым. Используется для описания могущественных людей, которые даже в сложных ситуациях остаются источником страха и уважения. Таким образом, в африканских лингвокультурах (в частности – в конголезской) образ леопарда часто ассоциируется с лидерством, властью и влиянием, что нехарактерно для русской лингвокультуры.

К устойчивым выражениям, имеющим эквиваленты в русском языке, но без обращения к зооморфным образам можно отнести выражение *Mibali mibale bakoki koliama na Nzoke te* ‘Два человека не могут быть съедены леопардом’. Данная пословица учит единению – когда люди объединяются, их труднее победить или уничтожить, чем когда они поодиночке. Аналогом данному выражению в русском языке, на наш взгляд, может служить выражение *Один в поле не воин*, которое передает схожий смысл, но без обращения к зооморфным образам.

Обратимся к другому зоониму – *крокодил* (ngando). В конголезской лингвокультуре *крокодил* (ngando) связан с идеей опасности, скрытой под спокойной поверхностью воды. Он часто выступает в роли хищника, который

поджидает свою жертву незаметно, что делает его символом скрытой угрозы. В сказках крокодил может олицетворять не только физическую опасность, но и обманчивость, лицемерие, жестокость. Как символ коварства, крокодил упоминается в различных религиозных традициях, где ему приписывают негативные черты. Он также может символизировать силу и мощь – власть, способную контролировать реку или другой водоем. Поскольку вода – источник жизни, тот, кто контролирует водоемы, контролирует ресурсы.

Зооним *крокодил / ngando* упоминается в следующей пословице – *Balia ngando basepela, mokolo ngando aliakaki moto ekomaki kolela* ‘Они радовались, когда съели крокодила, но, когда крокодил съел человека, они начали плакать’. Эта пословица подчеркивает двуличность и непоследовательность в восприятии вещей: люди могут наслаждаться чем-то до тех пор, пока это не начинает их напрямую затрагивать. Это выражение может осуждать безразличие одних людей к проблемам других, которое имеет место до тех пор, пока проблемы не коснулись их самих. Тема проблемы, скрытой угрозы здесь выражаются посредством употребления зоонима *крокодил / ngando*.

В русской лингвокультуре мы можем выявить похожий смысл в следующих выражениях: *Пока гром не грянет, мужик не перекрестится; Чужое несчастье в руках держу, а о своем подумать не могу* – в данных выражениях подчеркивается склонность людей игнорировать проблемы (чужие беды) до тех пор, пока они не столкнутся с ними напрямую. Примечательно, что в русских пословицах схожий смысл передается не через зооморфные образы, и в них отсутствует смысл скрытой смертельной опасности, представленный в конголезской пословице, включающей образ крокодила.

Мы можем заключить, что образы, связанные с дикими животными, не имеющими эквивалента в русской лингвокультуре, в конголезской лингвокультуре могут быть связаны с идеей власти, а также с идеей угрозы, исходящей от дикой природы. В русской лингвокультуре подобные идеи передаются без обращения к зооморфным образам, связанным с дикими животными. Данная особенность придает, на наш взгляд, особое аксиологическое наполнение, свойственное конголезским пословицам, но не отраженное в русской лингвокультуре. Отличающееся ценностное наполнение выражений, содержащих упоминания диких животных и свойственных конголезской лингвокультуре, связано, на наш взгляд, с более жесткой иерархичностью африканского общества и более сильным единством с дикой природой. Пословицы, содержащие зоонимы, обозначающие домашних животных, содержат больше сходных черт, объединяющих русскую и конголезскую лингвокультуры.

Литература

1. Глебова А. Я. Компонент-зооним «СНАТ» / Языковые и культурные контакты. № 12. Белгород. С. 40–44.

2. Курилова А. Д. Новый фразеологический словарь русского языка: более 8000 фразеологизмов / А. Д. Курилова. М.: Русский язык – Медиа; Дрофа, 2009. 777 с.
3. Сиссоко А. Национально-культурные особенности фразеологизмов с компонентом-зоонимом в русском языке и языке бамбара / Наука в мегаполисе. Пенза, 2020. С. 192–201.
4. Сиссоко А., Крылова И. А. Структурные, семантические и национально-культурные особенности фразеологических единиц с зоонимами / Язык как основа современного межкультурного взаимодействия. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Отв. ред. Д. Н. Жаткин, И. В. Куликова. Пенза, 2020. С. 192–201.
5. Тельпов Р. Е. Особенности толкования названий животных, упоминаемых в Библии, в Словаре Академии Российской / Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 654–656.
6. Тельпов Р. Е., Ян Хэ. Фразеологизмы, содержащие названия животных, в русском и китайском языках / Гуманитарные технологии в современном мире. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. 2019. С. 260–262.
7. African Proverbs, Sayings and Stories [электронный ресурс] – Код доступа: <https://www.africanproverbs.net> (дата обращения: 23.10.2024).
8. Lingala Proverbs [электронный ресурс] – Код доступа: [lingala – Proverbs, dictons et histoires africains \(tangaza.ac.ke\)](http://lingala-Proverbs,dictons%20et%20histoires%20africains%20(tangaza.ac.ke)) (дата обращения: 23.10.2024).
9. Lingala Proverbs [электронный ресурс] – Код доступа: [Proverbs en lingala, masese, dictons, adages, maximes, citations, aphorisme, proverbe congolais traduction \(infosociale.org\)](http://Proverbs%20en%20lingala,%20masese,%20dictons,%20adages,%20maximes,%20citations,%20aphorisme,%20proverbe%20congolais%20traduction%20(infosociale.org)) (дата обращения: 23.10.2024).

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

Фу Хуэйюй (Челябинск, Россия)

***Аннотация.** Данное исследование посвящено изучению лингвоаксиологических особенностей китайского рекламного дискурса, опираясь на когнитивную лингвистику и лингвоаксиологию. Реклама служит не только для предоставления информации о товарах, но и для внедрения и распространения культурных ценностей и идеологий. Используя принципы когнитивной лингвистики, в данном исследовании рассматривается, как китайская реклама ассоциирует продукты с культурно значимыми атрибутами. Интеграция лингвоаксиологии позволяет прояснить, как выбор языковых средств в рекламе отражает и продвигает основные китайские культурные ценности, такие как гармония, сыновняя почтительность*

и уважение к авторитетам. Используя комбинацию контент-анализа и дискурс-анализа, данное исследование систематически расшифровывает лингвистические и ценностные элементы, преобладающие в китайской рекламе.

***Abstract.** This study investigates the linguoaxiological characteristics of Chinese advertising discourse, drawing upon cognitive linguistics and linguoaxiology. Advertising functions not only to provide information about products but also to embed and disseminate cultural values and ideologies. Utilizing principles from cognitive linguistics this research examines how Chinese advertisements associate products with culturally significant attributes. The integration of linguoaxiology further elucidates how linguistic choices in advertisements reflect and promote core Chinese cultural values such as harmony, filial piety, and respect for authority. By employing a combination of content analysis and discourse analysis, this study systematically decodes the linguistic and value-based elements prevalent in Chinese advertisements.*

***Ключевые слова:** парфюмерный дискурс, лингвоаксиология, китайская реклама, культурные атрибуты.*

***Keywords:** perfume discourse, linguoaxiology, Chinese advertising, cultural attributes.*

Исследование рекламного дискурса через призму лингвоаксиологии является важной, но недостаточно изученной областью когнитивной лингвистики. Реклама как форма коммуникации не только передает информацию о продуктах и услугах, но также воплощает и сочетает определенные культурные ценности [Корчагин, 2023, с. 46] и нейромаркетинговые паттерны [Хундань, 2017, с. 22]. Это особенно очевидно в контексте китайской рекламы при комплексном взаимодействии языка и культурных ценностей. Понимание этой динамики необходимо для комплексного анализа того, как реклама влияет на поведение потребителей и социальные нормы.

Актуальность исследуемой темы определяется быстрым экономическим развитием и усилением глобального влияния Китая. С расширением китайских рынков и растущим присутствием китайских брендов на международной арене существует острая необходимость идентификации культурных и ценностных элементов, заложенных в китайской рекламе. Этот анализ может предоставить ценную информацию как маркетологам, так и лингвистам со всего мира, способствуя более эффективной межкультурной коммуникации и маркетинговым стратегиям.

Кроме того, изучение лингвоаксиологических особенностей китайского рекламного дискурса вносит вклад в более широкую область когнитивной лингвистики, подчеркивая, как язык функционирует как носитель культурных ценностей. Эта перспектива позволяет глубже понять когнитивные механизмы,

лежащие в основе передачи ценностей и убеждения в рекламе [Юй, 2024, с. 454], предлагая детальный взгляд на то, как язык формирует и отражает культурные идеологии.

Анализируя лингвистические стратегии и системы ценностей, присутствующие в китайской рекламе, данное исследование стремится осветить сложную взаимосвязь между языком, культурой и поведением потребителей. Это исследование не только улучшает наше понимание китайской рекламной практики, но и способствует более широкому обсуждению роли языка в формировании и отражении социальных ценностей.

Когнитивная лингвистика предлагает надежную основу для анализа рекламного дискурса, фокусируясь на ментальных процессах, лежащих в основе использования языка. Этот подход предполагает, что язык — это не просто система произвольных знаков, а отражение человеческого познания. Центральное место в когнитивной лингвистике занимает понятие концептуальной метафоры, когда абстрактные идеи понимаются через более конкретный опыт. В рекламе эти метафоры играют решающую роль в формировании восприятия и отношения потребителей.

Рекламный дискурс, с когнитивно-лингвистической точки зрения, использует эти концептуальные метафоры для приведения товаров в соответствие с желаемыми атрибутами и культурными ценностями [Лобанова, 2017, с. 66]. Например, метафоры здоровья и жизненной силы могут использоваться для продвижения продуктов питания, а метафоры успеха и достижений — в рекламе предметов роскоши. Сопоставляя эти абстрактные качества с продуктами, реклама создает убедительные и запоминающиеся сообщения, которые находят отклик в когнитивных структурах потребителей.

Лингвоаксиология, изучение языка и ценностей, пересекается с когнитивной лингвистикой при анализе рекламного дискурса. Эта область изучает, как языковой выбор отражает и распространяет культурные ценности, идеологии и общественные нормы. Ценности считаются неотъемлемой частью построения смысла в дискурсе, влияя на то, как оформляются и интерпретируются сообщения.

В контексте рекламы лингвоаксиологический анализ предполагает выявление ценностей, заложенных в языке рекламы. Эти ценности могут варьироваться от индивидуализма и инноваций до традиций и коллективизма. Анализируя эти ценностно-ориентированные языковые элементы, исследователи могут выявить основные культурные нарративы, которые стремятся передать рекламные объявления.

Китайские культурные ценности, глубоко укоренившиеся в конфуцианстве, даосизме и буддизме, представляют собой богатый гобелен для рекламного дискурса [Johansson, 1998, с. 74]. Такие ключевые ценности, как гармония, сыновняя почтительность и уважение к авторитетам, часто находят отражение

в китайской рекламе. Кроме того, понятия «лицо» (mianzi) и «отношения» (guanxi) являются центральными для понимания китайских социальных взаимодействий и, как следствие, рекламных стратегий [Barnes, 2009, с. 385].

В китайской рекламе часто используются эти культурные ценности для создания сообщений, которые находят отклик у целевой аудитории. Например, в рекламе может подчеркиваться единство семьи и сыновняя почтительность, чтобы привлечь внимание потребителей к чувству долга и уважению к старшим. Аналогичным образом, понятие гармонии может использоваться для продвижения товаров, которые ассоциируются с миром и равновесием.

Для анализа лингвоаксиологических особенностей китайского рекламного дискурса используется контент-анализ, позволяющий систематически изучать языковые элементы и выявлять преобладающие темы и ценности. Этот метод предполагает кодирование рекламы на основе конкретных лингвистических и ценностных критериев, что позволяет провести комплексный анализ данных [Zhu, Ang, 2023, с. 230].

Кроме того, дискурс-анализ позволяет глубже изучить, как язык формирует значение в рекламе. Этот подход фокусируется на контекстуальных и прагматических аспектах использования языка, изучая, как реклама использует риторические стратегии повествования с целью воздействия на потребителей. Интегрируя эти методики, исследователи могут получить целостное представление о лингвоаксиологических особенностях китайской рекламы.

Результаты лингвоаксиологического анализа имеют важное значение для межкультурной коммуникации и маркетинга. Понимая культурные ценности, заложенные в китайском рекламном дискурсе, международные маркетологи могут разрабатывать стратегии, учитывающие культурные особенности и находящие отклик у китайских потребителей. Эти знания также могут быть использованы при создании рекламы, эффективно преодолевающей культурные различия, увеличивая глобальный охват и влияние маркетинговых кампаний.

Первыми были проанализированы рекламные объявления мужских духов, найденные на официальных веб-страницах. Собранные образцы были сгруппированы по частям речи и типу фразы, в которой они встречаются. Та же процедура была проведена и с женскими духами. Для описания языка, используемого мужчинами и женщинами, собранные образцы были снова сгруппированы в семантические поля.

Анализ примеров, собранных из рекламы мужских духов, показал, что их описание характеризуется языковыми средствами, обозначающими силу или власть, конкуренцию, состязание, гедонизм, рыцарство и аристократизм. Примеры из корпуса представлены в таблице 1.

РАЗДЕЛ 1.

Таблица 1. Концепты из рекламного дискурса мужских парфюмов

Концепт	Пример
сила/мощь	反抗、掌握、男子气概、大胆、大胆、坚韧、坚强、有力、有力、崎岖等。бросать вызов, повелевать, мужественность, смелость, дерзкий, жесткий, сильный, властный, неотразимый
соревнование	实现、捕捉、突破界限、运动、操场、锻炼、决心、不屈不挠等等。достигать, захватывать, раздвигать границы, спорт, игровая площадка, тренировка, целеустремленный, неумолимый
гедонизм	狂喜、上瘾、诱惑、挑衅、激情、诱惑、神秘等。пик удовольствия, зависимость, оболщание, провокация, страстный, соблазнительный, таинственный
рыцарство и благородство	温柔、高贵、老练、精致、礼貌、修养、精致、专注、老练、杰出等。нежность, благородство, утонченность, рафинированность, обходительный, культурный, рафинированный, внимательный, утонченный, утонченный изощренный

С другой стороны, женщины описываются в терминах света, заботы, гедонизма, творчества, растительности и расширения прав и возможностей. Соответствующие примеры из корпуса представлены в таблице 2.

Таблица 2. Концепты из рекламного дискурса женских парфюмов

Концепт	Пример
свет	辐射、发光、照射、闪闪发光、发光、发光等。излучать, светиться, источать, сверкать, светиться, сиять
уход	爱、温柔、真诚等。любимый, нежный, искренний
магия	迷人、迷人、迷人等。завораживающий, очаровывающий, чарующий
гедонизм	魅力、诱惑、诱惑、引诱、肉欲、虚荣、调情、性感、奢华、激情、肉欲等。гламур, очарование, соблазн, искушение, чувственность, тщеславие, кокетливость, сладострастие, пышность, страстность, чувственность, плотские мотивы
творчество	启发、创造等。вдохновлять, быть триггером для созидания
флора	开花、精致、精致等。расцветающий, изысканный, нежный
расширение прав и возможностей	大胆、男子气概、毫不妥协、充满力量、大胆、自信等。дерзость, мужественность, бескомпромиссность, сила, смелость, уверенность

На следующем этапе нашего исследования было определено, как эти атрибуты работают вместе, чтобы представить желаемую ролевую модель в обществе. В современном китайском обществе упоминаемые в рекламе парфюмов мужчины — это джентльмен, герой или воин, бунтарь и современный мужчина (см. табл. 3).

Таблица 3. Ролевые модели мужчин в рекламе парфюмов

Концепт	Пример
джентльмен	一个有着无与伦比魅力的杰出男人, 优雅而真实, 一个真正的绅士。(Выдающийся мужчина с непревзойденным шармом, эlegantный и подлинный, настоящий джентльмен.) / 白衬衫永恒的休闲魅力. / Непреходящий повседневный шарм белой рубашки
герой / боец	成就历史 (войти в историю) / 苗条、轻盈、有力, 就像与之同名的希腊英雄 (Легкий, стройный и мощный, как и его тезка-греческий герой) / 为了敢于冒险和突破极限的人。(Для человека, который не боится рисковать и расширять границы)
бунтарь	带着不敬和叛逆的态度。(С непочтительностью и бунтарством.) / 对于一个每天都抗拒平凡, 在意想不到的事情中找到满足感的人来说。出乎意料。(Для человека, который бросает вызов условностям и сопротивляется обыденности каждый день, находя удовлетворение в неожиданном. Будь непредсказуемым).
шагающий в ногу со временем мужчина	一个有着温柔心灵的硬汉, 象征着自由的绝对表达。(Крутой парень с нежным сердцем, символизирующий абсолютное выражение свободы.) / 今天的男人的性格是: 知识渊博, 自信满满, 他有能力在与自然世界和谐相处的环境中生活。充满活力和企业家精神, 香水通过一种明显的男性香水传达了他强烈而激情的性格 (Характер современного мужчины: знающий и уверенный в себе, он способен прожить свою жизнь в гармоничных отношениях с миром природы. Динамичный и предприимчивый, парфюм передает свой волевой и страстный характер через решительно мужской аромат) / 今天的男人: 敏感而男性化, 精致而强大, 具有现代活力和自信。(Современный мужчина: чувствительный, но мужественный, утонченный, но сильный, с современной жизненной силой и уверенностью).

Ролевыми моделями для женщин являются знаменитости, леди, соблазнительницы и современные женщины (см. табл. 4).

Таблица 4. Рольевые модели мужчин в рекламе парфюмов

Концепт	Пример
Знаменитость (айдол)	魅力四射/她体现了女人梦想成为的一切，也体现了每个男人梦想诱惑的一切。(Она воплощает в себе все, чем мечтают стать женщины и кого мечтает соблазнить каждый мужчина) / 她想要一种奢华的香味，相当于一条长长的火车穿上一件漂亮的晚礼服。它一定是一种“红地毯”香水，像钻石一样多面。(Ей нужен роскошный аромат, обонятельный эквивалент длинного шлейфа на потрясающем вечернем платье. Это должен быть аромат «красной дорожки», многогранный, как бриллиант.) / 对于一个幻想成为摇滚明星的性感女人。(Для сексуальной женщины, мечтающей стать айдолом).
Леди	体现了幸福和成熟 (Олицетворяет счастье и утонченность) / 女性气质和成熟的终极力量 (Олицетворяет счастье и утонченность) / 欲望就像一颗珍贵的宝石一样被隐藏起来。(Желание нужно хранить в тайне, как драгоценный камень)
Соблазнительница	绝对：性感、透明、明亮、诱惑/神秘、迷人、张扬/拥抱这款香水的女人是一个顽皮迷人但又温柔的撒娇者/如果可以的话，抓住我的心。Абсолют：чувственность, прозрачность, яркость, соблазн/ таинственная, завораживающая и яркая/ женщина, которая обнимает Rose The One, - озорная, но нежная кокетка/ поймай мое сердце, если сможешь
Современная женщина	男人平等而不失一丝女性气质 (Равная мужчине, не теряя ни капли женственности) / 传统与现代、激情与母性、精神与感性：在这个世界上，所有人都融合了一种完美的综合——价值观以其最有力的形式出现 (Традиционная и современная, страстная и материнская, духовная и чувственная: Это мир, где все сходится в идеальном синтезе - ценности в их самой мощной форме) / 坚强自信但女性化、感性的女人。(Женщина, сильная и уверенная в себе, но при этом женственная, чувственная)

В заключение следует отметить, что теоретическое исследование лингвоаксиологических особенностей китайского рекламного дискурса позволяет получить ценные сведения о взаимодействии языка, культуры и ценностей. Применяя когнитивно-лингвистические и лингвоаксиологические

рамки, данное исследование осветило культурные нарративы и когнитивные механизмы, лежащие в основе китайской рекламы, способствуя более глубокому пониманию того, как язык формирует и отражает общественные ценности в условиях быстро развивающегося глобального рынка. Нами были выделены основные концепты в китайском рекламном дискурсе мужских (сила и мощь, соревновательный дух, гедонизм, рыцарство и благородство) и женских (свет, уход, магия, гедонизм, творчество, флора, расширение прав и возможностей) парфюмов, а также были идентифицированы ключевые ролевые модели потребителей мужских (джентльмен, герой / боец, бунтарь, шагающий в ногу со временем мужчина) и женских (знаменитость, леди, соблазнительница, современная женщина) парфюмов, позволяющие лучше понимать ценности в исследуемом социокультурном контексте.

Литература

1. Корчагин В. В. Реклама как инструмент социальной инженерии в информационном обществе // Вопросы медиабизнеса. 2023. Т. 2. № 4. С. 43–48.
2. Лобанова Т. Н. Реклама в КНР: попытка продать « между строк» // Культура и наука Дальнего Востока. 2017. №. 2. С. 62–70.
3. Хундань Ч. Кросс-культурные факторы и стратегии при переводе коммерческой рекламы // Научный электронный журнал Меридиан. 2017. № 8. С. 21–23.
4. Юй Ч., Миронова А. А. Общее и различное в научных подходах к рекламному тексту в русском и китайском языкознании // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1 (104). С. 452–456.
5. Barnes B. R. et al. Exploring cosmetics advertising in southern China: An investigation of Hong Kong and Shenzhen //International journal of Advertising. 2009. Т. 28. № 2. С. 369–393.
6. Johansson P. White skin, large breasts: Chinese beauty product advertising as cultural discourse // China Information. 1998. Т. 13. №. 2–3. С. 59–84.
7. Zhu L., Ang L. H., Mansor N. S. Manipulation of female stereotypes in Chinese translations of fragrance product descriptions // Theory and Practice in Language Studies. – 2023. – Т. 13. – №. 1. – С. 227–236.

ЗООМОРФНЫЙ ОБРАЗ КИТАЯ В РОССИЙСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Чэнь Сюцин (Пекин, Китай / Челябинск, Россия)

Аннотация. Данная статья посвящена анализу зооморфного образа Китая в российском медийном дискурсе через призму лингвокультурных аспектов. Исследование включает анализ зооморфного образа Китая,

сформированного в контенте российских СМИ, и его влияние на восприятие Китая российским социумом. Особое внимание уделяется взаимодействию медиадискурса и общественного мнения. В итоге авторы приходят к выводу о том, что концепт «Китай», выраженный посредством концептуальных метафор «дракон», «обезьяна», «тигр», «панда», «козел отпущения», «лягушка» и другие, имеет положительную или отрицательную оценочную характеристику. Эмпирический материал убедительно свидетельствует о том, что концепт «Китай» обусловлен культурно-историческим наследием.

Abstract. *This article is devoted to the analysis of the zoomorphic image of China in Russian media discourse through the prism of linguocultural aspects. The study includes an analysis of the zoomorphic image of China formed in the content of Russian media and its influence on the perception of China by Russian society. Particular attention is paid to the interaction between media discourse and public opinion. As a result, the authors conclude that the concept of “China,” expressed through the conceptual metaphors of “dragon,” “monkey,” “tiger,” “panda,” “scapegoat,” “frog,” and others, has both positive and negative evaluative characteristics. The empirical material convincingly shows that the concept of “China” is shaped by cultural and historical heritage.*

Ключевые слова: *медийный дискурс, концепт, зооморфный образ Китая, концептуальная метафора, символическое значение, лингвокультурные представления.*

Keywords: *media discourse, concept, zoomorphic image of China, conceptual metaphor, symbolic meaning, linguocultural representations.*

Последние десятилетия характеризуются быстрым развитием экономической мощи Китая и ростом стратегического влияния партнерства России и Китая на международной арене – обе страны играют все более важную роль в построении многополярного мира. Будучи двумя мировыми странами-соседями, Китай и Россия исторически имели близкие политические и культурные отношения, схожий курс социально-политического развития. Эти историко-культурные совпадения обусловили естественную необходимость и сформировали возможности сотрудничества между двумя странами.

В новых условиях сегодняшнего активно меняющегося мира актуализация концепта «Китай» в российском медиадискурсе находит новое лексическое воплощение. Следует отметить, что в данной статье синонимично термину «концепт» используется понятие «образ» [Богуславская, 2019, с. 157]. Сегодня образ Китая в медийном дискурсе активно формируется посредством разнообразных метафор и слов с символическим значением, подчеркнем, что эти «свежие» образы оказывают значительное влияние на восприятие Китая в российском социуме и российской культуре. Зооморфные метафоры играют значительную роль в формировании общественного сознания и в восприятии

других государств. В российском медиадискурсе часто используют образы животных для передачи различных аспектов китайской культуры, политики и экономики. Зооморфная метафора использует характеристики животных и сходство с ними для описания человека [Ма Вулинь, 2020]. В таком сочетании способов и средств лексическая репрезентации концепт «Китай» ранее не изучался — именно это стало задачей представляемого исследования.

В современных научных трудах ученые Китая и России все чаще обращаются к массмедийному дискурсу, причем особое внимание уделяется изучению влияния медиадискурса на формирование общественного мнения [Кирсанова, 2019; Лобанова, 2020]. В этом контексте концепт «Китай» может быть представлен в различных вариантах, включая национальные символы, абстрактные и конкретные лексические единицы, а также через использование стандартных определений [Го Лицзюнь, 2019; Чэн Юйсяо, 2020]. В своем диссертационном исследовании Чэн Юйсяо получила важные результаты: определены концептуальные зоны когнитивной матрицы образа Китая и представлен ряд концептуальных метафор, которые эти зоны наполняют. Выделены и описаны ключевые метафорические модели, которые формируют лингвокультурные представления россиян о Китае [Чэн Юйсяо, 2020]. Другой китайский ученый Го Лицзюнь подчеркивает, что в медиатекстах образ Китая выражается через несколько метафорических языковых образов: «Поднебесная», «Империя Поднебесная», «Ойкумена Поднебесная» [Го Лицзюнь, 2019].

В медиаматериалах российского информационного агентства «РИА Новости» (далее РИА Новости), сетевого издания «Еженедельник «ЗВЕЗДА» и деловой электронной газеты «Бизнес Online» и других, кроме официального наименования страны – Китайская Народная Республика (сокращенно КНР), были обнаружены такие лексемы: «Китай» и «Пекин», «Поднебесная», «великий восточный сосед», а также «Китайский дракон», «Китайский тигр», «обезьяна», «панда», «козел отпущения», «лягушка» и другие.

Остановимся на примерах, где Китай представлен в виде характерных для китайской культуры и литературы символических образов животных.

В традиционной китайской культуре «дракон» — это мифологическое существо, олицетворяет власть, благородство, мудрость, величие и благоприятствует успеху и счастью. В русской культуре дракон является символом зла и жадным мифическим животным (синонимичен змею). В русской литературе слово «дракон» часто сочетается со словами «страшный», «жадный» и «угрожающий». Таким образом, лингвокультурные представления в русской и китайской языковой картине мира прямо противоположные.

Сегодня россияне все глубже изучают традиционную китайскую культуру, поскольку сотрудничество двух стран и народов требует хорошего понимания друг друга. В сообщении РИА Новости «Китайский дракон» означает великую мудрость: *Умный дракон вместо трусливого льва: инвестиции*

из КНР как альтернатива ЕС [РИА, 04.08.2017]. Образ военной мощи Китая передается в сообщении: *Дракон расправил крылья. Китай достраивает первую военную базу за рубежом* [РИА, 12.07.2017]. В следующем примере посредством данного символического образа подчеркивается и ум, мудрость и сила страны: *Затаившийся дракон: почему Пентагон боится военной мощи Китая* [РИА, 12.07.2017]; *Взлет «зеленого дракона»: как Китай надеется выиграть в гибридной третьей мировой войне* [Бизнес Online, 24.05.2023]. В контактном употреблении символов «медведь» (Россия) и «дракон» (Китай) возникает особый экспрессивный эффект – агрессивные и сильные животные (в прямом значении) противопоставлены образам стран, которые мирно взаимодействуют: *Китайский дракон – русский медведь: несовместимое единство противоположностей* [Звезда, 24.03.2021]. В следующем примере приручение дракона – это осознание необходимости глубокого погружения в китайскую культуру, языка, традиций и норм, которые могли бы способствовать успешному взаимодействию на различных уровнях: *Приручить дракона: как научиться пониманию логики современного Китая* [Бизнес Online, 16.11.2021].

«Мудрая обезьяна». В русской культуре обезьяна ассоциируется с хитростью и сообразительностью. Образ обезьяны в китайской культуре символизирует долголетие и повышение социального положения. Царь обезьян Сунь Укун — один из самых популярных литературных персонажей в Китае. В Китае обезьяна хитрая и сообразительная, но также считается мудрым животным, которое олицетворяет способность к стратегическим и продуманным тактическим шагам в решении проблем. Например: *Китай должен сделать решающий шаг, но пойти против собственных компаний не спешит и вязываться в драку между двух тигров «мудрая обезьяна» на вершине горы, судя по всему, не хочет* [Накануне. RU, 21.05.2024]. Китай как обезьяна, находящаяся на вершине горы, предпочитает наблюдать и анализировать ситуацию за происходящим издалека и не вмешиваться в конфликты напрямую, сохраняя свою неприкосновенность и избегая лишних рисков, чтобы выбрать оптимальный путь действий. Он использует свою мудрость и тактичность для достижения своих целей и сохранения стабильности.

«Тигры». Тигр в китайской культуре является мощным символом, олицетворяющим смелость, силу и лидерство. В Китае «тигра» считают «царем леса». Пословица, использованная президентом Путиным, создает ассоциативные связи с восточной мудростью и народной культурой, эта форма выражения делает идею более доступной и понятной широкой аудитории, добавляя элемент фольклорного мудрствования: *Отвечая на вопрос модератора о выборе между двумя экономическими парадигмами, американской и китайской, глава государства с улыбкой процитировал: «Знаете, у китайцев есть пословица: „Когда тигры дерутся в долине, умная обезьяна сидит и смотрит, чем это закончится“»* [Бизнес Online, 08.06.2019]. В китайском языке эта пословица “坐山观虎斗” (zuò shān guān hǔ dòu) —

занимать выжидательную позицию, наблюдать со стороны, смотреть, чья возьмет.

Панда обладает глубоким символическим значением, особенно в китайской культуре. Добродушный нрав животного символизирует идеологию и роль, которую Китай играет в мире – готовность к дружбе и взаимодействию. В этом примере панда отражает текущие политические реалии Китая: *Станет ли панда драконом? Американцы провоцируют Пекин атаковать Тайвань* [Радио Sputnik, 16.06.2024]. То есть Пекин преобразится ли из мирной панды в агрессивного дракона?

Козел отпущения – в иудаизме особое животное, которое после символического возложения на него грехов всего народа отпускали в пустыню. В трудные времена, такие как экономические кризисы или международные конфликты, у стран может возникнуть желание найти виновника: *Как обвинить дракона: назначат ли Китай всемирным козлом отпущения?* [Бизнес Online, 10.05.2020]. Таким образом, этикетирование Китая в качестве козла отпущения может привести к консолидации западных стран против него, это раскрывает проблему опрессии. Китай подвергался несправедливому обращению.

В китайской культуре лягушка считается символом удачи. Произношение слова «лягушка» гомофонно слову «фа» (发). Считается, что она приносит богатство, которая защищает от несчастий. В российском медиадискурсе лягушка может быть воспринята как что-то уязвимое и хрупкое. В следующем примере *розовая лягушка* иллюстрирует текущее состояние китайской экономики, подчеркивая возможную уязвимость, скрытую под фасадом силы и успеха. Розовый цвет предполагает легкость и наивность, что может относиться к недооценке проблем, скрывающихся за внешними успехами: *Когда может рухнуть китайская экономическая модель? — Я думаю, в ближайшие год-два. Красный дракон на поверку окажется розовой лягушкой* [Бизнес Online, 02.01.2020].

Таким образом, Российский медийный дискурс имеет тенденцию формировать общественное мнение о Китае через использование зооморфных образов. Это позволяет создавать простые и яркие ассоциации, которые легко запоминаются. Зооморфная метафора, которую используют по отношению к образам Китая, связана со следующими параметрами: с физическими характеристиками (сильный, уязвимый, хрупкий); с поведением (агрессивный, готовность к дружбе и взаимодействию, подвергаться несправедливому обращению); моральные качества (хитрость, сообразительность, мудрость, смелость); способность (лидерство, военная мощь, удачи, богатство). В российском медиадискурсе актуализируются положительные и отрицательные зооморфные метафорические представления о Китае. Эти метафоры позволяют понять, как российский социум воспринимает Китай и его роль в мире. Это подчеркивает необходимость полного и глубокого анализа зооморфных метафор в контексте культуры, политики и истории.

Литература

1. Богуславская В. В. Чафонова А. Г. Концепт «семья»: актуализация в медиадискурсе российских, датских и финских СМИ // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 6. С. 155–165.
2. Го Лицзюнь. Лексическая репрезентация образа Китая в российском публицистическом дискурсе // Научный диалог. 2019. № 3. С. 38–53.
3. Кирсанова А.М. Образ Китая в российских специализированных интернет-СМИ // Архонт. 2019. № 3 (12). С. 55–61.
4. Лобанова Т. Н. Лингвистический анализ китайского политического медиадискурса : структура, характеристики и дискурсивные практики : дис. доктора филологических наук : 10.02.19. – Мытищи, 2020. – 462 с.
5. Чэн Юйсяо. Образ Китая в российских СМИ: лингвокогнитивный аспект: дис. кандидата филологических наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2020. 392 с.
6. Ма Вулинь. Сравнительное исследование китайских и английских метафор «Дракон / Dragon» на основе корпуса / Ма Вулинь, Чэнь Чжу, Чжоу Юй // Журнал Чанчуньского университета. 2020. № 30 (11). С. 38–44. 马武林, 陈竹, 周雨. 基于语料库的汉英“龙/Dragon”隐喻对比研究[J]. 长春大学学报, 2020, 30 (11): 38–44.

РАЗДЕЛ 2.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ АКТУАЛЬНОЙ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

ЧАСТНООЦЕНОЧНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ О МУЖЧИНАХ И ЖЕНЩИНАХ В БИСУБСТАНТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Ватина А. Е. (Москва, Россия)

***Аннотация.** В статье рассматриваются фразеологизмы о мужчинах и женщинах, которые могут выполнять роль подлежащего и сказуемого в бисубстантивном предложении. Выявляются частнооценочные значения в отобранных фразеологизмах. Анализируются особенности проявления частных видов оценки в зависимости от гендерной принадлежности объекта оценки.*

***Abstract.** The article examines phraseological units about men and women that can act as a subject and a predicate in a bisubstantive sentence. Particular evaluative meanings in the selected phraseological units are identified. The features of the manifestation of particular types of evaluation are analyzed depending on the gender of the object of evaluation.*

***Ключевые слова:** фразеологизм, бисубстантивные предложения, гендер, оценка.*

***Keywords:** phraseological unit, bisubstantive sentences, gender, evaluation.*

В современном русском языке уделяется большое внимание личности и ее мыслительным процессам. Языковая оценка отражает ментальную деятельность человека и потребности отдельной личности и общества в целом. Оценка становится средством познания окружающего мира и реагирования на него. Финский логик Г. фон Вригг был одним из первых, кто предложил классификацию оценок. Среди частнооценочных значений он выделил инструментальные оценки, технические оценки, или оценки мастерства, оценки благоприятствования, утилитарные оценки, медицинские оценки и гедонистические оценки [Wright, 1963]. Проанализировав его работу, Н. Д. Арутюнова предложила свою классификацию частнооценочных значений, выделив сенсорные (сенсорно-вкусовые и психологические), сублимированные (эстетические и этические) и рациональные (утилитарные, нормативные и телеологические) значения [Арутюнова, 1988, с. 67]. Т. В. Маркелова, развивая теорию Н. Д. Арутюновой, отмечает, что между

выделенными Н. Д. Арутюновой значениями нет четкой границы, они взаимопроницаемы, поскольку в словах отражаются сложнейшие оттенки мыслительного содержания, пересекаются и создаются общие компоненты значения [Маркелова, 2013, с. 238].

Одним из продуктивных способов выражения оценочного значения являются бисубстантивные предложения (БП). Оценочное значение является неотъемлемым компонентом семантики БП [Герасименко, 2012, с. 71]; [Степанчиков, 2016, с. 241]. Эти значения в БП могут выражаться имплицитно и эксплицитно, при помощи лексики с оценочным значением, фразеологических сочетаний, аффиксов субъективной оценки, степеней сравнения прилагательных и наречий, прецедентных имен и т.д. Фразеологические сочетания представляют особый интерес для исследования выражения оценки в БП, поскольку «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия, 1996, с. 9]. Большинство идиом экспрессивно окрашены и отображают то или иное ценностное представление [Телия, 1996, с. 61; Общая и русская лингвоаксиология, 2022, с. 138]. Однако характер оценки идиом зависит от множества факторов. Одна фразеологическая единица может содержать в себе больше одного оценочного значения или менять его в зависимости от толкового значения. Например, фразеологизм «маменькина дочка» может означать послушную, домашнюю, строго или хорошо воспитанную девушку [Большой фразеологический..., 2019, с. 370] и обладать положительной оценкой: «*Я ведь маменькина дочка, и без маменьки никак*» (Л. Лопато). Отрицательная оценка проявляется в значении изнеженной, избалованной, хрупкой девушки [Большой фразеологический..., 2019, с. 371]: «*А при всем при том не скажешь, что Ася маменькина дочка. Конечно, она доставляет определенные неудобства, зато сколько в ней скрытых достоинств!*» (С. Вахитов). Реципиент понимает смысл фразеологизма в зависимости от прагматических характеристик текста, например, во втором контексте употребления читатель воспринимает отрицательную оценку благодаря уточнению, что объект оценки «доставляет определенные неудобства». Интересным представляется то, что при использовании похожего фразеологизма по отношению к мужчине («маменькин сынок»), проявляется третье значение – «бесхарактерный, нерешительный, неуверенный в себе мужчина» [Большой фразеологический..., 2019, с. 369]: «*Ты в двадцать лет был маменькин сынок, а он работяга*» (А. Стругацкий, Б. Стругацкий). Фразеологизм «маменькин сынок» передает психологическую интеллектуальную оценку (эталон эмоционально и психологически незрелого, инфантильного мужчины), а фразеологизм «маменькина дочка» в зависимости от значения приобретает этическую оценку (эталон воспитанной в условиях почтительного отношения к родительскому авторитету девушки, живущей в соответствии с принятыми нормами и правилами поведения в обществе) или

психологическую интеллектуальную оценку (психологически и физически неподготовленная к решению разнообразных жизненных проблем, несамостоятельная девушка).

Фразеологизмы типа «маменькина дочка» и «маменькин сынок» определяют неоднозначность значений, которыми обладают похожие фразеологические единицы, в зависимости от пола объекта оценки. Л. Г. Смирнова выделяет особую роль гендера в словах русского языка, включающих компонент оценки, и приводит примеры, являющиеся фразеологизмами («сильный пол», «слабый пол»), а также обращает внимание читателей на наличие в сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа» целого раздела, названного «Баба – женщина», и отсутствие подобного раздела, посвященного мужчинам [Смирнова, 2013, с. 274–275]. В содержании данного раздела присутствуют пословицы, определяющие оппозицию понятий «баба» и «человек», а также «баба» и «мужик». При этом раздел «Человек» включает в себя пословицы как о мужчинах, так и о женщинах, что подтверждает замечание Л. Г. Смирновой [Даль, 1862, с. 314]. Также стоит отметить, что в сборник включены разделы «Муж – жена», «Жених – невеста» и «Отец – мать», включающие в себя пословицы об обоих полах. Исследуя воздействие языка на формирование коллективного мнения, В. Н. Телия отмечает, что вместе с усвоением фразеологических единиц укореняются воззрения на женщину как на человека с интеллектом ниже, чем у мужчины [Телия, 1996, с. 233]. В связи с этим выявляется необходимость изучения проявления оценочных значений во фразеологизмах в бисубстантивных предложениях с точки зрения гендерной лингвистики.

Источниками исследования послужили тексты художественной литературы, публицистики, НКРЯ и Большой фразеологический словарь русского языка под ред. В. Н. Телия (БФСРЯ). Из всех фразеологизмов БФСРЯ (1500 единиц) были вычленены фразеологизмы, которые относятся по своему значению к описанию мужчин и женщин и могут быть использованы в структуре БП в качестве субъекта или предиката. Картотека составляет 43 фразеологизма: «базарная баба <торговка>», «большая <важная, крупная> шишка», «братья <брат, братство> по оружию», «волк в овечьей шкуре», «грубый пол», «дойная корова», «драная кошка», «дубина стоеросовая <дерево стоеросовое>», «желторотый птенец», «заблудшая овца <овечка>», «змея подколотная», «золотая молодежь», «игрушка <кукла> в [чужих] руках», «как <будто, точно> сонная муха», «канцелярская крыса», «кисейная барышня», «козел отпущения», «ломовая лошадь», «маменькин сынок», «маменькина дочка», «мелкая сошка», «морской волк», «мышинный жеребчик», «нежный пол», «под каблуком», «прекрасный пол», «пугало <чучело> огородное <гороховое>», «светская львица», «светский лев», «семи пядей во лбу», «сестры по оружию», «сильный пол», «синий чулок», «слабый пол», «[как] собака на сене», «средней руки», «старая дева», «стреляный <старый> воробей», «первая ласточка», «правая рука», «темная лошадка», «тыловая крыса», «чертова кукла».

Раздел 2.

В ходе проведенного исследования были получены следующие результаты. Для описания и характеристики мужчин чаще всего используются фразеологизмы с психологической интеллектуальной оценкой: «грубый пол», «желторотый птенец», «маменькин сынок», «морской волк», «светский лев». Н. Д. Арутюнова связывает интеллектуальную оценку с демонстрацией интереса, а также степени интеллектуальности объекта оценки [Арутюнова, 1988, с. 75], это оценка мира с рациональных позиций: *«Достаточно он слышал от меня глупостей. <...> Ясно, что в его глазах я желторотый птенец»* (И. Г. Эренбург). В данном примере субъект оценки совмещен, поскольку автор приписывает свое мнение другому человеку и оценивает себя с позиции интеллектуальной оценки. Эмоциональные оценки связаны с восприятием мира чувствами и эмоциями человека. Однако фразеологизмы не описывают мужчин с данной позиции. Возможно лишь интерпретировать некоторые примеры бисубстантивных предложений с ними как предложения с намеком на эмоциональное состояние объекта оценки: *«И этот нежный друг, который, как ровня, открывал им свою душу, был в то же время старый морской волк и революционер, насквозь герой, как в самой чудесной сказке»* (Л. Д. Троцкий). Здесь эмоциональная оценка может возникать за счет противопоставления нежности и грубости.

В свою очередь фразеологизмы, характеризующие преимущественно женщин, передают эстетическую оценку («драная кошка», «прекрасный пол», «пугало <чучело> огородное <гороховое>», «светская львица», «синий чулок», «чертова кукла») и этическую оценку («сестры по оружию», «базарная баба», «драная кошка», «змея подколодная», «ломовая лошадь», «маменькина дочка», «нежный пол», «чертова кукла»). Объектом этической оценки выступает действие или поведение человека. В БП женское поведение становится объектом этической оценки чаще, чем мужское: *«Не мать ты мне, а змея подколодная!»* (Н. Алеева).

Под эстетической оценкой мы, вслед за М. В. Пименовой, понимаем «отношение субъекта оценки к объективной ценности, воспринимаемое как признак оцениваемого объекта с точки зрения существующего в ту или иную эпоху национального представления о красоте-безобразии в рамках «картины мира» данного социума» [Пименова, 2007, с. 3]. Бисубстантивные предложения с данной оценкой показывают индивидуальный характер эстетических предпочтений: *«Я не синий чулок и нравлюсь многим мужчинам»* (В. Шахиджанян). Определения фразеологизмов «драная кошка» и «чертова кукла» в БФСРЯ указывают на то, что они объединяют в себе оба вида оценки. «Драная кошка» обозначает «весьма непривлекательную, потрепанную, потасканную женщину», «сексуально активную», но при этом «неразборчивую в своих связях» [Большой фразеологический..., 2019, с. 193], а «чертова кукла» обозначает не только «хитрую, злую, коварную женщину», но и «соблазнительную, кокетливую, обольстительную женщину», «женщину-

вамп» [Большой фразеологический..., 2019, с. 724–725]. Однако в примерах БП этическое значение фразеологизма «драная кошка» и оба значения фразеологизма «черная кукла» не выявляются, кроме примеров из речи, указанных в словаре, которые мы повторять не будем.

Стоит отметить, что фразеологизм «пугало огородное» используется преимущественно по отношению к женщине: «*А я после болезни – пугало огородное. Длинная, худющая... глаза по ложке, нос торчит*» (М.Л. Халфина). В таких БП на первый план выходит эстетическая оценка. Однако при характеристике мужчин оценка изменяется на интеллектуальную: «*Я на своем участке все знать обязан. Иначе я не участковый, а пугало огородное, только ворон шугать*» (В. Мясников).

Фразеологизмы «сильный пол» и «слабый пол» могут использоваться в бисубстантивных предложениях с нормативной, этической или утилитарной оценкой. Нормативная оценка в данных единицах связана с представлениями о мужчинах и женщинах с точки зрения физиологии и типичного поведения: «*Исследователи также установили, что мужской организм лучше защищает печень не только от алкоголя, но и вообще при поедании тяжелой пищи. Все-таки сильный пол есть сильный пол...*» (НКРЯ [Беременность: Планирование беременности (форум) (2005)]); «*Женщины во всех отношениях – второй, ниже мужчин стоящий слабый пол...*» (Э.К. Ватсон).

Утилитарная оценка была обнаружена только в БП с фразеологизмом «сильный пол»: «*У меня тоже муж, если бы я ПОСТЕПЕННО, ЗА ДОЛГО не стала как-то намекать, говорить иногда, что хочу ребеночка, подсовывать всякие журнальчики или умиляться, видя по телеку малышей – еще долго мог бы ничего не хотеть. <...> Надо запомнить, что ошибка думать, что мужчины – сильный пол*» (НКРЯ [Елена Михайлова. Жирная пища мужчинам не в тягость (2001) // «Семья», 14.11.2001]). Утилитарная оценка проявляется в семантике полезности (вредности) для чего-либо. В данном примере оценивается способность мужчин понимать желания женщин и принимать важные жизненные решения. Утилитарная оценка совмещается с этической.

Этическая оценка для данных фразеологизмов также была обнаружена только в БП с фразеологизмом «сильный пол»: «*Еще находятся у нас молодые люди, которые, ничтоже сумняшеся, позволяют себе сидеть, когда женщина стоит, и объясняют свое поведение тем, что женщина, мол, теперь равноправна с мужчиной, почему же надо уступать ей место?... Воспитанный человек – я имею в виду в данном случае мужчин – всегда помнит, что он представляет так называемый «сильный пол», и не захочет отказаться ни от привилегии, ни от обязанностей, которые накладывает это положение*» (Л. А. Кассиль). В данном примере «сильному полу» приписывается определенная модель поведения, соответствие которой и является показателем принадлежности к «сильному полу». Следовательно, здесь этическая оценка совмещается с нормативной.

Раздел 2.

Фразеологизмы, которые имеют потенциал использования в БП для описания мужчин и женщин с сенсорно-вкусовой и телеологической оценкой, не были выявлены. Описание человека через его сенсорно-вкусовые качества не свойственно русскому языку. Телеологическая оценка обозначает оценку, «которая квалифицирует деятельность человека с позиций направленности на определенную цель» [Шкиль, 2010, с. 27]. Данный вид оценки часто совмещен с утилитарной оценкой.

Таким образом, сходные по форме фразеологизмы, описывающие мужчин и женщин, имеют отличия в оценочном значении. В бисубстантивных предложениях для описания мужчин чаще используют фразеологизмы с интеллектуальной, нормативной оценкой. Женщин в БП преимущественно описывают фразеологизмы с эстетической и этической оценкой.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. 4-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2019. 784 с. (Фундаментальные словари).
3. Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование: моногр. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 292 с.
4. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль. «Public Domain». 1862. 1095 с.
5. Маркелова Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: моногр. М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2013. 300 с.
6. Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М. С. Милованова (отв. ред.), К. Я. Сигал, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Б. И. Фоминых и др.; ИЯз РАН, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. М.–Ярославль: Канцлер, 2022. 390 с.
7. Пименова М. В. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ: Филологические исследования, 2007. 415 с.
8. Смирнова Л. Г. Лексика русского языка с оценочным компонентом значения: системный и функциональный аспекты: дис. ... док. филол. наук : 10.02.01 / Смирнова Людмила Георгиевна; [Смоленский государственный университет]. Смоленск, 2013. 609 с.
9. Степанчиков М. А. Бисубстантивные предложения с семантикой превращения в современной прессе // Материалы VII Международной научной конференции «Русский язык: система и функционирование (к 95-летию БГУ, 50-летию кафедры русского языка, 90-летию профессора П.П. Шубы)». 18–19 октября 2016 г. Минск, 2016. С. 238–242.

10. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

11. Шкиль О. О. Телеологическая оценка в русском языке: опыт анализа отдельных репрезентаций // Вестн. Том. гос. ун-та, 2010. № 331. С. 27–30.

12. Wright G.H. von. The varieties of goodness. New York and London, 1963. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/varietiesofgoodn0000vong> (дата обращения: 01.10.2024).

КОММЕМОРАТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ НАЗВАНИЙ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ, СОДЕРЖАЩИХ АНТРОПОНИМЫ

Вострикова О. В. (Москва, Россия)

***Аннотация.** В работе дано лингвокультурологическое описание современного названия российского вуза с антропонимическим включением, несущим коммеморативную функцию. Подтверждается важность деятельности личности в науке, искусстве и политике в российской аксиологической сфере. Рассматривается понятие коммеморативности, ономазиологический статус эргоурбонима названия вуза как искусственной номинации. Анализируется становление структуры номинации вуза и роль антропонима в его вторичных номинациях.*

***Abstract.** The paper provides a linguistic and cultural description of the modern name of a Russian university with an anthroponymic inclusion bearing a commemorative function. The importance of personal activity in science, art and politics in the Russian axiological sphere is confirmed. The paper considers the concept of commemoration, the onomasiological status of the university name as an artificial nomination. The formation of the university's nomination structure and the role of the anthroponym in its secondary nominations are analyzed.*

***Ключевые слова:** российский вуз, антропоним, коммеморативность, эргоурбоним, искусственная номинация, структура номинации, компонент «имени».*

***Keywords:** russian university, anthroponym, commemorativeness, ergonymic toponym, artificial nomination, nomination structure, arrangement of namesake component.*

Цель работы – дать лингвокультурологическое описание современного названия высшего учебного заведения России с антропонимическим включением. Исследование представляется уместным в рамках современной российской лингво-аксиосферы, т. к. в урбанонимии «выбор имен отражает

через имена собственные элементы национальной аксиосферы» [Викулова, 2016, с. 8].

В работе использованы метод сплошной выборки, структурный анализ, семантико-синтаксический анализ, лингвокультурологический анализ, диахронический анализ, корпусный анализ, элементы статистического подсчета.

Эмпирический материал включил в себя:

– использованные в комплексном анализе названия университетов (350 единиц), взятые на сайтах [uniRank], [Прозвища российских вузов], [List of colleges and universities named after people] и выверенные на сайтах соответствующих вузов;

– панхроническую выборку словоформы *имени* в значении «названный в честь» (порядка 150 контекстов) из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Мемориальность/коммеморативность синонимически обозначают качество артефакта, заключающееся «в целенаправленном увековечивании памяти о ком-либо/чем-либо, а не название по имени кого-л. или чего-л.» [Вострикова, Паймакова, 2020, с. 9] по другим причинам, например, ассоциациям. В значении культурной ценности как качества применимо слово «коммеморативность». Эта ценность выражается в почитании памяти предков, уважении к их достижениям и стремлении сохранить их наследие, и в той или иной степени характерна для всех культур, но не является универсальной и может варьироваться от состояния культа до прагматического отношения к вкладу предшественников в историю и развитие страны.

В самобытной коллективистской русской культуре коммеморативность является одной из основополагающих ценностей. Она находит отражение в фольклоре, часто повествующем о деяниях и добродетелях предков; в религиях и верованиях, где большое значение придается почитанию святых и умерших; в традициях, связанных с поминовением предков; в праздниках; в литературных произведениях, включая детскую литературу, многие из которых посвящены, упоминают исторические события и персоналии. Коммеморативность помогает сохранить чувство связи с корнями, черпать вдохновение, формировать свою нравственную позицию. К факторам, влияющим на значение коммеморативности в культуре, относятся практикуемые в стране религии; исторические события, прежде всего, войны и стихийные бедствия; социальная структура. На коммеморативные практики современности особо влияют политические и социально-культурные императивы [Исрапилова, 2015, с. 70]. Однако даже в рамках одной культуры отношение к памяти предков может быть разным у разных людей в зависимости от личного опыта, воспитания, образования.

Из описанных И. С. Огоновской практик коммеморации военной истории России выделим актуальные для данной работы топонимическую

коммеморацию и номинативно-организационную коммеморацию [Огоновская, 2016, с. 238–239] и отметим, что в России эти практики имеют своим объектом не только военную историю. Лингвистами установлено, что российские антропотопонимы преимущественно мемориальны, в то время как, например, европейские – патронимичны, т. е. несут в себе фамилии, титулы, псевдонимы, прозвища первопоселенцев или владельцев соответствующих объектов [Сизова, 2004, с. 12].

Коммеморативные антропонимы содержатся и в наименованиях вузов, которые мы относим к особому виду топонимов, т. к. они обладают «закрепленностью на определенной части городского пространства, т. е. локализованностью» [Козлов, 2000, с. 6]. В словаре Н. В. Подольской *Московский Государственный университет (МГУ)* приводится как пример эргонима [Подольская, 1978, с. 166]. Однако современной ономастикой подобные ему названия рассматриваются как эргоурбонимы – имена, фиксирующие «комплексный характер объекта номинации, который представляет, с одной стороны, деловое предприятие (для названия которого используется эргоним), а с другой – объект городского пространства (номиналируемый урбонимом / урбанонимом)» [Козлов, 2000].

Эргоурбонимическая номинация характеризуется такими чертами «искусственной» топономинации, как:

- триединство функций топонимов: «локации — указания на место, индексации — выделения отдельного из ряда однотипных, однопорядковых объектов; именования — индивидуализирующего называния» [Голомидова, 1998, с. 140];

- индивидуальность авторства (в широком смысле), произвольность номинации» [Матвеев 1974, цит. по: Козлов, 2000, с. 9];

- «направленный» учет свойств объекта [там же], мотивационный «ценностный ориентир «общественной пользы»» [Голомидова, 1998, с. 140];

- «создание наименования, рассчитанного на априорную узуализацию» [Голомидова, 1998, с. 45];

- реализация «формул номинативной дескрипции в опоре не на региональный языковой материал, а на лексику литературного языка и ограниченный фонд наиболее продуктивных структурно-словообразовательных моделей» [Голомидова, 1998, с. 211].

Современная структура названия университета регулируется Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [федеральный закон]. Согласно закону, наименование образовательной организации должно содержать указание на ее организационно-правовую форму и тип, указываемый с учетом организационно-правовой формы. К числу необязательных к указанию таких сведений, как тип финансовой самостоятельности, форма собственности, особенности осуществляемой образовательной деятельности, дополнительно осуществляемые функции

помимо предоставления образования, относится включение в наименование слов «Российская Федерация», «Россия», производных от них, имени гражданина, символики, защищенной законодательством Российской Федерации об охране интеллектуальной собственности или авторских прав [Письмо].

Эргоним / эргоурбоним имеет в своем составе две обязательные части: функционал (указание на организационно-правовую форму учреждения и деятельность учреждения) и номинатив (собственно ономастический компонент названия организации), т. е. является словосочетанием. При этом номинатив может включать в свой состав функционал, не эллиптируемый в речи, или сопровождаться эллиптируемым функционалом [Шавлюк, 2019, с. 255]. Т. о. в случае названий российских вузов, законодательные документы фокусируются на фиксировании функционала – эллиптируемого (*ГБОУ, ВО* и т. п.), и не эллиптируемого (*университет, академия, школа*), иногда помещенных после номинатива: *Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)*.

Функциональный компонент в названии подвержен аббревиации в официальном дискурсе и иногда может опускаться в неформальном дискурсе и при образовании прозвищных номинаций: *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина» / ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина» / ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина» / Институт русского языка им. (А.С. – на письме) Пушкина / Институт Пушкина / Пушкинский институт / Пушкинский / Пушка.*

Интересное исключение — *Сеченовский университет*, сохранивший в международном англоязычном названии элементы функционала: *I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenovskiy University)*.

Антропонимы, являющиеся не обязательным элементом с точки зрения вновь создаваемой номенклатуры образовательных учреждений, могут утрачиваться: *Московский педагогический государственный университет* – бывший *Московский педагогический государственный университет им. В. И. Ленина*, восстанавливаться: *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*, и проникают и на другие уровни академических подразделений — имена персоналий носят не только университеты, но и факультеты и кафедры в их составе: *Юридический факультет имени М. М. Сперанского Институт права и национальной безопасности РАНХиГС, Кафедра педиатрии имени академика М. Я. Студеникина ЛФ РНИМУ им. Н. И. Пирогова* и даже аудитории – *Ауд. 506 им. А. С. Солодовникова, Малый зал №4 им. В. С. Барда в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации*.

Антропонимы в номинациях российских вузов – частое явление: из ста лидирующих вузов страны 33 имеют мемориальный антропоним. Для

сравнения, в названиях британских вузов они встречаются в 15, вузов США — в 21 [UniRank]. Вероятно, процентное соотношение может измениться, если принять во внимание весь список учебных заведений.

В подтверждение тезиса Е. В. Сизовой о национально-культурных особенностях антропотопонимов, выявлен тот факт, что в современных названиях американских вузов эпонимами (namesakes) в подавляющем большинстве случаев служат (имена и) фамилии основателей, оказавших материальную поддержку учреждению: *Harvard University*, *Johns Hopkins University*, *Tufts University*, но *Washington University in St. Louis*. В британской традиции коммеморация выдающихся деятелей науки в эргоурбонимах встречается чаще: *Brunel University London*, *Edinburgh Napier University*, но *Queen Mary University of London*, *Liverpool John Moores University*. В российской традиции номинация в честь спонсора-основателя в данный момент не практикуется, однако помимо ученых и педагогов, внесших решающий вклад в развитие университета или / и (отрасли) науки, нередко фиксируется память о политических и общественных деятелях: *Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина*, *Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского*. При жизни личности ее имя, как правило, не присваивается. Также следует отметить, что в оригинальных англоязычных переводах названий российских вузов, антропоним часто опускается: *Ural Federal University*, *Saratov State University*, *Moscow State University*, но *Bauman Moscow State Technical University*.

В академической эргоурбонимии антропонимы имеют давнюю универсальную традицию. Определить точный момент появления именованных университетов не представляется возможным. Скорее всего, это было не разовое событие, а постепенный концептуальный сдвиг, проходивший в течение долгого времени. Старейшие университеты не носили чьи-либо имена, т. к. они возникали из сообществ ученых и не были официально учрежденными институтами с определенными названиями. Примерно в XIII–XIV в. в Западной Европе начала укрепляться концепция университета как государственного учреждения с официальной структурой. В этот период университеты стали ассоциироваться с конкретными фигурами. Аналогичная тенденция прослеживается несколько позже в нашей стране: первый университет на территории тогдашней и современной России, *Славяно-греко-латинская академия*, учрежденный в 1687 г., по инициативе богослова и литератора Симеона Полоцкого, не носил его имени. *Императорский московский университет*, учрежденный в 1755 г. в своем имени уже имеет указание на монаршую (Елизаветы Петровны) хартию, но само имя не носит.

В своей монографии о русскоязычной искусственной топономии М. В. Голомидова делает несколько заключений, имеющих отношение к предмету нашего исследования:

1) В отличие от естественно сложившихся мемориальных топонимов, фиксирующих характеристику объекта и раскрывающих формулу «то место, где...» названия-посвящения имеют мотивировочное значение «объект, названный в честь...» [Голомидова, 1998, с. 161].

2) «Использование антропонимов в искусственной русскоязычной топонимии является результатом усвоения моделей именования культовых объектов и западноевропейского культурного влияния и заимствования некоторых номинативных традиций» [Голомидова, 1998, с. 145].

3) «< ...> При назывании природных объектов «пиететность» поддерживается устойчивостью самой модели, традиционно оформляемой как идиоматический комплекс «географический термин + топоним (антропоним? – *О.В.*) в родительном падеже», реже для имени собственного избирается форма притяжательного прилагательного. В словообразовательной структуре топонима пиететные коннотации сохраняет специальный компонент «имени» <...>, однако он, как правило, используется при наречении фрагментов искусственного ландшафта» [Голомидова, 1998, с. 162].

Анализ материала исследования показал следующее.

В названии академических эргоурбонимов изначально заимствуются модус номинации названия культового объекта: «индикатив определяемой номенклатурной лексемы (храм, собор, часовня и т.д.) + дедикатив (посвящение) / принадлежность покровителю (небесному) номинатива», выраженный агонимом: *Софийский собор / Собор Святой Софии*. Отсюда синтаксическая модель типового русскоязычного культового объекта — словосочетание: «антропоним в форме притяжательного прилагательного + номенклатурный термин» и/или «номенклатурный термин + антропоним в родительном падеже» с субъектно-объектным определительным значением последнего [Шведова, с. 479]. Варианты беспредложных подчинительных словосочетаний исторически прослеживаются и в названиях эргонимических объектов: *Тифлисская Великой кн. Ольги Федоровны женская гимназия*.

Однако по данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ], конструкция «номенклатурный термин + имени + антропоним в род. падеже» также существовала и характеризовалась полноточностью существительного *имя*, возможностью инверсионного порядка слов и описательным значением за счет опущения имени собственного: <...> *въ новосозданную святого Алексія имени церковь ... Степенная книга («Книга Степенная царского родословия»)*. *11-я степень [Иван II Иванович Красный] (1560—1563)*.

<...> *чюдесну победу нося помощію Пречистыя Бозородицы, Ея же имени и церковь воздвиже, яко же обѣщася. Степенная книга («Книга Степенная царского родословия»)*. *1-я степень [Владимир I Святославич] (1560—1563)*.

Сице побараше по святей соборней церкви Святого Своего Имени! *Степенная книга («Книга Степенная царского родословия»)*. *2-я степень [Ярослав Владимирович Мудрый] (1560—1563)*.

Данная инверсионная конструкция встречается по отношению к различным урбанонимам и эргонимам: *мост его имени, станция имени вашего превосходительства, женская гимназия имени Великой Княгини*.

Для сравнения, отметим, что в английском языке структура названий храмов и академических эргоурбонимов с антропонимическими элементами несколько различна. Для храмов это – «антропоним в родительном падеже + (Anglican / Catholic, etc) + Cathedral / Church (номенклатурный термин)»: *St Paul's Cathedral*. Для университетов наиболее частотна структура: «(город) + антропоним в именительном падеже + номенклатурный термин + ((of) + город)»: *Leeds Beckett University*, если антропоним – не монарший титул и не имя святого.

Идиоматизированная конструкция «эргоурбоним + имени + антропоним в род. падеже» в определительной функции в номинации академических организаций – гимназий, школ, университетов формируется только к XIX в.: *И ярко играют на солнце золотые слова вывески: «Профессиональная школа имени Марии Орестовны Нетовой [П. Д. Боборыкин. Китай-город (1882)]. Известная благотворительница В. А. Морозова внесла 25000 р. на народный университет имени Шанявского...» (Московская хроника (11.12.1907) // «Новое время», 1907).*

Позже вплоть до настоящего момента именно это конструкция используется, видимо, с целью акцентуации коммеморативности и избегания ассоциаций с патронажем, принадлежностью и т. д. даже в названиях, где она изначально не фиксируется: *Впоследствии, как я узнал из немецкой газеты, переданной мне Гучковым, в нашем доме помещался университет имени Маркса и Энгельса (научно-исследовательский Институт Маркса и Энгельса, 1918–1923 гг. – О.В.) с библиотекой в 500 тысяч томов. (П. Д. Долгоруков. Великая разруха (1922–1924)).*

Вот где я читал: Колумбийский университет в Нью-Йорке, Корнеллский университет в Итаке, Гарвардский университет в Кембридже, <...> и университет имени Лиланда Станфорда в Пало-Альто, в Калифорнии. (С. М. Волконский. Мои воспоминания. Том I (1923–1924)).

В недавних названиях вузов есть структурные исключения: *Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Сеченовский университет*. Использование «старой» формы, возможно, объясняется желанием акцентировать связь с традициями и усилить модус принадлежности, покровительства. В неформальном дискурсе компонент имени в официальных академических эргоурбонимах часто опускается – также и в целях языковой экономии: *Щепкинское училище / Училище Щепкина*, а на письме имеет сокращение – *им.: Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*.

Нельзя оставить без внимания и предельный вариант вторичных академических эргоурбонимов — прозвищ как результата уже естественной

номинации, «плода коллективного творчества, отражающего мировоззрение и критическое восприятие окружающей действительности» [Уразметова, 2017, с. 10] и использующего инструментарий естественной топонимии. Более одной четверти выборки имен российских вузов в качестве прозвищ имеют однословные образования, где именно антропонимы становятся мотивирующей топоосновой: *Лобач*, *Герцовник*, *Рена*, *Менделавка*, *Гнесинка*, *Плешка/Плехановка*, *Пушка*. Применяются — часто в комплексе — регрессивная деривация, суффиксация или словосложение. В результате образуются номинации, несущие комический эффект либо вследствие своей омонимии с существующими лексемами, либо вследствие ассоциаций, вызываемых семантикой формантов. Т.е. коммеморативность подобных названий следует считать опосредованной.

Итак, использование антропонимов в составе современных названий российских университетов довольно распространено и несет в себе функцию топонимической и номинативно-организационной коммеморации деятельности личности в науке, искусстве и политике, что принципиально для национальной аксиологической сферы. Синтаксически антропоним закреплён в форме родительного падежа в идиоматизированной конструкции с компонентом *имени*. Конструкция является частью номинатива академического эргоурбонима — названия вуза и исторически восходит к описательному перифразу искусственной по своей природе номинации учебных заведений и культовых объектов, изначально имевшей структуры «антропоним в форме притяжательного прилагательного + номенклатурный термин» и /или «номенклатурный термин + антропоним в родительном падеже», которые также используются в неформальном дискурсе. Также антропонимы могут служить топоосновой прозвищ вузов, но вследствие структурно-семантических преобразований имени эффект его коммеморативности ослабляется. В дальнейшем видится интересным провести сравнительный анализ структур номинаций академических эргоурбонимов, особенностей эллиптизации полных названий вузов и создания их вторичных номинаций.

Литература

1. Викулова Л. Г., Макарова И. В. и др. Парижский метрополитен как коммуникативное пространство // *Crede Experto*: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 2. С. 79–87.
2. Вострикова О. В., Паймакова Е. А. Мемориальность названий станций лондонского и московского метро, содержащих антропонимы // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2020. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/19FLSK420.pdf> (дата обращения: 01.07.2024).
3. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. 232 с.

4. Исапилова З. А. Роль коммеморативных практик в процессе функционирования и развития исторической памяти // Манускрипт. 2016. №2 (64). С. 70–73.
5. Козлов Р. И. Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики: автореф. дис. ... канд. фил. н.: Екатеринбург: Б.и., 2000. 23 с.
6. НЦКР / Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search> (даты обращения 25.07. – 02.09.2024).
7. Огоновская И. С. Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // Одна на всех трагедия и одна Победа. Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны. Оренбург, 28–29 мая 2021 г.: сборник статей. Оренбург: ОГПУ, 2021. С. 237–241.
8. Письмо Минобрнауки России от 10.06.2013 № ДЛ-151/17 «О наименовании образовательных учреждений» [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minobrnauki-rossii-ot-10062013-n-dl-15117> (дата обращения: 01.08.2024).
9. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская. М.: Наука, 1978. 200 с.
10. Прозвища российских вузов [Электронный ресурс]. URL: https://traditio.wiki/Прозвища_российских_вузов (дата обращения: 25.07.2024).
11. Сизова Е. А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов (на материале английского, русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. фил. н. Пятигорск, 2004. 20 с.
12. Уразметова А. В. Механизмы возникновения вторичной топонимической номинации // Неофилология. 2017. № 4 (12). С. 10–17.
13. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://obrnadzor.gov.ru/wp-content/uploads/2020/11/federalnyj-zakon-ot-29-dekabrya-2012-g-n-273-fz-ob-obrazovanii-v-rossijskoj-fede.pdf> (дата обращения: 01.08.2024).
14. Шавлюк В. Б. О структуре эргонима // Вестник ННГУ. 2019. № 6. С. 253–256.
15. Шведова Н. Ю. Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 789 с.
16. List of colleges and universities named after people [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_colleges_and_universities_named_after_people (дата обращения: 20.08.2024).
17. uniRank [Электронный ресурс]. URL: <https://www.4icu.org/> (дата обращения: 25.07.2024).

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ РУССКИХ
АНТИПОСЛОВИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЭТНОЛИНГВОМАРКЕРОМ

Дубровская Е. М. (Новосибирск, Россия)

Грищенко Е. И. (Новосибирск, Россия)

Аннотация. Цель данной статьи – выявление основных аксиологических доминант в русских антипословицах. В качестве материала были избраны антипословицы, в составе которых присутствуют этнолингвомаркеры – лексемы, выражающие национально-культурную специфику паремиологических единиц. Провокационный характер антипословиц помогает носителям языка выразить негативное отношение к различным фактам окружающей действительности, на которые они не могут повлиять, а также, благодаря сарказму и иронии, транслировать антиценности. В ходе проведенного исследования было выявлено, что основными аксиологическими доминантами русских антипословиц являются следующие антиценности: «отрицание любви к Родине» как фиксация отрицательного облика страны, «власть», проявляющаяся в негативной оценке органов власти или лидеров государства, и «нездоровый образ жизни» – гипертрофированное увлечение алкогольными напитками, в частности, водкой.

Abstract. The purpose of this article is to identify the main axiological dominants in Russian antiproverbs. As a material we have chosen antiproverbs, which contain ethnolinguistic markers – lexemes expressing national-cultural specificity of paremiological units. The provocative character of antiproverbs helps native speakers to express a negative attitude to various facts of the surrounding reality, which they cannot influence, and also, thanks to sarcasm and irony, to broadcast anti-values. In the course of the conducted research, it was revealed that the main axiological dominants of Russian anti-proverbs are the following anti-values: “denial of love for the Motherland” as a fixation of the negative image of the country, “power” manifested in a negative assessment of the authorities or leaders of the state, and “unhealthy way of life” – hypertrophied fondness for alcoholic beverages, in particular, vodka.

Ключевые слова: паремии, пословицы, антипословицы, этнолингвомаркеры, ценности, антиценности.

Keywords: pareemics, proverbs, antiproverbs, ethnolinguistic markers, values, antivalues.

Паремии – это культурные традиции, нормы морали и поведения, установки и предписания, принятые в обществе, опыт народа, накопленный за многие годы существования этноса и закрепленный в языковой форме. Однако сейчас пословица рассматривается не только как «кладезь народной мудрости», «кодекс поведения» или «украшение речи», но и как хранитель сегментов информации,

организованных как «сложное логическое, семиотическое целое, имеющее свои лексико-семантические и структурные закономерности, которыми, в свою очередь, могут быть объяснены многие наблюдаемые в паремиях явления» [Селиверстова, 2017, с. 5]. Анализ лексико-семантических закономерностей, демонстрируемых паремиологическими единицами, позволяет делать выводы об аксиологических доминантах и соотношении ценностей/антиценностей в этническом обществе.

В современной паремиологии динамично развивается направление межъязыковой компаративистики – исследователи сравнивают русские и иноязычные паремии, с целью выявить этнолингвокультурную специфичность отечественных пословиц и поговорок. По мнению ученых, «часто квалифицируются как исконные, т.е. национально специфические, такие пословицы, которые имеют абсолютные аналоги в других языках» [Иванов, 2021, с. 999]. Опираясь на описанную идею, мы допускаем вероятность того, что подобная проблема прослеживается и во многих других направлениях паремиологических исследований, когда пословица или поговорка может ошибочно идентифицироваться как исконно-русская, и впоследствии, на основе таких умозаключений, могут появляться выводы относительно этнокультурной самобытности народа, не соответствующие объективной действительности.

От подобной неоправданной переоценки национального характера паремий избавлены исследования пословиц, содержащих в своем составе национально-маркированный компонент. В первую очередь, этот компонент проявляется в блоках ассоциаций с историческими фактами, объектами материальной культуры и концептами национальной картины мира этноса. Выражаться такие блоки этот компонент могут как в качестве понятий и образов, заключенных во внутренней семантической структуре паремиологической единицы, так и в языковой форме – в виде безэквивалентной лексики или же этнолингвомаркеров. О. В. Ломакина, автор термина, утверждает, что этнолингвомаркеры – это «компоненты паремий, которые запечатляют национальное своеобразие, культурную память и могут не иметь аналогов в другом языке» [Ломакина, 2016, с. 120]. К национальным лингвомаркерам О. В. Ломакина относит следующие группы лексики: антропонимы (имена людей), топонимы (наименования географических объектов), хрононимы (названия праздников), зоонимы (клички животных); этнонимы (названия народов); артефакты, присущие материальной культуре данного народа.

Приведенные выше положения о проблемах научных изысканий в отрасли этнической специфичности паремий, а также об этнолингвомаркерах релевантны для всех единиц, входящих в паремиологический фонд русского языка. В их числе и антипословицы.

Антипословицы – это результирующие единицы паремиотворчества и лингвокреативности народа, пик узуальной популярности которых

пришелся на конец 90-х/начало 2000-х годов, однако и сейчас довольно часто подобные единицы можно встретить в речи публичных личностей, на радио или на просторах Интернета. Х. Вальтер и В. М. Мокиенко – авторы словаря «Антипословицы русского народа» – вслед за В. Мидером определяют антипословицы следующим образом: «это языковые единицы широкого круга, являющиеся смысловыми антиподами традиционных паремий, которые созданы с целью “высмеивания” и разрушения моральных и языковых норм» [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 8], что иллюстрируют, например, антипаремии *Жизнь коротка, потерпи немножко* [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 375] или *Потомственная лень – это когда лень делать потомство* [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 376].

Л. Б. Савенкова в своей дефиниции уточняет характер происхождения антипословиц, говоря, что такие паремиологические единицы – это «изречения, представляющие собой результат языковой игры с фразеологической единицей, пословицей, поговоркой или афоризмом; переделку известного изречения или выражения, подчеркнута иронического их “выворачивания наизнанку”» [Савенкова, 2014, с. 47], как в случае с паремиями *Готовь телегу зимой, а кабачковую икру – летом* [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 199] или *У семи детей нянька без глаза* [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 306].

Так, анализируя определения термина «антипословица», можно прийти к выводу о том, что в русском языке эти паремиологические единицы появились в качестве протеста. Явный провокационный характер антипословиц помогает носителям языка выразить негативное отношение к различным фактам окружающей действительности, на которые они не могут повлиять, а также, благодаря сарказму и иронии, транслировать антиценности.

Цель нашего исследования – выявить основные аксиологические доминанты русских антипословиц. Здесь к отбору материала необходимо подходить с большей осторожностью, поскольку процент межъязыковой общности среди антипословиц может быть значительно выше, чем среди классических паремий. Дело в том, что антипословицы – это выражения, наиболее активно функционирующие в эпоху глобализации и активного процесса межкультурной коммуникации, который значительно облегчился с появлением и развитием сети Интернет. Так, к примеру, единица, зафиксированная в словаре Х. Вальтера и В.М. Мокиенко *Мужчина без жены как рыба без велосипеда* [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 58] является видоизмененным заимствованием слогана «*A woman needs a man like a fish needs a bicycle*» (англ. *Женщине нужен мужчина, как рыбе велосипед*), приписываемого американской активистке Ирине Данн. Несмотря на то, что в русском эквиваленте паремиологической единицы мужчина и женщина «поменялись ролями», говорить о том, что это русская антипословица, мы не можем, поскольку образный элемент («как рыба без велосипеда»), делающий пословицу пословицей, является общим для нескольких языков.

Таким образом, наше исследовательское внимание привлекли антипословицы, содержащие в своем лексическом составе этнолингвомаркеры, о которых мы говорили ранее. При более глубоком изучении материала было замечено, что в антипословицах роль этнолингвомаркеров могут играть также имена известных личностей, лингвокультурема и логоэпистемы. Лингвокультурема включает в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла). Логоэпистемы же – это комплекс знаний и представлений, которые связаны с определенным предметом или явлением в культуре.

Русскими антипословицами мы считаем паремиологические единицы, основой для образования которых послужили факты и события из русской культуры. К примеру, антипословицу с этнолингвомаркером *Плох тот индеец, который не мечтает стать мертвым* [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 228] мы не относим к русским, поскольку несмотря на то, что образовалась эта единица в результате трансформации афоризма *Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом*, за основу здесь взята американская идиома *A good indian is a dead indian* (англ. *Хороший индеец – мертвый индеец*). Соответственно, данная антипословица репрезентирует реалии и мнения, присущие американской культуре, а значит в рамки нашего исследования не входит.

Паремии (в том числе и антипословицы) формируют паремиологическую картину мира, которая, по мысли М. А. Бредиса, «имеет свои зоны пересечения с аксиологической картиной мира» [Бредис, 2019, с. 116]. При культурологическом подходе ценности определяются как совокупность норм, идеалов, принципов, идей, обладающих приоритетным значением в жизни людей.

В словарях «Антипословицы русского народа» и «Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы)» авторства Х. Вальтера и В. М. Мокиенко, а также издания «Антипословицы рунета: типология и словарь» Е.Е. Иванова представлено свыше 3500 паремиологических единиц, 307 из которых содержат в своем составе этнолингвомаркеры и репрезентируют различные ценности и антиценности.

Одна из значимых составляющих аксиологической картины мира представителей любых лингвокультур это любовь к Родине или патриотизм. Антипословицы с этнолингвомаркерами (в основном, с топонимами) выражают обратные взгляды. Традиционно, патриотизму противопоставляют в качестве антиценности космополитизм, который можно охарактеризовать как идеологию отказа от национальных традиций. В случае же с антипословицами мы можем наблюдать иную ситуацию – они не призывают к отказу от национальных традиций, а скорее выражают негативную оценку событий и ситуации в России, а также транслируют «отрицание любви к Родине» как антиценность:

Всю свою историю Россия только и знает, что поднимается с колен [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 192]; *История России: Великий шоковый путь* [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 205]; *Как отворотительно в России по утрам* [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 208]; *В России сейчас возможно два варианта развития событий: наихудший и маловероятный* [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 254]; *Из двух зол русские выбирают оба* [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 191]; *Янки, гоу хоум, и меня с собой возьмите* [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 573].

Продолжая говорить о ценностях, связанных с Родиной и государством, рассмотрим ценность «**власть**». В русских антипословицах с этнолингво-маркерами представители власти (как законодательной, так и исполнительной) часто описываются и характеризуются с негативной стороны; отмечается, что их решения не всегда верны, а методы не эффективны. При этом, в паремиологических единицах встречаются как обобщение образа лидера государства или органа власти, так и указание на конкретную исторически значимую персону:

В России одно из двух: или харизматический лидер, или – маразматический! [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 199]; *Плох тот мент, который до столба не домахает* [Вальтер, Мокиенко, 2008, с. 272]; *Партия не роскошь, а средство попасть в Думу* [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 27]; *Милиционерам выдали автоматы, чтобы у них не отняли пистолеты* [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 26]; *Не осуждайте женщин за ошибки: хотя бы как лучшие, а получается, как у Черномырдина* [Вальтер, Мокиенко, 2008, с. 327]; *Скоро в Госдуме «Яблоку» будет негде упасть, а Жириновскому сесть* [Вальтер, Мокиенко, 2008, с. 345]; *На каждого Чубайса найдется свой РАО ЕЭС* [Иванов, 2009, с. 58].

Однако среди антипословиц, репрезентирующих ценность «**власть**», встречаются единицы, положительно характеризующие правителей. Так, антипаремия *Редкий премьер долетит до середины Атлантики* [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 138] описывает «разворот над Атлантикой» главы правительства РФ в знак протеста против начала боевых действий в Югославии, характеризуя политического деятеля как человека решительного и смелого, готового к риску во благо дружественных государств.

Еще одна ценность, репрезентируемая антипословицами с этнолингво-маркерами, входит в поле антиценности «**болезнь/нездоровый образ жизни**». Сюда относятся антипаремии, в которых описываются заболевания или транслируется особое гипертрофированное увлечение алкогольными напитками, в частности, водкой:

Судя по рекламе, в России три болезни: перхоть, кариес и менструация [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 212]; *Черная рожа — студент из Гвинеи, красная рожа — студент во хмелю* [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 230]; *От Парижа до Находки нет напитка лучше водки* [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 135]; *Для Россиян более патриотичного поступка, чем распитие водки, не придумаешь* [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 134].

Как показывает проведенный анализ, наиболее репрезентируемые антипословицами с этнолингвомаркерами антиценности – это «отрицание любви к Родине» (ок. 40 % антипословиц), «власть» (ок. 30 % антипословиц) и «болезни/нездоровый образ жизни» (10 % антипословиц). Среди остальных антипаремий встречаются единицы-репрезентаторы таких антиценностей как «чужбина» (*Если на Востоке вы чувствуете себя европейцем, а на Западе — азиатом, значит вы — русский* [Иванов, 2009, с. 46]), «бедность» (*Доходы большинства россиян явно в родстве со словом «доходяга»* [Вальтер, Мокиенко, 2005, с. 46]), «лень, безделье» (*Для кого-то и гора немытой посуды — Эверест* [Вальтер, Мокиенко, 2008, с. 68]) и др.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что основные аксиологические доминанты русских антипословиц с компонентном-этнолингвомаркером – это «**отрицание любви к Родине**», «**власть**» и «**болезни/нездоровый образ жизни**». На наш взгляд высокая антипословицная «популярность» антиценностей, связанных с государством и властью, обусловлена историческим путем развития Российской Федерации и различными социокультурными изменениями в истории страны, в то время как причина трансляции нездорового образа жизни кроется в авто- и гетеростереотипах о русском народе.

Литература

1. Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. М.: Флинта: Наука, 2017. 345 с.
2. Иванов Е. Е. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 996–1035.
3. Ломакина О. В. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. 2016. № 3(45). С. 119–128.
4. Савенкова Л. Б. Антипословица, или квазипословица // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник / Под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 46–47.
5. Бредис М. А. Аксиологическая составляющая пословиц о богатстве (на материале русского, латышского, латгальского, литовского, польского, немецкого и английского языков) // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: Тезисы докладов международной научной конференции, Екатеринбург, 15–17 октября 2019 года. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. С. 115–117.
6. Вальтер Х. Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. 576 с.

7. Вальтер Х. Мокиенко В. М. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 384 с.
8. Иванов Е. Е. Антипословицы Рунета: типология и словарь. Выпуск 3. Минск: Право и экономика, 2009. 72 с.

АКСИОЛОГЕМА «ОТЕЦ» В ПАТЕРНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

Журавлев С. А. (Йошкар-Ола, Россия)

***Аннотация.** В статье рассматривается лингвопрагматическая единица «отец» как аксиологема, имеющая в общественно-коммуникативной практике не только языковую, но и социокультурную значимость. Концептуальное содержание данной единицы, помимо семантики родства, особенно явно себя раскрывает в рамках патерналистского дискурса. Во внимание берутся истоки социально-исторического понимания аксиологемы «отец», проводятся параллели между ее интерпретацией в разных языках и культурах. Предлагается и обосновывается термин «патерналема».*

***Abstract.** The article considers the linguistic-pragmatic unit “father” as an axiologeme, which has not only linguistic, but also socio-cultural significance in social and communicative practice. The conceptual content of this unit, in addition to the semantics of kinship, reveals itself especially clearly within the framework of paternalistic discourse. The origins of the socio-historical understanding of the axiologeme “father” are taken into account, parallels are drawn between its interpretation in different languages and cultures. The term “paternalema” is proposed and justified.*

***Ключевые слова:** аксиологема, концепт, лингвокогнитивная единица, патерналема, патернализм, патерналистский дискурс, слово.*

***Keywords:** axiologeme, concept, linguistic-cognitive unit, paternalema, paternalism, paternalistic discourse, word.*

Как бы динамично ни развивались современные информационные системы, какими бы гигантскими скачками ни происходили социокультурные трансформации, любой естественный язык благодаря своему природному консерватизму в значительной мере сохраняет память человечества о патриархальных первоосновах общежития.

Так, сила традиционного типа общества изначально зиждилась на крепости семейно-родственных отношений. И термины бытового родства в любом ментально-лингвальном сообществе хорошо проецировались на ассоциативную сетку структуры социума, в котором устои формировали матрицу строго предписанного общественно-коммуникативного поведения.

Вершину такого типа общества представлял реальный или условный отец. В концептуальном отношении «отец» – это одна из главных аксиологем практически любого языка. Примечательно, что в современной лингвистической литературе данный концепт рассматривается преимущественно либо в межкультурно-сопоставительном, либо в авторско-идиостилевом ключе.

В то же время лингво-когнитивная единица «отец» может представлять интерес с точки зрения функционально-бытовой (*nana, napочка, батя*), народно-поэтической (*тятя, тятенька, батька, батюшка*), субстандартной (*папашка, папик, пахан, батяня*), юридической (*отец, отчим, биологический отец*), религиозной (*Отец небесный, Отче, святые отцы, крестный отец*), политической (*отцы-основатели, отец народов*) и др.

Одним из самых значимых и красноречивых является историко-политический аспект рассмотрения аксиологемы «отец», который видится актуальным не только в ретроспективе. В европейской традиции «отеческий» принцип устройства социальных отношений был распространен в греко-латинской культуре. Само слово «патриархат», как известно, восходит к сочетанию «власть отцов».

Греко-латинский корень «*pater*» лег в основу и термина «патернализм», обозначающего форму взаимоотношений, при которых одна сторона занимает «отцовскую» (покровительственную) позицию по отношению к другой, обеспечивая ее потребности и требуя от нее подчинения. И если до середины XX века патерналистские взаимосвязи в обществе исследовались исключительно в историческом контексте, то начиная с работ Ш. Эйзенштадта [Eisenstadt, 1989] фокус научного внимания, в частности, сместился и в сторону социологического аспекта и далее по всему гуманитарному спектру, включая лингвистический [Куликова, Белецкий, 2012].

В этом случае возможно говорить о патерналистском дискурсе (от лат. *paternus* – отцовский, отеческий; *pater* – отец) как формате общественно-политических, социокультурных и лингво-коммуникативных практик, в основе которого лежит соответствующее духу патернализма установление межличностных и межсловных взаимоотношений. «Патернализм как устоявшееся социальное явление – продукт традиционного общества, согласованный с его основными характеристиками (жесткая иерархичность, значимость личных связей, аскриптивность и т.д.)» [Шушкова, 2004, с. 5].

Привычный для русского языка оборот «отец семейства» по сути является калькой латинской формулы «*pater familias*», согласно римскому праву применимой не только к узкосемейным отношениям, но и к правам собственности, скажем, на поместье. Главой семьи в самом широком смысле (включая всех младших родственников и рабов) становился хозяин, по всем юридическим канонам получавшим власть отца («*patria potestas*»).

И хотя Аристотель, заочно полемизируя с Сократом и Платоном, выражал сомнение в том, «будто понятия «государственный муж», «царь», «домохозяин»,

Раздел 2.

«господин» суть понятия тождественные» и в то же время признавал, что «во всякой семье старший облечен полномочиями царя» [Аристотель, 1997, с. 35], в социально-правовой системе Древнего Рима подобные патерналистские установления были нормой.

В общественном сознании подданных великой империи испокон веков укоренился неписаный, но строгий принцип «священной власти отца» (*maiestas patria*). «Сын может дожить до преклонных лет, подняться до высших ступеней государственной карьеры, приобрести почет и славу (*vir consularis et triumphalis*), он все равно не выходит из-под отцовской власти, и она кончается только со смертью отца» [Сергеенко, 2000, с. 149].

Диффузность представлений о верховенстве в семейных и социально-гражданских отношениях закономерно способствовала соответствующему синкретизму и в лингво-коммуникативной среде античности. Проекция статуса отца семейства на представительство широких должностных полномочий была естественной и весьма типичной для той эпохи. Подобная степень обобщения, например, закрепились в слове «патриций», расширившем план содержания от главы семьи и рода до благодетеля города и государства.

В эпоху так называемого домината римские императоры начиная с Диоклетиана обрели наименование «доминус». Иными словами, титул императора усиливался исключительно патерналистским званием, коннотативно маркирующего его носителя как патриарха, защитника, своего рода отца всех подданных.

Тенденция усилилась в 63-м году до н.э., когда римский сенат пожаловал Цицерону почетный титул «*Pater patriae*» («отец отечества»). В 45 году до н.э. данный эффектный титул получил Цезарь, и далее, начиная с Августа, он присваивался уже всем последующим императорам.

Тут следует вспомнить, что в 1721 году уже российский Сенат определил императору Петру, наряду с другими, титул «Отец отечества», явственно указывающий на преемственность с традициями города святого Петра и подчеркивающий особый статус русского царя – больше чем монарха.

Присвоение главам государств дополнительного – «отеческого» – титула, очевидно, было обусловлено не столько внешним эффектом, сколько закладываемым патерналистским смыслом, формально закрепляющим за руководителем положение духовного лидера, подданные которого находятся, подобно одной большой семье, на заботливом попечении.

Патерналистская система представлений о власти в античности проецировалась на разных уровнях. Например, «первые поколения сенаторов, призванных самим Ромулом, назывались «*patres majorum gentium*» («отцы старших родов»), а сенаторы «второго призыва» и их потомки считались «*patres minorum gentium*» («отцами младших родов»), и статус их был ниже» [Грива, 2024, с. 26]. Древнеримская жреческая коллегия фециалов имела наименование «*pater patratus*» (буквально отец-исполнитель, отец отряженный) [Маяк, 2019, с. 43].

В этом отношении преобладающая система ценностей в европейской культуре имеет, скорее, косвенный, нежели прямой, характер. Концепт «отец», в отличие, скажем, от эпитомов [Карасик, 2010, с. 93], не имеет значительных расхождений в различных идеологических картинах мира. Иначе говоря, отечески-покровительственные начала применительно к аксиосферам разных эпох и традиций вполне коррелируют друг с другом.

Так, родная земля практически всегда воспринималась именно как земля отцов. Русская отчина, старославянское отечество, польская отчина, германское Faterland и многое другое указывают на это.

«Отцами-основателями» (Founding Fathers) назвал в 1916 году будущий американский президент Уоррен Гардинг тех американских политиков и общественных деятелей, которые в 1776 году подписали «Декларацию независимости США».

В американской массовой культуре начала XX века стали впервые появляться наименования типа «Великий белый отец» (Great White Father), которые будто бы использовали жители индейских поселений как представители архаичной культуры относительно президентов США. Примечательно, что в сказке Дж. Барри «Питер Пэн» индейцы так же стали звать заглавного героя, после того как он спас дочь вождя.

Несмотря на приписываемый российскому народу патерналистский тип общественного сознания, в исторических текстах на русском языке крайне мало конструкций, соединяющих единицы «отец» и «царь» или даже «царь» и «батюшка». Словарь В. И. Даля тоже не изобилует примерами патерналистского характера, за исключением иллюстративного присловья «без царя народ сирота» в описании семантики слова «царь» [2, 1882, с. 570].

Укорененность того или иного идеологического концепта в общественном сознании, вероятно, может иметь иррациональный характер. «Именно мифологические архетипы (типа «отца нации») во многом определяют взаимоотношения лидера и населения» [Почепцов, 2001, с. 96]. Оборот «отец народов», который активно приписывают прижизненной апологетике И. В. Сталина, тоже употреблялся редко. Это подтверждают и газетно-журнальная периодика первой половины XX века, и толковые словари русского языка того же периода. Последние могли быть идеологизированы, однако в статьях «отец» нет фиксации примера «отец народов» применительно к конкретной личности. Данная аксиологема стала распространяться преимущественно в перестроечное и постсоветское время.

В то же время в отношении многих терминов и терминоидов, актуализируемых в условиях патерналистского дискурса, но вовсе не обязательно подчеркивающих собственно отцовское начало, может быть рекомендовано обозначение «патерналаема» в значении «лингвопрагматическая единица субъектного типа, которая так или иначе называет верховных руководителей государства или глав конфессий, дает типизированное

Раздел 2.

их наименование». К таким патерналамам можно, в частности, отнести слова *фараон, царь, вождь, генсек, президент* и др.

В ряде случаев это могут быть персонифицированные патерналистские идеологемы-антропонимы типа *Мартин Лютер, Кромвель, Наполеон, Бисмарк, Черчилль, Ленин, Сталин* и др. Неслучайно почти все они стали в том или ином языке нормативной словообразовательной базой для многочисленных производных имен. Принятие во внимание экстралингвистических факторов здесь оказывается важным как для лучшего понимания природы лингво-семиотических единиц, так и для осознания условий, определяющих специфику политической коммуникации.

Думается, что термин «патерналама» удобен как родовое наименование (гипероним) для обозначения персонифицированных понятий верховной власти, причем в очень большом диапазоне – от имен собственных (*Иван III, Наполеон, Мао Цзэдун*) до имен нарицательных (*правитель, монарх, вождь, диктатор*), от терминов (*федеральный канцлер, национальный лидер, президент*) до соответствующих экспрессивов (*властелин, царек, царь-батюшка* и т.д.).

Единица «отец» в разных своих вариациях может, с одной стороны предсказуемо, с другой стороны контекстуально неожиданно укладываться в общий ряд патерналом. Так, Питирим Сорокин вспоминает текст из современной ему газеты 1919 года: «Вот что мы там читаем по поводу приезда Ленина в Петроград. «Вождь вождей, духовный отец и действенный основатель Третьего Интернационала – среди нас... Товарищ Ленин!» [Сорокин, 1920, с. 192].

Аксиологема «отец» очень продуктивна в плане как языковой деривации, так и роста ее ментального содержания. Патерналистский аспект ее рассмотрения является лишь одним из возможных других. Он указывает на очевидность древнейшей концептуальной связи между главенством в семье и главенством в обществе, проецирует социокультурный опыт каждой страны на имманентно присущую языку и сознанию патриархальность архетипической традиции и в ряде случаев позволяет преодолеть систему устойчивых стереотипов относительно роли отца-покровителя в жизни социума.

Литература

1. Аристотель. Политика. Афинская полития. М.: Мысль, 1997. 458 с.
2. Грава А. Рим. Полная история города. М.: Издательство АСТ, 2024. 320 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т.4. М.; СПб., 1880–1882. 683 с.
4. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 351 с.

5. Куликова Л. В., Белецкий С. Б. Дискурс патерналистских отношений в лингвистическом аспекте // Мир науки, культуры, образования. 2012. №2. С. 247–251.
6. Маяк И. Л. Римляне ранней республики. М.: Наука, 2019. 207 с.
7. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук: Ваклер, 2001. 651 с.
8. Сергеенко М. Е. Жизнь в Древнем Риме. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний Сад»; Журнал «Нева», 2000. 366 с.
9. Сорокин П. А. Система социологии. Пг.: Издательское т-во «Колос», 1920. Т.1. 360 с.
10. Шушкова Н. В. Патернализм как социальный институт в переходном обществе. Автореферат канд. дисс., Пермь, 2004. 28 с.
11. Eisenstadt S. N. Structure and History: Introductory Observations. International Political Science Review. Vol. 10. 1989. № 2: 99–110.

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Мочалова Т. И. (Москва, Россия)

Ян Кэ (Москва, Россия)

***Аннотация.** В статье представлена аксиологическая характеристика фразеологических единиц с зоонимическими компонентами, функционирующих в русском и китайском языках. Устанавливаются сходства и различия лингвокультур двух этносов, что позволяет определить общечеловеческие ценности, отраженные в восприятии людьми представителей животного мира, и выявить национально-культурную специфику каждого народа, обусловленную традициями, верованиями, менталитетом и культурно-историческими факторами.*

***Abstract.** The article presents the axiological characteristics of phraseological units with zoonymic components functioning in the Russian and Chinese languages. The similarities and differences between the linguistic cultures of two ethnic groups are established, which makes it possible to determine universal human values reflected in people's perception of representatives of the animal world, and to identify the national and cultural specifics of each people, determined by traditions, beliefs, mentality and cultural and historical factors.*

***Ключевые слова:** аксиология, фразеологизм, зооним, русский язык, китайский язык, сопоставительный анализ.*

***Keywords:** axiology, phraseological unit, zoonym, Russian language, Chinese language, comparative analysis.*

Фразеологический состав – специфическая часть языка каждого этноса, плод человеческой мысли и сокровищница культуры. Фразеологизмы отражают опыт познавательной деятельности человека, систему ценностей, исторические и культурные традиции народов. С древнейших времен животные были тесно связаны с человеком, поэтому в любой лингвокультуре существует множество устойчивых сочетаний, в которых используется сравнение человека с представителями фауны при описании его характера, внешности, особенностей поведения. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом изучались на материале различных языков и групп говоров [Баштабак, 2020; Гимадеева, 2011; Дэндэн, 2021; Мочалова, 2011; 中华成语词典, 2004 и др.]. В данной статье будет проведен анализ фразеологизмов с компонентами-зоонимами, функционирующих в китайском и русском языках. Исследование осуществляется на материале «Фразеологического словаря русского литературного языка» и «Китайского словаря и онлайн-переводчика» (см. список литературы).

Большую группу составляют фразеологизмы с наименованиями представителей животного мира, имеющие одинаковые метафорические значения в китайской и русской лингвокультурах. Так, волк является символом жадности и жестокости как в русской, так и в китайской культурах. В китайском языке есть несколько фразеологизмов, в которых используется образ волка: 狼子野心 – *у волчонка волчье сердце – ‘о свирепом характере или безумных желаниях парней’*; 狼心狗肺 – *волчье сердце и собачьи легкие – ‘о жестоком или неблагодарном человеке’*. В русском языке также употребляются фразеологизмы с зоонимом *волк*, которые характеризуют негативные качества человека, например: *волк в овечьей шкуре – ‘человек, прикрывающий свои дурные намерения, действия маской добродетели, лицемер’*, *волчий аппетит – ‘беспредельная жадность, алчность’*, *волчье логово – ‘жилище, пристанище преступников, врагов’* и т. п.

Образ лебедя в русской и китайской культурах характеризуется близостью и отражает такие положительные качества, как красота, чистота и благородство. В китайском языке большинство фразеологизмов, в которых содержится компонент *лебедь*, имеет положительное значение. Например: 鸿鹄高飞, 一举千里 – *лебедь летит высоко, пролетая тысячи миль – ‘человек, обладающий большим талантом’*, 燕雀安知鸿鹄之志 – *ласточкам и воробьям не понять устремления величественного лебедя – ‘простому человеку не понять цели великого человека’* и др. В русском языке лебедь используется для обозначения внешне красивого человека (*лебединая шея – ‘девушка с красивой шеей’*), исключительной преданности (*лебединая верность – ‘верность, преданность любимому человеку до последних дней жизни’*), последнего значимого творения человека (*лебединая песня – ‘о последнем, наиболее значительном произведении кого-либо; последнее проявление таланта, способностей’*).

В то же время фразеологизмы с компонентами-зоонимами могут иметь как общие, так и различные значения в китайском и русском языках. Так, образ собаки в китайской лингвокультуре обладает отрицательной эмотивной коннотацией. Большинство фразеологизмов с компонентом *собака* в китайском языке содержит уничижительное значение. Например: 猪狗不如 – *хуже свиньи и собаки* – ‘подлый человек, имеющий низменное поведение’, 狗仗人势 – *собака пользуется покровительством хозяина* – ‘притеснять или обижать людей, прикрываясь влиянием своего начальника, пользуясь его покровительством’ и др. В русском языке также представлены фразеологизмы с компонентом *собака*, в которых отражается злобный характер, агрессивное поведение животного: *злой как собака* – ‘о человеке, злобно настроенном по отношению к другим’, *спустить всех собак* – ‘несправедливо, незаслуженно ругать кого-либо’, *собаке собачья смерть* – ‘о смерти плохого человека’, *жить как собака* – ‘жить очень плохо’ и др. В то же время в русской фразеологии фиксируются и такие положительные качества этого животного, как преданность (*собачья верность* – ‘преданность хозяину’), выносливость (*заживает как на собаке* – ‘быстро и само собой, без лечения (заживает, затягивается)’).

Аксиологическим потенциалом в рассматриваемых языках обладает лексема *лошадь*. В китайской культуре это животное является символом мудрости, быстроты, упорства и выносливости, что находит отражение в таких фразеологизмах, как 言既出, 驷马难追 – ‘слово вылетело – на четверке лошадей не догонишь’ (в русском языке подобное значение выражает пословица с компонентом *воробей*, ср.: *слово не воробей: вылетит – не поймаешь*), 马到功成 – *лошадь прибыла, победа достигнута* – ‘добиться быстро и легкого успеха’. В русской традиции лошадь обычно считается верным другом и помощником в хозяйстве, поэтому данное животное, как правило, символизирует труд, номинирует трудолюбивого человека, например: *рабочая лошадка* – ‘тот, кто много и напряженно трудится, часто выполняя работу за других’, но в то же время может иметь и отрицательное значение: *темная лошадка* – ‘неизвестный по своим способностям, намерениям, качествам’.

Ворона считается зловещей птицей и предстает как негативный образ в русской и китайской лингвокультурах. Образ вороны обычно используется в русском языке для характеристики человека, играющего какую-либо несвойственную ему роль, имеющего какие-либо отличия от других людей. Например: *ворона в павлиньих перьях* – ‘о человеке, который пытается играть чужую роль, каким-либо образом приукрасить себя и тем самым только подчеркивает свои недостатки, делаясь смешным в глазах окружающих’, *пуганая ворона* – ‘осторожный, запуганный человек’, *белая ворона* – ‘человек, выделяющийся из своего окружения’. В китайской культуре образ вороны вызывает исключительно негативное восприятие. Например: 乌合之众 – *временно собралась стая ворон* – ‘неорганизованная толпа’, 天下乌鸦一般黑 – *все вороны в мире одинаково черны* – ‘порочные, злые люди одинаково плохи во всем мире’.

Раздел 2.

Отдельную группу составляют фразеологические единицы с компонентами-зоонимами, имеющие в русском и китайском языках разные метафорические значения.

Так, сорока считается благоприятной птицей в китайской культуре, ее звонкий крик ассоциируется с приближающимся счастливым событием. Кроме того, сорока – символ любви. Вышеприведенные значения представлены в следующих китайских фразеологизмах: 鹊桥相会 – *встреча на сорочьем мосту – ‘свидания влюбленных после долгой разлуки’, сорока радуется, а кукушка танцует – ‘формула приветствия, поздравления’*. В русском языковом сознании сорока является символом излишне разговорчивого человека, недостоверности информации: *сорока на хвосте принесла – ‘неожиданное, сомнительное известие’, заладила сорока Якова – ‘о постоянном, надоевшем повторении одного и того же’*.

Заяц в русской культуре является символом трусости, робости: *заячья душа, труслив как заяц – ‘трусливый человек’*. В китайской культуре заяц имеет иное символическое значение и соотносится с проявлением кротости, ловкости и мудрости. Например: 狡兔三窟 – *у хитрого зайца три норы – ‘у умного, хитрого человека есть более одного плана, к которому можно прибегнуть’, 守如处女, 动如疯兔 – ‘осторожная, как девственница, быстрая, как заяц – ‘армия в бездействии тяжела, как незамужняя девушка; в действии столь же проворна, как бегущий заяц’*.

В аксиологической картине мира русского и китайского народов отдельную группу составляют фразеологические единицы, по какой-либо причине не имеющие аналога с компонентами-зоонимами в сопоставляемом языке. Образ щуки часто встречается в русском фольклоре (например, русская народная сказка «По щучьему велению»), употребляются фразеологизмы с компонентом *щука*, например: *по щучьему велению – ‘легко, без усилий’, щуку кинуть в реку – ‘фигтивное наказание, которое, по сути, помогает виновному избежать ответственности’*. Заметим, что в китайском языке зооним *щука* не встречается в составе фразеологических единиц и не приобретает символического значения, что объясняется особенностями фауны этой страны.

Мандаринка – уникальная птица для китайской лингвокультуры. Мандаринки часто появляются парами и в сознании носителей китайского языка становятся символом вечной любви. Например: 棒打鸳鸯 – *разделить мандаринок – ‘разлучить любящую пару’*. В русском языке не встречаются устойчивые сочетания с данным зоонимом, что связано с немногочисленной популяцией этой птицы лишь на востоке России.

Цикада в китайском языке с древнейших времен является символом воскресения и вечной жизни, поэтому образ цикады в китайских фразеологизмах очень распространен. Например: 噤若寒蝉 – *молчать как замерзшая цикада – ‘не смей и слова вымолвить’*, 金蝉脱壳 – *золотая*

цикада сбрасывает оболочку – ‘убегать с помощью ловкого маневра’. В русском языке фразеологизмы с зоонимическим компонентом *цикада* не представлены.

Как показало проведенное исследование, в аксиологической картине мира двух народов образы представителей животного мира во фразеологическом корпусе русского и китайского языков во многом совпадают, но имеются и определенные различия. Похожие символические значения фразеологизмов с компонентами-зоонимами определяются общечеловеческим жизненным опытом и моральными установками представителей разных культур. Разница проявляется не только в неодинаковом понимании повадок и характеристик птиц и животных, но и в самом употреблении отдельных зоокомпонентов. Расхождения в значениях и частотности зоонимов отражают отличия в характерных чертах русского и китайского народов, их менталитете.

Таким образом, фразеологизмы с наименованиями животных в русском и китайском языках обладают аксиологическим потенциалом, отражают как общечеловеческую систему ценностей, так и самобытные черты этносов, имеют огромное значение для понимания культурных, когнитивных, психологических и других особенностей народов Китая и России, а также для успешного осуществления межкультурной коммуникации.

Литература

1. Баштабак А. Ш. Фразеологизмы с зоонимным компонентом в русском языке // Символ науки. 2020. № 12(1). С. 128–131.
2. Гимадеева А. А. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в татарском и английском языках и их лексикографирование: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Казань, 2011. 28 с.
3. Дэндэн В. Сравнительный анализ зоонимосодержащих фразеологизмов на материале китайского и русского языков / В. Дэндэн, Л. Сюй // Грани познания. 2021. № 1(72). С. 94–97.
4. Китайский словарь и переводчик-онлайн – Чжунга [Электронный ресурс] – URL: <https://www.zhonga.ru/?ysclid=lt1fwxuak5198273172> (дата обращения: 25.02.2024).
5. Мочалова Т. И. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в русских говорах Республики Мордовия // Проблемы лингвистического краеведения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2011. С. 115–123.
6. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://phraseology.academic.ru> (дата обращения: 25.02.2024).
7. 中华成语词典 – 吉林大学出版社, 2004. 740页.

ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ В ИХ ОТЗЫВАХ О КНИГЕ «ЮНОСТИ ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО, ИЛИ ПОКАЗАНИЕ К ЖИТЕЙСКОМУ ОБХОЖДЕНИЮ, СОБРАННОЕ ОТ РАЗНЫХ АВТОРОВ»

Нестерова Т. В. (Москва, Россия)

***Аннотация.** В статье представлены результаты исследования ценностных приоритетов современных студентов-филологов, полученные в ходе анализа их отзывов о книге «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов».*

***Abstract.** The article presents the results of a study of the value priorities of modern philology students, obtained during the analysis of their reviews of the book “The Honest Mirror of Youth, or Indication for Everyday Life, Collected from Different Authors”.*

***Ключевые слова:** этикет, молодежь, студенты-филологи, воспитание, ценности, оценка, норма.*

***Keywords:** etiquette, youth, students of philology, upbringing, values, assessment, norm.*

Проблема воспитания молодежи остается актуальной для современного российского общества. В настоящее время перед педагогами стоит важная задача – изучение воспитательных основ посредством привлечения опыта прошлого – на базе исторических источников. Одним из таких источников является книга «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов» (далее – «Юности честное зеркало»), которая принадлежит к числу знаковых культурных явлений Петровской эпохи.

Данная статья посвящена поиску ответов на следующие вопросы: Повлияло ли это произведение на формирование современных правил этикета? Обладает ли оно культурным и воспитательным потенциалом в современных условиях или сохраняется исключительно в качестве «русского литературно-педагогического памятника начала XVIII в.», как пишут о нем многочисленные словари и энциклопедии? Как современная студенческая молодежь – будущие филологи – оценивает данное произведение? Как отражаются в этой оценке их ценностные приоритеты?

Материалом для нашего исследования послужили тексты отзывов студентов I курса филологического факультета Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина о книге «Юности честное зеркало» (всего – 60 отзывов). Знакомство студентов с этим произведением происходило в процессе изучения ими темы «Лексика русского языка с точки зрения активного и пассивного запаса» в рамках дисциплины «Современный русский язык. Лексикология». Работа учащихся

с устаревшей лексикой (историзмами и архаизмами) сопровождалась обсуждением и этикетных постулатов, представленных в этом памятнике. Рассуждения будущих филологов о нормах поведения в обществе, порой неоднозначные и весьма спорные, побудили нас обратиться к жанру отзыва об этом произведении.

Формирование воспитательных основ – это деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения. Этикет является значимым компонентом морально-нравственного содержания личности и обладает большим воспитательным потенциалом [Курочкина, 2012; Курочкина, 2014]. История этикета, как и история культуры в целом, – это «не только история изменений, но и история накопления ценностей, остающихся живыми и действенными элементами культуры в последующем развитии» [Лихачев, 1973, с. 5]. Ценность понимается нами как общепризнанная норма, сформированная в определенной культуре, которая задает образцы и стандарты поведения и оказывает влияние на выбор между возможными поведенческими альтернативами [Культурология, 2001, с. 123]. Ценности являются важным звеном в регуляции поведения современной российской молодежи наряду с мотивами, оценками, поступками, нормами и результатами [Бормотов, 2013, с. 10–11]. Они не только регулируют, но и направляют эти действия, определяя жизненную перспективу и «вектор» развития различных групп молодежи, влияют на процесс личностного и профессионального становления современных студентов. Ценности напрямую связаны с оценкой: «Ценности лежат в основе оценки, тех предпочтений, которые человек делает, характеризуя предметы, качества, события» [Карасик, 1996, с. 166]; «Оценка — это установление соответствия или несоответствия тех или иных явлений или характеристик предметов потребностям, интересам, целям, шкале ценностей тех или иных людей (социальных групп)» [Кенжебалина, 2012, с. 29–30].

Объектом ценностного отношения в нашем случае выступило произведение «Юности честное зеркало», субъектами оценочных суждений – студенты-филологи 1 курса, адресатом отзывов – преподаватель, ведущий курс «Современный русский язык. Лексикология». Авторы отзывов высказывали свое мнение относительно композиции (формы) и языка, а также содержания произведения.

Студенты в своих отзывах писали о правилах этикета, которые не потеряли своей актуальности в настоящее время и которые они тоже разделяют: правила об уважительном отношении к родителям и старшим, об общении со сверстниками, об отношении к окружающим, о поведении за столом, о необходимости избегать таких пороков, как блуд, пьянство, обжорство, жадность, уныние; о необходимости держать данное слово, не вмешиваться в чужие дела, не подслушивать чужие разговоры, быть образованным, владеть

Раздел 2.

иностранными языками и ораторским искусством, следить за своим внешним видом, быть благочестивым, учтивым, вежливым, уметь слушать собеседника, не перебивать его и проявлять внимание к его речам, не вступать в разговоры взрослых, быть скромным, не пытаться выведывать чужие тайны, не быть падким на лесть, не сплетничать, не лезть не в свое дело, не выдавать сомнительное за истинное, жить по средствам, помогать нуждающимся, стремиться к знаниям и трудиться. Авторы отзывов отмечали, что в обществе с устойчивой системой моральных ценностей эти правила являются обязательными, они становятся частью культурного кода каждого члена социума.

Критика студентами этикетных постулатов, представленных в книге, в основном сводилась к указанию на их неприменимость в современных реалиях в связи с утратой сословного деления общества. К ним авторы отзывов относили правила поведения при дворе, общение со слугами, обязательное владение юношами «шпажной битвой, конной ездой, танцеванием», устаревшие обращения к родителям («государыня матушка», «государь батюшка», Вы-формы). Некоторые запреты того времени представлялись студентам слишком строгими, авторитарными, «чрезмерно сужающими права личности», подавляющими ее желания, эмоции и чувства, например соблюдение жесткой семейной иерархии в отношениях между родителями и детьми, основные «девичьи добродетели» – целомудрие, стыдливость, кротость, терпение, услужливость, религиозность, богобоязненность. Эта точка зрения отражалась в комментариях типа (*Здесь и далее сохранена орфография и пунктуация источника):

«Но еще более строгими мне показались советы про “отношение отрока к родителям”. Это может свидетельствовать об установлении четкой иерархии в семье и об отсутствии какого-либо тепла в отношениях между близкими людьми»; «Однако, диалог между поколениями в современном мире – это об уважении не только старших, но и младших. Поэтому некоторые ценности из произведения для нас могут быть чужды. Например, формальное общение внутри семьи или выстраивание границ между разными поколениями. Сейчас мы стремимся стирать эти границы, чтобы прийти к большему взаимопониманию»; «В этом плане современное общение в кругу семьи стало менее официальным и более близким, душевным, также изменились роли собеседников: общение происходит на равных, по горизонтали, тогда как при Петре I соблюдалась иерархия и дистанция между родителями и детьми»; «Это подавление собственных желаний и чувств тоже считается неправильным в наше время. В XXI веке люди не стремятся быть удобными, имеют свободу выразить любые эмоции»; «Не актуальными являются и правила, утверждающие «первой добродетелью любовь к слову Божию и правой вере», поскольку наше общество стало светским, а многие люди считают себя атеистами»; «Поколению же нынешнего времени понять это сложно. Как мне кажется, это связано с тем, что за нашей культурой

поведения больше не стоят те важные практические аспекты, которые были раньше: правила о том, как вести себя в обществе, скорее всего уже не приведут ни к каким важным реформам и уж тем более не помогут выжить. Этикет в двадцать первом веке выступает лишь некой «скрепой» социальных отношений и не более того. У молодого поколения появилось больше стремления к индивидуализации, потому оно скептически относится к этикету, ведь он так или иначе обезличивает, стандартизирует и лишает свободы. Теперь культуре поведения, авторитетам придается значительно меньше значения. Именно по этой причине “Юности честное зеркало” воспринимается молодым поколением как нечто отдаленное и скучное, если не брать смешных моментов по типу “кто часто сморкает, как бы в трубу трубит, в церкви детей малых пугает и устрашает, платком или перстом в носу чистит”».

Надо отметить, что такие комментарии единичны, большая же часть отзывов студентов содержала положительную оценку как этикета в целом, так и этикетных правил, изложенных в «Юности честное зеркало». Учащиеся также писали о том, что современный технический прогресс диктует новые формы этикета в сфере электронной коммуникации, которые необходимо учитывать.

Факт оценивания был связан с реализацией авторами отзывов интенций одобрения/неодобрения, согласия/несогласия/возражения на фоне положительных/отрицательных эмоций. Выражение оценки, как правило, осуществлялось по следующей схеме: оценочное суждение + аргументативная часть (преимущественно в жанре рассуждения). Например:

«Читать “Юности честное зеркало” было достаточно увлекательно по нескольким причинам: во-первых, нам представилась возможность узнать основные правила поведения в обществе и за столом, во-вторых, некоторые обороты речи, так, например, «обрежь свои ногти да не явится как бы оные бархатом обшиты», не могут не вызвать улыбку, в-третьих, читать книгу было интересно благодаря обилию историзмов и архаизмов в тексте произведения».

В отзывах были представлены рациональный («*Это правило актуально и в обществе XXI века, ведь человека, который не умеет слушать, все время вмешивается в чужие разговоры и грубит родителям, считается невоспитанным*») и эмоциональный типы аргументации («*Ох, скольким людям я могла бы указать на эти правила!*» – о правилах поведения за столом).

По признаку оценочности практически все отзывы являлись положительными. Отрицательные отзывы «в чистом виде» отсутствовали. Если элементы отрицательной оценки включались в структуру отзыва, то после них следовали положительно-оценочные конструкции с противительными союзами «но», «однако» (митигация). Например: «*Это правило не является актуальным в наше время, но все же довольно занимательно для ознакомления*».

Оценивая то или иное этикетное правило, студенты апеллировали к своему жизненному опыту, иногда в их рассуждениях присутствовала ирония:

«Еще меня радует правило об умеренном питании. Вовсе не потому, что я радею за диеты и похудение, наоборот – авторы “Зерцала” подчёркивают, что важно питаться столько, сколько необходимо, здоровья ради (“здравия своего и спокойствия повседневным истощением и голодом помешать и разрушить”). Как человек, прошедший через добровольное голодание из-за страшных волнений, я действительно считаю хорошее питание залогом хорошей жизни, поэтому меня и тронуло это правило»; «Пункт про гигиену и чистоту телесную, как мне кажется, даже больше актуален для мужчин, чем для женщин: я встречала достаточно молодых людей, которых родители, видимо, не научили правильно пользоваться дезодорантом. Простите».

Авторы отзывов также выражали сожаление о том, что в современном обществе некоторые этикетные постулаты потеряли свою актуальность:

«Мне было даже несколько жаль, что в наши времена ряд правил устарел и никак не применяется в воспитании мужчин, потому что юноша, разъезжающий на лошади, читающий хорошие книги, обладающий прекрасными манерами привлекает девушек гораздо больше, чем поколение современных молодых людей, большая часть из которых и книги в руки ни разу не брала».

В большинстве случаев отрицательную оценку учащиеся давали не самому произведению или этикетным правилам, содержащимся в нем, а представителям современного поколения, которые, по их мнению, не знакомы с нормами этикета или недостаточно ими владеют:

«Это правило смело можно применить к современному поколению. Молодежь зачастую забывается, а потом совершает необдуманные поступки. Следует контролировать себя и обдумывать свои действия, чтобы не попасть впросак»; «Идя по улице или находясь в общественном месте, мы зачастую слышим, как люди громко сморкаются, кашляют или издают другие не очень приятные звуки, также мужчины харкают на улице, забывая о манерах (этот пункт меня беспокоит больше других). Следует не нарушать комфорт окружающих людей и все необходимые действия совершать как можно тише и аккуратнее, о чем и сообщают данные правила»; «Раньше эти качества были необходимы юношам для того, чтобы ободрять слуг, а сейчас наблюдается их нехватка у лиц мужского пола. Мужчина должен быть бодрым и трудолюбивым, чтобы «ободрять» свою вторую половину»; «Конечно, за три сотни лет понятие нормы правильного поведения сильно изменилось, но даже сейчас в произведении можно найти дельные советы молодым людям. Например, предписание “наипаче всего должны дети отца и мать в великой чести содержать” будет актуально всегда, потому что родители — главные люди в жизни любого человека. Многим современным детям не достаёт этого понимания, хотя об этом писали очень давно».

Такие отзывы иногда сопровождались самокритикой:

«Во время чтения я невольно сопоставляла свое поведение с указаниями в произведении и, увы, оказалась не так уж и близка к идеалу барышни времен царской России. Мне свойственны вольности в общении с родителями и со старшими. Думаю, это можно назвать распущенностью».

Положительная оценка произведения «Юности честное зерцало» в отзывах студентах реализовывалась по-разному:

1. Посредством указания на актуальность всего произведения (или отдельных его постулатов) в современных условиях. В этом случае использовались лексемы «актуальный», «актуален», «актуально», «вечная классика», а также конструкции «остаются актуальными», «не утратили своей актуальности», «важно и сейчас»:

«Произведение описывает и до сих пор актуальные правила приличия, поведения в обществе»; «Эти советы до сих пор являются актуальными, к ним стоит прислушиваться»; «Некоторые правила остаются актуальными и по сей день»; «Пункт про “должны дети отца и мать в великой чести содержать” — актуален всегда»; «Пункт про то, что ребенку не следует встречать в разговоры взрослых, если сейчас не его очередь говорить и/или его вообще не спрашивали — вечная классика»; «Это тоже важно и сейчас».

2. Посредством указания на положительные изменения, произошедшие с автором отзыва после знакомства с этим произведением. Здесь преобладали конструкции, содержащие предлог «благодаря», а также включающие глаголы «смог/смогла узнать (что)», «расширил(-а) (что)», «открыл(-а) (что)», «вынес/вынесла (что)», «провел(-а) время с пользой», «сложилось представление (о чем)», «заставило меня задуматься (о чем)», «возьму на заметку (что)»:

«Благодаря этому поучению я смогла узнать много нового о правилах поведения, нормах, этикете и взгляде на жизнь русских светских людей, живших в начале XVIII века»; «Благодаря прочтению этого произведения я значительно расширила и свой словарный запас, и свой кругозор в целом, узнала много нового и провела время с пользой и удовольствием от чтения»; «Из текста я вынесла много полезных советов»; «Для меня “Юности честное зерцало” — это во многих аспектах полезное произведение»; «Читая это правило, я открыла для себя, что, оказывается, была если не традиция или обычай, то привычка ходить на чужие свадьбы»; «После ознакомления с содержанием у меня сложилось еще более четкое представление об эпохе и о людях, которым довелось в ней жить»; «Знакомство с этим памятником заставило меня задуматься о том, как и чем жили мои прапрабабушки и прапрадедушки. Возможно, что-то возьму себе на заметку».

3. Посредством указания на пользу от знакомства с этим произведением (для широкого адресата). В этом случае употреблялись лексемы «важный», «дельный», «мудрый», «полезный», «полезно», «нужный», «вежливый», «цивилизованный», «отличный», «достойный», «благородный», «воспитанный», а также конструкции «предоставляет возможность + инф.», «учит (чему)»,

Раздел 2.

«обращает внимание (на что)», «можно найти (что)», «можно увидеть, (как)», «описано (что)», «были/будут значимы всегда», «как важно +инф.», «благодаря (чему) становятся (кем)», «благодаря (чему) формируется (что) (у кого)»:

«Данный документ предоставляет возможность изучить правила поведения людей эпохи Петра I в обществе и в кругу семьи, их взаимоотношения, и выстроившуюся иерархию в социуме»; «Книга “Юности честное зерцало” утверждает незыблемые нравственные идеалы, установки, принципы и учит молодых людей и девушек этикету»; “Юности честное зерцало” учит гордиться делами, а не кичиться роскошью и богатством»; «Книга учит не ставить себя выше других, не считать себя умнее, но и хуже тоже»; «Через призму произведения можно увидеть, как формирование личности в молодом возрасте влияет на дальнейшую жизнь и как важно строить диалог и взаимопонимание между поколениями»; «“Юности честное зерцало” – это книга, которая обращает внимание на важные аспекты воспитания молодежи»; «Конечно, за три сотни лет понятие нормы правильного поведения сильно изменилось, но даже сейчас в произведении можно найти дельные советы молодым людям»; «Я считаю, что такие правила поведения не только полезно, но и нужно знать и помнить человеку в современном обществе»; «В сборнике дается множество мудрых советов»; «Там описаны такие простые и общепринятые нормы, которые просто не могут перестать быть кодексом поведения цивилизованного человека: не чавкать за столом, быть вежливым, трудолюбивым, общаться между собой на иностранных языках»; «В “Юности честном зерцале” представлен такой минимальный набор того, что ты можешь делать, чтобы быть достойным человеком, а не дикарем»; «Правила этикета были и будут значимы всегда. Благодаря такому общепринятому порядку младшие приспосабливаются к социуму, становятся более дисциплинированными, у них формируется собственное миропонимание, старшие же, соблюдая эти правила, показывают свое уважение к другим».

4. Посредством указания на пользу от знакомства с этим произведением (для узкого адресата, носителей определенных профессий – филологов, историков). Здесь использовались конструкции «важно(-ы) мне, как филологу», «ценн(-а) для филологов», «интересен с исторической/филологической точки зрения», «филологам особенно важно + инф.», «лексикологи могут рассматривать как», «является предметом изучения (кого); «(мы) можем почерпнуть знания о том, как», «является помощником в изучении (чего)», «(мы) имеем возможность изучить (что)», «(нам) удалось познакомиться с (чем)», «позволяет прикоснуться к (чему)»:

«Многие наставления важны мне, как филологу»; «Также, по моему мнению, эта книга ценна для филологов и иных более узкоспециализированных исследователей»; «Многие наставления важны мне, как филологу, с коммуникативной точки зрения: “У родителей речей перебивать не надлежит, и ниже прекословить, и других их сверстников в речи не впадать,

но ожидать, пока они выговорят”. Это учит тебя достойно выглядеть в споре или обычном разговоре, не торопиться, а обдумать свои мысли прежде, чем озвучить их»; «Это очень любопытный памятник, который, прежде всего, интересен с исторической и, наверное, филологической точки зрения»; «Лексикологи данный литературный памятник могут рассматривать как стоящий материал для анализа»; «Рассматривая “Зерцало” с позиции социолингвистики, мы можем почерпнуть знания о том, как должны были держать себя в обществе и общаться представители высших сословий»; «Я уверен, что для нас сейчас этот сборник является отличным помощником в изучении Петровской эпохи. Кроме установленных норм морали, которые можно сравнить с принятыми в более ранние или поздние времена, мы имеем возможность изучить ранги того времени (шляхтич, придворный, челядинец), посмотреть на архаизмы (отрок, экзерциция) или просто изучить слог, используемый в те годы»; «В рамках учебной программы нам удалось познакомиться с этим интереснейшим произведением, которое является предметом изучения не только историков, но и филологов»; «Было приятно познакомиться с этим документом. Интересный опыт рассматривания диахронии и синхронии произведения на семинаре и в домашней работе»; «Думаю, филологам особенно важно прочесть это произведение: оно как позволяет прикоснуться к давно ушедшим реалиям, так и напоминает о проблемах, которые актуальны и по сей день».

5. Посредством эксплицирования хорошего, приятного впечатления от прочтения произведения с помощью конструкций «(мне) понравилось (что)», «(мне) нравится (что)», «приятно удивило (-а)», «(меня) впечатлил(-о) (что)»:

«Мне понравилось, что эти правила касаются разных сторон жизни адресата»; «Сама идея зашифровать, сделать тайным свое послание, которое может понять определенный круг людей, мне всегда очень нравилась»; «Мне понравилась структура текста»; «Мне очень нравится глава, где раскрываются тонкости этикета, хоть некоторые из них (“над едою не чавкай, как свинья, и головы не чеши”) несколько смешны для нас в своих формулировках»; «Стоит отметить и аргументированность, которая тоже приятно удивила»; «Меня очень впечатлило произведение».

6. Посредством характеристики произведения как возбуждающего интерес, занимательного, увлекательного, любопытного. В этом случае были представлены лексемы «интересный», «занимательный», «любопытный», «любопытнейший», а также конструкции «было интересно/увлекательно + инф.», «(больше всего) меня заинтересовал(-а) (что)», «(не менее) интересен/интересн(-а, -ы) (что)», «интересен/занимателен с точки зрения (чего)», «интересно то, что...», «интересным мне показался (что)»:

«Мне было очень интересно знакомиться с произведением “Юности честное зерцало”»; «Было очень интересно посмотреть на речь людей того времени, особенности построения предложений»; «Было интересно

проникнуть в способ мышления человека того времени, сравнить его с современным»; «Документ “Юности честное зерцало” интересен с разных точек зрения»; «Больше всего меня, конечно, заинтересовала первая глава»; «Другие главы не менее интересны»; «Также интересно то, что многие мысли в этом произведении впоследствии преобразовались в пословицы и поговорки»; «Интересным мне показался совет, согласно которому настроение говорящего должно соответствовать теме беседы»; «Этот документ занимателен с литературной, исторической и бытовой стороны»; «Это любопытнейший памятник своего времени, ведь он показывает некий эталон, к которому стремились люди тогда. Становится интересно проследить, как меняется этот идеал человека, как меняются ценности. Как человеку, увлекающемуся и историей не только слова, но и нашей страны, мне было увлекательно работать с этим текстом».

7. Посредством указания на ценность, значимость и уникальность произведения. Здесь преобладали лексемы «уникальный», «прорывной», «важный», «ценный», «фундаментальный», «знаковый», «энциклопедия жизни», «(самая настоящая) инновация», а также конструкции «показался (мне) ярким/необычным», «одно из ценнейших произведений», «(огромное) достоинство (чего) заключается (в чем)», «книга (очень) важна», «поднимает такие важные вопросы, как», «ее значение достаточно высоко», «производит положительное впечатление»:

«На мой взгляд, “Юности честное зерцало” – это уникальное произведение»; «Данное произведение справедливо можно назвать “энциклопедией” жизни человека 18 века»; «Этот сборник довольно прорывное произведение для тогдашнего общества»; «“Юности честное зерцало” — это ценный исторический памятник, даже можно сказать, одно из первых и немногих пособий по этикету, которое следовало бы считать самой настоящей инновацией для петровской эпохи»; «Этот памятник показался мне очень ярким и необычным. Наверное, я бы назвала его одним из ценнейших произведений русской литературы, потому что в этих серьезных и искренних, до наивности, советах отражены неповторимые черты эпохи»; «Огромное достоинство данного “пособия”, по моему мнению, заключается в том, что благодаря четко сформулированному и строгому перечню правил поведения было воспитано несколько поколений достойных российских дворян»; «Эта книга очень важна, поскольку в ней содержатся именно те фундаментальные истины, которых нам сейчас очень не хватает в современном мире»; «Авторы книги поднимают такие важные вопросы, как формирование мировоззрения, ценностей, взаимоотношений с окружающими и развитие личности»; «Произведение производит положительное впечатление и без преувеличения может считаться фундаментальным и знаковым в русской литературе. Это книга о том, что касается каждого, и оттого ее значение достаточно высоко».

8. Посредством выражения согласия, солидарности с автором произведения с помощью конструкций «(я) согласен/согласна с...», «(я) поддерживаю (что)», «(я) считаю (что) (абсолютно) верным», «(я) солидарен/солидарна с автором (в чем)», «(я) (охотно) соглашаюсь (с чем)»:

«С этим я полностью согласна, это важно и в наши дни»; «Я согласна со многими правилами поведения, ведь они применительны и к современным реалиям»; «Я согласна с некоторыми советами молодым отрокам»; «Три сотни лет спустя я поддерживаю все эти положения, несмотря на то, что живу в век свободных взглядов, эмансипации женщин и светского мышления»; «В этом я солидарна с автором»; «Я поддерживаю позицию, что “прямой (суций) благочестный кавалер” должен быть “смирен, приветлив и учтив”»; «Я считаю следующее высказывание абсолютно верным»; «Я согласна с тем, что необходимо быть трудолюбивым, так как труд облагораживает человека, закаляет его характер»; «Чаще всего я охотно соглашалась с его, произведения, идеями и словами, мыслями, действительно похожими на мои, хотя до знакомства вряд ли думала о такой степени отклика».

9. Посредством характеристики стиля изложения, композиции, языковых единиц. В этом случае использовались лексемы «выразительный», «образный», «потрясающий», «простонародный», «поразительны», «кладезь (чего)», «завораживают», а также конструкции «заслугой автора является (что)», «покорил(-и) меня (чем)», «интересно рассматривать (что)», «(произведение) богато (чем)», «хочется внимать (чему)»:

«Заслугой авторов книги является стиль изложения: выразительный и образный, но при том простонародный. Благодаря этому даже современному читателю достаточно просто воспринимать слог авторов и открывается возможность для переноса правил в нашу жизнь»; «“Юности честное зерцало” также интересно рассматривать в лингвистическом аспекте. Это произведение богато историзмами (“челядинцы”, “дворянин”, “остроги”, “шляхтич” и т.д) и архаизмами (“око”, “наипаче”, “зело”, “оныи”, “искони”, “чужеложство” и т.д), благодаря которым мы наглядно видим живой язык того времени, а также отмечаем его отличие от современного русского языка»; «С точки зрения лексикологии “Зерцало” – кладезь устаревших слов, а именно разных типов историзмов (“шляхтич”, “остроги”, “слуга”, “челядин” и т.д) и архаизмов (“в езерциции”, “персты”, “младой”, “пригожо” и т.д.); «Сравнения поразительны в своей хлесткости: “яко ленивый осел”, “яко бы в трубу трубит”, “яко стерва”»; «Не могу не сказать о том, что слог произведения, интонация воспитания, покорили меня, как и потрясающий язык в пособии – наверное, за счет его высокого стиля советы воспринимаются не как нотация, а как бережное поучение, которому хочется внимать»; «Пособие по воспитанию дворянской молодежи мне понравилось, потому что слог и лексика завораживают, а содержание интересно для изучения и с точки зрения истории, и с точки зрения применимости в современном мире».

10. Посредством выражения сожаления о том, что раньше автор отзыва не был знаком с этим памятником и что некоторые правила утратили свою актуальность в современных условиях. Здесь преобладали конструкции «к сожалению», «мне очень/несколько жаль, что», «меня (искренне) огорчает тот факт, что»:

«К сожалению, в школе не разбирают данное произведение подробно, поэтому я прочла его лишь сейчас, на первом курсе»; «Читая главы, связанные с воспитанием юношей, мне было даже несколько жаль, что в наши времена ряд правил устарел и никак не применяется в воспитании мужчин»; «Меня искренне огорчает тот факт, что я узнал о нем лишь в восемнадцать лет на первом курсе института. Я уверен, что многое в моей жизни сложилось бы иначе, знай я о многих представленных здесь правилах».

11. Посредством положительного прогноза на будущее (что произойдет с человеком, если он будет следовать этим правилам). В этом случае использовались конструкции со значением условия «если..., то...», в структуру которых включались глаголы в будущем времени («вырастут», «станут», «поменяются») и прилагательные «добрый», «добрее», «благородный», «воспитанный»:

«Если в настоящее время действительно следовать этим нормам, мы увидим, как поменяется наше общество: люди станут добрее не только к ближним, но и к незнакомым»; «Но если воспитать в себе вежливого человека, научиться делиться радостью с людьми, здороваться с ними или хотя бы улыбаться, это может спасти многих от уныния или разочарования»; «На мой взгляд, если молодые люди будут читать данную книгу и следовать ее положениям, то вырастут благородными и воспитанными».

12. Посредством выражения рекомендации, совета непременно познакомиться с памятником, пожелания включить данное произведение в список литературы, обязательной для изучения в школе (вузе). Здесь употреблялись конструкции «включить в список», «литература, обязательная для изучения», «советую/посоветовал(-а) бы прочитать (кому)», «будет полезно (кому)», «хотелось бы видеть в программе курса», «рассматривать на уроках по внеклассному чтению»:

«Я бы включила “Юности честное зеркало” в список обязательной для изучения литературы. Возможно, современному обществу не хватает такой книги, которой уделялось бы должное внимание. Людям стоит прививать нужные в обществе навыки и умения, нужно направлять их в сторону хороших и правильных вещей»; «Я бы посоветовала его читать молодому поколению для того, чтобы не забывать о правилах поведения в обществе»; «Подобное собрание правил этикета будет полезно будущим родителям, которые хотят понять, что им необходимо сделать, на что обращать внимание, чтобы их ребенок вырос воспитанным человеком»; «Мне хотелось бы видеть “Юности честное зеркало” в программе школьного курса литературы. Может быть,

это помогло бы решить проблему невоспитанности молодого поколения»; «Пожалуй, неплохо было бы рассматривать это произведение в школах на уроках по внеклассному чтению, чтобы показать, насколько необходимо соблюдать моральные, социальные и этикетные нормы в обществе. Успех в работе, общении с людьми во многом зависит от образования человека и его умения держать себя на публике».

В большинстве случаев в отзывах студентов наблюдалась комбинаторика положительного-оценочных конструкций, представленных выше, в структуре одного предложения или нескольких предложений (микротекста). Например:

«Интересными мне показались правила 55–59 не только потому, что они подняли мне настроение, но и потому, что они действительно актуальны»; «В целом произведение произвело на меня сильное впечатление не только из-за его содержания, но и истории, цели создания. Считается, что именно благодаря ему были сформулированы правила этикета, которые не теряют своей актуальности. Более того я нахожу этот учебник полезным не только для дворянских детей, но и для современного поколения».

Таким образом, мы видим, что правила этикета, изложенные в книге «Юности честное зеркало», не утратили своей значимости в современном мире, они положительно оцениваются молодежью, обладают большим воспитательным потенциалом. Можно с уверенностью сказать, что эта книга представляет собой не застывший памятник культуры прошлого, а живой источник, к которому восходят современные правила хорошего тона и который продолжает оставаться актуальным и интересным в исследовательском плане. «Прошлое представляет интерес для культуры только тогда, когда оно по-прежнему является настоящим или может еще стать будущим» [Сепир 1993, с. 485]. «Юности честное зеркало» – это убедительный пример такого прошлого.

Литература

1. Бормотов И. В. Обоснование формирования механизма ценностей современной российской молодежи // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 9–13.
2. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 1996. С. 166–205.
3. Кенжебалина Г. Н. Лингвопрагматика. Павлодар: Павлодарский государственный университет. им. С. Торайгырова, 2012. 122 с.
4. Культурология: Учеб. для студ. техн. вузов / Колл. авт.; Под ред. Н. Г. Багдасарьян. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2001. 511 с.
5. Курочкина И. Н. Этикет как социальное явление и его значение в педагогической деятельности / И. Н. Курочкина. М.: Экон-информ, 2012. 147 с.
6. Курочкина И. Н. Развитие коммуникативной компетентности педагога посредством овладения современным этикетом / И. Н. Курочкина // Мир науки, культуры, образования. 2014. 2 (45). С. 108–111.

7. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. Л., 1973. 254 с.
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. 656 с.
9. Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению [репринт. изд. с факсим. изд. 1978 г.]. М., 1990. 88 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ДОНЧАНИНА В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Панчехина М. Н. (Донецк, Россия)

***Аннотация.** В статье рассматривается структура лингвокультурной идентичности дончанина, описываются ее основные компоненты: когнитивный, аксиологический, деятельностный и эмоциональный. Ценностные аспекты языковой личности дончанина рассматриваются как элементы коллективного регионального сознания.*

***Abstract.** The article deals with the structure of Donetsk citizens linguocultural identity. There have been described its main components: cognitive, axiological, activity and emotional. The value aspects of the linguistic identity of Donetsk citizens are considered as the collective regional consciousness elements.*

***Ключевые слова:** лингвокультурная идентичность, языковая личность, региональная языковая личность, когнитивный компонент, аксиологический компонент, деятельностный компонент, эмоциональный компонент.*

***Keywords:** linguocultural identity, linguistic personality, regional linguistic personality, cognitive component, axiological component, activity component, emotional component.*

Лингвокультурная идентичность представляет собой одно из ключевых понятий современной лингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, регионоведения и ряда смежных дисциплин. Лингвокультурная идентичность предопределяется как внутренними, так и внешними факторами, при этом, как отмечает В.В. Красных, «внутренние факторы соотносятся с этнической и культурной самоидентификацией личности. Внешние факторы самым непосредственным образом связаны с лингвокультурным окружением личности и, в частности, с лингвокультурой как таковой» [Красных, 2017, с. 11].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы описать структуру лингвокультурной идентичности дончанина в контексте аксиологического аспекта речи.

Языковая коммуникация жителей донецкого региона рассмотрена в коллективной монографии под редакцией В.И. Теркулова «Донецкий

региолект» [Теркулов, 2018]. При этом ценностные аспекты языковой личности дончанина рассматриваются как элементы коллективного регионального сознания, которые отразились на всех уровнях языка: в его фонетике, лексике, словообразовании, синтаксисе.

Описание структуры лингвокультурной идентичности дончанина, предлагаемое в данной статье, позволит определить роль оценочных высказываний обозначит параметры речевой коммуникации дончан в рамках их ценностных предпочтений, а также будет способствовать широкой интерпретации жаргонизации и вульгаризации языка как лингвокультурных маркеров рассматриваемого региона.

Лингвокультурная идентичность дончанина связана с региональным языковым сознанием, региональной языковой картиной мира, а значит, она апеллирует к описанию региональной языковой личности как «индивидуальной самости и включенности индивида в региональный социум» [Еремина, 2012, с. 277]. Мы выделяем следующие аспекты описания структуры лингвокультурной идентичности: *когнитивный компонент, аксиологический компонент, деятельностный и эмоциональный.*

Когнитивный компонент основывается на знаниях и представлениях о неком региональном сообществе, которые основываются на представлениях о признаках данного социума. Прежде всего, это информация о географических условиях проживания, территориальной принадлежности, исторические и культурные факты о регионе и о жителях, проживающих здесь.

Когнитивный компонент в структуре лингвокультурной идентичности дончан по своему наполнению является вариативным, что связано с современной геополитической обстановкой. Так, например, в сети широко распространены фотографии с паспортами, которые сменил житель Донбасса, не выезжая из региона: паспорт гражданина СССР, паспорт гражданина Украины, паспорт гражданина ДНР и паспорт гражданина РФ. Поэтому и идентификация людей, проживающих на данной территории, является затруднительной. Это жители новых регионов / новых старых регионов / Новороссии / исторических земель России / бывшего юго-востока Украины. Каждая из представленных номинаций заслуживает отдельного описания, однако уже этот небольшой перечень демонстрирует, что когнитивный компонент позволяет не только соотнести жителей региона с историей, культурой, политикой страны, но и позволяет назвать их «русскими» или «украинцами» («хохлами»). Здесь происходит глубинное разграничение между «своими» и «чужими», где «свое» имеет положительную оценку как родное, материнское, противопоставленное «чужому», враждебному. Это касается языка, культуры и лингвокультуры в целом. Важно, что идентификация дончан извне и самоидентификация жителей могут различаться: «Я из / с Донецка» – фраза, которая подчеркивает, что для дончан малая родина оказывается безусловной доминантой в языковой картине мира, способом самоидентификации, при котором «Донбасс»

Раздел 2.

осмысляется как некое макропространство, в результате чего происходит расширение трактовки лексического значения слова. Ср.: «*Весь мир Донбасс и люди в нем шахтеры*».

Когнитивный компонент реализует субъективное начало, он отражает, во-первых, уровень осведомленности говорящего в сфере геополитики, истории, во-вторых, демонстрирует, с кем говорящий *желает* соотносить тот или иной социум.

Аксиологический компонент лингвокультурной идентичности дончан основывается на определении тех явлений, которые представляют *ценность* для регионального сообщества и для конкретного индивида, соотносящего себя с данным сообществом. Для этого необходима *оценка* той или иной ситуации, ее описание в языке, установление места и значимости в картине мира. Повидимому, одной из известнейших аксиологических установок, дающих ответ на вопрос о том, что такое Донбасс для жителей региона, можно считать высказывание из стихотворения Владимира Мощенко: «*Не Украина и не Русь, боюсь, Донбасс, тебя боюсь*». Субъективность, оценочность, эмоциональность приводят к олицетворению *образа региона*, который воспринимается персонифицировано и, вероятно, является *ядром аксиологической системы патриотов шахтерского края*.

В качестве лексики с оценочной семантикой широко используются катойконимы. Например: *Донецкие – уехали, дончане – остались*. *Донецкие* – катойконим с негативной окраской, в данном контексте он используется для обозначения группы людей, которые уехали из города из-за обстрелов, то есть буквально бросили город (ср. также: *понауехавшие*). Наоборот, *дончане* – истинные патриоты, которые остались жить на своей родной земле и мужественно переносят тяготы и лишения военного времени.

На наш взгляд, к сфере аксиологии относятся и те мифологемы / лингвокультуремы / концепты, которые широко используются в поэзии, посвященной данному региону. *Уголь, шахта, террикон, завод* и другие лексемы, объединенные тематикой тяжелой промышленности, часто используются в стихотворениях о Донбассе:

Горняки. Их наружности. Сны. Их смерти.
Их тела, захороненные повторно
между эхом обвалов. Бригады в клетях
едут ниже обычного, где отторгнут
камень от имени, в тех забоях
каракатичных их не видать за мглюю.
Кладбища, где подростки в Пасху
гоняют на мотоциклетах в касках,
а под касками – уголь, уголь...

(А. Парщиков. Угольная элегия)

Ценностная установка способствует тому, что лексема *уголь* интерпретируется расширительно и дополняется экстралингвистическими оттенками: это уже не только и не столько полезное ископаемое, сколько настоящий метасимвол региона, отсюда эквивалентные наименования типа «*черный хлеб*», «*хлебушек*», «*черное золото*».

Аксиологическое значение приобретает и местный рабочий фольклор, связанный с угольными шахтами. В стихотворении Ольги Старушко описывается *Шубин* – он покровительствует шахтерам и предупреждает о возможных авариях, являясь духом горных выработок.

Добрый Шубин – только к шахтарям,
чья работа въелась в заусенцы:
к сыновьям земли и дочерям,
ныне – ополченкам, ополченцам.

В метр ростом, обушок, фонарь –
он заглянет в самый дальний угол,
чтобы жизнь беречь, как было встарь,
но в глазницах полыхает уголь...

(О. Старушко. Шубин)

Как видим, в представленных художественных текстах происходит *аксиологическая концептуализация*, которая способствует расширительной трактовке семантики лексемы «уголь» и других лексем, связанных с ней тематически. Частотное обращение поэтов и писателей к данным языковым единицам позволяет установить *ценностные предпочтения*, характерные для языковой картины мира художника слова, пишущего о Донбассе.

Итак, *аксиологический компонент* лингвокультурной идентичности дончанина определяет ценности и нормы (в том числе – языковые), характерные для данного региона в определенный исторический промежуток.

Деятельностный компонент лингвокультурной идентичности основывается на том, как ведет себя субъект по отношению к своему региону. Для патриотически настроенных дончан характерен созидательный тип поведения, который проявляется в прославлении своего места жительства. Например: создаются линейки одежды с надписью «Донбасс», «Донецк», выпускается сувенирная, кондитерская продукция – конфеты «Сердце Донбасса», «Дончанка», широко известные за пределами региона.

Эмоциональный компонент. В настоящее время происходит активное формирование эмоционального компонента лингвокультурной идентичности дончанина. Это связано с функционированием военной лексики в данном регионе, которая образует так называемый *язык войны*. Приведем лишь некоторые примеры. Так, в местной речи глагол «*стрелять*» имеет огромное количество синонимов, различающихся оттенками значений в зависимости от интенсивности: *жахать*, *бахать*, *бахкать*, *шандарахнуть*, *вжарить*, *ударить*, *поддать*, *отминусовать*, *лупануть*, *всадить*, *гахнуть* и т.д.

Раздел 2.

Система военной лексики, функционирующая на территории Донбасса, демонстрирует отношение носителей языка к ситуации в регионе, поэтому, разумеется, эмоциональный компонент является главенствующим: без него невозможно описать то, что происходит за окном.

Двухсотый день зимы.

Мороз и артналет.

Сегодня принимает

Пролетарка.

И сквозь огонь и лед

счастливый звездочет

несет в вертеп пакет

с гуманитаркой.

Открылся райский сад

для кошек и детей.

Над городом сгустились

беспилоты.

Какой донецкий марш

(послушай, Амадей)

разучивают в парке

минометы...

(Д. Трибушный. Двухсотый день зимы)

Итак, структура лингвокультурной идентичности дончанина базируется на взаимодействии когнитивного, аксиологического, деятельностного и эмоционального компонентов. Они не существуют в отрыве друг от друга: напротив, взаимодействуя, данные компоненты организуют структуру как сложное целое. Лингвокультурная идентичность дончанина вмещает в себя языковую картину мира и уникальные региолектные особенности, создающие уникальный колорит Донбасса. Аксиологический аспект является определяющим: он обуславливает выбор языковых и поведенческих особенностей, определяет модели языкового поведения и организует систему ценностей носителей языка в данном регионе.

Литература

1. Еремина Е. В. Понятие региональной идентичности и специфика ее формирования в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 5. С. 276–287.
2. Красных В. В. Лингвокультурная идентичность Homo Loquens // Мир русского слова. 2017. № 4. С. 11–15.
3. Донецкий региолект: монография / под ред. В. И. Теркулова. Донецк: Фолиант, 2018. 265 с.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА «ПРИРАСТАТЬ СИБИРЬЮ»

Паришина О. Д. (Тольятти, Россия)

Аннотация. В статье описаны особенности семантики и функционирования precedentного феномена «прирастать Сибирью». Установлено, что его аксиологические особенности обусловлены происхождением от известной цитаты М. В. Ломоносова и проявляются в способности выражать ценности территории/пространства. В сильных текстовых позициях ПФ используется для создания языковой игры, которая заключается в замене компонента «Сибирь» на имена существительные собственные и нарицательные.

Abstract. The article describes the features of the semantics and functioning of the precedent phenomenon “grow with Siberia”. It has been established that its axiological features are due to its origin from the famous quote by M.V. Lomonosov and are manifested in the ability to express the values of the territory/space. In strong text positions, PF is used to create a language game, which consists of replacing the Siberia component with proper and common nouns.

Ключевые слова: прирастать Сибирью, провинция, золотое сечение, аксиология, оценка.

Keywords: grow with Siberia, province, golden ratio, axiology, assessment.

Изучение аксиологии пространства можно считать одним из активно развивающихся направлений современных лингвистических исследований. В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин отмечают, что ценности, являясь высшими ориентирами поведения, определяющими смысл бытия, можно рассматривать как концентрированное выражение культуры. Ценности не только определяют отношение субъектов к реальности, но и выступают в качестве индикаторов типов личности [Карасик, Слышкин, 2024, с. 6].

По мнению Е. Ф. Серебренниковой, благодаря оценочности можно проследить картину мира как отдельного индивида, так и всего коллектива в целом, поскольку именно «оценочность определяет жизненный спектр человека от наполненной верой в свои силы креативности до инерционности или пассивности в условиях изменяемого им мира, в способах существования человека» [Серебренникова, 2011, с. 49].

В рамках аксиологического подхода в поле зрения исследователя попадают ценности и идеалы, определяющие не только восприятие окружающего пространства, но и модели и способы деятельности в нем. По Ю. Р. Гореловой, это «оказывает значительное влияние на процессы восприятия, оценки, прочтения и переживания как отдельных пространств» [Горелова, 2021, с. 16].

Исследования по изучению языковой репрезентации русской провинции и precedentных феноменов, с нею связанных, активно ведутся в рамках

самарской научной школы профессора Е. П. Иванян [Паршина, Осипова, 2023, с. 139–140].

А. Ф. Белоусов отмечает, что «взгляд на локальность извне и изнутри – с точки зрения национальной и местной культуры – позволяет всесторонне оценить ее значение» [Белоусов, 2004].

В рамках обозначенного подхода цель настоящей статьи – охарактеризовать аксиологические особенности прецедентного феномена (ПФ) *прирастать Сибирью*. Для достижения поставленной цели необходимо 1) охарактеризовать инвариантную семантику и базовый ценностный компонент ПФ; 2) выявить особенности актуализации ценностей пространства/территории; 3) обозначить механизмы игровой трансформации (культурного перекодирования) ПФ с последующим возникновением вторичных ассоциативно-культурных ценностных значений [Чемезова, Варенцова, 2022, с. 199].

Языковой материал для исследования был получен путем сплошной выборки из поисковых систем «Гугл», «Яндекс», а также в электронной базе данных East View. Анализу были подвергнуты 452 примера функционирования ПФ *прирастать Сибирью*. Источник ПФ *прирастать Сибирью* – цитата из письма М. В. Ломоносова «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». Ученный завершает это письмо следующими словами: «*российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке*» [Ломоносов, 1952, с. 498].

Поясним, почему в качестве ПФ рассматривается именно сочетание *прирастать Сибирью*. Исходный прецедентный текст *российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном* в процессе функционирования подвергается разным трансформациям, однако неизменным остается семантический центр ПФ (*будет*) *прирастать Сибирью*, что может быть обусловлено так называемой зоной золотого сечения.

В современной лингвистике золотое сечение используется достаточно часто при анализе текстов различных типов. С опорой на константу золотого сечения 1,618 Л. В. Калашникова определяет семантический центр поэтических произведений Л. Кэролла [Калашникова, 2021, с. 100]. Поэтические тексты акмеизма по принципу золотого сечения анализирует Н. Е. Мусинова [Мусинова, 2009, с. 75–76]. Именно золотое сечение обеспечивает самоорганизацию структуры текста, по М. В. Щербаковой и Е. В. Головиной [Щербакова, Головина, 2017, с. 155–159].

Определим с помощью числа золотого сечения 1,618 семантический центр прецедентного текста *российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном*. Для этого разделим 6 компонентов ПТ на 1,618 и получим 3,7. То есть семантический центр прецедентного феномена смещен в зону четвертого предиката (*будет*) *прирастать* и объектива *Сибирью*.

Аксиология ПФ *прирастать Сибирью* представлена следующими инвариантными смыслами:

1) глаголом *прирастать*, представленным в переносном значении ‘увеличиваться в количестве, множиться’ [БАСРЯ, 2012, с. 420];

2) топонимом *Сибирь* как образом бескрайнего далекого пространства с ценными ресурсами. И. В. Зыкова предприняла попытку определить лексикографическое значение топонима *Сибирь* на основании анализа статей в «Лингвострановедческом словаре «Россия» (2014–2020). Также исследовательница провела свободный и направленный ассоциативный эксперимент и выявила два ассоциативных поля: «безразмерный край с ценными ресурсами» и «далекий холодный край» [Зыкова, 2021, с. 14].

Помимо этого происходит апелляция к личности М. В. Ломоносова, имя которого для представителей русской лингвокультуры само является прецедентным и символизирует ценность научного и творческого гения выходца из простого народа.

В качестве субъекта при ПФ *прирастать Сибирью* могут выступать топонимы: хороним *Россия* – 196 примеров, другие топонимы – 33 примера.

Распределение по десятилетиями рубежа XX–XXI веков представлено в синоптической таблице 1.

Таблица 1. Частотность топонимов при ПФ *прирастать Сибирью*

Период рубежа XX–XXI веков	Топоним, выполняющий функцию субъекта при ПФ <i>прирастать Сибирью</i> (с указанием частотности в порядке убывания)	Количество ед. (%)
1990–1999 гг.	<i>Россия</i> (9), <i>Европа</i> (2), <i>Белоруссия</i> (1), <i>Китай</i> (1)	13 (5%)
2000–2009 гг.	<i>Россия</i> (137), <i>Москва</i> (7), <i>Америка</i> (5), <i>Китай</i> (3), <i>Север</i> (1), <i>Кубань</i> (1), <i>Чечня</i> (1), <i>Татарстан</i> (1), <i>Киргизия</i> (1), <i>Пермь</i> (1), <i>Сочи</i> (1), <i>Клин</i> (1), <i>Индия</i> (1)	161 (65%)
2010–2019 гг.	<i>Россия</i> (42), <i>Беларусь</i> (1), <i>Москва</i> (1), <i>Красноярский край</i> (1)	45 (18%)
2020–2023 гг.	<i>Россия</i> (28), <i>Донбас</i> (1), <i>Китай</i> (1)	30 (12%)

Как можно видеть, в таблице представлены и хоронимы – наименования зарубежных государств и территорий: *Европа*, *Белоруссия* (*Беларусь*), *Китай*, *Америка*, *Индия*, *Киргизия*, так и наименования регионов, республик и областей в составе Российской Федерации: *Север*, *Кубань*, *Чечня*, *Татарстан*, *Красноярский край*, *Донбас*. Помимо этого выявлены астионимы *Москва*, *Пермь*, *Сочи*, *Клин*. Само по себе распределение по десятилетиям можно считать достаточно показательным для отображения тех политических, экономических и культурных процессов, которые были актуальны в тот или иной период в жизни нашего государства.

Раздел 2.

В соответствии с типологией ценностей, предложенной Ю. Г. Вешнинским ПФ *прирастать Сибирью* в пространственном отношении выражает следующие ценности [Вешнинский, 2005, с. 227]. Заметим, что «ценностные ориентации человека могут определяться системой ценностей и норм как стандартом для определения аксиологической значимости явления» [Мельничук, 2017, с. 16–17]:

Прецедентные феномены аккумулируют в себе культурную и историческую память народа. По сути они могут быть рассмотрены как элементы, формирующие лингвокультурную общность носителей языка [Паршина, 2024, с. 10].

ПФ *прирастать Сибирью* может выражать следующие типы ценностей территории (по Ю. Г. Вешнинскому):

1) историко-культурные ценности: *«Казаки издревле – защитники Отечества. Россия прирастала Сибирью, благодаря им. Из него вышли видные ученые, писатели, художники»* (Военный вестник Юга России. 01.11.1999);

2) социально-страгификационные ценности: *«Возглавлял сборную России кемеровчанин Василий Абрамов. Не ошибался, выходит, Михайло Ломоносов, когда говорил о том, что Россия будет прирастать Сибирью... Давно вызрела жизнью продиктованная идея назначать старшими тренерами юношеских сборных страны не только московских, но и периферийных специалистов»* (Труд. 01.02.2000);

3) научно-когнитивные ценности: *«В такой же прогрессии находилось и «воспроизводство» российских ученых и изобретателей. Для того, чтобы этот процесс выровнялся и Россия стала «прирастать Сибирью», понадобилось много усилий всей державы»* (Молодая гвардия. 01.05.2000);

4) государственно-политические ценности: *«Но я твердо верю, что Иркутская область станет одной из доминирующих территорий и с нашего края начнет сбываться ломоносовское провидение о том, что Россия будет прирастать Сибирью»* (Парламентская газета. 20.05.2000);

5) экономические ценности: *«Все слухи о гибели этой гигантской магистрали [БАМ] явно преувеличены, подчеркнул Григорий Иосифович. Она живет и будет жить, подтверждая предвидение М. Ломоносова о том, что «Россия будет прирастать Сибирью»* (Суворовский натиск. 10.08.2000);

6) этические ценности: *«Будет ли Россия прирастать Сибирью? Теперь при слове «Сибирь» мне видится не школьная карта на стене, а нечто живое, одухотворенное, до боли близкое и родное»* (Кубанские новости. 26.08.2003);

7) этнические ценности: *«Россия ... прирастала Сибирью, собирая под своим крылом разные народы и земли на Востоке. Накоплен многовековой опыт гармоничного сосуществования в лоне одного государства различных народов, этнических групп и вероисповеданий»* (Военно-стратегический анализ. 30.06.2017).

Игровой трансформации ПФ подвергается в сильных текстовых позициях заголовка и/или начального предложения текста. Языковая игра в этом случае

строится на замене компонента *Сибирь*. Например, в заголовке осуществлена замена на астионим *Петербург*. Далее в тексте представлен прецедентный текст:

«Книжная Россия прирастает Петербургом

У Петербурга мощный потенциал для дальнейшего развития книготорговой и книгоиздательской сети. Конечно, мы не забываем о том, что могущество России, в том числе и книжное, будет прирастать Сибирью, поэтому следующий крупный форум РКС планируем провести осенью в Новосибирске» (Российская газета. 13.07.2005).

Замена нарицательным именем существительным *аквапарк* представлена в следующем примере:

«Москва прирастает аквапарками

Аквапарк площадью около 6 тыс. кв. м с открытым бассейном на крыше появится в центре столицы, пишет «Интерфакс» (СРЕ.RU. 03.02.2020).

Подводя итоги, можно утверждать, что прецедентный феномен *прирастать Сибирью* является лингвокультуно значимым обозначением русской провинции. Мелиоративная оценка ПФ формируется на основе коннотативных компонентов: глагола *прирастать* и топонима *Сибирь*, а также апелляцией к личности выдающегося ученого М.В. Ломоносова. Особенности функционирования ПФ *прирастать Сибирью* обусловлены глагольной природой главного компонента словосочетания. В качестве субъекта при ПФ выступают топонимические номинации. В этой сочетаемости отражаются особенности политической, экономической и культурной жизни государства то или иное десятилетнее рубежа XX–XXI веков. Аксиологические особенности ПФ проявляются в способности актуализировать в контексте ценности, присущие территории государства.

Литература

1. БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2012. Т.20. 732 с.
2. Белоусов А. Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) // Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты [Электронный ресурс]. М.: Языки славянской культуры, 2004. 673 с. URL: <https://rucont.ru/efd/175209> (дата обращения: 11.09.2024).
3. Вешнинский Ю. Г. Аксиология культурного пространства-времени (в границах постсоветского культурного пространства) // Мир психологии. 2005. № 4 (44). С. 226–236.
4. Горелова Ю. Р. Аксиология городской культуры: категория «прекрасное» в оценке городских пространств современными горожанами // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 2(31). С. 16–24.

5. Зыкова И. В. Топоним СИБИРЬ в языковом сознании русских // Культура общения и ее формирование: Межвузовский сборник научных трудов. Продолжающееся научное издание / Под редакцией И. А. Стернина. Том Выпуск 37. Воронеж: Издательство «Ритм», 2021. С. 10–17.
6. Калашникова Л. В. В поисках смысла. Исследование произведений-нонсенсов с применением правила золотого сечения // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 2(41). С. 96–104.
7. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Престиж как индикатор ценностей в языковом сознании // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2024. Т. 21. № 3. С. 5–12.
8. Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. Т. 6: Труды русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 417–498. URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo6/lo6-417-.htm> (дата обращения: 12.09.2024).
9. Мельничук В. А. Аксиологическая динамика русской лексики (конец XVIII – начало XXI в.) : автореферат дис. канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2017.
10. Мусинова Н. Е. Принцип «Золотого сечения» в поэзии акмеизма // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 5 (17). С. 75–76.
11. Паршина О. Д. Прецедентный феномен в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов как лингвокультурно значимое обозначение провинции // Русская речь. 2024. № 3. С. 7–19.
12. Паршина О. Д., Осипова Н. Д. Методологический семинар «Современные вопросы русистики» научной школы «Динамические процессы в семантике и грамматике» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 3(50). С. 138–145.
13. Серебrenникова Е. Ф. Этносемиотрия как способ лингвистического аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллектив. моногр. / Е. Ф. Серебrenникова, Н. П. Антипов, Ю. А. Ладыгин [и др.]. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. С. 49–76.
14. Чемезова И. А., Варенцова Д. А. Классические прецедентные тексты в интернет-фольклоре молодежи: аксиологический аспект // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 1. С. 195–206.
15. Щербакова М. В., Головина Е. В. Пропорция золотого сечения как основа самоорганизующейся структуры текста // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2017. Т. 2. № 4. С. 157–160.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБРАЗА
ЖЕНЩИНЫ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО ТЕЛЕМАГАЗИНА

Семенова Ю. В. (Москва, Россия)

Аннотация. Рассматриваются аргументативный и когнитивный аспекты рекламного дискурса. На основе анализа речи ведущих ювелирного телемагазина производится реконструкция фрагмента современного русского языкового сознания – образа женщины. Показаны аксиологические основания, служащие основой формирования указанного образа. Выявлен ряд характеристик образа женщины в современном рекламном дискурсе, в соответствии с которым установлены «женские» ценности современной русской лингвокультуры, в том числе: самостоятельность женщины и ее опора на себя; преимущество духовного над телесным; оптимизм; семья как способ социальной реализации.

Abstract. Advertising discourse in its argumentative and cognitive aspects is examined. Image of woman as a fragment of contemporary Russian linguistic consciousness is reconstructed based on the analysis of TV-shop hosts' speech. Axiological basis of the image formation is shown. A number of features of the female image in modern advertising discourse is revealed. In accordance with the features released women's modern Russian linguacultural values are identified, such as woman's autonomy and self-reliance, superiority of the spiritual over material, optimism, family as a way of social realization.

Ключевые слова: аргументация, рекламный дискурс, языковая картина мира, когнитивная лингвистика.

Keywords: argumentation, advertising discourse, linguistic worldview, cognitive linguistics.

Лингвистический анализ дискурса и реконструкция на основе полученных данных языковой картины мира неизбежно подводит к вопросу о ее ценностных основаниях. Целью данной работы является реконструкция небольшого фрагмента современной русскоязычной картины мира – образа женщины в рекламном дискурсе (на основе анализа речи ведущих ювелирного телемагазина) и выявление ценностей, лежащих в основе данного образа. Актуальность темы обусловлена малой изученностью когнитивных аспектов современного российского рекламного дискурса, а также недостаточной разработанностью методики выделения ценностных ориентиров и их дискурсивно-образующих функций. Использовались следующие методы исследования: квантитативные методы, контент-анализ, стилистический анализ текста, реконструкция образа человека по данным языка [Апресян 1995] и миропорождающий анализ текста [Ревзина, 1998, 308–315]. Материалом исследования послужили записи монологов ведущих круглосуточного

ТВ-канала «Ювелирочка», предлагающего к покупке женские украшения из драгоценных металлов и камней; материал отобран методом сплошной выборки. Рассмотрены три монолога трех разных ведущих женского пола, два длительностью по 45 минут и один 15 минут.

Важнейшей характеристикой рекламного дискурса является его персуазивность – «способ воздействия адресанта на ментальную сферу реципиента (его мнения и оценки) с целью регулирования поведения реципиента в интересах адресанта» [Голоднов, 2011, с. 8]. Персуазивность реализуется путем применения различных стратегий. Принято выделять стратегии манипулятивные (воздействующие на эмоциональную сферу) и аргументативные (воздействующие на ментальную сферу) [там же, с. 59]. Оба вида стратегий находят свое выражение в языке рекламы. В данной работе рассматривается аргументативная составляющая рекламной персуазивности, которая анализируется с опорой на когнитивную теорию аргументации В. Н. Брюшинкина [Брюшинкин, 2009].

С когнитивной точки зрения аргументирование представляет собой взаимодействие картин мира (т.е. совокупности имеющихся представлений о мире) отправителя и адресата. Рекламное воздействие заключается в целенаправленной коррекции отправителем представляемой им картины мира адресата, т.е. внесении таких изменений в систему знаний и оценок реципиента, которые побудят его к покупке. Для этого в картине мира акцентируются отдельные элементы, которые отправитель считает наиболее ценными, значимыми для адресата. Например, женщине-зрителю сообщается, какие материальные и нематериальные преференции она получит в результате покупки. С стороны отправителя предлагаются такие «приобретения», которые максимально соответствуют идеалу, высшему стандарту актуального образа женщины. Таким образом, анализируя рекламные тексты ювелирного телемагазина, возможно реконструировать образ современной российской женщины и его аксиологические основания.

Анализ речи ведущих выявил следующие характеристики образа женщины:

1. Телесная структура. Снижена телесность: несмотря на то, что тематика сообщений связана с ювелирными изделиями, в них нет ни одного упоминания лица, ушей, шеи, пальцев, рук. Представлены единичные обозначения органов, частей и свойств тела: *глаза / глазки, запястье, тело, сердце, стройная*. Также используются словосочетания с тенденцией к непрямому, отстраненному описанию тела: (*высокая*) *прическа* (метонимия при обозначении волос), *зона декольте* (метонимия, область груди называется по названию выреза платья), *организм* и *физическое состояние* (отсылка к медицинскому дискурсу), *утонченный облик* (литературно-художественный стиль). Столь «несущественная» телесная оболочка несет в себе огромное внутреннее содержание: *внутренняя сила / внутренние силы, стержень, внутренняя энергия, внутренняя магия, добра внутри, женщина наполнена*.

Отмечается необходимость для женщины *слушать себя, слушать свое сердце*. На оппозицию «снаружи / внутри» накладывается оппозиция «вверху / внизу»: *вечное космическое и нижняя чakra, корневая чakra и энергия, которую мы берем из земли*.

2. Личные качества и эмоции. Положительными личными качествами признается доброта (прилагательное *добрый* встречается 5 раз), также однократно упоминаются *кротость, женственность и привлекательность*. В рамках рекламного дискурса не представляется возможным объективно оценить статус эмоций, поскольку в коммуникативном отношении он направлен на создание положительных коннотаций, связанных с товаром – объектом рекламы. В речи ведущих зафиксированы единичные употребления слов, связанных с их эмоциональным состоянием: *рада, вдохновлена, удивлена*. Среди качественных прилагательных, используемых для описания достоинств товара, обращают на себя внимание частотные *яркий* и *роскошный*, а также использование прилагательных *вкусный* и *сочный* по отношению к товару или цене на товар (такое употребление отражает общезыковую тенденцию).

3. Цели, желания, стремления.

а) Тело с его содержимым противопоставлено внешнему миру, от которого исходит множество опасностей, от них необходимо защититься: *напасти, зло, негатив, всякие болезни, происки соперниц, злые помыслы и намерения, мысли чужих людей*. Интересно, что всему перечисленному женщина противопоставит в одиночку: *члены семьи и весь род* не только не помогают ей, но и сами требуют защиты *через женщину*. Кроме того, защищаться нужно и от *неуверенности в своих силах* (о важности *силы* см. далее).

б) Большая группа целей связана с нематериальными достижениями: *достичь духовных совершенств, просветления, стремление души достичь божественного совершенства, духовное пробуждение*.

в) Важно и материальное благополучие: *чтобы ваша корзиночка всегда была полна* (задействуется когнитивная метафора Вместилище, ср. с предшествующим описанием структуры тела); *чтобы ваш дом был всегда полной чашей добра* (та же метафора), *чтобы вы никогда ни в чем не нуждались; символ изобилия*.

г) Необходимо сохранять *здоровье; привлекать красоту и молодость; быть более женственной и привлекательной, а главное – быть счастливым здесь и сейчас* (в последнем случае отметим использование прилагательного в форме мужского рода с обобщенным значением). Ценными признаются украшения, которые *дарят свежесть / освежают / даруют свежесть чувств / помогают быть свеженькой*.

д) Важнейшим элементом образа женщины в современном рекламном дискурсе является многократно упоминаемая *Сила: оставаться сильными перед лицом невзгод и никогда не отказываться от своей мечты; защита от неуверенности в своих силах; сохранять жизненную силу; чувствовать*

внутреннюю силу; напоминание о силе стойкости и решимости; быть более сильной как женщина.

4. Социальная ситуация. Социальная роль женщины связана с семьей: *хранительница домашнего очага, жена, незамужняя / молодая девушка.* Упоминания других членов семьи единичны: *мать (я маме подарила), бабушка (бабушкины серьги-пятилистник); сын (мой сын... закончил православную школу); муж (оберег дает гармонию в отношениях с мужем; мужем Макоши был Сварог).* Никаких упоминаний работы или другой общественно-полезной деятельности нет; в идеале женщины *не обременены житейскими заботами и проблемами.* Они посвящают себя развлечениям (*вечернее платье хочется надеть; сделать вечернюю прическу; собрать прическу; к бархатному платью; если устали, не выспались после вечеринки*), им знакомы такие виды досуга как отдых на море (*солнце, море с бирюзовой водой*) и *костер в темные ночи, песни под гитару.* В свободное время они могут *почитать гороскоп для развлечения; умеют делиться своей внутренней магией и создавать теплую атмосферу.*

Неопределенность места в социальной иерархии отражается и в речи ведущих. С одной стороны, их речь имеет оттенок официально-делового стиля, всегда используется обращение на вы и нейтральные названия адресатов: *дорогие телезрители, друзья* (отметим отсутствие обращений в форме женского рода). Вместе с тем, часто используются уместные в неформальном регистре уменьшительные суффиксы (*подвесочка, изнаночка, вопросики*), а также слова сниженно-разговорного регистра: *в чем кайф; вы сами себя переплываετε* (оценивая работу коллеги).

5. Сферы знания. Когнитивный аспект рекламного дискурса выражается и в том, какие области, системы знаний задействуются в ходе общения, они составляют общее ментальное поле отправителя и адресата (т.е. в данном случае, *нас-женщин*). Можно выделить следующие системы:

а) Православная религия (*крестик освещен, подвеска освещена, все лоты освещены, изображен Иисус Христос, крест Спаси и сохрани* (название), *сегодня праздник Яблочный спас*).

б) Древнеславянское язычество (упоминаются языческие божества – *Макошь* (правильно – *Мокошь*), *Леля, Сварог, Велес*; предметы – *оберег, лельник, лунница*; активно используется отсылающая к церковно-славянской культуре лексика – *дарует, сулит, празднество, послушание, приношение, дарует*).

в) Индуистская религиозно-философская система (*чакры, просветление*).

г) Обширная группа профессионализмов ювелирного дела. Помимо десятков названий драгоценных камней, используются термины, касающиеся цвета (*огненный опал, турмалин параиба, опалесценция, цвет голубая кровь, фиолетово-зелено-бирюзовым ориент*) и формы (*жемчуг с широким / узким усечением, сферический жемчуг, барочный жемчуг*) камня; способа огранки (*октопо, бриолет, инкрустирован*) и составных частей ювелирного изделия

(*лапка, каменная зона, замочек-стоппер, крапановые узоры*); типа коллекции (*капсульная коллекция*); дизайнерского стиля (*Булгари*). Также встречаются описания технологических процессов изготовления украшений (*Есть специальное оборудование, и методом Вермеля, ну сейчас это уже не Вермель, методом Чохральского, да, вот, накручивается этот кристалл, растет этот кристалл, на затравках натурального камня*). В контексте рекламы, рассчитанной на широкого потребителя (по данным телеканала на 2021 год, его общемировая русскоязычная аудитория составляла более 140 миллионов человек), обилие ювелирных терминов приобретает черты «тайного языка», владение которым расценивается как знак принадлежности к группе посвященных.

6. Система табу. Вопросы табуирования активно изучаются лингвистикой, что отражено в статьях, посвященных табу в рекламе [Кочетова, 2014], [Владимирова, Данилова, 2021], кинофильмах [Газизов, Салимова, 2024] и в других видах дискурса. Табу входит в систему норм, представлений и верований общества, а значит, является частью аксиологического измерения дискурса [Кочетова 5]; «возникновение табу предопределяется особенностями системы ценностей» [Газизов 2860]. В данной работе рассматриваются вербальные коммуникативные тематические табу – «запретные темы», содержание которых восстанавливается по контексту и по использованию различных иносказаний. В ходе анализа выявлено две тематические группы, в отношении которых отмечается избегание прямого наименования.

а) Романтические и сексуальные отношения с мужчинами и деторождение. Возможность стать привлекательной для мужчин используется как мотив покупки рекламируемых украшений только один раз, а все описания отношений между полами тяготеют к обобщенно-абстрактным: *женщина счастлива, если она любит и любима; свежесть чувств и любви; найти свою любовь в этом мире; встретить свою судьбу* (вместо «встретить мужчину»); *помощь в любовных делах*. Возможность забеременеть и родить ребенка традиционно занимает важное место в рамках декларируемого «магического воздействия» драгоценных камней; упоминания такой ценности присутствуют, но всегда иносказательно: *символ плодородия* упоминается в контексте материального благополучия, а не деторождения; позитивный опыт коллег описывается с помощью словосочетания *детушки пошли* (вместо «родили детей»); встречаются положительные оценки способности *поддерживать силу природы, ее созидательность, умение порождать жизнь* (т.е. «женщина» обозначается метонимически, через «природу»); упоминается *плодовитость* (обычно это существительное используется при описании свойств животных и растений или в переносном значении).

б) Трудовая деятельность и деньги. Выше указывалось, что никаких сведений о трудовой деятельности женщины в данной рекламе нет. Прослеживается взаимосвязь этой особенности с принципами наименования денег и товарно-

денежных отношений. Слово «товар» не встречается, а всегда заменяется англоязычным заимствованием «лот». Слово «купить» / «покупайте» не встречается, а замещается словом «приобрести» (26 раз) и «забирать» (15 раз). На сегодняшний день употребление «забирайте» в значении «покупайте» является характерным для рекламного дискурса в целом, его можно отнести к разряду сознательных маркетинговых манипуляций. Вероятно, цель такого словоупотребления – показать несущественность возможных трат на товар. Однако при этом не учитывается негативная коннотация данного глагола в форме множественного числа повелительного наклонения: обратившись к Национальному корпусу русского языка [НКРЯ], можно обнаружить, что такая форма используется в контекстах типа «забирайте и уходите / уматывайте», «забирайте, у него белая горячка», «да забирайте вы», «давайте быстро забирайте» и т.д. Таким образом, в русском языковом сознании использование «забирайте» в контексте «покупайте выгодно и недорого» не является устоявшимся и порождает двусмысленность.

Итак, на основе лингвокогнитивного анализа русскоязычного рекламного дискурса современного телемагазина выделены следующие ценностные ориентиры, определяющие формирование образа женщины: самостоятельность женщины и ее опора на себя; превосходство духовного над телесным; позитивное мышление и оптимизм; доброта; материальное благополучие; семья как способ социальная самореализации. Через систему табу выражено отношение к таким ценностям как труд, деньги, материнство, любовь и отношения с мужчинами.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1. С. 37–67.
2. Брюшинкин В. Н. Когнитивный подход к аргументации // РАЦИО.ru. 2009. №2. С. 2–22.
3. Владимирова С. В., Данилова М. А. Коммуникативное табу в англо – и русскоязычной лингвокультурах // Гуманитарный научный вестник. 2021. №10. С. 105–110.
4. Газизов Р. А., Салимова Г. Н. Влияние ценностных ориентиров на формирование системы табу (на материале британского художественного фильма “Finding Your Feet”) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Выпуск 8.
5. Голоднов А. В. Риторический метадискурс: основания прагмалингвистического моделирования и социокультурной реализации: (на материале современного немецкого языка). Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб.: Астерион, 2011. 343 с.
6. Кочетова Л. А. Концептуализация и динамика табу в рекламном дискурсе // Язык и культура. Томск, 2014. №2 (26). С. 5–16.

7. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.09.2024).

8. Ревзина О. Г. Методы анализа художественного текста // Структура и семантика художественного текста. М., 1998. С. 301–316.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, СОДЕРЖАЩИЕ НАЗВАНИЯ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ, В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ РЕСПУБЛИКИ КОНГО

Тельнов Р. Е. (Москва, Россия)

Кумба С. Б. Татьяна (Браззавиль, Конго / Москва, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются пословицы, содержащие названия продуктов питания. Рассматриваются названия, продуцирующие общие иносказательные смыслы для русской и конголезской лингвокультур (хлеб/*lipa*; каша/*poto pote*; соль/*mungwa*; молоко/*miliki*; масло/*mafuta*); названия, представленные в обеих лингвокультурах, но продуцирующие разные смыслы (сыр/*fromtage*); названия, не фигурирующие в качестве названий продуктов питания в пословицах русской лингвокультуры (кость шимпанзе/*tokombosso*; курица/*soso*; салат/*salade*). Названия продуктов питания в аспекте их эквивалентности в разных лингвокультурах выстраиваются в иерархическую структуру, состоящую из трех уровней, отражающих как общие, так и отличающиеся ценности русской и конголезской лингвокультуры.

Abstract. The article discusses proverbs containing food names. The names producing common allegorical meanings for Russian and Congolese linguistic cultures are considered (bread / *lipa*; porridge / *poto pote*; salt / *mungwa*; milk / *miliki*; butter / *mafuta*); names presented in both linguistic cultures, but producing different meanings (cheese / *fromage*); names that do not appear as food names in the proverbs of Russian linguistic culture (chimpanzee bone / *mokombosso*; chicken / *soso*; salad / *salade*). Food names in terms of their equivalence in different linguistic cultures are arranged in a hierarchical structure consisting of three levels, reflecting both common and different values of Russian and Congolese linguistic cultures.

Ключевые слова: русская лингвокультура, конголезская лингвокультура, язык лингала, названия продуктов питания, гастрономическая картина мира.

Keywords: Russian linguoculture, Congolese linguoculture, Lingala language, food names, gastronomic picture of the world.

Целью нашей статьи является рассмотрение фразеологизмов, содержащих наименования продуктов питания в конголезской лингвокультуре, сравниваемой в данном аспекте с русской лингвокультурой. Нельзя сказать, что фразеология народов Африки не становилась предметом изучения

в отечественной лингвистической науке (см. обзор работ у [Шатохина, 2020]). Что касается непосредственно нашей темы, то она отчасти получала свое раскрытие как в аспекте языка лингала (см. [Татаровская, 2004]) или территориальных вариантов французского языка (см. [Осташкова, 2006]), так и в аспекте слов, называющих продукты питания (см. [Шатохина, 2023]). Тем не менее, непосредственно тема фразеологизмов, содержащих названия продуктов питания в конголезской лингвокультуре, еще не получила своего всестороннего освещения. Русские пословицы и их значения в большинстве случаев здесь и далее цитируются по [Курилов, 2009]. Конголезские пословицы мы цитируем опираясь, прежде всего, на наш индивидуальный опыт. Обратимся далее непосредственно к анализу конголезской и русской фразеологии.

За определенными продуктами питания закреплены эквивалентные смыслы, находящие отражение как в русской, так и в конголезской лингвокультурах. Например, в конголезской лингвокультуре есть выражение: *Aza mutu moko ayeb ko luka lipa na tongo azelaka eloko ya mutu té* 'Он из тех, кто умеет добывать хлеб рано утром и ничего не ждет от других'. Данная пословица соответствует русским выражениям *Живем, хлеб жуем* 'Живем понемногу, не жалуемся' или *И то хлеб* 'Хорошо, что есть хоть это'. Как в русском, так и в конголезском значении *хлеб/ lipa* связан с темами самостоятельности, самого необходимого. Такое выражение можно услышать на свадьбах в Республике Конго, оно служит способом эвфемизации указания на подлинный заработок и подлинную профессию. Приведем в качестве примера фразу *Mwana na nga ya mwassi abali moto oyo ayebi ko luka lipa na tongo* 'Моя дочь вышла замуж за человека, который рано встает в поисках хлеба' – в данном выражении указывается на сам факт наличия работы у человека, без конкретизации.

Однако есть и значения, которые отсутствуют в русском языке. Одно из таких значений – красота, нечто красивое, прекрасное. В соответствии с этим значением любимый человек в конголезской лингвокультуре может сравниваться с хлебом. Например, в разговоре между папой и мамой можно услышать следующее: *Mama azali lipa na nga* 'Я думаю, что мама будет моим хлебом (она нежна со мной)' – то есть подразумевается значение, что я ценю поведение мамы по отношению ко мне больше чем поведение папы. *Mwana tobali oyo aza lipa kitoko makasi* 'У мальчика, который только что проходил мимо, хлеб с хрустящей коркой' – так можно сказать про мальчика, который очень красивый.

Приведем другие фразеологизмы, в которых фигурирует слово *хлеб* и его конголезский эквивалент – *Ko zala na tapa na mesa* 'иметь хлеб на столе'. Данная пословица означает, что нам предстоит много работы: *Na ebongiseli oyo tozali ko kana namoni ndeti toko zala na lipa /musala/ likolo ya mesa ya mesa* 'В связи с этим новым проектом у нас запланирована работа на ближайшие несколько месяцев'. Можно отметить, что в конголезской лингвокультуре хлеб часто выступает в связи с темой общего дела *Kolia lipa oyo té* 'не есть этот

хлеб’ — значит отказаться участвовать в том, что не одобряешь. Употребление данного выражения является способом дать понять, что мы не хотим, чтобы нас ассоциировали с действием, которое мы считаем неприемлемым, неприятным, неуместным: *Nakoki ko sala yango té kaka pona mukanda naza mutu ya lipa wana té* ‘Я не хочу обманывать только ради диплома, я хочу его заслужить, потому что я не ем такой хлеб’.

Хлеб в русской лингвокультуре, отраженной в различных устойчивых выражениях, может выступать в сочетаниях со словом *соль* — оба этих элемента являются характерными признаками богатства и процветания в русской лингвокультуре. Соль в русской лингвокультуре символизирует богатство, в прежние времена она была дорогой, и не каждый мог ее иметь. Кроме того, сочетание соли и хлеба является символом гостеприимства и радушия. О важности двух этих продуктов в русской лингвокультуре говорит следующая поговорка — *Без хлеба — смерть, без соли — смех*. Слова *хлеб* и *соль* в русской лингвокультуре могут фигурировать в значениях, связанных с благодарностью Богу — *Хлеб-соль величай* (т.е. молись после еды) — с характерным для русской лингвокультуры «превалированием духовного компонента над необходимостью питания» [Тельпов, Ван, 2019, с. 50]. Примечательно, что *соль* как в русской, так и в конголезской лингвокультуре может быть связано с темой встречи, дружбы, единства: *Хлеб — соль* ‘Угощение, радушный прием’; *Водить хлеб-соль с кем-то* ‘Дружить, поддерживать знакомство с кем-л.’ В конголезской лингвокультуре соль употребляется в связи с темой встречи в выражении *Ekenda tungwa na bilia* ‘Соль пропала в супе’ (*tungwa* ‘соль’). Это выражение используется, чтобы выразить удивление от долгой встречи с кем-то. Связано оно с тем явлением, что, когда мы добавляем в суп соль, она исчезает, а остается только вкус. Это выражение похоже по значению на русскую поговорку: *Сколько лет, сколько зим!* ‘Радостное приветствие при встрече с тем, кого давно не видел’.

В поговорках, в которых содержится слово *молоко* и его конголезские эквиваленты, присутствуют темы здоровья, благополучия, изобилия. Например, выражение *Кровь с молоком* используется, когда мы хотим подчеркнуть здоровый вид человека и хороший цвет его лица. Примечательно, что в конголезской и русской лингвокультурах данный образ используется в связи с темами возраста. В русской лингвокультуре фигурирует выражение *Молоко на губах не обсохло*, указывающее на юный возраст собеседника. Для указания на старость в конголезской лингвокультуре используется выражение *Na ye bi gout ya miliki liboso na yo* ‘Я выпил молоко раньше тебя’. Данное выражение позволяет нам сказать, что мы уже достигли старости, не желая уточнять, сколько нам лет. Слово *молоко* и его конголезский эквивалент в данном случае также связан с идеей богатства и стабильной жизни.

Выражение *Каша в голове* используется в русском языке в значении ‘У кого-л. путаются мысли, нет ясности в понимании или изложении чего-л.’. Данное

Раздел 2.

выражение иллюстрирует жизненную ситуацию, когда кто-то получил много информации и не разобрался в ней. Или, когда кто-то делает одновременно много дел и может запутаться. Также данное выражение используется, если мы хотим подчеркнуть, что не можем сосредоточиться. На лингала есть похожее выражение *Oza na bouillie na moto na yo?* ‘У тебя вообще есть каша в голове?’. На лингала это звучит очень грубо, настолько обидно, что, если сказать это человеку, то есть вероятность того, что он больше не сможет с разговаривать с тем, кто это сказал, всю оставшуюся жизнь, поскольку его назвали идиотом, головой, которая не думает.

В связи со схожими темами упоминается и каша *poto pote*. Например, название данного блюда фигурирует в выражении *Kozala na kati ya pote pote* ‘быть в беде’ – это выражение используют, когда говорят о каком-либо неудачном проекте или деле. В русском языке ему соответствует сходное по смыслу выражение *Каша заваривается* ‘Затеваётся хлопотное, сложное или неприятное дело’.

Слово *масло/mafuta*, на наш взгляд, также относится к одному из центральных компонентов пищевого кода русской и конголезской лингвокультур. Среди выражений, содержащих данное слово, в конголезской лингвокультуре стоит назвать выражение *Kotia mafuta na ndunda* ‘положить масло в шпинат’. Данное выражение используется для указания на улучшение жилищных условий и достижение других целей, связанных с благосостоянием: *Soki bamatiseli nga lifuta na nga eko tiela nga mafuta na ndunda* ‘Когда мне повышают зарплату, я добавляю масло в шпинат, чтобы завершить строительство строящегося дома’. В русской лингвокультуре с маслом также часто актуализируются семы, связанные с богатством и достатком. Такая сема, на наш взгляд, подспудно присутствует в выражении *Хлеб с маслом* ‘Приличное пропитание’ и др.

В конголезской лингвокультуре представлены и другие выражения, в которых *mafuta* актуализирует семы, характерные для русского языка, хотя и не так очевидно. В качестве примера мы можем привести выражение *Mafata ezo mata* ‘Масло попадает мне в нос’. Данное выражение используется для демонстрации того факта, что кто-то очень сильно зол: *Na moni ndengue mafuta ezo mata ye tangu na komi na retard* ‘Я видел, как масло попало в нос моему боссу, когда он увидел, что я опоздал’; *Tika ko mtisa nga mafuta* ‘Перестань меня раздражать’. В русском языке, на наш взгляд, те же семы актуализируются в выражении *Подливать масло в огонь* ‘Усугублять какие-л. чувства, настроения’.

Таковы, на наш взгляд, некоторые выражения, основанные на наиболее значимых и универсальных символах, связанных с продуктами питания – *хлеб / lipa*; *каша / pote pote*; *соль / tungwa*; *молоко / miliki*; *масло / mafuta* – они являются центральными и наиболее универсальными компонентами, связанными с продуктами питания.

Рассмотрим ниже выражения, в составе которых употребляются специфические африканские образы со своим особым значением. Некоторые из них могут быть свойственны русской лингвокультуре, но в другом значении. Например, слово *сыр* и включающий его фразеологизм *Как сыр в масле кататься* в значении 'Жить в довольстве, в достатке, не зная забот'. В конголезской лингвокультуре слово *сыр* может актуализировать значение чего-то большого, что актуализируется в выражении *Ko tonga ngomba ya fromage* 'Построить гору сыра', которое выступает образным способом сказать, что мы делаем из маленькой проблемы гору.

Особую группу составляют выражения, содержащие слова, которые не вполне характерны для русской лингвокультуры. Одним из таких слов является слово *салат / salade* – *Tika ko koleisa nga salade, ko pakola nga buzoba* 'Перестань давать мне салат, хватит нести чушь, не говори ерунду' – это выражение используется, чтобы дать человеку понять, что то, что он говорит, является ложью, о которой мы знаем. Другой пример – *Nakeyi ko tala tata mwassi na nga pona elaki na ye, aleyisi nga salade – apokoli nga buzoba* 'Я пошел к тете по поводу ее обещания, которое она мне дала, но она дала мне салат – она солгала мне'.

Упоминание курицы (в гастрономическом смысле) также является специфической конголезской чертой: *Nalia soso liboso na yo-naza tokolo na yo* 'Я ел курицу раньше тебя'. Данное выражение означает, что я старше, чем этот человек, который ведет дискуссию со мною. Выражение используется, чтобы доказать, что собеседник имеет место с человеком более опытным, который раньше собеседника знал вкус курицы. Это выражение является способом добиться уважения и внимания к своим словам, не будучи грубым.

Абсолютно африканским образом, присутствующим во фразеологии, является образ шимпанзе, фигурирующий в выражении, которое можно перевести как 'Есть кость шимпанзе' (*Mokuwa ya mokomboso*) – выражение имеет значение 'быть сильным'. Появление этого выражение связано с тем, что по конголезским традиционным представлениям мясо шимпанзе, которое любят жители южной части Республики Конго, символизирует силу. После родов матери имеют обыкновение готовить шимпанзе и часами давать кость этого животного ребенку, чтобы тот ее высасывал, а также класть кость шимпанзе в воду для ванны, растирая ею спину.

В заключении мы можем констатировать наличие нескольких наиболее важных пищевых символов *хлеб / lipa; каша / poto poto; соль / mungwa; молоко / miliki; масло / mafuta*, которые в виде соответствующих слов фигурируют в русской и конголезской лингвокультурах в схожих значениях. Есть названия одних и тех же продуктов питания, которые в связи с разными темами фигурируют в конголезской и русской лингвокультурах. К таким словам относится слово *сыр* и его эквивалент в языке лингала. Существуют также названия продуктов питания, которые представлены в языке лингала,

Раздел 2.

но отсутствуют в русском языке. К таким названиям относятся *кость шимпанзе* (mokombosso), *курица* (soso), *салат* (salade). Таким образом, распределение названий продуктов питания с точки зрения наличия отсутствия у них эквивалентов в русском / лингала языках можно представить в виде трехступенчатой структуры, дальнейшее изучение которой относится к перспективам нашего исследования.

Литература

1. Курилова А. Д. Новый фразеологический словарь русского языка: более 8000 фразеологизмов. М.: Русский язык – Медиа; Дрофа, 2009. 777 с.
2. Останкова В. Ф. Этнокультурная специфика фразеологических единиц (на материале фразеологизмов территориальных вариантов французского языка Африки): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Воронежский государственный университет. Воронеж, 2006. 176 с.
3. Татаровская И. Г. Структурно-семантические типы фразеологизмов в языке лингала: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ). Институт стран Азии и Африки. Москва, 2004. 233 с.
4. Тельпов Р. Е., Ван Л. Фразеологизмы, содержащие названия продуктов питания в русском и китайском языках. Развитие образования. 2019. № 2 (4). С. 49–51.
5. Шатохина В. С. Изучение африканской фразеологии отечественными учеными / Под небом Африки моей. История, культура, языки народов Африки. Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Москва, 2020. С. 242–250.
6. Шатохина В. С. Лексико-семантическое поле «еда» в пословицах суахили / XXXII Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 300-летию СПбГУ. 26–28 апреля 2023 г. СПб.: Изд-во РХГА, 2023. С. 49–493.

ЯЗЫКОВАЯ, СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ КАК КОНСТРУКТЫ ЕЕ ЭТНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Теркулов В. И. (Донецк, Россия)

Аннотация. В работе дается описание трех подходов к определению понятия «этнос»: условно примордиального языкового, конструктивистского социокультурного и условно примордиального политического. Автор предполагает, что данные подходы следует определить не как конкурентные, а как три параметра объемной этнической идентификации личности,

формирующие ее этнический профиль. При этом тождество параметральных характеристик трактуется как сбалансированный профиль, а несовпадение – как несбалансированный.

Abstract. *The paper describes three approaches to the definition of the concept of “ethnos”: the conditionally primordial linguistic, constructivist socio-cultural and conditionally primordial political. The author suggests that these approaches should be defined not as competitive, but as three parameters of voluminous ethnic identification of a person, forming its ethnic profile. In this case, the identity of the parametric characteristics is interpreted as a balanced profile, and the discrepancy is treated as an unbalanced one.*

Ключевые слова: *этнос, этнический профиль, лингвоэтнос, социоэтнос, политэтнос, идентификация, самоидентификация.*

Keywords: *ethnos, ethnic profile, linguistic ethnos, socio-cultural ethnos, political ethnos, identification, socioidentification.*

Данная статья продолжает цикл работ, посвященных определению понятия «лингвоэтнос» и выведению базовых положений лингвоэтнологии – науки, изучающей объединения людей, использующих в качестве родного один язык (см., например, [Теркулов 2024-1; Теркулов 2024-2]).

Мы констатируем, вслед за этнологами, что «на протяжении многих лет “этничность” является ключевым понятием социологии и антропологии, но, тем не менее, по-прежнему представляется неясным его значение, применение и соотношение с другими понятиями» [Banks 1996, с. 1].

Целью предлагаемой статьи является описание этнического профиля – комплексной модели этнической идентификации и самоидентификации, которые трактуются нами как аксиологические акты, поскольку устанавливают этнические ценности личности.

Как известно, существуют два подхода к определению принципов этнической идентификации и самоидентификации – примордиальный и конструктивистский. В первом случае «этничность представляет собой изначальную, исходную, исконную и неизменяемую данность (primordial), которая принимается каждым человеком априори и является предсоциальной схемой, в существенной степени определяющей его социальную жизнь и деятельность. Такая данность порождает весьма интенсивные этнические чувства и ассоциируется с высшими ценностями» [Рыбаков, с. 149]. При конструктивистском же подходе этничность представляется «конструктом, артефактом, который либо формируется самим индивидом с целью познания окружающего социального мира (из этнических ярлыков составляется карта для ориентации в этом мире), либо навязывается ему идеологами и политиками — изготовителями этничности (которые путем этнической мобилизации масс достигают собственных политических и экономических

целей)» [Рыбаков 2012, с. 148]. Другими словами, при таком подходе «мы сами конструируем свои идентичности по желанию, необходимости или принуждению. Идентичности – воображаемые сущности – то, что мы думаем о себе, к чему мы стремимся» [Кочетков 2012, с. 150].

Методики разновременных Всеобщих переписей населения в Российской империи, Советском Союзе, современной России показывают, как менялось в них представление об «этничности» (от примордиализма к конструктивизму).

В 1897 году «этническими компонентами» переписи были рубрики «родной язык» и в какой-то мере «вероисповедание», которое косвенно указывало если не на этнос, то хотя бы на этническую группу (см. об этом и об особенностях проведения переписи в [Брюханова, Иванова 2019, с. 104]). Иначе говоря, при переписи было реализовано условно примордиальное представление об этносе как о «языке» и вере: мой народ – те, кто говорит на моем языке и верит в моего Бога. В связи с этим, например, констатация того, что в тех уездах Екатеринославской губернии, которые сформировали затем Сталинскую, а позднее и Донецкую область, примерно 50 % опрошиваемых считали родным великорусское, а 40 % – малороссийское наречие, становится основанием для утверждения, что в этих уездах было примерно 50 % великороссов и 40 % малороссов, независимо от того, кем считали себя «по крови» эти люди.

В дальнейшем сначала в РСФСР, а позднее и в Советском Союзе стал использоваться другой – конструктивистский принцип права личности на этническое самоопределение. Индивиду было дана возможность самому устанавливать свою национальность. Уже в личном листке переписи 1920 г. рубрике «родной язык» переписи 1897 г. соответствуют рубрики «К какой национальности **себя относит**» и «Родной язык». Такой подход привел к тому, что «Советский Союз оказался не плавильным котлом, а инкубатором новых наций. Советская национальная политика, основанная на поощрении и продвижении этнических меньшинств, привела к появлению новых национальных идентичностей» [Щербак, Болячевец, Платонова 2016, с. 115]. Он обеспечил политику «коренизации», то есть, в сущности, создания «весомости» национальностей: в состав одного этноса включались уже не только те, кто говорил на языке этого этноса, но и те, кто считал себя представителем этого этноса, независимо от того, был ли для него язык этого этноса функционально первым или нет. Это привело к значительному увеличению доли некоторых национальностей в этнической структуре государства. Например, в упомянутых выше уездах при переписи 1923 г. количество великороссов (русских) по сравнению с переписью 1897 г. сократилось до 26 %, а малороссов (украинцев) – увеличилось до 64 %. Это имело конъюнктурные причины и было обусловлено, скорее всего, «реакцией части населения на политику украинизации, проводившуюся в эти годы. Многие респонденты, повинувшись новым веяниям, попросту вписывали в рубрику “родной язык” украинский. Следующая перепись (1939 года) показывает, что данные 1923 искусственны: процентное соотношение русских и украинцев в нем вернулось

к соотношению, представленному в переписи 1897 года, и сохранялось вплоть до последних переписей» [Донецкий региолект 2018, с. 28].

В принципе, о потенциальной конъюнктурности конструктивистского подхода уже много раз говорили исследователи. Например, М. Н. Губогло утверждает: «Одним из побочных продуктов конструктивизма выступает вольное или невольное, осознанное или без злого умысла выхолащивание содержания и структуры этнической идентичности. Чем структура более зыбкая, тем легче ею манипулировать или использовать в качестве механизма для каких-либо внеэтнических целей» [Губогло 2003, с. 198]. Дело осложняется еще и тем, что такой подход видоизменяет и трактовку понятия «родной язык», который определяется уже не как «функционально первый язык», а как «язык того этноса, который я считаю своим». Например, если я идентифицирую себя как татарин, не зная татарского языка, я могу определить моим родным языком именно татарский язык как язык моей нации. Такой подход абсолютно непродуктивен: функционально первый язык формирует ментальность личности, поскольку именно он, «его грамматический строй, лексика и фразеология, представляет собой некий код, определяющий своей структурой особенности того или иного языкового сознания» [Нечаева 2009, с. 31]. Несмотря ни на какие мнения о своем родном языке человек остается во власти своего функционально первого языка, который и определяет его тезаурус и прагматикон, чего абсолютно не может сделать функционально не первый «язык нации, к которой я себя отношу». Справедливо утверждение Х. З. Багирова и З. У. Блягоз: «При определении родного языка надо исходить из конкретной ситуации, так как язык – явление не биологическое, он не наследуется от родителей, а относится к явлению общественному, социальному. Поэтому при одноязычной ситуации родной язык будет единственным. Однако будет ли он совпадать с языком матери или окружающей среды будет зависеть от окружающих социально-исторических условий жизнедеятельности человека» [Багиров, Блягоз 2012, с. 12].

Следует сказать, что конструктивистская трактовка этничности является единственно принимаемой в законодательной сфере современной России. Согласно ст. 26 Конституции Российской Федерации, «каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности» (<https://constitutionrf.ru/constitutionrf.pdf>). Этот принцип распространяется и на перепись населения Российской Федерации. Как отмечает Д. Журавлев, научный руководитель Института региональных проблем, при переписи «подсчет ведется на основе принципа самоопределения национальной принадлежности в соответствии со ст. 26 Конституции РФ. Как респондент себя назовет, так и обязан записать в переписном листе переписчик — казаком, русским, марсианином, хоббитом, кем угодно» (<https://news.rambler.ru/sociology/46154082-rosstat-ne-utverzhdaet-natsionalnost-kazak-ekspert-o-perepisi-naseleniya/>).

Еще одна модель этнической идентификации и самоидентификации представлена в западноевропейском пространстве: «Для Западной Европы характерно конструирование гражданских наций, тогда как для Центральной и Восточной Европы, а также стран Востока – этнических» [Панченко 2017, с. 283]. Как указывает К. Калхун, «в первом случае национальная идентичность считается чем-то, что возникает вследствие законного членства в сложившемся политическом государстве; членство в нации определяется прежде всего политической идентичностью граждан. В последнем случае национальная идентичность определяется на основе неких культурных или этнических критериев, отличных от политического гражданства и, возможно, предшествующих ему» [Калхун 2006, 180].

Итак, существует три актуальных принципа этнической идентификации и самоидентификации индивида.

1) Условно примордиальный языковой принцип: принадлежность к тому или иному этносу определяется по функционально первому языку индивида. В этом случае русским является тот, для кого функционально первым является русский язык. Условность примордиальности здесь объясняется тем, что иногда субъект по тем или иным причинам, например вследствие эмиграции в иноязычную среду, может поменять функционально первый язык.

2) Конструктивистский интроспективный принцип: индивид сам определяет свою этническую принадлежность, исходя из каких-то важных для него наличествующих у него признаков (происхождение, культура, язык и т.д.). Выбор набора признаков также определяется индивидом: для одного человека языковой критерий, например, является важным, а для другого – нет. При таком подходе русским считается тот, кто по какой-то причине сам считает себя русским.

3) Условно примордиальный политический принцип: этническая принадлежность определяется по гражданству индивида. В этом случае русским, а вернее – россиянином, является тот, кто имеет российское гражданство. Трактовка данной ситуации как условной примордиальности объясняется тем, что, с одной стороны, человек объективно получает статус гражданина страны при рождении, но с другой, – может изменить свое гражданство вследствие эмиграции.

Обычно считается, что указанные выше модели этнической идентификации и самоидентификации конкурируют: какое-то из них является «правильным», а какие-то – нет. Однако вполне очевидно, что все они обладают достаточной разъяснительной силой и определяют индивида с разных сторон – лингвистической, социокультурной и политической. На наш взгляд, их нужно использовать как три параметра объемной этнической идентификации индивида. Перед нами не одна этничность, которой разными учеными даются разные конкурирующие трактовки, а три разновидности этничности, которые в комплексе формируют **единый этнический профиль личности** –

трехкомпонентную картину его этнической идентичности, включающую лингвоидентичность, социоидентичность и политидентичность.

1. Лингвоэтничность и лингвоэтнос – это объединение людей, использующих в качестве функционально первого один язык. Все, кто входит в это объединение, характеризуются наличием единой тезаурусной и прагматической базы: они видят мир через призму одного языка. Например, люди, использующие в качестве родного русский язык, относятся к русскому лингвоэтносу. Этномим «русский» здесь выступает в качестве лингвоэтнонима. Идиомом лингвоэтничности является **родной (функционально первый) язык**.

2. Социокультурная этничность (социоэтничность) и социокультурный этнос (социоэтнос) – это объединение людей, считающих себя принадлежащими к одному социокультурному сообществу. Люди, входящие в это сообщество, реализуют общие социокультурные оценки реальности, проявляющиеся в верованиях (единая религия), исторической памяти (идентичная трактовка истории сообщества), определениях корреляции «свои – чужие» и т.д. Социокультурная идентичность обусловлена социокультурной самоидентификацией, а следовательно, в целом добровольна, и поэтому субъект в большинстве случаев оценивает свою социоидентичность положительно. Русским в этом случае является тот, кто по какой-то причине, которая формулируется как социокультурное обоснование, считает себя русским. «Русский» здесь – социоэтноним. Идиомом социокультурной этничности является **национальный язык (язык моей нации)**.

3. Политэтничность и политэтнос – объединение граждан одного государства. В данном случае в обществе обычно возникает аксиологическая бинарность: одна часть общества реализует мелиоративную оценку своей политической идентичности, а другая – пейоративную. Очень часто вместо совпадающих лингвоэтнонима и социоэтнонима используется отличающийся от них политэтноним. Например, для граждан Российской Федерации наряду с этномимом *русский* используется политэтноним *россиянин*. Идиомом политэтничности становится **государственный язык**, в нашем случае – русский.

Итак, атрибуция личности в этническом профиле представляет (само)идентификационную триаду: лингвоэтнос – социокультурный этнос – политэтнос. Крайними ее точками являются сбалансированная и несбалансированная этнические идентификации.

Сбалансированной мы называем ситуацию, когда все три идентификации тождественны, например для русского гражданина Российской Федерации (*россиянина*), имеющего в качестве родного (и одновременного национального и государственного) русский язык (русский лингвоэтнос) и считающего себя русским (русский социоэтнос). **Несбалансированной** является ситуация, когда все этнические идентификации имеют различный идентификационный статус,

например для лингвоэтнического русского, являющегося социоэтническим татариним и гражданином Белоруссии (белорусский политэтнос). Между этими точками располагается ряд промежуточных звеньев, описание которых и составит предмет наших последующих исследований.

Литература

1. Багиров Х. З., Блягоз З. У. К вопросу о понятиях «Родной язык» и «Неродной язык». Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 2. С. 130–133.
2. Брюханова Е. А., Иванова Н. П. Документоведческий и источниковедческий анализ первичных материалов первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 96–107.
3. Губогло М. Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.
4. Донецкий региолект: монография; под ред. В. И. Теркулова. Донецк: Издательство ООО «НПП Фолиант», 2018. 265 с.
5. Калхун Крэйг. Национализм. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 288 с.
6. Кочетков В. В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 144–162.
7. Нечаева Е. Ф. Языковое сознание и национальный менталитет (к вопросу о терминологии) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 30–33.
8. Панченко А. Б. Между гражданской и этнической нацией: национальные проекты в Российской империи в первой трети XIX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. №1 (55). С. 282–293.
9. Рыбаков С. Е. К вопросу об этническом феномене // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 2(108). С. 147–156.
10. Теркулов В. И. Базовые понятия лингвоэтнологического подхода к идентификации личности // Электронный журнал «Кавказология». 2024. № 2. С. 446–455.
11. Теркулов В. И. Соотношение языковой и этнической идентификации // Вопросы психолингвистики. № 2(60). 2024. С. 104–115.
12. Щербак А. Н., Болячевец Л. С., Платонова Е. С. История советской национальной политики: колебания маятника? // Полит. наука. 2016. № 1. С. 100–123.
13. Banks M. Ethnicity: Anthropological Constructions. London; N-Y., 1996. 210 p.

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО САМОВОСПРИЯТИЯ У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП

Юрченко Н. И. (Москва, Россия)

***Аннотация.** В работе анализируется лингвистическая самоидентификация современных студентов. Проводится сопоставительный анализ результатов исследования лингвистической идентичности молодежи в 2018 и 2022–2023 годах. В исследовании участвовали 100 студентов различных форм образования в возрасте от 18 до 40 лет.*

***Abstract.** The paper analyzes the linguistic identity, self-awareness of modern students. A comparative analysis of the results of studying the linguistic self-awareness of youth in 2018 and 2022–2023 is conducted. The study involved 100 students of various educational forms aged 18 to 40.*

***Ключевые слова:** лингвистическая идентичность, самовосприятие, молодежь, студенты, язык.*

***Keywords:** linguistic identity, self-perception, youth, students, language.*

Любая личность, которая общается на своем языке, представляет собой единицу языковой общности. Лингвистическая идентичность отражает сложившиеся представления о мире внутри языкового сообщества и выражается через язык как средство коммуникации и символическую систему. Это понятие включает в себя не только знание языка, но и взгляды, ценности и убеждения, которые формируются в процессе взаимодействия с языковой средой. Лингвистическая идентичность помогает людям определяться в социальной и культурной среде, а также формировать свое мировоззрение и представление о себе.

Цель данного исследования заключается в проведении сравнительного анализа особенностей лингвистической идентичности среди современной молодежи в сегодняшней эпохе и в период до появления пандемии COVID-19. Исследование направлено на выявление возможных изменений в языковом поведении и восприятии языковой среды молодежью в контексте современных социокультурных изменений и воздействия пандемии на общественные процессы. Анализ этих особенностей может пролить свет на динамику лингвистической идентичности и помочь понять, как современные изменения влияют на языковую самоидентификацию молодежи.

Выборка исследования. В данном исследовании была проведена сравнительная аналитика лингвистической идентичности среди двух групп студентов, состоящих из общего числа 100 респондентов в возрасте от 18 до 40 лет, которые являются студентами высших учебных заведений. Первая группа включала 40 студентов, средний возраст которых составлял 18–40 лет, и исследование их лингвистической идентичности было проведено в 2018 году [Кончаловская, Юрченко, 2018, с. 74–76]. Вторая группа состояла из 60

студентов, возраст которых варьировался от 19 до 38 лет, и исследование их лингвистической идентичности было проведено в 2022–2023 годах [Юрченко, Кончаловская, 2022, с. 169–171]. Все опрошенные студенты были осведомлены о целях исследования и дали свое согласие на обработку своих персональных данных.

В ходе исследования особенностей лингвистической идентичности молодежи были применены две **методики**.

Первая методика «Отношение к родному и иностранному языкам» [Марцинковская, 2015, с. 64] была использована для оценки отношения молодых людей к родному и иностранному языкам. Этот инструмент помогает выявить предпочтения и уровень ценности, который респонденты придают своему родному и иностранному языкам, а также оценить их восприятие важности иностранного языка в их жизни и профессиональной деятельности.

Вторая методика включала в себя вопросы из анкеты на профессиональную самореализацию, разработанной научными сотрудниками ФНЦ ПМИ (ранее ПИ РАО) Юрченко Н. И. и Кончаловской М. М. [Юрченко, Кончаловская, 2022, с. 174–176]. Эта анкета содержит вопросы о профессиональной деятельности и планах респондентов, которые позволяют оценить их представления о своей карьере и профессиональной самореализации.

Использование обеих методик позволяет получить более полное представление об отношении молодежи к языковой идентичности и оценить связь между этими представлениями и их профессиональными ориентациями и целями.

Результаты исследования.

Анкета «Отношение к языкам» позволила определить состав выборки исследования. Большинство респондентов (92 %) назвали русский язык своим родным, в то время как остальные указали на другие языки, такие как узбекский, белорусский, киргизский, украинский, молдавский, татарский, болгарский и казахский.

Важно отметить, что хотя русский язык является родным для большинства респондентов, некоторые из них (8 %) также думают на английском языке. Кроме того, некоторые респонденты (10 %) утверждают, что думают на других языках (таких как английский, немецкий, узбекский и украинский). Следует отметить, что для всех респондентов английский и немецкий языки являются иностранными.

В результате исследования было обнаружено, что в целом отношение респондентов к родному и иностранному языкам является положительным. Однако были выявлены различия между двумя группами респондентов, которые участвовали в исследованиях в 2018 и 2022–2023 годах.

Сравнительный анализ показал, что уровень респектабельности родного языка у второй группы респондентов, исследованной позднее, был ниже (9,3 балла из 10) по сравнению с первой группой, исследованной ранее (10

баллов из 10). Однако отношение к иностранному языку улучшилось: оценка составила 8,9 баллов в 2022–2023 годах, в то время как прежде было только 6,6 баллов.

Также стоит отметить, что уровень владения как родным, так и иностранным языками снизился у респондентов в позднем исследовании по сравнению с предыдущим. В 2018 году уровень владения родным языком составлял 9,5 баллов, в то время как позже – 8,3 балла. Уровень владения иностранным языком также снизился с 7 баллов в 2018 году до 4,4 балла в 2022–2023 годах.

Все студенты первой группы поддерживают идею о том, что знание языков расширяет кругозор и способствует развитию интеллекта, в то время как во второй группе с этим мнением согласны лишь 96 % респондентов. Кроме того, все студенты первой группы выразили желание связать свое будущее с иностранным языком и культурой, в то время как во второй группе таким образом видят свое будущее только 72 % респондентов. Это указывает на уменьшение интереса современной молодежи к установлению личного контакта с другими культурами и языками. Также отмечается уменьшение профессионального взаимодействия: 83 % респондентов второй группы считают недостаточным владение родным языком для полноценной реализации в профессии, в то время как в первой группе это мнение разделяло лишь 92 % респондентов в 2018 году.

Данные исследования второй группы показывают: преобладающее большинство респондентов (95 %) считают, что родной и иностранный языки необходимы для осознания своей национальной и культурной принадлежности, в то время как в первом исследовании с этим утверждением согласилось меньшее количество респондентов (88 %). Кроме того, почти все респонденты (100 % в первой группе и 97 % во второй группе) считают, что ребенок должен знать язык обоих родителей. Большинство участников исследования также отметили, что при изучении языка больше всего помогают познавательная и профессиональная мотивация, а также интеллект и память.

Обзор проведенного исследования позволяет сделать следующие **выводы**. Детальный анализ отношения респондентов обеих групп к родному и иностранному языкам подтвердил положительное отношение всех студентов к обоим языкам. Однако в позднем исследовании выявлено менее уважительное отношение к родному языку и более благоприятное к иностранному, по сравнению с 2018 годом. Уровень владения как иностранным, так и родным языком в последнем исследовании оказался ниже. Также наблюдается уменьшение интереса современной молодежи к связыванию своей жизни с иностранными языками и культурами. Студенты второй группы проявляют меньшее желание изучать иностранные языки, а также чаще высказывают мнение о достаточности владения родным языком для успешного развития в рамках своей профессии.

В рамках анкеты на профессиональную самореализацию, предоставленной второй группе, респонденты выделили положительные стороны пандемии

Раздел 2.

Covid, такие как возможность работать онлайн. Они отмечают расширение своего профессионального пространства с помощью современных онлайн-платформ. Однако пандемия также оказала негативное влияние, препятствуя свободным путешествиям и возможности переезда за границу для обучения или работы, что, вероятно, связано с уменьшением интереса к изучению иностранных языков и оценкой своего уровня владения ими.

Литература

1. Идентичность и социализация в современном мире: Сборник методик / Отв. ред. Т. Д. Марцинковская. М.: МПГУ, 2015. 111 с.
2. Кончаловская М. М., Юрченко Н. И. Особенности идентичности студентов-лингвистов как представителей одного профессионального сообщества // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 1(11). С. 99–116.
3. Юрченко Н. И., Кончаловская М. М. Особенности профессиональной идентичности молодежи // Новые психологические исследования. 2022. № 3. С. 159–183.

РАЗДЕЛ 3.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ: СЛОВО И КОНЦЕПТ

ПОСЛОВИЧНЫЙ КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ»: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ, АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ И МОДАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Абакумова О. Б. (Орел, Россия)

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам выявления и описания концептуальных признаков феномена счастья в паремнологических фондах двух неблизкородственных языков и культур. Используя расширенный аппарат референциально-ролевой грамматики и понимая пословичный концепт как стереотип особого рода, включающий совокупность качественных признаков, отражающих онтологические, аксиологические и модальные признаки концепта, автор дает описание пословичного концепта «счастье» по материалам русских и английских пословиц.*

***Abstract.** The paper covers the problems of singling out and description of phenomenon of happiness in paremiological funds of two genetically distant languages. Making use of extended apparatus of role-reference grammar and defining proverbial concept as a sum of qualitatives of different kinds reflecting ontological, axiological and model features of concept, the author describes proverbial concept of happiness based on the material of Russian and English proverbs.*

***Ключевые слова:** пословицы, счастье, пословичный концепт, русский и английский язык.*

***Keywords:** proverb, happiness, proverbial concept, Russian and English languages.*

В российской лингвистике концепт, «воссозданный для компенсации возникшей эвристической неадекватности классических *понятия, представления и значения*, в качестве термина принадлежит когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. В рамках лингвокультурологии концепт – «вербализованный культурный смысл, семантическая единица «языка» культуры» [Воркачев, 2002, с. 82–92]. Культура понимается как «символическая Вселенная», конкретные проявления которой в сопоставлении с другой культурой обязательно этноспецифичны. По мнению специалистов в области лингвокультурологии, этноспецифичность лингвоконцепта нужно искать в культурно значимой стереотипизации моделей мировосприятия и поведенческих реакций, отраженных в семантике имени лингвоконцепта

(см. [Телия, 1996, с. 235]). Лингвоконцепт как наследник вышеперечисленных семиотических категорий отличается многопризнаковостью и многомерностью, наличием разных слоев и измерений. Одни считают, что в глубине концепта «мерцает понятие», связанное с образом и действиями, закрепленными в значении знака [Ляпин, 1997, с. 18–27]. Другие выделяют понятийную, эмоциогенную, а также этимологическую стороны, дающие начало ассоциациям и оценкам [Степанов, 1997, с. 41]. Многие отмечают наличие специфической языковой метафорики и ассоциативной сети «вещных коннотаций» имени концепта в системе языка [Чернейко, 1997]. Н. Д. Арутюнова выделяет онтологические, аксиологические, модальные, функциональные признаки объекта, которые выявляются в результате концептуального анализа [Арутюнова, 1999]. В. И. Карасик полагает, что «концептуализация представляет собой выделение и закрепление в картине мира значимых фрагментов субъективной и объективной реальности в виде переживаемых квантов знания, включающих понятийное, образное и ценностное содержание; категоризация – упорядочение представлений, выделение и закрепление типов в сознании; символизация – это эмоционально маркированное осмысление ценностно насыщенных образов, определяющих культурные доминанты восприятия» [Карасик, 2023, с. 17–18].

Исследователи в области концептологии и лингвокультурологии утверждают, что в ее основе лежат два понятия: концепт и стереотип. Концепт представляет собой смежное явление с такими категориями, как фрейм, скрипт, когнитивный домен или гештальт (см. [Кубрякова 1996] и др.), а языковым стереотипом называют стереотипы сознания, установленные на материале естественного языка (см. [Pisarkowa 1994] и др.). Концепты принадлежат миру идеального, являются единицами концептуальной системы языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Стереотипы имеют двойственную природу, у них есть вербальная оболочка, которая дает возможность как описать стереотип, так и проникнуть в ядро концепта. Стереотипы являются элементами «наивной» языковой картины мира, которую мы понимаем как зафиксированное в семантике языка знание о мире, сложившееся у носителей языка в период становления языковых форм их национального языка.

Понятие стереотипа в научный обиход ввел У. Липпманн [Lippmann 1922], который определял стереотипы как культурно детерминированные и определенным образом упорядоченные «картинки мира» в сознании человека, которые экономят его усилия при восприятии информации, а также фиксируют и сохраняют существующие в данной культуре ценности. Наиболее известные пословицы представляют собой прецедентные феномены. За любым прецедентным феноменом, считает Д. Б. Гудков, стоит образ-представление, включающий в себя ограниченный набор признаков самого феномена, входящий в когнитивную базу лингвокогнитивного сообщества, знакомый

подавляющему большинству членов этого сообщества, что позволяет назвать его национально-детерминированным минимизированным представлением (НДМП). «В силу своей образцовости и общеизвестности подобное представление задает определенный алгоритм деятельности, предлагает готовые модели поведения для членов лингво-когнитивного сообщества [Гудков, 1999, с. 58]. НДМП, стоящие за прецедентными феноменами, обладают ярко выраженной аксиологичностью, это значит, что за каждым закреплена оценка по шкале «+ прекрасно/- ужасно», иными словами, каждый прецедент является образцом «хороших», правильных или «плохих», неправильных действий, «вещей», поступков [Гудков, 1999, с. 59].

В данной работе под пословичным концептом 1 (правильнее сказать, под концептом-стереотипом) понимается совокупность семантических ролей, качественных разного рода, выполняемых именем в пословичных предложениях-высказываниях, представляющих типовые ситуации (фреймы). Пословичный концепт 2 реализуется в коммуникативном акте использования конкретной пословицы и связан с коммуникативной стратегией говорящего [Абакумова, 2013, 2023]. Национальную специфику концептов-стереотипов представляют специфические для данной языковой культуры семантические роли, отражающие типовые ситуации, в которых находит применение объект. Мы определяем ПК как совокупность семантических ролей, выполняемых именем концепта в пословичных предложениях-высказываниях, которые отражают онтологические, аксиологические, модальные и др. признаки абстрактной сущности. Пословицы как речевые практики бытового дискурса объединяются общей темой. Исследуя пословицы в паремиологическом пространстве данной культуры, мы изучаем дискурс объекта, те «вещные коннотации», которые приобретает абстрактное имя через несвободную сочетаемость и которые выражаются через предикаты этого имени, качественные разного рода.

Ценность, видимо, нужно считать исходным понятием для концепта. Ценность – понятие, используемое в гуманитарных науках для обозначения явлений, объектов, их свойств, абстрактных идей, воплощающих в себе общественные идеалы и выступающих как эталон должного. Вопросы ценности, оценки и ценностных ориентаций исследовались в первую очередь в модальной логике и в аксиологии, под оценкой обычно понимают суждение о ценностях. Ценность определяется как всякий предмет любого интереса, желания, стремления. То есть, в самом общем виде ценность можно определить как «объект разнообразных человеческих желаний и устремлений» [Киссель 1978]. Но есть и другое определение ценностей, как духовных опор общества, помогающих человеку выстоять в невыносимых условиях, перенести тяжелые жизненные испытания. Р. У. Сперри пишет, что мир, в котором мы живем, движем не только бессознательными силами, но, в большей степени, человеческими ценностями и что борьба за спасение планеты становится, в конечном итоге, борьбой за ценности более высокого порядка [Сперри 1994].

Аксиологический пласт культуры основывается на мировоззрении, определяющем особенности восприятия действительности коллективным сознанием в определенную эпоху. В.И. Заботкина описывая аксиологическую категоризацию действительности человеческим сознанием и языком, выделяет три уровня: 1) уровень антропологических универсалий; 2) уровень определенной культуры; 3) уровень системы ценностей определенного индивидуума [Заботкина, 2024, с. 119]. Присущая языку национально-культурная семантика является, с одной стороны, продуктом кумуляции сведений, в чем проявляется культурно-накопительная функция языка; с другой стороны, язык сам приобщает своих носителей к своей национальной культуре, реализуя таким образом свою культурно-приобщающую функцию [Верещагин, Костомаров 2005, с. 26]. Смысловая интерпретация с аксиологических позиций пословиц неблизкородственных языков позволяет воссоздать наполнение лингвокультурных ценностей, поскольку ценности как высшие ориентиры поведения определяют содержание и специфику культуры в целом [Карасик, 2023].

Используя тематическую роль «квалитатив», попробуем описать онтологические, аксиологические и модальные признаки русского пословичного концепта Счастье в сопоставлении с английским. Это непросто, поскольку в концепте абстрактного феномена эти концептуальные признаки очень тесно связаны между собой, а социальные нормы рекомендуемого в данной культуре поведения отражаются в семантической структуре пословиц как эксплицитно, так и имплицитно.

Онтологические признаки на материале словарных дефиниций в русскоязычных и англоязычных толковых словарях совпадают, но они не всегда совпадают в семантике паремий:

Квалитатив удовольствия

Mirth is sugar of life (букв. Радость, веселье – сладость жизни); *Mustard is a good sauce, but mirth is better* (букв. Горчица – хороший соус, но веселье лучше); *Laughter is the best medicine* (букв. Смех – лучшее лекарство); *One day of pleasure is worth two of sorrow* (букв. Один день удовольствия стоит двух дней печали) [PDP 2000]. Как видим, в английских пословицах преобладают гастрономические удовольствия и положительные эмоции в связи с обсуждением состояния счастья. Для русского языка это лагуна в паремиологической картине мира.

Квалитатив удовлетворенности

В семье любовь да совет, так и нужды нет; Лад и согласие – первое счастье; С милым рай и в шалаше; Не тот счастлив, кто богат, а тот, кто доволен собой; Content is happiness (букв. Удовлетворение потребностей – это счастье); *Где счастье, там и радость; Happy is he whose friends were born before him* (букв. Счастлив тот, чьи друзья родились до него); *Happy is that child whose father goes to the devil* (букв. Счастлив тот, чей отец ушел в другой

мир); *Happy is she who marries the son of a dead mother* (букв. Счастлива та, кто вышла замуж за сына умершей матери, т.е. живет без свекрови); *Englishman's home is his castle, He who leaves his house in search of happiness, pursues a shadow* (букв. Тот, кто покидает свой дом в поисках счастья, преследует призраков).

Пословицы различаются источниками удовольствия и удовлетворенности. В русских пословицах [Мокиенко, Никитина 2011] отмечается удовольствие, которое человек получает от бескорыстной любви, мира и согласия в семье, эмоциональной наполненности, внутренней гармонии. Источниками счастья в английских пословицах по данным словаря [PDP 2000] являются практические вещи: вкусная еда, веселье, смех, отсутствие родителей супруга, богатое наследство, помощь более опытных и полезных друзей, спокойная жизнь в собственном доме вдали от суеты и т.п. Пословицы подтверждают стереотипы английского национального характера: необщительность, практичность, эгоцентризм, любовь к одиночеству на своей территории, среди членов своей семьи.

Квалитатив успеха, достижений

Каждый человек своего счастья кузнец; Every man is the architect of his own fortune; Счастье и труд рядом идут; Счастливый на коне, а несчастный пеш; Где отвага, там и счастье; Happy is he, who is happy in his children (букв. Счастлив тот, кто счастлив успехами детей). Во всех культурах люди стремятся к успеху и ценят свои достижения, которые чаще всего достигаются тяжелым трудом.

Квалитатив двойственности, изменчивости

Счастье с несчастьем близко / об межу живут; Joy and sorrow are next door neighbours; Не было бы счастья, да несчастье помогло; Sadness and gladness succeed each other; Счастье что палка: о двух концах; No joy without annoу. Счастье – вешинее ведро: ненадежно; Счастье – вольная птишка: где захотела, там и села; Счастье что волк: обманет и в лес уйдет; Еще одной паремиологической универсалией данного дискурса является эфемерность, двойственность счастья, его изменчивость и непостоянство.

Аксиологические признаки

Квалитатив высокой ценности

Счастье дороже богатства; Счастье дороже денег; Счастье дороже ума; Правда хорошо, а счастье лучше; You cannot buy happiness (букв. Счастье нельзя купить); *Laugh, and the world laughs with you; weep, and you weep alone* (букв. Смеешься, и весь мир смеется вместе с тобой, а если плачешь, ты плачешь в одиночестве.); *Better be happy than wise* (букв. Лучше быть счастливым, чем мудрым); *One joy scatters a hundred griefs* (букв. Одна радость развеет сотню печалей); *A merry heart goes all the way* (букв. Веселое сердце одолеет весь путь); *Счастье ума прибавляет, а несчастье и последний отнимает.* Во всех культурах люди высоко ценят счастье, ставя его в шкале ценностей выше денег как символа материального достатка. Но в русской культуре счастье

в приоритете и перед умом, и перед правдой и справедливостью. Англичане отдают ему пальму первенства в сравнении с мудростью, наделяют силой в преодолении несчастий. Русское счастье делает мужчину умнее, а женщину красивее.

Квалитатив неуправляемости, неподвластности воле человека

Счастье не корова: не выдоишь; Счастье не кляча: хомута не наденешь; Счастье не конь: не взнуздаешь; Счастье не лошадь: по прямой дороге не везет (квалитатив неподконтрольности, своенравия); Счастье как и стекло: когда светло, то и ломко (квалитатив хрупкости). В данных поговорках представлена оценка феномена, его нематериальность, неподконтрольность, хрупкость и недолговечность.

Квалитатив принадлежности высшим силам

Без воли Божьей ничего не делается. Так Богу угодно. На Бога надейся, и сам не плошай; God send you joy for sorrow will come fast enough; Бог лучше знает, что дать, чего не дать.

Квалитатив везения, удачи

Кому везет, у того и бык доится; Кому поведется, у того и петух несется; Лежень лежит, а счастье бежит (квалитатив везения, помощи высших сил); *Для счастья ума не надо; Кому счастье служит, тот ни о чем не тужит.*

Квалитатив социальной несправедливости

Счастье дураков любит, а несчастье и умного губит; Счастье едет в карете, а и с умом, да ходят пешком; Наше счастье – вода в бредне, Наше счастье – решето дырявое; Наше счастье – дождь да ненастье.

Квалитатив умеренности притязаний

Лучше в малом удача, чем в большом провал; Малое счастье лучше большого; Тот богат, кто своим счастьем доволен; Лучшее враг хорошего.

Квалитатив субъективного восприятия

All happiness is in the mind; Не тот счастлив, кто богат, а кто доволен собой.

Квалитатив доброты и щедрости

Не тот счастлив, кто богат, а тот, кто добр и тароват.

В русских поговорках используется природный, зооморфный, предметный лингвокультурные коды, представленные метафорами и ключевыми словами. Русские поговорки чаще определяют счастье как явление, во многом зависящее от внешних обстоятельств, поэтому оно ненадежно, изменчиво, часто оценивается негативно. Пословицы, с одной стороны, рекомендуют смириться с существующим положением вещей, которое нельзя изменить, умерить свои притязания, довольствоваться тем, что имеешь. С другой стороны, присутствует призыв к активной творческой деятельности человека, к мужеству и храбрости в борьбе за свое счастье.

В английских поговорках счастье понимается как удовлетворенность человеческих потребностей, что проявляется в положительных эмоциях

и их внешнем выражении, используется антропный и гастрономический лингвокультурные коды. Английские пословицы рекомендуют человеку больше смеяться, веселиться, пользоваться моментом и стараться получать удовольствие от жизни в стенах своего личного пространства и скрывать свои печали от окружающих. Другая линия поведения, отраженная в паремиях, рекомендует целенаправленную деятельность, упорство в достижении личной цели и успеха.

Модальные признаки (рекомендуемые в пословицах деонтические нормы социального поведения):

Счастье зови, а горе терпи (квалитатив терпения и надежды на лучшее); *Не лови счастье неводом, а лови делом* сделанным (квалитатив приложения усилий); *Не родись красив, родись счастлив* (квалитатив везения, удачи); *Не родись ни умен, ни красив, родись счастлив* (квалитатив удачи). Деонтические нормы жизнеобеспечения: Следует трудиться и надеяться на лучшее. О классификации деонтических норм в пословицах см. (Карасик 2019).

Laugh at leisure, you may greet ere night (квалитатив умения наслаждаться моментом), *Laugh and grow fat* (квалитатив веселья, чревоугодия); *Laugh before breakfast, you'll cry before supper* (квалитатив недолговечности, переменчивости); *Laugh, and the world laughs with you, weep, and you weep alone; We should publish our joys and conceal our griefs* (квалитатив демонстрации успеха и сокрытия неудач); *If at first you don't succeed try, try again* (квалитатив целенаправленных усилий); *Of thy sorrow be not too sad, of thy joy be not too glad* (квалитатив умеренности). Деонтические нормы утилитарного типа (безопасности, благоразумия) и этические нормы жизнеобеспечения.

Русские пословицы данной группы определяют феномен счастья как неконтролируемое человеком явление, во многом зависящее от внешних обстоятельств, связанное с понятием судьбы или влиянием высших сил. Пословицы двух лингвокультур предупреждают о нестабильности и непредсказуемости данного явления. Русские пословицы рекомендуют проявлять терпение и заниматься своим повседневным трудом, утверждают, что человек слаб и не сможет победить в борьбе с судьбой и Божьим промыслом, но он всегда должен верить в помощь Высших сил и надеяться на лучшее. Английские пословицы чаще указывают на кратковременность счастья, негативные последствия бездумного неумеренного веселья, рекомендуется умеренность в выражении эмоций радости и счастья, а также сокрытие личных бед и неприятностей, в то же время рекомендуется внешняя веселость и демонстрация успеха. Таким образом, состояние счастья чаще предстает как результат целенаправленной деятельности или самовнушения, а также включает рекомендацию философского восприятия событий, которые не могут длиться долго.

Раздел 3.

Наш анализ показал, что пословичный дискурс о счастье как универсальный феномен все же отражает национальный взгляд на мир и национальный характер, в нем на первый план выходит аксиологическая составляющая, отражающая нужды и чаяния людей разного социального статуса и субъекта оценки: это бедный крестьянин в русских пословицах и прагматичный представитель среднего класса в английских.

Литература

1. Абакумова О. Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. СПб.: Алеш-Пресс, 2013.
2. Абакумова О. Б. Аксиологическая составляющая русского пословичного концепта Правда // Современная русская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. М.: ГИРЯ имени А.С. Пушкина, 2023. С. 36–42.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
4. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005.
5. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Техн. Ун-т КубГТУ, 2002.
6. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999. 152 с.
7. Заботкина В. И. Межкультурная коммуникация: ментальные и языковые пространства // Межкультурная коммуникация как область научного исследования и академическая дисциплина. М.: Наука, 2024. С. 118–122.
8. Карасик В. И. Нормы поведения в языковой картине мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. М., 2019. Вып. 4. С. 35–49.
9. Карасик В. И. Языковые преобразования реальности. М.: ГИРЯ имени А. С. Пушкина, 2023. 500 с.
10. Киссель М. А. Ценностей теория // Большая советская энциклопедия. В 3- томах. М.: Советская энциклопедия, 1987. 18240 с.
11. Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 90–93.
12. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Архангельск, 1997. Вып.1. С. 11–35.
13. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. Русские пословицы. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. 416 с.
14. Сперри Р. У. Мозг и разум. М.: Наука, 1997. С. 20–44.
15. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
16. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

17. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: Изд-во МГУ, 1997. 320 с.
18. Lippman W. Public opinion. New York: Harcourt Brace, 1922. 384 s.
19. PDP – The Penguin Dictionary of Proverbs. London: Market House Books Ltd, 2000. 385 s.
20. Pisarkowa K. Z pragmatycznej stylistyki, semantyki I historii yzyka. Wybor zagadnien. Krakow: PAN IJP, 1994. 299 s.

**ОБРАЗ «СЕМЬЯ — МАЛАЯ ЦЕРКОВЬ»
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ**

Богуславская В. В. (Москва, Россия)

Ратникова А. Г. (Москва, Россия)

***Аннотация.** В статье представлен анализ текстов центральных российских СМИ, в которых актуализируется образ «семья – малая церковь», рассмотрены характерные особенности репрезентации образа семьи как части русской православной культуры, показаны способы концептуализации лексической единицы «семья» в контексте медийного пространства.*

***Abstract.** The article presents an analysis of the texts of the central Russian media, in which the image of “family is a small Church” is updated, the characteristic features of the representation of the image of the family as part of Russian Orthodox culture are considered, and ways of conceptualizing of the lexical unit “family” in the context of the media space are shown.*

***Ключевые слова:** образ, семья, малая церковь, русская национальная картина мира, концептосфера, СМИ.*

***Keywords:** image, family, small Church, Russian national worldview, concept sphere, media.*

Актуальность предпринятого исследования связана с возросшим интересом к пониманию семьи как духовно-нравственного явления. Так, в статье С. Н. Варламовой, А. В. Носковой и Н. Н. Седовой изучается место семьи и детей в жизненных установках россиян и приводятся данные исследования «Семья. Демография. Социальное здоровье населения», проведенного Службой социологических рейтингов Российского государственного социального университета, которые свидетельствуют о том, что иерархию наиболее важных ценностей россиян возглавляют ценности здоровья, семьи, наличия детей, душевного комфорта [Варламова, 2006, с. 62].

Концепт «семья» неоднократно становился объектом лингвистических исследований. Работа Ф. Г. Фаткуллиной и М. П. Калугиной посвящена исследованию особенностей концепта «семья» как одной из главных составляющих мировосприятия в русской и японской языковых картинах

мира [Фаткуллина, Калугина, 2022]. Комплексное синхронно-диахронное лингвокультурологическое описание семантического наполнения концепта «семья» в национальной концептосфере и его языковое воплощение в русских дискурсивных практиках было осуществлено в работе Ц. Чжан [Чжан, 2022]. В статье В. Е. Иосифовой и Н. Цяньцзянь исследуются сходства и различия между двумя странами, Россией и Китаем, в концепциях семьи, семейных отношениях и в семейном воспитании посредством сравнения китайских и русских пословиц о семье [Иосифова, 2024]. Изучению семантико-когнитивного состава концепта «семья» и определению его дифференциальных, классификационных и категориальных признаков посредством контент-анализа теоретических и эмпирических материалов посвящена работа И. А. Кибальченко и Т. В. Эсакусто [Кибальченко, 2019].

Тем не менее, несмотря на очевидный интерес к феномену семьи, особенности его концептуализации, связанные с духовно-нравственными ориентирами русской национальной картины мира, не являются сегодня достаточно изученными.

М. В. Пименова определяет концептуализацию как двухступенчатый процесс познания: восприятие (перцептивное выделение объекта познания) и сознание (наделение объекта познания смыслом) [Пименова, 2013, с. 127]. Языковая концептуализация также представляет собой процесс познания, результатом которого становятся концепты.

В концептах содержатся знания о ценностях, характерных и значимых для определенной культуры. Русская национальная культура, а значит и концептосфера русской национальной картины мира, неотделима от Православия. В Православии семья является неоспоримой ценностью: *«Семья — это величайшая ценность, дар, который дал нам Бог. Человек должен создавать семью один раз на всю жизнь и беречь как зеницу ока. Что Бог сочетал, того человек да не разлучает (Мф 19, 6)»* [Семья — малая Церковь]. Образ «семья – малая Церковь» неразрывно связан с Православием, с его традициями и культурой, где семья является частью и образом Церкви Вселенской: *«задача Церкви Соборной — спасение ее членов: мы собрались в Церковь, чтобы спасти свою душу и помочь спастись другим. В семье, как в малой Церкви, люди также собрались, чтобы любить друг друга и спастись»* [Семья — малая Церковь].

Материалом анализа особенностей репрезентации образа «семья – малая Церковь» в современных российских СМИ послужили тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка (*ruscorpora.ru*). Всего по запросу «малая Церковь» в газетном корпусе «Центральные СМИ» было получено 12 примеров; временной диапазон с 1996 по 2020 гг., при этом в текстах, опубликованных до 2000 года словосочетание «малая Церковь» не является концептуализатором семьи как объекта познания, но употребляется или в прямом значении – «маленькая, небольшая церковь», или образно обозначает епархию (Любая епархия — малая Церковь).

В качестве одной из особенностей репрезентации образа «семья – малая Церковь» в рассматриваемых примерах обращают на себя внимание жанровые разновидности текстов: интервью (пять текстов), рецензия (два текста), комментарий (два текста) и заметка (один текст). Все перечисленные жанры, исключая заметку, отличаются высокой степенью выраженности индивидуального, авторского, начала, отражают определенное личное мнение, что может свидетельствовать о том, что образ семьи как малой Церкви не является в настоящее время частотным и широко употребляемым в СМИ, о чем также говорит количество полученных по запросу «малая Церковь» текстовых примеров (12 текстовых примеров из 2 728 688 текстов, составляющих газетный корпус «Центральные СМИ»). Подробное рассмотрение текста заметки также обнаружило закрепленное авторство за высказыванием, определяющим семью как малую Церковь («*Необходимо возродить традиционные ценности. Русская культура построена на православной вере. Согласно учению, семья – это малая церковь, в которой все должно быть свято и чисто, в ней может быть только любовь и вера...*», – сказал РБК daily руководитель отдела социологических исследований Михаил Тарусин»).

Несмотря на небольшое количество текстовых примеров, актуализирующих образ семьи как малой Церкви, собранный материал позволил выделить его значимые содержательные компоненты. Семья как малая Церковь — это:

«идеал, к которому надо стремиться»;

«христианская семья»;

«семья, в которой нельзя жить без снисхождения друг к другу»;

«семья, в которой отец — это священник, жена — дьякон, который помогает, а дети — паства»;

«семья в России»;

«не просто воспроизводство населения»;

«сохранение памяти и бессмертия рода»;

«духовная ячейка»;

«семья, в которой все должно быть свято и чисто»;

«семья, в которой может быть только любовь и вера»;

«семья по словам апостола Павла»;

«семья в церковной традиции»;

«то, где закладываются основы жизни».

Смысловыми доминантами актуализации образа семьи как малой Церкви являются такие ценностные концепты, как идеал, жизнь, память, бессмертие, духовность, святость, любовь, вера и другие, которые указывают на значение этого образа как духовно-нравственного жизненного ориентира.

Выбор в качестве материала исследования текстов общественно-политических СМИ был продиктован стремлением к анализу наиболее универсального источника актуальной информации, касающейся современного российского общества, то есть анализу той части медийного пространства,

Раздел 3.

которая в некоторой степени может характеризоваться как универсальная, разноплановая по тематическому содержанию. Именно этот универсализм позволяет говорить о тенденциях и направлениях информационного потока, который не может не оказывать влияния на культуру, общество и человека, имплицитно или открыто указывая на приоритеты в ценностных ориентирах.

Образ семьи как малой Церкви – светлый образ, объединяющий в себе наиболее значимые для русской национальной культуры смыслы. Без образа семьи как малой Церкви, определяющего семью как духовно-нравственный ориентир и идеал, не мыслима русская национальная картина мира.

Обнаруженные особенности репрезентации этого образа в текстах российских СМИ – невысокая частотность появления, ярко выраженная авторская принадлежность – говорят о существовании устойчивых границ между светским и религиозным в современных общественно-политических изданиях, тем не менее содержательный план этого светлого образа как никогда востребован российским обществом.

Литература

1. Варламова С. Н. Семья и дети в жизненных установках россиян / С. Н. Варламова, А. В. Носкова, Н. Н. Седова // Социологические исследования. 2006. № 10. С. 61–73.
2. Иосифова В. Е. Концепт «семья» в русских и в китайских пословицах / В. Е. Иосифова, Н. Цяньцзянь // Филология, лингвистика и лингводидактика в современном обществе: Сборник материалов международной научной конференции, Елец, 11–12 апреля 2024 года. – Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2024. – С. 69–72.
3. Кибальченко И. А. Представления молодых людей о семье: семантико-когнитивный состав концепта / И. А. Кибальченко, Т. В. Эксакусто // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8/ № 4–1. С. 158–166.
4. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. №2. С. 127–131.
5. Семья — малая Церковь — URL: <https://pravoslavie.ru/103549.html> (дата обращения: 06.10.2024).
6. Фаткуллина Ф. Г. Репрезентация концепта «семья» в русской и японской языковых картинах мира / Ф. Г. Фаткуллина, М. П. Калугина // Вестник Башкирского университета. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 458–461.
7. Чжан Ц. Семантическое наполнение концепта «семья» в русской языковой картине мира и его языковая объективация в современной русской речи: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чжан Цинхань, 2022. – 182 с.

«ЗРЕЛЫЙ ВОЗРАСТ»
В РОССИЙСКОМ НОВОСТНОМ КРИМИНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Боженкова Н. А. (Москва, Россия)

Апалькова Т. В. (Москва, Россия)

Аннотация. В статье на материале криминальных новостей российских интернет-СМИ рассматриваются способы и приемы конструирования медиа-образа отдельной социальной группы – люди зрелого возраста. Выявляются содержательно-тематические особенности данного новостного контента, описываются языковые способы объективации виктимности пожилых людей, характеризуется аксиологическая специфика репрезентации оппозиции «пенсионер – жертва преступления / пенсионер – преступник».

Abstract. The article considers the methods and techniques of constructing a media image of a separate social group – people of mature age – on the material of criminal news in Russian Internet media. The article reveals the content and thematic features of this news content, describes the linguistic ways of objectifying the victimhood of the elderly, and characterizes the axiological specifics of the representation of the opposition 'pensioner – victim of crime / pensioner – criminal'.

Ключевые слова: новостной криминальный дискурс, пенсионер, пожилой, жертва, преступник.

Keywords: News criminal discourse, pensioner, elderly, victim, perpetrator.

Как известно, в силу возможности молниеносного реагирования на любые происходящие события основной «площадкой» объективации новостного пространства сегодня являются интернет-СМИ, в содержательном поле которых контент, освещающий различные правонарушения, занимает особое место. Можно утверждать, что новостной дискурс криминальной тематики, или криминальные интернет-новости, – один из наиболее распространенных сегодня видов дискурсивной практики, «ядром» которого оказывается медиатекст, предполагающий освещение преступлений, хода расследования, судебных процессов и др. Данный вид дискурса характеризуется, с одной стороны, достоверностью, оперативностью в подаче материала, относительной сжатостью и эллиптичностью текста, с другой же – определенной сенсационностью, фиксацией деталей, эмотивностью и даже категоричностью, нередко подтверждаемой авторитетными мнения экспертов (юристов, криминалистов, психологов). В ряде случаев в контексте криминальных новостей поднимаются этические вопросы, связанные с жертвами преступлений или преступниками, что обеспечивает медиаресурсу дополнительную возможность оказывать влияние как на сознание адресата (-ов), так и на формирование общественного мнения в целом.

В ракурсе данного контента интересными оказываются особенности медийной экспликации отдельной социальной страты – *люди зрелого возраста*, концептуализация представлений о которых напрямую влияет на аксиологические воззрения в обществе и, как следствие, на формирование социальных стереотипов (см. в этой связи: «Сформировавшиеся принципы мировоззрения разных слоев населения в силу их авторитетности и распространенности в массовом сознании могут влиять на менталитет, становясь мировоззренческими основами менталитета» [Радбиль, 2021, с. 56]).

Так, в российском новостном криминальном дискурсе стал отмечаться повышенный интерес к отражению проблем пожилого возраста с констатацией личностных и когнитивных изменений при выходе на пенсию: как правило, речь идет о том, что изменение делового или профессионального статуса, нарушение привычного ритма жизни, уменьшение доходов создают условия для снижения уровня самооценки и стремительной виктимизации человека зрелого возраста. Очевидно, что авторы умышленно вводят в заголовочные комплексы статей оппозитивную связку ‘пенсионеры’ – ‘мошенники/мошенничество’ или ‘преступники’, например: «**Преступники начали похищать пенсионеров**» (pensnews.ru, 24.11.2023), «**Обманутые мошенниками российские пенсионеры с гранатой напали на банк**» (lenta.ru, 28.11.2023), «**Названы самые популярные мошеннические схемы в отношении пенсионеров**» (aif.ru, 16.08.2024), «**Юрист Соловьев: мошенники предлагают пенсионерам оформить фейковую льготу**» (aif.ru, 14.08.2024), «**ВТБ раскрыл три схемы мошенничества против пенсионеров**» (rbc.ru, 16.08.2024), «**Сеть обмана: масштабное мошенничество с пенсионерами разоблачено в Петербурге**» (47channel.ru, 22.02.2024) и т.п. Не менее частотной является номинация данной возрастной категории с включением лексемы *пожилой*: *люди или граждане пожилого возраста / пожилые граждане/ пожилые россияне / пожилые жители города / потерпевшие пожилого возраста/ пожилые жертвы*: «**Пожилая нижегородка дважды за один месяц стала жертвой мошенников**» (www.nn.ru, 06.06.2023) и т.п. В качестве лингвистических маркеров самих текстов выделим многообразие юридических/ экономических терминов, канцеляризмов, стандартизированных оборотов и их «совмещение» с экспрессивно окрашенными лексемами: «**Пожилым людям звонят на стационарный телефон, представляются сотрудниками правоохранительных органов и сообщают: им стало известно, что за пенсионером следят преступники, они хотят его похитить, чтобы завладеть банковскими счетами и имуществом**» (pensnews.ru, 24.11.2023), «**Самые популярные схемы мошенничества в отношении пенсионеров в августе были связаны с перерасчетом пенсии, полисами обязательного медицинского страхования (ОМС) и скидками на жилищно-коммунальные услуги (ЖКУ), сообщили в одном из крупных российских банков**» (aif.ru, 16.08.2024), «**Соловьев напомнил о том, что нужно быть бдительными и не верить звонкам от людей, которые представляются сотрудниками правоохранительных органов, спецслужб, Центробанка,**

Социального фонда, МФЦ, поставщиков коммунальных услуг, органов здравоохранения и других ведомств», «Если жертва поверит мошенникам во второй раз, ее ждут плачевные перспективы — вплоть до потери жилья, отметил юрист» (aif.ru, 16.08.2024), «Злоумышленники, звонящие россиянам с просьбой перевести деньги, используют следующие слова и фразы: «ФСБ», «МВД», «Центральный банк», «безопасный счет», «сообщите код из СМС / данные карты / паспорта / СНИЛС» (rbc.ru, 16.08.2024) и т.п.

Особо отметим, что при описании образа данной социальной группы некую дифференциальную черту образуют ‘шестидесятилетние’ (тоже пенсионеры!): «Меньше всего преступлений совершается в отношении лиц возрастной группы от 60 до 65 лет. Думается, что это обусловлено тем, что люди данной возрастной группы еще достаточно активны, часто выглядят моложе своих лет...» [Репецкая, 2010, с. 129]. Если же субъектами криминальной хроники оказываются люди старше 65, они описываются (в большинстве случаев) как жертвы преступлений. Неслучайно внимание к проблемам пожилых людей и их виктимизации впервые было проявлено в 1982 г. в рамках I Всемирной ассамблеи ООН по проблемам старения [Горфан, 2011], а феномен виктимности является «своеобразным психологическим отражением «несоответствия» человека требованиям сложных психологических реалий, индикатором трудностей/невозможности приспособления к сложившейся ситуации» [Фоминых, 2014, с. 116].

В этой связи медиаресурсы «нарочито» актуализируют ряд основных виктимогенных факторов, способствующих совершению преступлений в отношении лиц 65+, – возраст потерпевшего, его социальная не-активность, состояние здоровья, среда проживания и др. В материалах часто отмечают (как физиологические корреляты пенсионного стресса) нарушение когнитивных функций, бессилие, физическую хрупкость, в совокупности образующие виктимологический продукт, приводящий к сварливости, изоляции от общества, утрате большинства социальных связей, ощущению бесполезности [Будякова, 2024, с. 60; Репецкая, 2024]. В таких текстах обязательно присутствует пейоративная коннотация характеристики человека, он атрибутируется как «угасающий» и потенциально уязвимый: *«Кстати, причиной «жертвенного» поведения человека могут стать и проблемы со здоровьем. Как отметила Анна Митрофанова, часто человек теряет способность критически относиться к поступающей информации от неизвестных, анализировать обстановку и адекватно реагировать из-за небольших нарушений работы некоторых отделов мозга» (www.nn.ru, 06.06.2023)*, при этом репрезентация психического статуса и поведенческие характеристики людей зрелого возраста «опираются» на лексические единицы *чувство, состояние, ощущение* и контекстное окружение: *«По словам специального психолога Анны Митрофановой, человек становится жертвой мошенников не случайно, а при совпадении нескольких условий: определенное эмоциональное состояние, например, чувство внутренней тревоги, ощущение паники, страха, обиды,*

апатии; события в жизни, которые выводят из состояния равновесия. Это могут быть глобальные происшествия в стране и мире, а также проблемы в семье или на работе; ослабление социальных контактов, например, ссора с близкими людьми, отсутствие друзей или полное одиночество. — Чем сильнее проявления этих факторов, тем выше вероятность, что человек не сможет адекватно оценить ситуацию и попадет в сети мошенников» (www.nn.ru, 06.06.2023).

Можно утверждать, что в интернет-медиа конституируются определенные индивидуально-типологические черты виктимной личности, которые могут становиться для нее опасными при определенных криминогенных условиях: неумение/боязнь отстаивать свои права, легкая подчиняемость незнакомым людям, внушаемость, неосмотрительность и др. Люди зрелого возраста характеризуются как доверчивые, легко вводимые в заблуждение, чему способствует ряд эпитетов, предикатное и присловное отрицание: *«В случае, если жертва оказалась податливой, мошенники звонят ей от лица сотрудников Центробанка или правоохранительных органов»* (aif.ru, 16.08.2024), *«По данным Генпрокуратуры, в 2019 году в России было 2 млн преступлений, и каждое шестое — мошенничество. Жертвой мошенников может стать кто угодно, но самые уязвимые — пожилые люди. Им не хватает общения, они не всегда владеют современными технологиями и не могут сразу попросить о помощи. А еще они доверчивы и открыты к посторонним — этим мошенники и пользуются»* (journal.tinkoff.ru, 23.02.2023) и т.п. Нередко описываются механизмы воздействия на жертву со стороны манипуляторов (убеждение, внушение): *«Пара пенсионеров из Владимирской области попала под влияние телефонных мошенников и по их указке совершила нападение на банк... В ходе разбирательства выяснилось, что пожилые люди были обмануты мошенниками. Они убедили их, что они участвуют в поимке опасных преступников»* (lenta.ru, 28.11.2023) и т.п. Для выражения сомнения в достоверности сообщаемого употребляются изъяснительные союзы, частицы с усилительным значением, вводные слова для указания на передачу чужой речи : *«Татьяна даже звонила якобы из управления налоговой службы Нижегородской области с требованием оплатить налог — дескать, машина с деньгами уже выехала»* (www.nn.ru, 06.06.2023), *«Еще один способ — мошенники просят якобы подтвердить даты для прохождения диспансеризации»* (rbc.ru, 16.08.2024) и т.п., тогда как оценочная и жаргонная лексика, встречающаяся в новостном криминальном дискурсе, характеризует субъектов действия (*аферист, псевдоюрист, деятель, московский «адвокат»*) либо само действие (*подработка на лето, кланчить деньги, разводиться*), например: *«Жителя Володарского района несколько раз развели аферисты под видом инвестиций»* (www.nn.ru, 06.06.2023), *«Псевдоюрист имитировал бурную деятельность, сыпал известными фамилиями федеральных чиновников. Постепенно деятель начал кланчить деньги — сперва на канцтовары и конверты для запросов. Дальше — больше. Уверял, что вынужден давать взятки, чтобы продвинуть дело*

нижегородки» (там же), «**Подработка на лето: в Нижнем Новгороде задержан молодой парень, укравший более миллиона рублей у пенсионерок**» (www.nn.ru, 26.06.2023) и т.п.

Согласно статистике, количество жертв социальной группы зрелого возраста превышает в данной стране число преступников, вместе с тем количественный показатель криминальных интернет-новостей, в заголовках которых лексемы с семантикой возраста ‘пенсионер/пожилой человек’ предидируются словами ‘преступник, маньяк’, в последние годы растет: «**Маньяком оказался пенсионер-полицейский? Разбираем нестыковки громкого дела**» (kr.ru, 23.10.2019), «**В России выявили рекордное за последние 10 лет количество преступников-пенсионеров**» (mk.ru, 20.04.2023), «**Впервые за десять лет доля преступников старше 50 превысила 10 %, следует из данных Верховного суда**» (rbc.ru, 22.04.2023), «**Пенсионеры-преступники: некоторые действуют по принципу «мне уже ничего не страшно»**» (iarex.ru, 20.04.2023), «**Доля граждан старше 50 лет, осужденных за уголовные преступления, впервые с 2013 года превысила 10 % от общего числа тех, кто получил обвинительные приговоры, следует из статистики Верховного суда за 2022 год**» (zakon-i-poryadok.com, 20.04.2023). Принципиально, что в материалах содержится статистические данные, позволяющие адресату однозначно интерпретировать описанные события: на фоне сокращения числа преступлений в России в целом количество преступлений, совершенных пенсионерами, выросло: «**Примерно треть от всех осужденных людей старше 50 лет — пенсионеры (31,2 %, или 19 286 человек). Так, мужчин старше 60 лет в этой группе — 13 341 (считался возраст на момент вынесения приговора), а женщин 55-летнего возраста и старше — 5945. В количественном отношении число мужчин-пенсионеров, получивших приговор по уголовному делу, в 2022 году стало максимальным с 2013 года — 13,3 тыс.»**» (dzen.ru, 20.04.2023). Однако и здесь медиапространство фокусируется на психологическом нездоровье и социальных проблемах лиц зрелого возраста: «**Но проблема роста преступности среди пенсионеров не в этом. Скорее всего, многие преступления совершаются в сложном психоэмоциональном состоянии. И здесь многим пенсионерам требуется психологическая, а иногда и психиатрическая помощь, что будет способствовать снижению агрессивности, неуравновешенного поведения, и сможет привести к снижению преступности**» (iarex.ru, 20.04.2023).

В качестве некой «оправдательной» линии российской новостной криминальный дискурс фиксирует глобальность данной проблематики, предлагая контент (с различной степенью детализации) о преступниках пожилого возраста в других странах: «**Часто мы слышим истории, в которых пожилые люди становятся жертвами мошенников. Но бывает и наоборот: старики в солидном возрасте решаются на дерзкие преступления и даже становятся приговоренными к смертной казни. MIR24.TV расскажет истории самых пожилых преступников и попробует разобраться, что ими двигало**»

(mir24.tv, 24.06.2024), «**Шестидесятилетний преступник по имени Джузеппе Фанара напал на семерых работников итальянской тюрьмы Ребиббья, где отбывает наказание**» (lenta.ru., 08.09.2020), «**В Риме орудовала банда налетчиков из шести пенсионеров, каждому из которых от 60 до 70 лет**» (там же), «**21 декабря пожилой рецидивист был вновь арестован. В этот день Белл зашел в отделение банка с черной маской на лице... Оттуда грабитель забрал 64 тысячи долларов (5,6 миллиона рублей) и скрылся на автомобиле... Полицейские уверены, что банк был не единственным местом, которое ограбил **пожилой преступник**, и разыскивают других пострадавших от его действий в последние месяцы**» (lenta.ru, 15.01.2024) и т.п.

Очевидно, что последней криминальный дискурс, будучи особым, значимым сегодня видом коммуникации, демонстрирует общие социальные тенденции, поэтому приемы / способы конструирования контента, формирующего образ *людей зрелого возраста*, могут рассматриваться как определенный ракурс описания проблематики российского общества в целом. Представляется, что медийная актуализация социального и/или психологического дисбаланса пожилых граждан (приводящая в одном случае к статусу жертвы, в другом – к статусу преступника) свидетельствует о новом отношении универсума к данной категории лиц, а номинация ‘зрелый возраст’ оказывается «именем» информационно-идеологического продукта, в результате чего трансформируется как аксиологическая картина общества, так и конфигурация самого социального пространства.

Литература

1. Будякова Т. П. Виктимные свойства личности в пожилом возрасте // Психолог. 2024. № 4. С. 60–75.
2. Горфан Я. Ю. Некоторые психологические аспекты виктимизации пожилых людей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. Том 1. № 4. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n4/49297 (дата обращения: 26.09.2024).
3. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.
4. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. Москва: Флинта, 2021. 328 с.
5. Репецкая Ю. О. Виктимогенные факторы, детерминирующие совершение преступлений в отношении лиц пожилого возраста [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/viktimogennye-factory-determiniruyuschiesovershenie-prestupleniy-v-otnoshenii-lits-pozhilogo-vozrasta/viewer> (дата обращения: 26.09.2024).
6. Репецкая Ю. О. Характеристика личности преступника и потерпевшего в преступлениях, совершаемых против пожилых людей // Известия ИГЭА. 2010. № 4 (72). С. 128–131.
7. Фоминых Е. С. Психологические механизмы виктимности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. № 5. С.116–120.

РАЗВИТИЕ КОННОТАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ У ГАСТРОНИМОВ

Бударagina Е. И. (Нижний Новгород, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается аксиологически значимая оппозиция гастронимов, называющих напитки (чай, латте, капучино) и составляющие их ингредиенты (сою). Отмечается формирование у прилагательного «соевый» негативного оценочного компонента, связанного с такими семами, как 'ненатуральность', 'опасность', 'заменитель'. Напитки, содержащие сою, становятся не просто маркером принадлежности к богеме, но и средством оценки действий людей. «Крепкий чай», напротив, характеризует мир простого, настоящего человека, способного на большие поступки. Данная оппозиция проявляется не только в речи, но и в современном поэтическом тексте.

Abstract. The article examines the axiologically significant opposition of gastronyms naming drinks (tea, latte, cappuccino) and their constituent ingredients (soy). It is noted that the adjective "soy" has a negative evaluative component associated with such semes as 'unnaturality', 'danger', 'substitute'. Drinks containing soy become not just a marker of belonging to bohemia, but also a means of evaluating people's actions. "Strong tea", on the contrary, characterizes the world of a simple, real person capable of great deeds. This opposition is manifested not only in speech, but also in the modern poetic text.

Ключевые слова: аксиология, гастронимы, соевый, латте, капучино, чай, современная поэзия, А. Долгарева, А. Пелевин, И. Караулов, В. Маленко.

Keywords: axiology, gastronyms, soy, latte, cappuccino, tea, modern poetry, A. Dolgareva, A. Pelevin, I. Karaulov, V. Malenko.

Отечественная лингвокультурология рассматривает широкий спектр самых разных проблем, в том числе метафоризацию исходно безоценочных лексем [Арутюнова, 1988; Телия, 1996]. Целью данной статьи является исследование формирования аксиологической составляющей в семантике номинаций, относящихся к тематической группе «кулинария». Гастронимы нередко становятся основой для формирования разнообразных пищевых метафор, часть которых выражает и оценочное значение.

Пищевая метафора изучается достаточно активно в современной филологии, в широком смысле под этим термином понимается «концептуальная модель осмысления различных явлений окружающего мира и внутреннего мира человека в терминах еды и гастрономии» [Юрина, 2020, с. 152]. Посредством пищевой метафоры описываются впечатления от путешествий, характеризуются различные культурные явления, исторические события, политические процессы. «Пищевая метафора широко представлена в современных дискурсивных практиках, является актуальной моделью

смыслорождения в русской речи и эффективным средством образной характеристики различных сфер действительности» [Юрина, 2020, с. 165].

Гастрономическая метафора ярко представлена в русской языковой культуре и выполняет она не только номинативную, когнитивную, эстетическую, но и аксиологическую функцию, когда носители языка выражают свое отношение к фрагментам действительности через гастрономические образы (например, недовольство может эксплицироваться такими выражениями, как *плюну жеваной морковкой, закидали помидорами, вишенка на торте* и проч.). Пищевая метафора является средством экспликации разных видов оценок – от внешности человека и состояния его здоровья до характеристики морально-этических качеств [Боровкова, 2015].

В рамках данной статьи рассматриваются особенности метафорически-аксиологического употребления лексем, называющих разные виды напитков: *чай – РАФ, латте, капучино*, а также случаи аксиологически-маркированного употребления прилагательного *соевый*.

Изначально данные лексемы не имели оценочного компонента в семантике и выполняли номинативную функцию, обозначая различные виды напитков и состав продуктов. В толковых словарях фиксируется только прямое значение прилагательного *соевый*: «*со́евый* -ая, -ое. прил. к *соя*. *Соевые посевы. Соевые бобы*. || Приготовленный из сои, с соей. *Соевое молоко. Соевая мука. Соевое масло*» (МАС).

В основном корпусе НКРЯ зафиксировано 50 точных употреблений прилагательного *соевый*, все связаны с выражением прямого значения и реализуются в сочетании с такими существительными, как *соус, белок, протеин, запах, шрот, лецитин, творог, кефир, батончик, лецитин, белок* и т.п. Первые 100 употреблений словоформ в основном корпусе НКРЯ реализуют прямое значение. В корпусе СМН НКРЯ на 100 употреблений словоформ лексемы *соевый* встречается 5 раз реализация переносного, оценочного значения: *не смешивай — пиратить отлично сейчас, а соевые куколды да — танцуют с бубном и белорусскими карточками* [Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (08.09.2022)]; *Соевые мальчики опять чем-то недовольны?* [Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (24.06.2022)]; *У твича аудитория — это симпы и соевый биомусор*. [Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (08.07.2021)]; *Нуфига, соевые чуваку remastered*. [Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (03.05.2021)]; *Атаку соевых ботов* [Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (21.04.2021)].

Для выявления степени осознанности оценочного компонента в составе значения прилагательного *соевый* был проведен опрос студентов-филологов первого курса НГПУ им. К. Минина. В целом, результаты подтверждают картину, отраженную в НКРЯ. Из 70 респондентов переносное оценочное значение указали среди слов-ассоциаций шестеро (в сочетании *соевый человек, соевое настроение*), в остальных случаях реализовывалось прямое значение; у 41 человека *соевый* имеет потенциально отрицательную характеристику;

в контексте *соевый либерал* объект характеризуется отрицательно у 62 опрошенных. Таким образом, опрос позволяет сделать вывод о том, что аксиологический потенциал данной лексемы в речевой практике практически не реализован, однако носителями языка чувствуется.

При этом в современном медиапространстве процент оценочных употреблений данного слова значительно выше. Если мы обратимся к тг-каналам, связанным не с кулинарией, а с общественной, культурной жизнью страны, то увидим там принципиально иную картину. Например, в тг-канале Наталии Осиповой (<https://t.me/ossinoe>) из 42 употреблений словоформ прилагательного *соевый* нет ни одного аксиологически-нейтрального, даже в контексте *соевые продукты* оно выступает как культурный маркер, а не как кулинарная характеристика: *Бабоньки, а мы все думали, почему мужик хочет только под бочок и чтобы кушенькать соевых продуктов? А мамочка сказала.* (<https://t.me/ossinoe/5838>). В остальных случаях реализуется метафорическое значение слова *соевый*, позволяющее ему выступать качественной характеристикой и сочетаться с такими существительными, как *протест, либерал, девушка, попугай, куколд, создание, барышня, релокант, нетвойняшки, люди, жители, ценности, болваны, режиссеры, дурачки, хипстеры, буржуа, пуськи, мужчинки-снежинки, сыночки, самокатчики, интеллигенция*, а также встречается субстантивное использование данной лексемы (*тысячи этих соевых сидят и ждут нашего провала* (<https://t.me/ossinoe/13926>)). Преимущественно употребление связано с формой множественного числа или в форме ед.ч. с обобщающим значением.

В тг-канале Захара Прилепина встречается 6 словоупотреблений прилагательного *соевый*, все 6 оценочно окрашены, единожды встречается употребление в сочетании с гастрономическим существительным и так же, как и в предыдущем случае, этот контекст культурно маркирован: *Человек говорит: я люблю макароны по-флотски. Ему говорят: нет, ты любишь жрать сою, соевый суп, салат из сои, соевые печенья. Он говорит: нет, макароники и тушенку люблю. Ему: вот, сою жри, и не жадуйся* (речь в посте идет о противостоянии разных политических сил) (<https://t.me/zakharprilepin/2953>).

Аналогичную картину видим в тг-канале поэта Игоря Караулова: если речь о кулинарном употреблении, то оно культурно маркировано (*А выбор-то, который встал перед поэтами после 24.02.2022, был прост: быть с тусовкой или со страной. <...> Да, выйти из скорлупки рискованно, можно ведь и совсем обнулиться, если статус уж слишком дутый. Поэтому многие испугались. Но, полетав на воле и отведав свежего мяса, возвращаться на соевую диету – кому ж захочется?* (<https://t.me/karaulovnews/3337>), преимущественно используется метафорическая характеристика: *соевая депрессия*. Т.о., 5 из 5 употреблений оценочные. Качественность значения подчеркивается употреблением превосходной степени: *Наиболее соевая, самая повесточная часть демократов начинает робко отстраиваться от Байдена* (<https://t.me/karaulovnews/1287>).

В значении прилагательного *соевый* формируются новые семы, связанные особенностями употребления данной добавки: ‘ненастоящий, альтернативный, веганский’, на базе чего складывается отрицательная коннотация. В итоге гастроним *соевый* обозначает отрицательную характеристику, его можно назвать инвективным интенсификатором, поскольку негативная оценка лишь усиливается с употреблением данного слова, служащего, судя по всему, одним из средств создания образа врага [Колобова, 2024], т.к. его используют в качестве аксиологического маркера представителя самых разных взглядов для номинации предмета критики или оппозиционной стороны.

Так, в канале Ксении Собчак «Кровавая барыня» встречается 10 употреблений прилагательного *соевый*, лишь единожды слово употреблено в прямом значении (*Как сообщили Осторожно Media в ведомстве, среди основных опасений у потребителей — соевый белок вместо мяса, более дешевое мясо птицы вместо говядины и свинины, а также наличие перемолотых костей в фарше* (<https://t.me/bloodysx/32034>)), в остальных случаях оно также выражает негативную оценку: *соевая диктатура, соевые деколонизаторы*, трижды встречаем словосочетание *соевые снежинки*: *Дико утомила эта манипуляция светлоликих и соевых снежинок — если полиция, то палачи, если заявление, то подлое стукачество* (<https://t.me/bloodysx/38367>); *А теперь о насущном для наших вечно ноющих соевых снежинок: в Китае набирают популярность дома престарелых для молодежи* (<https://t.me/bloodysx/36646>); *Китайские соевые снежинки продолжают делать все, что угодно, лишь бы не работать. Теперь они придумали термин описывающий переутомление — ban wei (запах работы)* (<https://t.me/bloodysx/37398>). *Соевые снежинки* – это очень инфантильные взрослые, сочетающие высокую степень психологической ранимости и зашкаливающую агрессию ко всему, что выводит их из зоны комфорта. Одним из атрибутов *соевых снежинок* как раз и является стаканчик кофе на альтернативном молоке, лавандовый РАФ или тыквенный латте: *Но сейчас весь мир идет к тому, что люди этот путь проходить не хотят, зато хотят сразу много денег и положение за «красивые глазки», и модный лук Balenciaga, и вообще хотят отдыхать, оскорбляться от любого «неправильного» взгляда и пить капучино на соевом. Нет, ребят, это так не работает. Ни в одном деле* (<https://t.me/ksbchk/16009>). Таким образом, намечается культурно-маркированная оппозиция, выражающаяся в противопоставлении безлактозных (=ненастоящих) напитков крепкому чаю, когда первое противопоставляется реальности, а второе с ней сближается: *Наблюдаю смешную битву тыквенного латте с реальностью, с крепким чаем. Латте думало, что победило, заполнив собой все креативные индустрии <...> И тут в двери тыквенного латте постучалась реальность. Латте убежало. Испортило плиту <...> Напоминаю, что в моем блоге БАЮН-медиа я подробно разбираю героев из чашки с тыквенным латте. Еще их называют соевыми. Потому что они хотят только вегетартански развлекаться и подали бы в суд на родителей: как посмели их родить в мир, где существуют*

интересы стран, война, политика, сопротивление, нацизм, правда, честь. Им достаточно **латте**, полного желудка, а мир требует от них хотя бы поступка (<https://clck.ru/39BSBh>).

Раф, латте и другие виды кофе с наполнителями ассоциируются с пресыщенностью, с избыточностью, с изнеженностью и гламуром: *В Магадане я долго искал Высоцкого. Кружил по местности, заглядывал под обрыв, спускался козьими тропами. Но нашел только хипстерское кафе **Dacha с малиновым рафом**. Оказалось, памятник перенесли в еще более хипстерское место, где молодежь на самокатах ездит толпами. Вообще приезжаешь в Магадан, чтобы вдохнуть атмосферу бандитских кабаков и золотой лихорадки, а обнаруживаешь еще один парк Зарядье. **Россия зажралась*** (<https://t.me/karaulovnews/4005>). Еще пример: *Украинская сторона, наверно, рассчитывала на что-то другое. На то, что **изнеженные** москвичи, прочитав про восемь набум запущенных БПЛА, **подавятся латте и начнут бегать в панике, рвать на себе волосы**, а может быть, даже выйдут на демонстрацию и потребуют немедленно сдаваться. Специально выглянул сейчас в окно: тихо. Едут машины, идут трамваи, гуляют люди* (<https://t.me/c/1686844692/3904>). Когда хотят охарактеризовать человека как представителя богемы, непременно отмечают его соответствующие гастрономические предпочтения: ***Латте и капучино пьют только с миндальным или кокосовым молоком, это штрих к портрету. А еще Полина считается одним из лучших молодых педагогов по классу фортепиано. В общем, **богема**, как говорится*** (<https://t.me/ulianaStrizh/2456>).

Поддерживается такая оппозиция и в современной поэзии. В стихотворении Игоря Караулова противопоставление двух миров подчеркивается антитетичной рифмой *ров-раф*

Работино сработано под ноль,
до **земляной** и **каменистой** массы.
Шло **наступление** весь июнь, июль,
и до сих пор не кончились тарасы.
То ли **окоп**, то ли могильный **ров**,
и день за днем не молкнет **канонада**.

Работино сработано под ноль,
На Малой Бронной земляничный **раф**
и сто пятнадцать видов **мармелада**.
Девицы говорят о **ерунде**,
изображают **позы**, как в **рекламе**,
и все еще не выяснили, где
живут – в России или в **инстаграме**.

Перед нами два мира: в одном *война, земля, камни, наступление, окопы и рвы* – приметами другого являются *РАФ, мармелад, ерунда, реклама, инстаграм*.

В стихотворении Полины Орынянской РАФ тоже примета мирного времени, безмятежности, беспечности:

И жадные туристы на носу
парома, словно маленькие дети,
узревшие впервые водный мир,
сияют, пальцем тычут на буксир,
потом, горласто ссыпавшись по сходням,

берут глинтвейн в кофейне или **раф**
и, щурясь на сирени во дворах,
идут, смеясь, по бывшей преисподней.
(https://t.me/stihi_orynianskaya/650)

В стихотворении Александра Пелевина «Спасибо, что мы не стали прекрасной Россией будущего» *сладкая Волга-река из соевого молока* характеризует тот образ России, который рассыпается, вызывая недовольство людей, называемых *соевыми*: <...> *спасибо, что мы не стали // Прекрасной Россией будущего с редакторками из Доксы, // Прекрасной Россией будущего от Вишеры до Вуоксы, // Где сладкая Волга-река из соевого молока, // Где над свободной Ингрией радужные облака* (<https://t.me/comradepelevin/6891>).

Рассматривая образную систему современного поэтического текста, следует отметить и значимое отсутствие некоторых элементов. Так, в стихах Анны Долгаревой, пишущей о простых людях, о военных, изысканные напитки вовсе не упоминаются, а чай является важным элементом образной системы: *И мы с тобой, причащены // единым хлебушком и чаем, // на раздорожье тишины // друг друга тихо провожаем* (<https://t.me/dolgareva/885>) – чай – это то, что объединяет людей, даже если дороги их расходятся, это то, что согревает в холод, это примета простой, обычной, нормальной жизни (*И мы греемся чаем средь долгой зимы, // Говорим что-то, машем руками* (<https://t.me/dolgareva/840>); *Вот так бы, любовью неспешной и жить, // Высокой березе кивать и дружить // С незлобной соседской собакой. // Ходить за дровами и печку топить, // И чай золотистый бы медленно пить, // И больше не плакать, не плакать* (<https://t.me/dolgareva/830>).

Социально-культурная маркированность чая, наверное, наиболее рельефно отражена в стихотворении Влада Маленко «Русские маяки»: *Чай наш крепко заварен. // Вечен звезд хоровод – // Пушкин, Толстой, Гагарин // Двинули время вперед. // Сильнее любых орудий // С распахнутой дверью дом. // Россия – широкие люди, // Идущие узким путем* (<https://t.me/vmalenko/1780>). Чай, таким образом, – это примета тех, кто *двигает время вперед* – в противоположность любителям латте и капучино на соевом, не способным на поступки.

Итак, в лингвокультурном медиапространстве современного человека намечается культурная, аксиологически значимая оппозиция, выражающаяся на языковом уровне посредством противопоставления ненастоящих, альтернативных, изысканных напитков (соевый латте, раф) настоящему и простому чаю.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Боровкова (Балдова) А. В. Пищевая метафора как средство выражения оценки и ценностей (на материале образной лексики и фразеологии русского языка) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 5–13.

3. Колобова С. В. Инвективы как средство создания образа врага в информационной войне (на материалах Телеграм-каналов военных корреспондентов) / С. В. Колобова, Л. Е. Малыгина // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2024. Т. 13. № 3. С. 79–84.

4. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

5. Юрина Е. А. Пищевая метафора в русском лингвокультурном дискурсе / Е. А. Юрина, А. В. Балдова // Язык и культура. 2020. № 50. С. 152–169.

КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» И ЕГО МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ЛОГИКА В ТВОРЧЕСТВЕ ЮЙ ХУА

Ван Цяньцзянь (Уфа, Россия)

***Аннотация.** Семья, как основная единица социальной жизни, связывает членов общества в тесную группу. Как концепт она отражает уникальную национальную картину мира с точки зрения языка. Для подробного анализа скрытых культурных коннотаций и особых способов выражения концепта «семья» в художественной картине мира, созданной Юй Хуа, из его произведений с помощью метода обобщения и метода отбора выбраны типичные примеры. Представленный материал показывает, как реализуются художественные замыслы через призму метода писателя, также даются рекомендации по переводу современной китайской литературы и способам ее продвижения.*

***Abstract.** As the basic unit of social life, family binds social members into a close circle; as a conceptual core word, it reflects a unique national worldview from a linguistic perspective. In order to analyze in detail, the cultural connotations implied in the world art picture created by Yu Hua and the special way of expressing the concept of “family”, typical examples are selected from Yu Hua’s novels using the method of summarization and selection. Because it can show artistic realization through this writing method, it provides multi-level and comprehensive guidance for the translation and promotion of contemporary Chinese literary novels.*

***Ключевые слова:** концепт, семья, метафорическое значение, китайское произведение, Юй Хуа.*

***Keywords:** concept, family, metaphorical meaning, Chinese novel, Yu Hua.*

Мир – это целое, и каждая часть, составляющая этот мир, имеет свое собственное восприятие о нем. Среди них, будь то осязаемое или неосязаемое объективное существование и концептуальная совокупность, особое значение имеют человеческие понимание, объяснение и воображение о мире. Для описания значения существования человека, Леонтьев А. Н. интегрировал их в целостную когнитивную систему посредством концепта картины мира

[Леонтьев, 1975, с. 86]. Отсюда заключаем следующее, что картина мира является свидетелем и регистратором гармоничного сосуществования человека и мира. В таком случае, с помощью картины мира мы можем интуитивно почувствовать различия и общности национального менталитета между разными народами, а также сближать с носителями культур.

С древнейших времен и поныне, семья занимает чрезвычайно важное место как в китайском обществе, так и в других странах. Семья является основной ячейкой групповой жизни, важной опорой социального порядка и стабильным носителем традиционной культуры. Таким образом, концепт «семья» играет брендирующий эффект в компилировании сознания и взгляд людей в область картины мира, находящуюся под влиянием мультикультурных контекстов. В китайской картине мира важная интерпретация о семье – это социальная ячейка, основанная на браке и кровных связях, включая родителей, детей и других членов кровного родства. Эта интерпретация с акцентом на кровные связи как мост для создания семьи [онлайн-словарь: <http://xh.5156edu.com/html3/6267.html>]. В российской картине мира семья – социальный институт, являющийся базовой ячейкой общества, характеризующийся следующими признаками: (брачный союз — очень важно) добровольность вступления в брак; вступление в брачные отношения [<https://ru.wikipedia.org/wiki/Семья>]. В частности, речь идет о том, что действующий брак является необходимым условием для создания семьи. Таким образом, сложность и разнообразность семьи отражаются как в отношениях персонажей, связанных кровной связью, так и в составе членов, связанных с браком.

Большинство творений писателей исходит из жизни, а семья как ядро жизни, модально проникает в литературные произведения разных жанров. В художественной картине мира, созданной писателями, семья не просто была в качестве поверхностного означаемого значения, а всеобъемлющего культурного контура. Будь то китайские писатели такие, как «Отцовская спина» Чжу Цзыцина, «Семья» Ба Цзиня, «Две семьи» Бин Синя или зарубежные писатели – «Леди Сьюзан» Остена Д., «Отцы и дети» Тургенева И. С., «Ученица. Предать, чтобы обрести себя» Тары Вестовер. Все они одновременно создали в своих произведениях прекрасную, теплую и гармоничную традиционную семью. Главная тема «Сохранение гармоничных отношений между супругами, соблюдение субординацию в отношениях между поколениями, существование дружелюбного по отношению к братьям» преследует читателей, тем самым пропагандируя то, что писатели считают правильными ценностями и глубокими культурными коннотациями.

Будучи представителем китайских литературных авангардистов [Ван, 2024, с. 49], Юй Хуа быстро открыл рынок современной китайской литературы благодаря своему уникальному стилю письма. Что у писателя – Юй Хуа получается лучше всего, так это перекодировать традиционные культурные представления или образы в искусственный мир с ним стилей. В мире искусства, который Юй Хуа создал (например, «Братья» [余华, 2022], «Крик под

моросящим дождем» [余华, 2012], «Как Сюй Саньгуань кровь продавал» [余华, 2004], «Ошибка на берегу» [余华, 2018]), кровная связь – не единственная связь, которая поддерживает семью. Общество может быть построено между людьми без скрепления брачных уз и форм. В этой нетрадиционной, несовершенной концепции «семьи» заложена общая метафорическая логика: люди, у каждого из которых свои потребности, держатся вместе, чтобы достичь своих целей. Поэтому в художественной картине, представляющаяся произведениями Юй Хуа, семьи наполняются не просто чувством счастья, тоже жалкой ситуацией.

«Братья» – это произведение, которое пропагандирует эмоциональные ценности, что и его название, основанные на эмоциональных сплетениях между братьями. С помощью этих произведение рассказывает читателям о любви сквозь время и человечество. В «Братьях» герои – Ли Гуан и Сун Ган не имеют кровной связи, а тем, что они происходили из семьи с одним родителем и естественно создали семью и до сих пор. (这次是我和你一刀两断, 从此以后我们不是兄弟了) «Послушай: теперь я с тобой порву. Больше ты мне не брат!» [Юй Хуа, 2015, с. 346]. Без уз кровных связей это братство распалось чрезвычайно быстро. Чтобы удовлетворить свою похоть, Ли Гуан заставляет жену Сун Гана заняться с ним сексом, когда Сун Ган все знает, он решил покончить жизнь самоубийством. В романе «Братья» Юй Хуа преувеличивает тьму человеческой природы. Семья – это лишь пустое название, и родственники – это наименования только из-за скрытия правду.

Сунь Гуанцай – один из главных героев романа «Крик под моросящим дождем». Он был в качестве сына, но показал крайнее безразличие и бессердечие по отношению к нему отцу и даже начинал готовиться к похоронам еще при жизни своего отца. Будучи отцом, чтобы облегчить бремя по воспитанию семьи, он отдал своего 6-летнего сына другим людям и вел себя неподобающим образом к невестке. Как муж он остерегался жены и сожительствовал с другой женщиной. В то время семья уже не теплая гавань, для членов семьи, она является самой темной бездной.

В повести «Ошибка у реки» (в русской локализации – «И только течет река») старушка по прозвищу Четверка – вдова. С некоторых пор она жила с безумцем из той же деревни. «你们不知道, 他吃饭时多么难伺候。我多说他几句, 他就把碗往我身上砸 [余华, 2018, с. 15] / Вы не представляете, как ему трудно обслуживать во время еды. Если я скажу ему несколько слов, он швырнет в меня миску» [перевод наш – Ван Ц.]. «么四婆婆的呻吟声与日俱增, 越来越响亮, 甚至她哭泣求饶的声音也传了出来, 而疯子打她的声音也越来越剧烈 [余华, 2018, с. 15] / С каждым днем стоны старушки Четверка становились все громче и громче, и даже звуки ее мольбы о пощаде вырывались наружу, в то время как звуки избиения безумца становились все более и более яростными» [перевод наш – Ван Ц.]. Между словами Четверки были полны того, что безумец ее бил и ругал, но она смирилась с этими и когда бы она ни рассказывала о деталях своей жизни с безумцем, ее лицо по-прежнему переполнено счастьем, и на нем нет ни малейшего намека на боль.

Несмотря на то, что в повести автор не объяснял, как покойный муж относился к старушке, через сосуществование между старушкой и безумцем и подмену предложения в том: «他打我时, 与我那死去的丈夫一样, 真狠毒啊 [余华, 2018, с. 15] / Когда он меня бил, он был таким же злобным, как мой покойный муж» [перевод наш – Ван Ц.]. Мы также можем представить, что раньше жизнь старушки Четверки была не слишком хорошей. Ее покойный муж рассматривал старушку не как свою жену, а инструмент для отражения гнева. Безумец рассматривал старушку как няню, которая не отвечает на удар. Соединение старушки и безумца не соответствует традиционному способу для создания семьи: между ними нет ни брачного отношения, ни кровной связи, но Четверка выполняет свой женский долг и заботится о нем. На данный момент семья в письмах Юй Хуа служит лишь разумным оправданием для насилия.

В вышеуказанных произведениях традиционные этические отношения в семье полностью нарушаются: нет существует брачное отношение между ними, но у супругов имеется интимные связи; как родители, но они не знают, как воспитывать своих детей; как супруги, но они проявляются непостоянство.

Принцип письма Юй Хуа основан на человеческой природе, а выбор человеческой природы и ее судьба выражаются через формирование «семьи» и состояния жизни с членами семьи. Это то логическое мышление, которого последовательно придерживается писатель Юй Хуа: достичь функции благоговения перед жизнью путем увеличения страданий. Как двустороннее зеркало, семья отражает недостатки и достоинства в процессе общественного развития. В то же время семья как культурный знак с богатыми коннотациями, ее метафорическое значение заслуживает нашего постоянного совершенствования. Конечная цель метафорической интерпретации культурных элементов заключается в том, чтобы обойти предубеждения в понимании разных людей к художественному тексту, улучшить понимание литературного произведения переводчиком с исходного языка [Артемьева, 2020, с. 3], а затем углубить понимание языка и культуры страны-источника читателями на целевом языке.

Литература

1. Артемьева И. Н. Теория и практика перевода: учеб. пособие. – СПб.: РГГМУ, 2020. С. 130.
2. Ван Ц. Прагматический потенциал прозвищ в произведениях Юй Хуа // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24. № 3. С. 49–58.
3. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 126.
4. Юй Хуа. Братья. М.: Текст, 2015. 256 с.
5. 余华. 兄弟. — 北京十月文艺出版社, 2022. — P. 656.
6. 余华. 在细雨中呼喊. — 作家出版社, 2012. — P. 283.
7. 余华. 许三观卖血记. — 上海文艺出版社, 2004. — P. 259.
8. 余华. 河边的错误. — 时代文艺出版社, 2018. — P. 207.

СИМВОЛИЗАЦИЯ АБСТРАКЦИЙ И ГЕОМЕТРИЯ СИМВОЛА
В ЯЗЫКОВОМ ВОПЛОЩЕНИИ

Воркачев С. Г. (Краснодар, Россия)

***Аннотация.** Исследуются контексты речевого употребления лексемы «символ», где план выражения семиотического образования представлен абстракциями и геометрическими образами. Устанавливается, что в случае абстракций речь идет об отношениях характеристики, а в случае геометрических образов семиотическая связь скорее условна, чем мотивирована, и значение символа определяется культурой и временем.*

***Abstract.** The contexts of speech use of the lexeme “symbol”, where the plane of expression of semiotic formation is represented by abstractions and geometric images, are investigated. It is established that in the case of abstractions we deal with relationships of characterization, and in the case of geometric images, the semiotic connection is rather conditional than motivated and the meaning of the symbol is determined by culture and time.*

***Ключевые слова:** символ, символизация, характеристика, оценка, абстрактное имя, геометрический образ.*

***Keywords:** symbol, symbolization, characterization, appreciation, abstract name, geometric image.*

Как установлено (см.: [Воркачев, 2021, с. 6]) деление семиотических единиц осуществляется в первую очередь на основании соотношения их планов выражения и содержания, и тогда в один класс попадают знаки, у которых это соотношение абсолютно произвольно, а в другой – знаки, у которых план выражения тем или иным образом связан с планом содержания, и эта связь обусловлена подобием, смежностью или как-то иначе, т. е. мотивирована. Из числа мотивированных семиотических сущностей наиболее значимым представляется символ, в самом общем виде определяемый как знак, в котором первичное содержание используется в качестве экспонента другого, более абстрактного содержания: «Наиболее привычное представление о символе связано с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного, содержания» [Лотман, 2000, с. 240]; «В широком семиотическом смысле символ есть такой знак, который предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы другого, более абстрактного и общего содержания» [Шелестюк, 1997, с. 125]. Как известно (см.: [Бенвенист, 1974, с. 65]), на естественный язык можно перекодировать любую знаковую систему, наделение мотивированного знака именем приводит к усложнению семантической структуры новообразования, когда означающее этого знака – образ или обобщенное представление – превращается в означаемое, отправляющее к еще одному означаемому, по отношению к которому оно выступает означающим (см.: [Воркачев, 2021, с. 6]).

В гносеологических терминах символ – инструмент наглядного представления сознанию невидимых сущностей, средство визуализации абстракций, и это регулярно фиксируется толковыми словарями: символ – «*предмет или действие, служащее условным знаком какого-нибудь понятия, чего-нибудь отвлеченного*» [Ожегов, 1953, с. 661]; «*предмет или действие, служащее условным знаком чего-н., выражающее, означающее какое-н. понятие, идею*» [Ушаков, 2000, т. 4, с. 181]; «*изображенье картинное, и вообще чертами, резами, знаками, с переносным, символическим, иносказательным значением*» [Даль, 1998, т. 4, с. 185]. Тем не менее, наблюдения над контекстами речевого употребления лексемы «символ» в НКРЯ свидетельствуют о том, что место плана выражения символа иногда занимают абстракции, которые сами нуждаются в образном представлении – время, вечность, любовь, вера, Бог, красота, свобода, честь, различные моральные качества и пр.: «Остается один *символ веков – время*» (Н. Полевой); «И что настоящий враг человека, *символ* и воплощение *смерти*, – это *вечность*, т. е. отсутствие времени» (Л. Шестов); «Все можно описать в мире, все, кроме страстной героической *любви*; она есть *символ неба*, который на земле не изъясняется» (Н. Карамзин); «*Православие* становится культурно-идеологическим *символом национальной идентичности*, а не реальной верой» (Неприкосновенный запас, 2003.07.14); «*Бог* становится *символом субъекта*» (А. Белый); «*Красота* есть... выражение идеала, *символ божественного совершенства* и разумное проявление добра» (Е. Яковлев); «Когда, наконец, сама *честь* обращается в *символ предательства*» (С. Ястребов); «*Лицемерие, двоедушие, пренебрежение к человеку, цензурная свистопляска, раболепство* стали *символами строя*» (А. Воронский); «*Мракобесие* надолго стало *символом нашей науки*» (Знание – сила, 1998); «*Асимметрия – символ современности*» (В. Аксенов); «Не было другого поэта и с таким же воздушным прикосновением к жизни, и для которого *достоинство* и *независимость* человека были бы не только этической, но и эстетической потребностью, не отделимым от него *символом его духовного бытия*» (И. Анненский).

Возможность безобразных абстракций выступать в функции плана выражения символа фиксируется в специальной литературе («Символ – *идея*, образ или объект, имеющий собственное содержание и одновременно представляющий в обобщенной, неразвернутой форме некоторое иное содержание» [Ивин-Никифоров, 1997, с. 304]), однако, как представляется, отношения между планами выражения и содержания в данном случае – это отношения не символизации, а, скорее, характеристики: «красота – символ совершенства» = «красота – признак совершенства»; «асимметрия – символ современности» = «асимметрия – признак современности». Кстати, подобное значение символа лексикографически не зафиксировано.

Наблюдения над вербализацией символа в НКРЯ (см.: [Воркачев, 2023]) свидетельствуют о том, что в функции его плана выражения могут выступать различного рода пространственные абстракции – образы, полученные

в результате идеализации свойств природных объектов. Действительно, подобные геометрические образы в определенном смысле представляют собой артефакты в квадрате: геометрические фигуры и их элементы возникли в результате идеализации пространственных отношений в природе, где прямых линий и точных окружностей не существует, а их последующая творческая «реинкарнация» порождает «вещные» образы – крест, звезду, круг, кольцо, шар, пирамиду, спираль, куб и пр. Связь таких образов с символизируемыми понятиями скорее условна, чем мотивирована: она определяется культурой и постигается интуитивно.

Наиболее частотным, естественно, оказывается образ креста: «На левом плече мантии был нашит большой восьмиконечный *крест* из белого полотна – *символ восьми блаженств*, ожидавших праведника за гробом» (Н. Гейнце); «Да и сам *крест*, который на Западе считают *символом христианства*, судя повсему, имеет азиатское происхождение» (В. Овчинников). За крестом идут круг и кольцо: «*Круг* как *символ Мироздания* характерен и для других религиозных и мифологических систем» (А. Флиер); «*Символом совершенства* считался *круг*» (А. Гуревич); «Она (представляет!) стала носить обручальное *кольцо* – *символ буржуазной морали*, отрывку капитализма» (Л. Дурнов); «Можно было бы добавить, что *кольцо* – это еще и *символ вечности*, но у человека, знакомого с Аменхотепом, свои отношения с этой категорией» (Эксперт: Вещь, 2003.12.22). За кругом и кольцом идет звезда-пентаграмма: «Согласно ей, всего лун у Земли было пять – именно поэтому *звезда, символ* нашего *государства*, имеет пять лучей» (В. Пелевин); «Жизнь звезды в этом вселенском спектакле – и *символ*, и прямое *подобие* человеческой жизни» (Знание – сила, 2009), За звездой идут треугольник, свастика, спираль, шар, пирамида и ромб: «А был тот *треугольник* священным, был *символом всесовершенства духа*» (Б. Евсеев); «Изображены на плитах геометрические фигуры, спираль, встречается и *свастика* – древний символ вращающегося *Солнца*» (В. Кузьмин); «Вообще, *спираль* может служить *символом* целенаправленных *изменений*» (В. Мартынов); «В руке базилевса трепетал хрустальный *шар* – увенчанный крестом *символ мира*» (А. Ладинский); «*Пирамида*, говорили они, образец и *символ устойчивости*» (А. Кустарев); «*Ромб* – *символ Солнца, подателя жизни, света, тепла*» (В. Павловская–Т. Правоторова). По одному разу появляются точка, призма, куб: «Для Флоренского, *точка* есть *символ*, собирающий в себе *возможные точечные образы-отношения*» (В. Подорога); «Эти самые *призмы* вот уже долгие годы служат *символом успешного бизнеса*» (Эксперт: Вещь, 2001.07.23); «Платон называл *куб* *символом земли*» (М. Гиголашвили). Безусловно, геометрическим образом является древнеиндийский образ мандалы – магической диаграммы, символически связывающей землю с небом: «*Мандала* считается *символом духовной концентрации* – интроверсии» (В. Шевченко).

Символы, образованные с помощью геометрических образов в функции означающего, вне контекста времени и культуры зачастую аксиологически

амбивалентны, достаточно вспомнить оценочные характеристики наиболее известных идеологических символов – пентаграммы и свастики. Так, пятиконечная звезда – символ здоровья, вечной молодости и одухотворения жизни (см.: [Куклев, 1999, с. 366]) пифагорейцев, в христианстве она символизирует пять ран Христа, а в масонстве – человеческий гений (см.: [Купер, 1995, с. 240; Бидерман, 1996, с. 201–202]). В современном же сатанизме в перевернутом виде и с вписанной в нее головой козла пентаграмма является официальным символом Церкви Сатаны и сигилом (магической печатью) демона Бафомета, отождествляемого с Дьяволом: «Перевернутый христианский крест, *пентаграмма (пятиконечная звезда) символ Бафомета* (одно из имен Сатаны)» (А. Найман). Свастика (гамма-крест), у ариев – солярный знак, эмблема жизни и света, знак изобилия, плодородия и благополучия, отраженного во внутренней форме санскритского слова (см.: [Егазаров, 2003, с. 580; Купер, 1995, с. 289]), в XX веке «с легкой руки» Адольфа Гитлера превратилась в символ апокалиптического зла.

Итак.

Из числа мотивированных семиотических сущностей наиболее значимым представляется символ, в самом общем виде понимаемый как знак, в котором первичное содержание используется в качестве экспонента другого, более абстрактного содержания. Символ – инструмент наглядного представления сознанию невидимых сущностей, средство визуализации абстракций, однако, наблюдения над контекстами речевого употребления лексемы «символ» в НКРЯ свидетельствуют о том, что место плана выражения символа иногда занимают абстракции, которые сами нуждаются в образном представлении, и в этом случае речь идет не о символизации, а, скорее, о характеристизации.

В функции его плана выражения символа могут выступать различного рода пространственные абстракции – образы, полученные в результате идеализации свойств природных объектов. Связь таких образов с символизируемыми понятиями скорее условна, чем мотивирована: она определяется культурой и постигается интуитивно. Наиболее частотным, естественно, оказывается образ креста, за которым идут круг, кольцо, звезда-пентаграмма, треугольник, свастика, спираль, шар, пирамида, ромб, точка, призма и куб. Символы, образованные с помощью геометрических образов в функции означающего, вне контекста времени и культуры могут быть аксиологически амбивалентными, как, например, пентаграмма и свастика.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
2. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 335 с.
3. Воркачев С. Г. Семиотика символа по данным российского научного дискурса // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7. № 3. С. 3–14. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-1

4. Воркачев С. Г. Символ по данным корпусной лингвистики // В чаще символов: образ в языке и культуре. М.: Флинта, 2023. С. 45–120.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского словаря: в 4 т. СПб.: Диамант, 1998.
6. Егзаров А. Иллюстрированная энциклопедия символов. М.: Астрель-АСТ, 2003. 723 с.
7. Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. М.: Владос, 1997. 384 с.
8. Куклев В. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Миф, Локид, 1999. 490 с.
9. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой век», 1995. 401 с.
10. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство–СПб, 2000. 704 с.
11. Национальный корпус русского языка. – www.ruscorpora.ru
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1953. 848 с.
13. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Астрель-АСТ, 2000.
14. Шелестюк Е. В. О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 125–141.

СИМВОЛИЗАЦИЯ СТЕКЛА В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Карасик В. И. (Москва, Россия)

***Аннотация.** Рассматривается символическое осмысление стекла в русской лингвокультуре. Выделено три основных вектора концептуализации этого материала: объективные физические свойства, функциональное назначение, критическая оценка недостатков. Показано, что в понятийном плане сжато представлены все признаки этого концепта, в образно-перцептивном аспекте иллюстрируются функциональные характеристики – использование стекла для окон, иллюминаторов, очков, в оценочном отношении акцентируется хрупкость стекла. Символика стекла в поэтическом тексте развивается в сравнениях человеческого чувства с характеристиками изделий из стекла – зеркалами и стеклянными бокалами, в противопоставлении живой жизни и мертвого стекла, в осмыслении битого стекла как источника страданий, в понимании стекла как грани между жизнью и смертью.*

***Abstract.** The paper deals with symbolic comprehension of glass in Russian linguoculture. Three main vectors of conceptualization of this material may be singled out: objective physical properties, functional purpose, critical evaluation of shortcomings. It is shown that in the notional aspect all the features of this concept are concisely represented, the figurative aspect illustrates its functional characteristics (the use of glass for windows, portholes, glasses), and in the evaluative aspect the fragility of glass is emphasized. The symbolism of glass in the poetic text is developed*

in the comparisons of human feeling with the characteristics of glass products – fragile mirrors and glassware, in the comprehension of broken glass as a source of suffering, in the understanding of glass as a boundary between life and death.

Ключевые слова: символ, стекло, концепт, образ, ценность.

Keywords: symbol, glass, concept, image, value.

В лингвистике разработано три основных понимания символа: в первом случае символ воспринимается как знак, содержание которого сводится к определенной программе действий, при этом соотношение его формы и содержания может быть как иконическим, так и индексальным [Пирс, 2006], во втором случае он осмысливается как образ, имеющий высокую ценностную значимость и допускающий множественное истолкование [Аверинцев, 1983; Лосев, 1995], в третьем случае он объясняется как зародыш значения, определяющий развитие семантики соответствующего языкового знака [Колесов, 2004]. Первое осмысление раскрывает динамику восприятия символа в той или иной коммуникативной ситуации, второе сориентировано на его истолкование в рамках ценностной картины мира, третье направлено на понимание семиозиса в его динамике. Все подходы к пониманию символа могут быть интерпретированы в рамках концептологии, основным объектом изучения в которой является концепт – квант переживаемого знания [Воркачев, 2014; Карасик, 2004; Красавский, 2008; Пименова, 2007; Слышкин, 2004; Степанов, 1997; Стернин, 2008].

В данной работе рассматривается стекло как один из типов концептов – ментальных образований, содержание которых состоит в осмыслении рукотворной материальной реальности. Стекло в его разных функциях активно используется в повседневной жизни людей и соответственно осмысливается как символ в его различных истолкованиях. Предполагается, что символизация стекла разворачивается в трех направлениях: физические свойства, функциональное использование, критическая оценка недостатков.

В качестве материала для анализа были взяты текстовые фрагменты из толковых и фразеологических словарей, Национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы, афористики и реакций информантов.

Концептуальный подход к объяснению предмета нашего изучения состоит в выявлении и объяснении понятийных, образных и ценностных признаков анализируемого концепта.

Понятийные признаки концепта «стекло» объясняются в толковом словаре русского языка следующим образом:

Стекло – 1. Твердый, прозрачный, обычно хрупкий, бьющийся материал из сплава кварцевого песка с другими веществами. Производство стекла возникло в древнем Египте примерно в 4000 году до н.э. 2. Изделие из этого материала. *Собир.* Посуда или художественные изделия из этого материала.

Ткж. собир. Отдельная частица, кусок разбитого изделия из этого материала (БУСРЯ).

Приведенная дефиниция определяет родовой признак понятия (создаваемый материал) и видовые уточнения этого признака (твердость, прозрачность, хрупкость, исходный природный материал, изделия из этого материала, частицы этого материала).

Образно-перцептивные характеристики стекла видны в предложениях, взятых из Национального корпуса русского языка.

Из стекла изготавливают посуду:

О наличии торговых связей с римским миром говорят нередко встречающиеся среди памятников черняховской культуры амфоры, краснолаковая и красноглиняная столовая посуда, сосуды из цветных металлов, изделия из стекла и др. (В. Седов).

Она стала накрывать на стол: красное богемское стекло, нарядная скатерть, серебряные приборы (С. Спивакова).

Иногда я думаю: что же такого в этом городе и в этих людях, что, сколько ни пытались в других городах и странах, никто даже повторить многоцветье венецианского стекла не может? (Ю. Пешкова).

Стекло вставляется в окна домов и двери между комнатами:

Кстати, промытые до полной прозрачности стекла не занавешены — такова традиция еще со времен испанской инквизиции (Е. Малик).

Разбитое стекло в двери на кухонный балкон напомнило о себе, но в этот момент он подумал, что стекло вставит не скоро (В. Быков).

Мне памятливы звуки музыки во время народных гуляний на площадях Москвы и леденящий душу свист сбрасываемых на нее фашистских бомб, а затем гул взрывов, звон падающего оконного стекла... (И. Архипова).

Особое стекло используется в автомобилях:

Когда мы сравнялись в четвертый раз, боковое стекло опустилось, и водитель, улыбаясь, перегнулся через пассажирское сиденье (О. Зуева).

А если хулиганы разобьют фары или лобовое стекло, то платить за это придется клиенту из оставленного залога (Д. Литошик).

На кораблях делают стеклянные иллюминаторы:

Быть может, с такой же смесью удивления, восторга и страха космонавты или глубоководные исследователи смотрят сквозь толстые стекла своих иллюминаторов на изучаемый ими чужой мир (И. Вольский).

Специальная обработка позволяет использовать стекло в очках и микроскопах:

Приставив к глазу увеличительное стекло, повсюду наблюдаешь, как особи сливаются в «сиамских близнецов» или в колонии-суперорганизмы, или сбиваются в социальные группы (К. Ефремов).

Вертолет заходил с моря на посадку, и молодой господин в очках с рыжими стеклами и легким чемоданчиком из рыжей кожи, прокричал мне на ухо, жмурясь от солнца (А. Карабаи).

Стекло отражает свет:

Андрей увидел в стекле свое прозрачное отражение и попытался представить себе, как оно исчезает, а на его месте появляется другое, и так без конца (В. Пелевин).

Стекло является хрупким материалом:

Почему быстро летящая пуля пробивает в пластмассовом стакане, наполненном водой, лишь два маленьких отверстия, а стакан из стекла, наполненный водой, разбивается при попадании пули в дребезги? (В. Лукашик, Е. Иванова).

Битое стекло, разные железяки, консервные банки, бумагу и картон, пленку, негодные аккумуляторы и батареи надо выбрасывать только в соответствующий мусорный ящик (Ф. Беркутов).

Стекло может быть непрозрачным:

Однако улитка видит все вокруг себя расплывчатым, словно глядит сквозь матовое стекло (А. Зайцев).

Сквозь замыленное стекло все казалось маленьким, помещенным в стеклянную банку (О. Павлов).

Неприятен скрип металла по стеклу:

Звук его голоса действовал, как скрип ножа по стеклу (И. Муравьева).

Приведенные примеры показывают, что наиболее актуальной для говорящих является функциональная характеристика стекла, кроме того, отмечена хрупкость этого материала.

В «Русском ассоциативном словаре» приводятся следующие реакции респондентов на стимул «стекло»: *прозрачное (16), разбитое (7), разбить (7), окно (4), бьется (3), разбилось (3), разбито (3), хрупкое (3), чистое (3), битое (2), голубое (2), дерево (2), мутное (2), алмаз (1), алюминий (1), аморфное (1), анекдот (1), бить (1), боль (1), в окне (1), в самое (1), витрины (1), выбито (1), дождь (1), дорога (1), дув (1), запотело (1), затемненное (1), звон (1), и бетон (1), искрит (1), колкое (1), кувалда (1), матовое (1), машина (1), машины (1), мохнатое (1), мыло (1), небьющееся (1), оконное (1), опал (1), оргстекло (1), осколки (1), острое (1), отделяет (1), побитое (1), помыть (1), праздничное (1), прическа (1), реклама (1), роза (1), серость (1), стена (1), стрекоз (1), тара (1), треснуло (1), тусклое (1), цветное (1), черное (1), чешское (1) (РАС).*

Можно видеть, что в сознании респондентов самым частотным перцептивным признаком стекла является его хрупкость (более 30 % реакций), на втором месте прозрачность как физическая характеристика этого материала (более 20 % ответов), к удивлению, функциональные характеристики стекла оказались мало представленными.

Для установления ценностных характеристик концепта обычно обращаются к высказываниям, смысл которых состоит в квалификации объекта и выражения назидательности. Прежде всего, это пословицы, поговорки и афоризмы.

В русских пословицах рассматриваемый концепт используется как метафорическая основа для обозначения хрупкости.

Подчеркивается ненадежность этого материала:

Свой глаз – алмаз, а чужой – стекло.

Акцентируется хрупкость стекла и в переносном смысле его низкая ценность:

От худого должника и мякиною, и битым стеклом бери.

Любовь и дружбу, как разбитое стекло, невозможно починить:

Дружба что стекло: расколешь – не соберешь; Любовь — что стекло: разобьется — не срастется.

В афористике более разнообразно обыгрывается метафорический потенциал стекла.

Проводится идея обманчивости судьбы:

Судьба – стекло: блестя, разбивается (Публий Сир).

Весьма популярна мысль об осторожности в общении с ранимыми людьми:

Люди, живущие в стеклянном доме, не должны бросаться камнями (Р.Л. Стивенсон).

Стекло отдаляет нас от живой жизни:

Переводы — это цветы под стеклом (В. Менцель).

Прозрачное стекло – эталон чистоты:

Хорошая проза – как чисто вымытое оконное стекло (Дж. Оруэлл).

Увеличительное стекло символизирует неравенство между людьми:

В стране лилипутов разрешается смотреть на главу государства только через увеличительное стекло (С. Ежи Лец).

Треснувшее стекло является символом опасности – оно может, выпав из оконной рамы, нанести глубокие раны:

Треснувшее стекло ждет своего часа (Д. Квиллар).

Ценностно маркированные высказывания, как можно видеть, в основном подчеркивают критическое метафорическое осмысление стекла.

Символизация стекла специфически проявляется в народных приметах: стекло, увиденное во сне, означает обман и опасность, разбить стекло во сне значит отклонить от себя опасность или обман (СРС). Метафоризация стекла в приметах акцентирует критическое к нему отношение.

В поэтическом тексте символизация стекла разворачивается следующим образом.

В строках А. С. Пушкина стекло осмыслено метонимически – как зеркало или бокалы:

Взгляни на милую, когда свое чело / Она пред зеркалом цветами окружает, / Играет локоном – и верное стекло / Улыбку, хитрый взор и гордость отражает.

Описывай в стихах игривых / Веселье, шум гостей болтливых / Вокруг накрытого стола, / Стакан, кипящий пеной белой, / И стук блестящего стекла.

Раздел 3.

Но в стихотворении, в котором поэт повествует о своем схождении в ад с Данте, стекло изображено в виде символа казни:

До свода адского касалась вершиной / Гора стеклянная, [как Арарат] остра — / И разлегалась над темною равниной. <...> Порыв отчаянья я внял в их вопле диком; / Стекло их резало, впиалось в тело им — / А бесы прыгали в вепели великом.

М. Ю. Лермонтов в стихотворении «Молитва» говорит о плате за творчество и просит Создателя погасить «чудный пламень» и превратить сердце в камень — т.е. умереть.

Не обвиняй меня, всесильный, / И не карай меня, молю, / За то, что мрак земли могильный / С ее страстями я люблю;

За то, что редко в душу входит / Живых речей твоих струя, / За то, что в заблуждены бродит / Мой ум далеко от тебя;

За то, что лава вдохновенья / Клокочет на груди моей; / За то, что дикие волненья / Мрачат стекло моих очей;

За то, что мир земной мне тесен, / К тебе ж проникнуть я боюсь, / И часто звуком грешных песен / Я, боже, не тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень, / Всесожигающий костер, / Преобрати мне сердце в камень, / Останови голодный взор;

От страшной жажды песнопенья / Пускай, творец, освобожусь, / Тогда на тесный путь спасенья / К тебе я снова обращаюсь.

Символический смысл выражения «стекло очей» допускает разные интерпретации: способность выходить за грань мира земного, голодный взор, поэтический дар видеть жизнь как «всесожигающий костер».

Сложная символика прослеживается в текстах О. Э. Мандельштама:

Я и садовник, я же и цветок, / В темнице мира я не одинок. / На стекла вечности уже легло / Мое дыхание, мое тепло.

Запечатлеется на нем узор, / Неузнаваемый с недавних пор. / Пускай мгновения стекает муть — / Узора милого не зачеркнуть.

Выражение «стекла вечности» можно считать энигматическим символом, т.е. намеком на неоднозначное символическое прочтение [Карасик, 2010]. Мы можем воспринимать этот образ как грань между жизнью и смертью (известно, что к губам умершего подносят зеркало, чтобы определить, есть ли еще дыхание), как личный взгляд на мир (уникальное мировидение поэта), как контраст стекающей мути и узора, т.е. творимого мира.

Многозначным является словосочетание «стекло зубами укусить» в размышлении поэта о переводах иноязычного текста:

Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть: / Ведь все равно ты не сумеешь стекло зубами укусить.

О, как мучительно дается чужого клетота полет — / За беззаконные восторги лихая плата стережет.

Ведь умирающее тело и мыслящий бессмертный рот / В последний раз перед разлукой чужое имя не спасет.

Что, если Ариост и Тассо, обворожающие нас, / Чудовища с лазурным мозгом и чешуей из влажных глаз?

И в наказанье за гордыню, неисправимый звуколюб, / Получишь укусную губку ты для изменнических губ.

Это сравнение показывает ограниченность перевода – родной язык готовит мучение поэту, который становится переводчиком (*укусная губка* как знак мучений, ее дали распятому Христу вместо воды). «Укусить стекло» значит пораниться его осколками. При этом назначение поэта – «мыслящий бессмертный рот». Почему великие итальянские поэты названы «чудовищами с лазурным мозгом и чешуей из влажных глаз» – ответ на этот вопрос каждый интерпретатор дает по-своему. Стекло чужого языка в определенном плане – это и вообще соприкосновение с иным миром другого человека. Речь идет о границах понимания.

Хрестоматийный контраст подлинных и фальшивых ценностей виден в стихотворении М. И. Цветаевой «Зеленое ожерелье»:

Целый вечер играли и тешились мы ожерельем / зеленых, до дна отражающих взоры, камней. / Ты непрочную нить потянул слишком сильно, / посыпались камни обильно, / При паденьи сверкая сильней. / Мы в тоске разошлись по своим неустроенным кельям.

Не одно ожерелье вокруг наших трепетных пальцев / Обовьется еще, отдавая нас новым огням. / Нам к сокровищам бездн все дороги открыты, / Наши жадные взоры не сыты, / И ко всем драгоценным камням / Направляем шаги мы с покорностью вечных скитальцев.

Пусть погибла виной одного из движений нежданных / Только раз в этом мире, лишь нам заблестевшая нить! / Пусть над пламенным прошлым холодные плиты! / Разве сможем мы те хризолиты / Придорожным стеклом заменить? / Нет, не надо замен! Нет, не надо подделок стеклянных!

Словосочетание «придорожное стекло» символизирует случайные и не стоящие внимания встречи. Стеклянной подделке противопоставлены драгоценные камни. Этот контраст прослеживается в фольклорном сравнении стекла и алмаза.

Символ «стекло» частотен в поэтических текстах А. А. Тарковского. Особенно значим образ заклеенного накрест оконного стекла:

Пусть роют щели хоть под воскресенье. / В моих руках надежда на спасенье. / Как я хотел вернуться в до-войны, / Предупредить, кого убить должны.

Мне вон тому сказать необходимо: / «Иди сюда, и смерть просвищет мимо». / Я знаю час, когда начнут войну, / Кто выживет, и кто умрет в плену,

И кто из нас окажется героем, / И кто расстрелян будет перед строем, / И сам я видел вражеских солдат, / Уже заполонивших Сталинград,

И видел я, как русская пехота / Штурмует Бранденбургские ворота. / Что до врага, то все известно мне, / Как ни одной разведке на войне.

Раздел 3.

Я говорю – не слушают, не слышат, / Несут цветы, субботним ветром дышат, / Уходят, пропусков не выдают, / В домашний возвращаются уют.

И я уже не помню сам, откуда / Пришел сюда и что случилось чудо. / Я все забыл. В окне еще светло / И накрест не заклеено стекло.

Стихотворение написано в 1945 году и названо «Суббота, 21 июня» (на следующий день началась Великая Отечественная война). Заклеенное накрест окно – образ города, который переживает бомбардировку или обстрелы. Такое стекло не вывалится кусками. Значима дата стихотворения, ощущение последнего мирного дня. Поэт-фронтовик дает очень личное описание своего чувства возвращения по кругу в тот день. Тот предвоенный свет в окне постоянно был в памяти лирического героя.

Одним из распространенных образов равнодушия являются «стеклянные глаза». Этот символ прослеживается в стихотворении И. Бродского «Anno Domini», в котором дано изображение римской провинции, справляющей Рождество. Умиравший наместник лежит в своей спальне, приглашенные гости пируют:

Сильно опынев, / вожди племен стеклянными глазами / взирают в даль, лишенную врага. / Их зубы, выражавшие их гнев, / как колесо, что сжато тормозами, / застряли на улыбке, и слуга / подкладывает пищу им.

В этом тексте виден контраст между живым и механическим отношением к реальности. Речь идет о вождях покоренных народов. На их пьяных лицах застыла мертвая улыбка, они остались врагами Рима, но в этой ситуации ведут себя в соответствии с ритуалом. Это уже поздний Рим, принявший христианство. Заслуживает внимания образ колеса, зажатого тормозами – время остановилось.

Заслуживает внимания аллюзия в стихотворении А.П. Цветкова:

На лавочке у парковой опушки, / Где мокнет мох в тенистых уголках, / С утра сидят стеклянные старушки / С вязанием в морицинистых руках.

Мне по душе их спорная работа, / Крылатых спиц стремительная вязь. / Я в этом сне разыскивал кого-то, / И вот на них гляжу, остановясь.

Одна клубки распутывает лихо, / Другая вяжет, всматриваясь вдаль, / А третья, как заправская портниха, / Аршинных ножниц стискивает сталь.

Мгновение неслышно пролетело, / Дымок подернул времени жерло. / Но вдруг они на миг прервали дело / И на меня взглянули тяжело.

В пустых зрачках сквозила скорбь немая, / Квадраты лиц – белее полотна. / И вспомнил я, еще не понимая, / Их греческие злые имена.

Они глядели, сумеречно сияясь / Повременить, помедлить, изменить, / Но эта, третья, странно покосилась / И разрубила спутанную нить.

В этом тексте говорится о трех мойрах – богинях судьбы в греческой мифологии: Клото прядет нить человеческой жизни, Лахесис наматывает кудель на веретено, Атропос перерезает эту нить. Поэт назвал их стеклянными старушками, сравнив их тем самым с неживыми предметами. Это был сон, и во сне перед лирическим героем развернулась его жизнь, которая странным образом прервалась.

Подведем основные итоги.

Стекло в русской лингвокультуре осмысливается, как и другие создаваемые материалы, в трех основных направлениях: объективные физические свойства, функциональное назначение, критическая оценка недостатков. В понятийных характеристиках стекла сжато представлены все векторы его осмысления. В образно-перцептивном плане наиболее значимыми оказываются функциональные характеристики – использование стекла для окон, иллюминаторов, очков. В реакциях информантов доминирует хрупкость как основная характеристика стекла. В фольклорных оценках акцентируется хрупкость стекла и его противопоставление образцу твердости – алмазу. Критическая оценка этого материала видна в афористике и народных приметах. Символика стекла в поэтическом тексте развивается в сравнениях человеческого чувства с характеристиками изделий из стекла – зеркалами и стеклянными бокалами, в противопоставлении живой жизни и мертвого стекла, в осмыслении битого стекла как источника страданий, в понимании стекла как грани между жизнью и смертью, между родным и чужим языком. Заклеенное накрест оконное стекло является символом войны.

Литература

1. Аверинцев С. С. Символ // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 607–608.
2. Воркачев С. Г. Воплощение смысла: *conceptualia selecta*: монография. Волгоград: Парадигма, 2014. 331 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
4. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 351 с.
5. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
6. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
7. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М. Искусство, 1995. 320 с.
8. Пименова М. В. Концепт сердце: Образ. Понятие. Символ: монография. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.
9. Пирс Ч. Избранные философские произведения. Пер. с англ. М.: Логос, 2006. 448 с.
10. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
11. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
12. Стернин И. А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. Вып.1. / Науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2008. С. 8–20.

Словари и справочники

13. БУСРЯ – Большой универсальный словарь русского языка. Под ред. В.В. Морковкина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 1456 с.
14. РАС – Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М.: Помовский и партнеры, 1994. 224 с.
15. СРС – Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Нижний Новгород: «Русский купец» и «Братья славяне», 1996. 560 с.

**РЕЛИГИОЗНЫЕ СМЫСЛЫ РУССКОГО СЛОВА
В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ И АКСИОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ:
МИЛОСЕРДИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ**

Коренева Ю. В. (Москва, Россия)

Аннотация. В статье в аспекте аксиологической проблематики лингвокультурологии рассматривается религиозная и внерелигиозная концептуализация лексем **милосердие** и **справедливость**. Через лексикографические данные, данные НКРЯ, СМИ и научные публикации показывается высокая актуальность стоящих за обоими словами концептов. Данные слова входят в категорию нравственных понятий социального взаимодействия, поэтому специфика их противопоставленности друг другу определяется через призму христианских ценностей.

Abstract. The article examines the religious and non-religious conceptualization of the lexemes “mercy” and “justice” in the aspect of the axiological problems of linguacultural studies. Lexicographic data, data from the Russian National Corpus, the media and scientific publications demonstrate the high relevance of the concepts behind both words. These words are included in the category of moral concepts of social interaction, therefore the specificity of their opposition to each other is determined through the prism of Christian values.

Ключевые слова: милосердие, справедливость, религиозный дискурс, ценность, семантика, концептуализация.

Keywords: charity, justice, religious discourse, value, semantics, conceptualization.

Обращение к понятиям милосердия и справедливости вряд ли можно назвать исключительно новым, но актуальности данной темы это не отменяет. Сравнительный подход к единицам языка в лингвокультурологии в рамках данного рассуждения имеет дискурсивную природу: лингвокультурологическое сравнение возможно проводить и внутри одной этноязыковой общности, но в разных функциональных сферах-дискурсах с учетом исторических

обстоятельств развития языка. В этом отношении явными лингвокультурными особенностями будет обладать сопоставление религиозного дискурса в внерелигиозной сфере. В системе отношений русского и церковнославянского слова определение структурно-семантических особенностей той или иной лексемы в ее диахронии позволяет видеть ее лингвокультурное наполнение, а сравнение в этом ключе религиозного и внерелигиозного ее употребления позволяет это лингвокультурное наполнение идентифицировать. Хрестоматийной иллюстрацией этого положения являются лексемы *прелесть*, *блаженный*, *трезвость/трезвение*.

Под религиозным смыслом слова следует понимать дискурсивную детерминацию семантики лексической единицы, то есть религиозная семантика слова – это семантика, задаваемая религиозной сферой функционирования лексемы и ее смысловым развитием, с одной стороны, с другой же стороны – семантика, задаваемая происхождением слова, его словопроизводством и его этимологией (*святой* – этимон и функция; *смирение* – функция и словопроизводство; *молитва* – функция и семантическое развитие и под.). Ценностная составляющая семантического объема слов *милосердие* и *справедливость*, т.е. их аксиологический потенциал и статус, поверяется публикациями в научной и медиасфере, лексикографическими данными.

В E-Library запрос по словам *милосердие* и *справедливость* в разделах «Языкознание» и «Религия, атеизм» дает статистику: *справедливость* – 5766 публикаций; *милосердие* – 1868 публикаций; *милосердие, справедливость* – 133 публикации. Это публикации, в основном, юридического (правового) характера, философского, социологического, культурологического и, гораздо реже, литературоведческого и лингвистического характера (например, [Байдавлетова, 2012; Жданова, Ревзина, 1991; Ильина, Завьялова, 2023; Логунова, 2011; Никитина, 2012; Фролова, 2018] и мн.др.). Также доказательством нашей посылки о наличии в семантике этих слов аксиологической составляющей служат собственно лексикографические данные: ***Милосердие***: *сострадание, готовность помочь, человеколюбие* [СЕМЗ, 4604, URL]; [MAC, 30173, URL]; [ТСОШ, 15903, URL]; ***Справедливость***: *правильность поведения, беспристрастное отношение, соответствие нормам* [СЕМЗ, 3114, URL]; [СЕМЗ, 4609, URL]; [MAC, 69256, URL]; [ТСОШ, 34081, URL]. Толковые словари семантизируют оба понятия через отношение человека к человеку, т.е. включают обе лексемы в корпус номинаций социального взаимодействия, указывая еще и на чувственную сторону человеческой личности.

Конечно, анализ текстов медиасферы в отношении хотя бы одного слова – задача масштабная, но даже беглый взгляд позволит отметить особенности концептуализации слова. Видим, что при сравнении *милосердия* и *справедливости* выстраивается их оппозиция:

– «**Что поможет русской Победе: То, что выше справедливости**

В числе христианских добродетелей милосердие стоит выше других. Поэтому то, что именно она вошла в число традиционных духовно-

нравственных ценностей, утвержденных президентским Указом № 809 об Основах государственной политики, <...> Если справедливость можно измерить – око за око, зуб за зуб, то милосердие не измеряется, потому что оно всегда – нечто большее. Оно всегда *чрезмерно*» [Царьград, URL];

– «**Баланс между справедливостью и милосердием: что важнее?**

<...> В то время как справедливость обеспечивает подотчетность и поддерживает закон, милосердие способствует прощению и пониманию. Оба понятия имеют свое собственное значение, но определение того, какое из них более важно, может оказаться сложным делом» [Путь мудрости, URL].

В НКРЯ в основном корпусе с этими словами в большинстве своем даны примеры из религиозных и философских текстов. Если же в основном корпусе исключить тексты церковно-богословской сферы функционирования (остаются все нехудожественные тексты и художественные тексты), то мы получим следующую картину: *Справедливость* – 17007 употреблений; *Милосердие* – 5632 примера. Коллокация слов *милосердие* и *справедливость* дает 71 пример, среди них:

1. *Итак, всех вообще добродетелей, кои эфика исчисляет и нарицает собственным каждую именем, как то: для безопасности в сожитии — **справедливость**, бескорыствование, **милосердие**, равномерие, человеколюбие* <...> [В. К. Третьяковский. Слово о мудрости, благоразумии и добродетели (1752)] [НКРЯ, URL];

2. *Нравственные правила **справедливости** и **милосердия**, психологически опирающиеся на чувство жалости* <...> [В. С. Соловьев. Оправдание добра (1894–1899)] [НКРЯ, URL];

3. *Самый чепушистый из писателей двадцатых годов, Зоценко <...> кончил весь этот цикл «Голубой книгой», которая прозвучала как мольба о **справедливости**, **милосердии** и чести.* [Н. К. Чуковский. Литературные воспоминания (1959–1965)] [НКРЯ, URL].

Примеры показывают, с одной стороны, возможное включение обеих лексем в один понятийный и аксиологический ряд, с другой стороны, их возможное противопоставление друг другу (*милосердие* **и** *справедливость*) и включенность этих слов в парадигму представлений о социальных и нравственных нормах.

Во внерелигиозном употреблении в современном русском языке *милосердие* и *справедливость* объединяет: нравственная оценка; социальная оценка; отнесенность к области внутреннего выбора человека; соответствие представлениями социума о нормах поведения и правильности этого самого выбора. Различает их: связь справедливости с юридической стороной внешней жизни человека, связь милосердия с чувственно-эмоциональной внутренней жизнью человека.

В религиозной сфере (= в русском православном дискурсе и концептосфере) *милосердие* и *справедливость* входят в корпус так называемых нравственных понятий: «Милосердие – деятельное соучастие в судьбе другого; готовность бескорыстно помогать нуждающимся; милость, сострадательная любовь. <...>

Справедливость – соответствие человеческих отношений, законов, порядков морально-этическим, правовым нормам и требованиям» [КС НП, URL]. На сайте «Азбука веры» есть специальный раздел «Милосердие» [Азбука веры, URL]. Православная концептосфера *милосердие* позиционирует не только как личное чувство и/или социальное служение, но прежде всего как добродетель – поведенческий выбор человека: «И слепому, и прокаженному, и поврежденному рассудком, и грудному младенцу, и уголовному преступнику, и язычнику окажи почтение как образу Божию. Что тебе за дело до его немощей и недостатков? Наблюдай за собой, чтобы тебе не иметь недостатка в любви. (свт. Игнатий Брянчанинов)» [Азбука веры, URL].

Библейский словарь *справедливость* приравнивает к праведности, что свидетельствует о ведущей роли внутренней формы слова в его семантизации: «праведность есть совершенная безупречность поступков; справедливо то суждение, которое соответствует истине» (словарная статья «праведность – справедливость») [БС, URL]. Там же: «Евангелие чудно открывает нам в крестной смерти Христа полную согласованность Божией справедливости с любовью: Всеправедный, Он побеждает зло мира любовью и восстанавливает нарушенное в нем равновесие, примиряя с Собою павшее человечество» (словарная статья «праведность – справедливость») [БС, URL]. Милосердие определяется как «сострадание о чужой бедности, в сердце нашем ощущаемое, происходящее от нелицемерного чувства любви с тем, чтобы помочь бедному, ежели возможно. Предмет милосердия есть всякий оскорбленный человек знакомый и незнакомый, единоверный и иноверный по заповеди Христовой» [Алексеев, URL].

Показательно, что лексемы *милосердие*, *милость* есть почти везде, а слова *справедливый*, *справедливость* в религиозных словарях практически отсутствуют, нет их в: [БЭ, URL], [ББС, URL], [Глубоковский, URL], [ППБЭС, URL], [ППЦС, URL] и др. Такое обстоятельство объясняется, конечно, же и временем вхождения в язык, и актуализацией этих слов. Если *милосердие*, как известно, калькированная единица (лат. *miseriordia*), известная еще с XII в. по древним памятникам письменности, то *справедливость* – единица поздняя в русском языке: «Др. рус. (1537) от *справедливый* ‘сделанный по правде, по правоте, по совести’ (1438) при наличии синонимов типа *справедливство* (1504). Термин XVIII в. явился переосмыслением латинского, заменяя исконно русское сочетание «долг и право», что отчасти скрыло за формулой *взаимные* соотношения между долгом (*обязанность*) и правом (*справедливость*)» [СРМ, т. 2, с. 313]. Специфическая терминологичность *справедливости* подтверждается также и морфемно-словообразовательным анализом: в современном русском *справедлив-ость-0*, в то время как в *милосердии* все так же выделяется два корня, каждый из которых связан со своим исходным гнездом: *мил(ый)* и *сьрд(ьце)*. Для русского языкового сознания *справедливость*, что бы ни диктовала современная морфемно-словообразовательная логика, будет связано с многомерным концептом

Раздел 3.

и словом *правда*. *Милосердие* в этой связи – изначально понятие религиозное, связанное с духовной жизнью человека и общества. *Справедливость* вошло в язык как элемент правовой сферы. По внутренней структуре ни *правда*, ни *справедливость*, ни *милый/милость*, ни *сердце* – сами по себе не являются номинациями религиозного типа. Все эти лексемы лишь в своем семантическом развитии концептуализируют возможные религиозные смыслы. Таким образом, оба слова – каждое по отдельности и совместно – как в религиозном, так и во внерелигиозном употреблении могут акцентировать исходные, связанные с внутренней формой, смыслы (которые можно назвать в целом социально-коммуникативными), и вторичные, в том числе религиозные, смыслы, появляющиеся по дискурсивным причинам. Еще в работе начала 90-х XX в. Л. А. Жданова и О. Г. Ревзина указали на три аспекта милосердия как явления: на общую понятливость с диффузной размытой семантикой, на практический аспект, в котором проявляется связь с благотворительностью, и эта связь активно реализуется в современном обществе и оформляется соответствующими языковыми средствами, и, наконец, на категорию нравственную, духовную, противопоставленную практическому аспекту [Жданова, Ревзина, 1991, с. 58–60]. Именно третья сторона концептуализации вписывает слово *милосердие* в религиозную сферу коммуникации. А историческая отнесенность *справедливости* к правовой сфере ограничивает возможности включения данной единицы в религиозный дискурс. Да и ниша эта занята: в религиозных словарях однокоренное слово *праведный* связано с представлением о святости, отсюда в языковом сознании разделение на справедливость земную и справедливость небесную.

Личная проигнорированность этих слов как элемент их концептуализации в русском языковом сознании подчеркивает, с одной стороны, оппозицию личного и социального, чувственного и логического, с другой стороны, задает вектор оппозиции внутреннего выбора с опорой на традиционные христианские ценности и выбор небесного, а не земного: «выше Закона может быть только Любовь, выше Права — лишь Милость, а выше Справедливости — лишь Прощение...» [Патриарх Алексий II, URL].

Литература

1. Алексеев П. Церковный словарь. СПб., 1817–1819. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tserkovnyj-slovar-petra-alekseeva/#source> (дата обращения: 14.10.2024).
2. Байдавлетова Л. Р. Концепт «милосердие» в русской языковой картине мира // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 4. Т. 2 (43). С. 82–86.
3. Баланс между справедливостью и милосердием: что важнее? // Канал «Путь мудрости в жизни». 11 августа 2023. URL: https://dzen.ru/a/ZNZRQIjlpWc_yJi2. (дата обращения: 14.10.2024).

4. Библейская энциклопедия. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Nikifor/biblejskaja-entsiklopedija/#%D0%A1> (дата обращения: 14.10.2024). (в тексте – БЭ).
5. Библейский богословский словарь/ Под ред. священника В.Михайловского. – М., 1995. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Mihajlovskij/biblejskij-bogoslovskij-slovar/#source (дата обращения: 14.10.2024). (в тексте – ББС).
6. Библейский словарь. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/biblejskij-slovar-gese/> (дата обращения: 14.10.2024). (В тексте – БС).
7. Глубоковский Н. Н. Библейский словарь. https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Glubokovskij/biblejskij-slovar/#source URL: (дата обращения: 14.10.2024).
8. Жданова Л. А, Ревзина О. Г. «Культурное слово» милосердие // Логический анализ языка: сборник статей. Вып. 4. Культурные концепты. М., 1991. С. 56–61.
9. Ильина В. А., Завьялова Ю. Н. Темпоральная характеристика ценностей «власть» и «справедливость» носителей русской культуры // Вестник Российского нового университета. Серия : Человек в современном мире. 2023. № 2. С. 35–39.
10. Краткий словарь нравственных понятий. URL: <https://azbyka.ru/deti/kratkij-slovar-nravstvennyh-ponyatij> (дата обращения: 14.10.2024). (в тексте – КС НП).
11. Логунова Е. Г. Сравнительный лингво-исторический анализ категории милосердия // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2011. № 25. С. 34–42.
12. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 14.10.2024).
13. Никитина М. Ю. Концепт милосердие в русском языковом сознании и в идиостиле писателя // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. 2012. Т.12. № 1. С. 39–42.
14. Патриарх Алексий: слова пастыря, которые все также ценны для нас // Журнал «Фома». 05.12.2016. URL: <https://foma.ru/patriarh-aleksiy-ii-aforizmyi-2.html> (дата обращения: 14.10.2024).
15. Полный православный церковнославянский словарь. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/polnyj-pravoslavnyj-tserkovnoslavjanskij-slovar/19> (дата обращения: 14.10.2024). (в тексте – ППЦС).
16. Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/polnyj-pravoslavnyj-bogoslovskij-entsiklopedicheskij-slovar-tom-1/> (дата обращения: 14.10.2024). (в тексте – ППБЭС).
17. Православный портал «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/> (дата обращения: 14.10.2024).

18. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: «Азбуковник», 1998. URL: <https://slovari.ru/search.aspx?p=3068> (дата обращения: 14.10.2024). (В тексте – СЕМ).

19. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981–1984. URL: <https://slovari.ru/search.aspx?p=3068> (дата обращения: 14.10.2024). (в тексте – МАС).

20. Словарь русской ментальности : в двух томах / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2014. (в тексте – СРМ).

21. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Азъ, 1994. 907 с. URL: <https://slovari.ru/search.aspx?p=3068> (дата обращения: 14.10.2024). (В тексте – ТСОШ).

22. Фролова О. Е. Субъективное понимание концепта «справедливость» // Человек: образ сущность. Гуманитарные аспекты. – 2018. – №3(34). – С. 154–169.

23. Что поможет русской Победе: то, что выше справедливости // Канал «Царьград». 07 февраля 2023. URL: <https://dzen.ru/a/Y-JQK7Yv5F0zerDR> (дата обращения: 14.10.2024).

**ТРИАДА АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАКОВ –
ФУНКЦИЯ, ПРАГМЕМА, КОННОТАЦИЯ –
КАК СЕМИОСФЕРА ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ**

Маркелова Т. В. (Москва, Россия)

***Аннотация.** Проведено исследование семиотических аспектов оценочной концептосферы в русском языке. Выявлена корреляция многоаспектной структуры оценочного значения с прагматическими параметрами лексического и грамматического значений, описана знаковая природа функционально-семантического поля оценки. В семиозис коммуникативного поля включены и описаны эмоциональные, ментальные и синтаксические доминанты. Систематизированы лексические знаки-функции, знаки-коннотации, знаки-прагмемы. Определено перспективное влияние оценочной концептосферы на «преобразование» лексических значений в современном дискурсе.*

***Abstract.** The study of semiotic aspects of the evaluative conceptual sphere in Russian language was conducted. The multidimensional structure of the value is correlated with pragmatic parameters of lexical and grammatical values, the symbolic nature of the functional-semantic field of the value is described. The communication field semiosis includes and describes emotional, mental and syntactic dominants. Lexical function signs, connotation signs, pragmatic signs are systematized. The prospective influence of the evaluative conceptual sphere on «transformation» of lexical meanings in modern discourse was determined.*

Ключевые слова: категория оценки, семиотика, семантика оценки, прагматическая функция, функционально-семантическое поле оценки, прагмема, коннотация, функция.

Keywords: category of evaluation, semiotic, semantics of evaluation, pragmatic function, functional-semantic field of evaluation, pragram, connotation, function.

Закономерность активного интереса лингвистов к аксиологической проблематике в первой четверти XXI века детерминирована взаимоотношением ценностей и культуры. Тектонические изменения образа мира в разных культурах, технократизация, информатизация и виртуализация сознания, образования и бытия, состояние «Цифра против слова» [Власов, 2020, с. 32], индивидуализация мышления – слово «я» вышло на 7-е место по употреблению в речи в 2021 году по сравнению с 36-м в 1990-е – по материалам ассоциативных словарей [Уфимцева, 2023, с. 19] прогнозируют оценочность как характер русской культуры с ее антитезой «хорошее – плохое», то есть «доброе» – «злое», «идеальное» – «неидеальное», «подлинник» – «копия». Поиск системных средств, реализующих оценочные смыслы и их преобразующую силу, необходим для сохранения языка как «производного» культуры и «производящего» культуру, для развития речевого мышления как центральной составляющей образа мира – человека, сохранения его самоидентификации.

В этом поиске необходимо опираться на лингвоаксиологические и антропологические исследования, объединенные центральной фигурой человека как «пользователя» языка, прагматического «потребителя» знаковых систем, в которых слово «всесильно» (Низами) и им «подобает скрашивать зло» (Овидий).

Прагматика как *отношение* знаков к такому человеку и человека к знакам есть важнейшая составляющая «трехмерного пространства языка» [Степанов, 2010, с. 3–4], неотделимая от **семантики** как *отношения* знака к объекту обозначения и понятию о нем и **синтактики** – *отношения* между знаками. Именно в этом семиотическом пространстве формируется семиосфера общения, ориентированная на коммуникативную природу оценки во взаимосвязи «... оценки, мысли и эмоции» [Гак, 1998, с. 28]. Также Л. А. Новиков считал, что категория оценки входит в область прагматики, являясь ее организующим центром [Новиков, 2001, с. 404].

«Загадка» феноменального разнообразия знаковых систем в семиотическом пространстве оценочной когниции языковой личности коррелирует с многослойностью и многомерностью концепта **оценка** в контексте «образ, понятие, ценность» [Карасик, 2010, с. 153], формируя особенную концептосферу межуровневого взаимодействия языковых знаков как средства выражения категории оценки.

В процессе «разгадки» вышеобозначенной лингвистической тайны необходимо учесть ряд соотношений языка и мышления, лежащих в основе выделения трех аксиологических знаков – функции, прагмемы и коннотации,

представленных в трех типах оценочной лексики. К наиболее значимым из них отнесем корреляцию прагматики концепта с многоаспектностью оценочной семантики в ментальном поле говорящего и его высказывании. Оценка формируется комплексом элементов: **субъект, объект, характер и основание оценки**, семантика которых формирует ценностное отношение говорящего: в высказывании *Книга хорошая* выделяются компоненты: *книга* – это объект, *хорошая* – предикат, который одновременно включает в себя положительный знак оценки, «скрываая» имплицитный субъект и «достраивая» смысл «субъект прочитал эту книгу». Таким образом, одна лексическая единица может содержать в себе сразу несколько характеристик, важных для выражения оценки, реализуя сложный семантический комплекс **двойной оценки** и определяя системность объектов оценки с точки зрения социального стандарта коллектива и собственного мнения о ценности/антиценности: «Оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку и Человечеству» [Арутюнова, 1999, с. 181]: *Ребенок славный; Погода прекрасная; Кофе вкусный // Ребенок непослушный; Погода скверная; Кофе растворимый.*

Попытка систематизировать оценочную лексику, объединенную способностью выполнять функцию оценочного предиката в высказывании, встречает сопротивление рационального и эмоционального, экспрессивного и стилистического параметров оценки. Эмоциональная оценка экспрессивна, содержит реакцию на объект (например: *Проходи́тец! Бардак!*). Рациональная оценка базируется на социальных стереотипах и выражается оценочным суждением (например: *Его коллеги считают, что он поступил хорошо. Я думаю, что это очень плохо*). Однако не всегда возможно провести четкую грань между этими видами оценок (Е. М. Вольф, П. А. Лекант и др.) в живой речи они нередко объединяются, например: *Он поступил, как настоящий герой*. Синтез их признаков и попытки разделения невозможны без наблюдения за семиотической природой формирования оценочной семиосферы.

«Три кита», лежащие в основе ее лингвистической природы, включают разные семиозисы: докоммуникативный период интенциональности как знак ментального состояния говорящего-ценителя – эмоциональное состояние как знак эмоции (первичной или вторичной), вмещающейся в оценочный процесс – коммуникация как знак оценочного высказывания разного типа.

Представляя категорию оценки «как функционально-семантическое поле, реализуемое системой разноуровневых языковых средств в их взаимодействии» [Маркелова, Петрушина, 2019, с. 9], наблюдаем в нем «когнитивное содержание (хорошо/нормально/плохо)», «коммуникативное содержание (одобрение/безразличие/неодобрение)», «эмоциональное содержание (приятно/удовлетворительно/неприятно)»: *Фильм вызвал интерес – Фильм интересный – Фильм интересует зрителей – Смотреть фильм интересно* (когнитивное содержание – «хорошо», коммуникативное содержание – «одобрение», эмоциональное содержание – «приятно»); *Он трус – Он трусит – Он трусливый – Он проявил трусость – Он ведет*

себя трусливо (когнитивное содержание – «плохо», коммуникативное содержание – «неодобрение», эмоциональное содержание – «неприятно») и т.д. Обнаруженный сложный семиозис демонстрирует парадигматическую (*он гений – гениальный – гениальничает – это гениально*) и синтагматическую (*жизнь – житьишко – жистянка – житие*) организацию языковых знаков в системе средств выражения оценочных значений.

В этой системе слово представляет собой «свернутый текст», поэтому при анализе отдельных лексических единиц применяется предложенная Е. М. Вольф формула как структурная основа оценки: А г В, где А – субъект оценки, г – предикат, В – объект оценки [Вольф, 2002, с. 45]. Язык «живая вода» системы не всегда позволяет четко разделять структурные элементы оценки: иногда субъект и объект оценки соединяются «аксиологическими предикатами, в первую очередь предикатами мнения, ощущения, восприятия (*считать, ставить, казать, расценивать* и др.)» [Вольф, 2002, с. 46], например: *Она производится хорошее впечатление.*

Не разделяя предикат и оценочную семему в его структуре, особенно в прилагательных, несущих качественную оценку, прагматика влияет на всю структурную систему оценки, формируя оценочное слово во всех его испостасях.

Семантическая структура большинства оценочных слов двучленна. В ней выделяется денотативное значение, которое отражает объективную действительность, предмет, понятие, и прагматическое (эмотивное) значение, или коннотация, которое является языковым выражением оценки. Эти два компонента формируют лексическое значение оценочных слов составом его семем. Например:

белоснежный – ‘белый как снег, ослепительно белый’ + положительная оценка; *белый* – ‘цвета снега, молока, мела’, «безоценочно»; *белесый* – ‘беловатый, тускло-белый’ + отрицательная оценка;

зверюшка – ‘небольшой зверь’ + положительная оценка; *зверь* – ‘дикое, обычно хищное животное’, «безоценочно»; *зверюга* – ‘большой зверь’ + отрицательная оценка.

Анализируя семантическую структуру слов с прагматической функцией, Л. А. Новиков писал: «<...> такие единицы не только понимаются (интеллектуальная сторона), но и переживаются (эмоциональная сторона), выполняют не только коммуникативную, но и «оценочную» функцию <...>. Благодаря этому говорящий (адресант) может воздействовать словом на слушающего (адресата) <...>» [Новиков, 2001, с. 463].

Прагматические элементы лексического значения в словарных толкованиях, как правило, не отражаются, что можно считать недостатком, так как это приводит к неполноте раскрытия семантики слова.

Лингвистические наблюдения показывают, что прагматический функционал таких единиц, основанный на корреляции вышеназванных сторон, опирается на важнейший элемент прагматического аспекта семиотики –

оценочную шкалу: *очень хорошо – довольно хорошо – хорошо – нормально – плохо – довольно плохо – очень плохо* [Moggis, 1956, с. 17–26], отражающую усиление или ослабление положительных и отрицательных признаков отношения субъекта оценки к ее объекту. Являясь важнейшим имплицитным компонентом «оценочного комплекса», шкала оценки выражает определенное когнитивное содержание оценочного значения. Эта шкала-образец, шкала-функция, на которую могут накладываться другие оценочные значения, имеющие разные основания оценки. Например, шкала эстетической оценки внешних качеств: *красивый – симпатичный – привлекательный – обычный на вид – невзрачный – уродливый – безобразный*; шкала интеллектуальной оценки: *захватывающий – увлекательный – интересный – обыкновенный – банальный – посредственный – заурядный*; шкала эмоциональной оценки: *жизнерадостный – неунывающий – веселый – нормальный – грустный – печальный – унылый* и т.д. Объединяя в себе **«ментальное, эмоциональное и социальное поле говорящего»**, оценочная шкала позволяет субъекту оценки расположить объекты оценки по элементам, отражающим градацию оценки, то есть **движение признака от центрального, нормативного элемента к концам шкалы в положительном и отрицательном направлениях** по мере возрастания эмоциональной «силы» признака центробежно.

Создаваемая описанными выше корреляциями семантики, синтактики и прагматики, оценочная семиосфера представляет следующую триаду лексических знаков:

– **оценочность функциональная** – слово содержит оценку в семантической структуре как семему (*хороший, замечательный*);

– **оценочность коннотативная** – слово приобретает переносное оценочное значение, при этом прямое значение не является оценочным (*Жизнь – сказка*);

– **оценочность прагматическая** – предметное и оценочное значения в семантической структуре слова неразрывно связаны (*Жизнь – ад*).

При этом оценки-функции эксплицируют предикат как компонент оценочного суждения в процессе выражения семантики общей абсолютной качественной оценки.

Оценки-коннотации развивают свое оценочное значение в ситуации коммуникативно-прагматического контекста, отражая эмоциональное состояние говорящего и его стремление воздействовать на собеседника силой своих эмоций.

Особенную роль в оценочной концептосфере играют прагмемы, в семантике которых «сливаются» предметное значение и оценка: *виртуоз, герой, умница // бездарь, мерзавец, трус* и т.д. Например, у прагмемы *виртуоз* предметная сема ‘человек (артист)’, а понятийная – ‘достигший высокой степени мастерства’; у прагмемы *мерзавец* предметная сема ‘человек’, а понятийная – ‘мерзкий, подлый’ и др. Прагмема представляет собой языковую единицу, в которой оценочное значение знака совмещено с его прагматической функцией, основано на ней и аналогично по форме суждению, «свернутому предложению».

Оценочное значение прагмем, в отличие от оценки-коннотации, независимо от контекста. «Впитав» прагматическую ситуацию в свое содержание, они функционируют как «сильные», «средние» и «слабые» [Савина, Маркелова, 2019, с. 176–186], развивая лексикографический портрет этого знака в семиотике.

По нашим наблюдениям, при соотнесении категории оценки с триадой лексических средств ее выражения в концептосфере можно сделать следующие выводы:

- модальная рамка оценки является базой для знаков-прагмем, так как сама прагмема, обозначая одновременно объект и его ценность, накладывается на высказывание, придавая ему оценочную окраску;
- когнитивная деятельность является основой для знаков-функций, так как их значения представляют собой отражение в сознании субъекта интуитивно воспринимаемых признаков предмета оценки (*хороший/нормальный/плохой*);
- антропоцентрическая деятельность определяет употребление в речи знаков-коннотаций, так как именно человеческое сознание способно к прямому не оценочному значению добавить переносное, оценочное с целью выразить эмоциональное состояние субъекта и его намерение воздействовать на собеседника.

Предложенная система предназначена для отражения «преображенной» и «измененной» языковой картины мира в условиях глобальных трансформационных процессов, что актуально для развития лингвистики.

В основе множества актуальных лексических преобразований, в том числе меняющих оценочный знак на противоположный (*элита, власть, риторика, цифра, капитализм, коммунизм, либерал, демократ, бизнес, реформировать, оппозиционный и др.*), лежит особенное «напряжение» оценочных интенций – эмоциональное и коммуникативное, направленное на выявление различий в «преобразенных» языковых средствах. В функционально-семантическом поле оценки на базе аксиологических знаков оценочной шкалы «**очень хорошо – довольно хорошо – нормально – плохо – довольно плохо – очень плохо**» (Morris), выделяются микрополя *динамики коммуникативных намерений* – «**одобрения – похвалы – восхищения / безразличия / неодобрения – порицания – возмущения**» и *динамики ведущих и производных эмоций в их соотношении с оценочными смыслами* – «**радостно – приятно / удовлетворительно / неудовлетворительно – неприятно – печально**».

Аксиологический контекст влияет на изменения, вносимые в семантическую структуру слова, и реализует его новым значением прагмем *риторика: Большие долги – свирепее риторика* (А. Вассерман, ЛГ, № 40, 2024); *цифра: цифровой ребенок, цифровая мода; власть: власть закона или произвол власти* (ЛГ, № 15, 2023). Оценочная лексика в ранге оценок-функций, оценок-коннотаций, оценок-прагмем отражает все аспекты семиотики в своем понятийном, образном и ценностном концептуальном облике, который обеспечивает системность оценочного семиозиса, объединяя нужды коммуникации, эмоции,

сознания: «Семиотику нельзя рассматривать как нечто внешнее по отношению к природе, обществу, человеку, науке, литературе и искусству. Она живет и развивается в них, вместе с ними. Надо стремиться пробудить ее в себе, понять и овладеть этим мощным орудием познания системного единства и гармонии мира» [Новиков, 2003, с. 34].

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки славянской культуры, 1999.
2. Власов П. Цифра против слова // Культура. № 9. 24.09. 2020.
3. Вольф Е. М. М.: ЕДИТОРИАЛ УРСС, 2020.
4. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010.
5. Лекант П. А. Рациональный и эмоциональный аспекты русского предложения // Русский язык в школе. 2004. № 4. С. 75–78.
6. Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка: монография М. Институт современного искусства. 2019.
7. Новиков Л. А. Избранные труды. Том I. Проблемы языкового значения / отв. ред. В. В. Иванов. М.: Изд-во РУДН, 2001. С. 672.
8. Новиков Л. А. Семиотика как наука о знаковых системах и общая лингвистика // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. 2003. № 5. С. 21–34.
9. Савина А. П., Маркелова Т. В. Деривационные свойства прагмемы как особой единицы оценочной лексики /// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. по 4. С. 176–186.
10. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Отв. ред. В. П. Нерознак. Изд-е 2. М.: «Либроком». 2010.
11. Уфимцева Н. В. «Идет принудительный процесс изменения русского языка» // Культура. № 9. 2023.

«МОСКВА ЗЛАТОГЛАВАЯ» КАК МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ В СОЗНАНИИ РОССИЯНИНА

Огородняя О. В. (Луганск, Россия)

Аннотация. В статье на примере русского массмедийного дискурса проиллюстрирован концепт «Москва златоглавая» как традиционная метафора, вошедшая в сознание современного русского человека и отображающая лингвокультурологическое значение этой языковой единицы. В теоретической части представлены термины «концепт», «метафора», которые аккумулировались в исследуемом устойчивом словосочетании и продуцировали расширение концептуального поля и метафорического

смысла, связанного с историей, этимологией слова, различными сферами экономической жизни столицы.

Abstract. *In the article the author proposes to consider the verbalization of the concept “Golden-domed Moscow” as a metaphorical one using the example of mass media discourse. The work highlights such questions as the phenomenon of language – metaphor, the functional side of the concept under study.*

Ключевые слова: *Москва, концепт, метафора, метафорическая модель, область-источник.*

Keywords: *Moscow, concept, metaphor, metaphorical model, source region.*

*Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается... (1837 г.)
М. Ю. Лермонтов*

Лингвистика на современном этапе своего развития обладает огромным количеством возможностей изучения языка как отражения своего содержания, поскольку «...язык – общественное явление, и, взятый в своем социальном плане, он выступает хранителем информации о мире, характерной для всего коллектива говорящих, для всей этнолингвистической, культуроязыковой общности» [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 31].

Сам концепт «Москва» является важнейшим для каждого гражданина России, – это один из ключевых ойконимов (название населенного пункта) в системе русского языка, отражающий название столицы.

По мнению М. Фасмера, гидроним Москва (название реки) засвидетельствован с XIV в., и появился раньше, чем название города [Фасмер, 1986, 1971]. Происхождение гидронима пытались объяснить принадлежностью к разным языковым группам, однако до сих пор ученые не могут прийти к единому мнению. М. Фасмер выдвигает гипотезы о происхождении с западнославянских языков (чешский, словацкий) со значением «сырой хлеб», «лужа»; с индоевропейской семьи языков (в частности, литовский) со значением «мыть, полоскать» [Фасмер, 1986, 1971].

Далее рассмотрим непосредственно выбранный нами концепт «Москва златоглавая». Обращаясь к историческим данным, становится понятно, что выражение пришло из XV–XVI вв., когда застройка города не была такой плотной как сейчас, и позолоченные купола храмов были видны из всех уголков Москвы и близлежащих городов. Не случайно в качестве эпиграфа к статье мы приводим строки М. Ю. Лермонтова из исторической поэмы «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца

Калашникова» (1837 г.). Москва для М. Ю. Лермонтова была родным городом, который был воспет во многих стихотворениях поэта. В современном контексте исследуемый концепт приобрел популярность благодаря песне «Москва златоглавая», или «Конфетки-бараночки», написанная в первой половине XX века композитором Шоломом Секундой на слова неизвестного поэта. Слова *«Москва златоглавая/Звон колоколов/Царь-пушка державная/Аромат пирогов//Конфетки-бараночки/Словно лебеди, саночки/«Эй вы, кони златые!»/Слышен звон с облучка»* поистине стали народными.

Предмет исследования – функциональная сторона концептуального поля, эпитета «Москва златоглавая», который реализуется в различных дискурсах и субдискурсах языка, формирующий лингвокультурологическую смысловую картину мира русского человека.

Объект – концепт «Москва златоглавая» как ядро в концептуальном поле социальной реальности.

Цель настоящей статьи – доказать, что данный эпитет является метафорой в сознании россиянина. Особое внимание уделяется проблеме определенности этой структуры посредством факторов культурологического аспекта.

Для достижения цели в нашем исследовании были поставлены следующие **задачи**:

1. Осуществить анализ научной литературы по данной проблеме.
2. Выявить основные лингвистические характеристики понятия «концепт» и «метафора».
3. Проанализировать и обосновать концептуальное поле понятия «Москва златоглавая» в заголовках медиатекстов.
4. Сделать вывод: действительно ли изучаемый концепт закреплен в сознании россиян.

Цели и задачи спрогнозировали использование различных **методов исследования**: анализ семантики, этимологии, контекста, метод лингвокультурологической интерпретации исследуемых единиц, метод текстовой выборки. Также были применены элементы логического и когнитивного анализов в контексте проблем лингвокультурологии.

Отсутствие исследований метафорической репрезентации обозначенного концепта свидетельствует о научной **новизне** данной работы.

Исходя из вышесказанного, нам представляется **актуальным** и интересным провести исследование с точки зрения концептуального подхода и выявить, какими лексическими единицами может сформировываться концепт «Москва златоглавая».

Перейдем к основной части исследования. Лучшим объяснением ментальных ресурсов нашего сознания являются концепты. Проблема концепта приобретает важный статус в смежных лингвистических дисциплинах когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Поскольку понятие «концепт» междисциплинарное, то и подходы к нему существуют

разные. С лингвокультурологической точки зрения исследуемая проблема рассматривается в работах В. И. Карасика, Ю. С. Степанова, Г. Г. Слышкина и других. Представители лингвокогнитивного подхода (Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин) во главу угла ставят когнитивную сущность концепта.

Термин «концепт» имеет множество определений и представлений, так как даже самая небольшая попытка осмыслить природу концепта сопряжена с рядом полярных точек зрения. Обратимся к некоторым. Ю. С. Степанов в «Словаре русской культуры» замечает: «Концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 1997, с. 43]. По мнению М. В. Пименовой, «концепт – это означенный в языке национальный образ, понятие, символ, осложненный признаками индивидуального представления [Пименова, 2013, с. 9].

Ввиду того, что в нашей работе мы рассматриваем концепт «Москва златоглавая» как метафорический, обратимся к теоретическому материалу. В языкознании метафора считается одним из самых наглядных способов отображения элементов сознания народа, а исследование метафорической репрезентации концептов может помочь выявить особенности мировоззрения народа. Метафорический концепт – основополагающая мыслительная операция, посредством которой человек познает мир, непрерывно соотнося новый практический опыт со старым, и, как следствие, выражает полученные знания в языковых формах на различных уровнях, то есть в словах и текстах, в том числе фразеологических единицах [Михельсон, 2005, с. 15]. Вслед за О. Н. Кондратьевой рассматриваем метафору как «основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира» [Кондратьева, 2012]. Изучаемый концепт примем как метафорическую модель, опираясь на труды А. П. Чудинова: «...система метафорических моделей является важной частью национальной языковой картины мира, национальной ментальности, она тесно связана с историей соответствующего народа» [Чудинов, 2003, с. 64], тогда как концептуальная метафора – это базовая ментальная модель, основанная на аналогии и позволяющая осмысливать объекты (явления, сущности) на основе знаний о других объектах (явлениях, сущностях), получающая выражение в языке, дискурсе, тексте в виде целостной системы метафорических выражений [6, с. 45]. Для развития теории метафорического моделирования важное методологическое значение имеют труды Ю. Д. Апресяна, Е. А. Урысон, особое место занимают работы А. Н. Баранова, Ю. Н. Караулова, А. П. Чудинова.

Для того чтобы выявить, как изучаемый концепт метафоризируется в сознании россиянина, мы взяли медийные тексты (заголовки) из сети интернет, провели анализ лексических единиц, отобранных в процессе исследования, и пришли к классификации (метафорическим моделям), представленной ниже. В качестве области-источника выступает одна семантическая область-концепт

«Москва златоглавая». Приведем классификацию (группы классификации стали периферией концептуального поля с ядром «Москва златоглавая»).

«Москва златоглавая» в рекламном дискурсе: «Москва златоглавая»: прогулка на теплоходе»; Телеграмм-канал «МоскVaЗлатоглавая» (доставка товаров из РФ) (*здесь стоит обратить внимание на написание, продиктованное современностью*).

Комментарий: примеры этой категории относятся непосредственно к городу Москва.

Экономическая сфера: Российское ОАО Москва Златоглавая»; Бизнес-центр «Москва Златоглавая».

Комментарий: организации находятся в Москве и предлагают услуги аренды помещений города.

«Москва златоглавая» в истории, живописи, архитектуре: «Москва златоглавая в старых фотографиях и гравюрах»; Панно на подставке Brunel «Москва Златоглавая»; Историческая выставка «Москва златоглавая»; Антикварный гобелен «Москва Златоглавая»; Плакетка-барельеф «Москва златоглавая»; Панно «Москва Златоглавая».

Комментарий: концепт употреблен с целью названия иллюстраций видов Москвы.

Сувенирная продукция: Часы карманные Молния – «Москва Златоглавая»; Турка для кофе медная «Москва Златоглавая»; Шкатулка «Москва златоглавая»; Сувенирный колокольчик «Москва златоглавая»; Фляга большая «Москва Златоглавая»; Чашка с блюдцем «Москва Златоглавая»; Термокружка «Москва Златоглавая»; Футляр подарочный для бутылки «Москва Златоглавая»; Подстаканник «Златоглавая Москва» с посеребрением и золочением; Колокол бронзовый на подставке «Москва Златоглавая»; Матрешка «Москва Златоглавая».

Комментарий: эта группа наиболее полно показывает распространенность употребления концепта при наименовании сувенирной продукции. Виды Москвы (особенно Кремль и золотые купола храмов) изображены на шкатулках, чашках и даже турках.

Предметы быта: Светильник «Москва златоглавая»; Штоф фарфоровый «Москва Златоглавая».

Комментарий: группа немногочисленная, что вполне объяснимо. В качестве примеров были найдены названия светильника и штофа, на которых изображена Москва.

Продукты питания: Игристое вино «Москва Златоглавая»; Шоколадная медаль «Москва златоглавая»; Сыр «Москва златоглавая»; Ассорти конфет в темном шоколаде «Москва Златоглавая».

Комментарий: естественно, что приведенные названия продуктов питания изготовлены в Москве, поэтому получили знаковое название.

Название растений: Желтоцветковая фиалка ЕК-Москва Златоглавая; Флокс «Москва Златоглавая».

Комментарий: фиалка получила такое название из-за своего желтого цвета соцветий, а название флокса прямого объяснения не имеет (цветы этого сорта ярко-малиновые), но входит в серию «Золотое кольцо России» (вероятно, по принципу выведения сорта в Москве).

Название фестивалей: Фестиваль по всестилевому каратэ «Москва Златоглавая»; Фестиваль-конкурс «Москва златоглавая»; Арт-курс «Москва Златоглавая».

Комментарий: фестивали проходили в Москве, поэтому получили такое название.

Канцелярские принадлежности: Блокнот деревянный на пружине с ручкой «Москва златоглавая»; Настольный набор «Москва златоглавая»; Календарь квартальный. Государственная символика. «Москва златоглавая»; Пазлы «Москва златоглавая».

Комментарий: на блокнотах, календарях изображены виды Москвы, Кремль, Москва-река.

Предметы одежды: Платок «Москва златоглавая».

Комментарий: всего лишь один пример – платок, на который нанесено изображение панорамы Москвы.

Подарочные наборы: подарочный набор к 23 Февраля «Москва Златоглавая»; Набор охотничий «Москва Златоглавая» (фляга большая, 3 стопки).

Комментарий: на коробке подарочного набора к 23 Февраля изображен храм Василия Блаженного, на фляге – герб России.

Как видим, исследуемый концепт приобрел такое широкое распространение, что прочно вошел в сознание россиян. В представленных примерах видна метафоричность: метафора стала концептом потому, столица расширяет коммерческую сферу жизни туристов: название сувениров, продуктов питания и др. Из примеров становится ясно, что все представленные названия оправданы, так или иначе предметы содержат в себе изображения или Кремля, или храма Василия Блаженного (самые яркие и распространенные символы столицы), или узнаваемых панорамных видов Москвы, или государственной символики. Фактически, концепт нарастил огромное концептуальное поле (где ядро «Москва златоглавая») с множеством периферий.

Возвращаясь к цели и задачам нашего исследования, сформулируем результаты. Проведенное исследование позволило определить целевые области переноса концепта и модели, общие и специфические. Полученные устойчивые модели дают возможность воссоздать процедуру проецирования области-источника (концепт) на область-цель (названия из массмедийного дискурса). Концепт «Москва златоглавая» действительно является метафорическим, поскольку найденные названия отображают элементы сознания российского

Раздел 3.

народа. Выявлен и достаточный патриотический элемент. Построение концептуального поля позволило прийти к выводу: значительная часть слов, входящих в состав периферии исследуемого поля, синонимичны по отношению друг к другу, но отличаются друг от друга в стилистическом плане. Дальнейшие перспективы исследований видим в изучении лингвокультурологического потенциала наименований двух крупнейших городов России – Москвы и Санкт-Петербурга.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Под редакцией и с послесловием академика Ю. С. Степанова. М.: «Индрик», 2005. 1040 с.
2. Кондратьева О. Н. Метафорическое моделирование в религиозном дискурсе // Научный диалог. №8. 2012.
3. Крючкова Е. Н. Московский Кремль: от княжеской крепости до царской резиденции / Е. Н. Крючкова; Федеральное гос. бюджетное учреждение культуры «Гос. ист.-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М.: Московский Кремль, 2012. 78 с.
4. Левшикова Е. В. Метафорическое моделирование концепта «предмет быта» в русском и английском языках / Е. В. Левшикова // Актуальные вопросы современного общества, науки и образования. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2024. С. 156–173.
5. Михельсон М. И. Большой толково-фразеологический словарь русского языка Михельсона. В 3 томах. М.: ЭТС, 2005. 2208 с.
6. Мишанкина Н. А. Метафорические модели лингвистического дискурса / Н. А. Мишанкина // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 324. С. 41–49.
7. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / М. В. Пименова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-2(54). С. 127–131.
8. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986, 1971. 832 с.
10. Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора) / А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2003. 194 с.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
КОНЦЕПТА «ВДОХНОВЕНИЕ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА
РУССКОГО ЯЗЫКА)

Тан Бэйбэй (Москва, Россия / Хэфэй, Китай)

Аннотация. В статье рассматриваются характеристики слова-понятия «вдохновение» как ценности русской лингвокультуры, исследуется слово «вдохновение» с точки зрения концепций, образов и ценностей и показано, что вдохновение приносит новизну.

Abstract. This article examines the characteristics of the word-inspiration as a value of Russian linguoculture, explores the word “inspiration” in terms of concepts, images and values, and shows that inspiration brings novelty.

Ключевые слова: вдохновение, образ вдохновения, ценность, культурный концепт.

Keywords: inspiration, image of inspiration, value, cultural concept.

Представления человека о себе и окружающем мире хранятся в языке в виде лексических единиц, а также в виде целых текстов. В современной лингвистике активно разрабатывается описание национально-культурных ценностей через призму языка, лингвисты сосредоточивают свое внимание на описании культурной концептуальной парадигмы [Воркачев, 2004; Вежбицкая, 2001; Воробьев, 1997; Карасик, 2007; Нерознак, 1998; Степанов, 1997; Бижева, 2004; Радбиль, 2017; Попова, 2007; Зусман, 2001; Маслова, 2001; Красных, 2002; Слышкин, 2004; Шведова, 2005 и т.д.].

Лингвокультурологический подход к изучению концептов направлен на выявление этнокультурной составляющей концептов, которая заключается в том, что концепты рассматриваются как базовые единицы культуры и конденсат культуры. По мнению В. И. Карасика, выделяются три структурных составляющих концепта: понятийная, образная и ценностная [Карасик, 2004, с. 109]. В этой статье осуществляется лингвокультурологическое моделирование ценностей на основе структуры концептов, предложенных В. И. Карасиком, исследуется культурный концепт *вдохновение*.

Содержание слова *вдохновение* объясняется мотивирующим признаком – физиологической особенностью: внутренняя форма этого слова связана с первичным образом физического вдоха / вздоха, тем самым первоначальное значение *вдохновение* было действием, связанным с дыханием; по убеждению носителей языка раннехристианского периода, оно было связующим звеном между Богом и человеком, соединяющим «высокого Бога с ничтожным прахом» [Бытие 2:7]. Согласно Историко-этимологическому словарю П. Я. Черных, с XI века старшее значение слова *вдохновение* – «духовное внушение»,

«вложение, введение в сердце, в душу божественного духа», «воодушевление кого-л.» [Черных, 1999, с. 136]. В русском литературном языке XVIII века писатели придавали слову *вдохновение* несколько иное значение («веяние», «влияние»), связанное с первичным мотивирующим ‘дышать / дуть’, и новое значение «подъем духа», «творческое воодушевление» появилось позднее, но стало основным во второй половине XVIII века [Черных, 1999, с. 136]. В словаре русского языка XVIII у слова *вдохновение* содержатся значения «вдохновение, духновение, дуновение», «внушение, побуждение (богов, природы)» и «ниспосланное свыше знание, сила, дар» [Словарь русского языка XVIII века, 1985, с. 238]. В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» определил содержание слова *вдохновение* как «действие того, кто вдохновляет; духовное внушение, состояние вдохновенного; высшее духовное состояние и настроение; восторженность, сосредоточенье и необычайное проявление умственных сил. Наитие, внушение, ниспосланное свыше» [Даль, 2001, с. 286].

Постепенно под влиянием западноевропейской культуры слово *вдохновение* стало ассоциироваться с творческой деятельностью, с такими понятиями, как *муза*, *поэзия* и *душа*. (Ср. синонимы к вдохновению: «влияние, внушение, **творческий подъем**; **наитие**; **муза**. См. энтузиазм» [Гаврилов, 2014, с. 34]). В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова лексическое значение слова *вдохновение* определяется следующим образом: «Творческое одушевление, состояние творческого подъема» [Ушаков, 2001: 117]. По определению слова *вдохновение* в толковом словаре Ефремовой Т. Ф., семантическую структуру слова вдохновение можно представить двумя группами значений: «1. Состояние творческого подъема, прилив творческих сил. 2. Приподнятое душевное состояние, настроение; воодушевление» [Ефремова, 2006: 251]. С. А. Кузнецов в Большом толковом словаре русского языка (БТС) определяет *вдохновение* как «состояние наивысшего подъема душевных сил. Творческое, поэтическое в. Петь с вдохновением. В. нашло на кого-л. (разг.)» [Толковый словарь Кузнецова. Электронный ресурс. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/вдохновение>]. Рассматривая диахронический анализ лексемы *вдохновение*, П. В. Владимирова обобщает данные о развитии значения слова: «однозначное в XI веке слово ‘вдохновение – действие’ приобретает второе значение ‘вдохновение – состояние’, которое в дальнейшем становится основным» [Владимирова, 2013, с. 204].

Понятийный состав концепта *вдохновение* сводится к следующим признакам: 1) самопроизвольная индивидуальная творческая деятельность, 2) состояние, присущее только человеку, 3) высокая производительность, огромный подъем и концентрация духовной силы человека.

Данные Национального корпуса русского языка были проанализированы с целью определения актуального перцептивного образа концепта *вдохновение*

и изучения его контекстуальной интерпретации в составе высказываний. Существуют различные версии источников вдохновения, например, те, что встречаются в древнегреческой мифологии.

В древнегреческой мифологии лошадь копытами выкопала чистый источник (Иппокрена) на горе Геликон в Беотии, где жили Зевс и Аполлон, что стало источником вдохновения для поэтов. Необходимо сосредоточиться на устойчивых сочетаниях источников вдохновения, так как это один из важных параметров для анализа концептуального образа. Природа – неиссякаемый источник вдохновения для художника: ветер, дождь, гром и молния, цветы, растения и деревья, горы и реки, птицы и животные — все это обычные лирические объекты в творчестве поэта. «**Тайга** для него — огромный, увлекательный мир познаний и открытий, своеобразная творческая мастерская и постоянный источник вдохновения» [Т. Михайлова. Сказки Амурской земли // «Огонек», 1975]; «Обожаю **животных**, они для меня — сильнейший источник вдохновения» [Посвящение Филиппу Старку (2004) // «Мир & Дом. City», 15.01.2004].

Вдохновение приходит из личного жизненного опыта, а воспитание каждого человека оставляет след в его сознании и памяти, как бренд. «**Жизнь завода**, с которым столько пройдено, с которым так сроднился, — источник вдохновения на многие-многие годы» [Виктор Тельпугов. Из писательского блокнота. На всю жизнь! (1971) // «Литературная газета», 05.05.1971]. «Никто не отрицает, что **события собственной биографии** — источник вдохновения любого мастера» [С. Н. Есин. Дневник (2006)].

Строгое следование фактам и воспоминаниям также являются источником вдохновения. «**Воспоминание**, главный источник вдохновения в сионизме, остается одним из основных эмоциональных ресурсов Израиля и поныне» [В. А. Рубин. Дневники. Письма (1973)]. «**Берлин и политика** [как объект воспоминаний] — вечный источник вдохновения организаторов фестиваля» [Татьяна Розенштайн. Усиленный русский акцент // «Огонек», 2015].

Вдохновение неотделимо от труда, работы и творческой деятельности. «Вдохновение как максимальное напряжение духовных и физических сил является одновременно и завершающим этапом **труда**, и (в психологическом аспекте) необходимым условием снятия стресса, вызванного объемом накопленного материала и духовной переполненностью художника» [Е. Т. Яковлев. Эстетика (1999)]; «Для меня **успехи в развитии энергетики** — источник вдохновения и энергии» [П.С. Непорожный. Дневники 1935–1985 гг. (1970)]. Из этого следует, что вдохновение исходит от успеха в работе.

Духовный мир — это место рождения вдохновения, обеспечивающее достаточное количество питательных веществ и необходимую структуру знаний для вдохновения, а феномен вдохновения помогает глубже познать сущность человеческого духа. Человеческий разум подобен еще не распустившемуся цветку, и если под руководством вдохновения начать исследовать и познавать,

духовный мир человечества начнет пускать корни. Ценность вдохновения в процессе познания осознается, вместе с тем осмысливается по-разному: «Говорю это не в упрек, потому что гений не всегда гений. Вдохновение, как **любовь**, проходит. Тогда-то и начинается «суета и томление духа» [Рой Медведев. Возвращение Солженицына (2002)]; «Вдохновение — это, наверно, когда, как в стенку, бросаешь свой горох в бога, а он летит обратно в твой котелок» [М. Л. Гаспаров. Записи и выписки (2001)]; «Христианские миниатюристы понимали «вдохновение» как **дар «духа премудрости и разума»** (Ис. 11, 2)» [Георгий Флоровский. О почитании Софии, премудрости Божией, в Византии и на Руси (1932)]. Вдохновение — это призыв к сознанию, дар Бога.

Вдохновение — это искра мысли, возвышение интеллекта и разума, важный шаг на пути к постижению истины. «*Вдохновение* — это необычное проявление ума, высокое состояние творческого подъема» [С. П. Аверичева. Дневник (1942)]; «Вдохновение — это внезапное **проникновение в истину**» [О. И. Даль. Дневники. Письма. Воспоминания (1971)].

Эмоциональная энергия подпитывает творчество и является источником вдохновения: «Для меня вдохновение — это все, что может вызвать **переживания, эмоции**» [Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дальше века... (1999–2003)]. Положительные эмоции создают спокойную и приятную атмосферу для вдохновения. Радость оживляет ум, печаль углубляет мышление, гнев вдохновляет на нестандартное мышление, а страх заставляет искать более безопасные и эффективные способы решения задач. «Мы покажем, что и здесь, далеко за пределами родины, живо творчество, живо искусство русское, что не иссяк источник вдохновения и только обострился **от боли, от горьких мучений**» [А. Б. Арсентьев. У излучины Дуная (1999)].

Вдохновение — это внезапное обожание, первая любовь: «И что такое вдохновение, как не внезапное **обожание**, как не внезапная, неожиданная **любовь** ко всему, что только что было временным, случайным, преходящим, а теперь вдруг стало отблеском вечного и нуменального» [К. И. Чуковский. Пшибышевский о символе // «Весь», 1904]. «Вдохновение — как **первая любовь**, когда сердце громко стучит в предчувствии удивительных встреч, невообразимо прекрасных глаз, улыбок и недомолвок» [К. Г. Паустовский. Золотая роза (1955)]. «О вдохновении: Я бы сказал, что вдохновение — как **влюбленность**, — сказал Андрей Андреевич» [И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)].

Вдохновение можно черпать из мечты и иллюзии. «Жаль, что источник вдохновения этого таланта (одного из поэтов, которого стихотворения были изданы в 1846 году) не жизнь, а **мечта**, и что поэтому он не имеет никакого отношения к жизни и беден поэзией...» [Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы (1856)]. «Одному нужен обман, нужна **иллюзия** как источник вдохновения, энергии, самой жизни; другой способен обойтись без обмана и без иллюзии и работать, питаясь одной

черствой коркой истины» [Е. А. Соловьев-Андреевич. Александр Герцен. Его жизнь и литературная деятельность (1897)].

С другой стороны, вдохновение тесно связано с реальной жизнью, оно может быть персонифицировано, если исходит от ярких реальных персонажей («**Образ Ленина** — неисчерпаемый источник вдохновения народных певцов, сказителей» [П. М. Казьмин, В. Г. Захаров. Ленин в русском народном творчестве (22.01.1938)]); или, напротив – может исходить от личных предпочтений и мелких бытовых потребностей: «Много охотнее он общался с Евой, находя **в ее лаковых сильных бедрах и других**, так сказать, **прелестях** новый источник вдохновения» [Марк Зайчик. Долг Карабаса // «Звезда», 2001]; «**Водка** — ясно понимал он, — первый источник вдохновения, действующий на всякого влиятельного военного» [В. Н. Гельфанд. Дневники 1944–1946 гг. (1944–1946)]; «Ну, первое событие в комментариях не нуждается: «всему миру известно», что **побритость** для меня — неиссякаемый источник вдохновения и самоутверждения» [Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966–1970)].

Внезапное вдохновение может привести к неожиданным **открытиям**, прорывам, выходу за рамки и продвижению вперед. «Вдохновение как **чудо**, как **озарение** приходит не каждый день, и тут уж ты полностью бессилён остановиться в письме, останавливаешься при чисто мускульной усталости мускулов пальцев от карандаша» [В. Т. Шаламов. Письмо И. П. Сиротинской (1971)]. Вдохновение сопровождается состоянием увлеченности. «А может быть — **увлекаясь**: вдохновение, как аппетит, приходит во время еды» [Владимир Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами (1975–1998)].

Вдохновение как гость: нельзя вызвать его в любое время, а только ждем его визита, а вдохновение – это награда за труд. «Вдохновение — это такая **гостья**, которая не любит посещать ленивых» [П. И. Чайковский. Письма Н. Ф. фон-Мекк (1878)].

Таким образом, мы видим, что вдохновение обладает следующими ценностными характеристиками: 1) вдохновение – это стремление к истине, приносящее мудрость, разум и новизну; 2) вдохновение расширяет творческие возможности человека, помогая человеку (и человечеству) развиваться; 3) вдохновение случайно, мгновенно и в то же время справедливо и бесконечно, имеет огромную привлекательность для людей.

Обобщив сказанное, можно делать вывод, что физическое действие, дающее особый результат – жизнь, то есть изначально обладающее безусловной ценностью (истина), в XVIII веке было переосмыслено с позиции творчества человека, каждое произведение которого должно давать другому человеку новую жизнь – новую мысль, новый взгляд на мир, новое настроение. В современном представлении, вдохновение – это творческое переосмысление жизни, мир в образах.

Литература

1. Владимирова П. В. Мотивирующие признаки концепта «вдохновение» (на материале русской традиции) // Сибирский филологический журнал, 2013. № 1. С. 204–207.
2. Гаврилова А. С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов. М.: Аделант, 2014. 800 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное описание: В 4 т. Т. 1. А-З / В. И. Даль. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2001. XXVI. 1158 с.
4. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: ок. 160 000 слов / Т.Ф. Ефремова. — М.: АСТ: Астрель, Т. 1: А — Л. — 2006. —1165 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
6. Пань Юнвэнь. Концепт «Вдохновение» в русских современных афоризмах и цитатах (вторая половина XX – начало XXI века) // Выпускная квалификационная работа, Санкт-Петербургский государственный университет, 2023. —113с. Электронный ресурс. URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/43052/2/Pan_Unven.pdf.
7. Словарь русского языка XVIII века. Л., 1985. Вып. 2.
8. Толковый словарь Кузнецова. Электронный ресурс. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/вдохновение>.
9. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Русский язык, 1999. Т. 1.

РЕГИОНАЛИЗМЫ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ

Тельнов Р. Е. (Москва, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются регионализмы в аспекте положений когнитивной лингвистики. Обращается внимание на то, что регионализмами становятся не только слова, именующие понятия, распространенные в одних регионах и не распространенные в других (лексика, связанная с профессией шахтера, в донецком региолекте, лексика, связанная со сферой российско-китайских взаимоотношений, в дальневосточном региолекте), но и слова, называющие мелкие бытовые предметы, как правило, не употребляемые в публичной сфере и потому имеющие свойство именоваться посредством множества региональных вариантов. В конце делается вывод о лакунарной природе регионализмов, об их соотносимости с лакунами разного типа: лексическими, семантическими и когнитивными.

Abstract. The article examines regionalisms in the context of the provisions of cognitive linguistics. It is noted that regionalisms include not only words naming

concepts that are common in some regions and not common in others (vocabulary related to the profession of a miner in the Donetsk regional dialect, vocabulary related to the sphere of Russian-Chinese relations in the Far Eastern regional dialect), but also words naming small everyday objects that are usually not used in the public sphere and therefore have the property of being named using a variety of regional variants. In the ending, a conclusion is made about the lacunary nature of regionalisms, about their correlation with lacunae of different types: lexical, semantic and cognitive.

Ключевые слова: регионализмы, региолект, лакуны, когнитивная лингвистика, лингворегионоведение, воронежский региолект.

Keywords: regionalisms, regiolect, lacunae, cognitive linguistics, linguoregional studies, Voronezh regiolect.

В современном лингворегионоведении причины возникновения региолекта являются одной из задач, имеющих «важнейшее значение» [Теркулов, 2022, с. 129]. С самого момента появления термина «региолект» он воспринимается как форма, в которую трансформируются диалекты, испытывающие сейчас активный процесс нивелировки и слияния. Об этом писал, в частности, один из основоположников изучения региолектов А. С. Герд, определявший что региолект – «форма, с одной стороны, не достигшая еще статуса литературного языка, а с другой [...], не совпадающая полностью и с городским просторечием. <...> Диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты» [Герд, 2001, с. 23–24]. С самого возникновения данного термина им охватывается язык не только деревни, но и города, в чем проявляется одно из отличий региолекта от диалекта: «Региолект — это речь жителей средних и малых городов, в которой в значительной мере ощущается влияние местных говоров и присутствуют следы просторечия» [там же, с. 24]. Взаимоотношения региолекта и просторечия остаются сложной темой в определении объема второго из названных нами понятий. Это проявляется и при составлении словарей регионализмов, в которые зачастую попадают просторечия, элементы сленга и жаргона. В качестве примера можно привести словарь в монографии, посвященной чебоксарскому региолекту, составленной Э. В. Фоминым, в который попали многочисленные слова из студенческого жаргона, например, *курсач* ‘курсовая работа’ [Фомин, 2023, с. 124] или *лаба* ‘лаборатория’ [там же, с. 125]. Привязка данных слов к конкретному региону находится под вопросом, но их встроенность в регионально маркированную организацию «всего языкового пространства региона» [Донецкий региолект, 2018, с. 18] вполне допустима. Отдельный вопрос представляет собою взаимодействие региолекта с литературным языком, понимание региолектов либо как подсистемы литературного языка («Региолекты, функционирующие в условиях национально-русского взаимодействия, следует квалифицировать

как подсистемы литературного языка, явления литературно-разговорной речи, а не некой страты с диалектной сутью» [Фомин, 2023, с. 41]), либо как объединения языковых единиц разных сфер и уровней, включающих себя и литературный язык: «Региолект-подсистема языка, языковое образование, представляющее собой объединение единиц диалекта, социолекта, просторечия и литературного языка, обладающее региональной спецификой, являющееся особой формой существования языка на разных территориях» [Ливинская, 2017, с. 12]. Подобную взаимосвязь региолекта и литературного языка отмечают и исследователи, не использующие понятие «региолект», но использующие вместо него понятие «региональный язык»: «Региональный язык составляют литературный язык, городское просторечие, народные диалекты, жаргоны, язык фольклора и ономастика, то есть все подсистемы русского национального языка» [Филатова, 2023, с. 47].

Отдельную сложность представляет вопрос о границах понятия «региолект», который чаще решается в негативном ключе – не через привязку к каким-либо конкретным регионам, но через определение региолекта, как явления, функционирующего не на всей территории распространения русского литературного языка, но способного охватить несколько регионов: «Иначе говоря, для настоящего времени характерно стирание диалектных и региолектных границ, перенесение при активной миграции людей языковых единиц из одного региона в другой, доступность благодаря Интернету межличностного общения на больших расстояниях, и все это определяет возможность употребления одной и той же единицы не в одном, а в нескольких региолектах, но не на всей территории распространения русского языка» [Теркулов, 2022, с. 23].

Вместе с тем, на наш взгляд, есть определенные семантические особенности, свойственные регионализмам. К таким особенностям, на наш взгляд, относится их включенность в определенные тематические группы, набор которых различен у разных исследователей. Если говорить о лексике, то в самом общем виде в региолекте присутствуют «регионализмы и неофициальные топонимы» [там же, с. 14], к которым могут добавляться «этнохоронимы и оттопонимические прилагательные» [Харанутова, Махреева, 2019, с. 12].

Регионализмы представляют для нас наибольший интерес. В частности представляет интерес наблюдаемое нами их распределение по двум основным группам. К первой группе относятся слова, характеризующие местные реалии, отсутствующие в других регионах. К таким словам можно отнести представленные, например, в донецком региолекте слова, связанные с профессией шахтера (*штыв* ‘мелкий уголь’; *шахтерки* ‘шахтерские ботинки’; *упряжка* ‘группа горнорабочих, работающих на одном объекте в данной смене’; *тормозок* ‘шахтерский продуктовый набор для перекуса в шахте’; *террикón* ‘конусообразный отвал пустой породы на поверхности земли при шахте’; *порожняк* ‘пустые вагонетки’; *копытные* ‘часть оплаты труда

шахтера: компенсация за проход от клетки к месту работы»; *копер* ‘сооружение над шахтой с подъемником клетки’; *конь* ‘минимальная норма’; *коногónка* ‘шахтерский фонарик, надеваемый на каску’ (примеры см. [Донецкий региолект, 2018, с. 211–239])). В качестве другого примера можно привести представленные в дальневосточном региолекте слова, связанные с российско-китайскими взаимоотношениями: *куня* ‘девушка, молодая женщина’; *мэйю* ‘указание на отсутствие чего-либо’; *нихао* ‘Здравствуйте!’; *пухао* ‘плохо’; *сесе* ‘Спасибо!’; *фанза* ‘квартира невысокого качества’; *чифанька* ‘кафе китайской кухни’; *друга* ‘обращение к лицу китайской национальности на рынке или в сфере услуг’; *капитана* ‘начальник’; хулигана ‘хулиган’; *кирпич* ‘человек, перевозящий товары из Китая’; *остров* ‘зона свободной торговли, располагающаяся на острове на реке Амур’; *фонарь* ‘человек, помогающий за определенную плату перевозить товары из Китая в объеме, дозволенном к вывозу’ и др. (примеры см. [Оглезнева, 2013, с. 30–31]). При описании регионализмов основное внимание исследователей больше сосредоточено на диффузных и интерферентных процессах, способствующих их возникновению, но не делается упор на факторах, способствующих их сохранению в языке. Главным фактором, способствующим сохранению регионализмов в языке, на наш взгляд, является то, что все они заполняют лингвистические лакуны разного типа. Для З. Д. Поповой и И. А. Стернина, рассматривавших явление лакунарности с позиций литературного языка, одним из основополагающих признаков лакуны (на наш взгляд, представленной именно в литературном языке) является «наличие номинации за пределами литературного языка (в жаргоне, профессиональном подъязыке, диалекте, вульгарной лексике) при отсутствии единицы в литературном языке (в этих случаях будет идти речь о стилистической лакуне)» [Попова, Стернин, 2001, с. 39]. Наличие такой номинации связано с наличием соответствующего понятия, отсутствующего на других территориях. Примером данного явления могут служить представленные выше регионализмы, связанные с определенными формами хозяйствования. В аспекте теории лакунарности данные слова заполняют собою т.н. когнитивные лакуны, признаком которых является «отсутствие слова и концепта (лакуна названа когнитивной потому, что соответствующее явление не познано народом, не концептуализировано (приватность, уединенное молчание на природе, политическая корректность, толерантность, качество жизни)» [Там же, с. 46]. Другой разновидностью регионализмов являются слова, именующие разные предметы быта, которые распространены повсеместно, но не фигурируют в общедоступной сфере, продолжают употребляться изолированно. В качестве яркого примера регионализмов подобного рода можно назвать группу слов, фигурирующую в разных регионах в качестве названия пластиковой емкости, используемой для хранения готовой еды: *контейнер* – *судочек* – *ланчбокс* – *глэчик* – *черепок* – *калабашка* – *тусок* – *лоханка* – *бокс* – *тормозок* – *кандейка* – *таратайка* –

кюветка – бадейка – переноска – баклажка – пайка – баночка – тарочка – мармиточка и др. – многочисленность данной группы слов давно уже стала мемом (см. <https://dzen.ru/b/YsQ9zr9hChzPwkKz>). Слова данного типа можно соотнести с лексическими или семантическими лакунами. Для первых характерно «отсутствие слова или устойчивого словосочетания, ФЕ в лексико-семантической системе языка при наличии соответствующей потенциальной семемы в условиях имеющейся в языке лексической парадигмы и при наличии концепта («старожены», «победу», «пылесосю»)» [Там же]; для вторых характерно «отсутствие слова и семемы («подойти и заговорить», «спускаться с крутизны на веревке») при наличии концепта. В этом случае нет слова в целом, то есть в языке вообще не представлено соответствующее значение» [там же].

В случае заполнения лакуны словом из литературного языка, попадающим в публичную сферу, регионализм может выйти из употребления. В качестве примера данного явления можно привести слово *пасха* (*паска*), которое на протяжении XX века активно использовалось в значении, отраженном в Словаре русских народных говоров – ‘пасхальный кулич’ [СРНГ–25, 1990, с. 270]. Данное значение в речи жителей Грибановского и Терновского районов Воронежской области (примеры собраны нами в ходе полевой практики 2022–2024 гг.) уже утратило свою актуальность, что замечено нами контекстам, в которых слово *пасха* или *паска* всегда фигурирует в паре со словом *кулич*: *Слово кулич я впервые услышал в более позднем возрасте, будучи более взрослым, а в детстве я не слышал такого слова. Говорили пасха – и название этого праздника – Пасха, и кулич этот – пасха* (Воронежская область, Грибановский район, с. Малая Грибановка, Ванюков Алексей Николаевич, высшее образование, руководитель ансамбля «Сельские зори»); *Мама делала творог в глубокой чашке, обязательно клала туда узелок с солью и узелок с пшеном, сверху клала паску – то, что сейчас называют куличом, завязывали белым платком, потом носили освещать* (Воронежская область, Терновский район, с. Дубровка, Мерзликина Лидия Михайловна, 1957 г.р., среднетехническое образование, сменный технолог на Грибановском сахарном заводе). На наш взгляд, замена словом *кулич* слова *пасха* произошло в результате смены отношения к религии, произошедшей на постсоветском пространстве, одним из следствий которого стало бытование в общественной сфере слова *кулич*. Пример с данным словом демонстрирует то, как вытесняются регионализмы, заполняющие лексические и семантические лакуны, при активном использовании их литературного варианта в публичной сфере.

Когнитивные лакуны демонстрируют большую устойчивость к данным процессам. В качестве примера можно привести слово *бурак*, выступающее в качестве названия красной свеклы в некоторых областях, в том числе и в Воронежской. Примечательно, что данный корнеплод продается в магазинах (в том числе и Воронежской области) под названием *свекла*, но в разговорной

речи местные жители устойчиво используют слово *бурак*: *Бурак – и раньше называли и сейчас называют красную свеклу. Есть сахарная свекла, есть кормовая свекла, а красную свеклу называют бураком* (Воронежская область, Терновский район, с. Дубровка, Мерззликина Лидия Михайловна, 1957 г.р., среднетехническое образование, сменный технолог на сахарном заводе). Устойчивое употребление данного слова связано с тем, что оно заполняет специфическую лауну, характерную для сельскохозяйственных областей, на территории которых наряду с красной или столовой свеклой активно выращивается сахарная и кормовая свекла. Необходимость различения трех данных разновидностей корнеплодов обусловило устойчивое употребление слова *бурак* не только в разговорной речи, но и в текстах региональных СМИ, выходящих в центральных и южных сельскохозяйственных регионах: *На терраске уже выстроены кули с морковью и бураком. Званный гость ловко закидывает их на спину, относит на электронные весы. А поставщица рассказывает: — Всю жизнь в делах* (Роман Ромашин. «Газель» с подачей ко двору // «Липецкая газета» (Липецк), 21.10.2015) [НКРЯ, 2024]. Если сопоставлять значение воронежского регионализма *бурак* ('красная свекла'), то можно констатировать определенное сужение семантики, заметное при его сопоставлении со значением, отраженным в Словаре русских народных говоров, в котором слово *бурак* имеет значение 'свекла' и иллюстрируется примером, явно указывающим не на красную свеклу (*Желтый-бурак сладкой* Ворон. Курск., Орл., Брян., Калуж. (см. [СРНГ–3, с. 279])).

Вместе с тем, существуют предметы, для названий которых является основополагающим их нахождение в бытовой, разговорной среде (названия ластика, стержня ручки, пластикового контейнера для еды и т.д.), такие предметы обладают устойчивой способностью именоваться посредством разных слов в разных регионах, что с нашей точки зрения также связано с лаунарной природой регионализмов, их образованием на месте разного рода лаун, существующих в пространстве общенационального литературного языка. Наличие «бродячих» регионализмов, заполняющих лауны на месте литературных слов в речи жителей разных регионов характерно не только для имен нарицательных, но и для собственных имен. Например, в словаре Э. А. Фомина зафиксирован неофициальный топоним *Шанхай* 'регион. густозаселенная часть города с ветхими домами в районе Мясокомбинатного проезда, название по аналогии с одноименным китайским городом Шанхай' (см. [Фомин, 2023, с. 143]), но мы можем констатировать, что одноименный район с такими же характеристиками есть и в городе Борисоглебске Воронежской области. В словаре Э. А. Фомина зафиксировано название *Поле чудес* 'дачные поселки в районе производственного объединения «Химпром» в г. Новочебоксарск, название по опасному соседству с химическим предприятием, не препятствующему получать хорошие урожаи' [Фомин, 2023, с. 130], но подобное наименование представлено и в поселке городского типа

Грибановский Воронежской области, в котором оно фигурирует в качестве названия для коттеджного поселка, населенного наиболее состоятельными местными жителями. В Грибановском и Борисоглебске Воронежской области есть районы, именуемые *Кавказ*, которые в обоих населенных пунктах расположены на откосах. Особую устойчивую конструкцию, свойственную, на наш взгляд, всем регионам составляют выражение типа *ему пора на...*, в котором пропуск заполняется названием или адресом местной психбольницы, которые хорошо опознаются местными жителями – *угол Пешикова Народной* для города Борисоглебска Воронежской области.

В завершении мы можем констатировать то, что регионализмы заполняют разного рода лакуны, сложившиеся в общенациональном языке, некоторые из них обладаю устойчивостью и повторяемостью в разных регионах. Выявление тематических групп регионализмов – как повторяющихся по регионам России, так и уникальных – относится к перспективам дальнейшего исследования и может быть, на наш взгляд, соотнесено с ценностными категориями российского общества.

Литература

1. Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2001. 488 с.
2. Донецкий региолект: монография / В. И. Теркулов, Н. П. Курмакаева, В. И. Мозговой, К. В. Першина, И. А. Кудрейко и др.; под ред. В. И. Теркулова. Донецк: Издательство ООО «НПП» Фолиант», 2018. 265 с.
3. Ливинская И. В. Лексические единицы региолекта и их лексикографическая интерпретация: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Ливинская Ирина Владимировна; [Место защиты: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина]. М., 2017. 24 с.
4. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (Дата обращения: 01.11.2024).
5. Оглезнева Е. В. Дальневосточный региональный вариант русского национального языка // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск, 2013. С. 30–37.
6. Словарь русских народных говоров: выпуск 3 (*блзнишка-бязцутка*) / Под ред. Ф. П. Сороколетова, Ф. П. Филина. Л.: Наука, 1968. 360 с.
7. Словарь русских народных говоров: выпуск 25 (*отчурить-первачок*) / Под ред. Ф. П. Сороколетней, О. Г. Пороховой. Л.: Наука, 1990. 352 с.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. 191 с.
9. Теркулов В. И. Базовые понятия и проблемы регионалистики / Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения. Севастополь: Севастопольский государственный университет, 2022. С. 120–130.
10. Филатова В. Ф. Региональный язык как историко-культурное наследие: переключки имен через века и годы / Педагогическое регионоведение. 2023. Т. 1, № 20. С. 47–54.

11. Фомин Э. В. Русский язык в иноязычном окружении: чебоксарский диалект: монография / Э. В. Фомин, Т. Н. Ерина; Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова; Чуваш. гос. ин-т культ. и иск-в. Чебоксары, 2023. – 168 с.
12. Харанутова Д. Ш. Регионализмы забайкальского диалекта: лексико-семантический и словообразовательный аспекты: монография Д. Ш. Харанутова, Т. В. Мархеева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2019. 144 с.

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА «ЖАЛОСТЬ» В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

Цао Ли (Москва, Россия)

***Аннотация.** Концепт «жалость» как этико-нравственное качество имеет множество выражений в русской литературе и поговорках. В данной статье исследуется ценностное содержание концепта ««жалость», раскрываются его характеристики и эмоциональные ситуации.*

***Abstract.** The concept of pity as an ethical and moral quality has many expressions in Russian literature and proverbs. This article examines the value content of the concept of pity, reveals its characteristics and emotional situations.*

***Ключевые слова:** концепт, эмоциональный концепт, жалость, аксиология, ценность.*

***Keywords:** concept, emotional concept, pity, axiology, value.*

Ценностная ориентация культуры как ее ведущий принцип определяет аксиологическую окраску лингвоконцептов, содержание которых формируется вокруг «ценностно акцентуированной точки сознания» [Карасик, 2001, с. 77], детерминирующей концептуальные признаки. Лингвоконцепты в современной науке обретают все более выраженный аксиологический статус: они рассматриваются в качестве единицы сознания, фиксирующей национальные ценности, стереотипы поведения и социальные нормы, выработанные той или иной культурой [Мельникова, 2010, с. 59]. В последние годы интерес к изучению аксиологического аспекта концептов заметно активизировался [Современная российская аксиосфера: сборник, 2023]. Одним из актуальных вопросов современной лингвистики является изучение эмоциональных концептов, аксиологическое содержание которых значительно осложнено субъективной семантикой и тесно связано с универсальными и национально-культурными аспектами оценочного отношения к миру. Эмоциональные концепты предопределяются варьирующимся характером манифестации «многоплановости взаимодействий» культуры, языка и эмоций [Шаховский, 1996, с. 86–87], поэтому эмоциональные концепты как важные коды национальной культуры выражают характеристики культурных ценностей.

В данной статье будет продемонстрировано устойчивое ценностное содержание эмоционального концепта *жалость*, выраженное в культурно обусловленных единицах паремиологии русского языка.

Слово *жалость* общеславянского происхождения, суффиксально образованное от утраченного прилагательного *жалъ* [Шанский, 1994, с. 83–84]. В русской лексикографии слово *жалость* рассматривается как чувство соболезнования, сострадания к кому-л, чему-л; сожаление, грусть, печальное чувство [Словарь русского языка, 1985, с. 471]; любовь, расположение [Мельникова, 2010, с. 60].

Исторически сложилось так, что многие западные философы и этики, представляя свои собственные взгляды на жалость, использовали целый пласт синонимических понятий, которые понятийно и лексикографически связаны с жалостью: *жалость – доброта, сочувствие, сострадание, человечность, гуманизм, духовность, божественность*. Известно, что гуманизм начинается с сострадания, из которого вырастают основные гуманистические ценности, такие, как благотворительность, доброжелательность, терпимость, понимание, спасение, искупление и покаяние. Они также переплетаются и дополняют друг друга с такими концепциями человеческого развития, как свобода, равенство, демократия и справедливость. Она стоит на твердой почве и дарит любовь страдающим существам, но при этом выходит за пределы «здесь и сейчас» и устремлена к возвышенному [王达敏, 2011].

Идеи жалости как этической и культурной ценности русских выражаются в работах многих мыслителей. Н. А. Бердяев, представитель гуманизма русской «новой духовной философии», в своей книге «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века», отмечал, что «русский народ – это народ с божественной природой. Космополитическая жалости характеризует русскую нацию. Жалость – это проявление доброты человеческой природы, а человеческая природа – высшее проявление русской мысли, и для русской интеллигенции «человек выше принципа собственности», который определяет общественную мораль России: сострадание, сочувствие к тем, кто потерял свой социальный статус, к униженным и оскорбленным, представляет собой очень важную черту русского народа [Бердяев, 1997, с. 68–88]. Эта черта ярко проявляется в русской литературе XIX в., которая содержит глубокую и богатую религиозную гуманитарную мысль. Религиозный гуманизм русской литературы основан на сострадательном гуманизме, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и других писателей, философия которых известна во всех странах [雷永生, 2007, с. 40–41]. Страдание и сострадание являются главными темами произведений, русской литературы, по мысли А. П. Чехова, чувство жалости считается началом благотворительности, сострадательная гуманитарная литература – повышающим началом повышала духовности русского народа.

Таким образом, истоки и основное аксиологическое содержание жалости как основы гуманизма представляют собой культурную универсалию, характерную для разных культур. Концепт жалости – многоаспектное явление, охватывающее философские, психологические, этнокультурные, лингвистические аспекты. В паремиологическом фонде русского языка как совокупности устойчивых фраз (поговорок и пословиц) маркируются ситуации и отношения между реалиями, имеющие аксиологическую ценность.

Семантика концепта жалости содержит в себе не только собственно эмоциональные признаки, отражающие психическую сущность данного явления, но и морально-ценностные признаки, связанные с его нравственной оценкой [Ионова, Штеба, с. 68]. В семантике русского слова *жалость* содержится указание на два субъекта: один человек выражает жалость к другому человеку, находящемуся в слабом положении или трудной ситуации. Субъекты в русских паремиях обычно связаны с Богом, царем, государь и людьми, играющими разные роли в обществе, например, друзьями, родителями и т.д. Существуют такие паремии: *Бог милостив, а царь жалостлив; жалует царь, да не милует и царь; жаль, жаль, да и Бог с тобой; богат бог милостью, государь жалостью; жаль друга, да не как себя.*

При этом эмоция *жалость* обычно сопровождается грустью, искренней печалью, душевной болью, слезами и попытками помочь. Например: *хоть нескладно, да больно жалостно; жилы рвутся от тяжести, слезы льются от жалости; жалость – со слезами, а доброта – с мозолями; сострадание – есть горе о чужом несчастье, зависть – есть горе о чужом счастье; жалеючи чужое, свое растерял; ради милого и себя не жаль (удивительное это дело – любовь: самоотверженность оказывается в радость).*

В концепте *жалость* отражается бережное отношение к таким вещам, как еда, деньги. Здесь можно рассматривать как вариант глагол *жалеть*. Например: *воду жалеть – и каши не сварить; жалеть вина – не видать гостей; не пожалеть за рубль алтына; не придет рубль – так придет полтин.*

В русской культуре существуют противоречивые установки, определяющие аксиоматическое содержание концепта жалости. Можно выделить два разных вида жалости: «доброжелательная жалость» и «презрительная жалость» [Robert, Kimball, 2004, с. 301]. Концепт *жалость* тесно связан с концептами *милосердие, доброта, любовь* и т.д. В нем выражается благородная нравственная природа носителей языкового сознания, связывающих слова тематической группы *жалость* с заботой и любовью к слабым и страдающим. В таких паремиях показано моральное качество русского народа: *злой плачет от зависти, а добрый от жалости; человек жалостью живет.*

Эмоциональное содержание концепта *жалость* амбивалентно [Ионова, Штеба, с. 68], в определенных контекстах жалость означает чувство *превосходства, снисходительности, презрения*, что составляет основу негативной оценки жалости. Например: *завистливый своих двух глаз не пожалеет; жалеть сына – учинить дураком; сын отца глупее – жалость, сын отца умнее – радость.*

В процессе анализа нами были обнаружены следующие характеристики: концепт *жалость* тесно связан с религией, поскольку русский народ имеет свою веру и сострадание к страдавшим и слабым. В определенной степени *жалость* и *любовь* рассматриваются как варианты, выражаются духовные и моральные ценности русского народа. И когда ненавидящий человек находится в трудной ситуации, зачастую встречаются и отрицательные оценки. Концепт *жалость* – важная составляющая лингвокультуры, воплощает культуру и ценности русского народа, имеет большие перспективы дальнейших исследований.

Литература

1. Ионова С. В., Штеба А. А. Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации метязыкоописания // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 63–81.
2. Карасик В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. С. 77.
3. Мельников В. С. Синонимы-репрезентанты концепта «жалость» в лексикографическом аспекте // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2010. № 2. С. 59–62.
4. Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. Сборник материалов II Международной научной конференции 27–28 октября 2022 г. [Электронное издание] / ред. кол.: М. С. Милованова (отв. редактор), Н. А. Боженкова и др. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2023. 236 с.
5. Словарь русского языка / под гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 702 с.
6. Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 400 с.
7. Шаховский В. И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты. // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград: Архангельск, 1996. С. 80–96.
8. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М.: ЗАО Сварог и К, 1997. 542 с.
9. Robert H., Kimball. A Plea for Pity / H. Robert, Kimball // Philosophy and Rhetoric. 2004. Vol. 37. № 4. Pp. 301–316.
10. 雷永生. 东西文化碰撞中的人: 东正教与俄罗斯人道主义. 北京: 华夏出版社, 2007. 377页. (Лэй Юншэн. Люди в столкновении восточной и западной культур: православие и русский гуманизм. Пекин: Издательство Huaxia, 2007. 377 с.)
11. 王达敏. 同情人道主义与中国当代文学. 中国现代文学论丛, 2011. (Ван Дамин. Сочувствующий гуманизм и современная китайская литература. Серия китайской современной литературы, 2011.)

**ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ В ГОРОДСКИХ СЛОГАНАХ
В РОССИИ С ПОЗИЦИИ ИХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ**
Чжао Сюэмэй (Москва, Россия)

***Аннотация.** Как неотъемлемая часть русской рекламы, городские слоганы имеют свои яркие морфологические особенности. В данной главе мы постараемся раскрыть общие морфологические особенности рекламных слоганов русского города и подробно проанализировать особенности глаголов в городских слоганах в России с позиции их семантической классификации. Выбор объекта анализа мотивируется большой частотностью глаголов в рекламных слоганах русского города.*

***Abstract.** As an integral part of Russian advertising, city slogans have their own vivid morphological features. In this chapter, we will try to reveal the general morphological features of Russian city advertising slogans, and analyze in detail the features of verbs in Russian city slogans from the position of their semantic classification. The choice of the object of analysis is motivated by the high frequency of verbs in advertising slogans of the Russian city.*

***Ключевые слова:** лингвистическая особенность, глагол, городской слоган, семантическая классификация.*

***Keywords:** linguistic feature, verb, city slogan, semantic classification.*

Локусные бренды, или бренды территорий, в настоящее время представляют большой интерес для лингвоаксиологии. Прежде всего продвижение брендов территорий направлено на иностранных туристов, однако целевой аудиторией являются и соотечественники, выбирающие внутренний туризм. Для создания уникального стиля бренда, необходимо определить его ценности и уникальное товарное предложение. В данной работе рассматриваются слоганы российских городов, которые строя свою собственную уникальность, формируют стиль, который становится общим для всех российских локусных брендов. Если с позиций аксиологии наблюдается сосредоточенность копирайтеров на таких ценностях, как природные богатства (они связаны с традициями, наследием, почвенничеством), авангардные направления в искусстве, которые показывают современность и самобытность русской мысли [Васильченко, 2024]. Одновременно наибольшей популярностью пользуются прецеденты, черпаемые из классических произведений русской литературы («Марстер и Маргарита», «Ревизор», «Гранатовый браслет» и др.) (там же).

Следует задаться вопросом о языковых средствах выражения этой аксиологической основы. Согласно определению М. М. Бахтина, стиль представляет собой отбор лексических, грамматических, синтаксических и фразеологических средств. Настоящая статья направлена на описание грамматических свойств слоганов российских городов, что даст представление о способах перлокуции и продвижении ценностей российских брендов.

Итак, по мнению большинства копирайтеров, самым эффективным в процессе демонстрации слоганов является глагол. В рекламном производстве считается, что присутствие глагольной формы в качестве основного носителя информации увеличивает запоминание демонстремы в 1,5 раза, так как, обозначая действие, глагол обладает скрытой динамикой, движением и имеет гораздо большую побудительную нагрузку, нежели именные части речи. Исследователь в области рекламного словотворчества И. Морозов находит особенность глагольной формы и ее способность к усилению демонстремности в «вовлекающей силе» глагольной формы [Морозова, 2002].

Глагол – часть речи, выражающая грамматическое значение действия (т.е. признака процессуального, реализующегося во времени) и функционирующая по преимуществу в качестве сказуемого [Ярцева, 2003]. Как пишет В. В. Колесов, «в центре русской грамматики находится не имя, выражающее устойчивое понятие, а глагол, обозначающий в высказывании действие и в предикате выражающий то новое, что несет в себе мысль» [Колесов, 2004].

В слоганах российских городов глаголы в повелительном наклонении, а также конструкции из наречий времени и места действия обладают богатыми выразительными возможностями, так как содержат прямое обращение к потребителю, призывают к активному действию [Кнорре, 2002].

Рассмотрим особенности глаголов в городских слоганах в России с позиции их семантической классификации.

В современной лингвистике существует вербоцентрическая теория, согласно которой глагол представляет собой смысловой центр высказывания. Для исследования особенностей слоганов рекламных текстов представляется очень важным аспектом рассмотрение глагола в составе исследуемых речевых актов рекламного дискурса, так как именно глагол часто несет в себе основную суггестивную нагрузку. Таким образом, особый интерес представляет выявление типов глаголов, которые наиболее характерны для слоганов, и компоненты семантики, позволяющие наиболее эффективно выполнить главную задачу рекламного слогана, т.е. подтолкнуть покупателя к необходимому для заказчика рекламы действию [Белоусова, 2006].

Обратимся к рассмотрению полнозначных глаголов русских городских слоганов с целью выявления особенности их семантики и ограничений на употребление тех или иных глаголов в слоганах, что позволит определить те действия или состояния, которые являются приоритетными при формировании того или иного слогана. Так, по рекомендации Белоусовой и нашему исследованию, мы на основании анализа словарных дефиниций выделяем следующие семантические группы глаголов городских слоганов в России:

1) Группа перцептивных глаголов, или глаголов чувственного восприятия, обозначающих действия, которые выражают непосредственное восприятие органами чувств, например: видеть, слышать, чувствовать;

● «Когда говорят о России, я вижу свой Вольск — милый край!» — слоган города Вольск

● «„вижу“, „слышу“, „чувствую“» — слоган города Дивногорск

2) Группа глаголов-релятивов, выражающих взаимодействия между субъектом и объектом, которыми в рекламном дискурсе могут выступать человек и предмет, предмет и предмет, человек и человек, например: открывать, создать, менять, приехать, строить и т.д.;

● «Абинск, сохраняя традиции, открывает возможности» — слоган города Абинск

● «Сохраняя прошлое, создаем будущее!» — слоган города Великий Устюг

● «Создавать великое» — слоган города Санкт-Петербург

● «Город меняют люди» — слоган города Иркутск

● «Приехал на выходные – остался навсегда» — слоган города Казань

● «Мы строим» — слоган города Комсомольска-на-Амуре

3) Группа ментальных глаголов, к которой относятся глаголы, называющие различные проявления эмоционального состояния, например: хотеть, болеть, верить, любить и т.д.;

● «Город, в котором хочется жить» — слоган города Абакан

● «Место, куда хочется вернуться снова» — слоган города Бавлы

● «Город, в который хочется вернуться» — слоган города Дмитров

● «Балей, не более!» — слоган города Балей

● «Боготольцы верят в будущее развитие города и России» — слоган города Боготол

● «Я люблю Борзю» — слоган города Борзя

● «Влюбись в закаты Нижнего Новгорода» — слоган города Нижний Новгород

● «Любить — значит заботиться» — слоган города Коммунар

4) Группа бытийных глаголов, под которыми понимаются «глаголы, называющие процесс бытия, существования, наличия» [Ожегов, Шведова, 2003], например: жить;

● «Учись, живи, работай, отдыхай!» — слоган города Иннополис

● «На Севере — жить!» — слоган города Мурманска

● «Это город, в котором хочется жить» — слоган города Кудрово

5) Группа глаголов речи, например: говорить, звучать и т.д.;

● «Когда говорят о России, я вижу свой Вольск — милый край!» — слоган города Вольск

● «Город, который звучит!» — слоган города Клина

Как показало исследование, в слоганах не встречаются глаголы мнения (считать, полагать), что объясняется наличием семы «субъективности» (для

Раздел 3.

рекламы актуально выражение объективных оценок). Редко употребляются глаголы воображения (казаться, воображать, представлять), глаголы ритуальных действий (кланяться, молиться, божиться), глаголы со значением смерти и др. По нашему мнению, это может объясниться тем, что реклама призвана способствовать обеспечению сиюминутных, витальных потребностей людей.

Таким образом, большинство глаголов в городских рекламных слоганах в России принадлежит к семантической группе «ментальные глаголы», что еще раз подтверждает такую особенность городских рекламных слоганов, как коммуникация и резонанс, проявляющуюся в выборе языковых средств, в особенности, глаголов.

Также высокой частотностью обладает группа «глаголы-релятивы», обозначающие взаимодействие. Городские рекламные слоганы по сути отражают взаимные отношения между рекламодателями и реципиентами, рекламодателями и городами, городами и реципиентами и т.п., что требует высокочастотно употребить глаголы-релятивы. Группа «бытийных глаголов» наиболее характерна для аксиом, так как глаголы именно этой группы максимально отвечают характеристикам аксиомы как типа речевого акта, представляющего собой неоспоримое утверждение.

Самой немногочисленной группой глаголов, представленных в рекламных слоганах русского города, является группа глаголов речи, что объясняется тем, что для городских рекламных слоганов характерна не субъективная речь, а объективное представление.

Литература

1. Белоусова Н. П. Основные характеристики слогана как субжанра современного российского рекламного дискурса. Дис. ... канд. филол. наук, Самара, 2006.
2. Васильченко М. А. Лингвоаксиологический аспект использования топонимов в продвигающем медиатексте // Русский язык за рубежом. 2024. № 4(305). С. 4–10.
3. Кнорре К. Наружная реклама. Бератор-Пресс, 2002.
4. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. 944 с.
6. Морозова И. Г. Рекламный сталкер. Теория и практика структурного анализа рекламного пространства. М.: Гелла-принт, 2002. 267 с.
7. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 685 с.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЛЕКСЕМЫ «СЕМЬЯ»
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Швецова О. А. (Воронеж, Россия)

Аннотация. *Статья посвящена вопросу, связанному с функционированием лексемы «семья» в русском языке. Рассматривается полисемантическая и ассоциативность лексемы «семья», устанавливаются ее ядерные, смыслообразующие значения.*

Abstract. *The article is devoted to the issue related to the functioning of the lexeme “family” in the Russian language. The polysemantics and associativity of the lexeme “family” are considered, its nuclear, semantic meanings are established.*

Ключевые слова: *лексема «семья», русская культура, ключевые слова, семейные ценности, ассоциативное значение.*

Keywords: *lexeme «family», Russian culture, keywords, family values, associative meaning.*

*Семья — это та первичная среда,
где человек должен учиться творить добро.*

В. Сухомлинский

Одним из ключевых слов для русской культуры является слово «семья». Ведь именно в семье ребенок получает основы морально-нравственного, этического воспитания, общего и эстетического образования, культуры: от культуры быта, традиций и ценностей до общей и мировой культуры.

Для любого человека, живущего на земле, семья (в значении «союз двух людей противоположного пола») – это символ любви, верности и взаимного уважения, символ продолжения рода и жизни. Не случайно в России с 2008 года 8-го июля отмечается важный для каждого гражданина нашей страны праздник – День семьи, любви и верности, приуроченный ко дню памяти святых Петра и его жены Февронии, которых считают покровителями брака в Русской православной церкви.

Создание семьи – это великий труд, доставляющий радость, счастье и удовлетворение. Обращение к языковым универсалиям помогает расширить знания не только о языке, но и о русской культуре и менталитете русского народа [Колесникова 2018].

Современный русский язык отражает отношение к семье через постоянное изменение понимания роли семьи в обществе, а следовательно, и передачу этой роли посредством вербального общения.

К сожалению, на протяжении XX века девальвировались семейные ценности. Продолжают они обесцениваться и в XXI веке. А ведь *семья* является ядром *своего*, а *свой* – *чужой* – это базовая архетипическая оппозиция

для многих культур; это не только общечеловеческое, но и общебиологическое противопоставление, известное всему животному и растительному миру.

Основные значения слова «семья» сохраняются во всех существующих лексикографических источниках. Обобщая данные словарей, можно сказать, что «семья» – это

1) группа живущих вместе близких родственников, главным образом, двое родителей и их дети;

2) объединение людей, сплоченных общими интересами, общей деятельностью;

3) группа животных, растений, предметов и явлений одного вида;

4) группа родственных языков.

В качестве связующей семы для всех четырех значений, безусловно, можно выделить сему «родство», проявляющую себя либо явно («группа родственников или родственных (одновидовых) сущностей», как в 1-ом, 3-ем и 4-ом значениях, либо опосредованно («родство есть единство интересов»), как во 2-ом значении.

В «Русском ассоциативном словаре» под ред. Ю. Н. Караулова словарная статья на стимул «семья» включает 631 слово-реакцию [Караулов, 1994]. В процессе анализа данной статьи нами было выделено несколько смысловых групп, объективирующих разные стороны исследуемой лексемы.

1. Характеристика семьи по тем или иным параметрам:

а) по численности: *большая, многодетная, маленькая, много, три человека, из трех человек;*

б) по типу межличностных отношений: *дружная, крепкая, счастливая, любовь, дружба, радость, счастье, гармония, ненависть, непонимание, несчастливая, понимание, скандал, уважение;*

в) по продолжительности существования: *молодая, начало;*

г) по материальному благосостоянию, благополучию: *благополучная, бедная, голодная, неблагоприятная, обеспеченная;*

д) по ценностным ориентациям: *благочестивая, на всю жизнь;*

е) по месту проживания: *деревенская.*

2. Члены семейного коллектива: *дети, мама, муж, люди, ребенок, родители, родня, друг, жена, мать, я, мы, брат, куча народу, муж да я, народ, они, отец, папа, мама, родные, родственники, сестренка, собака, сын, я+ты+ребенок.*

Следует отметить, что наиболее частотной ассоциацией выделенной группы является ассоциация *дети* (37), что указывает на значимость данных членов семейного коллектива в русскоязычном социуме. Также мы видим, что семейный круг не ограничивается родственными отношениями: в его состав могут входить друзья и животные.

3. Пространственно-временной континуум: *дом, квартира, домашний уют, на прогулке, на работе; будущее, была всегда, есть, скоро, фотография.*

Мы видим, что данные реакции актуализируют значимость «настоящего» и «будущего» семьи, а «прошлое» неразрывно с «настоящим».

4. Имя семьи: *фамилия*.

5. Семейный образ. Для его наименования послужили следующие языковые процессы:

а) синонимизации: *брак, семь я, круг, братство, бремя, все что есть, жизнь, зveno общества, компания, начало, семья, союз, теплое понятие, удел, что надо;*

б) метафоризации: *ячейка, крепость, война, дерево, омут, страна;*

в) метонимизация: *очаг, круглый стол, ужин.*

6. Оценка семьи:

а) положительная: *хорошая, веселая, здоровая, полная, единая, золото, идеальная, красивая, нормальная, обыкновенная, спокойная, стабильная;*

б) отрицательная: *плохая, неполная, порочна.*

7. Отношения принадлежности, выраженные

а) с помощью личных местоимений: *моя, наша, не моя, своя, твоя;*

б) при помощи фамилий: *Адамсов, Гранде, Ивановых, Ульяновых;*

в) через отношение к определенной профессии: *художника, депутата, историков, колхозников, курсанта, машиниста, офицера, учителей, филологов, цирковая;*

г) с помощью указания на социальную отнесенность: *аристократов, советская, социалистическая;*

д) с помощью указания на конкретного человека: *друга, человека, брата, соседа.*

8. Прекращение существования семьи: *распалась, развод, перед разводом, развалилась.*

Надо заметить, что доля реакций, связанных с прекращением существования семьи, невелика (всего 2 %), что говорит об устойчивости семейного образа в сознании русскоязычного человека, неизбежности института семьи в современной России.

9. Ассоциации к производным значениям слова *семья*:

а) отношения между людьми одной социальной группы: *школа, общество, коллектив, компания, страна, хор, ясли;*

б) номинация совокупности объектов действительности: *слов.*

Таким образом, мы видим, что согласно данным «Русского ассоциативного словаря» реакции на стимул «семья» объективируют следующие содержательные стороны исследуемой лексемы: *семья* – совокупность как живых, так и неживых предметов реального мира; явление, которое существует в пространстве и во времени, обладает качественными и количественными характеристиками, устойчиво в сознании носителей русской культуры. В экспликации образа семьи принимают участие такие речевые механизмы, как метафоризация и метонимизация (*страна, круглый стол*). Многозначность семантической структуры находит отражение в синонимических и антонимических отношениях ее языковых репрезентантов (*бремя, жизнь, полная, неполная*), их эмотивно-оценочной коннотации (*омут, золото, порочна*).

Существенное влияние на образ семьи оказывают индивидуальные (единичные – *семья, начало*) и культурно обусловленные реакции (*советская, Ивановых*). Наиболее большими (по числу языковых единиц) являются группы, вербализующие межличностные отношения в семье, ее состав, а также профессиональную принадлежность членов семьи. Разнообразность номинации указывает на важность и значимость этих сторон семейного образа в жизни русскоязычного человека.

Данные словарей позволяют установить ядерные смыслообразующие значения исследуемого универсального понятия в русской лингвокультуре: «семья» – группа близких родственников, связанных отношениями *муж – жена, родители – дети*.

Лексика, описывающая концептосферу «семья», довольно обширна, «поскольку в последнее время само понятие семьи претерпело значительные изменения, произошла его трансформация: в понятие «семья» включаются не только нуклеарные семьи, но и более сложные отношения и по парадигматическим, и по синтагматическим линиям. Членами семьи могут быть не только кровные родственники, но и мачеха, отчим, попечители и опекуны. Однако по-прежнему ядерными, смыслообразующими началами понятия «семья» являются *мать и отец*» [Колесникова, 2018].

Следует также сказать, что слово «семья», по данным фоносемантического анализа [ФСА], вызывает только положительные ассоциации, а именно: чувство нежности, легкости, безопасности и света. Этот фонетический уровень повышает информативность слова и выявляет его дополнительную символику в подсознании.

Мы видим: понятие «семья» является ментально значимым для русской культуры, что находит свое отражение в языке.

Для доказательства данного утверждения обратимся к роману-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир». Л. Н. Толстой всегда очень серьезно относился к проблеме семейных отношений и считал, что в семье самое главное – мир, взаимопонимание и любовь. Поэтому неслучайно в его произведении главными героями оказываются не только отдельные личности, но и их семьи – Ростовы, Болконские и Курагины.

Согласно данным Национального корпуса русского языка, лексема «семья» и ее дериваты «семейство» и «семейный» встречаются в «Войне и мире» 112 раз; из них «семья» – 49 раз, «семейство» – 39 раз, «семейный» – 24 раза.

Проанализировав найденные примеры, мы пришли к выводу, что чаще всего исследуемая лексема встречается в контексте слов, являющихся ментально значимыми для русской культуры [3]. Это такие слова, как «любовь», «счастье», «забота», «родина», «мечтанье»: *Ему вспомнилась любовь к нему его матери, семьи, друзей, и намерение неприятелей убить его показалось невозможно; Он смотрел на порхавшие над огнем снежинки и вспоминал русскую зиму с теплым, светлым домом, пушистой шубой, быстрыми санями, здоровым*

телом и со всей любовью и заботою семьи; Оставить семью, родину, все заботы о мирских благах для того, чтобы, не прилепляясь ни к чему, ходить в посконном рубище, под чужим именем с места на место, не делая вреда людям, и молясь за них, молясь и за тех, которые гонят, и за тех, которые покровительствуют: выше этой истины и жизни нет истины и жизни!; В помышлениях о браке княжке Марье мечталось и семейное счастье, и дети, но главною, сильнейшею и затаенною ее мечтою была любовь земная»; То, что годами не приходило ей в голову – мысли о свободной жизни без вечного страха отца, даже мысли о возможности любви и семейного счастья, как искушения дьявола, беспрестанно носились в ее воображении»; Тысячи мечтаний о будущей семейной жизни беспрестанно возникали в ее воображении.

Интересным является употребление лексемы «семейный» в контексте словосочетания «детский мир». Л. Н. Толстой между этими двумя определениями ставит запятую, делая тем самым их однородными и подчеркивая, что семья ассоциируется с детством, а, следовательно, с безмятежностью, радостью и искренностью: *Сидя в своей прежней классной комнате, на диване с подушечками на ручках, и глядя в эти отчаянно оживленные глаза Наташи, Ростов орать вошел в тот своей семейный, детский мир, который не имел ни для кого смысла, кроме как для него, но который доставлял ему одни из лучших наслаждений в жизни; и сожжение руки линейкой, для показания любви, показалось ему не бесполезно: он понимал и не удивлялся этому».*

Таким образом, можно сказать, что семья для Л. Н. Толстого – это оплот русской нации, источник физических и духовных сил, нравственный фундамент личности. Образ семьи в жизни и творчестве Л. Н. Толстого связан с теплом, уютом. Дом – это место, где все тебе дороги и ты всем дорог. По мнению писателя, чем ближе люди к естественной жизни, тем прочнее внутрисемейные связи, тем больше счастья и радости в жизни каждого члена семьи.

Проведенное нами исследование показывает, что понятие «семья» является ментально значимым для русской культуры, русского человека. Именно в семье происходит связь поколений, передача духовно-нравственных ценностей, закладывается любовь к Родине; именно в семье человек любит, любим и счастлив.

Литература

1. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] // Словари.РУ. URL: <https://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vda1&wi=193678> (дата обращения: 16.09.2024).
2. Колесникова С. М. Словообразующие начала понятия СЕМЬЯ в русской лингвокультуре // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 53–59.
3. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 2. П.-Я. С.-Петербург. Златоуст, 2014. 592 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1993. 955 с.

Раздел 3.

5. Русский ассоциативный словарь. Ред. Ю. Н. Караулова. В 2 т. Т. 1. Москва: АСТ. 1994. 784 с.
6. Словарь Академии Российской. В 6 т. Т. 5. [Электронный ресурс] // Президентская библиотека. URL: <https://www.prlib.ru/item/365957> (дата обращения: 16.09.2024).
7. Словарь современного русского литературного языка. Т.13. Москва – Ленинград: Издательство Академии Наук СССР. 1962.
8. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленным вторым отделением императорской академии наук. Санкт-Петербург: Издательство Императорской академии наук. В 4 т. Т. 4. 1847. [Электронный ресурс] // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/8465-t-4-r-locale-nil-1847> (дата обращения: 16.09.2024).
9. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3-х т. Т. 3. Санкт-Петербург: Изд-во Императорской академии наук. 1912. [Электронный ресурс] // Internet Archiv. URL: https://archive.org/details/B-001-004-148/index_a_tergo1968/ (дата обращения: 16.09.2024).
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 16.09.2024).
11. Фоносемантический анализ [Электронный ресурс] // Сервис фоносемантического анализа слов. URL: <http://psitechnology.net/servisfonosemantika.php> (дата обращения: 16.09.2024).

РАЗДЕЛ 4.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВЫХ КАТЕГОРИЙ И ЕДИНИЦ: ДИАХРОНИЯ, СИНХРОНИЯ, МИКРОДИАХРОНИЯ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СЛОВА «ДЕЛИКАТНЫЙ»

Ван Пейдун (Москва, Россия)

Аннотация. В статье проанализированы трансформационные процессы в семантической структуре прилагательного «деликатный». Использован такой методический инструмент, как шкала переходности В. В. Бабайцевой, – применительно к лексической системе языка. Показана динамическая трансформация слова в результате актуализации скрытой семы, тенденции изменения значений и образования неолексем, выявлены механизмы адаптации слова в новой картине мира.

Abstract. The article analyzes the transformational processes of the adjective “delicate” in the semantic structure. Using methodological tools such as the transitivity scale of V. V. Babaytseva. This theory is applied to the lexical system of the language. Dynamic transformation of the word reflects the result of the actualization of the hidden seme, tendency of meaning changing process and the formation of neolexemes. This article also explained and revealed mechanisms of adaptation of the word to a new picture of the world.

Ключевые слова: деликатный, семантика, семантическая трансформация, скрытая сема, шкала переходности.

Keywords: delicate, semantics, semantic transformation, implicit sema, transitivity scale.

Если социальное поведение выражает какой-то необходимый подтекст для передачи информации посредством символов в процессе коммуникации, то участие антропогенных факторов в процессе коммуникации приводит семантические изменения в большее соответствие с целью и деятельностью говорящего. Анализируя назначение дискурса в человеческой деятельности, можно понять цель говорящего. Процесс изменения семантики протекает в коммуникации. В речевом акте семантический потенциал слова во многом определяется тем, какую сферу внеязыковой реальности оно описывает – энергетическую, то есть сферу физических ситуаций, в том числе – энергетических воздействия мира на человека, его органы восприятия и сознание и возникающих в результате этого внутренних состояний и реакций [Кустова, 2004, с. 12].

Сознание, порожденное социальной деятельностью человека, и семантика, порожденная абстракцией результатов сознания, за последние десятилетия породили множество новых значений. Первое значение слова *деликатный* в «Большом академическом словаре русского языка» – это значение ‘обходительный, предупредительный в обращении, тактичный’ [Горбачевич, Балазонова, 2005, с. 639]. Например:

1. *Нравится мне он сам, вежливый, услужливый и необыкновенно деликатный в обращении со всеми* [Чехов А. П. Палата № 6];

2. *Наталья Дмитриевна, человек проницательный, деликатный, не спросила, зачем мне это знать* [Астафьев В. Обертон (1995–1996)].

Для начала необходимо проанализировать прототипические семантические характеристики слова *деликатный*. Семы слова *деликатный* в таком значении абстрагированы как ‘вежливый, предупредительный, мягкий, тонкий со скрытым смыслом’.

Один из путей рождения новых слов, базирующийся на единстве плана выражения, обусловил появление нового направления в лингвистике – семантической деривация, где лексико-грамматические свойства производящего и производного слова детерминированы лексико-семантическим разрядом [Тратникова, 2015, с. 53–55]. Изменение семантики изначально происходит благодаря развитию и актуализации одной из сем в структуре лексического значения слова.

В примере предложения (1) и (2) *деликатный* означает ‘тактичный, вежливый’, причем в значении слова содержится в имплицитном виде сема ‘имеющий цель – не обидеть’. В результате актуализации и развития этой семы ‘не обидеть’ (как **цель**) оформилось второе значение, представленное в следующем примере (2) и зафиксированное в словаре как ‘требующий осторожного, тактичного отношения, щекотливый’ [Горбачевич, Балазонова, 2005, с. 640], например:

3. *Разумеется, я отказалась ему позировать, но в деликатной форме, чтобы икс не счел меня консервативной* [Довлатов С. Дорога в новую квартиру (1987)];

4. *Для нас же данное мероприятие интересно, прежде всего, с точки зрения реформирования в России уголовно-исполнительной системы, а также совершенствования российского законодательства в этой деликатной сфере* [«Дипломатический вестник», 2004];

5. *О каких-либо деталях, связанных с предпринимаемыми шагами, было бы говорить нецелесообразно, поскольку ситуация сложная и весьма деликатная. На данном этапе я воздержался бы от прогнозов относительно того, как эта ситуация может разрешиться* [«Дипломатический вестник», 2004].

Объяснения значения слова *деликатный* в примерах (3)–(4) является лексемой 2-й в словаре. Поскольку эти вопросы / ситуация / сфера деликатные, отвечать на них нужно осторожно: в значении слова в скрытом виде

присутствует сема, связанная с **причиной** осторожного обращения – таков характер объекта, на который распространяется деликатное обращение. Таким образом, с развитием этой имплицитной семы у этого слова появилось третье значение: ‘нежный, слабый, хрупкий’ [Горбачевич, Балазонова, 2005, с. 640]. Пример следующий:

6. — *Слушаюсь, лейтенант... Нет, как хотите, а это невозможно. Вы меня вот называете по имени-отчеству, как милая и культурная женщина, а я вас должен, как хам какой-то, звать по фамилии, да по званию! Нехорошо. Я человек **деликатный**, это меня травмирует. Я смущаюсь. — Ну хорошо, — сдалась она. — Тогда Тамара Георгиевна [Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей, ч.5 (1978)];*

7. *У нее с фурманом сложилось что-то вроде тайной любви, но не озорной и постыдной, а больше **деликатной** и жалостливой [Василь Быков. Болото (2001)].*

В микродиакронических отношениях, в силу общей взаимосвязанности развития событий, в последнее время некоторые слова могут приобретать множество значений. Хотя эти семы могут быть не отражены в словарях, но они формируются в новых синтагматических связях имени прилагательного. Так, семы ‘хрупкий’, ‘косвенный’, ‘непрямой’ и ‘тактичный’ вытекают из семы ‘тонкий’, потому что ‘сложный’.

Языковая картина мира связана с объективно существующей картиной мира, в которой заметно влияние английского языка проводника новых реалий и их обозначений. В нашем случае можно отметить влияние значения английского слова *delicate* английского. Слово *деликатный* в английском языке получило новые значения ‘изысканный’ и ‘детализированный’: *made or formed in a very **careful and detailed** way* (Oxford Learner’s Dictionaries).

Утонченный и детализированные вещи обычно сложны так что слово *деликатный* приобрело новую сему ‘сложный’ в новых связях, отражающих новые, актуальные смыслы:

8. *Симметричный и **деликатный дизайн**: круглый корпус с розовым циферблатом — всего лишь одно из звеньев часового браслета [Блинова Е. «Домовой», 2002.08.04].*

Из приведенного выше обсуждения видно, что это явление семантического изменения имеет логическую взаимосвязь. Данная логическая взаимосвязь может быть объяснена с помощью шкалы переходности. Шкала переходности, впервые описанная в монографии В. В. Бабайцевой (1967), включает пять **основных** звеньев: А – АБ – АБ – аБ – Б. Количество звеньев может быть увеличено или уменьшено в зависимости от анализируемого речевого материала [Бабайцева, 2010, с. 37]. Сокращенная система может показаться в форме как А – АБ – Б. Между опорными пунктами системы нет пустоты. Это пространство занимает зона переходных явлений. Если мы абстрагируем значение опорных пунктов слова «деликатный», А означает «обходительный», «предупредительный» и «тактичный», АБ превращается на значение

«нежный», «слабый», «хрупкий». Объединяя контекст в микродиахронических отношениях в разных языках, мы можем обобщить значения и семы слова «деликатный», которых нет в словаре. Они являются «изысканным» «детализированным» и «сложным». Трансформация семы объяснения шкалы переходности слова *деликатный* показано в следующей таблице:

А	<ul style="list-style-type: none"> • "обходительный", "предупредительный" "косвенный", "непрямой", "тактичный"
АБ	<ul style="list-style-type: none"> • "нежный", "слабый", "хрупкий", "щекотливый", "осторожный"
Б	<ul style="list-style-type: none"> • "изысканный", "детализированный", "сложный"

В языке постоянно появляются новые значения, причем некоторые из них исчезают, даже не успев попасть в словарь [Кустова, 2004, с. 20], однако их необходимо фиксировать и анализировать, поскольку они могут быть связующим звеном с каким-либо новым, формирующимся значением. Развитие семантики в языке тесно связано с человеческим познанием и мышлением. Анализ намерений человека в контексте может эффективно обобщить новые семы и лексемы. Тем самым завершается коммуникативная функция в антропологической деятельности.

Изменение сем имеет переходные свойства, которые связаны с логикой движения мысли в актуальном дискурсе. Новое значение известного слова может быть и не зафиксировано в словаре, поскольку значение этого слова связано с нео-семой – имплицитной, скрытой в имеющемся значении. С развитием новых технологий и средств массовой информации семантические изменения слов связаны с несколькими языками, следовательно, необходимо всесторонне анализировать семантическое развитие с точки зрения прагматики.

Литература

1. Бабайцева В. В. Избранное. 2005–2010: Сборник научных и научно-методических статей / Под ред. проф. К. Э. Штайн. М.–Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010.
2. Горбачевич К. С., Балазонова Л. И. Большой академический словарь русского языка. Т. 4. М.: Российская академия наук. Издательство «Наука», 2004. С. 639–640.
3. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры. 2004. – С. 12–20.
4. Тратникова А. В. Понятие семантической деривации // Актуальные вопросы филологических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2015 г.). Казань: Бук, 2015. С. 53–55. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/176/8647/> (дата обращения: 25.10.2024).

5. Oxford English Dictionary Second Edition on CD-ROM Version 4.0 Windows/Mac Individual User Version". Oxford University Press. Archived [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/delicate?q=delicate> (дата обращения: 25.10.2024).

АКСИОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИТУАЦИИ ЭПИДЕМИИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ИДИОМАХ ВИДЕОИГРЫ «ПОМНИ...»

Красоцкая М. Д. (Москва, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается отражение аксиогенной ситуации эпидемии в идиоматических выражениях, употребляемых персонажами видеоигры «Помни...» (2022). Актуальность обусловлена отсутствием лингвистических исследований аксиогенных ситуаций путем анализа идиоматических выражений, а также дискуссионным характером состава системы ценностей в современной лингвоаксиологии. Актуальным является уточнение понятия «идиома», которое, несмотря на длительную историю изучения, остается недостаточным. Автором предлагается собственное определение идиомы на основе имеющихся критериев, а также ценностная иерархия, базирующаяся на трудах Ш. Х. Шварца и Л. К. Байрамовой. В сценарии игры выделено 130 идиом, соотнесенных с предложенной системой ценностей. Сделан вывод о ведущих ценностных ориентирах в аксиогенной ситуации эпидемии.

Abstract. The article investigates a reflection of axiogenic epidemic situation in idiomatic expressions used by the characters in the videogame "Know by Heart" (2022). The relevance is determined by the absence of axiogenic situations' linguistic research through the analysis of idiomatic expressions. It also consists in the debatable character of modern value system's contents. The clarification of "idiom" as a notion is relevant as its definition remains insufficient despite its long history of studies. The author suggests the definition of idiom based on the known criteria. An axiological hierarchy based on the works of Sh.H. Schwartz and L.K. Bairamova is implemented. 130 idioms were distinguished in the game's script and matched with the value system under consideration. A conclusion is made on the leading values in axiogenic epidemic situation.

Ключевые слова: идиоматическое выражение, аксиогенная ситуация, система ценностей, антиценность, аксиологический вектор.

Keywords: idiomatic expression, axiogenic situation, value system, antivalue, axiological vector.

Целью данного исследования является выявление ценностной иерархии в аксиогенной ситуации эпидемии на основе видеоигры «Помни...» (2022).

Согласно определению В. И. Карасика, аксиогенная (ценностнопорождающая) ситуация – это такая ситуация, «осмысление которой прямо связано с определением ценностей» [Карасик, 2015, с. 26]. Такие ситуации находят свое выражение в различных жанрах дискурса, в том числе в жизненных историях, описывающих как реальные, так и придуманные события [там же, с. 33–34]. Аксиогенные ситуации в лингвистике рассматриваются с точки зрения неологизмов [Дахиль, 2021] и эмотивной лексики [Данилевская, 2024]. К аксиогенным ситуациям можно отнести ситуацию эпидемии. Согласно толковым словарям, эпидемия – это широкое распространение инфекционной болезни [Ожегов, 2024]. При эпидемии наблюдается сдвиг ценностных ориентиров, что находит свое отражение в языке (ср., например, появление неологизмов во время пандемии COVID-19 и контекст их употребления).

Предлагается изучать аксиогенные ситуации с помощью идиоматических выражений. Идиомы занимают значимое место в языковой картине мира. Они связаны с ценностной картиной мира сетью ценностно-смысловых координат и обладают этнокультурной значимостью [Алефиренко, 2010, с. 144–145]. В настоящее время не достигнут консенсус в вопросе о том, что следует считать идиоматическим выражением. Исходя из имеющихся теоретических данных, в данной работе под идиомой подразумевается такое словосочетание, которое обладает следующими критериями: устойчивостью [Кунин, 2009], эмоциональной окрашенностью [Кравченко, 2000], невыводимостью общего значения из значений элементов [Виноградов, 1977], подверженностью к деформациям [Чиненова, 2009], принадлежностью к определенной картине мира [Алефиренко, 2008].

На сегодняшний день в социально-гуманитарных науках, и, в частности, в лингвоаксиологии, не существует единого мнения о системе ценностей. В работе используется ценностная иерархия, основанная на культууроориентированной и социально-психологической системах Ш. Х. Шварца [Шварц, 2008; Schwartz, 2017] и лингвистической системе Л. К. Байрамовой [Байрамова, 2013]. Гибридный подход к рассмотрению ценностной иерархии необходим для составления наиболее всеобъемлющего списка аксиологических ориентиров.

Культуроориентированная система Ш. Х. Шварца состоит из семи ценностей (Гармония, Принадлежность, Иерархия, Мастерство, Аффективная автономия, Интеллектуальная автономия и Равноправие), представляющих собой круговую модель, где смежные ориентиры связаны между собой, а находящиеся напротив друг друга противопоставлены [Шварц, 2008, с. 41]. Данная система ценностей призвана решить три основные проблемы, встающие перед обществом: отношения между личностью и группой, обеспечение ответственного поведения в обществе и регуляцию использования природных и человеческих ресурсов [там же, с. 39–40].

В последующих исследованиях ученым была предложена социально-психологическая система базовых ценностей, состоящая из десяти ориентиров (Саморегуляция, Стимуляция, Гедонизм, Достижение, Сила, Безопасность, Соответствие, Традиции, Доброжелательность, Универсальность). Иерархия имеет многоуровневую круговую модель, где каждая ценность представляет собой транс-ситуационную цель, важность которой зависит от ведущих принципов в жизни человека или группы [Schwartz, 2017, p. 52]. Впоследствии система была уточнена и расширена до 19 ориентиров.

Лингвистическая система Л. К. Байрамовой состоит из десяти диад различных конвенциональных ценностей и антиценностей (жизнь-смерть, здоровье-болезнь, счастье-несчастье, родина-чужбина, труд-безделье, богатство-бедность, ум-глупость, правда-ложь, смех-плач, рай-ад) и призвана облегчить составление аксиологических фразеологических словарей [Байрамова, 2013, с. 121].

Система, предложенная автором исследования, состоит из семи ориентиров и их внутренних элементов:

1. Автономия: независимость выбора и мысли; творчество, исследование.
2. Гедонизм: получение чувственного и материального удовольствия.
3. Безопасность: социальный порядок, равноправие, стабильность.
4. Достижение: компетентность в своей работе, улучшение навыков, полезное преобразование природы.
5. Власть: социальный статус и богатство.
6. Гармония: жизнь и здоровье.
7. Духовные ценности: соблюдение культурных и религиозных традиций, пространственно-временное измерение.

Сценарий аксиогенной ситуации эпидемии преобладает в наиболее известных видеоиграх разработчиков материала исследования Ice-Pick Lodge. В один ряд с «Помни...» можно поставить «Мор. Утопия» (2005) и «Мор» (2019). Их сюжет строится вокруг начинающейся эпидемии Песочной Язвы. В «Помни...» – вокруг неизвестной болезни, лишаящей жителей памяти. На протяжении всех стадий заболевания (начало, пик, затухание) наблюдаются также языковые изменения, отражающие сдвиг в ценностной иерархии персонажей.

С помощью метода сплошной выборки в сценарии игры «Помни...» выделены 130 идиоматических выражений на основе приведенных критериев. Идиомы соотнесены с системой ценностей посредством метода словарных дефиниций, т.е. в выражениях фиксируется основное значение и сопоставляется с элементами иерархии ценностей. Идиоматические выражения, обладающие отрицательным аксиологическим вектором, имеют аксиологическую сему, позволяющую соотнести их с антиценностями [Алимпиева, 2023, с. 217], т.е. ориентирами, осуждаемыми обществом. Например, *приказать долго жить* – «умереть, скончаться, перестать существовать» [Ларионова, 2014, с. 331] выражает антиценность в рамках ориентира Гармония. Некоторые идиомы

обладают двумя ценностными ориентирами ввиду своей неоднозначной трактовки. *Тронуться умом* – «слегка помешаться; стать неуравновешенным» [Ларионова, 2014, с. 423] может выражать антиценность в рамках ориентиров Гармония как отсутствие психического здоровья и Достижение как проявление некомпетентности.

Получены следующие результаты: Автономия – всего 22 идиомы, из них восемь с положительным аксиологическим вектором (например, *брать быка за рога*) и 14 – с отрицательным (*держаться за мамину юбку*); Гедонизм – всего 11 идиом, из них четыре с положительным вектором (*лопнуть со смеху*) и семь – с отрицательным (*распустить нюни*); Безопасность – всего 39 идиомы, из них 11 с положительным вектором (*выводить на чистую воду*) и 28 – с отрицательным (*пудрить мозги*); Достижение – всего 23 идиомы, из них десять с положительным вектором (*сдвинуть гору*) и 13 – с отрицательным (*бить баклуши*); Власть – всего 14 идиом, из них десять с положительным вектором (*взять в свои руки*) и четыре – с отрицательным (*шаром покати*); Гармония – всего 29 идиом, из них 11 с положительным вектором (*облегчать сердце*) и 18 – с отрицательным (*приказать долго жить*); Духовные ценности – всего шесть идиом, все из них с положительным вектором (*по старой памяти*). Отмечается преобладание идиоматических выражений, несущих в себе антиценности, в большинстве ориентиров, кроме Власти и Духовных ценностей. Предположительно, это явление связано с пессимистическим настроением в обществе ввиду происходящей эпидемии, а также со сложившимся видением представителей власти и религии как спасителей в подобных ситуациях.

Таким образом, ценностная иерархия в видеоигре «Помни...» имеет следующий вид: Безопасность, Гармония, Достижение, Автономия, Власть, Гедонизм, Духовные ценности. То есть в условиях чрезвычайной ситуации для общества важны социальный порядок, сохранение жизни и здоровья как своих, так и близких и компетентность властей в устранении кризиса. При этом получение удовольствия и обращение к традициям и религии в современных реалиях отходят на задний план.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебн. пособ. М.: Флинта, Наука, 2010. 224 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: ЭЛПИС, 2008. 269 с.
3. Алимпиева Л. Аксиолография Луизы К. Байрамовой // *Przegląd Rusycystyczny*. 2023. № 3(183). С. 211–230.
4. Байрамова Л. К. «Аксиологический фразеологический словарь английского языка» как одно из новых средств в языковой подготовке специалистов-международников // *Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников*. 2013. Т. 2. С. 120–126.
5. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.

6. Данилевская Н. В. Язык убеждения в медийных текстах контroversивного содержания // Язык в координатах массмедиа: Материалы VIII международной научной конференции. СПб: Медиапайр, 2024. С. 444–448.
7. Дахиль В. С. Д. Неологизмы, возникшие под влиянием мировой пандемии // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 11-4 (113). С. 153–155.
8. Карасик В. И. Лингвокультурные ценности в дискурсе // Иностранные языки в высшей школе. 2015. №1. С. 25–35.
9. Кравченко Е. В. Идиоматическая фразеология в устной форме английской научной речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 26 с.
10. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. М.: РГБ, 2009. 200 с.
11. Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 512 с.
12. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/?ysclid=mlmcfdfghx402077422> (дата обращения: 28.09.2024).
13. Чиненова Л. А. Английская фразеология в языке и речи. М.: Либроком, 2009. 101 с.
14. Шварц Ш. Х. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2 (5). С. 37–67.
15. Schwartz S. H. The Refined Theory of Basic Values // Values and behavior: Taking a cross-cultural perspective. Springer, 2017. P. 51–85.

В ЛАБИРИНТЕ ОЦЕНОЧНЫХ ПОМЕТ

Марьянчик В. А. (Архангельск, Россия)

Аннотация. Рассматривается система оценочных помет в толковых словарях русского языка. Выделяются собственно оценочные и экспрессивно-оценочные пометы. Выявляется логика оценочного маркирования слов на материале регионального словаря. Предлагаются основные принципы работы с оценочными пометами при обращении к лексикографическому источнику.

Abstract. The system of evaluation dictionary labels in explanatory dictionaries of the Russian language is considered. The author identifies evaluative and expressive-evaluative marks. The logic of evaluative marking of words based on the material of the regional dictionary is revealed. The basic principles of working with evaluative marks (labels) when referring to a lexicographic source are proposed.

Ключевые слова: оценка, оценочность слова, стилистическая помета, оценочная помета, словарь.

Keywords: evaluation, evaluativeness of the word, lexicographical (stylistic) marks, evaluative dictionary marks, dictionary.

Актуальность лексикографического тренинга, представленного в данной статье, определяется сложностью интерпретации оценочности лексической единицы в научной, учебной или профессионально-прикладной деятельности. Для максимально объективного определения оценочного потенциала слова необходимы знания в области разграничения понятий *аксиологичность* и *оценочность*, представления о денотативной и коннотативной семантике оценки, владение метаязыком, в том числе терминологическими омонимами и полисемантами (*эмоциональная оценка* – в разных значениях, *субъективная оценка* – в разных значениях и др.), навык разграничения оценочности слова и оценочности события/ситуации/сценария. Выявление оценочности на лексическом уровне предполагает сочетание различных приемов: моделирование оценочных диад/триад, постановка слова в позицию оценочного предиката, анализ метафорического и символического потенциала лексемы, интроспективная и экспериментальная проверка в оценочной рамке «X – и это плохо/хорошо», а также обращение к стилистическим пометам.

Объектом научно-методического описания в данной статье являются оценочные пометы как группа, входящая в систему стилистических помет. Оценочная помета отражает позицию денотата/референта на шкале «плохо – нейтрально – хорошо» в языковой картине мира носителя языка.

Научное описание помет представлено в классических трудах лексикографов (в терминах *классы отношений, параметры* и др.), но попытки упорядочить конвенционально закрепленные указания на стилистические особенности языковой единицы продолжают в диссертационных сочинениях и научных статьях, см. [Несова, 2006; Иванищева, 2019; Леденева, 2023] и др. Сопоставительный анализ помет проводится учеными регулярно применительно к разному лексическому материалу, см., например, в [Басалаева, Булыгина, Трипольская, 2021]. В целом авторы лексикографических изысканий приходят к общему выводу о динамике и субъективности стилистических помет: «В целом система С. п. далека от совершенства. Об этом свидетельствует тот факт, что в каждом толковом словаре используется своя система С. п.» [СЭСРЯ, с. 445].

Акцентируем в качестве особой проблемы невыделенность и «хаотичность» оценочных помет. Так, в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова названы «пометы, оценивающие экспрессию, заложенную в слове»: *бран.*, *неодобр.*, *презрит.*, *ирон.* и др. [СУ]. В Большом академическом словаре русского языка описываются стилистические пометы для слов «с устойчивой для литературного языка экспрессией» (*ирон.*, *шутл.*, *бранно*) [БАС]. В Словаре русского языка С. И. Ожегова предлагаются «пометы, указывающие на стилистическую характеристику», если «в слове содержится соответствующая эмоциональная, выразительная оценка обозначаемого явления»: *презр.*, *неодобр.*, *пренебр.*, *шутл.*, *ирон.*, *бран.* [СО]. Во вступительной статье Толкового словаря языка Совдепии В. М. Мокиенко

и Т. Г. Никитиной наблюдаем рефлексия авторов, которая свидетельствует о некотором сомнении в лексикографическом метаязыке: «*Так называемые стилистические пометы передают...*» [ТСЯС, с. 15]. Словарь предлагает пометы, передающие «прагматические параметры»: *назид.*, *пориц.*, *осуд.* На эмоционально-оценочную шкалу авторы помещают *шутл.*, *ласк.*, *одобр.*, *неодобр.*, *ирон.*, *пренебр.*, *презр.* Признается «зыбкость границ между сферами действия отдельных стилистических помет» [там же], в т. ч. оценочных *осуд.* и *порицат.* В ряде случаев пользователю предлагается сделать выбор между пометами: *диссидент (неодобр. или бран.)*; *дятел (неодобр. или пренебр.)*. Специфика источника обуславливает появление оценок у лексем, которые зафиксированы в других толковых словарях как нейтральные, например: *безыдейность (неодобр.)*, *династия (одобр.)* и т. п.

Приведённые примеры иллюстрируют барьеры при определении оценочности слова: семантическая синкретичность оценочных помет (так, пейоративные пометы объединяют оценочные и эмоциональные значения: *уничиж.*, *пренебр.*, *бран.*, *вульг.*, *груб.* и др.); синонимия оценочных помет в разных словарях (ср.: *негат.* и *неодобр.*); многообразии и вариативности оценочных помет в рамках одного словаря.

Для формирования у пользователей навыка работы с оценочными пометами предлагается «лексикографический тренинг» на материале регионального словаря, который содержит лексику, отражающую жизнь, быт северной деревни, см. [Словарь как жизнь родной деревни, 2023]. Критерии выбора материала: пробуждение интереса к родному слову; компетентность автора, «надежность» материала; краткий перечень помет (жанрово-речевые – *посл.*, *детск.*, грамматические – *собирает.*, семантические – *перен.*, эмоциональные – *шутл.* и др.), включающий разные оценочные оттенки.

Первый шаг – выборка оценочных помет, их дифференциация. Необходимо разграничить шкалу с собственно оценочными значениями и поле положительных / отрицательных эмоций. Общий список анализируемых помет включает следующие: *бран.*, *негатив.*, *неодобр.*, *одобр.*, *презрит.*, *пренебр.*, *уважит.*, *укориз.* (1) Собственно оценочные (пейоративные) пометы – *негатив.*, *неодобр.*, *бран.* (связано с речевым действием «бранить, ругать»). Пометы группы маркируют лексемы по признаку «хорошо/плохо» без детализации эмоционального состояния субъекта оценки, субъекта речи. (2) Эмоционально-оценочные (пейоративные) пометы: *презрит.*, *пренебр.*, *укориз.* Они соотносят коннотативную сему с эмоцией, состоянием говорящего, которое он переживает или демонстрирует: *испытывать презрение, говорить с презрением.*

Собственно оценочная (мелиоративная) помета: *одобр.*: «S одобряет X, потому что X – это хорошо». Эмоционально-оценочная (мелиоративная) помета *уважит.* отображает внутреннее состояние и внешнюю ситуацию: *испытывать уважение, говорить с уважением.* Отметим незначительность этой пометы для материала: она используется только в статье *богомоленка.*

Пометы *ласк.* и *груб.* рассматриваем как окраски формы слова. Цель «ласкового» или «грубого» слова не всегда состоит в оценивании денотата/референта. Так, лексемы *голубчик*, *девонька*, *касатик* могут использоваться в вокативной функции в «старом» просторечии, могут образовать коллокации с пейоративными единицами: *капризная девонька* и т. п.

Второй шаг – выборка из словаря лексического материала по каждой оценочной помете и его классификация. Результат: 123 *неодобр.*, 57 *негат.*, 27 *бран.*, 8 *одобр.* Положительная оценка представлена слабее, что соответствует тенденциям тезауруса в целом. Словарный материал разделён на группы с учетом частеречной принадлежности и семантики маркированного слова: 1) *им. сущ.* «Человек, его качества и поведение» (*выгольно*, *бухтины*, *охальник* *ощепок*, *парасыток* и др.); 2) *глагол.* «Поведение и действия человека» (*изурочить*, *каркать*, *куролесить* и др.); 3) иное (*отвратный*, *халуна* и др.).

Следующий шаг – установление границ между пейоративными пометами. Толкования слов *неодобрительный*, *негативный*, *бранный* в словарях русского языка не вносит ясности для разграничения семантики. В вводных частях словарей, к сожалению, не излагается алгоритм постановки помет. Сопоставляем маркированные слова в границах каждого аспекта оценки («интеллект», «речевая деятельность» и иное) с целью выявления закреплённости пометы. Результаты показывают, что пометы часто взаимозаменяемы. Ср.: оценка интеллекта – *дурында* (*негат.*) и *балбес* (*неодобр.*); оценка поведения – *злыдень* (*негат.*) и *шаромыжник* (*неодобр.*); оценка физических качеств – *ощепок* (*негат.*) и *мерзляк* (*неодобр.*). Только аспект «вредные привычки» демонстрирует закреплённость пометы *неодобр.*

Наиболее сложное и важное действие лексикографического анализа – моделирование логики оценочных помет с опорой на выбранный материал. Общие наблюдения следующие:

1. Качества, которые не зависят от человека, обычно маркируются как *негат.* Например, это типичная оценка визуальных/физических характеристик (*замухрышка*, *страхолоудина*), оценка статуса в семье, природного интеллекта, природных способностей (*дурында*, *парасыток*). Такие пейоративы используются для номинации лица по постоянному признаку. Показательно, что при подготовке 3-го издания словаря была убрана помета *неодобр.* у лексемы *отупелый* (в иллюстративной части словарной статьи эксплицируется непостоянство признака: *К вечеру-то вовсе отупелая стаю*).

Версия (не)управляемости и (не)постоянства признака прозрачна, но небольшое количество лексем с пометой *негат.* нарушает эту логику. *Баламут*, *ушлый*, *злыдень*, *отродье* – эти слова указывают на нравственное и/или утилитарное качество, которое может поддаваться социальной коррекции и в большей степени зависит от человека. Такие единицы, исходя из предложенного критерия, должны включаться в группу *неодобр.*

2. Качества, которые доставляют неудобства, причиняют ущерб другим людям в социальной коммуникации, которые можно и следует корректировать,

маркируется, как правило, *неодобр.*, см.: *барыня, бахвал, вертёха, забубённый, занозистый, кобель, лежень, ледащий, неслух, нюня, поперечина, самолюб, трепач, урос* и др. Эта версия расшатывается единицами, обозначающими физическую убогость, неповоротливость, рассеянность (*багарадный, мехряк, полоротый, балбес*), которые тоже маркируется пометой *неодобр.*

3. В приядерной зоне оценочности находится помета *бран.* Анализ показал, что большинство бранных единиц, включенных в словарь, относится к демонологической и теологической лексике, см.: *антихрист, ведьма, дьявол, еретик, лешак, нехристь, окаянный, проклятый, расхристанный, сатана* и др. Не вписываются в эту логику слова *остолоп, распетушье* и некоторые другие. С одной стороны, эти единицы следуют традиции классических словарей. Так, пейоратив *остолоп* имеет такую же помету в СУ и МАС. Но если создатели словаря шли по пути апелляции к лексикографическому авторитету, то слово *балбес* также следует маркировать как *бран.* (в СУ – *бран., презр.*). Однако в анализируемом источнике оно попадает в группу *неодобр.* Сравним также: пейоратив *пентюх – прост., презр.* в МАС, *бран.* – в анализируемом словаре.

Предположим, что бранное слово используется для прямой адресации – в диалоге для того, чтобы ругать, бранить собеседника. Однако иллюстративная зона часто исключает такую логику, например: *Не баба, а распетушье какое-то, курит – вот размужичье. Дураков нету, взамуж-то ее брать.*

Междометные единицы, имеющие помету *бран.*, приближаются к сквернословию: *Еорёна мать; На кой чёрт; Накось, выкуси!* и др.

4. Анализ эмоционально-оценочных сем, эксплицируемые как *презр.* и *пренебр.*, подтверждает давнее сомнение в целесообразности использования обеих помет в одном словаре (несмотря на закрепившуюся традицию). Их семантика близка настолько, что одно понятие толкуется через другое: *Презрение 1. Чувство полного пренебрежения, крайнего неуважения к кому-, чему-л. 2. Пренебрежительное отношение к чему-л.* [МАС]. Эти пометы используются в словаре менее активно: 1 *презр.*, 9 *пренебр.* Если *неодобр.* и *негат.* имеют референтную природу, соотносятся с объектом оценки, то пренебрежение и презрение субъектны, связаны с говорящим. Ср. интерпретацию словаря и наш стилистический эффект. Например, *ирод – презрит.* [Словарь, 2023], *прост., бран.* [МАС]. На наш взгляд, экспрессивность и семантика помещает это слово в поле бранной лексики.

Сема пренебрежения выявляется в результате моделирования речевой и коммуникативной ситуации: говорящий находится выше по вертикали коммуникации и может испытывать к объекту номинации чувства на шкале от жалости до брезгливости. Существительное *образина (пренебр.)*, может служить в коммуникации синонимом пейоративов *кикимора, чучело (негат.)*. Повышенная экспрессивность слова в синонимическом ряду может переводить его в *бран.* Пренебрежение – это эмоциональный смысл в структуре образа говорящего; механизм выявления этого смысла при

составлении классических словарей не типизирован. Ср. интерпретацию в СУ: *образина* (*прост., презр.*). Субъективность выявления эмоциональных окрасок демонстрирует и другой лексический материал, например: *плюгавый* (*пренебр.*), в других источниках – *пренебр., презрит., разг.*

5. Помету *укориз.* семантизируем по словарям и выявляем связь с речевым жанром «укор», который толкуется как «упрек, порицание» [МАС]. Подчеркнем, что все слова группы *неодобр.* выражают порицание, следовательно, выявление специфики этой пометы вне коммуникативной ситуации затруднительно. См.: *Бельмес – укориз. Бестолковщина, бестолочь.*

Сформулируем общие выводы лексикографического тренинга по работе с оценочными пометами. Оценочная интерпретация слова будет успешной и релевантной ситуации в том случае, если каждый субъект коммуникации «автор словаря – пользователь словаря» будет соотносить свои исследовательские шаги с определёнными критериями лексикографической работы. Сформулируем их кратко.

При работе с оценочными пометами эффективности коммуникации способствуют следующие когнитивно-вербальные действия:

(а) со стороны «отправителя» – автора словаря

– опора на оценочную шкалу «очень плохо – плохо – нейтрально – хорошо – очень хорошо»;

– минимизация количества помет, расположенных на одной позиции оценочной шкалы; использование их сочетания для характеристики слова; так, сочетание помет *экспрес.* и *неодобр.* позволяет избежать характеристик *укориз., бран., ругат.* или др. (см.: *Ягарма (егарма) – неодобр., экспрес. Сварливая, несговорчивая женщина. Чисто егарма баба-то у него, ни с кем в ладу не может жить, с собой и то не в ладу*);

– последовательность (учет синонимического ряда, семантики пейоративов); не требуют оценочных помет слова, в толковании которых используются общеоценочные квалификаторы, например: *Памятливый – с хорошей памятью. Памятлива внученька, ничего не забудет*; при отсутствии общеоценочных квалификаторов необходимо использовать оценочную помету; так, в последующих изданиях у слова *олух* появилась помета *негат.*, но близкое по семантике слово *дубина* стилистически не маркировано, хотя в словарную статью включен фразеологизм *дубина стоеросовая* с пометой *бран.*;

– включение подробных комментариев во введение, поясняющих логику оценочной интерпретации; строгая корреляция справочного аппарата и словарных статей (например, помета *неуваж.* отсутствует в списке сокращений анализируемого словаря, но используется при интерпретации прагматической окраски лексемы *старбёнь*);

– детализация иллокутивных целей (например, слова *околеть* и *хахаль* в анализируемом словаре имеют помету *груб.*, однако вторая единица в рамках синонимического ряда *хахаль – ухажёр – жених* демонстрирует интенцию

социальной отрицательной оценки, что определяет необходимость добавления пометы *неодобр.*;

– повышение уровня объективности путём использования инструментов электронной лексикографии;

(б) со стороны «получателя» – пользователя словарем

– опора на базовые знания в области лексикографии (общее представление о стилистических пометах, их разнообразии);

– признание права автора на стилистическую оценку слова;

– знакомство с вводной статьей словаря, справочным аппаратом, в том числе со списком сокращений;

– определение объекта оценки, репрезентируемой пометой, – референт/ денотат, форма слова, субъект речи / говорящий, коммуникативная ситуация;

– моделирование оценочного поля, группировка помет с учетом семантики на собственно оценочные и эмоционально-оценочные; группировка оценочных помет, близких по семантике;

– применение метода интроспекции при сопоставлении собственного стилистического эффекта и лексикографической интерпретации.

Создание непротиворечивой оценочной квалификации слова и аксиологической классификации слов остается актуальной задачей.

Литература

1. БАС – Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 1. Москва; Санкт-Петербург: Наука, 2004. 661 с.

2. Басалаева Е. Г., Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Стилистическая квалификация разговорной лексики в Базе данных прагматически маркированной лексики русского языка // Вопросы лексикографии. 2021. №ы 20. С. 5–22.

3. Иванищева О. Н. Стилистическая помета «презрительное» как маркер лексемы, выражающей оскорбление // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции, Москва, 01–02 октября 2019 года. Москва, 2019. С. 48–54.

4. Леденева В. В. О значении стилистических помет классического словаря для авторской лексикографии // Филологический класс. 2023. Т. 28. № 4. С. 143–154.

5. МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой.

6. Несова Н. М. Грамматические и стилистические пометы в толковых словарях русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2006. 120 с.

7. Словарь как жизнь родной деревни / под общ. ред. Э. Н. Осиповой. 3-е изд. Архангельск: Свѣточь, 2023. 412 с.

8. СО – Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 17-е изд. Москва: Русский язык, 1985. 797 с.
9. СУ – Толковый словарь русского языка / под редакцией Д. Н. Ушакова. Москва: Сов. энциклопедия; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.)
10. СЭСРЯ – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд. М.: Флинта : Наука, 2006. 696 с.
11. ТСЯС – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь Совдепии. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

ПРЕДИКАТИВНО-ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В АСПЕКТЕ ЛИНГВОАКСИОЛОГИИ

Милованова М. С. (Москва, Россия)

***Аннотация.** В фокусе внимания статьи – синтаксическая модель, раскрывающая актуальные смыслы о состоянии / состоянии-оценке. Важное концептуальное содержание находит удобный, компактный способ грамматического оформления. Формы существительных, попадающие в такую конструкцию, развивают новое лексическое и грамматическое значение. Выявляются особенности сближения типичных существительных и существительных с отвлеченным значением (нетипичных) с категорией состояния; исследуются предпосылки перехода. Процесс семантической трансформации рассматривается на примере словоформы “в курсе”.*

***Abstract.** The article focuses on a syntactic model that reveals the actual meanings of the state / assessment status. Important conceptual content finds a convenient, compact way of grammatical design. The forms of nouns falling into such a construction develop a new lexical and grammatical meaning. The features of the convergence of typical nouns and nouns with an abstract meaning (atypical) with the category of state are revealed; the prerequisites for the transition are investigated. The process of semantic transformation is considered on the example of the word form “be aware of” (“v kurse”).*

***Ключевые слова:** синтаксическая модель, семантика состояния, предикативно-падежная форма существительного, коммуникативная ценность, лингвоаксиология.*

***Keywords:** syntactic model, semantics of the state, predicative case form of the noun, communicative value, linguoaxiology.*

Е. С. Кубрякова отмечала новые направления в изучении частей речи, определившиеся в последние десятилетия – с 80-х гг. XX века, в основе

которых описание классов слов с когнитивной позиции, предполагающей изучение части речи с точки зрения когнитивных признаков и прототипических характеристик [Кубрякова 2004: 140–ы151]. Прототипической когнитивной моделью для выражения мысли о состоянии является в русском языке безличная конструкция, дающая представление о максимальной отстраненности состояния от его носителя (*Холодно. Душно*) или косвенно указывающая на связь с субъектом – носителем состояния – в первую очередь при реализации валентности слова на датив¹ (*Мне холодно. Мне душно*). Категория состояния в традиционной грамматике, опирающейся прежде всего на синтаксическую роль слова в реализации частеречных свойств, связывается именно с безличным способом выражения² [Бабайцева, 2000, с. 322].

Вместе с тем если связывать категорию состояния исключительно с безличной структурой, то следует признать ограниченную возможность прилагательных – во-первых, в образовании форм на *-о*³, во-вторых, в обозначении **новых** состояний, в которых нуждается современный человек. Имя существительное же обладает неограниченными ресурсами в плане номинации и предикации.

Современная оценивающая мысль вызывает к жизни такие варианты высказываний, как: *Я в шоке / в панике / в непонятках / в жизни / в цейтноте / в экстазе / в отношениях / в курсе / в ресурсе / на эмоциях / на связи / на волне* и т.д. Это специализированное обозначение множества разных состояний⁴, которые могут стремительно сменять друг друга, но фиксируются сознанием современного человека. Такие детализированные варианты – это метаосмысление жизни в разнообразии состояний, их фиксация (номинация) как важных, ценностно ориентированных: ***Ты там в тоске, я тут в печали*** (<https://proza.ru/2018/>); ***Фраза «Я в порядке» – один из самых распространенных ответов, когда кого-то спрашивают, как у него дела*** (<https://fb.ru/post/self-help/>); ***Всегда не здесь и не сейчас, а в спешке, планах, предвкушении и ожидании*** (<https://www.b17.ru/article/>); ***«Я в цейтноте» – что это обозначает?*** (<https://otvet.mail.ru/>); ***Никаких возражений против этого у меня не было, и я даже оставляя дверь открытой, чтобы она не будила меня своей***

¹ О дательном субъекте как критерии вхождения слова на *-о* в круг единиц, выражающих состояние, см. [Циммерлинг, 2017]. См. ниже.

² Чисто грамматический (синтаксический) подход дал новое представление о семантике состояния: терминология *предикатив, безличный предикатив, безлично-предикативные слова* свидетельствует о переключении исследовательской мысли от специфической семантики и расширяет круг слов, объединяющим свойством которых становится не значение, а синтаксическая функция (П. А. Лекант, В. В. Шигуров, П. Е. Топорков, Е. Н. Виноградова, НКРЯ – rusgram.ru).

³ Вместе с тем для слов на *-о* характерен процесс метафоризации и субъективизации значения, что способствует переходу в категорию состояния: *Мне атмосферно / фэшиуно / солнечно / радужно / пасмурно* и т.д. [Коваленко, 2023 (1, 2)].

⁴ Варианты классификаций состояний с выделением новых номинаций см. в работах А. А. Зализняка, Н. А. Герасименко, И. П. Матхановой, А. В. Циммерлинга.

возней в темном коридоре и видела, что **я в курсе** ее ночных прогулок [Виктор Пелевин. Ника (1992)].

Таким образом, подвижная, гибкая мысль современного носителя языка, не связанная условностями традиционных предпочтений в выборе моделей, выбирает ту, которая способна (приспособлена) к выражению разнообразных, иногда стихийных, мыслей о состоянии / состоянии-оценке «текущего момента» и ведущей коммуникативной ролью говорящего, фиксирующего внимание на себе и своем состоянии. Форма двусоставного предложения, где в роли подлежащего выступает слово со значением ‘лицо / человек’ или с указанием (что чаще) на лицо / человека, соответствующая модели ‘S + связка *быть* + предикативно-падежная форма’: S – актуализированный позицией подлежащего субъект – носитель состояния и предмет мысли / речи [Милованова, 2022].

Интересно, что Л. В. Щерба в выделении категории состояния как новой части речи следовал собственным наблюдениям – носителя языка (обыденное сознание) и исследователя, умеющего выйти за рамки *классификационной точки зрения* в изучении частей речи. В сознании носителей языка оформилась важная мысль, о чем свидетельствуют особые формальные признаки, которые позволяют объединить самые разные по происхождению лексические единицы в одну категорию – неизменяемость и употребление со связкой [Щерба, 1928, с. 17]. Действительно, в синтаксической модели ‘S + связка *быть* + предикативно-падежная форма’ важна связка *быть*: ее формальное отсутствие свидетельствует об актуальном в настоящий (= текущий) момент времени состоянии, однако при изменении временных характеристик материализованная связка *было* / *будет* раскрывает ту же самую **мысль – об актуальном состоянии**, но отнесенную к прошлому или будущему (= актуальный в прошлом, актуальный в будущем).

Существительные в одной из форм, попадающие в область преобразований (форма существительного → категория состояния), неоднородны с точки зрения лексико-грамматического значения, поэтому сам процесс перехода из класса существительных в класс категории состояния у них неодинаков.

Выделим на первом этапе две группы существительных, предложно-падежные формы которых, оказываясь в предикативной позиции (в составе синтаксической модели – фразеомодели), преобразуют категориальное значение предметности в значение состояния или состояния-оценки⁵:

⁵ Переход не завершен – морфологический статус таких экс-словформ существительных можно определить в терминологии В. В. Бабайцевой и в соответствии с ее теорией переходности: переходные (синкретичные) образования, занимающие позицию АБ на шкале переходности проф. В. В. Бабайцевой (в данном случае А – существительное, Б – категория состояния). Это периферия существительных, пересекающаяся с периферией категории состояния (Б). Центром категории состояния как морфологической категории можно считать слова на -о в условиях односоставного предложения.

1) **типичные** существительные, т.е. обозначающие конкретный предмет, например: *Я в шоколаде / на игле / на волне / на нервах* и др.⁶

2) **нетипичные** существительные, т.е. обладающие отвлеченным значением. Эта группа чрезвычайно неоднородна, имеет свои подгруппы, связанные с происхождением (отглагольные, отадективные) и со спецификой предмета мысли, обозначенного таким существительным: *Я в горе / в радости / в скуке // в ресурсе / в курсе / в теме // в растерянности / в одиночестве // в недоумении / в сомнениях / в раздумьях / в отношениях* и мн.др.

Для существительных обеих групп в первую очередь необходимо «расстаться» с определяющими словами, которые усиливают значение предметности и сему существительного, – это необходимое условие категориальных преобразований: *Мы наружно в самых дружеских отношениях* (М. Лермонтов. Герой нашего времени); *Я в цейтноте бесконечном, / Мысли – в бездну как обычно...* (<https://stihi.ru/2006/>).

Трансформация типичных существительных предполагает обязательным этапом метафоризацию значения [Милованова, Хуан Яньюй, 2022], предшествующую включению в синтаксическую модель ‘S + связка *быть* + предикативно-падежная форма’ или реализуемую непосредственно в условиях модели. Для адвербативов как представителей второй группы необходимым условием максимального сближения с категорией состояния становится утрата зависимого компонента как наследия глагола (глагольная сема). Например, высший результат преобразований – экс-словоформа *в отношениях* (от глагола *отнестись / относиться*) в предикативной позиции и в абсолютном употреблении (без управляемых компонентов): *Я в отношениях, но мне нравится другой – что делать?* (<https://thegirl.ru/articles/>); *Что делать, если вы в отношениях, но влюбились в другого* (<https://lady.mail.ru/article/>). Ср. исходную позицию – форма существительного *в отношениях* с управляемым компонентом: *Чувство то было давнишнее, знакомое чувство, похожее на состояние притворства, которое она испытывала в отношениях к мужу* (Л. Толстой. Анна Каренина).

Продемонстрируем процесс семантических преобразований на примере существительного *курс*, в одной из своих форм (П.п.) оказавшегося способным к выражению мысли о состоянии: *Я в курсе*. Первичное значение (исходное) – ‘направление движения, путь – корабля, летательного аппарата, транспортного средства’ (*Идти по заданному курсу. Держать или взять к. на север*) [Ожегов] соответствует прототипической когнитивной модели ‘источник – путь – цель’ (*sours – path – goal*) [Johnson, 1987; Lakoff, 1987], что становится базой формирования метафорического значения слова.

⁶ Путь семантической эволюции и переход от существительного к категории состояния словоформы *на нервах* представлен в работе [Сарайкин, 2020], в которой отмечается рост количества употреблений в новом лексическом значении (метафорическом) и новом грамматическом значении, сближающемся со значением категории состояния.

Значение оформлялось в устойчивых сочетаниях *вести / вводить в курс чего-л., входить в курс чего-л., держать кого-л. в курсе чего-л.* ‘постоянно осведомлять кого-либо о ходе, течении, развитии чего-либо’, наконец – *быть в курсе чего-л.* – ‘осведомлённость в чём-н.’ [ФС, 1987]. Значение последнего оборота можно интерпретировать как ‘**знание** направления движения, знание пути, который приведет к цели’.

Изначально устойчивые выражения принадлежали, по-видимому, официальной общественно-политической среде (конец XIX в.), о чем свидетельствует, во-первых, переносное значение слова *курс*, зафиксированное в словаре Ушакова, – ‘направление, основная установка в политике’ (ср. в словаре Ожегова: перен. ‘направление какой-н. политической, общественной деятельности’), во-вторых, употребление в сочетаниях со словом *дело*⁷ и в определенных контекстах, связанных с административными, правовыми, государственными решениями: **Я в курсе этого дела и могу помочь в нем, а главное, доставлю вам помощь и графа Стоцкого...** [Н. Э. Гейнце. Самозванец (1898)] (самый ранний пример из коллекции НКРЯ, основной корпус); *Всё же довольно странно, что постановка нового балета [дефект текста] событие, о котором [дефект текста] написать Директору, но Бооль иначе на это смотрит и не считает нужным меня **держат** в курсе дела* [В. А. Теляковский. Дневники Директора Императорских театров (1910)]; *Простите, Прохор Петрович, — разжал тонкие губы юрист Арзамасов и поправил на утлом носу золотые очки. Позвольте вас **вести в курс дела*** [В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 5–8 (1913–1932)]; *Начинает постепенно **входить в курс дела**, и административного опыта и твердости у него больше, нежели у Арского* [Б. И. Вронский. Дневник (1945)]. Модальный коррелят имеет те же связи: *На это я ему сказал, что не только он, но часто и **я не в курсе дела**, ибо многие вопросы по необходимости приходится решать Крупенскому* [В. А. Теляковский. Дневники Директора Императорских театров (1907)].

Из сферы официального общения обороты проникают в разговорную речь.

Приблизительно до середины XX века *дело* было практически единственным распространителем слова *курс* (за редкими исключениями), однако затем расширился круг его связей (*в курсе отношений / событий / новостей / ситуации / истории / погоды / всего* и т.д.) и возможностей падежного управления (*о состоянии / про историю / про видео*). Параллельно появляются примеры абсолютного употребления – первый пример в НКРЯ: *Будут звонить, скажите, что **я в курсе*** [А. Т. Твардовский. Рабочие тетради (1962) // «Знамя», 2000].

⁷ «Дело на административно-юридическом языке означает вопрос, подлежащий разрешению административного учреждения или суда» [Бокгауз-Ефрон].

Начиная с 1990 года и по 2015 из 98 примеров словоформы – и только 14 с распространителями.

Заметим, что синонимия с глаголом *знать* возникает не у слова *курс*, а у словоформы *в курсе* – в результате предикативного употребления: «Из этих образных фразеологических оборотов извлекается такое мнимое значение слова *курс*: ‘осведомленность, знание последних фактов и достижений в какой-нибудь области’. Но такого значения у слова *курс*, разумеется, нет. Все обороты, в которых это значение усматривается, сложились на базе основного значения этого слова ‘течение’, ‘направление движения’» [Виноградов, 1977, с. 182].

Экс-словоформа в условиях синтаксической модели формирует новое значение, которое условно можно определить как ‘состояние осведомленности, понимания ситуации’ (синонимичный вариант – *Я в теме*): *Представляешь, эта Катя книжки по высшей математике читает! – Я в курсе. Она заочница на физмате* [Вацлав Михальский. Река времен. Ave Maria // Октябрь, 2010]; *Сам не ведает, что творит, — сказал Энлиль Маратович. – Я в курсе, – ответила Иштар* [Виктор Пелевин. Бэтман Аполло (2013)]. Ср. значение оборота с отрицанием: *быть не в курсе – Не в курсе* кто (разг.) ‘не осведомлён, не знает в чём дело’ [Ожегов].

Если вернуться к когнитивной схеме, то она оказывается также преобразенной. Связь с распространителем со значением объекта как цели (*дело*) воспроизводит ситуацию, соответствующую прототипической схеме ‘*направление – путь – цель*’, новая семантика – состояние субъекта: замкнутость, сосредоточенность на собственном знании (статичность ситуации). Началом семантической и категориальной эволюции стало расширение круга объектных распространителей, значение которых не подразумевает цель и ее достижение; следующий этап – утрата самой позиции распространителя с объектным значением. Новая мысль формируется именно у словоформы существительного, оторвавшейся от парадигмы и включенной в состав синтаксической модели.

Таким образом, можно говорить о ценности самой синтаксической модели ‘S + связка *быть* + предикативно-падежная форма’, в которой словоформы существительного реализуют свой семантический потенциал в обозначении актуальной мысли – о состоянии.

Литература

1. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000.
2. Брокгауз-Ефрон – Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. [Электронный ресурс]. URL: <https://vehi.net/brokgauz/index.html> (дата обращения: 14.11.2024).
3. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 162–189.

4. Коваленко С. М. Метафорическое значение лексемы *пушисто* в интернет-коммуникации // Язык и культура: взгляд молодых. Материалы V Международной научно-практической конференции. Гл. редактор В. И. Карасик. М., 2023. С. 385–388.
5. Коваленко С. М. Семантический потенциал лексемы *радужно* и ее функционирование в современном русском языке // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. М., 2023. С. 153–157.
6. Кубрякова Е. С. Новые направления в изучении частей речи (последние десятилетия) // Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 132–151.
7. Милованова М. С. Аксиологические аспекты семантики состояния // Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М. С. Милованова (отв. ред.). М.: Рос. акад. наук, Ин-т языкознания: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. М., 2022. С. 148–194.
8. Милованова М. С. Фрагмент актуальной языковой картины мира: о новых синтаксических связях экс-словоформ отглагольных существительных // Язык и ментальность. К 90-летию со дня рождения В. В. Колесова. Владимир: ВлГУ, 2024. С. 130–135.
9. Милованова М. С., Хуан Яньюй. Семантика и функционирование актуальных единиц (шкала переходности: «имя существительное – категория состояния») // Русский язык за рубежом. 2022. № 2. С. 48–57.
10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/277896?ysclid=m4a61d4rad102656700> (дата обращения: 14.11.2024).
11. Сарайкин И. В. Тенденции употребления предложно-падежных сочетаний, обозначающих состояние субъекта // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сб. статей. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020. С. 163–167.
12. ФС – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд. М.: Русский язык, 1987.
13. А. В. Циммерлинг. Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 16 (22). Т. 2. М., 2017. С. 466–481. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/3964/zimmerlingav.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).
14. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Русская словесность / Под ред. Л. В. Щербы. Ленинград: Academia, 1928. С. 5–27.
15. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
16. Lakoff G. Cognitive models and prototype theory. In Ulric Neisser (ed.) Concepts and Conceptual Development: Ecological and Intellectual Factors in Categorization. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. Pp. 391–421.

**ИЕРАРХИЯ НАЗВАНИЙ ВНУТРИГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ
БРАЗЗАВИЛЯ И МОСКВЫ
В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ**

Ондонго О. (Браззавиль, Конго)

Тельнов Р. Е. (Москва, Россия)

Аннотация. В статье сопоставляются названия внутригородских объектов Москвы и Браззавиля. Топонимика этих двух городов представлена в виде сложноорганизованной иерархической структуры, обладающей рядом сходных особенностей, которые можно назвать универсальными. Отличие заключается в том, что в названиях Браззавиля меньше представлен принцип именованья районов и улиц по профессиям, который реализуется в названиях многих внутригородских объектов Москвы. В Браззавиле представлен принцип, который можно охарактеризовать как трансонимичный. Он осуществляется посредством включения в черту расширяющегося города новых объектов и с сохранением прежних наименований. В названиях внутригородских объектов Браззавиля и Москвы отражены схожие системы ценностей, которые, видимо, носят универсальный характер, хотя они и представлены в разных соотношениях в названиях разных городов.

Abstract. The article compares the names of inner-city objects of Moscow and Brazzaville. The toponymy of Brazzaville and Moscow is presented in the form of a complex hierarchical structure with a number of similar features that can be called universal. The difference is that in the names of Brazzaville there is less of the principle of naming districts and streets by profession, which is implemented in the names of many intracity objects in Moscow. Brazzaville presents a principle that can be described as transonymic. This is done by including new objects within the city expansion and preserving the previous names. The names of intracity objects in Brazzaville and Moscow reflect similar value systems, which, apparently, are of a universal nature, although they are presented in different proportions in the names of different cities.

Ключевые слова: московская топонимика, урбанонимы, конголезская топонимика, конголезская лингвокультура, африканская лингвокультура, язык лингала.

Keywords: Moscow toponymy, urbanonyms, Congolese toponymy, Congolese linguoculture, African linguoculture, Lingala language.

Целью данной статьи мы ставим сопоставление иерархии названий внутригородских объектов Москвы и Браззавиля. Названия внутригородских объектов в названиях разных городов представляют собою интерес как относительно задействованных при их образовании принципов номинации, так и относительно системы ценностей, которая не может не отразиться

в именовании тех или иных объектов. Относительно топонимики Москвы мы будем опираться, как правило, на названия объектов Юго-Западного района Москвы. Названия внутригородских объектов Браззавиля мы будем рассматривать в совокупности – в виде структур, обладающих собственной внутренней иерархией. Обратимся к названиям, находящимся на вершинах двух данных иерархий – топонимам *Москва* и *Браззавиль*. Для названий городов, которые являются топонимами, находящимися на вершинах иерархических структур, связывающих воедино названия внутригородских объектов более низкого порядка, характерна неясная этимология, выражающаяся во множестве версий происхождения (см. подробнее [Тельпов, М Фазил, 2023]). В случае сопоставления названий *Браззавиль* и *Москва* мы наблюдаем разную ситуацию. Этимология топонима *Москва* характеризуется неясностью с выделением нескольких групп гипотез – славянской, балто-славянской и финно-угорской, подробно рассмотренных в [Смолицкая, 1990, с. 159–161], но с обязательным трансонимным толкованием топонима *Москва*, образованного от названия одноименной реки.

Что касается происхождения названия города *Браззавиль* (Brazzaville), то оно достаточно однозначно и прозрачно – город носит имя своего создателя – французского исследователя итальянского происхождения Пьера Саворньяна де Бразза (1852–1905), до прибытия которого город назывался *Мфоа* (фр. Mfoa) и был частью королевства Теке. Еще раньше место называлось *Пумбо* (фр. Pumbo). В 1640 году Пумбо был перекрестком торговли между народами теке и конго, основным видом которой был бартерный обмен. Во времена работорговли рабы с севера Конго останавливались в Пумбо, а затем их перевозили в Лоанго (на побережье Атлантического океана) для дальнейшей отправки в Америку. После разделения королевства теке, теке поселились в Пумбо, назвав его *Мфоа*. В 1880 году король теке (король Макоко) подписал соглашение с Пьером Саворньяном де Бразза в Мбе (историческая деревня королевства теке). В соответствии с соглашением королевство теке было передано под защиту Франции. 10 сентября 1880 года – день подписания данного соглашения – считается датой основания города Браззавиля – столицы Французской Экваториальной Африки, а затем и Республики Конго.

Ранее мы указывали на то, что для топонимов, занимающих самые верхние позиции в топонимической иерархии, характерен ряд признаков, среди которых можно выделить такой признак, как спорность этимологии (см. [там же]). Мы можем предположить, что такой признак проявляет себя в том случае, если название возникло в результате процесса трансонимизации. Для названий населенных пунктов, сформировавшихся относительно недавно в результате целенаправленного акта наименования, характерен более произвольный тип именования, отраженный в названии *Браззавиль*, состоящем из двух слов: *Бразза-* (фр. Brazza) – фамилия основателя + *-виль* ‘город’ (фр. ville).

На следующем уровне рассматриваемой нами иерархии находятся названия округов, построенные, на наш взгляд, по сходным принципам, но различающиеся между собою по характеру признака, положенному в основу каждого из конкретных названий. Что касается названий округов, входящих в состав Москвы, то единицы данного уровня образованы в большинстве случаев от названий частей света (*Центральный, Северный, Северо-Восточный, Восточный, Юго-Восточный, Южный, Юго-Западный, Западный, Северо-Западный*), хотя в последнее время наблюдается отход от данной тенденции, проявляющий себя в появлении названий типа *Новомосковский округ, Зеленоградский округ, Троицкий округ*. Переход к «названиям нового типа», который мы наблюдаем, обусловлен, прежде всего, ограниченностью частей света, что оказывает влияние номинативный потенциал.

На следующем уровне административного деления округа делятся на районы, образованные как от названий старых московских районов и улиц (*Арбат, Сокольники*), так и от названий бывших подмосковных населенных пунктов: *Сосенское* (от деревни *Сосенки*), *Ясенево* (от одноименного поселка) и т.д. Такому принципу переноса уже существующего названия на новый административно-географический объект Забелин дал определение «топонимическая экстраполяция» [Забелин, 2022], которое, на наш взгляд, является синонимом термину «трансонимизация», о котором мы писали ранее (см. [Тельпов, Фазил, 2023]).

Относительно новым типом топонимов стали названия жилищных комплексов, номинация которых диктуется коммерческими интересами, призванными обеспечить привлекательность данных мест за счет обращения к разной тематике – от эколого-литературной (*Бунинские луга*) до экзотической (*Эдальго, Скандинавия*).

Что касается Бразавиля, то изначально город состоял в основном из административных и торговых зданий и нескольких жилых домов для европейских гражданских служащих и военных. В течение двадцатого века, по мере развития местного населения и переселения людей из внутренних районов, вокруг главного города стали появляться новые районы и округа. Эти районы часто строились неформально, без тщательного планирования, что нашло, на наш взгляд, отражение в принципах именования. Всего город Бразавиль разделен на девять округов, а каждый округ подразделяется на несколько районов, которые в свою очередь подразделяются на улицы.

Первым округом Бразавиля считается Макелекеле. Название *Макелекеле* (фр. Makelekele) образовано от названия реки Келе-Келе (фр. Kélé Kélé), отделяющей округ с таким названием от округа Баконго (фр. Bacongo). Это самый густонаселенный округ и самый большой по площади. Вторым округом является округ *Баконго* (фр. Bacongo), название которого произошло от одноименной деревни. Округ *Пото Пото* (лингала poto-poto ‘грязь’) – третий округ города, основанный около 1900 года. На месте округа Пото Пото

было болотистое место, на котором ранее располагалась деревня *Окила* (фр. Okila). Название округа *Мунгали* (фр. Moungali) произошло от слова на местном языке, которое имеет значение ‘ослепление’. Выбор названия обусловлен тем, что здесь ранее в большом количестве жили нищие и слепые люди, которые составили население целой деревни. Название *Уэнзе* (лингала – *Ouenze*) происходит от слова на языке лингала, обозначающего торговое место (рынок), возникший на месте расположения четырех деревень – *Мулеке* (лингала Mouleke), *Нцалингуэле* (лингала Ntalingouele), *Луленго* (лингала Loulengo) и *Мбемба* (лингала Mbemba). Название *Талангай* (лингала Talangai) образовано от выражения на языке лингала, которое можно перевести как ‘посмотри на меня!’. Название дали этому району конголезцы из Демократической Республики Конго. В то время название *Талангай* имел район в городе Киншаса. Они были вынуждены покинуть Киншасу и говорили на языке лингала другим *tala* ‘смотри’ и *ngai* ‘меня’, от этого район и получил свое название. Округ *Мфилу* (фр. Mfilou) получил свое название от реки *Мфилу*, которая протекает через нынешний округ Мфилу и впадает в реку *Джуэ* (фр. Djoue). Округ *Мадibu* (фр. Madibou) – восьмой округ, созданный в 2011 году в рамках административной реорганизации города Браззавиль. Он расположен к западу от города, рядом с рекой Конго. Его название, вероятно, происходит от слова местного языка бвинди, в котором оно имеет значение ‘песчаное место’. Округ *Джири* (фр. Djiri) является последним округом в городе Браззавиль. Округ был создан 17 мая 2011 г. Название округа *Джири* происходит от реки *Джири*, которая протекает рядом с ним.

В свою очередь округа делятся на районы, названия которых образованы на разных принципах. Те или иные принципы именованья могут проявлять себя в составе названий районов, объединенных одним округом, и отсутствовать в составе районов, объединенных другим округом. Например, в округе Мунгали собраны наименования, напоминающие о колониальном прошлом и христианском просвещении Конго – это район *Плато-де-15анс* (фр. Plateau des 15ans), название которого хранит память о конголезских пехотинцах из французской армии, которые жили здесь после 15 лет службы. *Миссионерский* район (фр. Les Missionnaires) – это бывшая христианская деревня, построенная рабами. Район напоминает о католических миссионерах, которые играли важную роль в обучении и евангелизации местного населения. Особую специфику придают именованья районов и улиц, образованные от имен основателей – от имени первого жителя района или мэра района. Например, район *Мукунджи-Нгуака* (фр. Moukoundzi Nguouaka) восходит к имени пенсионера из Верхней Убанги, которого звали *Нгуака* (фр. Nguouaka). Нгуака основал деревню и стал ее вождем. Вполне естественно, что район, который стал развиваться вокруг деревни вождя Нгуака, был назван в честь него.

Большинство районов Браззавиля образуются от названий деревень или рек, представленных ранее на этом месте – т.е. образуются в результате

процесса трансименизации. Например, *Мпила* (фр. Mpila). На месте деревни с названием *Мпила* была доколониальная деревня *Нкуна* (фр. Nkuna), которая после обретения независимости стала *Мпилой*. Талангай подразделяется на несколько районов, в том числе район *Микалоу* (фр. mikalou), который раньше был рекой *Микароу* (Mikarou), отделявшей деревню *Азуна* (фр. Anzouna) от реки *Нгакви* (фр. Ngakwi), рядом с которой сейчас возник район *Нгамакосо* (фр. Ngamakosso).

Мы можем видеть, что Браззавиль развивается по пути мегаполисов современного типа, вбирая в себя новые села, которые становятся районами данного города. Здесь, видимо, уже не проявляет себя прежнее «слободское» деление на районы, когда названия районов, образуются от названий слобод, объединенных прежде всего родом деятельности его жителей. Данный принцип лежит в основе названий многих центральных районов Москвы (*Басманный*, *Таганский*, *Хамовники* и т.д.) или названий районов некоторых провинциальных городов России – например, в городе Борисоглебск Воронежской области: *Станичная слобода* (от *станция* ‘конный сторожевой разъезд’), *Подьяческая*, *Солдатская* и др. (см. [Апальков, Филатова, 2022]).

Обратимся далее к наименованиям улиц. В принципах именования улиц Москвы и Браззавиля можно выявить следующие номинативные типы:

1) Название по историческим деятелям – один из центральных принципов именования современных улиц как в Москве, так и в Браззавиле. Здесь прослеживается определенная взаимосвязь конкретного района с конкретными наименованиями. Например, для улиц Юго-Западного округа Москвы, в котором представлено большое количество университетов, характерно образование от фамилий ученых (*улица Бутлерова*, *улица Введенского*, *улица Вавилова* и др.), а для улиц северных районов Москвы характерны названия, связанные с исследователями-полярниками и покорителями Севера (*проезд Дежнева*, *Берингов проезд* и др.) (см. подробнее [Тельпов, Фазил, 2023]). Подобная «блочность» представлена и в названиях улиц отдельных районов Браззавиля – например, улицы района Баконго, часто становившегося ареной разных политических событий, игравших важную роль в жизни Республики Конго, часто носят имена вождей (*улица Малонга Экуте* (фр. Malonga Ecouite), *улица Мпиака* (фр. Mpiaka), *улица Матиабу* (фр. Matiabou), *улица Нгуака* (фр. Ngouaka), *улица Мбонджи* (фр. Mbondji) и др.) и религиозных деятелей (*улица Монсье́ра Мбембы* (фр. Monseigneur Mbemba) – в честь первого епископа Конго: *улица Огюста Нкунку* (фр. Auguste Nkounkou) – в честь знаменитого конголезского священника, и др.). Подавляющее большинство названий улиц Браззавиля связаны с видными культурными и политическими деятелями республики Конго, но есть и названия, связанные с более широким спектром государственных лидеров, которые также сыграли свою роль в политической жизни Африки – например, (*улица Нельсона Манделы* (фр. Nelson Mandela) и *улица Шарля Ле Голя* (фр. Charles de Gaul). О связях с Россией напоминает

улица *Ленина*, история которой связана со строительством больницы, посвященной первой конголезской медсестре Бланш Гомес (фр. blanche Gomez). Для строительства больницы правительство Конго обратилось к русскому архитектору. Когда больница была закончена, улица вокруг больницы была названа улицей *Ленина*.

2) Названия по профессиям – если рассматривать названия улиц Москвы, то они чаще связаны со старой Москвой и многие подобные названия уже стали названиями районов: *Кожевники*, *Печатники*, *Текстильщики* – в таких названиях воплощается т.н. «слободской» принцип именования (см. выше), являющийся одним из древнейших принципов именования. Впрочем, подобные названия можно обнаружить и в названиях относительно новых районов Москвы – например, в Юго-Западном административном округе: *Хлебобулочный проезд* (по названию кондитерского комбината «Черемушки»), *Типографская улица* (по расположенной здесь Щербинской типографии), *Фруктовая улица* (по названию бывшего барачного поселка «Фруктовка», который, в свою очередь, был назван по фруктовому саду, находившемуся на этом месте (см. подробнее [там же]). В названиях улиц Браззавиля данный принцип отражен в наименованиях таких улиц как улица *Садовников* (фр. Jardiniers) – название дано по французским садовникам, которые здесь жили и работали); улица *Рыбаков* (фр. Pêcheurs) – название дано по роду занятий жителей, которые занимались рыбной ловлей (место расположено на берегу Конго); улица *Огородников* (фр. Maraîchers) – название связано с посадкой овощей на берегу реки для продажи местному населению (сначала этим занимались исключительно французы, но позже это занятие распространилось по всей стране) – примечательно, что подобные названия часто давались по роду занятий первоначально французов – т.е. данный тип наименования можно рассматривать как перенесение на конголезскую почву европейского типа именования, но это нуждается в дальнейшем уточнении.

3) Названия «выездного» типа – в Москве подобные наименования указывают на их использование как трактов в ряде направлений: *Тверская*, *Ордынка* и т.д. Сейчас они выступают как символы связи с теми или иными городами: Севастопольский проспект, Мелитопольская улица и т.д. Среди названий улиц Браззавиля аналогом названий подобного типа будет улица *Гамбома* (фр. Gamboma). Гамбома – город на севере Конго, считается самым крупным городом на севере страны. Город расположен в самом центре страны, на национальной дороге № 2, и является настоящим перекрестком для торговли между севером и югом. Через город протекают реки Комо и Нкени, а основными продовольственными культурами являются ямс и картофель. Улица Гамбома (фр. gamboma) известна благодаря торговле ямсом и картофелем, которые растут в городе Гамбومه и продаются на улице Гамбома. Улица Гамбома считается «(городом) Гамбомой в миниатюре», когда, по словам населения, находишься на этой улице, то как будто посещаешь другой город.

4) Яркую специфику в наименовании улиц Браззавиля образуют названия, образованные от этнонимов – названий народов, проживавших на данной территории (улица *Мбочи* (фр. Mbochi), улица *Теке* (фр. Теке). Можно их рассматривать как реализацию старой модели образования названий в силу расположения в районе *Пото Пото*. На первый взгляд, в Москве тоже есть названия, относящихся к данному типу, но они образованы, как правило, от названий представителей других народов, когда-то компактно проживавших в этих местах (*Большая Грузинская улица, Немецкий переулок*). В Браззавиле названия улиц такого типа сложились на основе названий коренных народов, на территории которых располагаются данные районы.

Таким образом, сопоставление принципов номинации Москвы и Браззавиля позволяет нам сделать вывод о лежащих в их основе общих принципах именования, а также общих ценностях, которые носят универсальный характер, хотя и представлены в разном соотношении в рассмотренных нами городах. Тем не менее, в названиях районов Браззавиля больше чувствуется его возникновение не на месте ряда слобод, жители которых занимались определенным ремеслом, а на месте ряда деревень, которые постоянно вбирает в себя расширяющаяся столица Республики Конго. В названиях улиц Браззавиля в целом реализуются те же принципы именования, что и в названиях улиц Москвы, но с несколько другим соотношением. Например, древнейший тип наименований – названия по профессиям больше связан с пришлым французским населением, чем с местным.

Литература

1. Апальков Ю. А., Филатова В. Ф. Слободы Борисоглебска / Педагогическое регионоведение. 2022. № 1 (19). С. 4–20.
2. Забелин Н. Ю. Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ [Электронный ресурс]. 2007. URL: <https://www.dissertcat>. (дата обращения: 24.05.2022).
3. Смолицкая Г. П. Занимательная топонимика. М.: Просвещение, 1990. – 128 с.
4. Тельпов Р. Е., Фазил М. С. Иерархия названий внутригородских объектов Кабула и Москвы в сопоставительном аспекте / Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. Сборник материалов II Международной научной конференции. Редколлегия: М.С. Милованова (отв. редактор), Н. А. Боженкова [и др.]. Москва, 2023. С. 107–112.

**КОНЦЕПТ «СТЫД» КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА***Сирота Е. В. (Бельцы, Молдавия)*

Аннотация. В работе путем комплексного подхода к лингвистическому описанию раскрывается специфика концепта «стыд» и его репрезентация в рамках поля концепта. В исследовании устанавливается, что характер данной эмоции порождает ряд смежных эмотивных состояний. Полевой подход нашел отражение в построении поля концепта с характеристикой ядра поля, ближней и дальней периферии. Исследуется специфика функционирования единиц поля в художественных дискурсах, что позволяет описать ассоциативное поле концепта. Делается заключение о регулирующей функции репрезентантов концепта в национальной ценностной картине мира русского народа.

Abstract. This study, through a comprehensive approach to linguistic description, reveals the specifics of the concept of “shame” and its representation within the framework of the concept field. The research establishes that the nature of this emotion generates a range of related emotive states. The field-based approach is reflected in the construction of the concept field, characterized by its core, near periphery, and far periphery. The specifics of the functioning of the field’s units in artistic discourses are examined, allowing for the description of the concept’s associative field. A conclusion is drawn regarding the regulatory function of the concept’s representations in the national value worldview of the Russian people.

Ключевые слова: концепт, полевой подход, ядро, периферия, стыд, ценностная картина мира.

Keywords: concept, field approach, core, periphery, shame, value worldview.

Бурное развитие цивилизации приводит к тому, что языкознание все чаще обращается к изучению внутреннего мира индивида, его психологии, его эмоций. Данное исследование посвящено фрагменту современной русской ценностной картины мира – представлениям о стыде – одной из древнейшей эмоций, детерминирующей поведение человека.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием многоаспектного анализа специфики эмоции стыда и одноименного концепта в научных работах. Существующие исследования, раскрывающие особенность рассматриваемой эмоции с позиции психологии, философии, социологии касаются лишь отдельных аспектов. В данных работах указывается этимология ряда слов, обладающих значением «стыд», дается анализ вербализации номинативного поля концепта, делается попытка раскрыть его образную составляющую, но в них отсутствует комплексное исследование, касающееся концепта «стыд» и его роли в русской ценностной картине мира. Описание семантики «стыд» стало предметом исследования известных лингвистов: Н. Д. Арутюновой,

А. Д. Шмелева, Ю. Д. Апресяна, Т. В. Булыгиной. Представляют интерес работы ученых Московской семантической школы. Составляя «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка», авторы посвятили 12 вокабул репрезентантам эмоций и эмотивных состояний. В вокабуле, посвященной стыду, наблюдаем подробное описание синонимической парадигмы с доминантой «стыдиться», а также находим различительные признаки указанных процессов, среди которых: причина состояния, соотношение эмоции и ее каузатора, диапазон эмоции, сила и интенсивность протекания эмоции; роль субъекта в возникновении эмоциональной реакции и т.д.), кроме этого приводятся потенциальные грамматические формы, дается характеристика семантических валентностей, анализируется дистрибуция [НОССРЯ, 2004].

Исследователи В. М. Шаклеин и Р. В. Лопухина в своей работе представили вариант семантического поля «стыд», характерного для языковой картины русского этноса. Выстраивая полевою модель, ученые, принимая во внимание концепцию А. Д. Шмелева, сочли важным включение в нее таких лексем, как: *позор, позорно, позориться, стыд, стыдиться*. Характеризуя бинарную оппозицию «*стыд — позор*», лингвисты обращают особое внимание на следующее соотношение: стыд и его дериваты отражают переживание личности, позор и его словообразовательные ряды – социальную оценку ее действий [Шаклеин, Лопухина, 2003].

Анализируя феномен «стыд», обращаемся к словарю по этике Л. В. Карасаева. Ученый отмечает, что современная трактовка данного явления обобщает предшествующий опыт философских исследований и при его толковании опирается на богатое наследие, подтвердившее чрезвычайно сложную сущность изучаемого феномена. Опираясь на работы, ранее рассматривавшие стыд, философы и социологи XX–XXI веков дают дефиницию стыда как одного из репрезентантов нравственного сознания личности, качества, с помощью которого личность выражает порицание присущих ей свойств [Карасаев, 2001, с. 544].

Стыд по праву можно отнести к одной из важнейших эмоций индивида. Доказательством данного утверждения является тот факт, что данной эмоции присущи все признаки, которыми обладают эмоции. Перечислим эти дифференциальные свойства: модальность (с доминантой пейоративной коннотации); большая степень напряженности; длительность временного периода; разрушительное влияние на индивида; специфика внешних признаков, обусловленных физиологией человека; влияние на психические процессы; функция, регулирующая поведение личности, соблюдение им правил и норм жизни в социуме.

Мера проявления указанных признаков детерминирована ситуацией и каузатором описываемой эмоции и зависит от морально-нравственных качеств человека, его ценностных ориентиров.

Стыд как эмоция находится в тесной связи с чрезвычайно значимой социальной потребностью личности – необходимостью в коммуникации, что обусловило появление ряда подобных эмотивных реакций. Отмеченное положение позволило ученым предположить, что стыд, как иные эмоции отрицательного характера, обладает общим генезисом с эмоцией «страх», относящейся к числу врожденных. Стыд взаимосвязан со значимыми для индивида социальными нуждами, среди них важнейшими являются необходимость коммуникации и важность признания своего статуса в социуме; данную эмоцию, как отмечают исследователи, следует относить к базовым эмоциям в ряду социальных, так как она является каузатором подобных эмотивных поведенческих реакций.

Это послужило причиной, что номинант исследуемого концепта и его квазисинонимы по мере трансформации их семантической структуры приобретали социальные и интеллектуальные семы, связанные с дискомфортом: тревога, страх, что является следствием неразграничения данных эмоций, их подмены в языковом сознании.

Обратимся к дефиниции номинанта концепта в толковых словарях. Анализ семемного состава лексемы «стыд» в научных толковых словарях позволил выявить следующие семы: неловкость, смущение, неудобство, вина, каузаторами которых выступают: осознание предосудительного поведения, совершение греха, ошибки, провинности [БАС, т. 14; Ожегов, Шведова, 1992; БТСРС, 2005; Даль, 2002].

Словари синонимов выстраивают следующую парадигму: *стыд* — *смущение, конфуз, стеснение, неудобство, неловкость, вина*. Допускается еще одна синонимическая микросистема: *стыд* — *позор, бесчестье, бесславие, срам* (разг.) [Александрова, 2001; Евгеньева, 1970].

Первая парадигма соотносится с физическими и психическими состояниями, вторая дает характеристику пейоративных действий индивида как с точки зрения социума, так и отдельной личности.

В синонимические отношения вступают и словообразовательные дериваты лексемы «стыд», принадлежащие к разным грамматическим классам слов:

- *стыдиться* — *устыдиться* — *смущаться* — *конфузиться*;
- *стыд* — *стыдный* — *стыдно* — *неловко*;
- *смущенно* — *совестно*;
- *виновато* — *сконфужено*.

Слова данных парадигм являются квазисинонимами, их объединяет номинант концепт – доминанта «стыд». Сравнив лексемы синонимической парадигмы «стыд», выявим их дифференциальные семы: вина – понятийная сторона этого концепта заключается в осознании индивидом своих действий, наказание, раскаяние, неудобство, совесть – страдания, осознание нанесенного верда. Неудобство сопровождается внешними признаками, которые обусловлены нарушениями общих правил поведения в социуме, тогда как неловкость – индивидуальных для каждого правил. Стеснение

связано со степенью осознанности индивидом причин оказаться в положении осуждаемого другими, боязнь быть смешным.

Слово «стыд», таким образом, входит в зону пересечения с лексемами «позор», «совесть», но, по справедливому замечанию А. П. Шмелева, в семантике лексемы «стыд» следует говорить о семе «деонтический» [Шмелев, 2002], что подтверждает связь данного понятия с когнитивными явлениями.

Таким образом, можно создать концептуальную модель различительных признаков лексемы «стыд», учитывая сопоставление со смежными концептами.

Опишем структуру поля концепта «стыд», применяя полевой подход, что подразумевает выявление ядерной, околядерной зон и зон ближней и дальней периферии.

При исследовании явления «стыд» обращаемся к концепции поля, разработанной известным лингвокультурологом В. И. Карасиком, отличающейся, на наш взгляд, научной корректностью. Следуя за ученым, выделяем три аспекта в полевой структуре концепта. Это такие аспекты, как: понятийный, образный и ценностный, то есть рассматриваем путь от культуры к индивидуальному сознанию [Карасик, 2002].

Разделяя точку зрения В. И. Карасика, выстраиваем следующую модель концепта «стыд»: а) понятийная сторона концепта – осуждение социумом индивида, нарушившего правила поведения; б) образная сторона представляет собой ассоциации лексемы «стыд» с разного рода явлениями; в) ценностная сторона репрезентирует характер оценки степени переживаний индивидом указанной эмоции.

Конституентами структуры ядра поля являются слова *стыд*, *стыдно*, *стыдиться*.

Околядерную зону вербализуют лексемы: *совесть*, *совестно*, *неловкость*, *неудобство*, «*смущение*, *смущаться*, *смущенно*, *стеснение*, *застесняться*, *стесняться*, *виноватость*» [Антонова, 2009, с. 21].

Указанные слова представляют собой номинанты стыда вторичного типа в силу своей полисемантической, поэтому функционируют в поле концепта нерегулярно. Однако эти слова характеризуются высокой частотностью, что детерминирует невозможность их четкой дифференциации с лексемами ядерной зоны.

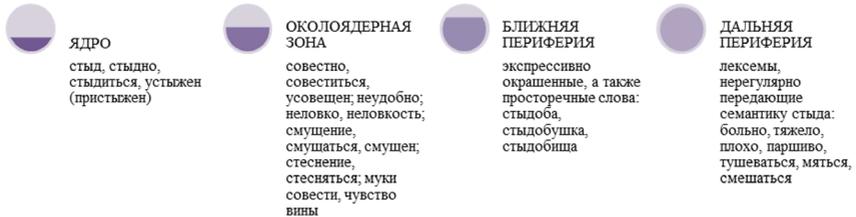
Ближнюю периферию концепта формируют стилистически и эмотивно маркированные единицы.

Зону дальней периферии представляют слова разных грамматических классов слов, приобретающих значение стыда только при употреблении в определенном контексте, подвергаясь процессу семантической трансформации.

Образный слой концепта объективируется метафорами, согласно классификации В. П. Москвина, явной доминантой оказываются антропоморфные (*стыд вошел в кровь*, *стыд охватил*), зооморфные (*Что за свинство*) и натуроморфные (*сгореть со стыда*) метафоры, структурирующие ближнюю пери-

феру. Метафора, как отмечает лингвист, это экспонент знаков культуры [Москвин, 2024]. Частотность именно таких типов метафор еще раз подтверждает значимость для индивида поступков и прагматической ценности того, что его окружает.

Представим полевую модель концепта «стыд».

Фразеологизмы (*сгореть от стыда*), пословицы и поговорки (*лучше понести на гривну убытку, нежели на алтын стыда; умри, коли нет стыда; чужой сын дурак – смех, свой сын дурак – стыд*), содержащие лексему «стыд» в своем составе, можно отнести к ближней периферии образного поля.

Таким образом, в ассоциативном поле концепта на материале художественных дискурсов отмечаем трансформация: ядерными компонентами поля становится метафора *провалиться сквозь землю* и лексемы *стыдиться* и *стесняться*, к ближней периферии относятся метафоры *сам себя заем, тяжесть на сердце, кошки на душе скребут* и лексемы *стыд, позор, смущение, стеснение*. К дальней периферии можно отнести и лексемы с пометой «народно-поэтическая речь»: *стыдоба, стыдобушка, стыдобушка*, а также просодемы (*покраснела, вспыхнул* и др.).

Ценностный слой в структуре концепта отражает философию христианской религии, ибо стыд является первым чувством, которое, как отражено в Библии, смог испытать человек, когда вкусил плоды с Древа познания.

Представляется важным утверждение Н. Д. Арутюновой о взаимосвязи исследуемого понятия «с одной из важнейших для формирования мира человека оппозиций – противопоставлением верха и низа, мира небесного и мира хтонического, духа и плоти» [Арутюнова, 1997, с. 62]. Данное положение свидетельствует о том, что понятию «стыд» в христианском мировоззрении была свойственна амбивалентность: «Есть стыд, ведущий ко греху, и есть стыд – слава и благодать» [Арутюнова, 1997, с. 62].

В культуре русского этноса слова «стыд», «срам», «позор» обладают возможностью приобретать семантику «позор», в определенных контекстах значение приобретает слово «совесть» и его словообразовательные дериваты: *стыд и позор, стыдиться, сраму не имут*. Это свидетельствует о важной роли феномена «стыд», выступающего как контрольный механизм сознания личности, выполняющий значимую функцию как в языковой картине русского этноса, так и ценностной картине.

В. В. Колесову принадлежит значимое наблюдение, касающееся диахронии слова «стыд»: «стыд человека (его самоосуждение) вошел в противоречие с осуждающей злобой окружающих, не всегда справедливой и честной» [Колесов, 2004, с. 107].

В христианстве стыд понимается в двух аспектах: первый заключается в том, что стыд трактуется как внешнее явление, которое унижает достоинство человека; второй – связан с темой Божия суда: стыд способствует осознанию греховности человеком, а значит и нарушения божьих запретов. Следовательно, стыд есть следование христианским канонам.

В сознании русского этноса понятие «стыд» включает следующие семантические элементы: сильное смущение от осознания предосудительного поступка, эмоция внутреннего характера, вызывающая чувство самоосуждения, а также, и это главное, причина, сдерживающая человека от действий, нарушающих моральные и этические правила и нормы поведения в разных жизненных условиях. Однако, как отмечает С. А. Малахова, в художественных дискурсах стыд может обладать сильной пейоративной коннотацией [Малахова, 2009, с. 7].

Таким образом, в ценностной картине мира русского этноса представления о том, какие состояния или действия провоцируют неловкость, стыд, смущение являются особенно значимыми. Это можно объяснить историей народа, тесно связанной с православными установками, согласно которым определенные явления оцениваются отрицательно и признаются постыдными. Так, например, проявление негостеприимства и недружелюбия издавна считалось чем-то, вызывающим стыд, за что человека могли осудить и призвать к совести. Подобные установки сохранились по сей день и остались важными регулирующими поведение человека правилами. Репрезентанты концепта «стыд» отражают нравственные ориентиры носителя языка.

Литература

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. М.: Изд-во «Русский язык», 2001. 568 с.
2. Антонова Л. Е. Семантика стыда и способы ее выражения в современном русском языке: норма и субстандарты. Автореф. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 23 с.
3. Арутюнова Н. Д. О стыде и стуже // Вопросы языкознания, 1997, № 2. С. 59–70.
4. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 2005. 576 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. М.: Русский язык, 2002.

7. Карасаев Л. В. Стыд // Философский словарь. М.: Изд-во «Республика», 2001. С. 544–545.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
9. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 т. Кн. 2. СПб: Филолог. ф-т Санкт-Петерб. Ун-та, 2004. 304 с.
10. Малахова С. А. Личностно-эмоциональные концепты «гордость» и «стыд» в русской и английской лингвокультурах. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 24 с.
11. Москвин В. П. Русская метафора: Опыт семиотического описания. Изд. 5, сущ. перераб. и доп. М.: URSS, 2024. 352 с.
12. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю. Д. Апресяна. Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений. М.: Азъ Ltd., 1992. 960 с.
14. Словарь синонимов русского языка: В 2 т.; АН СССР. Ин-т рус. яз.. О-Я / Ред. А. П. Евгеньева и В. В. Розанова. — Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. 680 с.
15. Шаклеин В. М., Лопухина Р. В. Семантическое поле концепта стыд в русской языковой картине мира // Русский язык за рубежом. 2003. № 4. С. 32–37.
16. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

ОТ БОЖЬЕЙ ПРАВДЫ К УСТУПКЕ

Циммерлинг А. В. (Москва, Россия)

Аннотация. В статье описывается сценарий развития безударного коннектора **правда** в русском языке. Слова верификации, включая предикатное существительное **правда** и ударное дискурсивное слово **правда**, имеют один пропозициональный аргумент, а логические коннекторы — два. Для того, чтобы на основе предиката **правда** возник уступительный коннектор со значением ‘р, хотя q’, нужно восстановить второй пропозициональный аргумент из контекста и эксплицитно подчеркнуть необходимость произнесения q в ситуации, где р уже известно.

Abstract. This paper discusses the grammaticalization of the concessive connector **pravda** ‘p although q’ in Russian. Verification markers including its homograph, the stressed discourse marker **pravda** ‘indeed’ as well as the predicate noun **pravda** ‘truth’ have a single propositional argument, while connectors have two. One must restore the second propositional argument from the context and explicitly mark the need of adding q in the situation, where the interlocutors already know p.

Ключевые слова: коннекторы, верификация, уступка, семантика, прагматика, грамматикализация, правда, аксиология.

Keywords: connectors, verification, concession, semantics, pragmatics, grammaticalization, truth, axiology.

Нужно ли говорить правду? Теория речевых актов утверждает, что говорящий к этому стремится, а слушатель с помощью постулатов общения извлекает правду не только из того, что говорят, но и из того, что подразумевают [Булыгина, Шмелева, 1997, с. 251–252]. Универсален ли концепт правды или он характерен именно для русской культуры, где истина и правда, согласно Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1995, 1998], являются разными понятиями? А. Вежицка дает компромиссный ответ: есть универсальный компонент *правда*₁, сводящийся к приписыванию оценки ‘истинно’ в контексте *Это — правда*₁, и лингвоспецифический концепт *правда*₂, сводящийся к одобрению акта говорения *правды*₁ [Вежицка, 2002, с. 11–14]. Это подход лексикографа, толкующего единицы словаря на основе базовых понятий (примитивов), предположительно общих для всех языков. Логическая семантика универсальна, из чего не следует, что слова всех языков можно истолковать с опорой на общий набор примитивов. Московская семантическая школа, ср. статью ПРАВДА в «Новом объяснительном словаре синонимов» [Апресян, 2015, с. 261–268], исходит из обратного принципа: два разных языка не могут иметь одинаковые наборы примитивов.

Грамматика предлагает свою загадку: наряду с существительным *правда*, русский язык одновременно использует ударное дискурсивное слово *правда*, подтверждающее гипотезу *p*, ср. *Я ↘ ↘ правда не знал этого* ‘То, что X не знал этого, верно’, и безударное *правда*, близкое уступительному союзу, ср. *Иван — ↘ переводчик, ♂ правда не очень ↘ хороший* и *Иван приехал вчера. Я ♂ правда не ↘ знал этого*. Здесь и далее фразовые акценты записываются перед словоформой, пометы ‘↘’ и ‘↗’ указывают на восходящий и нисходящий акценты соответственно, а помета ‘♂X’ — на отсутствие релевантного акцента. Помета ‘↘ ↘’ читается ‘усиленный нисходящий акцент’. Словарь С.И. Ожегова усматривает в безударном ♂ *правда* вводное слово и союз [Ожегов, 1964, с. 566], в словаре В. В. Морковкина та же грамматическая номенклатура использована иначе [Морковкин, 1997, с. 279–280]. Трудности с разграничением вводного слова и союза снимаются в концепции, где безударное ♂ *правда* во всех употреблениях трактуется как коннектор, т.е. средство логической связности текста [Кобозева, 2023, с. 39]. Все подчинительные союзы — коннекторы, но не все коннекторы являются союзами [Tsunoda, 2018]. Здесь, однако, возникает другая трудность. Все коннекторы имеют два пропозициональных аргумента *p* и *q*, обозначая причинное, условное или уступительное отношение между ними. Между тем, слова верификации имеют единственный пропозициональный аргумент. Механизм верификации, в перспективе языка,

состоит в том, что говорящий рассмотрел гипотезы p и $не-p$ ($\sim p$) и пришел к выводу, что p верно [Zimmerling, 2023, p. 111]. Несоответствие логической формы коннектора и слов верификации требует объяснения: нужно показать, как из предиката *правда* развился уступительный коннектор. Эта проблема важна не только для истории русского языка, но и для понимания процессов грамматикализации.

Соотношение между ударностью / безударностью слова *правда* и коммуникативной семантикой показано в [Янко, 1995; 2001]. Слова верификации, за исключением энклитики *таки*, притягивают к себе фразовый акцент и меняют выбор акцентоносителя. Если предложение имеет верификативное значение, акцент падает на слово верификации, а при его отсутствии — на глагол. В неверификативном предложении (1а) акцентоносителем ремы, по общему правилу, является дополнение \ \ шкаф, а глагол безударен. В предложении (1б) акцент падает на слова верификации \ \ действительно или \ \ правда, а в предложении (1в) — на глагол \ \ продал. Таким образом, верификация — это особый коммуникативный статус, который всегда выражается интонацией, в том числе — в сочетании с сегментным (лексическим) маркером.

- (1) а. ↗ Иван₀ продал \ \ шкаф.
 б. ^{VER} ↗ Иван \ \ действительно / \ \ правда₀ продал₀ шкаф.
 в. ^{VER} ↗ Иван \ \ продал₀ шкаф.

Безударное *правда* имеет коммуникативный статус парентезы и никогда не притягивает фразовый акцент. Этот статус проверяется в русском языке тестом на невозможность употребления дискурсивных слов в эхо-реплике диалога [Баранов, Кобозева 1984]. Атонируемые (переменно ударные) дискурсивные слова, ср. *наверное* и *конечно*, могут употребляться в этом контексте, ср. диалог (2).

- (2) А: Иван, ₀наверное / ₀конечно, ₀продал \ \ шкаф.
 Б: \ \ Наверное. / \ \ Конечно.

Безударный коннектор *правда*, как и близкий по семантике парентетический оборот *правда* *сказать*, в этом контексте употребляться не может.

- (3) А: Погулять можно. ↗ Погода, ₀правда / ₀правда ₀сказать \ \ неважная.
 Б: *Правда. /*Правда сказать.

Таким образом, фразовая интонация указывает на грамматикализацию как ударного верификативного слова *правда*, которое в отличие от существительного *правда* никогда не атонируется, так и безударного коннектора *правда*, который никогда не получает акцент.

Чтобы понять, как в русском языке возникли эти служебные слова с фиксированным коммуникативным статусом, нужно отвлечься от коллокаций с опредмеченным существительным *правда*, ср. *сермяжная правда*, *правда жизни*, *своя правда*, *правда восторжествовала* и т.д., и ограничиться рассмотрением предикатного имени *правда*. В отличие от А. Вежбицкой,

мы не будем разводить истинностную оценку (*правду*₁, в ее концепции) и одобрение акта говорения правды (*правду*₂) и вернемся к классическому определению Н. Д. Арутюновой: «Субъектом выражения *говорить правду* является говорящий, субъектом имени *правда* — суждение. Речевой акт говорения правды независимо от содержания речи получает положительную оценку» [Арутюнова 1995: 17]. Попытаемся развить эту идею и построим модель дискурса, объясняющую связь между правдой и уступкой. *Правда*, т.е. подтвержденная пропозиция *p*, становится *знанием*, а обретенное в некоторый момент знание *p*, по принципу эпистемической логики, нельзя отменить и можно лишь дополнять знанием *q*, *r*... *x*, *y*, *z* [Hintikka, 2005, p. 44]. Тезис Н. Д. Арутюновой о том, что акт говорения правды всегда оценивается как благо, можно переформулировать в терминах уместности (контекстной релевантности).

(i) Принцип Неустраимости Правды

Правду о *p* нельзя отменить или пересмотреть. Начиная с момента *t*, она является частью любой совокупности знаний о мире. Не существует таких контекстов, где вербализация правды неуместна.

Принцип (i) дополняется принципом (ii), утверждающим, что в некоторых контекстах оптимальное описание мира достигается воспроизводством пропозиции *q* наряду с *p*.

(ii) Принцип Оптимального Описания

Существуют контексты, где оптимальное описание мира достигается воспроизводством пропозиции *q* наряду с верифицированной пропозицией *p*.

Подведем промежуточные итоги. Предикат *правда* в предложениях типа *То, что p*, ↘ *правда*, и ударный верификатор *правда* в предложениях типа *X* ↘ ↘ *правда* *сделал p* имеют единственный пропозициональный аргумент, их употребление регулируется принципом (i). Коннектор *правда* в предложениях типа *p*, *правда q* реализуется в виде безударного слова с двумя пропозициональными аргументами. Его употребление регулируется комбинацией принципов (i) и (ii). Коннектор *правда* *сказать* имплицитно, что речевой акт говорения правды о *q* был уместен, и более того, необходим для правильного описания связи между пропозициями *p* и *q*.

Ключ к пониманию эволюции коннектора *правда* дает парентетический оборот *правда* *сказать*, который не допускает перестановки элементов и подчинения внешней синтаксической вершине (**сказать правда*, **надо правда сказать*), а также его менее идиоматичные эквиваленты *правду* *сказать* ~ *сказать правду*, которые реализуются при разном порядке слов и сочетаются с внешней вершиной, ср. *надо / если сказать правду [p]*. Оформление прямого дополнения инфинитива имен. п. вместо вин. п. — реликт древнерусского синтаксиса, где независимые инфинитивные предложения имели таксономическое значение алетической модальности: обороты *вода пити*, *молитва читати* значат либо ‘необходимо делать *p*’, либо ‘есть

возможность делать *p*' [Циммерлинг, 2019; 2020]. Такие обороты сохранились в языке последующих периодов, например, в свидетельской формуле XVI в. *сказати божья правда* 'необходимо сказать божью правду: *p*'. Произносятся эти слова по требованию судьи, свидетель под крестным целованием утверждает, что божья правда по интересующему суд вопросу состоит в *p*.

(4) Сказати^{INF}, господине, божья^{NOM} правда^{NOM}, тот, господине, лес, где мы стоим, Полянкой, да Филиповской, да Мелкой луг, да Тозден, да из Верки луг — земля монастырская изстаринны. (Докладной судный список, с доклада дворецкому Андрею Михайловичу Морозову, арх. Печерского монастыря Илье с братьею по тяжбе между ними и великокняжескими бортниками, 1509.03.16.)

Первая фиксация оборота *правда сказать* в его современном виде, т.е. в функции коннектора, в НКРЯ датируется концом XVIII в. За это время старая свидетельская формула проникла в бытовую речь.

(5) <Имеются объекты, похожие на сады (*p*)>. Они, ₀правда ₀сказать, не в весьма хорошем содержании и суть более роши, нежели прямо сады (*q*). (М. М. Щербатов, 1783).

В контексте (5) говорящий ранее упоминал о существовании объектов, которые могут быть названы 'садами' (*p*). Не отказываясь от утверждения, что *p* истинно, он затем признает необходимость оговорки о том, что эти объекты находятся в плохом состоянии и потому могут быть названы 'садами' лишь с долей условности (*q*).

Первые вхождения оборота *правду^{ACC} сказать* с вин. п. при порядке OV появляются на 50 лет позже в сочетании с модальным предикативом: *надобно^{PRED} правду^{ACC} сказать* (Д. Н. Бегичев, 1833-1842). Наиболее ранние вхождения оборота *сказать правду^{ACC}* с вин. п. при порядке VO относятся к тому же периоду. Они тоже зафиксированы в сочетании с модальным предикативом: *надо^{PRED} сказать правду* (А. В. Никитенко, 1836; 1837), *надобно^{PRED} сказать правду* (М. Н. Загоскин, 1837). Перед нами — искомое промежуточное звено перехода от предиката к коннектору. Хотя в оборотах с вин. п. слово *правда* формально остается существительным и не атонируется, сами эти обороты выполняют в тексте функцию, аналогичную функцию коннекторов: они служат метаязыковыми вставками, отражающими рефлексии говорящего над необходимостью сказать правду и, в соответствии с Принципом Оптимального Описания (ii), озвучить пропозицию *q* в контексте, где уже известно *p*. Так как утверждение об истинности *p*, по Принципу Неустранимости Правды (i), не берется назад, возникает уступительное отношение между *p* и *q*.

Коннектор ₀правда, по-видимому, возник одновременно с верификативным словом *правда*. В древнерусский период верификативные употребления зафиксированы лишь для предложных форм *въ правдоу* и *по правдѣ*, но не для беспредложной формы имен. п. Так или иначе, в тексте первой русской драмы (1672 г.) присутствуют и коннектор *правда_{CONC}*, см. (6), и верификативное *правда_{VER}*, см. (7). Помета '_{CONC}' читается 'уступительный коннектор'.

(6) Вем, **правда**_{CONC}, яко стражем повешеным быти, но нам в том что? (Артаксерксово действо, 1672)

‘<Твои сомнения не обоснованы> Я, **правда**, знаю, что стражников за это повесят, но нам-то что?’

(7) **Правда**_{VER}, zde образ есть, смирением покровен. (Артаксерксово действо, 1672)

‘Здесь **действительно** есть образ, проникнутый смирением’

Просодия XVII в. недоступна, но диагностические контексты надежны. К тому же имеется ресурс для проверки: памятники данного круга были записаны в 1670-е гг. в Москве двуязычными носителями русского языка. В контексте (6) коннектор *правда*_{CONC} передает немецкий уступительный союз *wo(h)l* ‘хотя’, см. издание [Робинсон, 1972, с. 275], а в контексте (7) верификативное слово *правда*_{VER} в параллельном немецком тексте отсутствует [там же: 347], тем самым, его добавил русский редактор. Те же два несубстантивных употребления слова *правда* прослеживаются и в других московских драмах 1670-е гг. Можно заключить, что к этому времени и коннектор *правда*_{CONC}, и слово верификации *правда*_{VER} были закреплены в узусе Москвы, благодаря чему редакторы драм перенесли их в прямую речь персонажей.

В современном языке коннектор *правда*_{CONC} всегда принадлежит той клаузе, где реализуется второй по порядку рассмотрения аргумент *q*. Тем самым он служит синтагматическим эквивалентом союза *хотя* и: *p* [*хотя* и *q*]. В XVII в. он мог реализоваться в той клаузе, где реализуется первый по порядку рассмотрения аргумент *p*, и выступать в качестве эквивалента современного союза *хотя*: [*хотя p*] *q*. Тем самым, эволюция коннектора *правда*_{CONC} связана не только с закреплением за ним коммуникативного статуса парентезы, но и с ограничением его линейной дистрибуции.

Рис. 1. Эволюция уступительного коннектора *правда*_{CONC} (*p*, *q*) в русском языке

Мы показали, как на основе предикатного существительного *правда* в истории русского языка возник уступительный коннектор. Его семантическим источником являются метаязыковые вставки, отражающие рефлекссию говорящего над необходимостью сказать правду.

Благодарности. Статья написана при поддержке гранта РФФ 22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации», реализуемого в Институте языкознания РАН.

Литература

1. Апресян В. Ю. Уступительность. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М.: Языки славянской культуры, 2015. 288 с.
2. Арутюнова Н. Д. Истина и этика // Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева (отв. ред.). Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 7–35.
3. Арутюнова Н. Д. Истина и правда // Н. Д. Арутюнова. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 543–642.
4. Баранов А. Н., Кобозева И. М. Вводные слова в семантической структуре предложения // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. Красноярск, 1984.
5. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
6. Вежбицка А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 4. С. 6–34.
7. Кобозева И. М., Сердобольская Н. В., Крюкова А. И., Пилюгина Д. А. Создание базы коннекторов современного русского языка: принципы, проблемы, результаты // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2023. Т. 9. № 4 (36). С. 36–47.
8. Морковкин В. В., Луцкая Н. М., Богачева Г. Ф., Копылова И. Н., Борисова Е. Г., Успенская И. Д. Словарь структурных слов русского языка. М.: Лазурь, 1997. 420 с.
9. Робинсон А. Н. Ранняя русская драматургия. XVII–первая половина XVIII вв. Первые пьесы русского театра. Ред. колл. О. А. Державина, К. Н. Ломунов, А. Н. Робинсон (гл. ред.). М.: Наука, 1972. 512 с.
10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Изд. 6-е. М.: Советская энциклопедия, 1964. 900 с.
11. Циммерлинг А. В. Кому проспяти заутреня и ловити рыба? Именительный падеж дополнения инфинитива как предмет грамматического описания // Die Welt der Slaven, Vol. 64 (2019), № 2. Pp. 299–337.
12. Именительный падеж // Историческая грамматика русского языка. Энциклопедический словарь. П. ред. В. Б. Крысько. М.: Академкнига, 2020. С. 59–67.
13. Янко Т. Е. Коммуникативный статус выражений со словом ПРАВДА // Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева (отв. ред.). Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 173–177.
14. Янко Т. Е.. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки русской культуры, 2001. 384 с.
15. Hintikka J. Knowledge and Belief: An Introduction to the Knowledge of the Two Notions. 2nd Edition. College Publications. 2005. 148 p.
16. Tsunoda T. Levels of clause linkage. De Gruyter, 2018. 892 p.

17. Zimmerling A. Biased questions and Hamblin semantics // Typology of morphosyntactic parameters. 2023. Vol. 6, issue 2. Pp. 92–135. doi:10.37632/PI.2023.94.43.005

**ЛЕКСЕМА «ФЭНШУЙНО»
И ЕЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
В СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Хэ Юань (Москва, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается семантическое изменение лексики «фэншуйно» в современной языковой системе, связанное с непрерывным процессом дифференциальных сем в речевой практике, выражающееся в формировании семантики категории состояния и оценки у нейтральных заимствованных слов. Актуальность изучения обусловлена необходимостью комплексного анализа лексико-грамматических изменений в соответствии с активным развитием семантического расширения, представляющего собой характерную особенность русского языка в социальной сети.

Abstract. The article deals with the semantic change of the lexeme *fenshuino* in the modern linguistic system connected with the continuous process of differential semes in speech practice, which is expressed in the formation of semantics of the category of state and evaluation in neutral borrowed words. The relevance of the study is conditioned by the necessity of complex analysis of lexico-grammatical changes in accordance with the active development of semantic expansion, which is a characteristic feature of the Russian language in the social network.

Ключевые слова: категория состояния, субъективная оценка, семантический потенциал, предикативное слово на -о, фэншуй.

Keywords: category of state, subjective evaluation, semantic potential, predicative words ending in '-o'; *fengshui*.

Одной из самых ярких и интересных характеристик развития русского языка является то, что человек все чаще стремится выразить свои мысли и воспринимает себя и все окружающее с точки зрения ценностной значимости. В современной социальной сети отмечается тенденция к увеличению числа иноязычных заимствований. Те лексемы, заимствованные в русский язык из китайской культуры, характеризуются национальным колоритом, который особенным образом воспринимается русскоязычными носителями. Более того, языковая система современного общества характеризуется усилением активной воли говорящего, что ведет за собой развитие субъективизации лексики, определяет ее ассоциативную роль в заимствованиях, расширяет границы воздействия словом в речи эмоционально-коммуникативной личности, в первую очередь в сетевой коммуникации.

В связи с актуальностью данного языкового явления мы обратились к исследованию публикаций различных людей с употреблением заимствованного слова *фэншуйно*, наблюдаемых нами в сетевой коммуникации. Согласно определению словаря, *фэн-шуй* это «(древняя китайская система, по которой организация пространства вокруг дома и внутри него влияет на судьбу владельца) *feng shui*» [Ефремова, 2000]. В условиях в социальной сети семантическая трансформации подразумевает появление у данного заимствованного слова новой семемы при сохранении первоначального и основного значения. От производящего существительного *фэн-шуй*, лексема *фэншуйно*, как экзотизм или нейтральное заимствование, возникающая в социальной сети, представляет собой не только как продукт межнационального и межкультурного контактирования, но и как новейшее средство выражения семантики состояния и положительной оценочной семы в ассоциативных значениях в коммуникативной ситуации неофициального характера. Лексема *фэншуйно* имеет функциональные омонимы – наречие, краткое прилагательное, категория состояния в русскоязычном информационном пространстве:

(1) Пусть одет я совсем не **фэншуйно**

И пускай выгляжу, словно бомж.

(2) Подготовился **фэншуйно**:

Влил чекушку в кокаколу.

Времени осталась уйма,

Чтоб второй намазать горло.

(3) – Зажжем, и будем греть столетье,

холодными быть не **фэншуйно**!

(4) Ну вот, настало время елку наряжать! Достать из ящика гирлянду.

Шарам «**фэншуйно**» место подыскать

И верить – ЧУДУ быть!

(5) И вроде все слагалось **фэншуйно**. В Наши народ окуня напорол (говорят).

(6) Да и джиговать короткой стекляхой – ни **фэншуйно** ни разу. На резину поймал голавлика, инурка и ерша.

(7) Во-первых, это не **фэншуйно**, а во-вторых – никаких преимуществ перед обычным джигом в таком случае нет.

(8) Но как-то не **фэншуйно** это. Для того чтобы избежать этого, существуют специальные шайбы, но не факт, что они окажутся у вас под рукой когда вам нужно будет установить педали.

(9) Имея малейшую административную силу в офисе, истероид сделает так, чтобы мебель была расставлена гармонично и **фэншуйно**, чтобы на стенах появились стильные репродукции или картины. И если в офисе есть посуда, то она будет также стильной и красивой.

(10) И глаз радует, и на много лет красота, и вообще, **фэншуйно**. (ВКонтакте)

В указанных примерах лексема *фэнишуйно* как наречие обозначает характеристику действия, выступает в позиции обстоятельства, определяя глагольные предикаты. В семантическом плане слово *фэнишуйно* обладают положительной оценочной номинации, и с синтаксической точки зрения не вступает в предикативную связь с названием действия.

(11) *Это я о символе Сингапура Мерлайоне, симпатичном рыбо-льве, неустанно изрыгающем потоки воды, чтобы все было фэнишуйно* (<https://www.liveinternet.ru/users/venda1/post495778710>).

(12) *Чтобы скоротать время в центре я, позвонив, заехал к нему. Мне нравится у него бывать. У него очень уютно, атмосферно, дорого-богато, одним словом фэнишуйно.* (Вконтакте)

В вышеизложенном примере лексема *фэнишуйно* вступает в предикативную связь с именем, функционируя как краткое прилагательное. Краткое прилагательное *фэнишуйно* согласуется с существительным и может выражать положительное эмоциональное ценностное отношение к окружающей действительности.

(13) *По крайней мере, в этом плане ты будешь хищником, а не падальщиком, который поедает за хищниками то, что они ему оставили. То есть есть падаль, это, по-моему, не фэнишуйно.*

(14) *Съездить на природу на новогодние празднички очень «фэнишуйно» Тем более наша жемчужина, озеро Байкал, совсем рядом.*

(15) *Фэнишуйно! В каждом году имеются свои «летающие звезды». Это такие доминантные направления силы, которые влияют на нас.* (Вконтакте)

(16) *@ tarasovaalee Прилететь в Сингапур и успеть его посмотреть за три часа- НЕРЕАЛЬНО!!!! Потому что здесь так красивооооо и фэнишуйно!!!!* (<https://www.instagram.com/p/BprDz4OBOMB/?igsh=MTlpNngwY2hmcm5hdw==>).

В примерах (13)–(16) слово *фэнишуйно* выступает в роли слова категории состояния и обозначает физическое состояние лица, испытываемое им под воздействием внешних обстоятельств, и «если сравнить этапы развития значения, то оценка для них была первичной, состояние – производное на базе положительной оценочной семы» [Милованова, 2018, с. 156]. И сопровождение субъекта состояния для этой группы слово является не так частотным. Лексика *фэнишуйно* репрезентирует субъективную оценку на основе психического, интеллектуального и морально-нравственного ценностного отношения говорящим к ситуации. Особенность семантического изменения лексемы *фэнишуйно* заключается в формировании и расширении конкретных дифференциальных сем, в результате чего слово начинает применяться в положительно-оценочном смысле к более широкому денотату (разумно, рационально, комфортно адекватно и др.)

И в языке соцсетей часто встречаются другие варианты слов или словосочетаний: *фенишево, фэнишево, фэйшево, по фэн-шую и по фэнишуй*. Например: (16) *Еженедельная рубрика для тех, кто хочет сделать что-нибудь «по фэнишуй» прямо сейчас, на этих выходных.*

(17) КУДА ПОСТАВИТЬ ЕЛКУ **ПО ФЭН ШУЙ** НА НОВЫЙ ГОД 2024.

(18) Что значит «уборка **по фэншуй**» – это когда вы шевелите энергии в определенном месте, протираете стены, пол, двигаете мебель, даже если у вас там идеально чисто (ВКонтакте).

(19) Жить в “хрущевках” **феншуйно!** (<https://movillo.ru/blog/2010/11/09/zhit-v-hrushevkahfenshuyno/?ysclid=mlir64tgem113560762>).

(20) @ bezgmo: Жить в районе лесопарка **феншуйно** (<https://www.instagram.com/p/BprDz4OVOMB/?igsh=MTIpNngwY2hmcm5hdw==>).

(21) Мне **по фэншуй**: как правильно сделать перестановку мебели в доме (РИА НОВОСТИ 08.01.2021).

(22) А мне **по фэн-шую**, на твои слова и любовь большую

Мне **по фэн-шую**, больше океан во мне не бушует

Мне **по фэн-шую**, на твои слова и любовь большую

Мне **по фэн-шую**, больше ты меня вообще не волнуешь (<https://genius.com/Oza-feng-shui-lyrics>).

В отобранных примерх (20 и 21) безличной конструкции неизменно присутствует состояние субъекта, испытывающего названное состояние; типично это позицию занимает личное местоимение в косвенном (дательном) падеже (*мне*). В смысле дериватов **фэншуйно** происходит перекаатегоризация, ведущая к переходу слова из объективных нейтральных значений в субъективные оттенки – которые обозначает душевное состояние человека, его эмоции и психические переживания.

Таким образом, в современной русской языковой системе мы наблюдаем тенденцию к семантической трансформации определенного слова. Данная тенденция проявляется в значениях лексем, которые в социальных сетях в силу тех или иных причин употребляются прежде всего для самовыражения яркого ценностного отношения ко всему, что происходит с ними, с их окружающим объективным миром, с их адресатами. И «оценочный характер присущ многим обозначениям состояния как их неотъемлемая часть» [Вольф, 2022, с. 337]. Процесс перехода одного слов в статус другой языковой единицы связан с особенностью его семантики. Мы замечаем, что имена существительные, отражающие семантику состояния и объектно-субъектные оценочные отношения, обладают значительным семантическим потенциалом.

Литература

1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – Изд. 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://efremova.slovaronline.com/107533-TEIN> (дата обращения: 25.09.2024).
3. Милованова М. С. Язык и мир: лексический фонд категории состояния в современном русском языке // Русский язык за рубежом. 2018. № 3. С. 4–10.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ
«ВЕСЕЛЫЙ ДРУЖЕСКИЙ ОТДЫХ» В РАЗВИТИИ

Чернышева М. П. (Москва, Россия)

***Аннотация.** Анализ семантического поля «веселый дружеский отдых» в микродиакроническом аспекте на основе изучения изменений в значениях отдельных лексем («кутить», «гулять», «тусить», «зависать», «пьянка», «кутеж»). Исследование направлено на выявление ключевых тенденций в развитии семантического поля, а также на анализ восприятия и использования данных лексем в современном русском языке.*

***Abstract.** Analysis of the semantic field “fun friendly vacation” in a microdiachronic aspect based on the study of changes in the meanings of individual lexemes («kutip’» – to carouse, «gulyat’» – to walk, «tusit’», «zavisat’» – hanging out, «p’yanka» – drinking, «kutyozh» – carousing). The research is aimed at identifying key trends in the development of the semantic field, as well as analyzing the perception and use of these lexemes in modern Russian.*

***Ключевые слова:** семантическое поле, лексическое значение, исторические изменения в языке.*

***Keywords:** semantic field, lexical meaning, historical changes in language.*

В лексико-семантическом поле «Веселый дружеский отдых» происходят динамические процессы, связанные с изменением жизни социума, а также с изменением картины мира носителей языка. Язык отражает ценности, убеждения и представления людей, и изменения в семантике отдельных лексем могут свидетельствовать о текущих трендах и изменениях в культуре.

В работе термин «семантическое поле» употребляется в узком значении – как семантическое образование, экспонируемое лексически [Шафиков, с. 24].

Данное исследование ограничивается изучением отдельных лексем и обозначаемых ими понятий, входящих в состав семантического поля «Веселый дружеский отдых». Этот подход позволяет более детально исследовать конкретные аспекты семантического изменения, выявляя тенденции и механизмы, лежащие в основе этих изменений.

Для выявления значений и контекстов использования лексем в разные исторические периоды был проведен анализ лексикографических источников, кроме того, был использован метод анкетирования.

Исследование семантического поля «веселый дружеский отдых» в диахроническом аспекте актуально в свете динамичной смены значений этих лексем, особенно в контексте их употребления молодежью.

Результаты исследования могут быть использованы в образовании для более эффективного обучения языку, так как они позволяют учесть актуальные изменения в значениях лексем.

Цель исследования заключается в анализе семантического поля «веселый дружеский отдых» в диахроническом аспекте на основе изучения изменений в значениях отдельных лексем («кутить», «гулять», «тусить», «зависать», «пьянка», «кутеж»). Исследование направлено на выявление ключевых тенденций в развитии семантического поля, а также на анализ восприятия и использования данных лексем в современном русском языке.

Наиболее интересный результат дал анализ лексем «кутить» и «кутеж», исторический обзор которых представлен в статье с начала XVIII в. Старые значения данных лексем, представленные в словарях разных периодов, сохраняются, но добавляются новые смыслы, поэтому приводим только добавившиеся значения.

«Словарь Академии Российской» 1792 г. «кутить»: 1. Вертеть, крутить (о ветренной погоде). *Ветр кутит*; 2. Производить смутками (т. е. сплетнями, интригами) между другими ссору (‘затевать интриги; вносить смуту, ссорить’ [Сл. XVIII]). *Он, она всеми кутит и мутит*. «Русско-французский словарь» Ф. Рейфа (1835): «вести рассеянную жизнь». «Словарь церковно-славянского и русского языка» (1847): «вести беспорядочную жизнь, пьянствовать, мотать» [Виноградов].

Словарь В. И. Даля (1863–1866) к связанному значению «пьянствовать», добавляет «жить **очертя голову, отчаянно** проказить». Там же отмечено действие по значению глагола, но это не *кутеж*, а *кученье* [Даль, 1863]. В XIX в. возникают и другие производные: *кутила, прокутить, закутить, кутнуть* и т. д. [Виноградов].

В словаре Д. Н. Ушакова значения, связанные с погодой и ссорами, уже не представлены. К значению «пьянствовать» добавляется уточнение – «в разгульной компании, тратя много денег». Здесь же *кутить*: «развлекаться, позволять себе какое-н. удовольствие (разг. шутол.). *Мы сегодня кутили – ездили за город*» [Ушаков, 1934]. Здесь прослеживается связь с отмеченным В. В. Виноградовым в литературе XIX в. тонким смысловым оттенком в употреблении *кутить* – «жить азартно, очертя голову, со страстью отдаваться чему-нибудь, **выходящему из привычных рамок быта**». Так в примере «выезд в город» – это тоже нарушение привычного размеренного распорядка.

В том же словаре Ушакова *кутеж* – «большая шумная попойка».

В словаре Ожегова под ред. Н. Ю. Шведовой (1992) *кутить*: добавляется второе значение: Перен. То же, что угощаться (разг. шутол.). К однокр. кутнуть, -ну, -нешь (разг.). Кутнем на прощание!

К значению слова *кутеж* («разгульная попойка») добавляется сема «обильное угощение».

Современные словари или дублируют формулировки предшественников [БТСРЯ Кузнецов, 2008], или дополняют значение «участия в большой попойке» для *кутить* указанием на несерьезность и безрассудство поведения при удовлетворении своих прихотей [Бабенко, 2008].

Итак, изначально слово *кутить* связывалось с действием природных сил, верчением ветра, затем, через общее смысловое ядро «смута» стало ассоциироваться с межличностными конфликтами и внутренним состоянием беспокойства, стихийного желания. Постепенно, в XIX веке, оно приобретает оттенок азарта и страсти, выходящей за рамки обыденности.

Словарные дефиниции со временем менялись, отражая изменения в языке, которые, вероятно, отражали изменения в обществе. Старые значения, связанные с погодой и ссорами, уступили место новым интерпретациям, таким как «пьянствовать / развлекаться без меры». Важно отметить, что смысловые акценты в этих значениях также менялись: от первоначального «пьянствования» до более широкого понимания «развлечения» или «удовольствия» в компании. Одновременно с этим появляется большое количество производных слов – *кутеж, кутила, прокутить, закутить, кутнуть* и т.п. Таким образом, «кутить» становится более чем просто проведением времени в шумной компании или угощением, а выражением стремления к чему-то яркому, спонтанному, необычному. Слово и его производные становятся широкоупотребительными, приобретают больше значений для описания различных жизненных ситуаций.

Анализ других лексем

«Пьянка» чаще ассоциируется с негативными контекстами, связанными с излишеством в потреблении алкоголя и разгулом. «Гулять» охватывает широкий спектр смыслов, включая простое гулянье, отдых, а также связь с мероприятиями и праздниками. «Гулять» может выражать и позитивные, и негативные аспекты временного освобождения от работы или свободного времяпрепровождения.

Согласно данным НКРЯ, глагол «тусоваться» в значении «собираться вместе для общения, совместного препровождения свободного времени» [Ожегов, 1992] входит в речевую жизнь около 80-х годов XX века, пик употребления приходится на период с 2000 года по 2010. В начале 2000-х появляется глагол «тусить», использующийся в качестве полного синонима. Спектр значений обширен: от сбора для общения до простого нахождения без дела. В отличие от «гулять», «тусоваться» как регулярное действие не имеет негативной коннотации: «постоянно появляться в каком-либо месте, на каких-либо встречах», например, *тусоваться в Думе* [БТСРЯ]. В словаре молодежного сленга [Захарова, Шуваева, 2014] основное значение акцентирует внимание на приятном аспекте: «весело проводить время, развлекаться, танцевать». Второе значение – «находиться где-либо без дела, прогуливаться». На практике «где-либо» включает и виртуальное пространство: «*А тут по инету играть начал и в форумах игровых тусоваться*» (НКРЯ).

Тусовка обозначается, во-первых, как «вечеринка, встреча для общения в свободное время», во-вторых, как «встреча для знакомства, обмена мнениями» (*интересная тусовка*) [Ожегов, 1992] или «компания, круг общения» (*политическая тусовка*). В словаре молодежного сленга *тусовке*

соответствуют варианты *тусса*, *тусня*, *тусса-джуса*. Это также «встреча, сбор для совместного времяпрепровождения», а еще «группа людей, объединенных общими интересами, возрастом».

В словаре Ожегова / Шведовой нет слова *зависать*, но представлен глагол *зависнуть* с единственным значением, относящемся к летательному аппарату «остановиться в воздухе над какой-нибудь точкой» [Ожегов, 1992]. В Большом толковом словаре добавляется разговорное значение «сосредоточивать внимание, мысли на чем-либо одним (обычно неприятном, бессмысленном, призрачном)». *Зависнуть на разводе*. *Зависнуть на инопланетянах*, а также по отношению к компьютеру, программе «внезапно перестать выполнять команды, перестать действовать» [Кузнецов].

Значения, отраженные в словаре сленга, «находиться где-либо», «весело проводить время где-либо, развлекаться» как будто скорее наследуют первоначальный смысл «остановиться в воздухе» (смысловое ядро «остановка»). Третье значение «задумываться, находиться в состоянии задумчивости, замереть, остановиться» скорее можно связать с «зависанием» компьютера, что связано уже с влиянием новой виртуальной реальности [Захарова, Шувалова, 2014].

Было проведено онлайн-анкетирование среди 211 респондентов с целью выявления актуальных лексем, использующихся при описании ситуаций, которые попадают в тематическую рубрику «веселый дружеский отдых».

Мужчины составили 23,2 % (56 чел.) от общего числа прошедших опрос, женщины – 76,8 % (155 чел.). Большая часть респондентов оказалась молодежью: 18–25 лет и 26–35 лет по 47 % (99 чел.) и 23 % (47 чел.) соответственно. 89,6 % (188) имеют высшее или неоконченное высшее образование. 79 % (166 чел.) проживают на территории Центрального округа РФ. Респонденты – представители множества сфер деятельности: образование, реклама, дизайн, инженерия, IT.

Анкета содержала десять вопросов, касающихся использования в речи лексем, образующих семантическое поле «веселый дружеский отдых».

1. Лексемы «тусовка», «тусить» и «тусоваться» обладают эмоциональной окраской, которая передает атмосферу веселья, развлечений и неформального социального взаимодействия. Результаты опроса показали, что именно эти слова обладают наиболее широкой семантикой, охватывающей не только активный и веселый отдых, но и времяпрепровождение вообще.

2. Для описания вечеринок с алкоголем часто используются эвфемизмы, что может быть связано с социокультурными ограничениями и стереотипами о поведении в обществе.

3. В общем открытом вопросе о наименовании «веселого времяпрепровождения с друзьями» (без упоминания алкоголя или вместе с ним) не удалось выявить значимых закономерностей, связанных тем или иным сегментированием респондентов. В то же время при наличии контекста проявился заметный детерминизм по возрастным сегментам.

Так, люди в возрасте 18–25 лет значительно чаще других выбирали лексически нейтральные слова, обозначающие действие – «гулять», «сидеть», «оставаться», «(по)есть».

Наибольшее различие в употреблении среди других слов пришлось на «кутить». Только в одном случае «кутить» было употреблено в сегменте 18–25 чаще, чем в других сегментах – когда относилось к употреблению алкоголя и танцам в клубе. Посещение ресторана расценивается как «кутеж» представителями возрастной категории 26–35, а вот посещение нескольких баров – уже людьми старше 25. Можно предположить зависимость от количества денег или отношения к ним представителей того или иного возраста.

Исследование семантического поля «веселый дружеский отдых» в диахроническом аспекте позволило выявить интересную динамику в понимании и использовании рассматриваемых лексем. Анализ лексикографических источников дал понимание эволюции значений лексем. В процессе этого исследования стало ясно, что их семантика тесно связана с социокультурными и историческими изменениями в обществе.

Эволюция смыслов

Одним из ключевых трендов является эволюция семантики лексемы «кутить» от ее первоначального значения, связанного с действиями природных сил и конфликтами, к более широкому пониманию, включающему азарт, страсть и развлечение. Это отражает изменения в культурных и социальных ценностях общества, где акценты переходят от внешних факторов к внутренним переживаниям и личным отношениям.

Социокультурные особенности

Для описания вечеринок с алкоголем зачастую использовались эвфемизмы, что, вероятно, связано с социокультурными ограничениями и стереотипами о поведении в обществе.

Представители группы 26–35 лет чаще использовали слово «кутить» в контексте посещения ресторанов. Все возрастные группы старше 25 лет отметили словом «кутить» посещение нескольких заведений подряд. Это указывает на различные предпочтения и восприятие активного отдыха в зависимости от возраста респондентов.

Расширение семантического поля

Наблюдается расширение семантического значения некоторых слов, таких как «зависать». Это свидетельствует о том, что семантическое поле «веселый дружеский отдых» расширяется, включая в себя новые значения и лексемы.

Результаты опроса подтвердили, что лексемы «тусовка», «тусить» и «тусоваться» обладают наибольшей эмоциональной окраской и широкой семантикой, что указывает на важность этих слов в повседневном общении.

Гибкость и адаптивность

Такие лексемы, как «тусить», «кутить», «гулять», демонстрируют свою многозначность, способность адаптироваться к разным ситуациям и условиям, сохраняя при этом свою основную семантическую нагрузку.

Тренды, выявленные опросом, могут быть рассмотрены как результат исторической эволюции и изменений, что подтверждает взаимосвязь между языковыми и речевыми тенденциями, связанными с социокультурными аспектами понимания и новыми традициями использования данных лексем.

Таким образом, исследование семантического поля «веселый дружеский отдых» позволило не только выявить историческую динамику изменений в значениях рассматриваемых лексем, но и понять их роль в современном обществе. Динамическое и адаптивное понимание этих лексем отражает сложную взаимосвязь между языком, культурой и социальными тенденциями.

Литература

1. Большой толковый словарь русских глаголов / Отв. ред. Л. Г. Бабенко. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovij-slovar-russkikh-glagolov> (дата обращения: 10.03.2024).
2. Виноградов В. В. История слов // Азбука веры : azbyka.ru. 2024. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/> (дата обращения 15.04.2024).
3. Даль В. И. Толковый словарь живаго великорусского языка. URL: <https://slovardalja.net/> (дата обращения: 20.10.2024).
4. Захарова Л. А., Шуваева Е. А. Словарь молодежного сленга. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000488551/SOURCE1> (Дата обращения: 13.04.2024).
5. Кузнецов – Большой толковый словарь / Под общей ред. С. А. Кузнецова URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovij-slovar> (дата обращения: 10.10.2024).
6. Ожегов С. И. Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка – М.: АЗЪ, – 1992. – 955 с.
7. Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. Вопросы языкознания, 2024, 2: 7–34.
8. Словарь русского языка XVIII в. URL: <https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 20.10.2024).
9. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 20.10.2024).
10. Шафиков С. Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц / С. Г. Шафиков; Науч. ред. Л. М. Васильев; М-во образования Рос. Федерации. Башк. гос. ун-т. Уфа: Башк. ун-т, 1999. 88 с.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ «ИГРА»
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Чжан Тунюэ (Москва, Россия / Чанчжи, Китай)

Аннотация. В статье рассматривается адаптация слов, принадлежащих словообразовательным гнездам с вершиной «гейм» и «игра», приводятся типичные выражения с такими вариантами ценностно значимой информации, выявляются семантические оттенки производных слов в разнотипных словосочетаниях.

Abstract. The article examines the adaptation of word-formation nests with the word game and igra, collects typical expressions with such value-significant information, reveals the semantic connotation of various derivative words in different phrases.

Ключевые слова: гейм, игра, словообразовательное гнездо, ценность.

Keywords: game, igra, word-formation nest, value.

С развитием интернета, виртуальная реальность все же занимает более важную роль в составе познания мира. Новые явления, включая компьютерная игра, с новыми ценностями были вбираемы и укоренены в национально традиционный менталитет, этот процесс явно отражается в языковой среде интернета.

Компьютерная игра – феномен современной культуры [Галкин, 2007], словосочетание заимствует от английского языка *computer game*, рассматривается как знак «чужих» ценностей [Радбиль, 2019]. Процесс адаптации *компьютерной игры* к русским ценностным представлениям идет постепенно.

Первый сигнал его аксиологической адаптации, это имплицитность атрибута, т.е. прилагательное *компьютерная*, которое в современной речи выступает чуть ли не обязательным. Ср. 1. *Но употребляют слово **скин**, как правило в компьютерных играх и означает оно обертку, одежду, этикетку, то как выглядит персонаж.* 2. *Что же это за чудо такое и для чего нужен **скин в играх** – разберем в этом материале.* 3. *Создатели **бесплатных компьютерных игр** зарабатывают на скинах.* 4. *Мы не перегружаем сайт **бесплатными играми** и глупой рекламой, а выбираем только самые лучшие флеш игры.* 5. *Речь может идти об одежде **персонажа из компьютерной игры**, или о его внешнем облике, или речь о навыках, об оснастке, конкретного персонажа в игре и так далее.*

Так, к традиционному представлению о игре бурно добавлено значение *компьютерная игра*, означающее ‘такую компьютерную программу, которая организует игровой процесс и управляет им, а также осуществляет взаимодействие между соперниками и партнерами по игре или сама выступает в качестве игрока’.

Второй сигнал зарожден на русской почве, от существительного (*компьютерная*) *игра* развивается относительное прилагательное *игровой*, его значение – ‘относящийся к игре или играм’. Как пишет Е. Курилович, “относительные прилагательные как синтаксические дериваты существительных представляют собой транспозицию предмета в свойство” [Курилович, 1962]. Ср. 1. **Персонаж в игре** иногда просто инструмент, которым пользуется сценарист, чтобы донести конкретную мысль до игрока. 2. Но вот после покупки с ними толком ничего сделать нельзя, кроме как применить на **игрового персонажа**. 3. В этом материале мы разобрали, что такое **скин в игре**, сколько шкурки стоят, где их купить и продать и зачем вообще это нужно. 4. **Игровой скин** — объект вождления многих геймеров. Отношение между двух предметов, выражающееся с помощью предлога в постепенно реализуется в модели ADJ+N, так в сфере словосочетания прилагательное *игровой* тоже может быть имплицитным в существительным *персонаж* и *скин*, например, 1. *Представьте: в какой-нибудь MMORPG (многопользовательской онлайн-игре) вы играете одним и тем же персонажем уже длительное время, и вокруг вас бегают сотни таких же, как вы, людей: с той же одеждой и прической.* 2. *Здесь вы можете найти подходящий скин для своего персонажа Minecraft.* Адъективизация является необходимой обработкой и естественным развитием заимствованных аксиологических ориентиров в процессе адаптации к русской почве. С помощью непрерывно адъективизации существительных в словосочетании и импликации полученных прилагательных в предложении, разные существительные придают друг другу новые значения, тем самым получают все более и более семантические дериваты, что способствует словесной лаконичности и семантическому многообразию русских выражений.

Благодаря стремительных изменений в игровой деятельности, в словосочетаниях прилагательное *игровой* претерпевает изменения в семантике, на основе его генезиса появились коннотация, дополнительные семантические компоненты. Ср. *Игровой мир* <деньги, валюта, магазин, этикет, ранг, сервис>, в таких словосочетаниях атрибутивный член, используемый для номинации виртуальных аналогов различных объектов и явлений реального, физического мира [Маринова, 2023], означает ‘реализуемый, осуществляемый, существующий в компьютерной игре’. Оттенок этого значения – ‘осуществляющий свою деятельность в игровом мире’ – проявляется в словосочетаниях *игровое сообщество* <клан, группа>. В номинациях *игровая площадка* <сайт, технология, платформа, клавиатура, мышь, компьютер, монитор, колонки (наушники), аксессуар, гаджет, девайс, кресло> прилагательное используется в значении ‘предназначенный для игр’. Так как игровой компьютер отличаются такими характеристиками, как мощный блок питания и хорошо продуваемый корпус с несколькими вентиляторами; высокоскоростная оперативная и постоянная память; мощная

современная видеокарта, актуализируется значение ‘топовый, мощный, высокоскоростной’. Например, *1. Ну считаю себя наверно геймером. Так компьютер я бы не сказал что у меня прям супер игровой. 2. Игровой ПК потянет абсолютно все задачи, но если пользователь не собирается играть в топовые игры, то такая мощность будет излишней.* К тому же, под прилагательным *игровой* подразумевается дополнительное ассоциативное значение – ‘дорогой’, например, *Игровой компьютер от 100 тр (это игровое дно) и до 12 миллионов и более, включая...* В сочетаниях *игровое преимущество* <персонаж, предмет, скан, процесс, задача, опыт, погружение> *игровой* выступает в значении ‘связанный с совершением игровых действий, имеющий к нему отношение’. В сочетаниях *игровой фильм* <предприниматель, индустрия, компания, культура> прилагательное используется в значении ‘опирающийся на игровых действиях, основанный на них’.

Явно показано, что объективно наличествующие в слове *игровой* ценности претерпели смысловые преобразования в расширенных контекстах употребления, переход его значения от начального ‘относящийся к игре’ до некоторых семантических дериватов ‘связанные с игрой’, на основе которых даже развивается ‘мощный, высокоскоростной’ в сочетании *игровой компьютер*, характерен как переход от ограниченного употребления в роли относительного прилагательного к обыденному идиоматичному употреблению в роли качественного прилагательного [Радбиль, 2020], что является третьем сигналам адаптации даже укоренения инородных ценностей.

Тем более современное словообразовательное гнездо с вершиной *игровой* заметно пополнилось новыми лексемами. Например, от *игровой* образовано прилагательное *внутриигровой*, означающий ‘осуществляющийся, действующий внутри игры, не выходящий за ее пределы’, например: *внутриигровое оружие* <валюта, скины, образы, достижения, вторжения, враг, реклама, деньги, меню, реклама, городок, репортаж, версия, уведомление, персонаж, музыка, покупка, предметы, моменты, модификация, закон, кинотеатр, радиостанция, месяц, видео, бонусы, рынок, покупка>.

В общем, слово *игра* обладает сильной жизнеспособностью в нагрузке ценности *computer game*, которая влилась в русский идеологический менталитет другим языковым обликом *гейм*, от него произведены *геймплей*, *гейминг*, *геймер*, *геймерский*. *Геймплей* или *игровой процесс* – ‘компонент игры, отвечающий за взаимодействие игры и игрока’, часто эти два выражения работает одинаковым членом в предложениях, но чаще использовано слово *геймплей*. Ср. *1. Некоторые из них могут стать вашими бесплатно, как часть игрового процесса или выполняя определенные задания. 2. Такие коллаборации могут включать в себя одежду, аксессуары и даже изменения геймплея для соответствия новой теме. 3. Что самое интересное – ни на секунду не возникает ощущения сборной солянки из надерганных то тут, то там элементов геймплея, настолько в Watch Dogs все цельно и органично сделано.*

Гейминг, единственное слово означающее ‘занятие, увлечение играми’, например: *Косметические скины, к сожалению или к счастью, стали практически неотъемлемой частью современного гейминга.*

Геймер, вместе со словом *игрок*, означающие ‘человек, играющий в компьютерные игры’, обычно в новостной дискурсе предпочтение отдается слову *геймер*, в разговорной речи – *игрок*. Ср. 1. Согласно данным аналитиков небанка и маркетплейса для *геймеров NUUM от МТС*, среднестатистический *геймер* — это мужчина за 30, у которого постоянная работа и доход выше среднего. 2. По обезличенным данным МТС Банка, сейчас платящие *геймеры* из России тратят около $\text{¥}5$ тыс. в год, в то время как средний *геймер* в США в переводе на рубли тратит $\text{¥}18\text{--}25$ тыс. 3. Кроме того, можно и обмениваться с другими *игроками*. Не все понимают реальную стоимость вещей, и знающий *игрок* всегда сможет совершить выгодную для него сделку. 4. В уже упомянутой выше *CS:GO* очень многие шкурки для огнестрельного и холодного оружия — продукт творчества обычных *игроков*.

Геймерский (‘связанный, соотносящийся по значению с существительным *геймер*’) часто встречается в сочетаниях типа *геймерский сленг* <язык, лексика, термин, словарь, сфера, мир>, а в сочетаниях с компьютерным девайсом, к которому уже успели прилепить эпитеты *геймерский* и *игровой*, например: *геймерский (игровой) ноутбук* <устройство, монитор, мышь, наушники>.

Таким образом, ценностно значимая информация *game* под двух языковых обликов *игра* и *гейм* выявилась в русском аксиологическом менталитете, развивающиеся от его ценностные суждения реализованы специальным русским словообразованием, так заимствованная ценность *game* постепенно адаптируется к русской базе, в этом процессе гнезда с вершиной *игра* и *гейм* взаимокompенсируются и взаимозаменяются.

В общем, адаптация лексемы *игра* и *гейм* показывает инновационные тенденции в коммуникативной среде Интернета, отражают влияние инокультурных ценностных ориентиров под тенденциями глобализации и интернационализации.

Литература

1. Галкин Д. В. Компьютерные игры как феномен современной культуры: опыт междисциплинарного исследования // Гуманитарная информатика. 2007. Вып. 3. С. 54–72.
2. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. К теории частей речи // Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57–70.
3. Маринова Е. В. Терминология цифрового общества RU: Генезис – семантика – прагматика // Современная лингвоаксиология: Россия – Кыргызстан в научном диалоге. Коллективная монография / Отв. ред. М. С. Милованова. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2023. С. 180–198.

4. Радбиль Т. Б. Активные процессы в языке интернета: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: Коллективная монография / Т. Б. Радбиль, Е. В. Маринова, Л. В. Рацибурская, Е. В. Щеникова, Е. А. Жданова, Н. А. Бакич; под ред. Л. В. Рацибурской. М.: Нестор-История, 2019. С. 8–65.

5. Радбиль Т. Б. Пути и способы выявления ценностно значимой информации в естественном языке // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник статей. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020. С. 168–175.

РАЗДЕЛ 5. ЦЕННОСТИ И ЦЕННОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРСОНАЖА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБРАЗА ДАФНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА Д. А. ЕМЦА «МЕФОДИЙ БУСЛАЕВ»)

Арзямова О. В. (Воронеж, Россия)

Долгова В. В. (Воронеж, Россия)

***Аннотация.** В статье представлена характеристика языковой личности литературного персонажа на примере образа Дафны на материале цикла Д. А. Емца «Методий Буслаев». Анализируются ценностные функции героини как носителя идеалов, стереотипов и поведенческих действий.*

***Abstract.** The article presents the characteristics of the linguistic personality of a literary character using the example of the image of Daphne based on the material of D. A. Yemets's cycle «Methodius Buslaev». The value functions of the heroine as a bearer of ideals, stereotypes and behavioral actions are analyzed.*

***Ключевые слова:** художественный текст, литературный персонаж, языковая личность, ценностные ориентации, стереотипическая оценка, амбивалентные характеристики.*

***Keywords:** artistic text, literary character, linguistic personality, value orientations, stereotypical assessment, ambivalent characteristics.*

Концепция Ю. Н. Караулова о языковой личности [Караулов, 2010, с. 39] послужила основанием для разработки моделей языковой личности литературного персонажа (Смирнова А. А., Бальян А. М., Тотиева А. Н. и др.) и вариативных типов речевой культуры [Арзямова, 2016, с. 47].

При создании образа литературного персонажа, как было отмечено Л. Н. Чурилиной в работе «Языковая личность» в художественном тексте, происходит «присвоение герою статуса относительно самостоятельной личности», следовательно, анализ его речи не менее серьезен, чем исследование портрета реальной языковой личности [9, с. 4]. В связи с чем вырабатывается ряд схем для анализа образов героев художественной литературы, частью которых является в том числе и языковая личность.

И. А. Игнатов в своей работе выводит подробную схему характеристики образа, которая позволяет рассмотреть героя художественного произведения в совокупности конкретных характеристик, составляющих его образ, отразить

изменяемое и неизменяемое в нем, представить персонажа как самостоятельную языковую личность [6, с. 61]. Из совокупности перечисленных свойств и состоит целостный образ литературного героя.

Художественный цикл Д. А. Емца «Мефодий Буслаев», насчитывающий девятнадцать полноценных романов, является одним из наиболее популярных среди произведений современной русской литературы для подростков. Характерными чертами данного цикла являются религиозно-философские мотивы, основывающиеся на идее христианства, множество аллюзий и реминисценций на литературные, исторические, мифологические факты, специфический юмор, нередко являющийся результатом языковой игры, а также уникальная система портретных образов персонажей.

С точки зрения аксиологии изучение языковой личности героев художественных произведений важно потому, что именно через языковую личность тех или иных персонажей реализуются закладываемые автором «как объективно существующие», так и «субъективные» нравственные идеи [Тотиева, 2015]. Так, анализ языковой личности одной из героинь Д. А. Емца помогает раскрыть воспитательный потенциал художественного цикла, популярного среди подростков.

Героев данного художественного условно можно разделить не три категории: добрые (так называемые «светлые»), злые (так называемые «темные»), амбивалентные, находящиеся на границе добра и зла. Такое деление является условным потому, что главные герои романов данной серии развиваются на протяжении всего повествования, проявляют определенные индивидуальные качества в ситуациях выбора, переходят из одной условной группы в другую.

Попробуем охарактеризовать одного из главных героев данной серии в соответствии с пунктами схемы, предложенной И. А. Игнатовым. В центре нашего внимания представитель «светлых» сил – героиня по имени Дафна, страж-хранитель № 13066.

Для удобства представим анализ в виде таблицы:

Непроцессуальные характеристики, обуславливающие формирование личности:	
время жизни (эпоха)	Время действия – XXI век; на момент первой книги Дафне всего «тринадцать тысяч пятьсот восемьдесят семь лет», что биологически эквивалентно тринадцати человеческим годам [Емец, 2006, с. 158]
социальное происхождение и положение	Занимает одну из нижних ступеней в иерархии светлых стражей: «Я уже младший страж... Ну почти... Меня обещали произвести в младшие стражи, если...» [Емец, 2006, с. 159].

РАЗДЕЛ 5.

<p>органические предпосылки, влияющие на формирование характера</p>	<p>Генеральным стражем Дафна охарактеризована как «личность, содержащая в себе как свет, так и мрак», что для светлого стража является в своем роде уникальным сочетанием [Емец, 2006, с. 167].</p>
<p>бытовое окружение</p>	<p>Дафна проявляет интерес к предметам человеческого мира: «Она обожала всякое лопухоидное старье, которое тайком притаскивала сюда из мира смертных» [Емец, 2006, с. 123].</p>
<p>условия формирования характера</p>	<p>Как и все стражи, личность Дафны формируется в благоприятных условиях Эдемского сада, атмосфера которого вызывает у героини тоску: «Даф пришла в голову кошунственная мысль, что в Эдемском саду, мягко говоря, скучновато» [Емец, 2006, с. 124].</p>
<p>система ценностей</p>	<p>В системе ценностей Дафны, в отличие от других светлых стражей, особняком стоит индивидуальность, однако это не отрицает ее сущностного сходства с «правильными» стражами, выражающимся в стремлении к Свету, доброте, честности, способности к самопожертвованию, ответственности за других: «Хозяин магазинчика еще не знал, что Даф, верная принципу стражей света не брать ничего без награды, любезно отблагодарила его даром предвидения» [Емец, 2006, с. 282].</p>
<p>межличностные отношения и связи</p>	<p>В Эдеме Дафну окружают другие светлые стражи, поведение которых она анализирует сквозь призму индивидуального восприятия: «Пусть теперь кто-нибудь скажет, что среди стражей света нет гадов и зануд», «Руфин еще ничего, не совсем отстой, а вот Пуплию лучше на глаза не показываться, особенно после моего бегства из Эдема. Он родную бабушку способен задержать за нарушение визового режима и правил пребывания в лопухоидном мире» [Емец, 2006, с.157, с. 284]. Попадая к чужую для нее обстановку канцелярии Мрака на Дмитровке, она относится с недоверием и скептицизмом ко всему, что ее окружает, не позволяет себя обмануть слугам Мрака: «Сперва поклянись. Неужели ты думаешь, что я поверю тебе без клятвы!» [Емец, 2006, с. 288].</p>

отношение к миру	Положения из «Книги Света» являются для Дафны главенствующими жизненными принципами, определяющими ее мировоззрение.
социальное окружение	После получения особо задания социальное окружение Дафны меняется: в резиденции на Дмитровке ей приходится общаться с Мефодием, который и является ее особым заданием, с главой русского отдела мрака Ареем, его секретаршей ведьмой Улитой и другими представителями «темных» сил.
внешность	Дафна отличается миловидной внешностью: «Вздернутый нос, длинные волосы, собранные в два длинейших светлых, торчащих под немислимыми углами хвоста (всего лишь магическая укладка III степени экстремальности, действующая не более семидесяти лет после наложения заклятия), пухлые губы и общее скучающее выражение лица» [Емец, 2006, с. 124–125]. Интерес Дафны к предметам человеческого мира распространяется не только на интерьер. Так она заимствовала из современного мира одежду и аксессуары: «Она была одета в свитер и потертые джинсы. За спиной висел небольшой джинсовый рюкзачок, из которого выглядывала флейта. На груди у девчонки покачивались на шнурке маленькие бронзовые крылья» [Емец, 2006, с. 285]. Кроме того, индивидуальность героини подчеркивается очень важной деталью: «Страж света с пирсингом... Необычно» [Емец, 2006, с. 164].
внутренняя речь	Внутренняя речь Дафны тоже глубоко индивидуальна для стража и насыщена фразеологизмами, междометиями, восклицаниями и риторическими вопросами: «Вурдалака бы сюда! Или хотя бы парочку жутких призраков, бряцающих цепями! Это добавило бы перчику в этот сладкий сироп!», «Хорошая смена растет, мама моя дорогая! Разве мы были такие?», «Ага! А вот и ложка дегтя в этой бочке с динамитом!» [Емец, 2006, с. 125, с. 133, с. 162].

РАЗДЕЛ 5.

Процессуальные признаки:	
вовлеченность в определенный вид деятельности	Дафна является стражем света, она выполняет особое задание, данное ей генеральным стражем: «Быть агентом света во мраке – это не работа. Это судьба...» [Емец, 2006, с. 184–185].
модель поведения, поступки	Особенностью темперамента Дафны является не характерная для светлых стражей свобода мышления и дерзость поведения. Из-за каждого дурного поступка или даже мысли перья на ее крыльях темнеют: «Ничего себе крылышки! И это страж света! Пять, шесть, семь черных перьев!» [Емец, 2006, с. 147].
мотивы действий и поступков	Характер Дафны не подточили ни годы обучения в эдемской школе для стражей, ни благоприятная среда самого Эдема, ни возлагаемая на нее ответственность. В любых условиях, даже в самых враждебных, ей удается оставаться собой, при этом сохраняя в себе сущность светлого стража: «Не говори никому, что я летала. Лады? Мне вроде как не положено. Ты же видел, что я их буквально на секунду материализовала? Вряд ли их кто засек» [Емец, 2006, с. 355].
принятие решений	Дафна серьезно (насколько ей позволяет характер) относится к выполнению задания и делает все, чтобы успешно справиться с возложенной на нее ответственностью.
поведение в ключевых ситуациях	Показательным становится ее поступок в Храме Вечного Ристалища: «Боясь не успеть, она со странной внутренней ясностью и знанием, что делать, сорвала с себя шнурок с крыльями и накинула его на шею Мефодию» [Емец, 2006, с. 398–399]. В момент, когда того требовала ситуация, Дафна проявила решимость, чтобы спасти жизнь своего подопечного.

Идиостиль:	
интериоризованный дискурс (внутренняя речь)	С течением времени внутренняя речь Дафны меняется, как и она сама, приобретая большую осмысленность и глубину: «...Слишком долго не была в Эдеме, мало грызла себя, осуетилась. Вот сейчас возьмут меня под белы ручки и скажут: а давно ли ты, милая, смотрела на себя со стороны? Давно ли работала над собой? Тебе надо вытряхивать себя как пыльный половик...!» [Емец, 2008, с. 140]. Таким образом, внутренняя речь является отражением личностного развития героя.
внешняя речь (речевое поведение)	Во внешней речи Дафны присутствуют и формулы, присущие светлым стражам, и фразеологические обороты, и восклицания: «Это была моя голубая мечта идиота», «Non possumus!», «Ай, мрак! Чтоб вам всем треснуть!..» [Емец, 2006, с. 130, с. 148, с. 182]. По некоторым высказываниям героини можно сделать вывод, что она не лишена мудрости: «Умей слушать! Все, что человек как ему кажется, говорит о других, — он на самом деле говорит о себе» [Емец, 2009, с. 12]. Как и внутренняя речь, внешняя речь так же развивается, становится более развернутой: «Убеждают не слова, не риторические формы, не то, как сказано. Убеждает правда, которую осознаешь ты сам. И не важно, кто принес эту правду. Вычитал ли ты ее в книге или услышал от случайного человека на улице. Важно, что она всегда будет принесена» [Емец, 2006, с. 118]. Так мы видим, что Дафна склонна к рефлексии.

То есть, как показал анализ языкового материала, ценностные характеристики героини претерпевают в цикле «Мефодий Буслаев» существенные изменения. Основным качеством Дафны остается стремление к Свету. Приоритетными для нее становятся такие качества, как дерзость, своеволие, исключительная индивидуальность, которые воспринимаются как отрицательные поведенческие характеристики «темной» стороны. Амбивалентность поступков и характеристик героини связана с разноплановым восприятием со стороны представленных в цикле «светлых» и «темных» сил.

Литература

1. Арязмова О. В. Автор и персонажи художественного текста как репрезентанты вариативных типов речевой культуры (на материале повести

А. В. Иличевского «Узкое небо, широкая река») // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. 2016. № 26. С. 47–51.

2. Емец Д. А. Мефодий Буслаев. Карта Хаоса. М.: Эксмо, 2008. 416 с.

3. Емец Д. А. Мефодий Буслаев. Маг Полуночи. М.: Эксмо, 2006. 416 с.

4. Емец Д. А. Мефодий Буслаев. Месть валькирий. М.: Эксмо, 2006. 416 с.

5. Емец Д. А. Мефодий Буслаев. Ожерелье дриады. М.: Эксмо, 2009. 384 с.

6. Игнатов И. А. Языковые модели описания образа человека (литературного персонажа) // Гуманитарный научный вестник, 2022.

7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

8. Тотиева А. Н. Аксиологический аспект изучения художественного произведения на уроке литературы // Евразийский Союз Ученых ЕСУ, 2015. С. 146–148.

9. Чурилина Л. Н. «Языковая личность» в художественном тексте. М.: Флинта: Наука, 2011. 240 с.

ЦЕННОСТЬ ПУНКТУАЦИОННОГО ЗНАКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ И. БРОДСКОГО)

Борзенкова А. Ю. (Москва, Россия)

Аннотация. На основе анализа поэтических текстов И. Бродского показано, что выбор синтаксических средств автором неслучаен, но обусловлен субъективной оценкой и объясняется самим устройством личности автора.

Abstract. Based on the analysis of poetic texts by Y. Brodsky, it is shown that the choice of syntactic means by the author is not accidental, but is due to a subjective assessment and is explained by the very structure of the author's personality.

Ключевые слова: аксиология, пунктуация, ценности, поэтический текст.

Keywords: axiology, punctuation, values, poetic text.

Поэтической традиции XX века присущ характер новаторства, свойственно стремление к изобретению оригинальных способов оформления текста. Вспомним, к примеру, знаменитое цветаевское тире, способствующее актуализации мысли автора. Синтаксис и семантика в данном случае оказываются неразрывно связаны: как следствие, выбор пунктуационных знаков не может быть случаен. Автор оценивает знак на предмет того, насколько полно он может выразить необходимые интонацию и смысл, задать ритм произведению и сделать акцент. Пунктуационный знак обретает ценность для поэта или писателя, так как способствует комплексному выражению авторского замысла.

Тему нашей статьи мы раскроем на примере творчества Марины Цветаевой и Иосифа Бродского, сделав акцент на текстах последнего. Тире Цветаевой как авторский знак достаточно изучено. Цветаевское тире способствует выражению страстной, романтической натуры Цветаевой-поэта и Цветаевой-человека, передает надрывность и силу голоса автора, эмоциональность и чувственность стиха. Цветаевскую речь, предельно уплотненную, часто сведенную в короткие отрывистые фразы, самим поэтом названную «темной сжатости», проясняет знак тире, компенсируя краткость автора. По словам В.В. Виноградова, тире – это «ступеньки», «шаги» к созданию поэтического образа, языковой личности и всего поэтического мира М. Цветаевой [Виноградов, 1963].

Известно, что Иосиф Бродский высоко ценил творчество Марины Цветаевой. В своем известном интервью Свену Биркерсту (1979) он выражает большое восхищение Цветаевой-поэтом и указывает на родственность их художественных мироощущений: «С Цветаевой я чувствую особое родство: мне очень близка ее поэтика, ее стихотворная техника» [Бродский, 2000, с. 68]. Ориентируясь на Цветаеву, Бродский тем не менее создает свой уникальный стиль. Это объясняется другим взглядом на себя, на окружающую действительность и, как следствие, на текст. Действительно, в том же интервью читаем: «Мое решение никогда не соперничать с Цветаевой было вполне сознательным. Я совершенно другой человек – и к тому же мужчина, а мужчин вроде бы не пристало говорить на таких высоких нотах...» [Бродский, 2000, с. 69]. Исходя из утверждения о том, что тире Цветаевой выражает эмоциональное женское начало автора, разовьем мысль, что ценность тире Бродского – в выражении начала рационального, мужского.

Пример интеллектуального использования тире находим в стихотворении «Любовь» (1971), пронизанном чувством одиночества и скорби о несостоявшемся любовном счастье. В произведении создана оппозиция сон/бодрствование: сон, в котором к лирическому герою приходит беременная возлюбленная, в котором счастье вдвоем возможно – щелчок выключателя – пробуждение, с которым наступает чувство безрадостного одиночества, тоски по любимой женщине. Это ощущение двоимирия совершенно естественно для лирического героя, ведь оба мира для него – реальны. Однажды он рассчитывает навсегда остаться в «том царствии теней» с возлюбленной и ребенком – стоит лишь оставить выключенным свет. Автор создает концепт темноты как альтернативной счастливой действительности. Строгая выверенность в постановке тире – чуть не единственном во всем стихотворении – позволяет подчеркнуть идею автора о темноте как пространстве неограниченных возможностей:

*...умышленного. Ибо в темноте –
там длится то, что сорвалось при свете.
Мы там женаты, венчаны, мы те
двустинные чудовища, и дети
лишь оправданье нашей наготы.*

Тире как авторский знак Бродского представляет особый интерес для исследования именно потому, что появляется всегда внезапно и оттого становится подчеркнуто важным элементом структуры текста. Удлиненность стихотворной строки, обилие однородных членов и параллелизм синтаксических конструкций, многословность автора усложняют и «отяжеляют» стих – знак тире как бы «взрывает» такой текст, моментально приковывает внимание к себе только при первом взгляде на стихотворение еще до его прочтения. Так происходит в Элегии (1982):

*...некогда сказанного. Трезвая голова
сильно с этого кружится по вечерам подолгу,
точно пластинка, стачивая слова,
и пальцы мешают друг другу извлечь иголку
из заросшей извилины – как отдавая честь
наважденью в форме нехватки текста
при избытке мелодии. Знаешь, на свете есть
вещи, предметы, между собой столь тесно
связанные, что, норовя прослыть....*

Отчетливо видно, что тире выделяется в тексте стихотворения, этот знак – нетипичный элемент синтаксической структуры. Обращая внимание на себя, он как бы освежает восприятие текста читателем. Так, невозможно не говорить о важности тире как визуальной составляющей письменной речи Бродского.

Кроме того, здесь, безусловно, большую роль играет интонационный аспект. Читая приведенный отрывок, мы делаем короткие паузы в соответствии с запятыми. Тире же диктует нам гораздо более долгую остановку перед началом сравнительного оборота, построенного на базе обособленного обстоятельства, который уже будет прочтен нами на одном дыхании, ведь там пунктуационные знаки отсутствуют («как отдавая честь // наважденью в форме нехватки текста // при избытке мелодии»).

В стихотворении «Горение» (1981) наблюдаем изменение функциональности тире в зависимости от намерений автора. Так, стихотворение начинается спокойно, и уже в первой строфе видим знак тире:

*Зимний вечер. Дрова
охваченные огнем –
как женская голова
ветреным ясным днем.*

Намеренно пропуская запятую перед причастным оборотом, автор предпочитает поставить тире, выделяя сравнительный оборот – так создается индивидуально-авторская интонация. Знак тире здесь способствует метафоризации образа костра, схожего с головой женщины, и поддерживает состояние спокойствия, присущее началу произведения. Далее тире встречаем в иной синтаксической конструкции:

*Я всматриваюсь в огонь.
На языке огня
раздается «не тронь»
и вспыхивает «меня!»*

*От этого – горячо.
Я слышу сквозь хруст в кости
захлебывающееся «еще!»
и бешеное «пусти!»...*

Ритм стихотворения ускоряется, накаляется настроение: из спокойного оно переходит в болезненно-страстное. Знак тире здесь еще сдерживает нарастающую эмоциональность стихотворения. Но еще несколько строф и функция тире меняется – теперь оно подчеркивает бешено-огненное настроение героев. Тире, будто нож, разрезают строки стихотворения, они словно сами превращаются в всполохи пламя, в которых звучат то боль, то негодование:

*Я узнаю
патлы твои. Твою
завивку. В конце концов –
раскаленность щипцов!*

*Только одной тебе
и свойственно, вещь губя,
приравнивань к судьбе
сжигаемого – себя!*

Таким образом, тире способствуют выражению любовной коллизии, идеи сложности человеческих отношений во всем разнообразии чувств и эмоций, настигающих мужчину и женщину, и именно точечное использование знака позволяет добиться точного выражения авторского намерения.

Интересным для анализа также представляется стихотворение «Иллюстрация» (1964), которое, по документальным свидетельствам Льва Лосева, представляет собой экфрасис картины Лукаса Кранаха Старшего «Мадонна с младенцем под яблоней» [Лосев, 2006]. Бродский сознательно изменяет некоторые детали и уходит от общепринятого толкования образа Мадонны, что позволяет сделать вывод о своеобразии духовных поисков автора [Автухович, 2017, с. 9]. Знак тире несет здесь важнейшую функцию, акцентируя внимание на мотиве лисьей хитрости женщины на картине. В то время как Кранох изображает золотые волосы, спускающиеся на плечи его героини, Бродский «надевает» на нее накидку из меха лисы:

*В накидке лисьей – сама
хитрей, чем лиса с холма
лесного, что вдалеке
склон полощет в реке,
сбежав из рощи...*

Фактически, Бродский уходит от образа Мадонны и воссоздает образ Венеры, которой в мифологии присуща черта амбивалентности: богиня несет в себе единство любви духовной и любви физической. В своем эссе «Altra ego» Бродский писал о продуктивности установления «соотношения между малостью детали и интенсивностью внимания, уделяемого ей, равно как между последней и духовной зрелостью поэта» [Бродский, 1990]. В тексте стихотворения не только лисья накидка, но и само тире становится такой деталью – небольшой, но невероятно важной. Мироззрению Бродского характерно катастрофическое ощущение времени и пространства и понимание искусства как единственного спасения. Это мироощущение отразилось в стихотворении «На выставке Карла Вейлинка» (1984). Последняя строфа выражает авторское представление о творчестве – это форма самоотчуждения по отношению к жизни-в-смерти:

*Вот это и зовется «мастерство»:
способность не страшиться процедуры
небытия – как формы своего
отсутствия, списав его с природы.*

И. И. Плеханова так характеризует позицию автора: «Самоотчуждение ... представляется поэту универсальным законом бытия, как и формулой возвращения к себе в этом самоотчуждении» [Плеханова, 2000, с. 15]. Знаки тире в данном стихотворении как раз и создают дистанцированность Я от окружающего мира, его отчужденность, которая в итоге возвращает лирического субъекта к самому себе. Примечательно и то, что для начала строф характерен синтаксический параллелизм, и структуру каждой актуализирует тире: «Возможно, это – будущее...», «Возможно также – прошлое ...», «Бесспорно – перспектива...», «Возможно – натюрморт...», «Возможно – зебра моря или тигр...», «Возможно – декорация...», «Бесспорно, что – портрет...». Так, в данном стихотворении тире выполняет функцию знака отдаления от мира / возвращения к нему, знака определения, называния жизни.

Тире раскрывает и категорию экзистенциальности в творчестве Бродского. На лексическом уровне форму бытийности у Бродского маркирует существительное в значении глагола «суть» (ст.-слав. *сѣтъ* – 3 л. мн. ч. гл. «быть»):

*В этом – суть перемен,
в толчее, в перебранке Камен
на пиру Мнемозины.*

*С сильной матовой белизной
в мыслях – суть отраженьем
писчей гладкой бумаги.*

Так, через формулу «суть» автор занимает позицию наблюдателя. Лирическое Я Бродского часто скрывается, а текст стихотворения представляет собой как бы чье-то свидетельство происходящих явлений, описание

событий без видимой вовлеченности в них. А.А. Чевтаев пишет: «Присущая лирике речевая автопрезентация микрокосма... в поэтике И. Бродского нередко смещается в сферу сюжетно-фабульной репрезентации макрокосма» [Чевтаев, 2017, с. 39]. И тире в данном случае связывает различные сущности этого мира, давая определения вещам с позиции интеллектуала.

Так, мы можем сделать вывод, что использование тире Бродским всегда избирательно, точно и направленно на решение строго выверенной художественной задачи. По словам самого автора, поэзия целиком состоит из «лингвистических нюансов» (Бродский). Знак тире можно считать тем самым нюансом, который проявляет особую интеллектуальную направленность поэтических текстов Бродского – в этом и состоит ценность знака для автора. Сходясь с Цветаевой в художественном мироощущении, Бродский видит, как устроен ее текст, а свой текст организует так, как будет *лучше* для выражения его индивидуального замысла и субъективной оценки реальности.

Итак, шкала оценки при выборе знака субъективна: для Цветаевой тире выявляет эмоциональность, для Бродского – интеллектуальность. Выбор синтаксических конструкций объясняется самой «структурой» личности автора, а ценность определенного знака становится индивидуальна для каждого автора текста.

Литература

1. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. 171 с.
2. Бродский И. А. Большая книга интервью. М., 2000. С. 68, 260, 57.
3. Бродский И. А. Об одном стихотворении. Стихотворения, эссе, пьесы / Сост. В. И. Уфлянд; Мн.: Эридан, 1992.
4. Автухович Т. Е. Экфрасисы И. Бродского как метафорическая метафизика любви. Поэтика Иосифа Бродского: разнообразие методологий: материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения И. А. Бродского (Смоленск, 5–7 февраля 2015 года) / сост. и ред. И. В. Романова, И. В. Марусова, Л. В. Павлова. Смоленск: Свиток, 2017. 256 с.
5. Лосев Л. В. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2006.
6. Плеханова И. Формула превращения бесконечности в метафизике Бродского // Иосиф Бродский и мир: Метафизика, античность, современность. СПб., 2000.
7. Чевтаев А. А. Эпика в поэзии И. Бродского: нарратив и художественный универсум. Поэтика Иосифа Бродского: разнообразие методологий: материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения И. А. Бродского (Смоленск, 5–7 февраля 2015 года) / сост. и ред. И. В. Романова, И. В. Марусова, Л. В. Павлова. Смоленск: Свиток, 2017. 256 с.
8. Сигал К. Я. Аксиология и синтаксис // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 4. С. 236–240.

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТ В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Дацко Д. А. (Калининград, Россия)

Аннотация. В статье обсуждается концепция креолизованных поэтических текстов, представляющих собой сложный феномен, отражающий кризис современной поэзии и требующий от читателя определенного культурного контекста для полноценного понимания. Автор выделяет две ключевые тенденции в создании креолизованных текстов: модификацию роли автора и уклонение от традиционных графических канонов. Особое внимание уделяется анализу примеров креолизованных текстов на немецком и русском языках.

Abstract. The article discusses the concept of creolized poetic texts, which represent a complex phenomenon reflecting both the crisis of modern poetry and the necessity for the reader to have a specific cultural context for a complete understanding. The author emphasizes two key trends in their creation: the changing role of the author and the deviation from traditional graphic canons. Special attention is given to the analysis of examples of creolized texts in German and Russian.

Ключевые слова: поэтический дискурс, интернет-поэзия, креолизованный текст, лингвистика текста.

Keywords: poetic discourse, Internet-poetry, creolized text, text linguistics.

Трансформация социально-культурной парадигмы, изменение аксиологического вектора вследствие признания смысловой автономии образа-символа, введения в художественную практику жанров инсталляции, перформанса, видеоарта привели к провозглашению «иконического поворота» («iconic turn» / «pictorial turn») в социальных и философских исследованиях. В лингвистике в связи с этим отмечается тренд на визуализацию, что проявляется в использовании в художественных текстах паралингвистических средств выражения, включающих в себя графическую сегментацию текста, иллюстрации, рисунки и т.д. Очевидно, что образы, изображения наряду с языковыми знаками есть инструменты передачи смысловой информации. Однако, как отмечает Дубовицкая Л. В., «изображения печально известны проблематичностью своего исследования» [Дубовицкая, 2013, с. 25], так как они находятся «на стыке компетенций различных дисциплин и не могут быть подвержены комплексному анализу» [Дубовицкая, 2013, с. 25]. Поэтому для интерпретации текстов, фактура которых состоит из нескольких знаковых систем, было выделено научное направление – лингвистика изображения (Bildlinguistik).

В рамках данной статьи мы обратимся к анализу новейших креолизованных (в зарубежной лингвистике – мультимодальных) поэтических сетевых текстов, созданных на базе немецкого и русского языков.

Креолизованный текст становится предметом исследования во многих научных трудах общелингвистического профиля (Е. Е. Анисимова, 2003; Н. С. Валгина, 2004; Ю. А. Колодная, 2006; И. А. Стернин, 2004; Е. Ф. Тарасов, 2020; А. А. Бернацкая, 2020), а также в работах, посвященных анализу медиа-дискурса и социальной интернет – рекламы (Д. П. Чигаев, 2010; Ю. О. Веревкина, 2010; О. А. Корда, 2013; Е. А. Нежура, 2012; О. Н. Горбачева, 2014). Кроме того, в литературоведении креолизованные тексты изучаются на материале стихотворений А. С. Пушкина (С. А. Фомичев, 1993), В. Хлебникова (Р. В. Дуганов, 1987), А. М. Ремизова (Е. Р. Обатнина, 2003). Проблемами лингвистики изображения занимаются Bucher Н. J., 2011; Stöckl Н, 1998; Fix U, 2002; Große F., 2011; Held G., 2008.

Под креолизованным текстом мы вслед за Ю. А. Сорокиным, Е. Ф. Тарасовым, Е. Е. Анисимовой понимаем текст, «фактура которого состоит из двух разнородных частей: вербальной (языковой) и невербальной (относящейся к другим знаковым системам)» [Анисимова, 2003, с. 12], [Тарасов, Сорокин, 1990, с. 180–181]. Современная Интернет-поэзия – многогранный феномен, базирующийся как на языковых экспериментах, продолжающих традиции авангардизма, так и интермедийных включениях, к которым относятся средства креолизации. В ходе анализа стихотворений, мы выделили две основополагающие тенденции при создании креолизованных (мультимодальных) поэтических текстов. Во-первых, отмечается модификация роли самого автора, который выступает теперь не только в качестве инициатора коммуникативного процесса, в данном случае поэта, но и художника, программиста, дизайнера, музыканта, контент-менеджера. В немецкоязычном пространстве креолизованные поэтические Интернет-тексты – основа творчества преимущественно категории авторов, работающих в двух направлениях – поэзии и живописи (*malende Dichter*): Р. Каур, В. Хубер, К. Экл, Я. Хаузер; А. Халлер и др. Многие из названных авторов являются представителями поэзии социальных сетей. Так, стихотворение Р. Каур „Was für eine vorstellung“ (см. рис. 1), опубликованное на одной из зарубежных платформ, эксплицирует идею о двойственной природе человека, который, несмотря на способность к любви, иногда выбирает иной путь- причинить боль: «Was für eine vorstellung// dass wir so voller liebe sind// und doch lieber// unseren giftstachel nehmen [Kaur, 2017, с. 23] – Что за мысль:// мы так полны любви// и все же предпочитаем// выпустить наше ядовитое жало» (Здесь и далее – перевод автора статьи). В качестве иллюстрации к произведению автор использует изображение скорпиона, символизирующего мстительность, предательство, зло, что визуализирует основную идею стихотворения и позволяет реципиенту более глубоко погрузиться в текст.

was für eine vorstellung
dass wir so voller liebe sind
und doch lieber
unseren giftstachel nehmen

Рис. 1. Стихотворение Р. Каур

знаешь, когда до дрожи,
все принципы и прочее - долой,
не поезды, а твои мягкая кожа
меня возвращают домой.

Рис. 2. Стихотворение Е. Соя

В русскоязычном интернет-сегменте отмечается аналогичная тенденция публикации поэтических текстов в социальных сетях, что предполагает априорность иллюстративного контекста (см. произведения А. Астаховой, С. Моновой, Г. Шипова, Е. Соя и др.)

В качестве примера обратимся к произведению Е. Соя [Соя, 2022] (см. рис. 2). Несмотря на некоторую примитивность языковых средств, поэтический текст поднимает актуальную тему – любви и привязанности, способных заставить человека забыть о внешних обстоятельствах. Образ «мягкой кожи» создает ощущение нежности и интимности, символизирует не только физическое влечение, но и глубокую эмоциональную связь между людьми, что подтверждает иллюстрация к данному стихотворению – две соприкасающиеся руки. Рисунок содержит аллюзию к фреске Микеланджело «Сотворение Адама», на которой основной акцент сделан на жесте двух рук – Творца и Адама. Однако в отличие от композиции Е. Соя, руки, изображенные на фреске, не соприкасаются, так как Микеланджело исключает возможность соединения человеческого и божественного.

Интермедийальные включения категоризируют окружающую действительность не только в лирических стихотворениях. Транснациональный жанр хайку нередко является частью симбиоза текста и живописи. В таком случае принято говорить о произведениях, созданных в жанре хайга. Живопись хайга минималистична и не является иллюстрацией стихотворения, так же, как и использование текста в качестве подписи к изображению неприемлемо, «между ними должно быть художественное взаимодействие» [Welch, 2012]. Так, хайга Р. Линке «Heimreise» (см. рис. 3) («Heimreise // so friedlich // die Welt von

oben – Путешествие домой // так спокоен // мир сверху» [Linke, 2017]) вызывает ряд ассоциаций у реципиента. Лексема «Heimreise» – ключевая в данном произведении, так как функционально она задает общую тему повествования: это может быть как физическое возвращение после долгого отсутствия, так и метафорическое возвращение к чему-то, что знакомо. Сочетание «so friedlich» подчеркивает чувство умиротворения и спокойствия, передает внутреннее состояние лирического героя, который пребывает в гармонии при мысли о возвращении домой. «Die Welt von oben» вносит элементы наблюдения и размышления: взгляд на мир с высоты может символизировать не только физическую высоту (вид из окна самолета), но и более широкую перспективу, позволяющую увидеть картину в целом и оценить свой жизненный путь. Сочетание этих лексем создает контраст между динамикой (Reise) и статикой (friedlich), а также между физическим миром и внутренними переживаниями.

Рис. 3. Хайга Р. Линке

Рис. 4. Хайга А. Жидкова

Современные русскоязычные хайга не всегда отвечают общепринятым канонам данного жанра, но композиционно имеют традиционную структуру для креолизованных текстов: «вербальный + иконический компонент» [Дубовицкая, 2013, с. 18]: в большинстве случаев мы имеем дело с рисунком, который передает содержание текста. Однако здесь также возможны варианты интерпретаций. В частности, хайга А. Жидкова [Жидков, 2016] (см. рис. 4) ассоциативна. Сочетание «хмурое утро» транслирует общее чувство уныния или меланхолии. Такое вступление резко контрастирует с образом снеговика, который, как правило, символизирует детские игры и зимние забавы. Акт кражи морковки может быть воспринят как проявление человеческой природы – склонности к разрушению или игнорированию чужих усилий.

Во-вторых, доминирующим средством креолизации в поэтических текстах становится тактика сознательного уклонения от графических канонов, которая включает в себя ряд графических способов текстовыделения,

отказ от заглавных букв, а также особые случаи структурирования текста. В некоторых произведениях мы имеем дело с языковой игрой, поэтической графикой или конкретной поэзией, которая была популярная в Германии в середине прошлого века (см. рис. 5):

Рис. 5. Стихотворение П. Штайнер [Steiner, 2022]

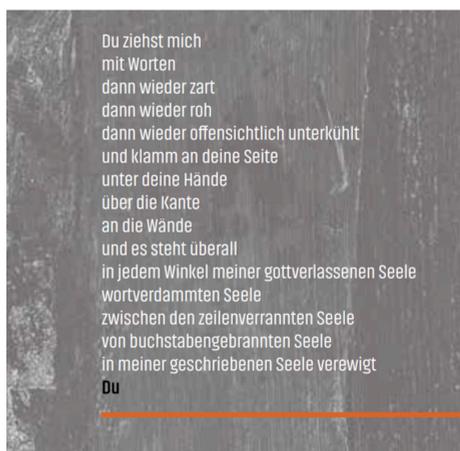

Рис. 6. Стихотворение К. Экл [Ekl, 2018, с. 11]

Однако композиция большинства стихотворений строится посредством текстовыделения или создания специального фона с целью логического подчеркивания определенных элементов произведения. Так, поэтический текст К. Экл (см. рис. 6) (Ты притягиваешь меня // словами // то нежно, // то грубо, // то явно холодно и хмуро, // к твоей душе, // под твои руки, // через край // к стенам, // и это написано повсюду // в том уголке моей покинутой души, // проклятой словами, // между строчками, // предающей душой, сожженной буквами, // в моей написанной душе – вечен ты) представляет собой лирическую исповедь главной героини, которая испытывает эмоциональную связь с кем-то, кто оказывает сильное влияние на ее жизнь. Текст стихотворения не содержит знаков препинания, заглавных букв, что делает его объектом интроспекции: «в первой части автор описывает магическое воздействие слов на него; во второй части транслируются переживания автора» [Дацко, 2024]. Амбивалентность взаимоотношений подчеркивает серый фон стихотворения. Серый цвет базируется на смешении одновременно двух оттенков: черного (символ депрессии, одиночества) и белого (здравомыслие, смиренность).

Подведем итоги. Одна из основополагающих функций традиционного поэтического текста – когнитивная, в соответствии с которой стихотворение стимулирует мыслительный процесс реципиента, побуждает его к размышлению и интерпретации. Бесспорно, креолизованный текст есть

сложное гетерогенное образование, которое включает в себя два основных компонента – вербальный и визуальный. Однако креолизованный поэтический Интернет-текст – это амбивалентный феномен, так как, с одной стороны, это продукт массовой культуры, сочетающий в себе образные стереотипы, упрощающие их восприятие и анализ, что делает допустимым вывод о некотором кризисе современной поэзии; с другой стороны, иллюстративный контекст содержит аллюзии к произведениям художников, что требует от реципиента наличия определенного культурологического бэкграунда.

Литература

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003. 128 с.
2. Дацко Д. А. Способы креолизации в современном немецкоязычном поэтическом тексте // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2024. № 10 (114). Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/sposoby-kreolizatsii-v-sovremennom-nemetskoyazychnom-poeticheskom-tekste.html> (дата обращения: 18.10.2024).
3. Дубовицкая Л. В. Феномен креолизованного текста (на материале креолизованных текстов письменной коммуникации): дис. ...канд. филолог. наук. М., 2013. 161 с.
4. Жидков А. Хайга [Электронный ресурс] URL: a-jidkov.ru/hayga/ (дата обращения: 02.10.2024).
5. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–181.
6. Соя Е. *Знаешь, когда до дрожи* [Электронный ресурс] URL: <https://vk.com/yessoia> (дата обращения: 16.10.2024).
7. Ekl. K. Du ziehst mich // Junge Literatur im Karrée. – München, 2018. S.11.
8. Kaur R. Eine Vorstellung// Milk and honey /Milch und Honig.- München: Lago Verlag, Münchner Verlagsgruppe GmbH, 2017. S. 23.
9. Linke R. Heimreise [Электронный ресурс] URL: <https://www.claudiabrefeld.de/Haiga-im-Focus/Archiv/Haiga-Besprechungen-2023.htm> (дата обращения: 02.10.2024).
10. Steiner P. Liebevolleres Geschreie [Электронный ресурс] URL: <https://texte.wien/text/liebevolleres-geschreie.html> (дата обращения: 21.10.2024).
11. Welch M. D. Verlinkung und Sprung: eine Haiga-Einführung [Электронный ресурс] URL: <https://www.claudiabrefeld.de/Haiga-im-Focus/Archiv/Welch-A-Haiga-Primer.htm> (дата обращения: 02.10.2024).

**АКСИОЛОГИЯ РУССКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА:
ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ БОРИСА РЫЖЕГО**
Зарецкая С. А. (Тайбэй, Тайвань)

***Аннотация.** Русская поэзия всегда славилась своей глубиной и богатством смыслов. Одним из ярких представителей современной русской поэзии является Борис Рыжий, чьи стихи пронизаны особым эмоциональным зарядом и философским подтекстом. В данной небольшой статье мы погружаемся в мир аксиологии русского поэтического текста, используя поэзию Бориса Рыжего в качестве иллюстративного материала.*

***Abstract.** Russian poetry has always been famous for its depth and richness of meanings. One of the brightest representatives of modern Russian poetry is Boris Ryzhy, whose poems are imbued with a special emotional charge and philosophical overtones. In this article, we dive into the axiology of the Russian poetic text, using the poetry of Boris Ryzhy as illustrative material.*

***Ключевые слова:** аксиология, русская поэзия, Борис Рыжий.*

***Keywords:** axiology, Russian poetry, Boris Ryzhy.*

Аксиология в контексте поэзии относится к системе ценностей, которые автор выражает через свои произведения. Это не только отражение личных убеждений и мировоззрения поэта, но и способность вызывать у читателя определенные эмоции и размышления. Аксиологию в поэтическом тексте мы рассмотрим на примере поэзии прекрасного современного российского поэта из Екатеринбурга Бориса Рыжего, к сожалению, очень рано ушедшего от нас, и которому в этом году исполнилось бы 50 лет.

По словам Е. Рейна, поэт Борис Рыжий был одним из самых ярких и талантливых поэтов своего поколения, который оставил после себя глубокий след в русской литературе. Рыжий – это поэт-мистификатор, который стал отражением эпохи. Можно с уверенностью сказать, что его поэзия является ярким примером того, как посредством поэтического текста можно выражать сложные философские и этические вопросы, ставить в центр внимания актуальные для автора и читателя ценности. Его работы призывают читателя задуматься о смысле жизни, свободе, смерти и человеческих отношениях. Аксиология его поэзии помогает исследовать эти темы глубже и развивать личные взгляды на мир.

Стихи Бориса Рыжего выделяются своей особенной искренностью, пронизывающей каждый образ и каждую строку. Но что же делает творчество Бориса Рыжего таким уникальным? Прежде всего, это его способность передать атмосферу суровой действительности 90-х годов в России. Борис Рыжий писал о жизни простых людей, тех, кто жил в условиях безысходности, бедности и насилия. Его поэзия полна образов из повседневной жизни, в которых звучат

отголоски личных трагедий, социальных проблем и болезненных раздумий. Он с особой точностью передавал тяготы и внутренние переживания человека, пытающегося найти смысл и красоту в мире, полном хаоса. Борис Рыжий любил своего героя, поэтому в душе самого убогого и пошлого человека как бы живет некая музыка (и именно музыка становится ведущим мотивом книги Бориса). «Она заглушена бытовым скотством, нищетой личности, виноватой в собственном ничтожестве, обстоятельствами подлой социальной реальности. Но она есть. Точно так же, как в нашей чудовищной и кровавой советской действительности в потенции присутствовал порыв к справедливости и всеобщему счастью» [Фаликов, 2015, с. 39]. Музыка в стихах Б. Рыжего мы слышим постоянно почти в каждом стихе, где мы встречаем таких героев, как трубач и скрипач: *Я тоже стану музыкантом / и буду, если не умру, / в рубахе белой с синим бантом / играть ночами, на ветру. / Чтоб, улыбаясь, спал пропойца / под небом, выпитым до дна. / Спи, ни о чем не беспокойся, / есть только музыка одна* (1998); *Прошел запой, а мир не изменился. / Пришла музыка, кончились слова. / Один мотив с другим мотивом слился* (1996); *Под сине-голубыми облаками / стою и тупо развожу руками, / весь музыкою полон до краев* [Рыжий, 1999].

Борис Рыжий много пишет о родине, о его России. У него она невеселая, страшная, но это можно объяснить тем временем, которое называется «лихие 90-ые». Можно отметить, что в стихах прослеживается вся биография Бориса Рыжего, которая в свою очередь отражает историю страны, а также его ценности: детство, юность, любовь, дружбу, развал страны, отношение к Богу (который у него постоянно присутствует вместе с ангелами и голубыми небесами) и т.д.: (о детстве) *Детство золотое, праздник Первомай – / только это помни и не забывай... / Потому что в школу нынче не идем. / Потому что пахнет счастьем и дождем; Там вечером Есенина читали, / портвейн глушили, в домино играли. / А участковый милиционер / снимал фуражку и садился рядом / и пил вино, поскольку не был гадом. / Восьмидесятый год. СССР* [Рыжий, «Первое мая», 1995]. В стихотворении «Глупая проза» (1994) мы видим историю его первой школьной любви: *Пять лет подряд мне снилась только ты – / пять лет назад впервые я увидел / тебя, среди комсомольской толчи. / И – человек, которому не место / в советской школе – к явным недостаткам / своим в тот день еще один прибавил, / заранее окрестив его – любовь; (о друзьях) А теперь кто дантист, кто говно / И владелец нескромного клуба. / Идиоты. А мне все равно. / Обнимаю, целую вас в губы; (образование) Вот и стал я горным инженером, / получил с отличием диплом* [Борис Рыжий, 1996].

В поэзии Бориса Рыжего мы наблюдаем лиризм, сочетающийся с грубой реальностью, эмоциональную глубину и метафоричность. Это поэт, чьи стихи пронизаны глубокими эмоциями, часто нестандартными образами и метафорами. В его поэзии часто встречаются такие темы, как отчуждение,

одиночество, стремление к свободе и необычные взгляды на жизнь. Привлекая внимание к обыденным вещам, он делает их символами внутреннего мира человека, вызывая сопереживание и восприятие. Непосредственно связана с этой и другая важная тема в творчестве Бориса Рыжего. Это тема обоснования гуманизма, оправдания ценности бытия простого человека – единицы среди миллионов и миллиардов других человеческих единиц. Он писал, что любой человек хрупок, он счастлив или несчастен, любит и умирает. Неотъемлемой частью поэзии Бориса Рыжего является тема одиночества, отчаяния и пессимизма.

Несмотря на внешнюю простоту и доступность его стихов, в них часто звучит глубокая тоска и ощущение безвыходности. Он писал о том, что было близко ему самому, о своих личных потерях и страданиях. Это делает его стихи невероятно искренними и трогательными, проникающими в самое сердце: *Я пишу ни о чем. Да имей ты хоть сотню друзей, / одиночество – в жилах* [«Суждения», 1993]; *Сколько было всего. / Как легко забывается детство / и друзья. Я могу оглядеться, / а вокруг – никого* [«Кальян», 1993]; *Прочел судьбу, но ничего не понял. / К одним ударам только и привык, / к ударам, от которых, словно зубы, / выпадают буквы изо рта. / И пахнут кровью* [«Завещание», 1993]; *Никого не виню, / что порой легче тело содрать, чем пальто. / Все гниет на корню. / Я не ведаю, что я и кто. / Я, как жгут, растянул окончания рук, я тянулся / к звезде. / Мне везде было плохо и больно. Везде. / От себя не уйти. / Что-то колет в груди. / И качаются тени. / На стене. И закат непохож на рассвет. / Я, войдя в этот мир, оказался в чужом сновиденье. / Пробуждения нет* [Рыжий, 1993].

Однако в его стихах есть и надежда, поэтому в них так много неба и синего цвета – цвета небес. Когда читаешь поэзию Б. Рыжего, в сознании складываются следующие ассоциативные цепочки слов: цвета – синий, сине-голубой, синеватый, бледно-синий, голубой, небесный, небесно-голубой, сиреневый, лазурный, морской, седой, белый, прозрачный, хрустальный; часто повторяющиеся существительные – небеса, облака, бездна, звезды, фонари, крыши, море, музыка, скрипач, трубач, ангелы, Бог. Видно, что он стремился наверх, его крыши – это дорога на небо. Кажется, что он не умирает, а бежит по крышам и улетает куда-то на небеса: *В провинциальном городке, / когда в кармане ни копейки, / с какой-то книжечкой в руке / сидишь и куришь на скамейке / и в даль бесцветную глядишь / и говоришь как можно тише: / взлететь бы, право, выше крыши* [Рыжий, «В провинциальном городке», 1996]. В его поэзии очень много неба, причем эпитетов к небу практически нет, поскольку небо в эпитетах не нуждается. «Создается впечатление, что он неотрывно смотрит в высь небесную, пытаясь достать пространство заоблачного – и достает. Он, Борис Рыжий, каким-то интуитивным образом знает, что самый последний вор и поэт будут благославлены этим – одним на всех, под которым каждый из нас ходит, – небом» [Шарлай, 2004, с.4]: *И только небо, может быть, / глядело пристально*

и нежно / на относившихся небрежно / к прекрасному глаголу жить [Рыжий «В те баснословные года...», 1997]. Он писал, что только небеса делают твою жизнь прошедшей недаром: *Поздним вечером на кухонном балконе, / закулив среди несданной стеклотары, / ты увидишь небеса как на ладони / и поймешь, что жизнь твоя пройдет недаром* [Рыжий, 1994]. Синие или голубые облака в его стихах всегда летят, парят, с ними летит листва, все это предвещает вероятность немислимой музыки: *На бесконечно синем фоне / горит заката полоса. / А там – за этой полосой, / что к полуночи догорит – / угадываемая мною / музыка некая звучит* [Рыжий, 1998].

Мир индивидуальных ценностей Бориса Рыжего тесно переплетается с его окружением и социальными группами, в которых он жил. Как мы уже говорили, поэт родился и вырос в индустриальном городе, где на фоне разрушенных идеалов советской эпохи формировался новый социум. Именно это окружение стало источником вдохновения для его творчества. Он не отстранялся от реальности, а глубоко переживал ее, превращая личные страдания в универсальные темы. В этом контексте индивидуальные ценности Бориса Рыжего включают в себя глубинное понимание человеческой уязвимости и поиск искренних чувств. Для него важно было оставаться верным себе, своему внутреннему миру, несмотря на давление внешних обстоятельств. Поэт чувствовал себя частью своего общества, но одновременно оставался над ним, как наблюдатель, способный увидеть скрытую правду о жизни и передать ее через свои стихи. Борис Рыжий создал уникальный мир, в котором индивидуальные ценности переплетаются с тем, что происходило вокруг него. Его поэзия стала голосом целого поколения, затронувшего социальные и личные драмы постсоветской эпохи.

Нельзя не упомянуть и его своеобразное отношение к времени. В стихах Рыжего чувствуется постоянное присутствие прошлого, которое влияет на настоящее и будущее. Он часто обращается к воспоминаниям, переживая их заново, и это делает его поэзию такой ностальгической и одновременно трагичной.

В стихах Бориса Рыжего много написано о смерти: *Ночь, как любовь, чиста. / Три составляющих жизни: смерть, / поэзия и звезда* [Рыжий, 1996]. Однако, как мы уже упоминали выше, хотя Борис Рыжий много пишет о смерти, его поэзия не мрачная, а светлая, в ней много света, она наполнена синими небесами, музыкой и любовью. «Парадокс поэзии, да и жизни Бориса Рыжего, в том, что сколько бы ужасного и страшного он не описывал в своих стихах, почти так же сильно, как он ненавидел многое из того, что его окружало, он это же самое безумно любил. Любил так, как ребенок любит свою мать – не просыхающую алкоголичку» [Абрамов, 2008]. В своей предсмертной записке поэт написал: «Я всех любил без дураков».

Читая поэзию Бориса Рыжего, мы видим систему его ценностей, четко понимаем его отношение к миру, к людям. Мы видим, что за свою короткую

жизнь он расставил правильные акценты, и его короткая жизнь была светлой, яркой, интересной и честной, и в конце Бог с ангелами забрали его в синие небеса, о которых он так много писал и о которых так мечтал: *Родная, мы будем жить здесь, где нет прохожих, / где лишь созвездья. И пить сплошные сухие вина. /... Ветры утихнут. Слезы пойдут на убыль* [Рыжий, 1992].

Таким образом, изучение аксиологии русского поэтического текста через призму поэзии Бориса Рыжего позволяет нам раскрыть богатство и многогранность русской поэзии, ее способность к передаче глубоких эмоций и философских размышлений. Стихи Бориса Рыжего уникальны своей искренностью, глубоким лиризмом и способностью передать сложные эмоции через простые образы. Они отражают не только жизнь автора, но и целую эпоху, наполненную противоречиями и потерями. Его поэзия остается актуальной и сегодня, трогая сердца новых поколений читателей, а сам поэт Борис Рыжий «... и те, кого я сочинил, плюс эти, кто взаправду жил, и этот двор, и этот дом летят на фоне голубом, летят неведомо куда – красивые как никогда... [Рыжий, 1998].

Литература

1. Абрамов А. Статья о Борисе Рыжем [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2009/09/09/4880> (дата обращения: 04. 09. 2024).
2. Рыжий Б. В кварталах дальних и печальных... (Избранная лирика. Роттердамский дневник). [Электронный ресурс]. URL: <http://coollib.com/b/227790/read> (дата обращения: 10. 05.2023).
3. Шарлай М. Поэзия Бориса Рыжего: избирательное средство // Урал, 2004, № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2004/5/shar23.html> (дата обращения: 30. 08. 2024).
4. Фаликов И. Борис Рыжий. Дивий Камень // ЖЗЛ, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://pdf-book.ru/books/istoricheskaya-proza/86472-ilya-falikov-boris-ryzhii-divii-kamen.html> (дата обращения: 02.08. 2023).

НОВЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ПАРАДИГМЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Ионова С. В. (Москва, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о формировании новых аксиологических систем в изменяющихся условиях цивилизационного слома. Анализируются тексты произведений, изданных в сборниках современной патриотической поэзии «Своих не бросаем!» (2022), «Позывной – Победа» (2022), «За други своя» (2022).

Abstract. The article considers the question of formation of new axiological systems in changing conditions of civilization layer. Texts of works published in the

collections of modern patriotic poetry «We do not leave our own!», 2022. «Call sign is Victory», 2022, «For friends of yours», 2022 are analyzed.

Ключевые слова: *ценностная парадигма, базовые ценности, аксиологическая сфера, современная патриотическая поэзия.*

Keywords: *value paradigm, basic values, axiological sphere, modern patriotic poetry.*

Каждая общественно-историческая эпоха знаменуется образованием свойственной ей парадигмы ценностей и пересмотром системы ценностей, норм, установок, миропонимания людей предшествующих эпох. Изменения в аксиосферах чаще всего происходят на этапах цивилизационного слома, который сопровождается изменениями как локального, так и мирового масштаба, затрагивает жизнедеятельность отдельных личностей и целых сообществ как на микро- и на макроуровне, предполагает поиск новых траекторий развития [5: 7].

Аксиологическая сфера как подсистема образа мира является нежесткой структурой и допускает множественные переходы и обновления в ценностных системах, определяет ориентиры новых аксиологических парадигм [10; 8: 146]. Состояние кризиса сознания создает ситуацию выбора приоритетных аксиологических установок, что можно увидеть в письменных текстах разных эпох.

Однако в последние годы с ценностями глобального мира, распространяемыми в виртуальном пространстве, стали уверенно конкурировать антиглобальные ценности – «аксиологические системы, формировавшиеся на протяжении веков и тысячелетий и служившие своеобразными генетическими кодами различных культур и цивилизаций» [9: 73]. Их актуализация сопровождается ростом патриотических настроений в обществах, волнами этнического сопротивления и межэтнических конфликтов.

Военные события в нашей стране и мире породили условия, в которых отчетливо выразилось новое отношение значительной части россиян к жизни, вечным ценностям, институциональному и семейному укладу, бытовым фетишам, культурным кумирам и идолам, которые были привычны и важны большинству людей еще несколько лет назад, являясь маркерами благополучной жизни. Это подтверждается сопоставлением и объединением материалов социо- и психолингвистических исследований последних лет [6], отражено в интерактивной карте базовых ценностей городов России [2]. В списке из 35 базовых ценностей при помощи массива экспериментальных данных было установлено десять наиболее значимых ценностей для жителей различных регионов нашей страны, которые в совокупности представляют аксиологическую парадигму россиян последних лет: здоровье (более 80 %),

семья (более 70 %), счастье (более 60 %), любовь (более 60 %), безопасность (около 60 %), жизнь (более 50 %), дружба (более 50 %), деньги (около 50 %), комфорт (более 40 %), доверие (около 40%). Ранжирование ценностей по их весомости позволило построить статистическую иерархию. Так, иерархия ценностей для москвичей с учетом их ассоциативных полей представляет собой следующую систему: 1) семья, 2) жизнь, 3) здоровье, 4) любовь, 5) безопасность, 6) счастье, 7) мир, 8) дружба, 9) уважение, 10) честность. В регионах России отмечены незначительные различия в иерархии ценностей, выделяемой на основе их весомости, что отражает общую стабильность ценностной системы социума, но в то же демонстрирует культурные трансформации ценностных парадигм, в которых значимое место занимают в том числе аксиологические понятия, связанные с комфортом, самореализацией, творчеством личности, такое универсально значимое понятие, как жизнь, занимает не выше 3 и 4 места, а безопасность, как базовое понятия (по системе А. Маслоу) – не выше 6 и 7 места [2].

Ценности мирного бытования окончательно не исчезли в условиях проведения военной операции, поскольку они были сформированы всем ходом жизни нашей страны, ее историй, культурой и воспитанием молодых поколений, но аксиологическая система в целом получила реализацию в новых исторических и социально-политических условиях. В наиболее отчетливом виде их можно проследить в литературных текстах, новейших поэтических текстах, возникших с началом специальной военной операции и отражающих процесс и пути трансформации содержания привычных систем ценностей.

В качестве материала для анализа рассмотрим сборники стихов *«Своих не бросаем!»* / Сост.: В. А. Силкин, И. Е. Витюк. – М.: Центральный Дом Российской Армии имени М. В. Фрунзе, 2022. – 104 с. (далее СНБ), *«Своих не бросаем»*. – Тверь, 2022 г., 117 с. (далее СНБТ); антологии современной патриотической поэзии *«Позывной – Победа»*. – М.: Вече, Союз писателей России, 2022. – 288 с. (далее ПП); *«За други своя»*. – М.: Вече, 2024. 512 с. (ЗДС). Авторы данных сборников – поэты Центрального Дома Российской Армии имени М. В. Фрунзе, члены литературного объединения имени Героя Советского Союза писателя В.В. Карпова при военно-художественной студии писателей ЦДРА, поэты Московского и других регионов России, в том числе руководители Союза писателей России, а также защитники и мирные жители населенных пунктов Донецкой и Луганской Народных Республик.

Война является ценностной константой общества на протяжении всей истории человеческой цивилизации, ее принято квалифицировать как одну из главных антиценностей [8], противоречащий самому онтологическому принципу гуманизма. В системе ценностей массовой культуры война рассматривается иначе: «Война (фильмы, компьютерные игры) стала своего

рода бизнесом, а ее результаты оцениваются в виде прибыли и убытков. Часто мы слышим в сводках новостей о том, сколько денег было израсходовано на ту или иную военную операцию, сколько стоил каждый израсходованный боеприпас и снаряжение для солдат. Слышим мы и о том, как на войнах зарабатывают тем или иным способом (от военных заказов до захвата ресурсов противника). Человек из этой схемы вычеркивается, превращается в дешевую боевую единицу, придаток к технике, особенно с развитием информационных технологий и высокоточного оружия. Потери среди гражданского населения давно уже становятся привычными и даже обыденными фактами новостной хроники» [7: 47]. Перемещение оценочной позиции авторов – от восприятия рассказов о войне к непосредственному участию в боевых действиях – дает нам возможность посредством текстов современной патриотической поэзии увидеть процесс формирования новых ценностных приоритетов и особого мировидения авторов.

Современной патриотической поэзии во многом удастся вернуть войну в систему главных антиценностей, рассмотреть эту тему в контексте традиционной военной поэзии XX века, продемонстрировать ее античеловеческую сущность, оценить ее разрушительную сущность. Современные военные действия определяются как *странная, иная война; такая, какой еще не было; она подлая, лживая, бьет из-за спины*. При этом она одновременно *бесконечная «работа» и былинная сеча* (СНБ, 2022; ЗДС, 2024); *Были войны после сорок пятого / а подобной не было пока* (ПП, 2022).

Цели такой войны в произведениях современных авторов не похожи на цели захватнических войн Запада и выражаются следующим образом: *Нам ваши не нужны столицы* (Силкин, СНБ, 2022); *Спасем измученный народ / Нам зло пресечь давно пора* (Москаленко, СНБ, 2022); *Со своей страной родною / Не дадим втоптать нас в грязь* (Силкин, СНБ, 2022); *Мы защитим ее снова / Мощь в нашей армии есть* (Силкин, СНБ, 2022); *Чтоб вырвать Киевскую Русь / Из лап нацистских палачей* (Витю, СНБ, 2022); *От фашистских бандитов спасая / И родной нам украинский народ* (Савицкий, СНБ, 2022); *Но эту землю, нашу славу / Не отдадим мы им с тобой* (Силкин, СНБ, 2022). Действия армии характеризуются глаголами: *не отдадим, отстоим, спасем, поможем, перемелем вражью мразь, вступим в единоборство, не отступим, не предадим память*. Таким образом, война в патриотической поэзии осмысливается не как наступление и захват территорий, а как защита и спасение родины, миссия, долг, который обязано выполнить новое поколение бойцов.

Сквозной для произведений современных авторов выступает тема исторической памяти и связи поколений: *Своих не бросаем, как дед в сорок пятом / Мы снова с победой вернемся домой; Не расслабляйтесь, русские князья / В покое не оставят печенеги* (Иванов, СНБ, 2022); *Живут в них Платов*

и Сусанин / Кутузов с Жуковым живут (Леонов, ЗДС, 2024); На нас глядят из бронзы наши деды / И мы не позабудем их имен; Гремела на южных просторах / Победная поступь полков / Потемкин, Великий Суворов / Румянцев и Ушаков (Шигин, СНБ, 2022); Солдаты России, здесь – древняя Русь! (Савицкий, СНБ, 2022); И голос деда-героя войны – зовет через ночь и лед / «Вставайте солдаты русской весны / Строй выровнять! Наш черед» (Семенов, ЗДС, 2024).

События нашего времени оцениваются в контексте всей истории России, начиная с древних времен. И связь поколений – это то, что определяется авторами как долг солдат, сражающихся на полях современных сражений, перед старшими поколениями победителей во Второй мировой войне и будущими поколениями: *Опять у нас стреляют, слышишь прадед; Что я скажу на это внуку; И поднимается снова / Нас защитит Сталинград; С нами погибшие деды / Смотрят сквозь вечную тьму (Силкин, СНБ, 2022); Поверь, отец, они не дрогнут / Поверь, отец, – не подведут! (Коростелева, ПП, 2022).*

Столкновение противоборствующих сторон в современной военной поэзии характеризуются как выбор, в котором каждый волен определить для себя, кто «свой», а кто «чужой». Для авторов стихотворений «свои» – это те, для которых Россия – это *родная сторона, родная страна, родная страна, любимая Россия, Россия милая, страна огромная, Москва, своя земля, родимые места, родина любимая, родная праведная Русь, божественная Русь, Родина-мать, единственная мать, светлого света сторонка, Киевская Русь, отчизна своя вещая страна.* Это защитники своей страны – *Армия родная, бойцы, ратники, витязи, защитники, рать.*

«Чужие» для них – это абстрактный враг, некая темная сила, сила зла: *враг, вражья мразь, вражья сила, нечисть, враги России, вороги, басурманы, темные силы, воры, злые силы, зло, безумные силы, нелюди, жалкие бесы, упыри, воронье, Люцифер;* носители нацистской, фашистской идеологии, современные продолжатели мировых войн: *нацисты; фашисты; либералы-пацифисты; сегодняшняя Антанта; оккупанты; фашистские бандиты; нацистские палачи; нацисты богомезкие; каратели; немчины.* Именно для такого понимания врага используется в анализируемых текстах наибольшее число историзмов и образно-оценочных обозначений: *печенеги, гады, стыдливыцы, шарлатан, воры, брат-предатель, мелкие личности, мир греха, свора, сошедшая с ума; «кодла»; необузданные, злые и прожорливые псы, волки в шкурах овечьих.* Они демонстрируют тесную связь происходящего с историческим прошлым, интерпретируют его сквозь призму философских и религиозных смыслов, выявляют предметное содержание предельных понятий добра и зла (см. названия стихотворений разных авторов: «Русский долг», «Русское солнце свободы», «Предвестье эпохи любви», «Опять о мире и войне», «Горловская Мадонна», «Наше дело правое», «Жизнь за отечество», «Если надо стране...», «Не измени своей земле» и др.).

В ряде контекстов исторический аспект в описании «чужих», врагов конкретизируется указанием на современных участников военных конфликтов: *оккупанты со всей Европы, Европа, богемная Европа, англичане, немцы, западенцы, янки*. Лишь ограниченное число контекстов указывает на тех, кто воюет в качестве карателей на стороне Украины, при этом название страны употребляется лишь в обобщенном обозначении, как сторона конфликта (Украина): *бандеровцы, украинские каратели, злой сосед, бывшие братья, не братья*. Но никогда в качестве врага не называется украинский народ, города и земли Украины. Несмотря на противостояние военных машин государств, авторами-фронтвиками отчетливо передается идея неразрывной связи народов России и Украины. См., например, в стихах неизвестного автора:

*В окопе, в черной жиже рядом два трупа- русский и хохол,
Убитые шальным снарядом, направив друг на друга ствол <...>.*

*По списку вычеркнут их номер, прими их, Господи, под длань:
Микола Иванов, Житомир. Иван Онищенко, Рязань...*

Концепт «русский» в различных контекстах военной поэзии наполняется высокоположительным оценочным содержанием (*Русский мир, русский, русская душа, русские братья, небесная русская сень, мы из русского металла*) и напрямую связывается с понятиями России, родины, мира, добра, братства, гордости писателей от того, что они принадлежат этому героическому народу: *Мы Русские, с нами Родная страна; Для русских людей вечно Родина свята; Мы Русские, мы очень мирные люди; И каждый, кто с нами, навеки нам брат (Шачнев, ЗДС, 2024); Разбудить, закрепить эту гордость / Я русский солдат! (Лукин, ЗДС, 2024; Навсегда придут и встанут / Наши русские полки (Шорохов, ЗДС, 2024); Великий русский наш солдат! (Ананичев, ЗДС, 2024).*

Значительное место в текстах исследуемых стихотворений занимает традиционная для военной литературы идея о нравственном выборе перед лицом угроз и долге человека и человечества перед страной и будущими поколениями. Моральные категории, которые актуализируются в стихотворениях, контрастируют с ценностями мирного времени, получают наполнение в описываемых ситуациях как обновленные понятия: *Из жизни стали исчезать / Слова: присяга, подвиг, верность (Г. Иванов, СНБ, 2022); Помня твердо про верность, про мужество, честь / Подошли мирно наши ребята; Наша оружие – слово / Выдержка, слава и честь (Савицкий А. СНБ, 2022)*. Изменение аксиологических приоритетов демонстрируется, в частности, в следующем примере:

Они садятся за небесные столы, а мы – оставшие до времени тылы,

Вчера уверенные: тот передовой, кто не в окопе и не на передовой (Расторгуев, ПП. 2022).

Такие общечеловеческие эмоции, как *гнев, страх, ужас, тревога, жалость, стыд*, которые отчетливо освещались в военной поэзии 1945–1945 гг. (*Кто*

говорит, что на войне не страшно / Тот ничего не знает о войне (Ю. Друнина)), важны и для современной военной поэзии: *Ну, что Серега, страшно было? / Да, нет дружище, так чуть-чуть; Слепая ярость плещется в траншеях; И над людьми сгустился страх; От ворога, от боли и от страха (СНБ, 2024).* Отметим, однако, что собственные переживания в ней всегда выступают в качестве повода для рассуждения о более высоких чувствах и ценностях [4], которые выводят изложение за пределы личных переживаний. Так слово *страх / страшно* в стихотворениях переносятся на такие ценности, как родина, русский язык, жизнь, смерть: *Страшное это кино / Ведь не бывает соседского горя / Горе на свете одно; Как это страшно без хлеба и света (Силкин, СНБ, 2022); Когда же злоба в кротость обратится? В святую и небесную любовь?! (Витюк, СНБ, 2022).* Они тесно связаны с социальными и личными чувствами [4] любви, гуманизма, стыда, гордости, патриотизма: *Всегда гордиться Родиной своей / Как матерью единственной своей; Что же вы стреляете ей в спину / Где же ваша совесть, господа?; Это стыдно, а точнее, подло / Бить военных воплями под дых; Кем гордиться мне на этом свете? / Это однозначно, что тобой (Силкин, СНБ, 2022).*

Понятие смерти в стихотворениях бойцов и командиров не означает окончания жизни и не противопоставляется ей, а оценивается как продолжение жизни и борьбы в другом качестве: *Верят, что бессмертные / Смерти не бывает; Возвратившись, воины / Смерти не боятся (Волк, ЗДС, 2024); с ними в окопах невидимым строем / погибшие братья с молитвой стоят (Волк, ЗДС, 2024); Не жалею, что погиб я до срока / И не плачь по мелькнувшей судьбе / Буду жить я в написанных строках / В звуках слов, что оставил тебе (Попов, ЗДС, 2024).* Изображение гибели бойцов, жертв на полях сражений не является самоцелью, не представляет главного смысла и центра переживания, вероятно, поэтому эти понятия, как правило, эвфемизируются, подаются в форме художественных образов и описательных оборотов: *знамена падают из мертвых рук; кто уже в небесах; траурные ленты на портретах; врати в гранит; душами засеяла пашни до горизонта Русь; ох не клюй ты, черный ворон, очи черные мои!; с ними в окопах невидимым строем / погибшие братья с молитвой стоят; Мать-земля, не готовь им объятья; его ангел крылом не сокрыл без следа; снайпер цель разглядел – его сердце в огне; для двухсотых ребят закуток; куда ни пойдешь – твои кости лежат; лежит недвижим; был снег от нашей крови ал; безжалостно кровь убегает из непокорных голов; навек покинувшие войну; на полях, пять лет не вскопанных, растаять в травах сентября; оставшиеся в крепких объятьях полей.*

Моральные ценности, возвышающие общечеловеческие идеи гуманизма, в современной патриотической поэзии относятся к силам добра и света: *Защита Родины – мой долг и крест / И путь защитника и свят и светел (Москаленко, СНБ, 2022).* Рассуждения о темных и светлых силах, их

противоборстве, авторы определяют смысл того столкновения, в которое оказались втянутыми братские народы: *Мы – воины добра теперь / Наш путь возвышен, но кровав; Запад – дорога, открытая к смерти, Русский Восток – обретение жизни* (Витюк, СНБ, 2022); *Вас называю воинами света За молодость на алтаре войны* (Волк, ЗДС, 20214); *Такие дни, что сердце лихорадит / И светлое у темного в тени; Ах ты, светлого света сторонка / Ах ты горькое горе мое* (Силкин, СНБ, 2022); *Он восстает над бездной темной / В единоборстве с тайным злом* (Котюков, СНБ, 2022); *Ищем своих, только кто нам свой? / Тот, с кем светло, как днем!* (Арутюнов, СНБ, 2022);

Суждения о высших смыслах добра и зла неизбежно определяют обращение к ценностям христианской веры и морали: *Чтоб спасти от смерти Человечество / Для того и создал русских Бог!* (Харитонов, ЗДС, 2024).

Обращение к религиозным понятиям, атрибутике, священным текстам в анализируемых стихотворениях современного воинства, преимущественно невоцерковленного, действует по древним заповедям: не снимать креста, не предавать отечество и веру, свято чтить память предков, биться до последней капли крови, не запятнать чести. Частотность лексики и устойчивых оборотов религиозной сферы в военных стихах подтверждает известную мысль о том, что на войне не бывает атеистов: *Духовной молитвы священное пламя / В окопах сырых согревало солдат; Мы нательных не снимаем крестов; И даже крестики на шею / На штампе сделаны одним; Я, весь закованный в броню, / На теле поправляю крест; Алтарь войны – алтарь любви без меры / Нет на земле святее алтарей; Светится, теплится иконостас; И русский знает, смерти в Боге нет; Заслышав Благовест / увидев русский Православный крест; И в бездне дней идет Крещение / Крещение новое Руси; молитвой мы дотянемся до Бога и др.*

Стилистика стихотворений отличается от публикаций о СВО в медийных изданиях и газетной прозе [Ионова, 2023]: в них нередко используется библейская фразеология, речевые обороты, которые маркируют высокий стиль, отступление от бытового описания военных событий, показывают, как заново осваиваются и осознаются авторами указанные понятия при воссоздании военных ситуаций: *В дозоре против святотатства; С Победой – смертью смерть поправ; Уходила рота / В райские ворота; С Россией Бог!; Мы все у Бога на примете; От плевел зерна, правду лютую от лжи / Когда умеешь, отдели и одолжи* (Расторгуев, ПП, 2022) и др.

Для многих произведений военных авторов характерна апелляция к высшим силам, упоминание имени Божьего в молитвах. Помимо жанра молитвы матерей, жен бойцов, в сборниках имеется значительное число примеров обращения к высшим силам за поддержкой в бою самих солдат и офицеров: *Прими их, Господи, под длань; И вы, други, тоже в легионе Божьем / Присмотрите там за нами свысока; Снова к Нему возвращаем взоры; Господи, скрой от*

борзых писак / Милость неслыханную яви; Господи Боже / Сойди с креста / И погибать не смей!; Дай терпения, Господь!; Дай, Бог, вернуться без потерь; Небо, слышишь / Дай десанту силы! Функции этих обращений здесь не столько в просьбах солдат и командиров сохранить их собственную жизнь, укротить страх перед смертью, сколько просьбы поддержать священную борьбу с врагом, помочь выдержать все испытания, не запятнав чести: *Господи, слышишь ли / Не тяни! / Коль на расправу скор / То, что свершается в эти дни / Слава ли позор? (Арутюнов, СНБ, 2022); Послужим верой! Господи, спаси / Став офицером святой Руси (Витюк, СНБ, 2022).*

Россия в борьбе с наследниками фашизма для военных поэтов – это *родная праведная Русь, святая Русь*, именно поэтому размышления о ней в произведениях тесно связаны с такими понятиями, как *вера, душа, духовность, русская идея, святой и небесной любви, древних святынь*, что, по нашему мнению, определяет безусловное своеобразие видения современными поэтами войны и ее места в современной реальности.

Обобщая обзор произведений анализируемых сборников стихотворений патриотической поэзии нашего времени, можно без сомнения говорить о том, что в них с очевидностью выстраивается иерархия ценностей современного человека, переживающего войну. В ней актуализируются и заново осмысливаются понятия патриотизма, родины, воинского долга, чести, храбрости, воинского братства, жалости к ненависти к врагу, гордости за свою историю и подвиги прославленных предков; выражается осознанное восприятие современниками себя в качестве русских. Все эти понятия демонстрируют, что человек, побывавший на войне, уже не может быть прежним. Война знаменуется разрушением существующего политического равновесия, разрывом контактов и отношений, уничтожением связей, традиций, трансформацией ценностных систем [Демченко, 2016]. В связи с этим апелляция к нормам, законам, правилам, общественным установлениям, критериям справедливости мирного времени в ситуациях военного противостояния невозможна. Аксиология мирного времени в сознании фронтовиков изменяется под влиянием новых, более важных идей, соотносящихся с базовыми ценностями человеческой жизни и духовными ценностями.

Объединяющим началом различных аксиологических систем здесь выступает поиск высших смыслов бытия, идентификация себя и своих сторонников с силами добра или зла, поиски объяснений сложившихся политического, военного, идейного противоборства в мире с позиций философских и религиозных идей, осмысление существования человека в новых условиях, разделенных периодом страшных военных событий.

Изданные сборники военных стихотворений, анализируемые в данной статье, призваны послужить тем корректирующим фактором, который способен осуществить трансфер новых ценностных систем в сознание тех, кто

не бывал в зонах военных действий, но с ответственностью воспринял опыт бойцов, воплощенный в стихотворной форме.

Литература

1. Демченко Т. И. Диалектика и политика войны // Lex Russica, 2016. – № 5 (114). – С. 81–104.
2. Интерактивная карта базовых ценностей городов России / Под ред. В. А. Пищальниковой. – М.: МГЛУ, 2024. Режим доступа: https://science.linguanet.ru/wp-content/uploads/2022/12/%D0%9A%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%90-%D0%A6%D0%95%D0%9D%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%95%D0%99_%D0%A1%D0%BE%D0%BA%D1%80.pdf.
3. Ионова С. В. Язык войны: расширение кода и эмоциональное воздействие // В сборнике: Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VIII Международной научной конференции. – Донецк: Изд-во ун-та, 2023. – С. 147–149.
4. Ионова С. В., Штеба А. А. Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации и метаязыке описания // Вопросы психолингвистики, 2019. № 2 (40). – С. 63–81.
5. Казаченко О. В. Аксиологическая сфера в гуманитарной парадигме. – М.: Издательство «Спутник+», 2021. – 197 с.
6. Мультиязычный ассоциативный словарь базовых ценностей / Под ред. В. А. Пищальниковой. – Москва: МГЛУ, 2024. – 255 с.
7. Одзиев А. С. Понятие войны в системе ценностей современного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11. – С. 46–49.
8. Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда. Коллективная монография / В. И. Шаховский, С. В. Ионова, А. А. Дьякова. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во. — 389 с.
9. Столярова Т. Ф. Ценностный фактор антиглобализма и межэтнических конфликтов на грани веков // История и современность. 2006. № 2. – С. 72–80.
10. Шувалов Ю. Е., Посадский А. В. Идеология российского консерватизма: основополагающие принципы и современные формы / Ю. Е. Шувалов, А. В. Посадский. – М.: РИСИ, 2012. – 204 с.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ТИРЕ В РОМАНЕ Н. Ю. АБГАРЯН «С НЕБА УПАЛИ ТРИ ЯБЛОКА»

Литвиненко А. Е. (Москва, Россия)

Аннотация. В работе представлен структурно-семантический анализ оригинальных случаев постановки тире в романе Н. Ю. Абгарян «С неба упали три яблока».

Abstract. This work presents a structural and semantic analysis of dashes used in N. Yu. Abgaryan's novel "Three Apples Fell from the Sky."

Ключевые слова: тире, семантика, синкретизм, функция, нерегламентированный случай.

Keywords: Dash, semantics, function, syncretism, unregulated use.

Выбор тех или иных пунктуационных знаков играет огромную роль в организации художественной ткани произведения, потому как оказывается напрямую связан с выражением авторских интенций [Сигал, 2023, с. 8]. Так, например, в романе Н. Ю. Абгарян «С неба упали три яблока» встречаются оригинальные случаи постановки тире, которые привносят дополнительные оттенки смысла, влияющие на интерпретацию всего произведения. Из этого следует, что для комплексного, полного анализа творческих интенций писательницы важно применить не только литературоведческий, но и лингвистический анализ, подробно изучив все варианты употребления тире.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что тире является одним из самых частотных знаков препинания в романе (уступая только запятой): оно используется автором не только в строго регламентированных правилами русской пунктуации случаях, но оказывается там, где возможны варианты.

Для начала отметим традиционные случаи, напрямую соответствующие нормам. Это, безусловно, тире как маркер следствия («Руки пахли горячим соком – она вспомнила, как неумело плела сегодня авелуковые косички»), неожиданной и быстрой смены событий («Война, восемь невыносимо долгих лет собиравшая по миру урожай неприкайнных душ, однажды захлебнулась – и отступила, подвывая и прихрамывая, зализывая кровавые лапы»), противопоставления («Вчера к заходу солнца зашел – а у нее свет везде погашен»). Помимо этого, нередко встречаются случаи грамматического эллипсиса («После обеда Тигран с Алисой вернулись к старику Анесу, он – колоть дрова, она – учиться у его подслеповатой жены вязать шерстяной носок»), распространения различных членов предложения («...было пронизано вокруг все – начиная от обступающего макушку Маниш-кара древнего леса, каждое дерево которого, казалось, говорило на своем языке, и заканчивая людьми...») и введенных с помощью тире авторских комментариев, включающих дополнительную информацию («Лишь дойдя до края дороги – далее она уходила направо и исчезала за отвесной скалой, – остановился, глянул нехотя назад...»), «Она быстро пробежалась глазами по строчкам – всегда так поступала на случай непредвиденных новостей...»). Считаем, что нет необходимости подробно останавливаться на таких случаях, поскольку все они соответствуют общепринятым функциям тире.

Наибольшую ценность для нас представляют варианты авторской постановки знака. Проанализировав оригинальные случаи употребления тире, мы пришли к выводу, что в произведении используется пять нетипичных разновидностей (вариантов) постановки знака.

Во-первых, тире встречается в ситуации употребления неоформленной прямой речи, когда автор хочет отделить свои мысли от слов персонажа, актуализируя при этом обе части и информацию каждой. Например: «Перед тем как отойти в мир иной, она тщательно полила огород и насыпала курам корму с запасом – мало ли когда соседи обнаружат ее бездыханное тело, не ходить же птице некормленной», «Алиса крутилась рядом, то подлетала с очередным пушистым цветком желтой мальвы – мам, понюхай, как смешно пахнет, то убегала вперед и ждала, нетерпеливо подпрыгивая на одной ножке, – а вот этот дом совсем уже сломался, видишь, крыша дырявая и входная дверь нараспашку, пойдём, пойдём?». Тире в приведенных примерах выполняет не свою типичную дистанцирующую функцию, а, напротив, сокращает расстояние, тем самым влияя на развитие полифонии, – по нашему мнению, этот факт может свидетельствовать о желании автора-повествователя, перемежая свой голос с речью жителей маленького армянского села, подчеркнуть близость к описываемым событиям и к культуре, тем самым придав произведению большую реалистичность.

Во-вторых, тире в преобладающем большинстве случаев используется вместо двоеточия, соединяя при этом его причинную функцию и свою традиционную семантику – следствия. По мнению Н. С. Валгиной, уже в 2004 году отметившей этот факт, намечается тенденция отказа от «традиционного, строгого, «академического»» двоеточия в пользу «более вольного, энергичного и экспрессивного» тире [Валгина, 2004, с. 124]. Повсеместным использованием тире, помимо выражения основного значения, автор акцентирует оттенок следствия, что, на наш взгляд, способствует конкретизации каждого смысла в их единстве и более точной передачи мысли. Наш тезис можно подтвердить многочисленными примерами: «Дочерям никогда не обрезала косы – длинные волосы должны были уберечь их от проклятия»; «Анатолия обматывалась пуховым платком и проводила четыре долгих дня скрюченной на стуле – в сидячем положении боль становилась чуть терпимее»; «Паника сделала свое черное дело – сначала опустели продуктовые лавки, потом были разграблены все склады». Если бы в представленных предложениях было использовано двоеточие, то доминантным стало бы единственное причинное значение – здесь же возникает синкретизм: тесные взаимоотношения причины и следствия составляют функционально-семантическую категорию обусловленности, что, по мнению Э. Н. Акимовой, может отражать особенности восприятия действительности [Акимова, 2012, с. 253]. В рассмотренных случаях, благодаря выбору тире, оба смысла представлены одновременно –

в их взаимодействии, именно так, по задумке автора текста, должен воспринимать ситуацию читатель.

В-третьих, нерегламентированный знак позволяет четко выделить рему, что влияет на организованность и упорядоченность текста [Фоминых, 2013, с. 115]. Тире в романе в самых неожиданных позициях призвано выделить те мысли, которые кажутся автору наиболее важными. К примеру, в предложении «Сходила к соседке – поздороваться и узнать, как у нее дела» без тире глаголы «поздороваться» и «узнать» стали бы частью составного глагольного сказуемого «сходила поздороваться и узнать» – со знаком же подчеркивается семантика цели, которая в аналогичных случаях акцентируется выбором сложноподчиненного предложения с союзом «чтобы». Кроме того, такое разделение выполняет и эмоциональную функцию, усиливая экспрессию самой мысли (о цели, времени и т.д.): «...Она сразу же выпорхнет в открытое окно – навстречу небесам»; «Но графа Толстого возненавидела беспрекословно и навсегда – сразу после прочтения «Анны Карениной»». Таким образом, при постановке тире выражаемые смыслы оказываются акцентированными, выделенными.

В-четвертых, многоплановость смыслов возникает в результате нетрадиционного объединения знака тире и союза (норма: запятая). Так, подчинительный союз «чтобы» встречается в комбинации с тире, что также создает синтез значений: семантика цели объединяется с мыслью о результате – это, как мы считаем, подчеркивает авторскую логику восприятия событий: «Теперь муж доводил ее умеючи, в полнейшей тишине: выворачивал руки, бил по суставам – чтобы не видно было следов, изводил придирами, откровенно глумился над ней...»; «Анатолия развязала косынку, распустила наспех заплетенную косу – чтобы волосы быстрее высохли». Коммуникативно выделяется вторая часть сложного предложения, в структурном отношении – зависимая, придаточная, а значит, изначально менее ценная в информативном плане.

В-пятых, встречаются случаи выбора комбинации «тире + запятая» вместо привычных двух тире при оформлении распространенного приложения: «Цыганка – полноватая и низкорослая женщина с едва заметным шрамом на левой щеке, беспрепятственно вошла в дом». У Д.Э. Розенталя находим, что такая постановка знаков препинания возможна, «если приложение выражает более конкретное значение, а предшествующее определяемое слово имеет общее или образное значение» [Розенталь, 2005, с. 291]. Тогда допустимо говорить о том, что Н.Ю. Абгарян использует данную конструкцию «выделение + связь» [Шварцкопф, 1988, с. 15] сначала для разделения элементов (с помощью тире) с целью конкретизации объекта, а потом для подчеркивания связи компонентов (с помощью запятой).

Таким образом, использование нерегламентированного тире как специфический прием актуализации смысла придает роману Н. Абгарян

«С неба упали три яблока» большую художественную выразительность и смысловую насыщенность – это новые возможности пунктуационного знака в создании сложного, комплексного смысла (с авторской позиции) и новые возможности его интерпретации (с позиции читателя).

Литература

1. Абгарян Н. Ю. С неба упали три яблока / Наринэ Абгарян. – М: АСТ, 2024. – 384 с. (Эксклюзивная новая классика).
2. Акимова Э. Н. Категория обусловленности: статус, состав, уровни реализации // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2012. №1. С. 250–253.
3. Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2004. 259 с.
4. Розенталь Д. Э. Русский язык: орфография и пунктуация: [справочник] / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб. М.: Махаон, 2005. 334 с.
5. Сигал К. Я. Синтаксис и речеведение / К. Я. Сигал; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. М.–Ярославль: Канцлер, 2023. 194 с.
6. Фоминых Б. И. Современный русский язык: синтаксис сложного предложения: Учебное пособие для бакалавриата. Часть II. М., 2013. 124 с.
7. Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 192 с.

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В РОМАНЕ НАРИНЭ АБГАРЯН «ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ВСЕГДА СО МНОЙ»

Молодцова В. А. (Калининград, Россия)
Вертинская О. М. (Калининград, Россия)

Аннотация. Статья посвящена анализу языковых средств выражения семейной ценностной картины мира в романе «Люди, которые всегда со мной» Наринэ Абгарян, современной российской писательницы, лауреата первой национальной литературной премии «Рукопись года». На основе концепций М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана исследуются особенности репрезентации общеаксиологических знаний (язык, культура, религия) и родовых ценностей (традиции, обычаи) в трехпоколенной семье главной героини. Через выявленную тернарную структуру, феномен диалогизма и полифонии определяется роль художественного текста как механизма сохранения и передачи культурных ценностей в диалоге поколений.

Abstract. This article is devoted to the analysis of linguistic means of expressing the family value worldview in the novel «Люди, которые всегда со мной» (People who are always with me) by Narine Abgaryan, a contemporary Russian writer, winner of the first national literary prize 'Manuscript of the Year'. Based on the concepts of M. M. Bakhtin and Y. M. Lotman, the peculiarities of representation

of general axiological knowledge (language, culture, religion) and patrimonial values (traditions, customs) in the three-generation family of the protagonist are investigated. Through the revealed ternary structure, the phenomenon of dialogism and polyphony, the role of the literary text as a mechanism of preservation and transmission of cultural values in the dialogue between generations is revealed.

Ключевые слова: культурная память, семейные ценности, аксиологические ценности, бинарные оппозиции, тернарная структура, диалогизм, полифония.

Keywords: cultural memory, linguistic analysis, family values, axiological values, binary oppositions, ternary structure, dialogism, polyphony.

Художественный текст является носителем ценностных ориентиров, отражающих как индивидуальное восприятие автора, так и культурные традиции общества. Изучение форм языкового выражения ценностных доминант произведения позволяет осмыслить его аксиологическую специфику в целом. В настоящей статье это демонстрируется на примере анализа романа современной российской писательницы Наринэ Абгарян «Люди, которые всегда со мной». Исследование художественных особенностей конструирования ценностных смыслов в тексте, осуществленное с опорой на теоретические концепции М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана, способствует более глубокому пониманию их своеобразия и значимости в структуре произведения.

Согласно Ю. М. Лотману текст представляет собой семиотическую систему, выполняющую несколько функций, одной из которых является сохранение культурной памяти [Лотман, 1996]. Текст – это не просто носитель информации, а важный механизм, через который передаются культурные ценности, обеспечивая связь между поколениями: «текст не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти» [Лотман, 1996, с. 21]. В романе Наринэ Абгарян – писательницы, родившейся в Армении последнего советского десятилетия и создающей свои произведения на русском языке, – культурная память играет центральную роль: семейные истории, воспоминания о предках и традициях служат важными элементами, связывающими прошлое с настоящим. «Люди, которые всегда со мной» – сплетенная из множества нитей история нескольких поколений одной семьи; это история о близких людях, которые всю жизнь поддерживают нас, незримо делая нас теми, кто мы есть. Через судьбы Девочки, нани Тамар, бабушки Шушик и их родных автор рассказывает о непреходящих семейных ценностях, любви, заботе и стойкости в непростые времена.

Главная ценностная доминанта семьи – преемственность. Она выражается в передаче от поколения к поколению общеаксиологических, мировоззренческих знаний (язык, культура и религия) и бережном сохранении частных родовых ценностей (традиции и обычаи семьи), находящихся в тесном переплетении друг с другом.

Родной язык играет важнейшую роль в передаче общеаксиологических культурных ценностей. Армянская культурная принадлежность, подчеркивающая связь героев со своими корнями, отражается прежде всего в их именах: *Шушик, уста Саро, Вардик, Тамар, Амаяк*. В романе используется множество аутентичных номинаций, которые создают этническую атмосферу и подчеркивают важность языка как средства передачи традиционных ценностей. Например, армянские обращения *Джигяр-балам* – «душа моя», *папик* – дедушка, *нани* – прабабушка и часто встречающееся ласковое обращение *джан* (*Петрос-джан, Оваким-джан*) используются для выражения любви внутри семьи; уважительное отношение к старшему поколению обозначается в речи через добавление к личному имени лексемы *уста*, что означает «наставник, учитель» – *уста Саро, уста Гево*.

Приведенные слова и выражения демонстрируют не только тесную родовую связь между членами семьи, но и указывают на значимость устной традиции в сохранении идентичности. Например, в одном из эпизодов мы узнаем, что бабушка научила Девочку читать на древнеармянском. Перебирая старую посуду, Девочка находит надпись на ободке: *...буквы немного кривенькие, местами стертые, на древнем армянском, но я умею на нем читать – меня научила бабушка Кнарик* [Абгарян, 2014, с. 94]. Это знание пригодится в дальнейшем, когда главная героиня будет объяснять отцу, как через узоры ковра с «карминными разводами вортан кармира» можно читать надписи на древнем языке.

Стоит отметить также и традицию передачи семейных секретов национальной кухни на родном языке: *В этих краях азам кулинарии испокон века обучают с раннего детства – ненавязчиво, словно мимоходом раскрывая кухонные хитрости* [там же, с. 77]; *На больших подносах остывали сладкие круги гаты – гляцевая корочка, рассыпчатая, пахнувшая ванилью начинка...* [там же, с. 106].

Одной из важнейших особенностей изображаемой в романе ценностной модели семьи является ее тернарность, проявляющаяся не только в традиционном конфликте поколений, но и во взаимодействии прошлого и настоящего и накоплении опыта предков. В отличие от бинарных систем, идеалом которых является «полное уничтожение всего уже существующего как запятнанного неисправимыми пороками», тернарные структуры «сохраняют определенные ценности предшествующего периода, перемещая их из периферии в центр системы» [Лотман, 1992, с. 258]. Данные оппозиции позволяют расшифровывать культурные ценности через противопоставление, инициируя при этом процесс смыслопорождения. Традиции прошлого поколения не отбрасываются назад в угоду современным веяниям и не полностью поглощают семейный уклад, а скорее гармонично вплетаются в современные реалии. Обратим внимание на эпизод, в котором нани Тамар, несмотря на протесты дедушки Овакима, считавшего «мракобесием» народные

приметы и языческие традиции, учит детей заговаривать погоду с помощью «чипота»: – *Дети сейчас придут, только костер заговорят... – Тата осеклась, оглянулась, чтобы удостовериться, что Оваким не слышит* [Абгарян, 2014, с. 86]. В отличие от дедушки мать главной героини Вера относится к желанию бабушки передавать такое знание молодежи скорее положительно, правда, с другой точки зрения: *Вот ты, дочка, молодая, начитанная, ты считаешь мракобесием то, что Тамар заговаривает с детьми костер? – Нет, – улыбнулась Вера, – это, наоборот, хорошо. Развивает у них фантазию* [там же с. 86]. Так противопоставление старого и нового мира помогает показать, как традиции сталкиваются с изменениями, но остаются незабываемыми.

Преимущество аксиологической системы семьи Абгарян может быть охарактеризована также и как «диалог культурных кодов». По мнению Ю. М. Лотмана, текст всегда находится в диалоге с другими текстами и культурами, создавая сложную систему взаимодействий [Лотман, 1996]. Диалог армянской и русской культур в романе Наринэ Абгарян обусловлен историческим контекстом и проявляется на уровне взаимодействия двух языков. Так, названия членов семьи упоминаются и на армянском, и на русском языках: *мама, папа, бабушка, папик (дедуля), нани (прабабушка)*. Особо интересна самономинация главной героини *Девочка*. Хотя старшие ласково зовут девочку по-армянски «Джигяр-балам» («душа моя»), сама героиня выбирает нейтральное категориальное название по полу и возрасту – ни армянского, ни русского имени – точка пересечения двух культур, точка слияния.

Примером лингвокультурного диалога в романе может послужить сопоставление армянских и русских фразеологизмов. Безэквивалентные идиомы рассказчица аккуратно переводит на русский язык и объясняет, приобщая русскоговорящих читателей к армянским ценностям, а эквивалентные идиомы сопоставляет с русскими, обнаруживая в двух картинах мира глубинные общие черты. Одно из таких выражений использует, например, нани Тамар для ироничного отказа часовщику уста Саро на его приглашение прийти в гости: *Твоему аппетиту – уксус! И не надейся, я в твой дом – ни ногой!* Армянская идиома «твоему аппетиту – уксус» соответствует русскому выражению «губу раскатал» [Абгарян, 2014, с. 221]. С другой стороны, в романе можно встретить и уникальные идиомы, написанные кириллицей для русского читателя. Например, выражение *цавд танем*, которое не имеет прямого аналога в русском языке и может быть переведено буквально как «возьму твою боль» [там же, с. 13]. Эту фразу армяне говорят только самым близким и дорогим людям, желая разделить их страдание или беду, а также выразить свою любовь. Бабушка одного из героев нашептывает «цавд танем», обращаясь к портрету погибшего сына.

Согласно концепции М. М. Бахтина, в основе любого текста лежит диалогичность, выражающаяся во взаимодействии различных голосов и точек зрения. Диалогизм проявляется как столкновение различных мнений

и перспектив, что обогащает текст и позволяет ему служить пространством для обмена идеями и ценностями. При этом смысл рождается не в изолированном высказывании, а в диалогическом взаимодействии различных точек зрения [Бахтин, 1963, с. 99]. В романе «Люди, которые всегда со мной» диалогизм наиболее остро проявляется в отношении «отцов» и «детей» к религии и обрядам. Бабушка Тамар с болью воспринимает утрату веры младшими поколениями: *Жизни не знают, законов предков не чтят, – качала головой Тамар, – Ты мудрый, Господь-джан, не обижайся на них, они не ведают, что творят* [Абгарян, 2014, с. 45]. Обратимся также к эпизоду, связанному с традицией похорон: «Таков обычай предков. Если младенец умирает до того, как познает вкус хлеба, он считается жертвой Богу и принадлежит только Ему. Идти родителю на похороны все равно, что бросать вызов Всевышнему» [там же, с. 67]. Молодое поколение с негодованием относится к данной традиции, но старшие остаются непреклонны, ср.: – *Это неправильно! – закричала Вера. – Неправильно и нечестно. Я никогда не смогу с этим смириться! – Потом, с возрастом, ты все поймешь. Дело не в самих традициях, дело в их утешительной и даже целительной силе* [там же, с. 57]. В ценностной картине мира старших религия служит способом сохранения устойчивости в условиях меняющегося мира; обрядовые традиции символизируют не только религиозные убеждения, но и укрепление связи с прошлым.

Полифония художественного произведения предполагает наличие множества голосов внутри одного произведения, ср.: «множественность равноправных сознаний с их мирами, сохраняющих свою неслиянность в единстве некоторого события» [Бахтин, 1963, с. 10]. Согласно философской концепции М. М. Бахтина автор создает не однородный текст, а множество текстов, каждый из которых имеет свой голос и свою точку зрения. Это позволяет автору передать разнообразие мнений и идей, что делает произведение более глубоким и многогранным. Так и роман Н. Абгарян представляет собой многоголосый текст, где каждый персонаж выражает свою независимую позицию, порой не подчиняясь авторскому голосу. Это становится очевидным на примере отношения к внутрисемейным обычаям. Можно наблюдать, как нани Тамар строго придерживается традиции, связанной с приданым для правнучки, даже если молодое поколение уже не придает этому большого значения: – *Молодые, что они понимают в жизни, – сокрушалась она, убирая в сундук очередную покупку, – в Господа не верят, креститься не хотят, приданое для ребенка не собирают. Разве так можно?* [Абгарян, 2014, с. 45]. Важную роль играют и легенды, передаваемые из уст в уста. Это наглядно демонстрирует эпизод, в котором нани Тамар рассказывает правнучке легенду про восемь кувшинов и ветер. Девочка с любопытством слушает, в то время как дедушка ворчит, говоря, что это всего лишь легенды. На что нани говорит: – *О восьми ветрах мне прабабка Тейминэ рассказывала! А ей рассказывала ее прабабка Нунуфар! Восемь поколений разве могут врать?* [там же, с. 89].

Многослойная и полифоническая структура романа позволяет показать, что сохранение традиций – это не просто формальность, а глубокая философия, помогающая людям справляться с жизненными вызовами и сохранять внутреннее равновесие: «В этом забытом богом крае меняются времена, эпохи, люди, но традиции и нравы *не меняются никогда*. Даже советская власть ничего поделывать с этим не смогла. Свадьбы, похороны, рецепты блюд, узоры ковров, жертвенные обряды *остаются такими же, как тысячу лет назад*. *Вековой уклад стал для наших людей той непреложной истиной, которой нужно беспрекословно подчиняться. Я не знаю – правильно это или нет. Но я считаю, что раз так придумано, то так и должно быть*» [там же, с. 68].

Таким образом, роман Наринэ Абгарян «Люди, которые всегда со мной» является богатым источником для лингвистического и семиотического анализа. Данное произведение прекрасно демонстрирует, как через язык и систему образов сохраняются и передаются общеаксиологические знания и частные родовые ценности. Идеи М. М. Бахтина о диалогизме и полифонии и концепции Ю. М. Лотмана о тексте как носителе культурной памяти, диалоге культур и тернарных структурах, позволяют глубже понять структуру текста и его значимость в сохранении, передаче и развитии культурных ценностей через диалог поколений.

Литература

1. Абгарян Н. Люди, которые всегда со мной. М: Издательство АСТ, 2014. 346 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с
3. Бахтин М. М. Собрание сочинений в семи томах. Проблемы поэтики Достоевского, М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 505 с.
4. Каталин К. К вопросу концептуализации бинарных оппозиций и «противоречий» в семиотике литературы Ю. М Лотмана. SlavVaria. 2022. Т. 2. №. 1. С. 45–58.
5. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. 272 с.

**К ВОПРОСУ ОБ АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ
СРАВНЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на материале поэзии М. Ю. Лермонтова)**

Правда Е. А. (Воронеж, Россия)

Аннотация. Работа посвящена выяснению аксиологических особенностей сравнений в поэзии М. Ю. Лермонтова. Рассматриваются устойчивые и индивидуально-авторские сравнения, имеющие определенную оценочную коннотацию, их участие в создании оценочных контекстов, способы выражения оценки, связь критериев оценки со смысловым типом сравнения.

Abstract. The work is devoted to clarifying the axiological features of comparisons in the poetry of M. Yu. Lermontov. Stable and individually authored comparisons with a certain evaluative connotation are considered, as well as their participation in the creation of evaluative contexts, ways of expressing evaluation, the relationship of evaluation criteria with the semantic type of comparison.

Ключевые слова: сравнение, поэзия М. Ю. Лермонтова, оценочная коннотация, оценочный контекст, аксиологический аспект.

Keywords: comparison, poetry by M. Yu. Lermontov, evaluative connotation, evaluative context, axiological aspect.

Одной из многочисленных художественных функций, выполняемых сравнениями в речи, является их способность «эстетизировать» («улучшать») или деэстетизировать («ухудшать») восприятие характеризуемого предмета. В этом отношении они могут использоваться как средство эстетической или этической оценки, формировать эксплицитную и имплицитную оценочность текста (ср., напр: [Крат. литер. энцикл., 1972, с. 125]).

Специалистами в области аксиологии сравнений замечено, что способность передавать оценку отличает, прежде всего, устойчивые сравнения. Так, О. А. Михайлова пишет о том, что устойчивые сравнения отражают национальную систему ценностей народа: они, «характеризуя человека и окружающий мир, ярко представляют аксиологические константы наивной картины мира – как ценности, так и антиценности. Действия человека получают в устойчивых сравнениях как положительную, так и отрицательную оценку» [Михайлова, 2020, с. 40]. В. А. Марьянчик, рассматривая роль сравнений в создании оценочности медиа-политических текстов, отмечает, что именно устойчивые выражения, сравнения-штампы, утратившие свою образность и новизну, «выполняют в публицистическом тексте особую коммуникативную и когнитивную функции: они актуализируют образный и оценочный стереотип...» [Марьянчик, 2009, с. 99].

Обратимся к сравнениям, которые в своих поэтических произведениях создавал М. Ю. Лермонтов. Приходящееся на текущий год 210-летие со дня рождения поэта привлекает внимание к его творческому наследию, многие аспекты которого исследованы еще явно недостаточно. Это относится, в частности, к вопросу об использовании поэтом приема сравнения, в том числе в аксиологическом ключе.

Для выяснения особенностей сравнений Лермонтова нами было рассмотрено около 200 примеров, извлеченных методом сплошной выборки из текстов произведений, вошедших в сборники [Лермонтов, 1976; Музыка, 1987] и нек. др. источники. Анализ этого материала на основе данных словаря В. М. Мокиенко [Мокиенко, 2003] показал, что в языке поэзии Лермонтова довольно часто используются устойчивые сравнения русского языка. Некоторые из них придают контексту определенную оценочность. Чаще всего она совпадает с пометой в словаре В. М. Мокиенко; ср.:

– *Мне хочется сказать великому народу: Ты жалкий и пустой народ! <...> Как женщина, ему вы изменили... (Последнее новоселье)* – Ср.: «Изменять как женщина. *Неодобр.* О неверном, непостоянном в своих привязанностях мужчине» [Мокиенко, 2003, с. 120];

– *Святыни миром осень, Пусть примет сумрачная келья, как гроб, зараннее меня... (Демон)* – Ср.: «(Узкий) Как гроб. *Неодобр.* 1. О маленьком, узком, темном жилом помещении» [Мокиенко, 2003, с. 90];

– *Моя ж печаль бессменно тут... [...] Она то ластится, как змей, То жжет и плещет, будто пламень, То давит мысль мою, как камень... (Демон)* – Ср.: «Давить камнем (как камень) на плечи кому. *Неодобр.* 1. О чьем-л. тяжелом подавленном состоянии» [Мокиенко, 2003, с. 159];

– *Я знаю, чем утешенный По звонкой мостовой Вчера скакал как бешеный татарин молодой* (Свиданье) – Ср.: «Бегать (бежать/ прибежать, выбежать, нестись/ носиться, мчаться/ помчаться, примчаться, врываться/ ворваться, лететь/ прилететь) как безумный. *Неодобр.* Об очень быстро, стремительно и хаотично двигающемся куда-л. или откуда-л. человеке, животном или движущемся транспорте» [Мокиенко, 2003, с. 29]; «Бегать (бежать/ побежать, носиться/ нестись, мчаться/ примчаться, помчаться, лететь/ прилететь, рваться/ рвануться, ворваться куда, скакать/ поскатать) как бешеный. *Неодобр.*» [Мокиенко, 2003, с. 33];

– *Восходит чудное светило В душе проснувшейся едва: на мысли, дышащие силой, Как жемчуг нижутся слова... (Журналист, читатель и писатель)* – Ср.: «Слова как жемчуг нижутся. *Нар.-поэт. Одобр.* О плавной, гладкой, точной, меткой и выразительной речи» [Мокиенко, 2003, с. 120].

Остальные устойчивые сравнения в лирике Лермонтова, у которых в словаре не фиксируется определенной оценки, тем не менее в контексте могут приобретать тот или иной оценочный смысл. Например, в стихотворении «Не верь себе...» в результате соотнесения предмета сравнения (*вдохнове-*

ние) с несоотносимым, контрастирующим коррелятом (*язва*, т.е. страшная зараза) возникает негативная оценка вдохновения; ср.: *Не верь, не верь себе, мечтатель молодой, как язвы бойся вдохновенья...*

Рассмотрим с аксиологической точки зрения создаваемые Лермонтовым сравнения людей и различных явлений из сферы человека.

Как известно, людей оценивают обычно по этическим критериям. Так, О. А. Михайлова отмечает, что в русской системе ценностей заслуживают порицания и осуждения и находят их в устойчивых сравнениях следующие человеческие качества: лживость, конфликтность, взаимная ненависть и вражда, неприемлемое поведение по отношению к окружающим, неверное позиционирование себя в обществе, грубое речевое поведение, назойливость, использование кого-либо в своих интересах, неспособность к пониманию, незнание, слепая подчиненность человека чужой воле, медлительность, излишняя поспешность и др. [Михайлова, 2020, с. 40]. Продолжая эту мысль, можно добавить, что, наоборот, достоинствами людей всегда считались: трудолюбие, отзывчивость, доброжелательность, общительность, сила характера, смелость, рассудительность и др.

Наш материал показывает, что многие сравнения людей у Лермонтова являются оценочными. Так, например, в поэме «Мцыри» мальчик-герой сравнивается с животными, а также с растениями или их частями. Эти сравнения имеют пейоративный смысл, поскольку подчеркивают нелюдимость, асоциальность героя: *...Но страх не сжал души моей: Я сам, как зверь, был чужд людей И полз и прятался как змей; Узрюм и одинок, Грозой оторванный листок, Я вырос в сумрачных стенах Душой дитя, судьбой монах.*

С помощью сравнений у Лермонтова могут характеризоваться одновременно два человека: и предмет сравнения, и его коррелят. Это наблюдается в сравнениях «приравнивающего» типа.

Так, например, в стихотворении «Смерть поэта» говорится о Пушкине и создаются два «возвышающих» его сравнения: одно – со светочем, а другое – с героем пушкинского романа «милым» Ленским: *Угас, как светоч, дивный гений, Увял торжественный венок; И он убит – и взят могилой, Как тот певец, неведомой, но милый, Добыча ревности глухой, Воспетый им с такою чудной силой, Сраженный, как и он, безжалостной рукой.... (Смерть поэта).* Вкупе с позитивными эпитетами (*дивный, торжественный, воспетый, чудная*) эти оба сравнения создают для Пушкина положительную характеристику самого высокого уровня. При этом предмет сравнения Пушкин не только позитивно оценивается за счет коррелята Ленского, но и коррелят Ленский «выигрывает» от того, что с ним сравнивается положительный образ создавшего его поэта.

Такие «обоюдные» сравнения есть и в других произведениях М.Ю. Лермонтова. Например: *Ребенка милого рожденье Приветствует мой запоздалый стих. Да будет с ним благословенье Всех ангелов небесных и земных!*

Да будет он отца достоин, **Как мать его, прекрасен и любим...** (Ребенка милого рождение...). Контекст со сравнением одинаково положительно характеризует и мать, и дитя.

Интересно описание героини стихотворения «К портрету», создаваемое с помощью цепочки однородных сравнений: *Как мальчик кудрявый, резва, Нарядна, как бабочка летом...; Она ускользнет, как змея, Порхнет и умчится, как птичка.* Несмотря на то, что в данных сравнениях преобладают ассоциации с животными, эти сравнения не снижают, а, наоборот, возвышают образ девушки, которую отличают детскость, живость и яркость. Достигается это за счет того, что основаниями сравнений с животными являются в данном случае их лучшие природные умения, которые люди обычно расценивают как достоинства: нарядность бабочки, увертливость змеи, легкость и стремительность птички.

В произведениях Лермонтова действуют или упоминаются не только реальные, живые, но и ирреальные персонажи – духи, призраки и др., как правило, антропоморфные, – которые также становятся предметами сравнений и получают определенную оценку.

Так, например, Демон поначалу воспринимается Тамарой лишь по внешним признакам и сравнивается главным образом с красивыми явлениями природы, мироздания; друг он ей или враг, она пока не понимает. И это передается в том числе с помощью сравнения: *Пришлец туманный и немой, Красой блистая неземной, К ее склонился изголовью... [...] Он был похож на вечер ясный: Ни день, ни ночь, – ни мрак, ни свет!..*

Черт в поэме «Сказка для детей» в сравнениях у Лермонтова отличается от привычных представлений и скорее позитивен, чем негативен: *Но этот черт совсем иного сорта – Аристократ и не похож на черта; Но я не так всегда воображал Врага святых и чистых побуждений. Мой юный ум, бывало, возмущал Могучий образ; меж иных видений, Как царь, немой и гордый, он сиял Такой волшебной сладкой красотой, Что было страшно...*

Части тела человека (глаза, лицо и др., а также их «атрибуты» – взгляд, улыбка и др.) обычно оцениваются людьми, как и все неживые предметы, прежде всего с эстетической точки зрения: по внешним признакам и по производимому на наблюдателя впечатлению. Так, Лермонтов описывает в сравнениях глаза, взгляд с точки зрения цвета или силы воздействия на окружающих. За основу берется привычное отношение к явлениям окружающей природы: положительное – к ясному небу, хорошей погоде; отрицательное – к грозе, ненастью. Напр.: *Прозрачны и сини, Как небо тех стран, ее глазки...* (М. А. Щербатовой); *...Притворно строгий взгляд Его как гром отталкивал назад* (Сказка для детей). Однако характеристика глаз, взгляда может даваться и посредством «обратного» сравнения, в котором характеризуется не предмет, а коррелирует сравнения: *...И звезды яркие, как очи, Как взор грузинки молодой!* (Демон).

Сердце, душу, дух поэт, в зависимости от контекстуального значения этих понятий и от содержания произведения, соотносит с теми или иными объектами, исходя из религиозных критериев и понятий. Напр.: *Да будет дух его спокоен И в правде тверд, как божий херувим (Ребенка милого рождение...)*.

Слезы могут у Лермонтова оценочно характеризоваться по их функциональным свойствам. При этом за основу оценки берутся фольклорные мотивы – представления о силах добра (жизни) и силах зла (смерти) и их волшебных атрибутах: *Не плачь, дитя! не плачь напрасно! Твоя слеза на труп безгласный Живою росой не упадет* (Демон).

В сравнениях головы, лба, лица, их цвета коррелируют сравнения обычно поддается описываемой ситуацией и оценивается исходя из этого контекста. Напр.: *...Мирной татарин свой намаз Творит, не поднимая глаз. А вот кружком сидят другие. Люблю я цвет их желтых лиц, Подобный цвету ноговиц... (Валерик)*. На позитивное отношение автора указывает глагол *люблю*. Нейтральное само по себе устойчивое сравнение *белый как снег* в стихотворении «Дары Терека» приобретает пейоративный смысл, поскольку использовано для описания мертвого тела убитой казачки: *Замолчал поток сердитый, И над ним, как снег бела, Голова с косою размытой, Кольхаяся, всплыла*.

Лермонтов подвергает оценочному сравнению явления внутреннего мира своих персонажей. Как показал анализ материала, больше всего сравнений мыслей, чувств и переживаний содержится в поэме «Демон» и связано с образом Демона. Их оценка также производится с позиций мироощущения Демона и поддерживается контекстом, в котором есть сигналы о характере этой оценки: положительной (*Твоей любви я жду, как дара, И вечность дам тебе за миг. В любви, как в злобе, верь, Тамара, Я неизменен и велик; ...И мечты О прежнем счастье целью длинной, Как будто за звездой звезда, Пред ним катилися тогда*) или отрицательной (*И грусть на дне старинной раны Зашевелилася, как змей*).

Интересны «отрицающие» сравнения, которые создает М. Ю. Лермонтов для выражения высокой степени страданий персонажей поэмы «Демон»: Тамары (*Невыразимое смятенье В ее груди; печаль, испуг, Восторга пыл – ничто в сравненье, Все чувства в ней кипели вдруг...*) и Демона (*Что повесть тягостных лишений, Трудов и бед толпы людской Грядущих, прошлых поколений, Перед минутою одной Моих непризнанных мучений!*). И сами по себе, и в контексте произведения страдания, тем более такие сильные, оцениваются обычно негативно.

Безусловным злом считаются у людей различные утраты, в том числе расставание с душой, внутренним миром умершего человека, представляющим совокупность его мыслей и чувств. Об этом пишет М. Ю. Лермонтов в стихотворении «Памяти А. И. Одоевского», используя сравнение с легкими вечерними облаками: *Дела твои, и мнения, И думы – все исчезло без следов, Как*

легкий пар вечерних облаков: Едва блеснут, их ветер вновь уносит; Куда они? зачем? откуда? – кто их спросит....

Очень образно и при этом в высшей степени позитивно с помощью сравнений Лермонтов характеризует феномен поэзии. Критерием оценки при этом выступают необходимые для людей атрибуты их традиционной, в том числе церковной жизни – чаша для пиров, фимиам, божий дух, вечевой колокол: *Бывало, мерный звук твоих могучих слов Воспламенял бойца для битвы, Он нужен был толпе, как чаша для пиров, Как фимиам в часы молитвы. Твой стих, как божий дух, носился над толпой, И, отзыв мыслей благородных, Звучал, как колокол на башне вечевой Во дни торжеств и бед народных (Поэт).*

Проведенное нами исследование показало, что многие сравнения, создаваемые М. Ю. Лермонтовым в его лирике, могут иметь аксиологический смысл или участвовать в создании оценочных контекстов. Это наблюдается в случаях с использованием как устойчивых сравнений, так и сравнений индивидуально-авторских. В данной статье были проанализированы в основном сравнения, предметами которых выступают явления из сферы человека. Что касается сравнений с предметами других смысловых типов, то они могут быть рассмотрены в аксиологическом плане в ходе дальнейшего изучения данной темы.

Литература

1. Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. Т. 7: Советская Украина – Флиаки. 1972. 1008 стлб. с ил.
2. Лермонтов М. Ю. «В тот чудный мир тревог и битв...». М.: Молодая гвардия, 1976. 416 с.
3. Марьянчик В. А. Аксиологическая функция устойчивых сравнений в медиа-политическом пространстве // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskaya-funktsiya-ustoychivyh-sravneniy-v-media-politicheskom-tekste?ysclid=m2ij0oahma816289687> (дата обращения: 21.10.2024).
4. Михайлова О. А. Аксиологический потенциал русских устойчивых сравнений / О. А. Михайлова// Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов Международного научного семинара (Екатеринбург, 13 мая 2020 г.). Екатеринбург: Ажур», 2020. С. 40–41.
5. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка: 11 000 единиц. СПб.: Норинт, 2003. 603 с.
6. Музыка в зеркале поэзии. Вып. 3: «Что в музыке?..»/ Сост., вступит. статья и коммент. Б. Каца. Л.: Сов. композитор, 1987. 304 с.

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ
И ИХ ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ С. ПАВЛОВОЙ И Х. ФИЛДИНГ**
Насибуллова Г. Р. (Казань, Россия)

***Аннотация.** Данное исследование посвящено сравнительному изучению своеобразия картины мира современного автора-женщины русской и английской литературы и особенностей репрезентации системы ценностей в художественном дискурсе. При помощи аксиологического анализа выявляются ценностные доминанты в индивидуально-авторской картине мира, которые сопоставляются с традиционными ценностями современной женщины. На материале произведений С. Павловой и Х. Филдинг исследуются способы репрезентаций ценностей в языке.*

***Abstract.** This research is devoted to comparative uniqueness of the worldview of a modern female author of Russian and English literature and the features of the representation of the value system in artistic discourse. Using the axiological analysis, the author identified value dominants in the individual author's worldview,, which are compared with the traditional values of a modern woman. The methods of representing values in language are studied based on the works of S. Pavlova and H. Fielding.*

***Ключевые слова:** ценностная картина мира, художественный дискурс, ориентир, автор-женщина.*

***Keywords:** value picture of the world, artistic discourse, reference point, female author.*

Одним из основных направлений современной лингвистики является исследование аксиологической составляющей картины мира, которая помогает выделить особенности взаимодействия человека и окружающего его мира. Аксиологический аспект взаимоотношений личности с окружающей его реальностью, закрепляется в его сознании и языке в виде ценностной картины мира, которая является сформированной когнитивным сознанием народа упорядоченной совокупностью знаний о ценностной значимости объектов и явлений внешней действительности, а также как совокупностью стереотипных представлений о внешнем мире, получивших положительную оценку среди представителей этноса [Еременко, 2012, с. 7].

Ценностная картина мира – это уникальный внутренний компас, определяющий наше восприятие реальности. Она формируется на основе личной оценки объектов и явлений окружающего мира, эта оценка глубоко персонализирована и зависит от множества факторов. Нельзя рассматривать ее как нечто статичное и неизменное; ценностная картина мира постоянно эволюционирует на протяжении всей жизни человека, отражая изменения его

потребностей, жизненного опыта и социальных взаимодействий. В основе этой оценки лежат физиологические и психологические предпосылки. Выражая свое мнение об окружающем его мире, человек постоянно налагает на него «светотеневую сеть общечеловеческих и индивидуальных представлений о добре и зле (хорошем и плохом). «Ценностная картина мира индивида формируется под влиянием традиционной культуры, национальных стереотипов, моральных ценностей, передаваемых от поколения в поколение, и достраивается, корректируется в течение жизни под влиянием внешних и внутренних обстоятельств, обусловленных семейным, социальным, профессиональным положением человека, историческими и политическими факторами» [Галимова, 2014, с. 197]. В. И. Карасик считает, что комплексное исследование ценностей в языке возможно при изучении ценностной картины мира, выделяемой как компонент языковой картины мира [Карасик, 2002, с. 117].

В художественном произведении выражается индивидуально-авторская ценностная картина мира. При описании внутреннего мира героев произведения писатель показывает и свою систему ценностей и как представитель своего времени ценностную картину мира современников. Ценностная картина мира состоит из общечеловеческих и специфических частей; «в языке она представлена в виде оценочных суждений» [Там же]. При этом между ценностными суждениями могут проявляться отношения включения или ассоциативного пересечения, позволяющие выявить ценностную парадигму представленной культуры. В ценностной картине мира существуют ценностные доминанты, наиболее значимые для той или иной культуры.

В рамках данного исследования мы рассматриваем ценностные доминанты в русской и английской индивидуально-авторской картине мира современных авторов-женщин. Материалом данного исследования выбраны произведения «Голод» С. Павловой и «Дневник Бриджит Джонс» Х. Филдинг.

Главные героини С. Павловой и Х. Филдинг – это одинокие девушки тридцати лет, приехавшие в большой город в поисках успешной жизни. У них много общего: они не довольны со своей внешностью, вечно сидят на диетах и вечно срываются. Лена и Бриджит – представители современного общества, то есть их ценностная картина мира в какой-то мере отражает ценностные ориентиры современных женщин.

Исследуя жизненные ориентиры современной женщины, социолог Л. Г. Богатырева предлагает «идеальную» модель ценностей женского мира [Богатырева, 2019, с. 122]. По мнению социолога «ядром» аксиологии жизненного пути женщины являются традиционные ценности, такие как семья и удачное замужество. В индивидуально-авторской ценностной картине мира С. Павловой и Х. Филдинг данные категории выступают доминантами. Героини нами рассматриваемых романов Бриджит и Лена мечтают встретить любовь и выйти замуж:

«Лене кажется, что для счастья ей нужны «все деньги мира», «замуж» и «идеальная фигура» [Павлова, 2024, с. 9].

В художественном дискурсе Х.Филдинг несколько раз подчеркивается необходимость создания семьи своевременно: «You career girls! I don't know! Can't put it off forever, you know. Tick-tock-tick-tock» / Уж эти мне девушки, думающие только о карьере! Слушай, нельзя откладывать это до бесконечности. Тик-так-тик-так [Fielding, 2014, с. 8]. (Здесь и далее перевод мой. – Г.Н.)

Однако жизнь одинокой девушки сопоставляется с замужней, что показывает неопределенность в ценностной картине мира современной женщины в данном вопросе: «... a whole generation of single girls like me with their own incomes and homes who have lots of fun and don't need to wash anyone else's socks. / в результате появилось целое поколение одиноких молодых женщин, таких, как я, у которых собственные доходы и собственное жилье, они живут очень весело и не нуждаются в том, чтобы стирать чьи-то там носки [Fielding, 2014, с. 17].

Также Л. Г. Богатырева выделяет созидание и стабильность, роль хранительницы и устроительницы жизни как важнейшие ценности женщине.

Основным успехом современной женщины героиня С. Павловой считает «диплом достойного вуза», «есть социально одобряемая работа – в креативном агентстве», «1317 друзей в социальных сетях», «две жилплощади: арендная и собственная», «необременительный служебный роман» [Павлова, 2024, с. 7].

В языковой картине Х. Филдинг доминантными ценностями женщины являются карьера, самодостаточность и независимость от мужчины, что можно увидеть в следующих ценностных суждениях:

«However, one must not live one's life through men but must be complete in oneself as a woman of substance». / Что ж, нельзя всю свою жизнь посвящать мужчинам, надо быть самодостаточной женщиной с достоинством [Fielding, 2014, с. 56].

«I shall be poised and cool and remember that I am a woman of substance and do not need men in order to be complete, especially not him. Am not going to message him or indeed take any notice of him whatsoever» / Я буду гордой и холодной, буду помнить, что я женщина с достоинством и не нуждаюсь в мужчинах, чтобы чувствовать себя самодостаточной, а особенно в нем. Не собираюсь писать ему никаких посланий и вообще замечать его, что бы ни случилось [Fielding, 2014, с. 23].

По мнению Л. Г. Богатыревой, истина, добро и красота – общечеловеческие бытийные ценности в жизни женщины, которые выражают ее представления о мирном проживании жизни, добродетельность, продолжение традиций [Богатырева, 2019, с. 123]. На примере произведений наших анализируемых авторов рассмотрим одну из данных категорий – красота.

Для героини С. Павловой красота – это в первую очередь красивая фигура. Весь роман построен на процессе борьбы Лены с лишним весом:

«как только объемы уйдут, придут красота, счастье, уверенность в себе» [Павлова, 2024, с. 11], «предпочли бы закончить жизнь под колесами грузовика, лишь бы не потолстеть» [Павлова, 2024, с. 112].

Для оценки внешнего вида используются следующие эпитеты: «тело – распаренное, оттого будто размякнувшее». Недовольство своей внешностью ярко выражено в следующих коннотативных выражениях, где образом сравнения выступает пищевая лексика: «рытвины целлюлита и шмат кожи, переваливающийся через ткань словно опара из таза» [Павлова, 2024, с. 14]; «подкожный жир выглядел почти так же, как нарастающая над супом корка в забытой кастрюле» [Павлова, 2024, с. 129]. Также при оценке внешности доминантой является пейоративная лексика: «туша», «жирная», «обвисло», «толстуха» и т.д.

Понимание красоты героиней в романе С. Павловой ярко выражено в следующем оценочном суждении: «Но я не хочу быть нормальной. Я хочу быть хрупкой, невесомой, тонкой, точеной, тощей... эти качества ценятся обществом» [Павлова, 2024, с. 9].

Красота для героини Х.Филдинг также заключается в идеальной фигуре:

«...but even that is inadvisable since am fat, have spot on chin, and desire only to sit on cushion eating chocolate and watching Xmas specials». / поскольку я толста, у меня на подбородке прыщ, и все, чего мне хочется – это сидеть в подушках, кушать шоколад и смотреть рождественские программы [Fielding, 2014, с. 71].

«I feel ashamed and repulsive. I can actually feel the fat splurging out from my body. Never mind. Sometimes you have to sink to a nadir of toxic fat envelopment in order to emerge, phoenix-like, from the chemical wasteland as a purged and beautiful Michelle Pfeiffer figure. Tomorrow new Spartan health and beauty regime will begin». / Теперь мне стыдно. Я чувствую, как жир лезет у меня из ушей. Ну да ладно. Иногда необходимо дойти до крайней, токсической степени ожирения, чтобы затем возродиться из пепла, как птица Феникс, очищенной, со стройной фигурой Мишель Пфайфер. С завтрашнего дня начинаю соблюдать спартанский режим красоты и здоровья [Fielding, 2014, с. 23].

«Going out to meet Tom for tea. Decided needed to spend more time on appearance like Hollywood stars and have therefore spent ages putting concealer under eyes, blusher on cheeks and defining fading features». / Выхожу на чай к Тому. Решила, что нужно больше времени уделять внешнему виду, как голливудские звезды, и поэтому потратила кучу времени на нанесение консилера под глаза, румян на щеки и подчеркивание увядающих черт лица [Fielding, 2014, с. 53].

Как видим из выше представленных ценностных суждений, для Лены и Бриджит важную роль играет внешняя красота, отрицательно оценивают свою фигуру. Оценка внешности дается при помощи прецедентных феноменов, которые являются одними из ключевых стратегий при языковой

репрезентации ценностей в индивидуально-авторской картины мира С. Павловой и Х. Филдинг.

Таким образом, в ценностной картине мира С. Павловой и Х. Филдинг традиционные ценности как замужество, семья, красота остаются доминантными. Современные женщины, с одной стороны, желают создать семью, но также есть неопределенное отношение к браку, что ярко проявляется в ценностной картине мира героинь нами рассмотренных произведений. Для языковой репрезентации авторами используются различные тактики как оценочные суждения, эпитеты, прецедентные феномены и др.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
2. Богатырева Л. Г. Традиционные ценности в аксиологии жизненного пути современной женщины // Социология. 2019. № 3. С. 122–126.
3. Галимова Д. Н. Фрагмент аксиологической картины мира амурских диалектоносителей: метафорическая модель «жизнь – движение» // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2014. №1. С. 197–200.
4. Еременко А. В. Языковая объективация ценностного компонента концепта MARRIAGE в афоризмах американских и британских авторов: сравнительно-сопоставительный аспект: автореф. дис. ... к. фил. наук. – Владивосток, 2012. 18 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 476 с.
6. Павлова С. Голод. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2024. 313 с.
7. Helen Fielding Bridget Jones's Diary. Picador, 2014. 310 p.

О СЦЕНИЧЕСКОЙ, УЗУАЛЬНОЙ И ДИСКУРСИВНОЙ МЕТОНИМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕС М. БУЛГАКОВА)

Редькин С. В. (Москва, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются различные виды метонимии в языке художественного произведения.

Abstract. The article discusses various types of metonymy in the language of a work of art.

Ключевые слова: троп, узуальная метонимия, синекдоха, сценическая метонимия, дискурсивная метонимия, контекстуальная метонимия.

Keywords: trope, conventional metonymy, synecdoche, stage metonymy, discursive metonymy, contextual metonymy.

Предлагаемая вниманию читателей статья представляет собой развитие идей, предложенных в статье «Метонимия как способ организации сюжета

и языкового пространства в пьесе М. Булгакова “Зойкина квартира”» [Редькин 2021]. Отдельные теоретические рассуждения о языке послереволюционного времени изложены в статье «Речевая полифония в пьесах М. Булгакова “Иван Васильевич” и “Блаженство”» [Редькин 2022].

Желание продолжить изучение метонимии возникло через много лет после защиты кандидатской диссертации «Типы многозначности существительных в общелингвистическом и прикладном аспектах» [Редькин, 1990]. Через тридцать лет после защиты диссертации автор этих строк обнаружил, что за это время в Едином электронном каталоге Российской государственной библиотеке появились только четыре диссертации, в заглавии которых есть слово «метонимия». Большинство же работ по полисемии посвящено метафоре. Это профессиональное предпочтение исследователей многозначности отмечает О. В. Раевская в статье «О некоторых типах дискурсивной метонимии»: «Удел метонимии – постоянно сопровождать метафору на страницах научных работ или оставлять первую в качестве главной героини. Если продолжить сравнение, можно сказать, что рядом с метафорой – звездой лингвистических работ – метонимия явно отстывает на задний план» [Раевская 1999, с. 3].

Анализ этих четырех диссертаций содержится в статье «Полузабытая метонимия» [Редькин, 2020]. В некоторых из них диссертанты пишут о противопоставлении узуальной и дискурсивной метонимии. Так, М. В. Сандакова в монографии по материалам докторской диссертации [Сандакова 2004] приводит пример дискурсивной метонимии в повести А. Битова «Птицы, или Новые сведения о человеке», ср.: «Вчера был «ящичный» шторм – на берегу были разложены разные любопытные вещи, как товар на бесконечном лотке».

В нашей интерпретации компонентное преобразование дискурсивного метонимического значения относительного прилагательного ящичный может быть представлено следующим образом: ‘ящик’ → ‘ящики, выброшенные штормом на берег’ → ‘шторм, выбросивший ящики на берег’ → ‘относящийся к шторму, выбросившему ящики на берег’ [Редькин 2020, с. 358].

Учитывая, что полисемия является фундаментальной категорией лексической семантики и ее изучение считается одной из основных задач как лексикологи, так и языка художественной литературы, а также то, что в изучении последнего традиционно в течение многих веков используются тропы «метафора», «метонимия», «синекдоха», **актуальность** настоящей статьи не подлежит сомнению. Малая изученность дискурсивной метонимии обуславливает **новизну** предлагаемого исследования. **Объектом** исследования является метонимия, используемая в текстах художественной литературы. **Предметом** исследования в настоящей статье является «узуальная», «дискурсивная» и «сценическая» метонимия в драматических произведениях. Понятие «сценическая метонимия» нуждается в пояснении.

Литературовед Пэк Сын Му в статье «Символика пространства в пьесе М. Булгакова “Зойкина квартира”» утверждает, что сценическое пространство Зойкиной квартиры можно представить в виде «поперечного среза» (метонимии). Таких «срезов» три: квартира (место проживания Зои) → квартира (пошивочная мастерская и школа пошива одежды) → квартира (притон проституток и наркоманов) [Пэк Сын Му 2007, с. 283]. Пространственно-временные «срезы» действительно являются метонимическими, потому что находятся в отношении смежности друг к другу. Булгаковский прием изменения назначения квартиры в пьесе (жилище → пошивочная мастерская → притон) можно назвать «сценической метонимией».

Этот прием писатель использует также в диптихе пьес «Иван Васильевич» и «Блаженство». Встречается он и в драматических произведениях современников М. Булгакова, например, в пьесе В. Маяковского «Клоп».

Сценическая метонимия в пьесе М. Булгакова может быть представлена следующим образом. В основе пьесы М. Булгакова «Зойкина квартира» лежит базовая сценическая модель «Меняющаяся обстановка квартиры» → «изменение мотивов поведения людей в этой квартире» → «изменение речевого поведения персонажей». Эту модель можно расширить следующим образом: «Меняющаяся обстановка в Москве» → «изменение мотивов поведения москвичей» → «изменение речевого поведения москвичей». Предложенное расширение базовой метонимической модели пьесы основано на синекдохе. Известно, что троп «синекдоха» – ‘перенос наименования с части предмета на весь предмет’ основан на ассоциативном признаке смежности, поэтому также является метонимическим.

Такое совмещение трагического с фамильярным и гротескным в речи персонажей драматических произведений 1920-х годов XX века исследователи называют карнавализацией [Баринаева 2012, с. 110–111]. М. Булгаков писал пьесы в то время, когда в общественной жизни произошли перемены, изменившие не только идеологию, быт, искусство. Сменились носители литературного языка, поэтому изменилась и речь. Эти изменения отметили и лингвисты. Так, выдающийся исследователь истории языка А. М. Селищев опубликовал в 1928 году книгу «Язык послереволюционной эпохи» [Селищев, 1928]. Литературная и повседневная речь носителей языка этого времени отражена в произведениях лучших писателей того времени: А. Платонова, М. Зощенко и многих других.

В анализируемой пьесе М. Булгакова широко представлена метонимия «узальная» и «дискурсивная», причем первая из них в контексте пьесы, благодаря мастерству драматурга, воспринимается не менее яркой, чем вторая. Речь идет об использовании в пьесе слова *бумажка* в узальном метонимическом значении. Это одна из самых известных метонимий в произведениях художественной литературе, ср.:

«Я волком бы выгрыз бюрократизм. / К мандапам почтения нету. / К любым чертям с матерями катись любая бумажка. / Но эту...» (В. Маяковский. Стихи о советском паспорте). Использование узуальной и дискурсивной метонимии в контексте художественного произведения можно назвать «контекстуальной метонимией».

Лингвистическую основу авторских ремарок в пьесе М. Булгакова составляет метонимия. С помощью этого тропа автор передает смешение явлений старого и нового быта в жизни москвичей. Вот одна из таких ремарок, показывающая то, что видно и слышно из окон московской квартиры, ср.:

«За окнами двор громадного дома играет как страшная музыкальная табакерка». *Двор играет* – дискурсивная метонимия. Обычное неметонимическое описание могло быть таким, ср.: «Во дворе громадного дома слышны, как из страшной музыкальной табакерки, пение и крики».

«Шалапин поет в граммофоне: “На земле весь род людской...”» – дискурсивная метонимия. Неметонимическое описание такое, ср.:

«Из граммофона слышится пение Шалапина».

Смешение криков, пения во дворе и музыкального образа Мефистофеля в исполнении Шалапина сравнивается с музыкальной табакеркой, что создает ощущение абсурдности происходящего, которое задает тон всему тому, что будет происходить в пьесе. Метонимия, как узуальная, так и дискурсивная, служит средством речевой характеристики персонажа. Возникая в спонтанном общении людей, метонимия служит прекрасным средством характеристики персонажа, раскрывая через его речь ту или иную степень образованности, культуры, воспитанности, порядочности этого человека. В приведенном ниже примере используется существительное бумажка в узуальном значении ‘документ’, в дискурсивном значении ‘взятка’, а также дискурсивное метонимическое словосочетание *уплотнить вас*. Хозяйка квартиры Зоя хвастается перед своей служанкой Манюшкой, ср.:

«Зоя. Есть бумажка, есть бумажка. Я ее достала. Есть бумажка!».

В этом примере слово бумажка имеет метонимическое узуальное значение ‘документ’.

Председатель домкома Аллилуя, зная, что Манюшка не племянница Зои, а ее служанка, грозит Зое, ср.:

«Аллилуя. Постановили вас уплотнить».

Словосочетание *уплотнить вас* в этом контексте имеет дискурсивное метонимическое значение ‘заставить потесниться в своей квартире, доме, вселив туда кого-л.’. В гипотетически исходной фразе смысл этого словосочетания раскрывался бы так, ср.:

«Постановили уплотнить вашу квартиру, вселив в нее жильцов».

Вместо *уплотнить квартиру* Аллилуя употребил словосочетание *уплотнить вас*. Зоя, чтобы избежать уплотнения, решила дать председателю домового комитета (преддомкому) взятку, назвав пятидесятирублевую купюру *фальшивой пятичервонной бумажкой*, ср.:

«Зоя... дали мне у Мюра сегодня пятичервонную бумажку, а она фальшивая. Такие подлецы! Посмотрите, пожалуйста. Ведь вы спец по червонцам...

Аллилуя. Ах, язык. Ну уж и язык у вас. (Смотрит на бумажку на свет.) Хорошая бумажка. Зоя. А я вам говорю – фальшивая.

Аллилуя. Хорошая бумажка.

Зоя. Фальшивая! Фальшивая! Не спорьте с дамой, возьмите эту гадость и выбросьте. Аллилуя. Ладно, выбросим. (Бросает бумажку в свой портфель.)»

В этом контексте слово *бумажка* имеет дискурсивное значение ‘деньги, взятка’. Таким витиеватым, изворотливым речевым способом Зоя сопровождает свое противоправное действие: дает Аллилуе взятку, чтобы он не выселял Манюшку из ее квартиры. Характерно, что после этой виртуозно сымпровизированной сделки сразу же следует содержащая метонимию авторская ремарка, ср.:

«Рояль где-то отдаленно и бравурно играет Вторую рапсодию Листа».

Дискурсивность метонимии доказывает синтаксическая трансформация, ср.:

«Рояль играет рапсодию → На рояле играют рапсодию».

Одно из значений слова *рапсодия* содержит смысловой компонент «виртуозный» – ‘виртуозное инструментальное произведение, чаще всего свободной формы, использующее напевы народных песен и танцев’.

Пьеса насыщена дискурсивными метонимиями. Вот некоторые из них.

Аллилуя, пытаясь обнять Манюшку, метонимически называет себя *официальным лицом*. Манюшка, отбиваясь от назойливого ухажера, употребляет слово *лицо* в прямом значении. Совмещение этих значений, создает эффект каламбура ср.:

«Манюшка. Шли бы вы отсюда Анисим Зотикович, а то неприлично. Хозяйки нету, а вы в спальню заплзли».

Аллилуя. Ах ты! Кому же это говоришь,образи. Ты видишь, я с портфелем? Значит лицо должностное, неприкосновенное. Я всюду могу проникнуть. Ах ты! (Обнимает Манюшку.)

Манюшка. Я вашей супруге как скажу, она вам все должностное лицо издерет».

Нельзя не отметить еще один пример каламбурного обыгрывания узуального и дискурсивного значения прилагательного *бывший*. В этом же примере обыгрывается метонимическое словосочетание *поместить вас в музей*. Оболянинов говорит Зое, что его назвали «бывшим графом» и захотели «поместить его» в музей революции, ср.:

«Оболянинов. Сегодня ко мне в комнату является какой-то длинный бездельник в высоких сапогах, с сильным запахом спирта, и говорит: “Вы бывший граф” ... Я говорю – простите... Что это значит – “бывший граф”? Куда я делся, интересно знать? Вот же я стою перед вами.

Зоя. Чем же это кончилось?

Оболянинов. Он, вообразите, мне ответил: “Вас нужно поместить в музей революции”»).

В этом примере прилагательное *бывший* употреблено в прямом значении – ‘ныне не состоящий ни в какой должности, звании’, а в словосочетании *поместить вас в музей* – в дискурсивном метонимическом значении. Фраза *Вас нужно поместить в музей* в неметонимическом контексте выглядит следующим образом, ср.:

«Данные о вас нужно поместить в музей».

Прямому значению прилагательного *бывший* (бывший граф) в пьесе каламбурно противопоставлено дискурсивное значение этого прилагательного (бывшая курица), ср.:

«Оболянинов. А дальше я еду к вам в трамвае мимо Зоологического сада и вижу надпись: “Сегодня демонстрируется бывшая курица”. Меня настолько это заинтересовало, что я вышел из трамвая и спрашиваю у сторожа: “Скажите, пожалуйста, а кто она теперь, при советской власти? Он спрашивает: “Кто?” Я говорю: “Курица”. Он отвечает: “Она таперича пятах”. Оказывается, какой-то из этих бандитов, коммунистический профессор, сделал какую-то мерзость с несчастной курицей, вследствие чего она превратилась в петуха. У меня все перевернулось в голове, клянусь вам. Еду дальше, и мне начинает мерещиться: бывший тигр, он теперь, вероятно, слон. Кошмар!»).

Каламбурное смешение прямого и дискурсивного метонимического значения прилагательного *бывший* образовалось в результате смещения определения в словосочетаниях с наименованиями званий, должностей, титулов: бывший граф, бывший министр, на словосочетания с наименованиями животных: бывшая курица, бывший тигр, бывший слон. Полное описание использования различных метонимических значений в этой пьесе представлено в статье автора этих строк [Редькин, 2021].

В заключение следует отметить, что, анализируя метонимию в языке художественного произведения, необходимо рассматривать все разновидности этого тропа, в том числе и узуальную метонимию. Каждое слово в метонимическом значении в пьесе М. Булгакова имеет скрытую оценку – положительную или отрицательную. Например, слово *бумажка* в этих примерах имеет не только разные лексические значения (‘документ’ и ‘взятка’), но и противоположные с точки зрения участников диалога оценочные значения. С точки зрения Зои, слово *бумажка* в значении ‘документ’ имеет положительную оценку, потому что сохраняет ей служанку Маняшку. Зоя дает Аллилуе взятку в пятьдесят рублей, для конспирации дает слову *бумажка* мнимо отрицательную оценку, называя пятичервонную купюру *фальшивой бумажкой*, а Аллилуя поняв намек Зои, дает этому слову положительную оценку, характеризуя купюру как *хорошую бумажку*.

Наблюдения показывают, что названные выше разновидности метонимии выполняют разные функции. Сценическая метонимия служит для решения

общей задачи – определить все сюжетные линии и все дальнейшее развитие сюжетной интриги пьесы. Узуальная метонимия не в меньшей степени, чем дискурсивная, служит для речевой характеристики персонажа. Поскольку их роли выводятся из общим контекста драматического произведения, то при анализе языка художественного произведения узуальную и дискурсивную метонимию можно объединить понятием «контекстуальная метонимия». Таким образом, классификацию метонимии драматического произведения на материале пьесы М. Булгакова «Зойкина квартира» можно представить следующим образом.

1. Сценическая метонимия:
 - а) пространственно-временной «срез» 1;
 - б) пространственно-временной «срез» 2;
 - в) пространственно-временной срез 3.
2. Контекстуальная метонимия:
 - а) узуальная;
 - б) дискурсивная.

В творческом инструментарии М. Булгакова метонимия имеет особую ценность. Русский язык насковзь метонимичен. Мы, подобно мольеровскому Журдену, не знавшего, что он говорит прозой, не подозреваем, что изъясняемся метонимиями. Автор этих строк по диагонали просмотрел пьесы выдающихся русских драматургов XIX века и не обнаружил метонимического обыгрывания слов. И только в пьесах М. Булгакова наблюдается систематическое использование метонимии не только в речи персонажей, но и в авторских ремарках, что усиливает ценность этого тропа в творчестве М. Булгакова не только потому, что в ремарках драматург дает рекомендации актерам, как играть ту или иную сцену, и направляет внимание читателей на те части текста, на которые нужно обратить особое внимание, но и потому, что именно в ремарках раскрывается творческая лаборатория автора.

В булгаковских ремарках наряду со словесными метонимиями, содержатся метонимические музыкальные интертексты, раскрывающие глубинные связи драматических и музыкальных произведений. Проза М. Булгакова, по мнению некоторых исследователей, содержит элементы драматургии: прозаические описания событий напоминают авторские ремарки. Примером может служить начало романа «Белая гвардия». Хороший драматург должен изучать технические возможности устной речи, но не всякому дано найти в ней метонимию и творчески ее переработать. М. Булгаков сумел, и в этом ценность его драматургии.

А для лингвистов и литературоведов, изучающих язык великого русского писателя в рамках аксиологии, этот творческий прием также ценен, потому что открывает новый аспект в изучении языка художественной литературы. Перспективным является изучение метонимии в творчестве русских драматургов. Автор этих строк нашел творческое обыгрывание метонимий в пьесе В. Маяковского «Клоп». Возможно, этот прием используют и другие

драматургии. Дальнейшие исследования метонимии в драматургических текстах необходимы.

Литература

1. Барина К. В. Проявление карнавализованного сознания в отечественной драматургии 1920-х годов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3 (118). С. 110–117.
2. Пэк Сын Му. Символика пространства в пьесе М. Булгакова «Зойкина квартира» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 17. № 43–1. С. 283–287.
3. Раевская О. В. О некоторых типах дискурсивной метонимии // Известия АН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 2. С. 3–12.
4. Редькин С. В. Типы многозначности существительных в общелингвистическом и прикладном аспектах (на материале слов с инструментальным значением): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 21 с.
5. Редькин С. В. Полузабытая метонимия // Текст в социальном, политическом, культурном пространстве. Сборник научных трудов. М.: МФЮА, 2020. С. 351–363.
6. Редькин С. В. Метонимия как способ организации сюжета и языкового пространства в пьесе М. Булгакова «Зойкина квартира» // Текст в культурном, языковом, социальном пространстве. Сборник научных статей. – М.: МФЮА, 2021. С. 465–473.
7. Редькин С. В. Речевая полифония в пьесах М. Булгакова «Иван Васильевич» и «Блаженство» // Речевая полифония в пьесах М. Булгакова «Иван Васильевич» и «Блаженство». – М.: МФЮА, 2022. – С. 176–194.
8. Сандакова М. В. Метонимия прилагательного в русском языке. – Киров: Моск. пед. гос. ун-т, 2004. – 279 с.
9. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М., 1928.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПОВЕСТИ А. И. КУПРИНА «ОЛЕСЯ» И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ ЛАНЬ ИННЯНЯ

Хомук Н. В. (Томск, Россия)

Су Тэнфэй (Томск, Россия)

Аннотация. В статье сравнивается в лингвистическом аспекте русский оригинальный текст повести А. Куприна «Олеся» с китайским переводом 2004 года (переводчик Лань Иньянь). Сравнимые художественно-речевые формы распределяются по пяти тематическим пунктам: 1) этнографические бытовые реалии; 2) специфичные культурные реалии; 3) природные реалии эмпирического, фразеологического, метафорического и общезнакового

типа; 4) социокультурные характеристики персонажей; 5) эмоциональные состояния персонажей. Выбранные нами примеры из перевода Ланя Инняня свидетельствуют о поиске адекватности в границах эквивалентного перевода.

Abstract. *The article compares the original Russian text of A.Kuprin's novella "Olesya" from the linguistic aspect with the Chinese translation of 2004 (translator Lan Yingnan). The compared artistic and speech forms are divided into five thematic points: 1) ethnographic everyday realities; 2) specific cultural realities; 3) natural realities of an empirical, phraseological, metaphorical and general type; 4) socio-cultural characteristics of the characters; 5) emotional states of the characters. The examples we have selected from Lanya Nyan's translation indicate the search for adequacy within the boundaries of an equivalent translation.*

Ключевые слова: А. Куприн «Олеся», рецепция, адекватность, эквивалентность.

Keywords: A. Kuprin "Olesya", reception, adequacy, equivalence.

Лань Иннянь (г.р. 1933) является культуртрегером русской литературы. Переводя русскую литературу, он сознательно искал меру человеческой природы, отражал систему ценностей русской литературы. В 1989 году Лань Инняня пригласили преподавать китайский язык в Советском Союзе. Он стал свидетелем крупнейшего процесса перемен в современной мировой истории – распада Советского Союза. Среди его переводов – «Избранные романы и рассказы Куприна», «Воспоминания о Гоголе», «Доктор Живаго» и др. произведения русских писателей [Интервью с Лань Иннянем].

В художественном переводе переводчику необходимо соотнести два противоположных направления: с одной стороны, он должен стараться как можно точно воспроизвести русский текст (детали русской истории и культуры, тонкости русского мировосприятия и так далее). А с другой стороны, переводчик стремится упростить для читательского восприятия эти реалии, он следует принципу обобщения и некоторого упрощения с учетом родного для себя и китайского читателя культурного контекста. Чтобы китайский читатель мог войти в художественный мир А. Куприна, сопереживать, а не смотреть на текст как «чужое» сложное явление.

Для русских читателей, когда они читают отдельное произведение, важен контекст родной литературы, и шире – своей культуры. Например, малороссийский говор Ярмолы в повести «Олеся» не только показывает характер произношения местных жителей, но напоминает русскому читателю произведения писателя Николая Васильевича Гоголя о ведьмах. А китайский читатель этого контекста не знает. Или для русского читателя, знающего произведения Ивана Сергеевича Тургенева, герой «Олеси» соотносится с тургеневским дворянином-интеллигентом – тонким мечтательным человеком,

который всегда в сомнениях и не знает как включится в русскую жизнь. А читатель из Китая может не знать произведения Тургенева. Для неискушенного китайского читателя, даже при его знании русской литературы, этот контекст предстает простым и часто определяется стереотипами в восприятии чужой культуры.

Герой Куприна зависит от общества. Но в отличие от русских классиков (И. Тургенева и Л. Толстого) у Куприна в повести народный мир показан грубым и темным. Местные жители преследуют Олесю и ее бабушку, боясь их колдовства. Но эти женщины близки Природе. Они наделены удивительными способностями. Но при этом Олеся не дикарка, она разумно говорит, глубоко чувствует. Она своей красотой, цельностью натуры и любовью открывает Ивану Тимофеевичу красоту и тайну живого природного мира. Поэтому когда она решается пойти в церковь ради Ивана Тимофеевича и становится жертвой толпы – этот драматичный эпизод выражает грубую власть людского мира над отдельной личностью. Но и сама судьба не дает возможности двум любящим соединиться. И Иван Тимофеевич – тоже жертва такого исхода событий.

Русскоязычный оригинал повести «Олеся» нами сравнивается с китайским переводом в лингвистическом аспекте. Анализируемые художественно-речевые формы, распределяются по пяти тематическим пунктам:

- 1) этнографические бытовые реалии;
- 2) специфичные культурные реалии;
- 3) природные реалии эмпирического, фразеологического, метафорического и общезнакового типа;
- 4) социо-культурные характеристики персонажей;
- 5) эмоциональные состояния персонажей.

1. Этнографические бытовые реалии.

«Лапти» [Куприн, 1964, с. 243] – 草鞋 [《阿列霞》库普林著 (兰英年译, 2004, с. 6)]. «Лапти» на русском языке — это традиционная обувь, которую делают из древесной коры или ивы. Это очень старый вид обуви, который использовали в России до появления современной обуви. «草鞋» на китайском языке — это традиционная обувь, изготовленная из соломы или других растительных материалов. Это традиционная обувь для китайских крестьян.

«Вреда от нее много было: ссорилась со всеми, зелье под хаты подливала, закрутки вязала в жите...» [Куприн, 1964, с. 248].

«Зелье» [Куприн, 1964, с. 248] – 药水 [《阿列霞》库普林著 (兰英年译, 2004, с. 16)]. «Зелье» на русском языке обычно переводится на китайский как «药水». Это слово используется для обозначения лекарственного или магического напитка. Однако, в переводе Лань Инняня «药水», это слово может иметь другое значение. В китайском языке «药水» обычно означает лекарственный напиток, но также может использоваться в более широком смысле для обозначения любого вида лечебного средства.

«Закрутки» [Куприн, 1964, с. 248] – 打结子 [《阿列霞》库普林著 (兰英年译, 2004, с. 16)]. «Закрутки» на русском обычно переводится как «завязывание узлов» на китайском. Это слово обычно используется для описания процесса скручивания и фиксации нити, веревки или другого материала в определенную форму. Однако в переводе Лань Инняня «узлы» могут иметь другое значение. На китайском «завязывание узлов» не только означает физическое завязывание узлов, но и может символизировать психологическую заминку или сомнение.

2. Специфичные культурные реалии.

«Сказочная избушка на курьих ножках» [Куприн, 1964, с. 252] – 恰似题话中的鸡脚小屋 [《阿列霞》库普林著 (兰英年译, 2004, с. 25)]. Сказочная избушка на курьих ножках» в буквальном переводе с русского на китайский означает «сказочная хижина на куриных ножках». Это образ, взятый из русских народных сказок, обычно используется для описания места, полного тайн или сверхъестественного. Однако Лань Инньнь перевел это как «恰似题话中的鸡脚小屋», что в свободном переводе лучше передает ощущение таинственности и необычности оригинала.

«Бабы-яги» [Куприн, 1964, с. 252] – 女巫 [《阿列霞》库普林著 (兰英年译, 2004, с. 26)]. «Баба-яга» – персонаж из славянской мифологии, который часто описывается как страшная ведьма или колдунья. Баба-Яга обычно изображается как старая женщина, живущая в лесу в избушке на курьих ногах, и она может быть как врагом, так и помощником для тех, кто встречает ее в сказках. С другой стороны, перевод Лань Инняня «女巫» на китайском языке означает «ведьма» в более общем смысле. Это слово может использоваться для описания любой женщины, которая использует магию или ведовство, и не имеет конкретных культурных отсылок, как в случае с Баба-Ягой.

3. Природные реалии эмпирического, фразеологического, метафорического и общезнакового типа.

«Соколиный остров» [Куприн, 1964, с. 262] – 鹰岛 [《阿列霞》库普林著 (兰英年译, 2004, с. 48)]. Лань Иннянь перевел это как «鹰岛», что буквально означает «остров Орла». С точки зрения точности перевода, «Соколиный остров» более точно переводится как «鹰岛». Однако, с точки зрения культурного контекста, «鹰» в китайской культуре обычно ассоциируется с силой, упорством и высоким полетом, что может быть более подходящим для описания характера и атмосферы острова.

«Заяц ночью сильно подходил» [Куприн, 1964, с. 249] – 昨天夜里兔子跑的可欢了 [《阿列霞》库普林著 (兰英年译, 2004, с. 20)]. «Заяц ночью сильно подходил» в русском языке буквально означает «заяц сильно приблизился ночью». Однако Лань Инньнь перевел это как «昨天夜里兔子跑的可欢了» на китайском, что в свободном переводе означает «вчера ночью кролик бегал очень весело».

Кличка собаки крестьянина Ярмолы «Рябчик» [Куприн, 1964, с. 249] – 松狗 [《阿列霞》库普林著 (兰英年译, 2004, с. 20)]. «Рябчик» в русском языке

обозначает вид дичи, и на китайском языке – «松鸡». Это вполне точный перевод с точки зрения биологической классификации, так как оба термина относятся к одному и тому же виду птиц. Однако, в русской культуре «рябчик» может иметь дополнительные ассоциации, связанные с природой и охотой, которые могут отсутствовать в китайском контексте.

«**Отчаянно завизжал**» [Куприн, 1964, с. 249] – 没命的尖叫起来 [《阿列霞》库普林著 (兰英年译, 2004, с. 19)]. Лань Иннье перевел это как «кричал, как смертельно больной» на китайском. Этот перевод хорошо передает интенсивность эмоций собаки как отдельного живого существа, которое также испытывает боль как человек.

«**Присохнет, как на собаке**» [Куприн, 1964, с. 243] – 就像狗身上的伤口自己会愈合一样 [《阿列霞》库普林著 (兰英年译, 2004, с. 5)]. В переводе тоже так дословно перевел “присохнет как на собаке”, но в Китае обычно говорят: “Это как рана на собаке, которая затягивается сама собой”.

4. Социокультурные характеристики персонажей.

«**Я ни урядник, ни писарь, ни акцизный**» [Куприн, 1964, с. 257] – 我既不是县警察, 也不是录事, 更不是征税员 [《阿列霞》库普林著 (兰英年译, 2004, с. 36)]. В переводе Лань Инньянь, это предложение было переведено как «Я не уездный полицейский, не записывающий и не сборщик налогов». Возможно, это связано с тем, что в китайской культуре и истории «уездный полицейский» может быть легче понятен читателям в отношении обязанностей и статуса этой роли. Аналогично, «писарь» был переведен как «записывающий», что, возможно, связано с тем, что «записывающий» в китайской культуре является более распространенной должностью.

«**Ведьма, чертовка, каторжница**» [Куприн, 1964, с. 257] – 女巫, 妖精, 苦役犯 [《阿列霞》库普林著 (兰英年译, 2004, с. 38)]. «Каторжница» было переведено как «苦役犯» («каторжная работница»), что, возможно, связано с тем, что «苦役犯» в китайской культуре является более распространенным выражением для обозначения людей, занимающихся незаконной деятельностью. В целом, перевод Лань Инньянь учитывает культурный контекст Китая и понимание читателей, поэтому он выбрал некоторые слова, которые больше соответствуют китайской культуре.

«**Ногами егозит, стрекочит, сокочит**» [Куприн, 1964, с. 253] – 整天脚不沾家, 唧唧喳喳, 蹦蹦跳跳 [《阿列霞》库普林著 (兰英年译, 2004, с. 28)]. Перевод Лань Инньянь описывает человека, который постоянно перемещается, много говорит и демонстрирует активное поведение. Однако, это выражение может иметь более негативный оттенок, подчеркивая непостоянство и болтливость этого человека.

5. Эмоциональные состояния.

«**Тосковал страшно**» [Куприн, 1964, с. 243] – 心里郁闷极了 [《阿列霞》库普林著 (兰英年译, 2004, с. 6)]. В китайском языке, «心里郁闷极了»

означает, что человек чувствует себя очень подавленным или угнетенным. Это выражение обычно используется для описания чувства подавленности или угнетенности, которое человек испытывает. Но для русского текста важен культурный контекст специфичной «русской тоски», отраженный у многих писателей и задающий при внешней простоте выражения глубину душевного переживания.

О Ярмоле говорится: «**несловоохотность**» [Куприн, 1964, с. 247] – 轻易不说一句话 [《阿列霞》库普林著 (兰英年译, 2004, с. 15)]. Обычно по-русски говорится «несловоохотливость» на русском обычно означает неохоту к разговору или молчаливость. Это слово часто используется для описания человека, который не любит много говорить или часто сохраняет молчание. Но поскольку Ярмола – охотник, то в этой характеристике «неслово-**охотность**» возникает иронический подтекст. С другой стороны, перевод Лань Инняня «轻易不说一句话» на китайском может иметь более широкое значение. Это может описывать человека, который не только молчит, но и не склонен делиться своими мыслями или чувствами, если это не абсолютно необходимо. Этот перевод подчеркивает некую осторожность или сдержанность в общении.

Выбранные нами примеры из перевода Ланя Инняня свидетельствуют о поиске адекватности в границах эквивалентного перевода, который не может быть идеальным. «Термины «адекватность» и «адекватный» ориентированы на перевод как процесс, тогда как термины «эквивалентность» и «эквивалентный» имеют в виду отношение между исходным и конечным текстами, которые выполняют сходные коммуникативные функции в разных культурах. В отличие от адекватности эквивалентность ориентирована на результат» [Швейцер, 1988, с. 95]. С учетом прагматики читательской культурной коммуникации, определяемой конвенциями родной культуры, такая адекватность не нарушает границ эквивалентности сфере русской культуры, что позволяет высоко оценить китайский перевод повести А. Куприна «Олеся».

Литература

1. Интервью с Лань Иннянем // URL: <https://www.zgnfys.com/m/a/nfwx-5376.shtml> (дата обращения: 12.09.2024).
2. Куприн А. И. Собрание сочинений в девяти томах. М.: Правда, 1964. Т.2. С. 242–243.
3. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
4. 《阿列霞》库普林著 (兰英年译, 合肥: 安徽文艺出版社, 2004 年, 162页 (Куприн А.И. «Олеся» (перевод: Лань Иннянь). Аньхой, 2004).

**О ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ КЛАССИФИКАЦИИ СЛОВ,
ВВОДЯЩИХ ПРЯМУЮ РЕЧЬ В РУССКИХ ТЕКСТАХ***Уржа А. В. (Москва, Россия)*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы классификации различных языковых средств, вводящих прямую речь, с учетом не только семантических, но также морфологических и функционально-прагматических критериев. С опорой на опыт предшествующих классификаций рассматривается задача выделения и исследования функций рамки прямой речи, связанных:

1) с трансляцией отношения модусного субъекта реплики (говорящего) к ее содержанию и ситуации речи;

2) с передачей отношения повествователя / наблюдателя к говорящему, к значению и оформлению его фразы.

Abstract. The article deals with the topical issues of classification of various linguistic means introducing direct speech, taking into account not only semantic, but also morphological and functional-pragmatic criteria. Relying on the experience of previous classifications, the task of identifying and investigating the functions of the direct speech frame is related to: 1) the transmission of the attitude of the speaker to its content and the situation of speech; 2) the transmission of the attitude of the narrator/observer to the speaker, the meaning and design of his phrase.

Ключевые слова: рамка прямой речи, диалог, прагматика, функциональная классификация, перспектива.

Keywords: direct speech frame, dialog, pragmatics, functional classification, perspective.

Слова, вводящие прямую речь, достаточно давно находятся в фокусе лингвистических исследований [Кодухов, 1957; Милых, 1958; Уманцева, 1980], однако в наши дни, благодаря возможности работы с корпусными данными, их изучение активизировалось [Дюзенли, 2023; Уржа, 2023; Филатова, 2023]. У ученых появились инструменты для сопоставительного анализа частотности использования определенных лексем, вводящих прямую речь у разных авторов, а также для выделения наборов распространенных сочетаний таких слов [Уржа, Цяо, 2024]. С другой стороны, повышенное внимание филологов (как лингвистов, так и литературоведов, и переводоведов) привлекает феномен варьирования средств, вводящих реплики героев, в литературных традициях разных народов, и вопрос о способах передачи монотонной или, наоборот, постоянно изменяющейся диалогической рамки при переводе произведений на другой язык [Вежбицкая, 1996; Even-Zohar 1990 и др.]. На этом фоне все более ощутимой становится потребность в актуализации самой классификации слов, вводящих прямую речь в текстах на русском языке.

Обращаясь к истории вопроса, нетрудно заметить, что все труды о таксономиях языковых средств, вводящих речь, посвящены преимущественно глаголам. И в классических работах 50-х годов XX века, и в новых исследованиях глагол остается в центре внимания [Кодухов, 1957; Милых, 1958; Бессонова, 2011; Андреева, 2015]. Выделяются глаголы речи (со множеством подклассов, характеризующих громкость, скорость, тембр, фазу речи и т.п.), глаголы, называющие эмоции и их жестовые и мимические проявления, типы речевой деятельности и цели речевых актов. Ряд ученых включает в этот список и группу глаголов мысли, знания, воспоминания, так как они активно вводят внутренние реплики и монологи героев, также оформленные в виде прямой речи. Поскольку основания деления в таких классификациях семантические, то группы и подгруппы часто пересекаются: например, проявлению той или иной эмоции может способствовать как громкость реплики (*заорать*), так и ее замедленный темп (*процедить*), как неразборчивость (*пролепетать*), так и выделенная четкость произнесения (*отчеканить*). Важно подчеркнуть, что глаголы, вводящие прямую речь, всегда функционируют в контексте, а классификации ориентированы на универсальное употребление, а потому на практике изучение этого вопроса оказывается сложнее, чем в теории.

Кроме того, как уже было отмечено выше, недостаточно внимания пока уделяется другим языковым средствам, способным вводить прямую речь, в первую очередь – существительным. Ранее существительные попадали в сферу внимания авторов классификаций в основном благодаря деривационным связям с глаголами (так описывались слова *рассказ*, *крик* или *разговор*) [Кодухов, 1957, с. 21], однако, во-первых, многие существительные, обрамляющие реплики, не образованы от глаголов (*слово*, *фраза*, *голос*), а во-вторых, синтаксические условия употребления таких слов в рамке речи имеют свою специфику, допуская сочетание с глаголами разных смысловых групп (*раздался голос*, *завыл голос*). Не описан подробно и потенциал идиоматических сочетаний, способных вводить прямую речь (*сотрясать воздух*, *вставить свои пять копеек*) в русских текстах.

Все перечисленные группы средств (глаголы, существительные, идиомы) продолжают пополняться за счет заимствований и новых образований (*ност*, *мем*, *твитнуть*), активно вводящих реплики в социальных сетях и других сферах электронного общения.

Наконец, глаголы способны обрамлять реплики не только в личной форме, но и в виде деепричастий, причастий и инфинитивов. Со временем изменяется соотношение видовых характеристик конкретных глаголов в этой позиции, и эти феномены также нуждаются в изучении и описании.

Таким образом, в сфере классификации слов, вводящих прямую речь, возникает много новых задач, которые могут быть решены с учетом введения в нее новых критериев, уровней или аспектов. Слова должны дифференцироваться не только с опорой на их значения, но и на основании

их морфологических характеристик, а также прагматических свойств, проявляющихся при функционировании в текстах.

В данной статье мы обратимся к одной из таких задач, связанных с функционально-прагматическим аспектом классификации слов, вводящих прямую речь в произведениях на русском языке.

Если начать движение к формированию классификации слов, вводящих прямую речь, от текста, а не от словаря, то нетрудно заметить, что некоторые из таких слов транслируют читателю специфические смыслы, связанные с проявлением одного или нескольких субъектов модуса. При включении прямой речи в нарратив как минимум два таких субъекта всегда заслуживают внимания: это субъект реплики (которому принадлежит фраза) и повествующий субъект (который ввел эту фразу в текст). На практике ситуация может быть сложнее: рамка прямой речи способна отображать восприятие говорящего другим персонажем, наблюдающим за ним в хронотопе нарратива. Такие наблюдатели могут чередоваться; в некоторых случаях им может стать и всеведущий нарратор; наконец, повествующий может процитировать себя самого, и тогда роли субъекта реплики и субъекта-нарратора «накладываются» друг на друга. Таким образом, рамка прямой речи способна стать средством конструирования субъектной перспективы текста, иногда весьма сложной.

Для анализа приемов построения такой перспективы необходимо различать свойства средств речевой рамки, транслирующих характеристики говорящего и повествователя.

О состоянии говорящего, о его отношении к содержанию реплики и к ситуации речи мы можем судить по эмотивной составляющей семантики слова, вводящего речь [Шаховский, 2009]: она наличествует у слов, которые предшествующие исследователи относили к группам, называющим эмоции (*обрадоваться, удивиться*) или их проявление: звуковое (*взвизгнуть, заверещать, простонать, шипеть* и т.п.), жестовое (*всплеснуть руками, хлопнуть себя по лбу*), мимическое (*закатить глаза, погрозить пальцем*). Отношение к сообщаемому передавать некоторые глаголы общеречевого действия (*бросить, буркнуть*), а также слова, называющие иллокуции (*жаловаться, сетовать, восхвалять*). Существительные разных семантических групп также активно транслируют отношение говорящего к содержанию его фразы, например: *ворчание, жалоба, шутка, угроза, лозунг, девиз*. Значительное количество идиом также квалифицирует состояние субъекта реплики: *изливать душу, заливаться соловьем*.

Отношение повествователя (или наблюдателя-персонажа) к говорящему, содержанию его фраз и манере речи передается с помощью оценочных сем и коннотаций. Среди номинаций общеречевого действия это слова и выражения типа *брякнуть, вещать, разглагольствовать, сотрясать воздух, болтовня, вяканье*. Их оценочная окрашенность проявляется в толкованиях или словарных пометах, она тесно связана с их стилистической принадлежностью (чаще всего

к сниженному регистру речи). Слова, обозначающие характер звучания фразы, такие как *долбить*, *трещать*, *чесать язык*, *ор*, указывают на неприятные для воспринимателя звуки. Языковые средства, называющие тип речевой деятельности, также могут передавать отношение повествователя к субъекту прямой речи: *накропать*, *марать бумагу*, *каракули*, *мазня*. Особенно много слов с такой функцией среди обозначений иллюкуций: *ныть*, *ябедничать*, *похвальба*, *донос*, *заговаривать зубы*.

Обе описанные нами функции (указание на отношение субъекта реплики к ее содержанию и к ситуации речи и указание на отношение повествователя / наблюдателя к реплике и ее субъекту) очень важны для построения текста с прямой речью. Благодаря первой функции мы узнаем об эмоциях говорящих героев из обрамления диалога, он как бы готовит читателя к восприятию высказываний. Иногда эмоции в рамке и в самой реплике дублируют или взаимно усиливают друг друга (такой прием нередко использует Ф. М. Достоевский), но бывает и так, что фразы героев не содержат эмотивной и аффективной лексики, восклидательной интонации – и мы узнаем об эмоциональной напряженности диалога только из его обрамления (к такому приему прибегает, например, А. П. Чехов). Вторая функция выстраивает призму, сквозь которую мы воспринимаем говорящего и его образ: глядя на него глазами пристрастного наблюдателя, мы лучше понимаем отношения между персонажами, а если наблюдатели сменяют друг друга, образ становится стереоскопичным. Так, например, значительное количество слов с разными оценочными коннотациями, вводящих речь Катерины Ивановны в «Преступлении и наказании», позволяет читателю увидеть отношение к ней Раскольникова, Мармеладова, Сони, Лужина и других героев – и создает колоритный, противоречивый, драматичный образ. Для текстов с четкой оценочной позицией повествователя (например, в нравоучительных рассказах, сказках) характерен выбор рамки речи с выраженной аксиологической окраской.

Две выделенные нами функции могут быть реализованы одним и тем же языковым средством. Обозначение эмоции говорящего субъекта и его оценка совмещаются, например, в словах *ныть*, *лукавить*, *похвальба*, *огрызнуться*. Яркую оценочную окраску имеют обозначения некоторых чувств и их проявлений, типа *окрыситься* или *озвереть*, которые также могут вводить прямую речь.

Поскольку проявление оценочного отношения, так же как и проявление эмоции, могут быть реализованы в слове не на уровне семы, а на уровне коннотации, или «прагматического компонента» значения [Кобозева, 2000], то обосновывать отнесение слова к тому или иному классу нужно не только с опорой на его толкование в словаре, но и с учетом его функционирования в различных текстах, поэтому, на наш взгляд, разработка функционально-прагматического аспекта классификации слов и сочетаний, вводящих прямую речь, должна основываться на данных корпусов текстов, с учетом их диахронических характеристик.

Литература

1. Андреева Е. Г. Сопоставительный анализ семантических классов глаголов, вводящих прямую речь (английский и русский языки) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 1. С. 362–373.
2. Бессонова Ю. А. Семантическое микрополе глаголов речи в литературном языке и говорах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (8). С. 33–37.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
4. Дюзенли М. В. Стандартные операторы ввода прямой речи как маркеры идиостиля писателя // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2023. Т. 25. № 2. С. 199–210.
5. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: УРСС, 2000. 352 с.
6. Кодухов В. И. Прямая и косвенная речь в современном русском языке. Л.: Учпедгиз, 1957. 87 с.
7. Милых М. К. Прямая речь в художественной прозе. Ростов-на-Дону: Ростовское кн. изд., 1958. 240 с.
8. Уманцева Л. В. Лексико-грамматические свойства глаголов и глагольных словосочетаний, вводящих прямую речь: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1980. 27 с.
9. Уржа А. В. Варьирование средств, вводящих речь, в текстах русских писателей: к постановке проблемы перевода // Современная лингвистика: от теории к практике: III Казанский международный лингвистический саммит. Тр. и матер.: в 3 т. / под общ. ред. И. Э. Ярмакеева, Ф. Х. Тарасовой. Казань: Издательство Казанского университета: 2023. С. 189–191.
10. Уржа А. В., Цяо В. К. вопросу о функционально-семантической классификации средств введения прямой речи в текст и о ее применении в исследовании поэтики произведения. Часть 1 // Новый филологический вестник. 2024. № 2 (69). С. 340–349.
11. Филатова Г. А. Стилистическая интерпретация глаголов речевого действия при переводе фантастического текста // Новый филологический вестник. 2023. № 4 (67). С. 58–69.
12. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 208 с.
13. Even-Zohar I. Depletion and Shift // Polysystem Studies. Poetics Today. 1990a. № 11(1). P. 195–206.

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ
ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ
В ТЕКСТЕ РОМАНА «ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ»

Федорова Е. Л. (Москва, Россия)

***Аннотация.** В статье исследуются речевые стратегии главного героя романа Порфирия Петровича в контексте аксиосферы романа Михаила Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Основное внимание уделяется анализу семантики и прагматики идентичности, что позволяет более глубоко понять механизмы создания образа персонажа и его социальную ситуацию. Рассматриваются лексические и грамматические особенности речи Порфирия Петровича, а также их влияние на формирование представлений о его личности в тексте. Исследуются специфические речевые приемы, применяемые для достижения коммуникативных целей, включая манипуляции с общественными и культурными символами. Выявление речевых тактик и их связь с идентичностью позволяет более полно оценить языковые инструменты самоутверждения и взаимодействия с окружающим миром. Основные выводы подчеркивают важность речевых практик для конструирования идентичности персонажа и его восприятия окружающими. Результаты исследования способствуют более глубокому пониманию не только литературного произведения, но и механизмов речевой коммуникации в широком смысле.*

***Abstract.** The article examines the speech strategies of the main character of Porfiry Petrovich's novel, the main character, in the context of the axiosphere of Mikhail Saltykov-Shchedrin's novel "Gentlemen Golovlevs". The main attention is paid to the analysis of the semantics and pragmatics of identity, which allows a deeper understanding of the mechanisms of creating a character's image and his social situation. The lexical and grammatical features of Porfiry Petrovich's speech are considered, as well as their influence on the formation of ideas about his personality in the text. The specific speech techniques used to achieve communicative goals, including manipulations with social and cultural symbols, are investigated. The identification of speech tactics and their connection with identity allows for a more complete assessment of the linguistic tools of self-affirmation and interaction with the outside world. The main conclusions emphasize the importance of speech practices for constructing the identity of a character and his perception by others. The results of the study contribute to a deeper understanding not only of the literary work, but also of the mechanisms of speech communication in a broad sense.*

***Ключевые слова:** речевые стратегии, коммуникативные цели, культурные символы, аксиосфера, речевые приемы.*

***Keywords:** speech strategies, communicative goals, cultural symbols, axiosphere, speech techniques.*

Актуальность исследования:

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью углубленного изучения речевых практик персонажей в контексте их социальной идентичности и учета культурного контекста. Речь Порфирия Петровича, центральной фигуры романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы», предлагает богатый материал для анализа речевых стратегий и тактик, используемых для конструирования и выражения идентичности. Исследование семантики и прагматики позволяет не только выявить манипулятивные механизмы общения, но также понять, как языковые средства способствуют формированию социальной реальности и отражают сложные отношения между личностью и обществом. В свете современных исследований в области лингвистики и социологии, изучение этих аспектов становится особенно актуальным, так как они открывают новые горизонты для интерпретации текстов и их значения в контексте историко-культурного наследия.

Цель исследования:

Цель данного исследования заключается в комплексном анализе речевых стратегий и тактик Порфирия Петровича в романе «Господа Головлёвы», с акцентом на их влияние на формирование и представление идентичности персонажа в рамках аксиосферы текста. Исследование стремится выявить, каким образом языковые средства взаимодействуют с социальными и культурными кодами, что позволяет глубже понять не только внутренний мир главного героя, но и его место в обществе. Кроме того, работа нацелена на исследование взаимосвязи между семантическими и прагматическими аспектами речевой активности Порфирия Петровича, что способно раскрыть скрытые механизмы манипуляции и воздействия, используемые им для достижения личных целей в контексте романа.

Задачи исследования:

1. Анализ речевых стратегий: Исследовать речевые стратегии, использованные Порфирием Петровичем, с акцентом на их функциональные особенности и взаимодействие с контекстом аксиосферы романа для выявления способов конструирования идентичности.

2. Изучение семантики и прагматики: Проанализировать семантические и прагматические аспекты высказываний персонажа, чтобы определить, как эти характеристики способствуют формированию его социальной роли и взаимодействию с другими персонажами.

3. Выявление манипулятивных механизмов: Исследовать речевые тактики, применяемые Порфирием Петровичем для манипуляции восприятием окружающих.

Методология исследования:

1. Лингвистический анализ текста позволяет выявить характерные особенности речевого поведения Порфирия Петровича в контексте его идентичности.

2. Контекстуально-аналитический анализ позволяет сделать выводы об аксиосфере текста, учитывать социальные, культурные и исторические аспекты, влияющие на коммуникацию персонажа.

Введение

Произведение М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» как один из важнейших элементов русской литературы XIX века представляет собой многослойный текст, в котором затрагиваются сложные вопросы морали, идентичности и социальных отношений. Порфирий Петрович, один из центральных персонажей романа, служит не только двигателем сюжета, но и олицетворением различных социальных и культурных явлений своей эпохи. Его речевые стратегии и тактики становятся важными инструментами, позволяющими понять не только его личностные черты, но и общественные процессы, происходившие в России XIX века.

Изучение речевого поведения Порфирия Петровича открывает возможности к более глубокому пониманию динамики идентичности, так как каждая его реплика содержит в себе не только лексическую и синтаксическую наполненность, но и контекстуальные отсылки, обращенные к аксиосфере. Эти элементы формируют его социальный статус и определяют взаимодействие с другими персонажами. Как человек, чья речь пронизана противоречиями и иронией, Порфирий Петрович становится символом конфликтов и дилемм, присущих не только ему, но и всему обществу.

Анализ речи персонажа, позволяет понять, как язык отражает и создает личностную идентичность, как в каждом слове заключены невидимые нити, связывающие личное с социальным, индивидуальное с коллективным. В статье анализируются не только речевые стратегии Порфирия Петровича, но прослеживается их соотношение с аксиосферой произведения. Это позволяет создать многогранный портрет главного персонажа с его ценностями, нашедшими отражение в романе.

Основная часть

Интерес к речевым стратегиям, речи персонажей литературных произведений в последнее время нашел отражение во многих работах исследователей С. И. Виноградова [Виноградов, 1996], О. С. Иссерс [Иссерс, 2006], В. И. Карасика [Карасик, 1992], И. М. Кобозевой [Кобзева, 1988], А. А. Романова [Романов, 1988], Э.Э. Шуберт [Шуберт, 2006] и многих других.

Речевые стратегии работающие в отдельной языковой коммуникации реализуются прежде всего в диалоге, а ведение диалога зависит от особенностей, внутренней характеристики персонажа.

Л. Л. Федорова предлагает следующие типы речевого воздействия: 1) социальное; 2) волеизъявление; 3) разъяснение и информирование; 4) оценочное и эмоциональное. Социальное – это определенные социальные акты – приветствия, клятва, молитва. Волеизъявление – это речевые акты, направленные на выполнение воли говорящего – приказов, просьб, советов и т.д. Разъяснение, информирование – это доклад, сообщение, объяснение.

Оценочное, эмоциональное воздействие – это область субъективно-эмоциональных отношений – порицание, угроза, обвинение и т.д. [Федорова, 1991, с. 46]. Основой классификации Л. Л. Федоровой является тип речевых действий.

«Речевое воздействие – однонаправленное речевое действие, содержанием которого является социальное воздействие на говорящего в процессе общения» [Федорова, 1991, с. 48].

Воздействие может быть намеренным (интенциональным) и побочным (неинтенциональным) [Кобзева, 1988, с. 463]. Первое может осуществляться посредством: авторитета, манипуляции; убеждения, аргументации; физической или психической силы. Последние три способа могут применяться и в побочном воздействии, когда говорящий, не осознавая до конца цель речевых действий, имеет четкую установку, мотив ее достижения [Вишневецкая, 2024]. Н.К. Петрова в статье «Речевая характеристика Иудушки Головлева» отмечает, что роман прежде всего связан с внутренними изменениями героя, которые происходят с ним на протяжении всего произведения: Драраматические коллизии первых глав романа постепенно сменяются психологической драмой, в которой раскрывается потрясающая история «умертвий» человеческих и процесс пробуждения совести, осознание своей вины Иудушкой, ибо он был «настоящей душой» семейного разрушения и гибели всех близких. Характер раскрывается не в привычной для читателя форме, через поступки и события, а через речь, жесты, мимику, поведение и авторскую оценку других персонажей» [Петрова, 1969, с. 25].

Порфирий Владимирович Головлев, фигура в романе трагическая, в конце жизни он теряет связь с реальностью, и остается бесконечно одиноким. А начинается все со слова и поощрения слова неискреннего, лстивого, чтобы только угодить маменьке, «дружочку», Арине Петровне. Он рано был вынужден приспособливаться к домашней атмосфере, наушничества, зависти, пренебрежения к отцу. Главной в семействе Головлевых являлась матушка Арина Петровна, заправляющая всем поместьем, занятая тем, чтобы увеличить состояние семьи. Так «Порфирии Владимырыч известен был в семействе под тремя именами: Иудушки, кровопивушки и откровенного мальчика... С младенческих лет любил он приласкаться к милому другу маменьке, украдкой поцеловать ее в плечико, а иногда и слегка понаушничать» [Петрова, 1969, с. 26]. Несмотря на такое отношение сына, Арина Петровна чувствует смутную тревогу: «Так вот и поливает ядом, так и «подманивает»,— говорит она.

Писатель отмечает, что Порфирий, «проведя более тридцати лет в тусклой атмосфере департамента, приобрел все привычки и вожеления закоренелого чиновника...» [Салтыков-Щедрин, 1972, с. 124]. Характер героя раскрывается в письмах, которые он присылает из столицы домой, и даже маленькая просьба оформляется героем в лстивые интонации: «Следует мне еще шесть с полтиной дополучить, в чем и прошу вас мне почтеннейше извинить» [Салтыков-

Щедрин, 1972, с. 144]. А вот еще одно письмо: «деньги столько-то и на такой-то срок, бесценный друг маменька, от доверенного вашего, крестьянина Ерофеева, получил,— уведомляя, например, Порфирий Владимирович: — а за присылку оных, для употребления на мое содержание, согласно вашему, милая маменька, соизволению, приношу чувствительнейшую благодарность и с нелицемерною сыновнею преданностью целую ваши ручки... Знаю, милый дружок маменька, что вы несете непосильные тяготы ради нас, недостойных детей ваших; знаю, что мы очень часто своим поведением не оправдываем ваших материнских о нас попечений и, что всего хуже, по свойственному человеку заблуждению, даже забываем о сем, в чем и приношу вам искреннее сыновнее извинение, надеясь со временем от порока сего избавиться и быть в употреблении присылаемых вами, бесценный друг маменька, на содержание и прочие расходы денег осмотрительным» [Салтыков-Щедрин, 1972, с. 256].

Н. К. Петрова отмечает, что «язык писем Порфирия — образец административно-канцелярской речи, имевшей широкое распространение и в газетной публицистике того времени и в быту» [Петрова, 1969, с. 26]. Язык мертвый, заменяющий искренние отношения в семье, на казенное информирование, где речь чем запутаннее, тем надежнее для адресанта.

Когда умирает его сестра Анна, он шлет домой очередное письмо: «Известие о кончине любимой сестрицы и доброй подруги детства Анны Владимировны поразило мое сердце скорбию, каковая скорбь еще более усилилась при мысли, что вам, милый друг маменька, посылается еще новый крест, в лице двух сирот-малюток» [Салтыков-Щедрин, 1972, с. 200].

Отклик на событие Порфирия Владимировича, это не просто эмоциональный отклик на смерть сестры, а многоуровневая конструкция: помимо выражения «скорби», намек матери, что она берет на себя ответственность заботиться о двух детях. Здесь и скрытая похвала матери, и намек подумать, что делать с детьми. Арина Петровна поступит так, как уговорит ее сын: «выкинет кусок» сиротам. Однако мать Порфирия Владимировича чувствует ложь и неискренность сына в словах: «Ишь ведь как пишет! Ишь как языком-то вертит! — восклицала она: — недаром Степка-балбес Иудушкой его прозвал! Ни одного-то ведь слова верного нет! Все-то он лжет!.. Ничего он этого не чувствует!» [Салтыков-Щедрин, 1972, с. 98].

Через речь Салтыков-Щедрин не только дает характеристику персонажу, его мировоззрению, занимаемому им социальному уровню, но и отчасти пародирует официальный язык, иронизирует над канцелярскими клише. Писатель отмечает, что писать письма и составлять деловые бумаги в нынешнем обществе не то «чтобы лгать, а так объясняться, чтобы никто ничего не понимал, а всякий бы облизывался» [Салтыков-Щедрин, 1972, с. 176].

В романе почти никто не может сопротивляться паутине слов Порфирия Владимировича. Легче с ним согласится, принять и утонуть в елейных словах Иудушки.

Сцена свидания Порфирия Владимировича с умирающим братом ярко показывает как выстраивает он свои диалоги:

«Глаза Иудушки смотрели светло, по-родственному, но больной очень хорошо видел, что в этих глазах скрывается «петля», которая вот-вот сейчас выскочит и захлестнет ему горло.

— Ах, брат, брат! какая ты бяка сделался! — продолжал подшучивать по-родственному Иудушка. — А ты возьми да и прибодрись! Встань да и побеги! Труском-труском — пусть-ка, мол, маменька полюбуется, какими мы молодцами стали! Фу-ты! ну-ты!

— Иди, кровопивец, вон! — отчаянно крикнул больной.

— А-а-ах! брат, брат! Я к тебе с лаской да с утешением, а ты... какое ты слово сказал! А-а-ах, грех какой! И как это язык у тебя, дружок, повернулся, чтоб этакое слово родному брату сказать! Стыдно, голубчик, даже очень стыдно! Постой-ка, я лучше подушечку тебе поправлю!...

— Уйди... ты!

— Ах, как болезнь-то, однако, тебя испортила! Даже характер в тебе — и тот какой-то строптивый стал! Уйди да уйди — ну как я уйду! Вот тебе испить захочется — я водички подам: вон лампадка не в исправности — я и лампадочку поправлю, маслица деревяненького подолью. Ты полежишь, я посижу; тихо да смирно — и не увидим, как время пройдет!» [Салтыков-Щедрин, 1972, с. 302].

Иудушка спешит «похоронить», «накинуть петлю» на братца, чтобы получить наследство, денежные средства. И родной брат это понимает и не может ему сопротивляться, слабо пытаясь его отогнать от своей постели.

Диалог братьев демонстрирует яркие черты речевой стратегии Порфирия Владимировича (Иудушки) и его манипулятивного поведения в общении. Сцена разговора с умирающим братом очень показательна с точки зрения анализа языка и подтекста, которые скрыты за кажущейся доброжелательностью.

В первой части диалога Иудушка использует ироничные и шуточные обращения к брату («бяка», «брат, брат!»), создавая иллюзию близости и заботы. Однако под этой маской скрывается очевидная цель — манипуляция чувствами больного для достижения своих интересов. Иудушка стремится подчинить волю собеседника, заставляя его чувствовать вину и замешательство.

Замечания Иудушки о том, как его брат «испортился» из-за болезни, а также попытки отвлечь его на разговор о том, чтобы встать и удивить мать, создают парадоксальную ситуацию. Вместо того чтобы говорить о серьезном состоянии здоровья, он предпочитает легкомысленные фразы, что создает неискреннюю атмосферу общения. Использование таких формулировок помогает герою продолжать контролировать разговор, избегать обсуждения истинных проблем. Он словно накидывает петлю на больного брата, которая «вот-вот сейчас выскочит и захлестнет ему горло». Автор использует метафору, которая выявляет истинные намерения Порфирия Владимировича и связывает этот

образ с образом евангельского Иуды, с предательством и обманом. Эта «петля» является символом не только физического контроля, но и контроля над судьбой, когда Иудушка стремится унаследовать богатство, прибегая к психологической тактике.

Иудушка, облекая свои действия в форму заботы, фактически обрекает своих близких на страдания и смерть. На совести героя смерти сыновей Петеньки и Володеньки, трагический жизненный финал племянниц Анниньки и Любиньки. Используя в каждом случае облюбованную им речевую тактику «селейных речей» и призывов к совести, он не то чтобы лжет всем вокруг, «а так объясняется, чтобы никто ничего не понимал, а всякий бы облизывался». Слова — это орудие, способствующее распаду связей в семье и неискренности в человеческих отношениях. Такое поведение главного героя ведет к трагическому финалу, отражая пессимистичное восприятие социальной реальности писателем.

Судьба Порфирия Владимировича Головлева до некоторой степени типична. Салтыков-Щедрин пишет о нем: «Не надо думать, что Иудушка был лицемер в смысле, например, Тартюфа или любого современного французского буржуа... Нет, ежели он и был лицемер, то лицемер чисто русского пошиба, то есть просто человек, лишенный всякого нравственного мерил и не знающий иной истины, кроме той, которая значится в азбучных прописях. Он был невежествен без границ, сутяга, лгун, пустослов... Все это такие отрицательные качества, которые отнюдь не могут дать прочного материала для действительного лицемерия» [Салтыков-Щедрин, 1972, с. 375]. Можно сделать вывод, что за словами Порфирия Владимировича скрывается пустота не только умственная, но и нравственная, душевная.

Вывод:

Стремление к богатству, желание владеть усадьбой, слыть богатым помещиком толкают героя на путь лжи и лицемерия, к которым он привык с детства. И в свою очередь, сформировало основу его речевое поведение с окружающими. За пустыми словами, которые Салтыков-Щедрин называет «ядом», «паутиной», «петлей», слова «словно густая слюна», «целые массы словесного гноя» скрывается внутренняя постылость Порфирия Владимировича. Иудушка живет без нравственных ориентиров, так как и не знает их, а общество, социальное положение, которое он занимает, и не требует этого от человека.

Ложь становится не просто инструментом манипуляции, но и средством самоутверждения. Он использует речь для создания образа, который апеллирует к ожиданиям окружающих, нежели отражает его истинную сущность. Слова, которые Иудушка говорит матери, брату должны принести радость общения, помощь, на деле оказываются той самой «петлей», которая накидывается на шею. Все речи героя призваны запутать, подчинить, отнять способность сопротивляться у слушателя. Стоит отметить, что Иудушка постоянно

апеллирует к Евангелию, притчам, Ветхому завету, когда говорит о сыновнем долге по отношению к нему, или говорит о молитве, о смерти. Он мастерски вставляет нужные цитаты для подтверждения своего высказывания, только слова его пусты, нет в них внутреннего наполнения живой водой души, они могут только разрушать, становится источником разложения и зла. Цена его слова оказалась очень высока – одиночество в почти разрушенной головлевской усадьбе.

Таким образом, анализируя текст Салтыкова-Щедрина через призму аксиосферы, можно сделать вывод, что стремление к богатству и статусу оборачивается для героя не только нравственным и личным кризисом, но разрушает саму основу человеческих отношений. Ложь и лицемерие, пустословие, манипуляция близкими становятся необходимыми механизмами, придающими смысл его жизни, но в конечном итоге оставляющими его одиноким и духовно опустошенным.

Литература

1. Виноградов С. И. Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. 441 с.
2. Вишневецкая Н. А., Козлова О. П., Романова О. Н. Понятие речевых стратегий и дискурс [Электронный ресурс] // URL: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/24.html (дата обращения: 20.09.2024).
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2006. 288 с.
4. Карасик В. И. Социальный статус человека в лингвистическом аспекте // «Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания: сб. научно-аналитических обзоров. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 1992. С. 47–85.
5. Кобозева И. М. Об одном способе косвенного информирования // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1988. Т. 47. № 5. С. 462–470.
6. Петрова Н. К. Речевая характеристика Иудушки Головлева // Русская речь, 1969. № 6, С. 25–29.
7. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: ИЯ АН СССР, 1988. 183 с.
8. Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлевы / Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в 20-и тт. /Т. 13. М.: Художественная литература, 1972. 560 с.
9. Федорова Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 46–50.
10. Шуберт Э. Э. Дискуссионные единицы, уровни, приемы и принципы речевого воздействия в когнитивном аспекте: автореф. дис. ... к. филол. н. Краснодар, 2006. 22 с.

**«ПОСЛЕ НАС»: ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА
ЧЕРЕЗ ЕГО СИНТАКСИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО**

Щербакова-Калинина А. А. (Москва, Россия)

Аннотация. *Статья посвящена анализу синтаксических конструкций, значимых для создания смысла текста Е. Летова «После нас».*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of syntactic constructions significant for creating the meaning of E. Letov's text «After us».*

Ключевые слова: *синтаксис, Егор Летов, неопределенно-личные предложения, многоточие, сочинительные союзы.*

Keywords: *syntax, Egor Letov, vaguely personal sentences, ellipsis, compositional conjunctions.*

Размышляя о том, какие средства использует автор для передачи смыслов и выражения своих ценностных суждений: «синтаксические средства, в частности модели предложений, конструкции, порядок слов и союзы, не только участвуют в оформлении мыслей о ценностях и оценках, но и включают в свой функциональный диапазон способность выражать оценочную семантику и отображать ценностные представления» [Сигал, 2019, с. 239] – текст песни «После нас» Егора Летова способен выступить в качестве иллюстрации данной мысли. В статье мы рассмотрим то, как синтаксическое устройство участвует в создании смысла текста песни Е. Летова «После нас».

Анализируемая песня была выпущена в альбоме «Реанимация» в 2005 г., ее текст также присутствует в сборнике стихотворений Летова «Стихи» и датируется 2003 г. По воспоминаниям самого Летова, ««Реанимация» – и песня, и альбом, написаны после очередного посещения реанимации, или прямо там, в больнице» [Реанимация], данный альбом – заключительная часть диалогии «Долгая счастливая жизнь – Реанимация», которая представляет из себя «28 взглядов одного и того же человека, который родился и ходит, болтается между адом и раем» [Трудно быть богом]. Композиция «После нас» является заключительной, и если рассматривать альбом как самостоятельное целостное художественное произведение, то можно сказать, что она выступает как некоторый эпилог, завершение для «Реанимации». Для наглядности приведем текст, который будет проанализирован далее:

Будет теплое пальто
Будет всякое не то
Камышовый порхающий мех
Голубые города
Воронья борода
Отдаленный мерцающий бог
Будут пыльные глаза
И цветные голоса

Раздирающий гневный звонок
Воспаленные мешки
Осторожные грешки
И большой восклицательный знак

Но нас поймали на волшебный крючок
Всех нас поймали на волшебный крючок
И лишь оскаленное время после нас,
после нас...

Мир составленный из слов
Праздник шепота и снов
Чудотворный спасительный зной
Сказки песни о котках
Ведмедях и кабанах
Про весенний несбыточный сад

Но нас поймали на волшебный крючок
Всех нас поймали на волшебный крючок
И лишь отравленные тени после нас
после нас...

.....
Но нас поймали. [Летов, 2011, с. 499]

В первую очередь обратим внимание на особенности пунктуационной оформленности текста, а точнее – практически полное ее отсутствие (за исключением знаков препинания в припеве: запятой, обособляющей однородные обстоятельства, и многоточия, служащего для завершения предложения), которое дает нам некоторую свободу при определении типов конструкций: как известно, «креативный потенциал восприятия авторского текста без знаков препинания гораздо выше, так как позволяет осмыслить текст творчески, самостоятельно, тонко» [Гоголина, 2012, с. 145]. Рассмотрим первую строфу. Относительно строк «будет теплое пальто» и «будет всякое не то» вопросов не возникает (здесь налицо двусоставные предложения), варианты появляются на стыке второй и третьей строк: во-первых, мы можем поставить запятую или точку – «в результате парцелляции однородные члены предложения трансформируются в бытийные предложения синкретичного характера: в них сочетаются свойства бытийных предложений с признаками именительного представления» [Бабайцева, 2004, с. 333], во-вторых, возможно принять «всякое не то» за обобщающее слово (в данном контексте местоимение «всякий» семантически сближается с прилагательным «разный»), тогда существительные, которые до этого выступали в качестве раздельно оформленных односоставных номинативных, становятся однородными подлежащими, в-третьих, мы можем использовать тире, тогда

возникает контаминация смыслов: «в бессоюзном сложном предложении тире «берет на себя» значение двоеточия как знака разъяснения» [Фоминых, 2013, с. 106], но вместе с тем оно выражает свою первоначальную семантику – следствие (перед реципиентом возникает картина мира, такого, каким он станет вследствие возникновения «всякого не того»). Ср.: «Будет всякое не то, камышовый порхающий мех, голубые города, воронья борода, отдаленный мерцающий бог» – «Будет всякое не то: камышовый порхающий мех, голубые города, воронья борода, отдаленный мерцающий бог» – «Будет всякое не то – камышовый порхающий мех, голубые города, воронья борода, отдаленный мерцающий бог».

Рассматривая пунктуационные особенности «После нас», нельзя не упомянуть о многоточиях, которые также участвуют в смыслообразовании, так как кроме свободы интерпретации текста отсутствие пунктуации порождает контраст, благодаря которому создается акцент на немногочисленных знаках препинания, которые все же присутствуют в стихотворении – в данном случае на многоточии. Как известно, «самый большой эффект неожиданности соответствует многоточию: функция соединения проявляется здесь в наименьшей степени, и само многоточие выражает недоговоренность, оборванность мысли» [Фоминых, 2013, с. 116] – на наш взгляд, именно эту функцию использует Е. Летов при создании своего текста. Оба припева песни заканчиваются многоточиями, как бы создавая эффект незавершенности событий или же завершение событий только для лирического героя и неупомянутых «нас» – «оскаленное время» и «отравленные тени» остаются сами по себе, и то, что будет происходить дальше герою и читателю неизвестно, собственно, это и не важно – «нас поймали на волшебный крючок», следовательно, никаких «нас» больше нет. Данная мысль вполне отвечает ценностным установкам Е. Летова периода 1997–2007 гг.: «категория смерти, впрочем, по-прежнему выделяется среди остальных <...> Смерть изображается поэтом как неизбежное. Появляется смирение» [Новицкая, 2013, с. 178], «лирический герой задается вопросами, которые пятнадцать лет назад не могли прийти ему в голову: что же все-таки в том идеальном пространстве, куда он так упорно стремится? Что его ждет после смерти? Каково это посмертное бытие?» [Новицкая, 2013, с. 178].

Кроме отсутствия знаков препинания в «После нас» проявляются и другие черты, характерные для летовской поэзии, например, многозначность синтаксических конструкций. Эта многозначность возникает уже в первой строфе, где представлены типичные двусоставные предложения: в первой строке с подлежащим, выраженным существительным «пальто», и сказуемым, выраженным глаголом «быть» в форме единственного числа будущего времени, а во второй – с составным подлежащим «всякое не то» и анафорически повторенным сказуемым «будет». «Сопоставляя некоторые двусоставные и односоставные бытийные предложения, видим, что они образуют синтаксические синонимы, которые близки по информативной семантике, но различаются по структуре. Если в односоставных

предложениях бытие предмета мысли/речи представляется в настоящем времени, то в двусоставных предложениях глагольные сказуемые могут выражать временные изменения в бытии» [Бабайцева, 2004, с. 321]. Ср.: «Будет теплое пальто / Будет всякое не то» – «Теплое пальто / Всякое не то». Обратный пример мы видим в третьей строфе, где используются типичные односоставные номинативные конструкции, но которые могут трансформироваться и в двусоставные: «Голубые города» – «Будут голубые города» (обратим внимание, что будущее время мы выбрали не случайно – оно более органично для данного текста, так как именно такая временная направленность задается в начале строфы с помощью глагола «быть» в форме будущего времени, вынесенного в начало строки, в детерминирующую позицию, и, следовательно, с его помощью задается время повествования для всей строфы) или «И лишь оскаленное время после нас» – «Оскаленное время будет после нас».

Следующая важная для понимания смысла текста конструкция – неопределенно-личные предложения. В отличие от номинативных, которые появляются в обоих куплетах, а также в припеве («грешки», «мир», «время» и т.п.), неопределенно-личные появляются только в припеве: «Но нас поймали на волшебный крючок», «Всех нас поймали на волшебный крючок». За счет усиления внимания с помощью противительного союза «но» в начале строки, данная конструкция становится особенно значимой: меняется временной план повествования, вводится новое действующее лицо. Представленные неопределенно-личные конструкции явно имеют семантику неопределенности с оттенком неполноты знания лирического героя о деятеле, а в данном контексте можно говорить и о том, «за неупомнутым деятелем также может скрываться некая сила, которая обладает властью, недоступной лирическому герою и обществу, и может вершить человеческие судьбы» [Щербакова-Калинина, 2024, с. 82]. Есть некие «они», которые поймали «нас» (заметим, что здесь идет соотнесение лирического героя с его окружением, т.е. тот, кто поймал, иерархически выше не только лирического героя, но и его окружения) на волшебный крючок и тем самым нарушили образ будущего, который автор выстраивал в куплете.

Если говорить о видах связи, то в данном тексте представлены как бессоюзная, так и сочинительная связи, стоит отметить, что бессоюзная все-таки превалирует, однако в «После нас» интереснее обратить внимание на сложносочиненные предложения, так как именно союзные связи наряду с несотнесенностью видо-временных форм глаголов-сказуемых участвуют в создании художественно-временного пространства текста.

Во-первых, сочинительные связи проявляются за счет противительного союза «но», который выражает противительно-ограничительные отношения. Как было замечено ранее, союз «но» участвует в создании художественно-временного пространства текста: противопоставляет образ будущего, обозначенный в куплетах, действительно произошедшим событиям прошлого, о которых говорится в припевах. Так, союз «но» как бы перечеркивает планы

лирического героя, отрицает возможность их осуществления, а «позиция абсолютного начала предложения, т.е. позиция сближения с семантикой слова *нет*, в максимальной степени реализует сему возражения в семантической структуре слова *но*» [Милованова, 2015, с. 121].

Во-вторых, сочинительная связь реализуется с помощью сочинительного союза «и», выражающего соединительно-распространительную семантику с оттенком результативно-следственной: делает акцент на добавочной информации, которая является следствием действия, приведенного в первой предикативной части сложносочиненного предложения (на следствие указывает лексический элемент – частица «лишь», иначе: «Но нас поймали на волшебный крючок / И остались только отравленные тени» (т.е. без нас), таким образом, предикативная часть, присоединяемая сочинительным союзом «и», подводит итог всему произошедшему в начале и создает эпилог для отдельных куплетов и для произведения в целом.

Вместе с противительным союзом «но» смену плана повествования отражает и несоотнесенность видо-временных форм глаголов. Текст условно можно разделить на две части, которые тесно связаны с делением песни на куплеты и припевы. В первой части (куплетах) используются глаголы в форме будущего времени несовершенного вида – формы глагола «быть». Первая часть создает образ будущего, лирический герой с уверенностью говорит о том, что ждет его в будущем. Однако в припеве этот образ разрушается, Летов вводит глаголы совершенного вида в прошедшем времени – «поймали». Таким образом, в куплетах и припевах возникает несоотнесенность видо-временных форм глаголов-сказуемых и вследствие этого нелинейность повествования (будущее неестественно сменяется прошлым). «Хаос мира, в котором пребывает лирический герой, не поддается уже никакому логическому постижению. Алогичен уже не сам герой, алогично все существующее. Логика теряет отрицательную коннотацию, алогичность – положительную» [Новицкая, 2013, с. 177]. Такой резкий и на первый взгляд нелогичный слом временного плана повествования служит для создания структуры текста и его смысла: планы лирического героя, в которых он полностью уверен, разрушаются некой неупомянутой внешней силой (что проявляется посредством семантики неопределенно-личных предложений, о чем мы говорили выше), причем, за счет глаголов, употребленных в форме прошедшего времени совершенного вида, мы видим, что будущее обрушилось еще до начала повествования.

Резюмируя все вышесказанное, мы можем сделать вывод о том, что «После нас» – текст о разрушенной жизни, слабости и ничтожности человека перед лицом судьбы и неких сил, определяющих его будущее без его участия. Текст условно делится на две части: проспекцию, в которой главным действующим лицом является лирический герой, размышляющий о том, что ждет его в будущем, и ретроспекцию – зону действия неназванных сил, которые «поймали на волшебный крючок» «нас». Выделенные нами части укладываются в выделение куплетов и припевов песни. Реализация

образа будущего лирического героя осуществляется за счет использования глаголов-сказуемых в форме будущего времени, а событий, произошедших в реальности – глаголов-сказуемых в форме прошедшего времени совершенного вида, противительного союза «но», который отрицает возможность осуществления действий из первой части и сочинительного союза «и», который указывает на реальное положение дел, а также многоточия, которое указывает на продолжение существования мира, но уже без лирического героя.

Если еще раз обратиться к истории написания альбома «Реанимация» и восприятию его замысла самим автором, то можно сказать, что «После нас» – это не только законченная история о распаде привычного мира лирического героя, но и логичное завершение для всей диалогии «Долгая счастливая жизнь – Реанимация», некое последнее состояние из 28 и вместе с тем завершение жизненного цикла.

Таким образом, на примере анализа синтаксического устройства текста «После нас», мы видим, как синтаксис участвует в смыслообразовании, а также выражении некоторых ценностных установок Е. Летова: отношения к смерти и судьбе и представлений о мире «после нас».

Литература

1. Бабайцева В. В. Система односоставных предложений в современном русском языке / В. В. Бабайцева. М.: Дрофа, 2004. 512 с.
2. Гоголина Т. В. Креативный потенциал поэтического текста: пунктуация и смысл // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2012. №3. С. 139–146.
3. Летов Е. Стихи / Е. Летов. М.: ООО «Выргород», 2011. 548 с.
4. Милованова М. С. Семантика противительности: опыт структурно-семантического анализа. М.: Флинта, 2016. 348 с.
5. Новицкая А. С. Основные этапы творчества Егора Летова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Екатеринбург. 2013. Вып. 14. С. 172–180.
6. Реанимация [Электронный ресурс] URL: <https://www.gr-oborona.ru/pub/discography/reanimacija.html> (дата обращения: 09.07.2024).
7. Сигал К. Я. Аксиология и синтаксис // Вестник ННГУ. 2019. №4. С. 236–240.
8. Трудно быть богом. Не умеешь – не берись. Интервью 2004 года (полная версия) [Электронный ресурс] URL: <https://www.gr-oborona.ru/pub/pub/1101322959.html> (дата обращения: 09.07.2024).
9. Фоминых Б. И. Современный русский язык: синтаксис сложного предложения: Учебное пособие для бакалавриата. Часть II. М., 2013. 124 с.
10. Щербакова-Калинина А. А. Неопределенно-личные предложения в творчестве Егора Летова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. М.: Эдитус, 2024.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумова Ольга Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева (Орел, Россия)

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Апалькова Татьяна Владимировна – аспирант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Арязмова Ольга Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

Богуславская Вера Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Боженкова Наталья Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Борзенкова Анна Юрьевна – студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Бударагина Елена Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (Нижний Новгород, Россия)

Буров Алексей Алексеевич – магистрант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Ван Пейдун – аспирант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия – Китай)

Ван Цяньцян – аспирант Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Россия – Китай)

Ватина Анастасия Евгеньевна – аспирант Государственного университета просвещения (Москва, Россия)

Вертинская Ольга Михайловна – кандидат филологических наук, доцент Института образования и гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград, Россия)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Кубанского государственного технологического университета (Краснодар, Россия)

Вострикова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Гапутина Виолетта Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Гвоздарева Ирина Сергеевна – магистрант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Гершанова Анна Феликсовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и издательского дела Российского нового университета (Москва, Россия)

Гончарова Любовь Марковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Грак Кристина Александровна – аспирант Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка (Минск, Белоруссия)

Грищенко Екатерина Игоревна – магистрант Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия)

Дацко Дарья Александровна – кандидат филологических наук, доцент РАНХиГС (Западный филиал), Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

Долгова Виктория Владимировна – магистрант Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

Долдинова Сауле Аягановна – докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Дубровская Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия)

Езрбаота Нуэрпулати – аспирант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия – Китай)

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Журавлев Сергей Александрович – кандидат филологических наук, декан историко-филологического факультета, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики Марийского государственного университета (Йошкар-Ола, Россия)

Зарецкая Светлана Александровна – кандидат филологических наук, преподаватель факультета русского языка Тамканского университета (Тайбэй, Тайвань)

Ионова Светлана Валентиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Катышев Павел Алексеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Кириллова Елена Андреевна – магистрант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Китанина Элла Анатольевна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Киуру Константин Валерьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории медиа Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия)

Коновалова Анна Максимовна – магистрант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Конотопова Анастасия Леонидовна – студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Коренева Юлия Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения (Москва, Россия)

Красоцкая Милана Денисовна – преподаватель кафедры теории и практики иностранных языков Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы (Москва, Россия)

Кузнецов Игорь Александрович – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева (Москва, Россия)

Кумба Битумбу Стевин Татьяна – студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия – Конго)

Ле Ван Ань – преподаватель кафедры русского языка как иностранного Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Линьков Сергей Владимирович – магистрант Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия)

Литвиненко Аделина Евгеньевна – студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Мазила Габэ Доминик Селест – студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия – Конго)

Мамонтов Александр Степанович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Маркелова Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Института современных искусств (Москва, Россия)

Марьянчик Виктория Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Милованова Мария Станиславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Молодцова Валерия Александровна – магистрант Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград, Россия)

Морозова Нина Владимировна – студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Мочалова Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации (Москва, Россия)

Насибуллова Гузель Ришатовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия)

Нестерова Татьяна Вячеславовна – кандидат филологических наук, сотрудник Центра языковой политики и международного образования (Москва, Россия)

Огородняя Ольга Витальевна – магистрант Луганского государственного педагогического университета (Луганск, Россия)

Ондонго Окши – студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия – Конго)

Панчехина Мария Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Донецкого государственного университета (Донецк, Россия)

Паршина Ольга Дмитриевна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, литературы и лингвокриминалистики Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия)

Правда Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

Ратникова Альбертина Германовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Редькин Сергей Витальевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин МГТУ – МАСИ (Москва, Россия)

Семенова Юлия Владимировна – аспирант Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы (Москва, Россия)

Саакян Левон Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Северская Ольга Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Сирота Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славистики Бельцкого государственного университета им. Алеку Руссо (Бельцы, Молдавия)

Скнарев Дмитрий Сергеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы (Москва, Россия)

Соловьева Юлия Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Ступина Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного Нижегородского лингвистического государственного университета им. Н. А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия)

Су Тэнфэй – магистрант Томского государственного университета (Томск, Россия – Китай)

Су Хэцин – аспирант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия – Китай)

Тан Бэйбэй – аспирант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия – Китай)

Тань Цзе – аспирант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия – Китай)

Тельнов Роман Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Теркулов Вячеслав Исаевич – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (Донецк, Россия)

Уржа Анастасия Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Федорова Елена Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Фу Хуэйюй – аспирант Южно-Уральского государственного университета (Екатеринбург, Россия – Китай)

Хомук Николай Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (Томск, Россия)

Хэ Июань – аспирант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия – Китай)

Цао Ли – аспирант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия – Китай)

Циммерлинг Антон Владимирович – доктор филологических наук, главный научный сотрудник лаборатории филологических исследований Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина; ведущий научный сотрудник отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Цзян Юе – аспирант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия – Китай)

Чернышева Мария Петровна – студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Чжан Тунюэ – аспирант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия – Китай)

Чжао Сюэмэй – аспирант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия – Китай)

Чэнь Сюцин – аспирант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия – Китай)

Швецова Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Воронежского государственного университета (Москва, Россия)

Шербакова-Калинина Анна Андреевна – студент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Юрченко Наталья Ивановна – преподаватель, научный сотрудник МИТУ – МАСИ (Москва, Россия)

Ян Кэ – магистрант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия – Китай)

Научное издание

АКСИОЛОГИЯ И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

**Материалы III Международной научной конференции
«Современная российская аксиосфера:
семантика и прагматика идентичности»
14–15 ноября 2024 года**

Электронное издание

Техническое редактирование Н. М. Разумова
Компьютерная верстка С. В. Дмитриук

Редакционно-издательский отдел Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6
Тел.: +7 495 330 88 01. Факс.: +7 495 330 85 65.
Эл. адрес: inbox@pushkin.institute
Сайт: www.pushkin.institute

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А.С. ПУШКИНА

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКСИОЛОГИЯ И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Материалы
III Международной научной конференции
«Современная российская аксиосфера:
семантика и прагматика идентичности»

14–15 ноября 2024 года